Кирилл Еськов
Михаил Харитонов

ROSSIJA
(reload game)

ОТ АВТОРОВ «АМЕРИКА (RELOAD GAME)»
И «ПОХОЖДЕНИЙ БУРАТИНЫ»

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Историческое повествование в жанре контрреализма в пяти частях, сорока главах и одиннадцати документах (негарантированной подлинности), с Прологом (он же Опенинг) и Эпилогом (он же Эндинг).

- Еськов Кирилл, Харитонов Михаил
  - Техническое предуведомление
  - ROSSIJA
  - ПРОЛОГ (ОПЕНИНГ, OP)
  - ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
    -
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
    - Глава 8
    - Глава 9
    - Глава 10
    - Глава 11
    - Глава 12
  - ЧАСТЬ ВТОРАЯ
    -
    - Глава 13
    - Глава 14
    - Глава 15
    - Глава 16
    - Глава 17
    - Глава 18
    - Глава 19
  - ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
    -
    - Глава 20
    - Глава 21
    - Глава 22
    - Глава 23
    - Глава 24
    - Глава 25
  - ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

        - ■
        - ■ Глава 26
        - ■ Глава 27
        - ■ Глава 28
        - ■ Глава 29
        - ■ Глава 30
        - ■ Глава 31
        - ■ Глава 32
        - ■ Глава 33
        - ■ Глава 34
        - ■ Глава 35
        - ■ Глава 36
    - ○ ЧАСТЬ ПЯТАЯ
        - ■
        - ■ Глава 37
        - ■ Глава 38
        - ■ Глава 39
        - ■ Глава 40
    - ○ ЭПИЛОГ (ЭНДИНГ, ED)
- notes
    - ○ 1
    - ○ 2
    - ○ 3
    - ○ 4
    - ○ 5
    - ○ 6
    - ○ 7
    - ○ 8
    - ○ 9
    - ○ 10
    - ○ 11
    - ○ 12
    - ○ 13
    - ○ 14
    - ○ 15
    - ○ 16
    - ○ 17
    - ○ 18
    - ○ 19
    - ○ 20
    - ○ 21
    - ○ 22
    - ○ 23
    - ○ 24

- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29

Еськов Кирилл, Харитонов Михаил Rossija (reload game)

Техническое предуведомление

Дорогой читатель!

Автору данного текста регулярно приходилось отвечать на послания такого приблизительно содержания: «Глубокоуважаемый Кирилл Юрьевич! Мы всем семейством который уж год как читаем забесплатно в сети ваши книжки (за невозможностью купить их в бумажном виде) и испытываем оттого некоторый душевный дискомфорт. Заведите уже себе, Христа ради, какую-нить платежную штуковину, куда бы мы могли заплатить вам электронную денюжку за полученные нами положительные эмоции; а то это как-то неправильно получается!»

Я все прежние годы хихикал и отнекивался, а тут вдруг подумал: а какого, собственно, черта? зачем препятствовать людям в преодолении ихнего душевного дискомфорта?

Короче: ежели кто из слушателей пожелает вдруг кинуть монетку в шляпу уличного музыканта — шляпа эта располагается вот тута:

«Альфа-Банк»: KIRILL ESKOV 5559 4933 6817 9082

PayPal: aeskova@gmail.com

Да, и в этот, конкретно, раз я не один. Это — вдова моего соавтора Константина Крылова (http://samlib.ru/h/haritonow_m_jMих. Харитонова), пожалуйста, не забывайте и ее карточку:

Шалимова Надежда Валерьевна

«Сбербанк» 4081 7810 4380 4021 7964

(Пожалуйста, не забывайте писать в «назначение платежа»: «Дарение».)

ROSSIJA
(reload game)
Кирилл Еськов и Михаил Харитонов

Историческое повествование в жанре контрреализма

в пяти частях, сорока главах и одиннадцати документах

(негарантированной подлинности),

с Прологом (он же Опенинг) и Эпилогом (он же Эндинг),

а также «учетными карточками» стран и героев,

долженствующими пробить читателя на ностальгию

по культовой игре «Empire: Total War» достославной компании Sega,

каковая компания уклонилась от оплаты сего продакт-плейсмента,

но зато и не рискует теперь стать соответчиком авторов

по искам к ним за срывание всех и всяческих масок

и оскорбление всех и всяческих чувств

Цель моя была передать только колорит той эпохи [цикл баллад о домонгольской Руси — *авт.*], а, главное, заявить нашу общность в то время с остальной Европой, назло московским русопетам, избравшим самый подлый из наших периодов, период московский, представителем русского духа и русского элемента: *«И вот, наглотавшись татарщины всласть, вы Русью ее*

назовете!» Вот что меня возмущает, и вот против чего я ратую.

А. К. Толстой

письмо М. М. Стасюлевичу от 10.03.1869

Карамзина иногда считают основателем концепции «двух Иванов» — мудрого государственного мужа в первой половине своего царствования и тирана — во второй. Пожалуй, для широкой публики именно Карамзин сделал эту концепцию привычной. Однако родилась она задолго до XIX века. У ее истоков стоял еще князь Курбский. <…> Такая позиция Курбского понятна: как бы иначе он мог объяснить своим читателям, почему он столько лет верой и правдой служил такому извергу и тирану? Представление о внезапном изменении характера царя Ивана характерно и для исторических сочинений, появившихся в начале XVII века, в первые годы правления династии Романовых.

В. Б. Кобрин

«Иван Грозный»

…Такую, знаете, альтернативную историю, которую потом можно было бы постепенно положить на место настоящей в целях борьбы с ее искажением.

Виктор Пелевин

«Т»

ПРОЛОГ (ОПЕНИНГ, ОР)

Звон медный несется, гудит над Москвой;
Царь в смирной одежде трезвонит;
Зовет ли обратно он прежний покой
Иль совесть навеки хоронит?
Но часто и мерно он в колокол бьет,
И звону внимает московский народ,
И молится, полный боязни,
Чтоб день миновался без казни.

В ответ властелину гудят терема,
Звонит с ним и Вяземский лютый,
Звонит всей опрични кромешная тьма,
И Васька Грязной, и Малюта,
И тут же, гордяся своею красой,
С девичьей улыбкой, с змеиной душой,
Любимец звонит Иоаннов,
Отверженный богом Басманов.

А. К. Толстой

«Василий Шибанов»

You have to make the good out of the bad because that is all you have got to make it out of.

Ты должен сделать добро из зла, потому что его больше не из чего сделать.

Роберт Пенн Уоррен

«Вся королевская рать»

От сотворения мира лето 7061, ноября месяца, день шестой;
По исчислению папы Франциска 16 ноября 1552-го.
Ливония, Рига. Резиденция ландмейстера Тевтонского ордена.
Около полуночи.

Царь умирал. Да, собственно, почитай и умер уже — ибо обряд соборования над ним свершили. Ранение, полученное царем-главкомом две недели назад при штурме Риги, победно увенчавшем блицкриг Ливонского похода, поначалу казалось не слишком серьезным — а вишь как оно обернулось… Рана

загнила; премудрые немецкие лекари называли это красивым латинским словом «сепсис». Эх, мать честна — руку-то надо было сразу отнимать, вместо чтоб в латыни упражняться да примочки ставить! Истинно, истинно говорено: «Врачи-вредители»…

Итоги царствования своего Иоанн для себя уже подвел, и были они неутешительны: так ничего толком и не успел. Реформы только-только оперились и на крыло встали — а теперь, без него, пересобачатся они там, в Москве, всей своей Избранной Радой, ну и опять увязнет всё в боярском болоте. Да и Ливонию с Морем-Балтикой, что он им преподнес на блюде, всё равно ведь, небось, не удержат по той сваре…

А ведь как хорошо всё шло! И всего и делов-то там оставалось — дать не торопясь еще пару пушечных залпов по бойницам Северного бастиона, стрелков до конца уж повыбить, прежде чем лезть в пролом. Поспешишь — людей насмешишь, ага; вот и посмеемся теперь всей державою…

А ведь были *знаки* в то утро — да какие! И ворон на навершье шатра царского сел — согнать не могли. И кубок веницейского стекла сам собою в руке треснул. Нет же, всё презрел! А вот если бы… — эх, да к чему теперь все эти «если бы да кабы». Правильно Сильвестр поучал: «Высшие Силы челобитных с оправданиями не принимают». Но, может, хотя бы выслушают? Ох, только бы мытарства пройти и предстать перед Самим — а там уж он как-нибудь объяснится! Царь Небесный ведь тоже царь, должен *войти в положение*…

По потолку царской опочивальни меж тем *медленно поспешал* оставшийся от прежних хозяев ливонский клоп.

Как это свойственно паразитам, клоп отличался широтой взглядов и свободой от предрассудков. Архитектурная дисгармония, возникшая от поспешной переделки бывшей рыцарской трапезной в опочивальню, его нисколько не занимала. Сырость, духота и чад от факелов в заржавелых стенных скобах оставляли его равнодушным. Еще менее его интересовали национальность, вероисповедание, классовая принадлежность и сексуальная ориентация намеченной жертвы, на лицо которой он нацелился уже спикировать с теряющегося в сумраке потолка. Ну, царь — и чо? Будь у клопа чуток побольше нейронов в надглоточном ганглии, он, возможно, сумел бы даже дорефлексироваться до осознания себя «эгалитаристом». Тех же нейронов, что наличествовали, вполне хватало, чтоб понять: надо поторапливаться, пока клиент не окочурился и кровушка не застыла.

— Иван Васильевич, вы как там, в целом? Готовы к *разговору*?

Царь вздрогнул и медленно открыл глаза, приподнявшись на

перинах огромной *трофейной* кровати (никуда кроме трапезной та не влезала).

Картина, представшая перед ним, была поистине удивительной. Нет, зала осталась той же самой: низкий сводчатый потолок, крохотные тёмные оконца-бойницы. Камень и морёный дуб — очень *рыцарственно*, ландмейстер Ордена явно презирал пошлую роскошь. Однако сейчас всё это угрюмое пространство озарял синеватый призрачный свет, исходящий неведомо откуда.

Соратники, собравшиеся в сей полуночный час у скорбного ложа Государя, как видно, дружно отпрянули, застыв безмолвным частоколом серых теней за границей светового круга. Отсюда было различимо лишь *лицо, окаймленное действительно огненной бородой, лицо Малюты Скуратова*, да блеск облачения соборовавшего его перед тем архимандрита Филиппа (а этот-то откуда здесь взялся?). А в самом центре, в освободившемся пространстве, возникло низкое кресло, в котором расположился коротко стриженный худощавый брюнет в одеждах невиданного покроя. Который и задал вопрос.

Государь собрался с мыслями, и это далось ему на удивление легко. Чувствовал он себя превосходно — из чего следовало, что он уже умер; безбольно, даже сам того не заметив.

Первым делом — проверить свою память. Так… Согласно православному учению, сейчас должны начаться воздушные мытарства. Бесы будут обличать его во грехах, а два ангела — защищать. При этом грехи, в которых он исповедовался, — не испытуются! А вот грехи забытые, нераскаянные, а также всяческий *зашквар по незнанке* ему сейчас как раз и *предъявят*… Кстати, а где ангелы-то?

— К *разговору* не готов, требую присутствия ангела-хранителя, — твердо сказал Иоанн.

Брюнет оглядел царя с интересом.

— Ангела требуете? А я, по-вашему, кто?

— Бес, вестимо, — ляпнул царь и тут же подумал, что зря он это сказал. Лучше б он назвал незнакомца «демоном», это как-то уважительнее. Глупо настраивать нечистого против себя — тем более беспричинно. Так-то он на службе, а вот если в дело вмешается *личное*…

Чужой, однако, только усмехнулся.

— Ну чего ж вот так, сразу, бес-то? По вашим здешним понятиям я как раз скорее серафим… или даже выше бери — архангел!

Стоп! Архангел — выше серафима? Хотя, помнится, в гностических иерархиях…

И вот что странно: *чужой* говорил вроде как и по-русски, но явно не по-нашему. Иоанн, однако, понимал его превосходно, да и сам, оказывается, изъяснялся на том *чужом* языке без малейшего напряжения. «Архангел» мгновенно наделил его талантами толмача? Гм…

— Да вот, не желаете ль удостовериться собственными глазами? — с этими словами *чужой* легко поднялся из своего кресла и шагнул к молчаливой шеренге царёвых соратников. И лишь тут Иоанн сообразил, приглядевшись: а ведь, похоже, всё еще *чудесатее*, чем мнилось ему по первости. Свита не просто застыла в полной неподвижности, с выражением испуганного изумления на лицах: нет, все они реально окаменели, обратясь в подобия латинянских мраморных статуй. Мало того: архимандритов служка выронил в испуге чашу с фряжским вином, употребленную перед тем для последнего причастия — и чаша та недвижимо зависла в воздухе, потянув за собой недвижимую же гроздь пролившихся рубиновых капель… А из глубин Иоаннова сознания всплыло меж тем неведомо откуда взявшееся слово «стоп-кадр».

Чужой тем временем деловито подошел к архимандриту («статуе архимандрита»?..), осторожно извлек из рук его сосуд и вновь обратился к своему царственному собеседнику:

— Вот, глядите: святая вода… сертифицированная, можно сказать, — и с этими словами вылил на себя толику оной, осенившись при том крестным знамением. — Как видите, чудеса я творю, — какие вам тут и не снились, а крест животворящий и святая вода не вредят мне между тем нисколечко. Равно как и серебро, — тут он пару-тройку секунд подержал на ладони серебряный наперсный крест архимандрита. — Ну как, убедительно?

— Да уж, — пришлось согласиться Иоанну, — убедительно, что тут скажешь… Так на каком я свете — на том или на этом?

— На этом, — успокоил гость, — но, если так можно выразиться, *условно* на этом… Клиническая смерть уже зафиксирована, и в небытие вы окончательно уйдете через считанные минуты… Или произойдет ваше чудесное исцеление. Это уж — как сговоримся.

Царь напрягся. Может, всё-таки — не ангел? Или — ангел, но *проверяет?*

— «Как сговоримся»? Бессмертной душой не торгую, — Иоанн постарался сказать это так, чтобы голос не дрогнул. Почти получилось.

— Господь с вами, Иван Васильевич, — поморщился гость, — на кой мне сдалась ваша душа? Прямо скажем, довольно

таксебейных достоинств…

— Тогда что? — не понял царь.

— Видите ли, какое дело… Душевные качества у вас и впрямь не ахти. Но вот ум и воля — это есть. Из вас мог бы со временем выйти весьма толковый глава государства. Не то чтобы на отлично, но где-то на твердую четверку.

Иоанн промолчал. Так-то он был с архангелом вполне согласен, но не был уверен, что тот его не *разводит на гордыньку*.

— А я тут взялся играть за Гардарику на пятом уровне сложности. И персонами ваших достоинств — а ведь АИ генерирует их случайным образом, невоспроизводимо! — разбрасываться не приходится…

— Ничего не понял, — честно признал Иоанн.

— Гардарика — «Страна городов», — чуть свысока пояснил гость. — Так европейцы величали дотатарскую Русь. Уровень сложности высоковат, но ведь и государство там было — одно из самых приличных в Европе для своего времени! «Гаральд в боевое садится седло, он Киев оставил державный», «Ярославна — королева Франции» — *вот это вот всё*…

— Да не о том я! Что это значит — «Играю за Гардарику»?

— *Это с какой стороны посмотреть*. Для вашего понимания — ну, стараюсь всячески, чтоб *эта страна* развивалась и процветала. Чтоб жила в мире, а если уж случится воевать — чтоб воевали *не числом, а уменьем*, желательно — *малой кровью и на чужой территории*. Чтоб народишко был сыт и здоров, а по возможности еще и грамотен. Чтоб купцы богатели, творцы — творили, а Власть занималась не только казнокрадством и интриганским самопожиранием…

— А как же про спасение души и всё в этом роде? — вкрадчиво осведомился царь.

— Не, вот это уж вы как-нибудь — сами! В эти вопросы я не вмешиваюсь. Или вам тут что — дарованная Господом свобода воли надоела?

— Погодь… Так ты, выходит, вроде как наш русский ангел-хранитель? — догадался вдруг Иоанн.

— Ну, можно, наверно, выразиться и так… — с некоторым сомнением в голосе согласился тот.

— Что-то хреновато у тебя выходит, — царь почувствовал себя увереннее: речь зашла о знакомых ему предметах.

— Не тыкай, — огрызнулся архангел. — Забыл, с кем разговариваешь?

— А что не так? — не понял царь. — Скажи тогда, как величать.

— Тьфу ты, запамятовал! Вы же тут еще до Табели о рангах

не доросли, вежливого «вы» не заимствовали… Ладно, будь по-твоему: говори как привык. А насчет хреновато, так ведь сложность-то — пятый уровень!

Чуткое ухо царя уловило тут в голосе *чужого* какую-то странную нотку — не то оправдывающуюся, не то горделивую.

— Ну а на этом уровне, — продолжал тот, — АИ читерствует безбожно! То непобеждаемых монголо-татар на вас нашлет. То — едва-едва от той Орды оклемались — подкинет эту византийскую духовную заразу, через Соньку Палеолог… «Третий Рим», ага — когда и первые-то два девать некуда!

Что такое «читерствует», Иоанн почему-то понял — по общему смыслу. Сложнее было с «АИ». При попытке помыслить об этом в голове возникал образ чего-то бесконечно мудрого, величественного и непостижимого. Ясно, что сие — образ Божий, как его понимает гость; неясно было лишь само именование. Впрочем, уроки Сильвестра даром не прошли: царь быстро сообразил, что архангел поминает первые буквы святых имен Адоная и Иисуса, сиречь Бога-Отца и Бога-Сына, которые суть одно. Тем не менее он решил уточнить:

— «АИ» есть Господь наш?

— Ваш — да, — кивнул архангел. — Что ж касаемо меня… всё сложно. В общем, там хитрый баланс между божественным провидением, свободой воли и стохастикой… как и в вашем богословии, впрочем.

— Так значит ты, — Иван перевел взгляд с гостя на по-прежнему зависшую в «стоп-кадре» чашу, — меняешь ход событий… Но тогда ведь, кроме нашей России, должны быть и другие?

— Угадал! — расплылся в довольной улыбке архангел. — Да, именно так оно и есть.

— И как оно там, в других Россиях? — аж подался вперед царь.

— Да еще хреновее чем здесь, — нехотя признал гость. — Тут мне хоть Ливонский поход удалось организовать вовремя, хотя наперснички твои из Избранной Рады и саботировали это дело как могли. И всё могло бы пойти очень неплохо — не приспичь тебе блажь самолично лезть на линию огня.

— А чего ж не удержал? — укоризненно спросил Иоанн.

— Так у тебя же свобода воли, — еще более укоризненно разъяснил архангел. — Я уж тебе и чёрна-ворона подсылал, и кубок стеклянный прямо в руках разгрохал…

— Сие — суть явления природные, — нахмурился царь, вспомнив уроки Сильвестра, — и страшатся их лишь суеверы и идолопоклонники. *Только смерд верует в знаменья*!

— Да вы мыслитель! — восхитился архангел, переходя почему-то на «вы». — Как ваша фамилия, мыслитель? Спиноза? Жан-Жак Руссо? Марк Аврелий?

Сравнение с высокоученым древним цезарем Иоанну с одной стороны польстило, а с другой — покоробило.

— Марк Аврелиус язычником был, — сказал он на всякий случай, — я же просвещен и наставлен словом Христовым.

— Не Христовым, положим, а Сильвестровым, — уточнил архангел таким тоном, что у царя возникла уверенность: его собеседник держит за пазухой какой-то камень, и весьма увесистый. — Но тут-то ладно, пусть его… А вот в других Россиях тот Сильвестр с Адашевым и всей их *избранной компашкой* продавили-таки в этом же 1552 вместо Ливонского похода — Казанский…

— И как у них там? Успешно? — с жадным любопытством вопросил царь.

— В каком смысле — «успешно»? — раздраженно отозвался гость из будущего. — Ну да, Казань-то с Астраханью завоевали. Нахрен никому не нужные… В том смысле ненужные, что деваться тем ханствам, *с той подводной лодки*, было некуда, и окончательно присоединить их можно было бы в любой стратегически удобный момент — хоть сейчас, хоть через пять лет, хоть через десять. Благо ни малейшей военной угрозы для России они уже не представляли, а экономически были полностью в нее интегрированы — а куда еще?.. Только вот не мешало бы держать при этом в голове, что те мусульманские анклавы формально остаются вассалами Турции. Сулейману Великолепному эти щербатые обломки почившей в бозе Золотой Орды, затерянные где-то там в безлюдных глубинах Евразии, по серьезному счету тоже даром не нужны — но оставить такой *наезд* без последствий он не смог бы при всем желании: *пацаны не поймут*. А Турция — это не далекий Царьград-Истанбул. Это, прежде всего, неприятно-близкое Крымское ханство, и без того-то сидящее у Руси во всех печенках. *Смекаешь?*

Иоанн лишь кулак сжал, будто отыскав рукоять сабли. Крымчаков он, как любой русский государь, ненавидел — унизительной бессильной ненавистью. Счет к их разбойно-работорговому государству был огромным, копился столетиями, а представить его к оплате шансов не просматривалось никаких. При везении — удавалось отбиться без больших потерь.

— Так вот, потянувшись, по жадности, за теми фигурами, надежно скованными в дальнем углу доски, вы там потеряли темп и упустили из рук верный мат. Сиречь — безнадежно проспали тот краткий миг, когда Орден вкупе со всей Ливонской

конфедерацией пребывали в жесточайшем внутреннем раздрае, и Ливонию, с ее балтийскими портами, можно было брать голыми руками… Что, собственно, в этой реальности ты только что и проделал с блеском.

Царь кивнул: в шахматы он играл хорошо, и несколько изменившиеся за века термины ничуть не помешали ему понять аналогию и согласиться с ней.

— А вот в той, иной реальности, — продолжил архангел, — тамошняя Россия умудрилась сколотить против себя в Ливонии совершенно противоестественную коалицию из православной Литвы, католической Польши и протестантской Швеции. Ну и получила затяжную войну на два фронта: с Коалицией и Крымским ханством. Войну, не выигрываемую при ваших ресурсах и вашей логистике никакими силами — тут даже и вничью-то не сведешь. Кончилось всё тем, что Девлет-Гирей *лихим кавалерийским наскоком* спалил Москву дотла, а Ливонскую войну вы там проиграли с таким треском, что лишились даже того выхода к морю, что имелся испокон веку. Крохотного и неудобного, но хоть какого-то.

Царь еле слышно выругался, черными словами. Что при таких новостях извинительно.

— Кстати сказать, — тут губы гостя скривились в какой-то очень нехорошей усмешке, — в отдаленном будущем в той, другой, России заведется категория остолопов, именующих себя «государственниками». Так вот, результаты твоего правления… ну, в смысле, правления *тамошнего* Иоанна Васильевича… они будут оценивать так: «Да, учинил Большой Террор, да, разорил второй по значению город страны, Новгород, как ни один супостат русских городов не разорял — но ведь цель оправдала средства: как зато раздвинул границы Державы!» Скромненько эдак умалчивая про тот потерянный выход к Балтике… Чтоб отвоевать который обратно — а без выхода к морю стране не жить, это и дураку ясно — одному из твоих преемников придется учинить *догоняющую модернизацию,* вкупе с *шоковой вестернизацией.*

Царь вздрогнул: от самих этих слов веяло какой-то лязгающей жутью.

— И чем кончилось? — осторожно поинтересовался он. — Ну, с *зациями* этими?

— Убылью четверти податного населения, — любезно дал справку архангел. — Что, впрочем, тех «государственников» ничуть не напрягает: «Пустяки — бабы новых нарожают!»

— Господи… — Иоанн судорожно перекрестился. — А Новгород-то я — в смысле, *тамошний я* — зачем?..

— Вот и историки по сию пору головы ломают — зачем? Сходятся на том, что «мания преследования сбрендившего тирана-садиста». Отличное объясненьице для действий главы крупного государства…

— Да уж… — по тону Иоанна ясно было, что информацию эту он воспринял в высшей степени всерьез. — А Адашев с присными и вправду всячески отговаривали меня от Ливонского похода. Но почему? *Вредительствуют помаленьку?*

— Да нет, при чем тут «вредительство», — отмахнулся гость. — Выход к морю — он кому нужен? Правильно: мужикам торговым и промышленникам. А Избранная Рада — они кто? Вятшие мужи. Или, как будут потом в учебниках писать — «представители и выразители интересов крупной земельной аристократии». И им на тот «выход к морю» — плевать с колокольни Ивана Великого, а нужны им, вместо того, новые земли: под вотчины и поместья. А сие означает экспансию на Восток и Юг. А коли уж мы двинулись на Восток — о Ливонии надо забыть, поскольку войну на два фронта страна не потянет никак. И цепь поражений в шестидесятые годы, кончившаяся катастрофой семидесятых, была абсолютно предсказуема еще в тамошнем 52-м. Так что рассуждали и действовали-то они совершенно логично. Ну то есть в рамках своих сословных интересов — логично.

— В общем, Ваше Величество, — подытожил вдруг *чужой,* — совсем я уж было решил стереть всю эту вашу игру нафиг, со всеми ее развилками: что-то ни хрена у меня тут не выходит на заданном уровне сложности… Дай, думаю, сыграю лучше за османов — очень любопытная за них стратегия рисуется, или вот — за итальянские торговые республики…

— Постой, — опешил Иоанн. — Как это так — «стереть»?

— Как-как! Обыкновенно: клавишей Delete. Говорю же: всё равно ни черта путного тут не выходит, ни в одной из развилок, так что — «*Господь, жги!*»

Странно, но у Ивана даже сомнения не возникло: *этот* — и вправду *сотрет.* Запросто. Этой своей «клавишей Delete», и пламенеющего меча не понадобится. Архангелы — они такие…

— Ну я-то ладно, — осторожно заметил он. — Человек смертен — раньше, позже… Но страну-то с народом — неужто совсем не жаль? У них же какая-никакая история впереди просматривается, разве нет? Может, и не лучшая, согласен, но всё таки…

— Ну дык я ж, мил-человек, — развел руками *чужой,* — играть-то брался — за Гардарику! А вовсе не за этот ваш… ордынский обком в Москве. Это уж, извините — без меня.

СлОва «обком» Иоанн в своем тезаурусе не обнаружил, но смысл был и так ясен — по контексту… Стоп-стоп-стоп!

— Ты, кажется, сказал: «Совсем уж было решил стереть»? Но?…

— Точно! — вытянутый палец архангела почти уперся в грудь царя. — Собрался. Но, оглядывая напоследок старые записи развилок, вспомнил я про этот вот отнорочек сюжета… *отвремление*, как иногда говорят… в коем мы сейчас и пребываем. С успешным вроде бы Ливонским блицкригом. Я тогда доигрывать эту ветку не стал, сочтя возникший вскоре после расклад безнадежным. А тут подумалось: ну а вдруг? Самая-самая, последняя-распоследняя попытка!

— А что ж тут безнадежного, позволь узнать? Вроде бы в этот раз всё идет по плану, разве нет? Ну, помру я сейчас, — царь сказал это спокойно, без нервов, — так править станут ближники мои через младенца Димитрия.

— Ах, если бы, Ваше Величество, — вздохнул гость из будущего. — Я же говорю: АИ на этом уровне сложности читерствует не по-детски… Гибель под стенами Риги молодого-прогрессивного царя-реформатора — это только первое звено в цепочке наших неприятностей! Пока вы тут, в Ливонии, умирали от гангрены — там, в Москве, случился дворцовый переворот.

Чтобы переварить новость, государю потребовалось секунды полторы. Чтобы прикинуть самые очевидные последствия — примерно столько же.

— Вот как… — выговорил он бесцветным голосом. — И кто на престоле?

— Братец ваш двоюродный, князь Владимир Старицкий.

— Этот? — царь презрительно скривил губы. — И как ему шапка Мономаха? На ушах не виснет?

— Ну, не без того, — хмыкнул гость.

— Никак не ожидал я от братца такой прыти, — покачал головой Иоанн.

— Так он тут, можно считать, и ни при чем: всё проделала за него мамаша. А потом взяла отпрыска за ручку и отвела в Кремль — дескать, *«Ступайте царствовать!»*

— Мамаша? Ефросинья? — впервые за весь разговор голос царя дрогнул. Ефросинью он знал очень хорошо: кремень-баба, сочетание стенобойного тарана и подколодной гадюки…. — То есть, значит… царица с наследником?..

Архангел помолчал, потом тяжело кивнул:

— Да.

— Оба? — безнадежно уточнил Иоанн.

— Оба.

— Можно было хотя бы Анастасию в монастырь отправить, — тем же лишенным чувств голосом промолвил царь. — Лишний грех на душу не брать.

— Нет, — покачал головой архангел. — Ефросинья предпочитает *забивать по шляпку*.

Подумал немного и сообщил:

— Почему-то выходит так, что сын твой гибнет во всех *отвремленьях*. Обычно в пятьдесят четвертом году. В одном — ты отбыл на богомолье, а он простыл и умер. В другом — утонул в реке Шексне: несли его бояре со струга, а сходни возьми да и рухни, причем точно без никакого умысла. Есть ещё *варианты*. Интересно?

— Нет, — отрезал царь. — А что Анастасия?

— В самом лучшем варианте дожила до шестидесятого. Умерла от яда.

— Тоже — Ефросинья? — как бы между прочим поинтересовался Иоанн.

— *Не доказано,* — развел руками архангел.

— Хорошая формулировка, — понимающе кивнул царь. — А что же *избраннички*-то мои царскую кровь уберечь не сумели? Или — не стали, за себя убоявшись?

— Увы, Иван Васильевич! Не то что не стали, а всеми силами поддержали Старицких. О смерти вашей объявил народу Адашев — другому бы еще не поверили. А выкликал на царство князя Владимира — Сильвестр.

Тут царь впервые дал волю чувствам: скрипнул зубами, прогнав желваки по скулам.

— Мыслю я так, — вымолвил он наконец, взяв себя в руки, — что не может сие славное деяние остаться без награды. Настанет урочный час, и воссядут мои дружочки в Девятом круге промеж Иудой, Каином и Брутом — угольками сотрапезничать…

Архангел оглядел царя с благожелательным интересом.

— Яркий образ, — усмехнулся он. — И неожиданно точный! Ты вспомни — почему Брут предал и убил благодетеля своего, Цезаря? Он это сделал за-ради блага Отечества — ну, как он это благо понимал: освободить Рим от тирана и восстановить республику. *Ничего личного*… Вот и сподвижники твои тоже — о благе государства радеют. Ну сам прикинь. Ты ведь всё равно уже не жилец, так? И кому тут присягать — младенцу Дмитрию или князю Владимиру? Дмитрий — это гарантированные полтора десятка лет бардака при боярском правлении. Россия и так уже этого добра нахлебалась большой ложкой, по самое не могу. А Владимир — какой ни на есть, а царь. Ну умом не блещет, мягко говоря — но хоть не кровожаден. Править за него, конечно, будет

мамочка — но уж лучше договариваться с одной змеей, чем со всей той жадной сворой. А им ведь надо продвигать жизненно необходимые стране реформы — *твою*, между прочим, программу реформ! Так вот, боярская камарилья реформы те угробит гарантированно, а Владимир с Ефросиньей — тут еще как карта ляжет… Ну, и взяли они грех на душу. Чего не сделаешь для блага Державы…

— *Ничего личного*, стало быть, — задумчиво повторил царь. — И как — оправдает цель средства? Выйдет у них с теми реформами?

— Ну, я ведь эту ветку дальше доигрывать не стал, — пожал плечами визитер, — но *сумлеваюся я, однако*… Сдается мне, что у великовозрастного младенца Володеньки вскорости прорежутся зубки. И сожрет он этих своих союзников-реформаторов — хрустя и причмокивая.

— Так же мыслю, — кивнул Иоанн. — А не он сожрет, так Ефросинья. *Умные ей не надобны. Надобны верные.* А предателям какая вера? И, чую, поедет Адашев на Соловки. Хотя… *по шляпку,* говоришь? — значит, не доедет… Ты мне вот еще что открой: неужто и митрополит Макарий тоже с ними? И благословил убийство царицы с младенцем?

— Макарий, как объявлено, «по немощи оставил митрополию, дабы отъити на молчальное житие на место своего пострижения»: в Пафнутиев-Боровский монастырь под Калугою. То ли заточен, то ли вообще мертв. Сильвестр, как лидер нестяжателей, похоже, решил — одно уж к одному, чтоб два разА не вставать — вернуться к своему излюбленному прожекту секуляризации монастырских земель. Он ведь сие продавливал еще на Стоглавом соборе 51 года. А зарубил тогда эту блистательную идею как раз Макарий: доказал Собору, что Церковь на этом деле лишится независимости и обратится в заурядный департамент госаппарата…

— Помню, помню ту прю, — кивнул царь, угрюмо перекрестясь. — Но мнится мне, Сильвестра с его идеями *поправят*.

— Уже. Поскольку митрополит Московский и всея Руси нынче — враг нестяжателей Пимен, архиепископ Новгородский.

— Этот?! — вот теперь Иоанн удивился по-настоящему. — Выходит, не разбираюсь я в людях… Я-то Пимена почитал за мужа боголюбивого и строгой жизни.

— Оно-то и верно, — вздохнул архангел. — Муж он строгой жизни и за церковь радеет. Только Ефросинья ведь тоже не дура. Подобрала она к нему ключик. Собеседовала с ним. Грешна, ой грешна я, говорит, Владыка! И во искупление тех грехов хочу

возвести я на Руси монастыри великие, храмы новые восставить, а старые в должный вид привести. Доверить же сии дела могу лишь только тебе, бо ты муж великой праведности и святостью прославленный, все грехи мои отмолишь… Да и вообще веру православную на Руси укрепить надобно, с нестяжателями богопротивными вот *вопрос решить*… Дальше ясно?

— Неверно я Ефросинью змее уподобил, — мрачно заметил царь. — Змея тварь Божья, а Ефросинья прямиком из пекла отродилась… Однако ежели так рассудить — *всё правильно сделала.* И с Пименом они, похоже, споются вполне.

— Вот именно. А как доедят, на пАру, Сильвестра и Адашева с присными, наступит у них там, в Московии, давно чаемая всеми благодать: изоляционизм и византийщина, духовные скрепы и «Домострой». Но это, как говорено — уж как-нибудь без меня.

— Да это-то я уже уяснил, — кивнул Иоанн и с деланой небрежностью уточнил:

— Тот факт, что я по-прежнему живу и здравствую, для Москвы никакого значения иметь не будет?

— Разумеется. Москва уже присягнула Старицкому. Смута с двумя претендентами на престол не нужна там никому, так что — *всё-всё-всё, заиграно*! Будь ты сейчас дома — другой разговор, но оспаривать права царя Владимира из Ливонии — это несерьезно. В Москве наверняка прокричат о тебе: *«Царь ненастоящий!»* Настоящего-де Иоанна прикопали по-тихому, а в Риге сидит подменыш-самозванец. Ну или там — «Упырь: помер, но оживлен латинянской черной магией»… Тут у них вариантов для пропаганды — выбирай не хочу.

«Ненастоящий царь» поразмыслил еще, а затем мрачно качнул головою:

— Теперь понимаю, почему ты не стал *эту ветку* доигрывать. Позиция моя на этой доске безнадежная. Фигур у меня нет, играть нечем. Только считать ходы до мата.

Выглядел он спокойным, будто речь и вправду шла о какой-то игре, а не том, жить ли ему дальше или умереть через несколько минут. Архангел это дело оценил, кивнул одобрительно.

— Да, позиция тяжелая, — подтвердил он. — И всё же кое-какие ходы за белых просматриваются. О победе, понятно, тут речи нет, но свою битую ничью вытащить всё же можно. Давай для начала прикинем наши активы и пассивы. Актив номер один — сама свежезавоеванная страна. Компактная приморская территория с отличными портами и богатыми торговыми городами. Есть даже университеты — но это совсем уж на будущее… При этом для местного населения Орден — чужаки, которые всех тут достали по самое не могу. Особенно за

последние годы. Так что отношение к тебе сейчас — настороженное, но не прямо враждебное. И сколь-нибудь организованного сопротивления можно не опасаться… ну, если, конечно, ты сам глупостей не наделаешь. То есть не станешь массово вешать, чрезмерно грабить и насильно обращать в православие.

— Допустим, — кивнул царь.

— Актив номер два: армия, в составе трех корпусов. Не слишком велика, но отлично вооружена и экипирована, опытна и воодушевлена победами. На нынешний момент это даже не элита русских вооруженных сил, а как бы не единственная реально боеспособная их часть. Несколько весьма дельных генералов — большей частью выдвинувшихся как раз в эту кампанию. Лучшая, пожалуй, в этой части Европы артиллерия. Система здешних мощных крепостей — тебе, собственно, и овладеть-то ими посчастливилось чудом.

— Твоя работа? — уточнил царь.

— Нет. Просто боевой дух тамошних гарнизонов оказался ниже плинтуса… Ну и наконец — развитая дорожная сеть, для маневра резервами. Итого — идеальный плацдарм для оборонительной войны.

— Есть такое дело, — согласился Иоанн.

— И, что в нынешней ситуации еще важнее: ты ведь реально популярен в войсках, и это — *твоя* армия. Эти не сдадут, что бы им там ни орали из Москвы про «Царь ненастоящий», и пойдут за тобой в огонь и в воду.

Царь подождал, не сообщит ли архангел чего еще. Не дождался. Хмыкнул скептически:

— Тремя корпусами, даже самыми расчудесными, ни от Москвы, ни от поляков не отобьешься. А отбиваться придется. Поскольку территория нам досталась слишком уж *вкусная,* увы…

— Да, — согласно кивнул архангел, — в затяжной войне против Москвы или Кракова с Вильной тебе не выстоять. А если сразу все накинутся, то и подавно. Но, по счастью, каждый из них твою военную мощь крайне недооценивает. То есть думает, что *вкусная* Ливония у него и так уже, считай, в кармане, а настоящая опасность — это конкурент-завоеватель. Так что для начала они мертвой хваткой вцепятся в горло друг дружке. Это даст вам жизненно важную передышку.

— Это не решение проблемы, — поморщился царь. — Это — отсрочка приговора.

— Верно мыслишь. Решением проблемы может стать только сильный союзник. Которому, как и вам, некуда деваться, совсем. И, как ни странно, такой союзник — есть!

— Где??

— Пожалуйста: Новгород.

— Ка-аак?? — царь буквально вытаращил глаза от изумления.

— Да, Новгород. Со всеми его финансовыми возможностями и торговыми связями с Ганзейскими вольными городами. Что позволит вам, помимо всего прочего, тут же навербовать в Европе кучу высококлассных профессиональных вояк. Благо там сейчас мирная передышка, и цены на этот товар резко упали.

— Да я не о том! На кой ляд я-то новгородцам сдался? Они же спят и видят, как бы от Москвы отложиться! Да если бы не вера православная…

— Вот именно, Иван Васильевич! Вот именно: спят и видят! И Москва это знает. И они знают, что Москва знает. А Москва знает, что они знают, что Москва знает… Такие ситуации добром не кончаются. Кто-то *успеет раньше.* И во всех известных мне вариантах раньше успеет Москва, потому что боится больше. Например, твой двойник из ближайшего *отвремления* просто возьмет да и перережет половину населения города. Ну еще и разграбит дотла. На чем Господин Великий Новгород, считай, прекратит бытие свое… В других вариантах помягче, но *окончательное решение новгородского вопроса* будет обязательно.

— И всё-таки, — перебил Иоанн, — за что я их там?

— Ну, в том варианте — вроде как по подозрению в измене.

— Взять всех начальствующих да и повесить, делов-то, — не понял царь. — Но людишек-то за что?

— Это ты, государь, — вздохнул архангел сочувственно, — *молодой ишо.* Вопрос-то надо ставить иначе: не *«за что»*, а *«почему»*. «За что» — это всё *лирика*, а вот «Почему» — фактор фундаментальный.

— Тогда — почему?

— Потому что Новгород всегда будет стремиться жить сытно и вольно. А в московской системе это невозможно. Москва не умеет складывать и умножать — только отнимать и делить. Не ее в том вина, жизнь другому не учила. Но — вот *так уж оно исторически сложилось*: отнимать и делить… Так что покочевряжится-покочевряжится Новгород, да и уйдет вовсе. Или под Литву, или вовсе под немцев. Рано или поздно. Причем чем позднее, тем вкуснее будет тот кусок. Который не просто уйдет, а достанется врагу. И усилит его. Что делать в такой ситуации?

— *Так не доставайся же ты никому,* — пробормотал Иоанн.

— Вот именно. А теперь представь, что новгородцы об этой своей участи — ЗНАЮТ. Что рано или поздно Москва за ними — ПРИДЁТ. Это я им, считай, лично разъяснил, дело нехитрое… При этом ни под литвинов, ни уж, тем паче, под немцев им тоже не

больно-то хочется. Конкуренты торговые нигде никому особо не нужны — так что там Новгороду дышать вольной грудью тоже не дадут. Но вот сейчас перед ними забрезжил вдруг шанс остаться наособицу. И они готовы — ну, *в принципе*, готовы — признать своим законным Государем тебя в Ливонии, а не Старицкого в Москве. Как говаривал один мудрый британец: «Политика иной раз укладывает в одну постель весьма странных партнеров»…

Царь помолчал, обмысливая перспективу.

— Мнится мне, — сказал он наконец, — что Новгород — невеста переборчивая. Приданое у нее богатое, это да. Вот только — чего она с женишка стрясти-то захочет?

— Сам понимаешь, не три полушки. Становясь под твои знамена, они рискуют страшно. Это ведь уже настоящая, без дураков, госизмена с мятежом. И при твоем поражении Москва сотрет их в порошок, с полным уже на то правом и основанием. Так что плату за риск они потребуют высокую.

— Уж не на деда ли моего завоевания они посягают? — прищурился царь.

— Это уж как минимум, — кивнул архангел. — Отнятые Иваном Третьим права и вольности новгородские. Вече там с *Колоколом*, посадники… Тут, впрочем, *возможны варианты*.

— Нет! — отрезал царь и повторил:

— *Нет, на это я пойтить не могу!* — фраза, явно не его собственная, сама выскочила из каких-то неведомых глубин памяти.

— Что ж, — со вздохом пожал плечами, после секундного молчания, *чужой,* — вольному воля! В таком разе воскрешать вас, Иван Васильевич, я нахожу бессмысленным, и игру всю эту *стираю* прямо сейчас. Подсказанный вам и отвергнутый вами ход — единственно возможный. А доигрывать эту партию «до короля», когда вопрос — как вы сами изволили заметить — лишь в числе ходов до мата, мне скушно.

С этими словами он встал и, не прощаясь, двинулся прочь — но вдруг обернулся у самой границы светового круга:

— Чего тебя вдруг переклинило-то, Иван Василич?

— Да потому что я — царь! — юный Государь восстал во весь свой немалый рост, и даже заляпанная ночная сорочка до пят не придавала той фигуре комичных черт. — Царем жил, царем и умру! А не ночным сторожем у новгородских купчишек, при ихних амбарах с *вольностями*…

— Ну да, царь, — с внезапной покладистостью подтвердил архангел. — Сильный, державный. Так и царствуй! На славу нам. А также на страх врагам.

— Так вольности же… — недоуменно потряс головою царь.

— И что — вольности? Подумаешь, вольности. Ты их так раздай, чтобы никакое важное дело без тебя не решалось. Ну то есть чтобы вольности у всех были, а когда вольность на вольность наступает — чтобы к тебе шли. Разделяй, значит, и властвуй… Ежели подробности нужны — найди ученого человека, чтобы тот про римский принципат рассказал. Прин-ци-пат. Да хоть книжки античные почитай, у тебя же отличная библиотека!

— Либерея-то в Москве осталась, — буркнул царь, присаживаясь на кровать.

— А и вправду… Да и людей ученых вокруг не очень-то… Ладно, обойдемся своими силами. *По вектору* информацию передавать не возбраняется… Минуточку… — архангел вытянул руки перед собой, и пальцы его запорхали по клавишам какого-то невидимого клавесина. — Так, что там у нас? Romani antiqui… Imperium… Так, Load info…

Произнесенное архангелом заклинание возымело действие. Перед очами Государя замелькали картинки: море немыслимой синевы… деревья с мелкими, будто вырезанными из жести листьями… беломраморные колонны и мраморные же скамьи амфитеатром… Толстяк в белой тоге кричал: «*Quo usque tandem abutere, Catilina, patientia nostra?*» — и царь понимал его. Он видел человека в пурпуре, угодившего в ощетинившееся кинжалами кольцо убийц, и слышал его задыхающийся шёпот: «*Et tu, Brute?*» И другого, в чьих холодных глазах и будто прорезанной по граниту складке у губ читалась безграничная, всесокрушающая Воля к Власти: он стоял перед Сенатом и говорил, что готов отказаться от всех полномочий в пользу Народа. Этот человек расчетливо лгал, и почти все слушатели это отлично понимали — но всё-таки, вопреки всему, они завороженно следовали за ним, ибо он был из тех, кто *знает, как надо.* Цезарь Август.

Одновременно с этим в голову царя лезли другие картинки: прямоугольники, кружки, стрелки. Они были понятны ему: он и сам рисовал мысленно нечто подобное, когда соображал, как бы *рассадить* человечков, чтобы от них была польза и не было вреда. Здесь всё было сложнее — сенат, комиции, легионы… И на каждой схеме он отмечал для себя мигающие красным стрелки, исходящие от изображения орла, что выше верхнего ряда фигур: «Полномочия Цезаря». И неизменная надпись-гриф в левом верхнем углу каждой из тех схем: «*Divide et impera* — Разделяй и властвуй».

Наконец картинки закончились. Царь с тяжким стоном повалился на подушку.

Чужой оглядел Иоанна встревоженно, извлек из-за пазухи фляжку:

— Глотните-ка, Ваше Величество! Как лекарство…

— *Gratias,* — слабым голосом откликнулся Иоанн, — *sed ebrietas certe parit insaniam*[1]… В смысле — за работой не пью. Тьфу, как латынщина-то ихняя в голове засела!

— Могу латынь убрать, — предложил архангел.

— *Nequaquam!*[2] — царь протестующе вскинул ладонь. — А то у меня всегда с ней, проклятой, неладно было. Иностранцы, поди, за спиной пересмеивались — дескать, царь-то малограмотный! Зато теперь — *pedicabo ego vos et irrumabo!*[3] — и он расплылся в довольной ухмылке.

— Правильно ли я понимаю, — вежливо осведомился *чужой,* — что вы, Ваше Величество, пересмотрели свою позицию?

— *In corpore,* — подтвердил царь. — В смысле — целиком и полностью. Уж если сам Цезарь Август *с этим работал*… А красиво он их тогда *сделал,* в Сенате-то! — улыбаясь, вспомнил он. — Знал ведь, что без него у них прямо здесь, в зале, резня и начнется. А он такой, весь в белом — *злые вы, уйду я от вас!* Отдам, говорит, власть народу, хех!

— Вообще-то, — перебил его архангел, — такие выходки как раз в твоем стиле. В двух *отвремлениях* ты тоже от власти отказывался, чтобы своего добиться. В одном так и вообще от престола отрекся и возвел на него… впрочем, неважно.

— Я отрекся?! — остолбенел Иоанн, но тут же сообразил: — А, *в этом смысле*… Отыскал, небось, самое ничтожное в стране ничтожество и дал тому вместо себя посидеть на троне — но так, чтоб тот ногами до полу не доставал? А кого, кстати?

— Да какая разница, — отмахнулся архангел. — Хоть СимОном его назови, хоть ДимОном — лишь бы ногами до полу не доставал, как ты удачно выразился… Но ты главное-то — уразумел? Как Август с вольностями управлялся?

— Ну, *in toto*… то есть в общих чертах уловил. Хотя… надо будет всё-таки древние книжки почитать. Про то, как у них там всё устроено было. Посидеть бы *in angello cum libello*[4], покумекать бы… Эх, Либерея в Москве осталась… ну да ничего, добудем! Только бы с новгородцами сейчас сторговаться, а уж потом — *quos ego!*[5] — и он предвкушающе потряс над головой исхудалым до состояния мощей кулаком. — О, кстати! А из грядущего ты что-нибудь подсказать можешь на ту же тему? Ну, вот как сейчас — прямо в голову, тем же способом?

— А вот этого не могу, — развел руками архангел. — И, чтоб дважды не повторять: всяких изобретений и придумок новых тоже не проси. Информация против вектора времени не передается, с этим у нас строго. Ну, во всяком случае, *значимая* — та, которая может потом *сыграть*. Так что — *пулемет я вам не дам.* И

промежуточного патрона тоже не дам… Вот словечки всякие — это можно.

— Так этот ваш язык, со всеми этими словечками и фразочками… Это ты мне его тем же манером в голову вложил? — уточнил на всякий случай царь.

— Только на время наших переговоров. Терпеть не могу все эти «велми», «понеже» и «иже херувимы». Да ты не беспокойся, потом само пройдет.

— Оставь, — попросил царь. — *Ad omnem occasionem*[6].

— Ладно, мне не жалко… Давай всё-таки закончим с формальностями. Так и каков же будет наш положительный ответ?

— Да вот фраза всплыла подходящая, явно из твоих: *При всём богатстве выбора другой альтернативы нет.*

— Ну и славненько… Да, и вот еще что имей в виду. Я тебе говорил, что чудеса творю. На самом деле — так, да не так. Пределов естества я преступить не могу. Всё, что я делаю — не волшебство, а технологии. Например, тебя я сейчас исцелил при помощи медицины иной эпохи, но фундаментальным законам физики и биологии исцеление твое не противоречит. Так вот, АИ такие вещи учитывает. И в ответку может учинить что-нибудь этакое… ну, что редко бывает. Пределов естества и он преступить не может, но вот какую-нибудь *аномалию* подбросить — это запросто. Или даже *гигантскую флуктуацию*… Так что ты не удивляйся, ежели чего.

— Ежели — чего? — переспросил царь.

— Да если б я знал!.. — в голосе архангела впервые за весь разговор прорезалась неуверенность. — Просто будь готов ко всяким неожиданностям и странностям… Ну вот, теперь точно всё. Бывай здоров. Успехов.

— Подожди! — крикнул царь, понимая, что архангел вот-вот исчезнет, а ему нужно еще столько всего у него выспросить…

Архангел же молча шагнул к границе светового круга и канул в нее как в вертикально поставленную водную гладь. Синеватый свет тихо померк, а куда подевалось кресло — царь разглядеть не успел.

Чаша завершила наконец свой полет, со звоном отскочив от каменного пола.

Ливонский клоп продолжил свое прерванное было «стоп-кадром» на полпути пикирование с потолка. Однако бортовой компьютер в его надглоточном ганглии не справился с перерасчетом курса, опоздав дать команду моторным нейронам грудной цепочки, и горизонтальный ветровой снос из-за

усилившегося на миг сквозняка увел хитиновый спускаемый модуль за пределы посадочной площадки. Из показаний приборов — термо- и хеморецепторов — следовало, что безвкусный и холодный — а значит, лишенный кровеносных сосудов — камень пола, на который он приземлился, простирается аж до самого края обитаемой Вселенной. Оптические рецепторы же успели отметить стремительно приближающееся сверху по параболической траектории макроскопическое тело органической природы. Возможно, в последний миг жизни клоп дополнительно утвердился в своем стихийном эгалитаризме, убедившись: пятка венценосца решительно ничем не отличается по своим тактико-техническим характеристикам от пяток его подданных. *Ужо тебе!*

— *Святые дары принесли исцеление!* — с издевательской интонацией объявил царь, бодро шагая от оставленного скорбного ложа. Оглядел полукруг соратников (эти, в отличие от чаши, продолжали пребывать в изумленной неподвижности), широкими шагами приблизился к оцепенелому Филиппу и, повторяя *чужого*, умыл лицо реквизированной у того святой водой, перекрестясь на иконы.

— Ну что, други мои верные, — насмешливо продолжил Государь, — докладывайте: как вы тут без меня справлялись? Про Москву можете пропустить — я в курсе.

Шелест изумления прошел по отмершей шеренге.

— Государь! — в глазах Малюты засветился восторг понимания. — Так это всё был *хитрый план!*.. Ну, прикинуться больным, чтоб, значит, измена-то головы свои змеиные наружу-то и повысунула, и головы те сразу — чик!

— Ага! Отличный «чик» у нас Москве вышел…

А что — неплохая версия случившегося… Ее-то мы, пожалуй, и сделаем официальной, хоть и негласной. Ибо сказано: «Лучше уж выглядеть злодеем, чем идиотом».

— Ну, промашка вышла, Государь, бывает… Кто ж знал загодя, что змеюки-то те на самой твоей груди и угрелись… Эх, надо было меня-то в Москву послать — доглядать за теми адашевскими умниками!

— Ты околесицу-то не неси! — хмуро одернул «верного пса государева» Государь. — Ну, оказался б ты тогда в Москве — и что? Просто осталось бы у меня одним верным слугой меньше… А мне сейчас — каждый человек на счету, — добавил он уже безо всякой показной веселости.

«Вот именно, — думал он, — люди, люди — где людей брать? Вот она, новая моя „Избранная Рада“ — вся в одну шеренгу… Пустозвон и лизоблюд Вяземский. Васька Грязной — шуткарь хренов. Малюта — палач-божьей-милостью. Басманов-младший,

красавчик… тьфу ты, экое непотребство сразу в голову лезет! Филипп-Колычев — этот вообще всегдашний человек Старицких: того гляди, сыпанет отравы в святое причастие… А — где иных взять? Как там, у *тех* говорят: *„Других кадров у мэня для вас нэт“*»…

— Шубу мне, — для начала распорядился царь. Возбуждение от чудесного исцеления прошло, и он в полной мере ощущал уже холод и сырость. К тому же вид Государя в заляпанной ночной сорочке не внушал должного почтения. Наконец, было любопытно: кто отправится за шубой — рискуя при этом остаться без важнейших сведений.

Преданность проявил Малюта. Не моргнув и глазом, он развернулся и пошел прочь — не бегом, но очень быстро.

Государь присел на кровать, обвел тяжелым взглядом оставшихся. Есть тут на ком глазу-то отдохнуть? Басманов-старший, комкор-2 — из тех самых «дельных, выдвинувшихся в эту кампанию». Я что-то Курбского *не вижу среди тут*… ну да, всё верно — его 3-й корпус должен сейчас держать фронт по Двине, тут не до похоронного протокола… Висковатый! — вот это подарок так подарок… впрочем, этот, скорее всего, у нас тут по случайности. Ну да — ехал уже в Вильно, договариваться о перемирии и о новой «естественной границе» по Западной Двине, да и застрял тут — поскольку какие уж там нынче с нами, *лишенцами*, переговоры, о какой такой границе?..

— Государь! — это подал голос Филипп. — Государь, там, снаружи, в числе прочих, депутация из Новгорода, — («Однако, быстро же…» — только и успел подумать про себя царь) — и шведские послы…

— Шведы, говоришь? — ухмыльнулся Иван. — *Кемскую волость*, небось, пришли требовать, стервятники? Не успели, понимаешь, царя отпеть…

— Да нет, Государь: совсем на то не похоже… А похоже как раз на то, что и одни, и другие точно знали: к исходу ночи ты будешь в добром здравии. Выходит, *они там*, в Новгороде и Швеции, в курсе дела, а *мы тут*, верные слуги твои — нет. Как так?

Хороший вопрос, оценил Иоанн. Задаются-то им сейчас все они — у кого извилин поболе, чем у Малюты, но вот так вот, в лоб, потребовать у царя отчета решился только этот… Смел, ох смел архимандрит! И тут уж — или-или: либо немедля мигнуть Григорию Лукьянычу — чтобы тот *решил проблему*, либо, немедля же, рекрутировать смельчака в свою команду. Ибо человеку, говорящему царю правду в глаза, цены нет — если царь не дурак. Ну и если, разумеется, человек с такими полномочиям — один, а

не целый… этот, как его — *парламент*?.. Тьфу, слово-то какое гадкое. Этаких словечек в нашем *дискурсе* не будет, пометил для себя Иоанн.

Итак, что там есть в нашем… как его там: *досье*?.. — на этого человека? Поместья Колычевых расположены в Новгородской земле. И семья, и сам он весьма в тех местах авторитетны — то есть повязаны множеством связей с тамошней знатью. Что, кстати, позволяет сделать кое-какие предположения о причинах его появления здесь… В молодости Федор Степаныч ни о какой церковной карьере и близко не помышлял. Просто в 30 лет он поучаствовал вместе с семьей в попытке мятежа Андрея Старицкого (папаши нынешнего московского венценосца), а при кровавом подведении итогов той авантюры здраво рассудил, что расставание с головой болезненнее, чем с частью покрывающих ее волос — и принял постриг.

От извивов и дрязг Высокой Церковной Политики он всегда держался поодаль. Умудрился остаться в стороне даже от драки стенка на стенку иосифлян с нестяжателями (сохранив в итоге приличные отношения с обоими лагерями). Зато проявил себя великолепным управленцем и хозяйственником: в бытность свою игуменом Соловецкого монастыря развернул на архипелаге грандиозное строительство, соединил каналами все 70 тамошних озер, завел водяные мельницы, кирпичный и железоделательный заводы и даже невиданный посевной агрегат, позволявший одному человеку сеять одновременно «из семи решет».

Что особенно поразительно — при всей своей ухватистости и практической сметке показал себя абсолютным бессребреником. Несмотря на отсутствие заметных заслуг на богословском и подвижническом поприщах — ну, всякие там бдения-вериги и прочее умерщвление плоти — любим и уважаем всем низшим клиром, уровня приходских батюшек и монастырской братии. И — что естественно — столь же искренне нелюбим иерархами.

Сложный человек, короче. Такого не купишь, и особо не запугаешь…

— В Неметчине, Владыка, есть поговорка: «Что знают двое — знает и свинья». И да, ты прав: это, мягко говоря, непорядок, когда *свои* знают о планах государя меньше, чем *чужие*. Вопрос только в том — кого я теперь, на фоне московской измены, могу с уверенностью числить *своими*? Да вот, чтоб не ходить далеко: ты сам-то, Владыка, *чьих будешь*? О тебе ведь спокон веку говорили как о «человеке Старицких». Ну и как я могу быть уверен в твоей лояльности? Тем более когда священноначалие в Москве присягнуло «царю Владимиру»?

— Но ведь я-то ему не присягал! — возмутился Филипп. — Я

присягнул тебе, Государь — и от клятвы той никто меня не разрешит. И нет в мире человека, чтоб посмел обвинить меня в неверности слову — не говоря уж о клятвопреступлении!

— *Это всё, конечно, очень бла-ародно,* — холодно откликнулся Иоанн (как будто бы вновь подсказанной ему кем-то фразой), — но меня в нынешней ситуации интересуют лишь практические действия. Допустим, что твой непосредственный начальник земной, митрополит Московский и всея Руси, уступит Старицким и влезет в политику на их стороне. То есть — объявит меня самозванцем, поддержав вполне напрашивающуюся версию *«Царь ненастоящий!»*, прокричит мне анафему и благословит военный поход на нас. Как поведешь себя ты, Владыка? Когда тебе *предложат: или-или*?

В этот момент появился Малюта с шубой. С поклоном набросил ее государю на плечи и отошел на уважительное расстояние.

Этой минутки Филиппу хватило, чтобы принять решение.

— Государь! — архимандрит глядел прямо и твердо, бестрепетно встретив пронизывающий царский взгляд. — Я ничего не ведаю ни про какие *«хитрые планы»*. Я верю тому, что вижу собственными глазами: ты умирал по-настоящему, а рана твоя — прости за подробность — смердела так, что хоть святых выноси. А сейчас, по прошествии нескольких минут, ты на ногах, а рана — чистая и заживает. Господь, прямо на глазах на наших, явил нам чудо свое — что тут непонятного? И я готов отправиться в Москву и засвидетельствовать это чудо своей клятвою — хоть в любом церковном собрании, хоть перед очами *Князя Старицкого*.

Чуть помолчал и продолжил:

— А кроме того, Государь, я считаю, что Церковь ни под каким видом не должна лезть в политику — ибо власть ее не от мира сего. Не должны православные убивать православных из-за накладок в престолонаследии. А если уж такая беда случилась, Церковь должна тому братоубийству противиться елико возможно. И уж никак не благословлять его, угождая властям земным!

— Рад, что не ошибся в тебе, Владыка! — кивнул Иван. — Только вот насчет Москвы не горячись: сам подумай — долго ль ты там проживешь, с эдакими-то свидетельствами? Да, собственно, ни до какой Москвы тебе доехать не дадут… А вот насчет того, что Церковь должна быть вне политики, и, уж во всяком случае, не должна благословлять братоубийство на почве династических распрей — *подписываюсь под каждым словом*!

— Так чего ты хочешь от меня, Государь? Каких дел — раз уж тебя сейчас лишь они интересуют?

— Если… да что там «если» — когда! — из Москвы прозвучит анафема мне… Я хочу, чтобы в контролируемой мною части страны — нам никому пока не ведомо, сколь обширной она окажется — Церковь отказалась бы ее публично оглашать. И я хочу, чтобы ты, Владыка, довел эту простую мысль до клира. Пусть попы тихо саботируют московские *указивки,* а в проповедях своих упирают на то, что *non est enim potestas nisi a Deo*… То бишь, — запоздало поправился он, — несть бо власть аще не от Бога.

Филипп глянул на царя с удивлением, могущим в любой миг перерасти в подозрение: внезапная латынь его явно насторожила.

— Мы ведь в Ливонии, Владыка, а не на Псковщине-Новгородчине! — на ходу сымпровизировал Иоанн. — Так что с *этими* нам тоже *общий язык* искать придется — а как еще?.. По существу-то вопроса — возражений нет?

— Ты хочешь от клира неповиновения священноначалию, Государь? — строго остановил того Филипп.

— Я оберегаю их тем самым от кое-чего похуже, Владыка. У меня сейчас и без того будет куча проблем — и внешних, и внутренних. И я, разумеется, не допущу, чтоб еще и церковники вели прямо с амвона подрывную пропаганду среди паствы. Если эту проблему не решишь ты — значит, ее будут решать другие люди, другими методами. Вон, к примеру, Григорий Лукьяныч…

— Только прикажи, Государь! — оживился Малюта; стосковался, видать, по любимой работе…

— Будь по-твоему, Государь, — угрюмо покорился Филипп. — Только вот переоцениваешь ты вес слова моего. Кто я таков? Место моё скромное…

— Ну, это дело наживное, — усмехнулся Иоанн. — Просто иерархи тебя не любят, и ходу не давали. И с Пименом у тебя отношения — совсем уж из рук вон. Что вы там с ним не поделили-то? В бытность твою игуменом Соловецким, а его — архиепископом Новгородским?..

— Это у него со мной плохие отношения, — пожал плечами Филипп. — А у меня с ним — никакие.

— *De tripode dictum*… в смысле — как с амвона сказано, Владыка! Но, как бы то ни было, карьеру он тебе сумел испортить капитально. Потому как архиепископ Новгородский положение в иерархии занимает особенное. Не зря он, единственный, носит не черный клобук, а белый. Белый — знак митрополичьего достоинства…

— К чему эти слова, Государь?

— К тому, что Новгородская кафедра нынче вдовствует, ибо Пимен *пошел на повышение*. А мне сдается, что тебе, Владыка,

очень к лицу был бы как раз белый клобук.

— Архиепископа Новгородского?!

— Как знать, может и — *митрополита* Новгородского…

— Опомнись, Государь! — сдвинул брови Филипп, взирая на Иоанна с гневной укоризной. — Ужель ты мнишь за собой власть жаловать клобуком, будто шубой со своего плеча?

— Я?! Разве я уже кого-то жаловал клобуком? — удивился Иван. — Сие уж точно не в моей власти. Однако ж я царь и о будущем державы своей помышлять обязан. А времена-то сам видишь какие настали: коли уж Господь волю свою напрямую вершить взялся — преудивительные события могут нас ожидать!.. Так вот: согласишься ль ты *в случае чего* принять сан митрополита? Или предпочтешь отринуть — убоявшись чаши сей?.. Ты об этом поразмысли заранее. Ибо *в случае чего* не будет у тебя времени на долгие думы.

— Хорошо, я поразмыслю, — отозвался Филипп после продолжительного молчания. — На досуге…

«Вот теперь ты — мой», — подвел черту Иоанн.

…Так, что там еще, из совсем неотложного?

— Алексей Данилович, — (это — Басманову) — доложи обстановку.

— Фронт стабилен, Государь. Остатки ливонских войск позавчера сдали Орденскую столицу, Кесский замок — на условиях свободного прохода с оружием в Литву. И счастье великое, что мы штурмовать ту твердыню не стали — как Курбский требовал, дабы славу себе стяжать, — а в облогу ее взяли. Я, оглядевши изнутри те укрепления, просто обмер: мы бы там так кровью умылись, что вся рижская победа насмарку…

— Верное решение, генерал. Дальше.

— Литвины тем часом концентрируют войска за Двиной, ничуть уже не скрываясь. Основной район сосредоточения — Динабург. По данным разведки, они будут окончательно готовы недели через две, но польская подмога подойдет к ним не ранее, чем через месяц. Без поляков они не начнут, хотя отдельные рейды конницы на нашу территорию возможны. А с конницей у нас, Государь, всегда проблемы…

— Да бог с ней, с конницей! Что ты вообще думаешь о дальнейшем, генерал?

— Будет тяжко, Государь, — вздохнул комкор-2, взваливший на себя, по всему видать, обязанности начальника генштаба, — очень тяжко. Нам ведь теперь придется строить стратегическую оборону в совершенно иной конфигурации. То есть развернутую не только на запад, но и… Нам, выходит, еще повезло, что 1-й корпус, Репнина, со всей своей замечательной артиллерией, так

бездарно застрял под Юрьевым — воистину, что Господь ни делает, всё к лучшему… К утру я подготовлю новую диспозицию, с учетом… гм… новых реалий, и пришлю ее вам на утверждение.

— Не торопись так, Алексей Данилович. Возможно, к завтрашнему вечеру *поступят новые вводные*, и строить ту оборону понадобится в совсем уже третьей *конфигурации*… А сутки в нашем положении ничего не решают.

— Государь! — растерянно откликнулся воевода. — Есть что-то, чего я не знаю, хотя по должности своей обязан был бы знать?

— Нет-нет, Алексей Данилович, ты, на своем уровне, действуешь безупречно. Просто есть у меня некоторые предположения… Интуиция, знаешь ли — а я привык ей доверять.

— Как скажешь, Государь… Да, и еще. Людей — отчаянная нехватка. А среди ливонских пленных, между тем, есть вполне толковые офицеры среднего звена: немцы — люди дисциплины и приказа. Дозволь их рекрутировать, на те же должности.

— Что-то не произвели на меня впечатления их боевые качества, — скептически поморщился Иоанн.

— Они просто не пожелали умирать за пропащее дело. Не герои, да — но крепкие профессионалы. Под внятным командованием будут драться как надо.

— Яко же рече: несть людей на Русии, некому стояти? — слова выговорились сами собой, но чтобы вникнуть в их смысл, Иоанну потребовалось отдельное усилие: ага, привычный язык стал возвращаться… хотя нужен ли он теперь ему? — А ныне кто претвердые грады германские взимает?… Впрочем, ладно: тебе видней, генерал. В людях и вправду — нужда крайняя. Действуй.

…Ну, осталось последнее — но как бы не важнейшее.

— Так, соратники мои верные… *Царь трапезничать желает*, и вообще — привести себя в порядок. Да, и лекарей там кликните, для порядку… *врачей-вредителей*. В общем, пока все свободны! А тебя, Иван Михайлович, попрошу остаться.

Провожая двинувшихся на выход соратников, царский взор отчего-то запнулся на красавчике Басманове, ибо из закоулков памяти опять услужливо выскочила цитата: *«У вас в ИРА появились геи?? — Ну, это единственный способ внедриться в английскую разведку».* Гм… Ну, с «ИРА» — более-менее ясно: *«ira»* — на латыни «гнев», видимо, какие-то заговорщики… Но вот кто такие «геи»? — может, это просто-напросто *эти самые*?..

— Ваше Величество?.. — многолетний вершитель российской внешней политики Висковатый, возвысившийся до тех верхов из простых подъячих, одними лишь собственными талантами, обратился к Великому князю и Государю всея Руси на нарочито иноземный манер. Любопытно, что бы это значило?

— Иван Михайлович, — начал царь, — давай начистоту. Ехал ты на переговоры о мире и границе в Вильно, да по дороге черт занес тебя сюда: думал протокольно отметиться на похоронных торжествах — а я возьми да и выживи, *такая вот неприятность*… И вот ты, преосторожный чиновник и дипломат, попал как кур в ощип: которого из двух Государей признать законным, не лишившись при этом головы? О сём мыслишь, верно? Так вот: езжай себе, как и планировалось, в Вильно — хотя ровно ничего я от тех переговоров не жду. А из Вильно того вернешься, куда сердце подскажет. Очень, очень хотел бы видеть тебя здесь, но если выберешь Москву — что ж, Бог судья. Ты слишком ценный человек для русского государства, кто бы его ни возглавлял — так и служи ему, как прежде служил. Ибо Старицкие приходят и уходят, а Россия остается.

— Если бы я, при моей-то работе, выбирал сердцем, а не мозгами, — возразил дипломат, — меня следовало бы с той работы гнать в три шеи! И да, откровенность за откровенность, Ваше Величество: я служу не династиям — Старицким ли, Глинским ли, — а России. И у меня нет сомнений, в чем сейчас состоит первейшая необходимость для русского государства: закрепиться наконец здесь, в Ливонии — *ногою твердой став при море*. Оттого и место мое — здесь, у тебя. В Вильно мне ехать совершенно незачем: с теми картами, что у нас сейчас на руках, ловить там всё равно нечего… А выбор между Вашим Величеством и Володенькой Старицким для меня лично очень прост: как говорится, «лучше с умным потерять, чем с дураком найти».

— Спасибо, Иван Михайлович! Слов нет — просто гора с плеч, — наконец-то позволил себе чуть расслабиться Иоанн. — Но раз уж ты свой выбор сделал, и даже, вон, *загранкомандировку* в Вильно отверг — служба твоя мне понадобится прямо здесь и сейчас. Утром предстоят очень сложные переговоры, и вести их мы будем вдвоем — ты и я.

— Разумеется, Ваше Величество: жду вводных. То нежданное-негаданное шведское посольство?..

— Да. И новгородцы.

— Новгородцы?! — чуть приподнявшаяся бровь дипломата соответствовала отвисшей челюсти представителей других профессий. — Прости, Государь, но я повторю за Алексеем Даниловичем: «Есть что-то, чего я не знаю, хотя по должности своей обязан был бы знать?»

— Позволь и мне ответить так же, как Алексею Даниловичу: моя интуиция, и не более того… Это — про новгородцев; шведы же — и для меня полная неожиданность. Зачем они явились — не

Кемскую же волость требовать, право?

— Вопрос о Кеми всплывет непременно, — вздохнул дипломат, — но он будет не первым, и даже не вторым… Вообще-то, в других обстоятельствах, ту Кемь можно было бы и отдать — *пакетно*, в обмен на официальное признание Швецией результатов Ливонской войны и новых естественных границ России: по Неве и Двине. Очень небезвыгодный был бы для нас размен фигур на этой доске…

— Так что, будем отдавать? Тем более, что и Кемь та выходит вроде как и не наша, а *Московская*?.. — *пробросил* царь, внимательно наблюдая за реакцией советника.

— Ни в коем случае, Ваше Величество! Я же четко сказал — «в других обстоятельствах»! Сейчас мы для шведов, равно как и для других балтийских протестантов — естественные союзники против их извечных врагов, Польши с Литвой. С Московской Русью такой союз в Прибалтике был бы невозможен — она слишком велика и сильна, а вот с нами — *не-католической Ливонией* — вполне. К тому же твой, Государь, личный авторитет как полководца теперь весьма высок, а силу твоего войска шведы, пожалуй, даже несколько переоценивают. И приехали они, надо думать, искать военного альянса. Но вот если мы, на радостях, уступим им Кемь — тут же превратимся из ценного союзника в жалкого сателлита. Оно нам надо?..

— *Sapienti sat*… Понял, не дурак.

— А вот что действительно можно, и даже следовало бы, им отдать, для закрепления такого союза — так это балтийские острова у Эстляндского побережья.

— А это еще зачем?

— Затем, что острова те — никакой для нас не прибыток. Держать там постоянные гарнизоны у нас нет людей. Военного флота тоже нет и в обозримом будущем не предвидится. Так что бесхозные острова эти, глазом мы не успеем моргнуть, покроются, как оспенными струпьями, пиратскими гнездами. И уж лучше всучить их шведам — договорившись взамен о совместных действиях против пиратов на Балтике.

— Что ж, звучит резонно… Как *резервная позиция* — годится.

— По правде говоря, Ваше Величество, крепкий союз со Швецией и Данией — это, похоже, наш единственный шанс на спасение. Вот только скрепить его надолго нечем. Счастье, что интересы у нас временно совпали. Но это сейчас — а дальше что? Мы им никто и они нам никто…

Слова эти что-то задели в Иоанновой голове. Неведомо откуда пришла уверенность: шведы-то объявились тут столь же неспроста, как и новгородцы! Царёва мысль прянула с высоты

лазоревой птахой-зимородком, рассекая воздух и воду, и победно вынырнула наружу с трепещущей рыбкой решения в клюве.

— Это как посмотреть, — перебил он советника, воздевая указательный перст. — Государственность-то у нас общая: от варяжского корня! Так что — считай, родня. Почти братья.

Висковатый скептически пожевал губами:

— Прости, Государь, но они-то нас родней не считают.

— Ну так мы напомним, — усмехнулся Иоанн. — Что мы — не кто-нибудь, а варяги, семь якорей им всем в глотку! А не византийские евнухи, и не ордынские прихвостни из Московского улуса.

— Что ж, попробуем разыграть эту карту… — чувствовалось, что сомнения Висковатого отнюдь не развеяны. — Отношения между шведами и датчанами сейчас, после распада Кальмарской унии, хуже некуда — это дает нам тут кое-какое пространство для маневра… Ладно, быть посему: играем! Значит, сначала принимаем новгородцев — чтобы шведы маленько потомились в ожидании…

— Нет, наоборот. Сначала — шведов.

— Не понял, Ваше Величество…

— Переговоры с новгородцами — если мне не врет моя *интуиция* — будут гораздо сложнее. Эти нам всю кровь выпьют. А если со шведами сговоримся — у нас будет еще один козырь…

— Ну, всё. Ступай, Иван Михайлович, — навалившаяся вдруг усталость была такой, что царь понял: без пары-тройки часов сна — помру, реально; утро, между тем, обещало быть сложным. — *Наши цели ясны, задачи определены. За работу, товарищи!*

* * *

-

ВЫБРАТЬ СТРАНУ

-

Страна: Новгородская Русь

Глава государства: Иван Грозный (уровень правления — 7 звезд).

Столица: Иван-город/Нарва.

Государственный строй: Конституционная монархия англо-скандинавского типа.

Области: Земля Новгородская, Земля Псковская, Ливония, Поморье.

Враги: Московия, Великое княжество Литовское, Польша, Балтийские пираты.

Союзники: Швеция (династический марьяж), Дания, Ганзейский союз.

Внешняя торговля: Англия, Голландия, Швеция, Дания, Ганзейский союз.

Военная мощь: Сносная.

Экономическое развитие: Сносное.

Уровень социального недовольства: Сносный.

Религия: Православие 60 %, Протестантизм 25 %, Католицизм 15 %.

Веротерпимость: Высокая.

1553 год: НАЧАТЬ ИГРУ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Баллада о Простоте и Воровстве

ПРОСТОТЫ ПРИНЦИП — эвристический принцип, обобщающий опыт познания, согласно которому при прочих равных условиях предпочтительна наиболее простая познавательная конструкция (теория, гипотеза, научно-исследовательская программа и т. п.).

Новая философская энциклопедия: В 4 тт. под редакцией В. С. Стёпина. М.: Мысль. 2001.

Seek simplicity and distrust it.
Ищите простоты, но не доверяйте ей.

Альфред Норт Уайтхед,

английский математик и философ

Смерть — наш Генерал.
Желтый флаг вознесен,
Каждый на пост свой стал,
И на месте своем шпион.
Где чума распростерла тени
над множеством царств и владений, —
Там за работу, шпион!

Киплинг

«Марш шпионов»

Глава 1

Накормить и спать уложить

Князь Курбский от царского гнева бежал,
С ним Васька Шибанов, стремянный.
<…>
«Царю, прославляему древле от всех,
Но тонущу в сквернах обильных!
Ответствуй, безумный, каких ради грех
Побил еси добрых и сильных?
Ответствуй, не ими ль, средь тяжкой войны,
Без счета твердыни врагов сражены?
Не их ли ты мужеством славен?
И кто им бысть верностью равен?..»

А. К. Толстой

«Василий Шибанов»

Хлудов: …Меня не любят. (*Сухо*.) Дать сапер. Толкать, сортировать! Пятнадцать минут времени, чтобы «Офицер» прошел за выходной семафор! Если в течение этого времени приказание не будет исполнено, коменданта арестовать. А начальника станции повесить на семафоре, осветив под ним надпись: «Саботаж».

Михаил Булгаков

«Бег»

По исчислению папы Франциска ночь с 6 на 7 августа 1557-го
Псков. Ставка командующего Восточным фронтом

— Государь!.. Государь, проснись — беда!

Чугунная голова — третьи сутки, почитай, без сна — решительно не желала отрываться от свернутого поддоспешника, временно назначенного на должность подушки. Нет-нет-нет, может это всё лишь во сне, а?.. Неужто всё-таки перехитрили они нас, с направлением главного удара? Ну, в смысле — не они *перехитрили*, а мы сами *перемудрили*?.. И лишь разлепив будто набитые песочной резью глаза и разглядев наконец толком своего

растерянного начштаба, Басманова-старшего, понял: нет, ребята — тут не прорывом фронта пахнет, а чем похуже.

— Государь, прямо не знаю, как и доложить… Курбский…

Ах ты ж, гос-споди, Андрюша-Андрюша… Вот и догеройствовался… Как некстати-то… «А что, — откликнулся смешком кто-то из глубины сознания — бывает, когда *такое* — и вдруг *кстати*?»

— Наповал? — зачем-то уточнил он.

— Хуже, Государь…

— Как это — «хуже»?? Ты чего несешь?!

— Перебежал он к московским — вот как.

— Нет, — откликнулся Иоанн с удивившим его самого облегчением. — Нет, не верю! Опять небось в рекогносцировку самолично полез, дурачина — удаль свою молодецкую показывать неизвестно кому, ну и попался…

— Он письмо тебе прислал, Государь — прямо со своим стремянным. «Прощальный привет», так и велено передать.

О как… Да, тут самое время собраться с мыслями…

— С чего это он вдруг — мухоморов нажевался, али любовную горячку на той стороне подхватил? Сам-то чего думаешь, Алексей Данилыч?

— А чего тут думать, Государь. Малюта под него копал — ну, и накопал… Хотя, собственно, чего там копать-то было — и так все вокруг всё знали, но только глаза отводили: «Дело житейское», «Героям — позволительно». А тут — ты: «Чистые руки», «Закон один для всех»… Ну, а с той поры, как ты реально вешать стал за такие шалости — «невзирая на лица»…

— Не одобряешь, стало быть?

— Да как тебе сказать, Государь… — почесал в потылице начштаба. — В принципе-то одобряю, конешно… Только вот мы нынче — с принципами, да без полководца!

— Ладно… Малюту ко мне сюда, немедля!

— Да тут он уже, в сенях дожидается, гиена…

— Григорий Лукьяныч, ты как мыслишь: это была *глупость или измена*?

— Конечно, измена, Государь! А какие тут могут быть…

— Да я не о Курбском, а о тебе!! Ты чего творишь?!

— Провожу операцию «Чистые руки», Государь! — глаза председателя Чрезвычайки («Временная Чрезвычайная Комиссия — ВЧК — по борьбе с саботажем, национально-религиозной рознью и преступлениями по должности»: поди выговори такое…) были воистину *голубыми*. — В точности как ты меня и напутствовал тогда: «Рыба гниет с головы — вот оттуда ее и надо

чистить, пока не поздно»!

— Ты дурака-то из себя не строй! — прикрикнул Иоанн. — Кого мне теперь на командование корпусом ставить — тебя, что ли? Или твоих заплечных мастеров — *коллегиально*?

— Государь, — возразил Малюта, тихо и серьезно. — Я ведь пёс твой — и больше никто. И когда звучит команда «Взять!» — псу раздумывать никак не можно. Хочешь свернуть свои «Чистые руки» — свернем, как прикажешь. Но когда ты объявлял свое прекрасное-замечательное «Закон один для всех», надо было четко и внятно говорить: «Закон один для всех, кроме…» — ну и поименный список, для нашей ясности…

Ты ведь при мне, Государь, мое досье на Курбского листал — я что, напраслину на него возвел? Как он тут «репарации» собирал: ведь не возами награбленное в этот свой свежеобретенный замок свозил — обозами! И вот он, стало быть, со своими присными так и будет католические монастыри грабить и монахинь насиловать — а мне потом, с моими присными, католических партизан лови по окрестным лесам? Отличное разделение обязанностей! При этом они — герои, которых, ну да, чуток заносит по причине широты русской души, а мы — палачи и упыри, кем детей пугают…

Чуть перевел дух и продолжил:

— Да, у меня руки в крови не по локоть даже, а по самые плечи. Но к рукам тем, от крови липким, ни полушки неправедной за все годы так и не прилипло, почему-то. И ты это, Государь, отлично знаешь, потому и вверил эти свои «*Чистые* руки» мне — смешно звучит, правда? Так что корпус-то я, конечно, не потяну, а вот полк — отчего же нет? Да хоть роту, хоть взвод — и на передовую, за счастье бы почел! Только вот — *кто бы вешал? Вешал бы кто, Ваше Величество?*

— Знаешь, Григорий Лукьяныч… — главком задумчиво нашарил в изголовье фляжку; глотнул и передал. — Мне тут одна притча восточная припомнилась. Молодой император Поднебесного Китая тоже вот так вот захотел, *внезапно*: чтоб в государстве его закон стал — не как дышло, и чтоб подъячие разлюбили пирог горячий. И позвал он — как уж водится в ихних восточных притчах — мудреца-отшельника, по имени Ли Кван Юй: с чего, дескать, начать мне на сем поприще, старче? А тот и отвечает: для почину, Государь, повесь пяток ближников своих: и ты знаешь — за что, и сами они знают — за что, да и вся страна, в общем-то, тоже знает — за что…

— И что — император? — с неожиданным интересом откликнулся председатель Чрезвычайки, возвращая флягу.

— История умалчивает. Подозреваю, что как и всегда на том

Востоке: притчи у них там замечательные, а вот чтоб руками чего сделать… В общем, иди работай!.. Да, кстати, — задумался вдруг он, — а где там этот… ну, гонец с письмом?

— В застенке, — удивился Малюта, — а где ж ему еще быть? Он ведь тому, похоже, *не раб, а товарищ и друг*…

— Выпусти немедля, — поморщился царь. — Прикажи накормить и спать уложить: ему с утра пораньше обратно еще скакать, с ответом.

— Ты… Ты ему еще и отвечать станешь, Государь?! Этому… этому…

— Отож! *Зощетать мне слив* — этого *не дождетесь!*

— Как ты сказал, Государь?

— Неважно. Ступай… Да, и — начразведки ко мне сюда, Басманова-младшенького: мыслишку одну обмозговать.

ДОКУМЕНТЫ — I

Андрюшенька, где же двадцать пять рублей?

> Переписка Грозного с Курбским не дошла до нас в современных ей списках; однако обстоятельство это (довольно обычное для произведений средневековой литературы) не дает оснований сомневаться в ее подлинности.
>
> *Гаврилов К. В. Предисловие // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Текст подготовили Я. С. Лурье, Ю. Д. Рыков. Изд-во «Наука», Ленинград, 1979.*

Цитируется по: «Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским». Текст подготовили Н. А. Аблеухов и И. Н. Понырев. Серия «Литературные памятники русского средневековья», Изд-во «Наука», Петропавловск-Невский, 1979.

ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ КУРБСКОГО

Царю, Богом препрославленному, а на поверку самозванцем открывшемуся, и оттого ныне же за грехи наши ставшему супротивным, совесть имеющему прокаженную, какой не встретишь и у народов безбожных. И более говорить об этом всё по порядку запретил я языку моему, но из-за притеснений тягчайших от власти твоей и от великого горя сердечного дерзну

сказать тебе хоть немногое.

Зачем, самозванец, сильных истребил, и воевод, дарованных тебе Богом для борьбы с врагами, различным казням предал, и на доброхотов твоих, душу свою за тебя положивших, неслыханные от начала мира муки, и смерти, и притеснения измыслил, оболгав православных в изменах и воровстве и в ином непотребстве и с усердием тщась свет во тьму обратить и сладкое назвать горьким, а горькое сладким? В чем же провинились перед тобой и чем прогневали тебя заступники христианские? Не отданы ли тебе Богом крепчайшие крепости немецкие благодаря мудрости и удали их? За это ли нам, несчастным, воздал, истребляя нас со всеми близкими нашими? И даже праги церковные их кровьми обагрил еси!

Или ты, самозванец, мнишь, что бессмертен, и впал в невиданную ересь, словно не предстоит тебе предстать пред неподкупным судией и надеждой христианской, богоначальным Иисусом, который придет вершить справедливый суд над Вселенной и уж тем более не минует гордых притеснителей и взыщет за все и мельчайшие прегрешения их, как вещают божественные слова? Это он, Христос мой, восседающий на престоле херувимском одесную величайшего из высших, — судия между тобой и мной.

Какого только зла и каких гонений от тебя не претерпел! И каких бед и напастей на меня не обрушил! И каких грехов и измен не возвел на меня! А всех причиненных тобой различных бед по порядку не могу и исчислить, ибо множество их и горем еще объята душа моя. Но под конец обо всём вместе скажу: всего лишен был! И воздал ты мне злом за добро мое и за любовь мою непримиримой ненавистью. Кровь моя, словно вода, пролитая за тебя, вопиет против тебя перед Богом моим. Бог читает в сердцах: я в уме своем постоянно размышлял, и совесть свою брал в свидетели, и искал, и в мыслях своих оглядывался на себя самого, и не понял, и не нашел — в чем же я перед тобой виноват и согрешил.

Полки твои водил и выступал с ними и никакого тебе бесчестия не принес, одни лишь победы пресветлые с помощью ангела Господня одерживал для твоей славы и никогда полков твоих не обратил спиной к чужим полкам, а, напротив, преславно одолевал на похвалу тебе. И все это не один год и не два, а в течение многих лет неустанно и терпеливо трудился в поте лица своего, так что мало мог видеть родителей своих, и с женой своей не бывал, и вдали от отечества своего находился, в самых дальних крепостях твоих против врагов твоих сражался и страдал от телесных мук, которым Господь мой Иисус Христос свидетель;

особенно много ран получил от басурман в различных битвах, и все тело мое покрыто ранами. Но тебе, царь, до всего этого и дела нет.

Не думай, самозванец, и не помышляй в заблуждении своем, что мы уже погибли и истреблены тобою без вины и заточены и изгнаны несправедливо. Не радуйся этому, словно похваляясь этим: казненные тобой у престола Господня стоят, взывают об отомщении тебе, заточенные же и несправедливо отправленные тобой в изгнание взывают день и ночь к Богу, обличая тебя. Хотя и похваляешься ты постоянно в гордыне своей в этой временной и скоропреходящей жизни, измышляешь на людей христианских мучительнейшие казни, к тому же надругаясь над ангельским образом и попирая его, вместе со вторящими тебе льстецами и товарищами твоих пиров бесовских, единомышленниками твоими боярами, губящими душу твою и тело, которые детьми своими жертвуют, превзойдя в этом жрецов Крона. И обо всём этом здесь кончаю.

Писано на землях Московских, владении Государя моего царя Владимира, от коего надеюсь быть пожалован и утешен во всех печалях моих милостью его государевой, а особенно помощью Божьей.

ОТВЕЩАНИЕ ИОАННОВО НА ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ КУРБСКОГО

Дезертиру Курбскому, холопу вора и самозванца Володьки Старицкого, коего ты раньше последними словами клял и в хвост и в гриву лупил, а ныне царем своим числишь и милостей от него предвкушаешь.

Ты, правда, «самозванцем» меня навеличиваешь, законного государя своего. Ох, не советую я тебе, Андрюшенька, *разыгрывать эту масть со своего захода*! Как же это ты, чистая душа, такому богопротивному самозванцу, как я, столько лет служил верой-правдой, и кровь за него лил, ведрами и кадушками, свою и чужую? Где же глаза твои были все эти годы?

Сам же, кстати, и пишешь, с забавною *обмолвочкой*: «Зачем, самозванец, сильных истребил, и воевод, дарованных тебе Богом для борьбы с врагами, различным казням предал?..» Стало быть, и сам Господь наш выходит у тебя слепошарым, коли самозванца во мне не разглядел, и воевод тех мне *даровал*… А *ведь такое, Андрий, дело пахнет ересью отчасти* — не находишь?

Но всё же писание твое велеречивое, Андрюшенька, мною принято и прочтено внимательно. И так тебе скажу. В самом деле, служил ты мне верно, крепости немецкие брал, в бою трусости не

показывал, в дело первым шел и спиною к ворогу не поворачивался. Всё это я помню отлично и словом своим подтверждаю.

Вот только в твоем случае все деянья твои не в оправдание тебе идут, а как *отягчающее обстоятельство*. Почему это так, мы сейчас, с Божьей помощью, разъясним. И даже без латынщины, к коей ты, помнится, *такую неприязнь испытываешь, что аж кушать не можешь*. Я и русским простым языком владею довольно.

Начнем с простого, Андрюшенька. Ведомо ли тебе, что негоже *путать свои амбары с государственными?* А ты их путал раз за разом, и всё почему-то в одну сторону. Ежели по правде сказать — доходы, к тебе идущие, ты считал своими законными, а расходы списывал на счет государства и меня лично. На языке латинском, тебе нелюбезном, сие именуется «*приватизация прибылей при национализации убытков*». И вот что я тебе еще скажу: в европейских державах за одно за это можно на виселицу пожаловать, ибо дело то воровское.

Давай-ка освежим память твою, а то она у тебя, смотрю, дырявая. *Тут помним, тут не помним, тут рыбу заворачиваем.*

Чьими войсками воевал ты, воин храбрый? Воевал ты, Андрюшенька, не княжеской своей дружиною, а войском государственным. Люди, коих ты мановением длани командирской на смерть посылал, не токмо ведь в твоих вотчинах поверстаны, а и по всему государству Русскому. Кормил-поил ты их тоже не сам — казна моя их кормила-поила, оружие им в руки давала и жалованье платила. Скажешь, нет? Не скажешь, коли в тебе еще *квартирует совесть* и остатки страха Божьего.

И не надо мне тут вещать про «вековечный обычай воинский». Люди мои пребывают в воле моей, а не в воле прежних государей. Ежели тебе приятственнее порядки, что при великом князе Василии были, так ты князю Василию и служи. Что, помер князь? Так отправляйся за ним вослед, коли его так любишь. Только знай наперед, что и в Царствии Небесном, и в пекле, везде обычаи свои, а не князя Василия. Не хочешь к Василию? Служи мне, как я хочу, или не служи вовсе.

Итак, Андрюшенька, воевал ты силами государственными. Когда же одерживал какую победу, то *внезапно*, как некий оборотень в латах, становился лицом частным и никому ничем не обязанным. Всё захваченное считал ты своим, с бою взятым. Посему вывозил всё ценное в свои замки, не зная удержу и меры, подобно волку жадному с разинутой пастью. Брал ты крепости немецкие, да ты же их и грабил дотла, мне оставляя голые стены и ободранных людишек.

Ибо в лютости своей не щадил ты ни старого, ни малого, ни богатого, ни бедного. А скольких загубил ты и изувечил, выпытывая о захоронках со златом-каменьем, сплошь и рядом тебе лишь помстившихся? Мыслю, не назовешь ты числа их, ибо ты их не считал, а уж ближники твои и подавно не считали. И добро бы лишь о металле тленном шла речь! А сколько ты со своими присными ругались над девами невинными, женами честными, да и над отроками, коли уж на то пошло? Не щадили вы даже монашек, бесчестили невест Божьих. Скажи мне, воевода, какая *стратегическая необходимость* понуждала тебя похоть тешить и беса радовать?

Ты мне на это, знаю, скажешь, что война дело жестокое. Бывает, что и кони попирают и давят копытами нежные телеса младенцев, взрослые же мужи и жены еще большие муки приемлют. Оно и так, однако же к чему умножать зло, и без того страшное? Знаю, что ты скажешь: чтобы таким ужасным способом вознаградить воинов своих, которые кровь проливали. А я тебя вопрошу, уж не потому ли ты отдаешь воинам монашек на поругание, что воины твои в недолжном порядке содержатся и ни на пиво пенное, ни на девок полковых не имеют лишнего грошика? Не ты ли, прекрасный мой полководец, положенную им копейку медную клал в собственный карман? Или скажешь, что сие совершал Христос, «восседающий на престоле херувимском одесную величайшего из высших»? Ибо, кроме тебя и Христа нашего Бога, некому было задерживать положенное из казны жалованье солдатское, и о том мне доподлинно известно.

Но не только эти убытки я терпел с тебя, а и убытки иные, особенные, государевы убытки. Ибо после вышеназванных подвигов твоих умножалась в людях злоба. Да не на тебя, Андрюшенька, а на меня, царя Иоанна. Ибо люди вообще не любят, когда их завоевывают, однако ежели сие обходится без излишних убытков, то скоро смиряются. Недаром говорил некий муж италийский, именем Макиавелий, что люди скорее простят смерть отца, нежели потерю собственности. А вот ежели к той потере довесить еще и осквернение брачного ложа, и гибель малых детей, и пытания, что в душах произрастет? Сам то ведаешь: лютая ненависть. И обращена их ненависть на меня, царя Иоанна, поелику все думают, будто лютования твои от моего приказа исходят, ибо ты слуга мой.

Итак, ты получаешь за свои дела славу воинскую, а я обретаю ненависть новых подданных. Не напоминает ли это тебе, Андрюшенька, сказочку народную о вершках и корешках? И ужель почитаешь ты меня глупым медведем, коего обводит вокруг пальца ловкий мужик? Али опять на «стратегическую

необходимость» речь переведешь?

Знаю и то, что ты на это скажешь. Дескать, не один ты так поступал, но и иные мужи ратные. Сие справедливо. Но ведь за такие как раз бесчинства я и предал казням воевод, их творивших — после предолгих увещеваний, заметь. И когда ты в послании своем мне же теми казнями еще и попенять тщишься — вспоминай-ка, Андрюшенька, здешнюю поговорку, про *портки и крестик*.

И на это у тебя найдется слово, мне уже ведомое. Скажешь ты, не смущаясь латынью, столь тебе нелюбезной: «Что дозволено Юпитеру, то недозволено быку», и что за великую храбрость твою и умение воинское надлежало тебя прощать и прощать. Никакоже! Именно в том и состоит страшнейшее твое злодейство и воровство. Ибо ты не только сам развратился, но и других развращал своими бесчинствами. Все видели, сколько ты крадешь, как наживаешься и как разбойничаешь, и что тебе всё это сходит с рук. И думали так: раз уж сам Курбский, воин славный и почитаемый лучшим из всех, так поступает, то и нам, грешным, сие незазорно!

Высоко вознесенный служит малым сим примером во всём, и в лучшем и в худшем. Причем лучшее трудно и тягостно, худшее же легко и приятно. Так что ты не единственно в том повинен, что сам воровал и лютовал, но и в том, что на такие дела совратил меньших, чем ты. Недаром же Господь наш Иисус Христос, коего ты через слово поминаешь всуе, говорил: «а иже аще соблазнит единого малых сих верующих в Мя, уне есть ему, да обесится жернов оселский на выи его, и потонет в пучине морстей». И вот за оный соблазн, тобою сеемый — гореть тебе, Андрюшенька, в геенне огненной.

Одно утешение: не в одиночестве ты будешь томиться в ней, ибо поджидают тебя те, кого ты ввел в грех и соблазн. В огне пребывают они и взывают из бездны, чтобы ты скорее приложился к ним. Возьмут они твою душу и примутся ее терзать, насмехаючись: что, брат Андрюша, где твои богатства великие? где одежды красные, в кои ты облекался? где брашна сладкие, коими ты хвалился? где честь твоя воинская, где лик твой гордый? Ныне же сядешь ты в смолу кипучую и вкусишь угольев горячих, ибо ты и себя погубил, и других вверг в погибель вечную!

А ведь облачен ты был в ризы сияющие, нетленные, сиречь в славу воинскую и мою дружбу. Эх, Андрюша, Андрюша… *Здорового ты дурака свалял, братец ты мой!*

Вот и приходится тебе сейчас, совесть свою дурманом опаивая, возводить на меня напраслину вовсе уж вздорную. Ведь

ежели кто и «кровьми обагрил праги церковные» — так это ты со своими присными. «Мучеников за веру» же в сие время у нас как не было, так и нет — да и с чего б им взяться, при наших здешних законах? Или, скажешь, всё же есть? Тогда — *имя, сестра, имя*!

Да, и раз уж к слову пришлось. Помнишь ли, как одолжился ты у меня на той неделе двадцатью пятью рублями серебром, в зернь проигравшись в офицерском собрании, и божился вернуть назавтра? Ты ж, герой, у нас частенько, по причине *широты души*, пребываешь в положении *безденежного дона*, по-гишпански говоря… *Андрюшенька, где же двадцать пять рублей?* Ведь — *долг чести*, как-никак… В великом ты меня предал — это ладно, но ужели и в такой малости ты лжец и вор?

Дано во граде Пскове, в ставке командующего Восточным фронтом. Писано собственной рукою. Известный тебе Иоанн.

Глава 2

Не обнажай в корчмах

Славно, братцы,
Славно, братцы,
Славно, братцы-егеря!
Славно, братцы-егеря,
Рать любимая царя!

Александр Галич

По исчислению папы Франциска 12 августа 1559 года.
Корчма Соломона Просовецкого на Литовской границе.

= =

Воевода
Князь Никита Серебряный
Сведения
Командование армией: 6 звезд
Возраст: 28 лет
Местонахождение: Ливония
Черты характера
Отважный командир («В бою мне некогда бояться картечи и ядер!» — Этому генералу часто доводилось скрестить шпагу с противником на поле боя: Боевой дух во время битвы +3)
Отец солдатам (Этот генерал, пожалуй, даже слишком много думает о своих солдатах; он не слишком активен в решении вопросов воинской дисциплины: Боевой дух во время битвы +1)
Прирожденный разведчик (Чувство местности дает определенное преимущество в определении места и времени сражения. Этот человек способен объехать всю округу и изучить множество мест, выбирая позицию для будущего сражения: Дистанция перемещения армии по стратегической карте +5 %)
Честный бой? («Зачем биться в чистом поле, если можно добиться своего хитростью и скрытностью?»: Возможность нападения из засады)
Вспомогательные персонажи
Траппер (Человек, который превосходно ориентируется в лесной глуши и которому ведомы все тайные тропы, легко зайдет в тыл к неприятелю: Командование во время засад +2)

Командир разведчиков («В этом человеке смелости больше, чем в целом полку драгунов!» На своем славном скакуне он в одиночку исследует вражескую территорию: Дистанция перемещения армии по стратегической карте +5 %)

Военный художник (Человек, умеющий нанести на карту все стратегически важные точки местности, способен проложить путь к победе: Дистанция перемещения армии по стратегической карте +5 %)

= =

Если и есть в этой чертовой Неметчине что-то хорошее, так вот оно, перед вами: пиво. Ну и местная закусь к нему — поджаренные ржаные гренки с чесночной присыпкой — нареканий тоже не вызывает… Ничего более *фундаментального* они заказывать не стали: *начаться* могло — в любую минуту и по любому сценарию.

— Никита Романович, а вам, говорят, довелось повоевать под ЕГО командой? И как оно?..

Серебряный с неудовольствием покосился на напарника, беспечно воздававшего дань *темному*, и перевел взгляд на *страхующую* пару своих бойцов в дальнем углу корчмы. Все они были *в гражданке*, причем одёжку себе те подобрали — что называется «с трупа сняли, кровь замыли»; эх, конспираторы…

Вопрос же, понятно, был задан о Курбском, и звучал он, по нынешнему времени, несколько двусмысленно. Впрочем, Пан-Станислав *ничего такого* в виду, конечно же, не имел — просто у *юного партизана* были неразрешимые проблемы по части понимания армейской субординации, да и вообще дисциплины. С лихвой окупаемые, правда, иными его достоинствами.

Сей студент Краковского университета достался им в качестве трофея (в несколько поврежденном виде…) в одной из прошлогодних стычек. Пленных партизан положено было сдавать малютиному ЧОНу — «частям особого назначения» (немцы, из которых по большей части формировались эти подразделения, называли их, на свой манер, «Sonderkommando»), но Серебряный, как и большинство воевод-фронтовиков, приказ тот тихо саботировал. Ну а поскольку как раз в предыдущей рекогносцировке он потерял своего штатного топографа, Пан-Станиславу, обладавшему необходимыми навыками, было предложено *заместить вакантную должность* — под слово чести. Школяр оказался весьма ценным для полка приобретением, а временами был просто незаменим — как вот сейчас.

— Да, имел удовольствие, — буркнул князь, внимательно изучая нетающий пенный сугроб в своей кружке; пена держалась

со стойкостью тех, легендарных-старопрежних, ливонских рыцарей, а оставленный на ней, по местному обычаю, отпечаток-тест (Сокол-и-Колокол с его форменной пряжки) читался четко, будто на сургуче. — Под Кессом… хотя тебе это вряд ли что скажет.

— Говорят, он был храбрец…

— Да, этого у него не отнимешь. Хотя очень неплохо было бы и отнять чуток.

— Не понял… Для кого — неплохо?

— Для тех, кому свезло угодить под его командование. Людей ни хрена не бёрег, да еще и тем похвалялся: он-де почитает обходные маневры за трусость и атакует только в лоб, после всяческих «Иду на вы». Рыцарь, ага… — произносить вслух «Мясник грёбанный» он, понятно, не стал: не следует совсем уж подрывать у младших по званию уважение к командному составу, пусть даже и к перебежчику.

— А отчего он… ну, это… Как полагаете, Никита Романович?

«Азохен вэй», как выразился бы на этом месте здешний хозяин…

— Я полагаю — оттого что обнесли его тогда чарой с назначением на Генштаб, и должность та досталась Басманову. При том, что в штабной работе князь Андрий мало что не смыслил ни черта, так еще и тяги к этому делу не испытывал ни малейшей. Сам же всегда витийствовал: «Вся эта логистика-фигистика… Мне бы саблю да коня, и на линию огня!» Да и вообще, не нравилось ему тут у нас… — постарался он закруглить тему.

— Чем не нравилось? — студент прицепился как репей.

— Ну как тебе сказать… сложно это, — Серебряный поскреб в бороде. Объяснять поляку, чем природному русскому человеку может не нравиться Новгородчина, было не так-то просто.

Если уж честно, князь и сам временами сомневался. Не в Государе, само собой — Боже упаси! Было известно доподлинно, что царя Иоанна исцелил на последнем уже дыхании ангел Господень, и он же попутно наставил царя в делах государственных. Но больно уж хитровымудренными были царские деяния! Серебряному, человеку честному и прямому, было решительно непонятно, зачем нужно так цацкаться с побежденными, католиками-ливонцами, потрафляя их «правам и верованиям». Или вводить какое-то там «конституционное правление», на первый взгляд смахивавшее чуть ли не на извечный польский беспорядок. Или устраивать «временную столицу» в Иван-Городе — заместо чтоб въехать в Новгород на белом коне и занять местный кремль, как подобает Великому

государю. Так что верить-то Государю Серебряный верил — но вот решения его понимал вовсе не всегда, и уж точно не сразу.

Однако «результат на лице»: семь лет уже прошло с той поры, как Москва отложилась от царя Иоанна и прокляла его имя — а сшитое им на живую нитку лоскутное государство из Новгородчины, Поморья и Ливонии даже не думает разваливаться. Новгородское Вече, выторговав себе вроде бы как все мыслимые вольности, раз за разом оказывается в положении сельского простофили, у которого ярмарочный фокусник — царь — извлекает из-за уха то монетку, то белого мыша. Нелепый псковский «боярский бунт», поднятый на немецкие деньги, и подавлять-то не пришлось: бунтовщиков перебили сами же псковитяне. Архиепископ Рижский ведет среди своей католической паствы умиротворяющую проповедь, повторяя на все лады «*Non est enim potestas nisi a Deo*» — разумно положив, что от добра добра не ищут; Святой Престол же ему в том ничуть не препятствует — ибо Папа рад-радешенек сделать ничего ему не стоящую гадость ненавистному германскому императору Фердинанду.

«Ливонский освободительный поход», затеянный поляками с литвинами в основном ради решения собственных внутренних нестроений, вместо *маленькой победоносной войны* обернулся грандиозным позорным разгромом — что, по чести говоря, было заслугой не столько русских воевод, сколько самогО короля Сигизмунда-Жигимонта, с его несравненными полководческими дарованиями. Горячие головы тогда призывали уже Иоанна вести победоносную армию прямо на Вильно, но тот — к крайней досаде Курбского — остановил войска на Двине, ограничившись захватом с ходу считавшейся неприступной немецкой твердыни Динабург-Двинск, после чего круто поворотил наступающую армию на восток и за считанные недели овладел двумя оставшимися почти без защиты «жемчужинами старорусского ожерелья» — Полоцком и Витебском. Полностью очистив, таким образом, от литвинов двинские берега и установив полный контроль над тем стратегическим водным рубежом, Государь, как рассказывают, оглядел штабную карту земель Литовской Руси, лежащих по ту сторону Двины, и, покачав головою, выдал очередную свою историческую фразу: «Нет, откусить-то, может, и откусим, но вот прожевать — точно не прожуём!»

Восточный же фронт всё это время успешно сдерживает напор московитов — изматывая врага гибкой эшелонированной обороной и нанося успешные контрудары. Обо всём этом яркими словами повествовало популярное в народе «Сказание о Давиде и троих Голиафах»; под Голиафами там подразумевались Московия

и Польша с Литвой, а под Давидом — Господин Великий Новгород. Сказание официально считалось плодом *стихийного творчества народных масс*, но так-то все думали, что написал его сам Государь, на досуге, а потом распространил в войсках для укрепления боевого духа.

Бывало и вовсе странное. Князь хорошо помнил, к примеру, собственное тягостное недоумение, когда Государь, прямо сразу на возрожденном Вече, провозгласил: «Новгородские ушкуйники — вот кто сохранил для нас под ордынским пеплом искру истинного варяжского духа. И Господом нашим клянусь: из искры сей возгорится пламя, в коем сгорят дотла и московские ханы, и тевтонские крестоносцы!» Ибо Серебряный-то, как человек военный, отлично понимал цену той «вольнице» и тем разбойным ватагам под парусом — в смысле их реальной боеспособности в сравнении с регулярной армией. И ведь второй раз — на те же грабли:

Не быть ни вечу, ни посаднику,
все нынче вровень, — на века…
И пусть осудят внуки-правнуки.
Не объяснять же дуракам…
Кто волю ценит слишком дорого,
тот, право слово, бестолков:
ведь не свобода бьется с ворогом,
а сила княжеских полков!

Но однако ж вышло-то опять по Иоаннову! Никто и глазом не успел моргнуть, как взявшаяся будто ниоткуда частная армия новгородских купцов с налета взяла Вятку, провозгласив *«реставрацию Вятской вечевой республики»*, и теперь, с той базы, стремительно покоряет Урал, где от одних лишь ужЕ разведанных подземных богатств голова идет крУгом. На Балтике эти же ребята вполне успешно ратоборствовуют с пиратами, препятствующими новгородской морской торговле. А на чье-то жалобное замечание: «Но ведь они же и сами пираты!», Государь лишь усмехнулся: «Пираты? *Вы так говорите, будто это что-то плохое.* Великие морские державы Гишпания и Британия — нам в образец!»

В общем, государевы придумки, при всей их кажущейся странности, раз за разом шли на пользу делу — никуда не денешься. Ну а в последние годы в стране явно наметилось то, что *заморские гости* уважительно именовали *повышательным трендом*. То бишь — у государства завелись деньги, и тратило оно их с толком. В смысле — на нужды армии: уж это-то

Серебряный знал доподлинно и всячески одобрял. Новые пушки были лучше московских, не говоря уж о польских. Жалованье и снабжение — с той поры, как в рамках «Чистых рук» вешать стали не только самих интендантов, но и старших над ними воевод — поступало в войска регулярно и в срок. Начали строительство современного военного флота — «Нэйви», как его всё чаще называли вслед за приглашенными на русскую службу английскими и голландскими корабелами.

То есть всё вроде бы делалось правильно и успешно — и вместе с тем как-то… нет, не то, чтоб *не так*, а… Взять вот, для примера, те же «Чистые руки» с тамошним «Закон один для всех»: звучит-то красиво, спору нет — типа «Несть ни эллина, ни иудея» — но с другого-то конца ежели поглядеть…

— А — Басманов? — снова вопросил польский вьюноша. Видно, устал ждать ответа на предыдущий вопрос и решил задать новый.

— Что — «Басманов»?

— Джуниор, я имею в виду. Его вы тоже знавали?

Этот вопрос воеводе не понравился совсем: парень был приметлив и вполне мог выстроить уже связь между визитами в полк крайне немногословных людей в гражданском (но с выправкой) и следовавшими вскоре затем операциями *на той стороне*. Один из таких людей, кстати, должен как раз в эти минуты куковать под дождем в густо заросшей орешником лощине в полуверсте отсюда, ожидая результатов их визита в *хитрую корчму* Соломона Просовецкого… Уходить от ответа, впрочем, было еще хуже.

— Знавал, конечно: в те стародавние времена, когда он еще командовал разведкой нашего корпуса. А что?

— А правда, что он… того? Ну… из *этих*?

— Понятия не имею, — равнодушно пожал плечами Серебряный. — Командиром он показал себя отличным, а *по этой части* я с ним, как ты догадываешься, дЕла не имел… Да и тебе — не всё ли равно? Тебя ж, небось, никто с ним в баню ходить не приневоливает.

— Да и кстати, — рассмеялся тут он, — всё это, скорее всего, вообще чепуха, слух, родившийся из его собственной дежурной шуточки: дескать, *ЭТО — единственный способ внедриться в английскую разведку*.

— А! Я-то всё удивляюсь — почему у него прозвище *английское*?

Серебряный же тем временем мысленно прикусил себе язык: а откуда, интересно, нынешнему шефу секретной службы «в те стародавние времена», когда тот еще командовал фронтовой

разведкой, было знать о нравах британских *коллег*? И если Пан-Станислав…

Однако додумать эту мысль (а Пан-Станислав — задать естественный уточняющий вопрос) он не успел: *началось*!

В дверях корчмы показался связной, знакомый им по прошлым переговорам — долговязый бродяга с сабельным шрамом на щеке, чьи нищенские лохмотья смотрелись ничуть не натуральнее крестьянских армяков его собственных бойцов. Нарушая все правила конспирации, он двинулся прямиком к их столу, бросив на ходу корчмарю пару фраз по-польски, от которых тот резко посерьезнел. «Давай-ка включайся!» — скомандовал Серебряный Пан-Станиславу; польский он разумел, но для серьезных случаев предпочитал переводчика.

— В лесу чекисты, князь, зондеркоманда. Как это понимать?

— Как *утечку*, а как еще?! Ах ты, ёлкин пень… Но, может — случайный патруль?

— Не похоже, совсем: передвигаются скрытно, соблюдая маскировку.

— Сколько их?

— Я близко разглядел троих, но их точно больше.

— Рандеву переносим, стало быть…

— Еще бы! Но вам — срочное *письмецо в конверте*, держите.

На сложенном вчетверо клочке пергамента четким угловатым почерком графа Тадеуша значилось по русски «Князю Никите». То, что послание передано вот так, напрямую, причем невзирая на шмыгающих по окрестному лесу чекистов, означало, что дело безотлагательное — и человек из басмановской разведслужбы, стало быть, не просто так конспиративно мокнет в тех кустах орешника, рискуя попасться в лапы и партизан, и малютиной зондеркоманды…

«Благородный разбойник» граф Тадеуш Витковский контролировал *Нейтралку* — довольно приличный кусок «ничейной земли» на стыке трех границ: Ливонии, Московии и Литвы. Выстоять в честнОм бою с армиями тех перманентно воюющих между собой «великих держав» графовы *вольные стрелки*, разумеется, не могли, но вот устроить веселую жизнь их тылам и коммуникациям — запросто, так что на *Нейралку* ту все, не сговариваясь, махнули рукой и старались без нужды туда не лезть: «Это, панове, как стричь свинью: визгу много, а шерсти чуть».

Мелкие стычки с вольными стрелками, выбиравшимися временами на отхожий промысел «за кордон», случались (это дело житейское), но обе стороны вели себя в рамках приличий и воинской этики. Граф не страшился лично участвовать во всегда

рискованных секретных переговорах о выкупе и обмене своих людей; тогда и познакомились, проникнувшись взаимным уважением. А поскольку такого рода негоции были сугубо незаконны и пахли трибуналом, и их приходилось секретить прежде всего от своих, Басманов-Джуниор, которого с Серебряным связывали доверительные личные отношения еще со времен той самой совместной службы во 2-м Корпусе, решил воспользоваться теми несанкционированными контактами как прикрытием для несанкционированных же («Семь бед — один ответ»…) агентурно-оперативных комбинаций своей собственной Службы. В многотайные дела начразведки князь, разумеется, старался не вникать («Меньше знаешь — крепче спишь») и ни на шаг не выходил за границы отведенной ему роли «дупла для записочек».

— Ладно, отбой. Передавайте Графу, что все ваши люди в добром здравии; пока.

— Ваши тоже, князь. И тоже — пока. До связи!

Бродяга двинулся прочь, тихо справился о чем-то у корчмаря (тот отрицательно мотнул головой) и исчез за дверьми. Серебряный подал уже своим условный сигнал «Уходим, резко!», но тут снаружи заорали: «Хальт!», тут же по-русски: «Стоять! Стой, с-сука!!!» — и два выстрела, с интервалом секунд пять: в угон, надо полагать.

Да-а… Вот уж свезло — так свезло… Сбоку глухо щелкнуло: Пан-Станислав взвел прямо за пазухой курок пистоли.

Дверь распахнулась настежь, едва не слетев с петель, и в помещение повалили черные епанчи с нашивкой зиг-руны на левом отвороте — стилизованное «S». Передний скомандовал железным голосом: «Всем оставаться на местах, руки держать на виду!» и повторил по-польски: «Nie rusza? si??apy na wierzchu!» Серебряный успел было подумать, что если связному посчастливится уйти, у них всё же останется шанс выкрутиться *без пролития крови* — но нет, сегодня точно был *не их день*: двое черных втащили под микитки раненого бродягу с бессильно поникшей головой и победно швырнули свою добычу к ногам старшего.

ЧОНовский лейтенант (штурмфюрер по-ихнему) брезгливо потыкал в раненого носком сапога и, видимо найдя того непригодным для немедленного допроса, обратился к хозяину:

— Эй, корчмарь! С кем он сидел за столом? Говори быстро, если не хочешь умереть плохой смертью!

Ага, значит утечка всё-таки *у тех*, а не *у нас*…

— Ни с кем, ваше благородие. Зашел, спросил чарку согревательного, прямо у стойки — и сразу назад. Торопился, по

всему видать.

— А ну-ка покажи монету, какой он расплатился!

Корчмарь, чуть помедлив, извлек из поясного кошелька мелкую денюжку. Серебряный со своего места мог хорошо ее разглядеть: новгородский алтын, их собственный. Черт, прокололся Просовецкий, и на старуху бывает проруха…

— Не, не принимается! Подумай-ка еще разок. И сдается мне, что если подвесить тебя за пейсы над угольками из вон того очага, это разом освежит твою память!

Ну-ну… Штурмфюрер явно был новичком и из нездешних, так что в местной специфике ни хрена не петрил. Если бы старика Просовецкого можно было закошмарить такими незатейливыми наездами, черта с два он продержался бы два десятка лет на рискованной и многодоходной должности содержателя *хитрой корчмы*…

Чекист же между тем, отвернувшись от стойки, оглядывал публику. Его изучающий взор скользнул по Серебряному, двинулся было дальше — но вдруг замер и резко дернулся обратно.

— Так-так-так… Чем дальше в лес, тем толще партизаны! — торжествующе объявил он; *вид у него при этом был такой, словно внезапно он, охотник, при самой дороге увидел зайца*. — Воевода! *Чому ж це вы без погон*? Курбского за образец себе берем — *в Москву, в Москву?*..

— Дурак ты, братец… — печально констатировал Серебряный. Дело и исходно-то складывалось скверно (разведотдел, разумеется, покрывать его не станет ни при какой погоде и от всего отопрется: «Я не я и лошадь не моя»), а уж *письмецу в конверте*, объявившемуся в его кармане, в руки людей Малюты попадать не следовало ни при каких обстоятельствах. *Ни при каких* — так что теперь только «острие против острия»… — Не буди лихо, пока оно тихо, *штурм* — езжай своей дорогой!

Сакраментальное «Слово и дело Государево!» было уже произнесено, и вот-вот должно было прозвучать «Вяжи его!» Ну-ка прикинем еще раз расстановку сил: их шестеро против нас, четверых — но расположились они на редкость бестолково, ибо двоих наших у себя в тылу так и не распознали и опасности оттуда не ждут. Разделенные силы, как сейчас у нас — недостаток в обороне, но достоинство в атаке, это азы тактики; ну, стало быть — нападаем первыми, с двух направлений.

Во «второй двойке» были люди опытные, побывавшие во множестве переделок: Михайло Затевахин, лесовик со Смоленщины, способный даже в полнолуние провести разведгруппу прямо сквозь расположение вражеского полка, и

боярский сын Феоктист — герой одиночных рекогносцировок. Вот и сейчас они не подвели — заблажили на два голоса: «Ой, шо ща будет! Ховайся, робяты!» и испуганно юркнули под стол. Хохот черных был громок, но прозвучавшие из под стола выстрелы — всяко громче… Почти в упор, по ногам — тут хорошо бы всё-таки обойтись без смертоубийства.

Спустя считанные секунды двое черных корчились на полу (у одного, похоже, повреждено колено); четверо остатних сгрудились у стойки, бросая ошеломленные взгляды то на «вторую двойку», вооружившуюся уже оброненными бердышами раненых и перекрывшую путь к дверям, то на черные зрачки четырех пистольных дул, мрачно разглядывающие их из-за столика Серебряного с Пан-Станиславом: последняя аглицая модель, фирмы «Кузнец Вессон», компактная и небывало надежная. Уложить их сейчас всех, одним залпом, не составило бы труда, но князь вместо того попытался воззвать к разуму:

— Бог свидетель, штурм, я тебя предупреждал: не ищи приключений на собственную задницу! А теперь — забирайте своих раненых и проваливайте!

Чекист, однако, был — кто угодно, но только не трус, а оставшиеся при нем бойцы оказались немцами, «*людьми дисциплины и приказа*»; к взаимному несчастью… И когда пошло реальное рубилово, Серебряный успел подумать с отстраненностью, не оставлявшей его весь этот вечер: «А хорошо, что я без сабли: мог ведь нарушить заповедь *„Не обнажай в корчмах“*…»

Дождь полил с новой силой, превращая ранние сумерки в поздние. Серебряный медленно поднялся с колен, перекрестив отошедшего Феоктиста, «героя одиночных рекогносцировок», и окинул взором поляну перед корчмой, оценивая масштабы катастрофы. Матч между командами «Сокол-и-Колокол» и «Зигруна» завершился предсказуемо: счет по убитым — 3:1, ранены же — все оставшиеся.

Более-менее оклемавшийся связной с Паном-Станиславом были уже верхами; в седлах, ясное дело, оба держались с превеликим трудом.

— Дорогу показывать сумеешь?

Связной кивнул.

— Ну вот, студент, закончилась твоя служба, — воевода пожал руку своего нештатного топографа — левую, цЕлую. — Давай к своим, авось не обидят.

— Я же слово чести дал, Никита Романович!

— Не дурИ. Дело наше — и так дрянь, и ты нам сейчас —

одно сплошное осложнение. А слово чести ты давал не державе Новгородской, а мне лично, я же тебя от него и освобождаю. Всё, трогайте!

Чернобородый здоровяк Затевахин — этот отделался парой царапин — стащил уже тем временем всю зондеркоманду — и раненых, и трупы — в сенной сарай, от глаз подалее.

— Ну что, воевода — кончаем их и уходим? Спишем на партизан и концы в воду…

— Нет.

— Ежели тебе руки пачкать неохота, Никита Романыч — сходи вон пока за угол, отлить. А я сам всё сделаю, возьму грех на душу.

— Нет. Они — свои. Какие ни есть — а свои.

— Да какие они, к дьяволу, «свои», воевода, опомнись! Кому — свои?

— Одному с нами государю присягали — значит, свои. Точка.

— Ну, ежели *они тебе* свои, Никита Романыч — значит, *я тебе* не свой. Троих чекистов грохнуть — это петля, без вариантов… если ты еще до той петли доживешь, в Малютиных-то подвалах. Прости, воевода, но в таком разе моя служба тоже закончилась: мы за тобой, сам знаешь, в огонь и в воду — но всё ж таки не прямиком на виселицу…

— Верное решение, сержант, — вздохнул Серебряный. — Двигай следом за *теми*, пока далеко не отъехали: у Графа всяких принимают, а уж тебя-то, с твоим послужным списком… Только слышь — Феоктиста с собой прихвати: похоронишь там по-людски, с попом и всеми делами.

— А… а вы как же, Никита Романович?

— У меня еще дела тут есть — срочные-неотложные. А дальше — видно будет…

Когда он приблизился с ножом в руке к связанному штурмфюреру, тот дернулся и прохрипел:

— Ну, давай! Только тебе всё равно не жить: Григорий Лукьяныч тебя и под землей сыщет, даже не сумлевайся!

— Да я и не сумлеваюсь, — поморщился воевода. — Вот, гляди: нож я втыкаю в притолоку; полагаю, где-нибудь за четверть часа вы — втроем — до него уж как-нибудь докарабкаетесь, и от веревок избавитесь… Извиняй уж, штурм, что так вышло: дружественный огонь, будь он неладен. Но я ведь тебя честно предупредил!..

Чекист некоторое время молчал, а потом сообщил:

— *Ты меня убить хотел. Я тебе это запомню.*

— *Не убил ведь.*

— *Да, не убил… Это я тоже запомню.*

Условный свист — длинный и два коротких — Серебряный повторял на подходе к заветной лощине трижды: не хватает еще только заполучить пулю из тех кустов — там-то человек тоже на нервах. Достойное вышло бы завершение нынешней эскапады… Так что когда на тропе возникла размытая сумерками тень, он испытал изрядное облегчение.

— Что там за стрельба? — поинтересовался оперативник, бережно убирая послание в непромокаемый мешочек за пазухой.

— Случайно нарвались на зондеркоманду. Вернее сказать, они на нас — ну и вышло «мужик медведя поймал».

— И как?..

— Убитые и раненые — с обеих сторон. Боюсь, Граф все контакты с нами временно заморозит.

— Скверно… Свидетелей ваших похождений, надеюсь, не осталось?

— Очень даже осталось: трое раненых чекистов.

— И вы их не?.. — у оперативника, похоже, просто не нашлось цензурных слов. — Вы в своем ли уме?!

— С вашей, профессиональной, точки зрения — вероятно да. Говорят, на вашем сленге такого рода *ликвидации своих* называют «басманное правосудие» — так вот *я*, как простой армейский *сапог*, не по этому делу, уж извините…

Человек Басманова некоторое время обдумывал ситуацию, а потом решительно скомандовал:

— Поехали. Федор Алексеич тут недалече — в паре часов: лично командует операцией. Дальше пускай решает сам. Но уж Малюте-то мы вас не отдадим ни в коем разе!

«Начразведки лично, на месте, руководит полевой операцией? Однако… — только и подумал он. — Письмецо-то, видать — ох, не простое… Так что посул *„уж Малюте-то мы вас не отдадим ни в коем разе“* можно понять очень по-разному…»

* * *

— …То есть вы больше года тщательнейшим образом готовили операцию — а потом буквально за один день всё переиграли и учинили сей *экспромт*?!

— Да, Государь. Это неповторимое сочетание случайностей, нам сам собою выпал тот самый «один шанс на тысячу». Не воспользоваться им было бы смертным грехом — фортуна навсегда отворачивается от тех, кто отвергает *такие* ее дары.

— Это даже не авантюра, Федор Алексеевич, а… слов не

подберу! Отправлять *на ту сторону* человека без минимальной подготовки, да еще и с такой *нарочитой* фамилией — Серебряный…

— В том-то и смысл, Государь!

— Ну-ка, объяснитесь.

— Слушаюсь…

Глава 3

Сумасшествие в вашем духе

И князь доскакал. Под литовским шатром
Опальный сидит воевода,
Стоят в изумленье литовцы кругом,
Без шапок толпятся у входа,
Всяк русскому витязю честь воздает;
Недаром дивится литовский народ,
И ходят их головы кругом…

А. К. Толстой

«Василий Шибанов»

По исчислению папы Франциска 21 августа 1559.
Литва, Бонч-Бруевичи. База вольных стрелков графа Витковского.

Хороший напиток — старка; впрочем, зубровка не хуже; понимают здешние в этом деле, что да, то да. Перебежчику же — по его понятиям — надлежало топить укоризны своей совести именно в крепких напитках, и вообще всячески завивать горе веревочкой. Что иногда чревато последствиями…

— Ну вот… — вздох ее был глубок как омут. — Хороший мой…

— Ну вот, хорошая моя!

Она тихонько засмеялась в ответ, не размыкая объятий, а ему припомнилась неведомо отчего печальная история другого князя, Телепнева-Овчины-Оболенского:

О том обычно говорить неловко, —
по-своему любой мужчина слаб:
зачем тебе прекрасная литовка,
иль мало на Руси цветущих баб?
Цветут они в России повсеместно,
В которую ни загляни дыру.
Понятно, переспать с царицей лестно, —
а ну как не проснешься поутру?

Но вот — проснулся; и не только проснулся…

— Решительная ты барышня, как я погляжу!

— Любимый дядюшка Тадеуш всю жизнь меня баловал: надеялся воспитать из меня настоящую разбойницу. И, по-моему, получилось.

— О, да!

Прекрасная литовка была даже как-то пугающе *в его вкусе*, во всех смыслах — кажется, это называют *идеал*? И если б он сейчас принадлежал себе… — стоп! не надо об этом, даже с самим собой.

— Но однако ж и старка твоего братца весьма поспешествовала, согласись…

Чистая правда: связной со шрамом, оказавшийся племянником графа Тадеуша, почел долгом чести *проставиться* своему спасителю бочонком этого божественного напитка — ну и имел неосторожность представить того своей вдовой сестре Ирине.

— У вас тут, сказывают, есть обычай: когда у шляхтича рождается дочка, он зарывает в саду под вишней дубовый бочонок со старкой, предназначенный к распитию на ее свадьбе. А поскольку долго ждать шляхтичам обычно невмоготу, дочек тех норовят выпихнуть замуж — чем раньше, тем лучше. Это уж не твой ли бочонок мы давеча дегустировали с Витольдом?

— Увы мне — мой бочонок осушили в незапамятные уже времена. И да — первый раз меня выдали замуж в пятнадцать. А к семнадцати — я в первый раз овдовела: у нас, в приграничье, с этим делом быстро.

— Прости дурака.

— Да что ж тут прощать-то? Это жизнь…

— Послушай… Я иногда болтаю во сне… Я ничего такого не?..

— Если тебя интересует, не называл ли ты меня спросонья ласковыми именами каких-то предыдущих своих женщин — нет, не называл, — опять рассмеялась она. — Но пару раз и вправду начинал что-то бормотать: какие-то цифры… или даты… Да что с тобою, хороший мой?

— Ничего. А что такое?

— Ты вдруг стал… как каменный. Я что-то сказала не так? или сделала?

— Да нет, — соврал он, — просто лег плохо.

— Рану твою растревожили?

— Чуток. Не бери в голову — и чтоб мне всю жизнь вот так вот *растревоживали*!

В окошко осторожно постучали.

— Ну их всех в пень! — прошептала ему на ухо Ирина. — Нету нас тут, правда?

— Ага! Мы сейчас возлежим в Эдемском саду… объевшись яблок. А что не зъили, то понадкусали.

Стук повторился — уже настойчивей.

Ирина выругалась — кратко, энергично и образно, как и надлежит *настоящей разбойнице,* — и нашарила за изголовьем сброшенную сорочку:

— Ты лежи — я сейчас. И продолжим!

Господи боже, что я творю, безнадежно подумал он, тщетно пытаясь укрыться от недоутопленной в старке совести в темноте за сомкнутыми веками.

— Эй! — окликнули извне. — А как я тебе при солнышке?

В косом утреннем луче, падающем из низкого оконца, перед ним предстала беломраморная италийская статуя — из тех, что ему довелось повидать в Риге, и на которые категорически противопоказано глазеть солдатам. Только вот не бывает у статуй такого восхитительного солнечно-золотистого пушка под мышками, а здесь можно было зарыться в него, и снова вдохнуть ее запах, и снова сойти от него с ума.

Да! Да!! Да!!! Да! — Да! — Да! — Да! — Да! — Да! — Да! Да. Да…

— А можно мне чуток покапризничать, хороший мой?

— Да можно и не чуток, хорошая моя!

— Там на столе, за печью, ендова с квасом. Пить хочется ужасно, а встать уже сил никаких нету.

— Эх, жаль, что квас тот не охраняет какой-нибудь Змей-Горыныч, или хотя бы сорок разбойников! — ухмыльнулся он, натягивая подобранные с полу портки (ибо лицезрение обнаженной девушки и голого мужика — вещи сугубо разные).

— Там, кстати, на столе еще и записка, это ж как раз тебе принесли. Пан Григорий кланяется и просит заглянуть, как улучишь минутку.

О-па! — вот ведь накликал… Или наоборот — ему реально свезло? Ведь не покинь он сейчас ее объятия, отправляясь за той ендовой — и она опять, как перед тем, безошибочно ощутила бы чудесным, *любящим* своим телом: что-то не так! Григорий Горчилич по кличке Горыныч, родственник и правая рука Графа, ведавший у того разведкой и контрразведкой, слыл весьма проницательным человеком, так что вежливый вызов к нему мог кончиться очень по-всякому.

На крылечке избы, где квартировал Горыныч, двое его подчиненных играли в «камень-ножницы-бумагу»: скорость

реакции обоих впечатляла.

— У себя? — поинтересовался Серебряный после обмена приветственными кивками.

— Проходи. Ждет.

Тут как раз замаячил в дверях и сам ящер:

— Ого! — залюбовался он князевой персидской саблей: косые солнечные лучи, зажигая рубины на ножнах, облекали ее сплошным огненным ореолом. — Не позволите ль наконец разглядеть вблизи *вашу прелесть*?

— Сделайте одолжение, — усмехнулся князь, расстегивая перевязь; приказ «Сдать оружие» был отдан во вполне корректной форме.

— Да, убедительно, — вынес экспертное заключение контрразведчик, примерив рукоять к ладони и полюбовавшись морозными узорами на дамасском клинке. С затаенным вздохом вернул чудо-оружие хозяину и сделал знак: давай, мол, за мной.

— В каком смысле — убедительно? — поинтересовался князь, проходя следом за ним в горницу.

— В том, что за эдакой штукенцией и впрямь можно было вернуться, рискнув башкой. Я бы, пожалуй, рискнул!

Уселся за колченогим столом с лукошком ягод посередке, сделал приглашающий жест — «Присоединяйтесь, князь, присоединяйтесь!» — и произнес со всей задушевностью:

— *Никита Романович, вы шпион?*

— *Шпион — слишком емкое понятие,* — пожал плечами Серебряный, устроившись на скамье напротив и выбирая в лукошке ягодку порумяней. — Послушайте, а выпить у вас не найдется? А то башка трещит со вчерашнего…

— Вон там крынка с квасом, угощайтесь. А вот крепкие напитки вам сегодня противопоказаны.

— Шпионам не положено? — ухмыльнулся князь-перебежчик.

— Послушайте, Серебряный, — хмуро и уже без показного дружелюбия откликнулся контрразведчик. — Ваша история настолько смахивает на сляпанную второпях, на коленке, легенду для инфильтрации, что просто не может ею быть: я слишком уважаю для того *коллегу* Джуниора. Да к тому же еще и ваша репутация тут, в приграничье: я не верю, что вы позволили убить своего человека, этого самого Феоктиста, ради придания достоверности инсценировке — а вот в такую дурь, как недоликвидированные вами чекисты, верю как раз вполне. Рассказы всех участников того побоища в корчме — и наших, и вашего Затевахина — совпадают… ну, совпадают с такими расхождениями, без которых это было бы как раз подозрительно. Единственный темный момент — куда и зачем вы тогда

подевались сразу после, почти на сутки. Однако тайное возвращение в расположение полка за такой саблей, как эта — сумасшествие как раз в вашем духе… Наградная?

— Угу. Из собственных рук комкора Курбского, за Кесс.

— Символичненько…

— Вот именно. Надо было еще полковую казну с собой прихватить. А то сбежал вот в чем был, с саблей и парой пистолей.

— А вот это как раз было бы явным перебором! — возразил контрразведчик. — Я ж говорю — репутация… В общем, я совсем уж было поверил, что никакого двойного дна в вашей печальной истории нет: превратности войны. Но…

Возникла пауза.

— Но я, тем не менее, сижу сейчас с вами один на один и при оружии, — терпеливо переждав ту паузу, прервал ее князь. — Так в чем состоит ваше «но»?

— В том, что вами как-то очень уж интересуются по обе стороны границы. Новгородцы вот предложили нам с графом сотню золотых за вашу голову; это *очень* много. А знаете, сколько за живого?

— В пОлтора больше? Вдвое?

— Так вот, нет: ровно столько же.

— Странно…

— Почему? Им нужно ваше молчание — и ничего кроме.

— Странно, что Малюта так расщедрился…

— Малюта хоть и объявил вас в розыск, но головы ваши оценил в стандартные копейки. А ту груду золота сулит — Джуниор.

— Ка-ак? — изображать изумление князю не было нужды: ни о чем подобном в те «почти сутки после» и речи не было.

— Да вот так: новгородская разведслужба, очевидным образом, считает вас обладателем каких-то своих топ-секретов и не постоит за ценой, чтобы заткнуть вам рот — любым способом.

— Спасибо за предупреждение… Знать бы еще самому, каких ихних секретных репьев я ненароком нацеплял себе на штаны. Х-холера Ясна, что вообще может знать об этих делах армейский *сапог*, даже если его поиспользовали пару-тройку раз как «дупло для записочек»?..

— Для вас сейчас это уже несущественно: *решение по вам* в Иван-городе уже принято, а рыбка задом не плывет. Граф считает себя вашим должником — за Витольда, да и вообще почел бы такую сделку за бесчестье; однако сотня золотых — для здешних мест целое состояние, народ у нас тут шатается очень разный, а приставить к вам охрану мы, разумеется, не можем.

— Вы полагаете меня неспособным даже позаботиться о собственной безопасности? — светским тоном осведомился князь.

— О собственной-то — пожалуй да, но вот о безопасности оказавшейся рядышком влюбленной барышни — не факт. Если же барышня та ненароком *попадет под разлёт осколков* — отношение к вам со стороны Графа может поменяться самым решительным образом. Я достаточно ясно выразил свою мысль?

— Более чем, — криво усмехнулся Серебряный. — У меня даже мелькнуло на миг подозрение: а вправду ль моя голова оценена? Или кое-кто намекает, что мое присутствие тут расстраивает кое-чьи матримониальные планы?

— Нет, князь. Слово чести: нет. А если вдруг вам этого слова недостаточно — нам придется сравнить наши сабли не по убранству ножен, а по заточке клинков.

— Примите мои извинения, пан Григорий, за неудачную шутку.

— Извинения приняты, Никита Романович. Но предостережение мое остается в силе.

— Ясно. Мое присутствие, стало быть, сделалось несколько обременительным для хозяев… А что вы там давеча говорили насчет «по обе стороны границы»?

— Ну, мимо внимания московских *коллег* Джуниора не прошел такой *аттракцион невиданной щедрости*, с кучей золота за голову простого, как вы изволили заметить, «армейского *сапога*». Сегодня на закате их человек будет ждать вас с лодкой в тальниках на нашем берегу Пышмы — под мои гарантии безопасности для вас обоих. Советую вам рассмотреть их торговые предложения со всей серьезностью — исходя из того, что вы случайно вступили в обладание каким-то очень ценным, но очень *токсичным* товаром; и явно скоропортящимся, в добавок. Мои ребята, с кем вы давеча повстречались на крыльце, вас как раз и проводят.

Серебряный некоторое время сосредоточенно выбирал ягодку в лукошке, стараясь не встретиться взглядом со Змеем. Пока всё идет… нет, даже молчать с самим собой на эту тему не стОит.

— Ладно, — с показным смирением подытожил он. — Поскольку я сюда, по всему видать, уже не вернусь, надо бы сходить забрать вторую половину моего невеликого имущества.

— Если вы о своих аглицких пистолях, — холодно откликнулся контрразведчик, — это уже сделано.

По его оклику тут же возник в дверях старшой из «привратников», с обеими кобурами через плечо.

— Вы хотите сказать, — нейтральным тоном осведомился князь, — что нам не позволят даже проститься?

— Увы! — развел руками «правая рука Графа». — «Настоящие разбойницы» имеют как наклонность к необдуманным поступкам, так и широкие возможности их совершать. Впрочем, вот, — с этими словами он пошарил где-то за спиной, и на столе появились перо с чернильницей и клочок пергамента. — Пишите: она грамотная, если что. Это всё, что я могу для вас сделать.

Черт его знает — может, *так* всё и к лучшему, а? Что тут вообще скажешь, двумя-то словами: «Жди меня, и я вернусь», ага, или «Прости и забудь» — тьфу… Поразмыслил еще пару секунд, прислушавшись к себе и к ней — как она ему представлялась, и решительно начертал: «Помолись за меня, хорошая моя!» Засим встал из-за стола, перекрестясь на красный угол:

— Ну так что — по коням?

Вечерний туман вовсю уже затягивал понизу тальники, но князевы провожатые нашарили тропку безошибочно: чувствуется, хаживали тут не раз и не два.

— Вон они! — прошептал направляющий, скомандовав поднятой ладонью «стоп».

— У костерка греются? — Серебряный ощутил внезапный озноб: то ли от наползающей с реки промозглости, то ли от какого-то скверного предчувствия.

— Не, костерок как раз для отвода глаз. А москаль — вон он, между во-он теми двумя вётлами, ближе к правой. Один, как и уговорено. Видишь его?

— Теперь — да.

Темный силуэт, неразличимый доселе, отделился от древесного ствола и шагнул на заснеженную туманом тропинку меж черными глыбами кустов.

— Второй должен быть при лодке. Всё, ступай, князь. Мы страхуем отсюда — в случ-чо. С богом!

Он прошел почти полдороги, когда ощущение «Что-то не так!» сделалось столь явственным, что последовавший мгновение спустя условленный свист сзади и окрик: «Шухер! Ховайся в тальник!» в общем-то даже не застали его врасплох. Крик тот оборвался хрипом, который опытное ухо не перепутает ни с чем; *москаль* же, с которым они почти уже сошлись, в свой черед заорал, полуобернувшись: «Подстава! Уходим!», сунул было руку за пазуху, и вдруг опрокинулся навзничь — да так, что тоже не перепутаешь, а затем удар, швырнувший наземь и его самого, дал ответ на уже сформулированный им вопрос: «Почему же всё так бесшумно-то? — Да потому что — арбалеты!» Болт угодил ему в то самое правое плечо, *царапнутое* в корчме, и боль — слава те, Господи! — была такая, что даже в отключку не уплывешь, как

там те немецкие лекаря изъясняются-то — Schock? — и он, сидя («…*На попе ровно*, хихи…»), даже как-то неспешно извлек неповрежденной левой безотказный аглицкий пистоль, выцелил правую из двух надвигающихся на него увеличенных туманом фигур, на несколько мгновений ослеп от вспышки, а когда зрение его слепилось обратно из оранжевых клочьев, фигура надвигалась уже одна, и второй пистоль был уже в руке (как? как он исхитрился его извлечь из-под левой же?), но тут аглицкий курок щелкнул в осечке, раз и два («…*Всё бы вам заграничное хаять*…»), едва ль не громче самогО выстрела, как ему показалось, и ТОТ — порождение ночных кошмаров, где *ничего уже поделать нельзя* — тоже услыхал и понял: ВСЁ, и *победно* перешел с бега на шаг, и тут где-то сзади-справа грохнуло-вспыхнуло, и приближающаяся из тумана Смерть свернулась в три погибели, схватясь за живот, и упала ничком в молочный ручей тропинки.

«А, так это, небось, тот *второй*, что *при лодке*», — успел подумать Серебряный, расслабленно соскальзывая в прохладную темную бездну.

Очнуться ему помогли боль и холод: облепивший тело ледяной компресс из промокшей насквозь одежды странным образом сделал голову почти ясной. Зловеще шушукающиеся камыши цепко держали текущую всеми щелями лодку-дощаник, на дне которой он и скорчился, упершись сапогами во что-то по-нехорошему податливое; по берегу заводи бестолково перемещались три или четыре факела и слышалась перекличка дозорных, состоящая на две трети из словозаменительного русского мата; развороченное правое плечо было худо-бедно перевязано, а вот левой — целой, насколько он помнил — рукИ он не чувствовал вовсе; попытавшись пошевелить пальцами, он сообразил, что они как сжали некогда мертвой хваткой ту *волшебную саблю*, так и закаменели в той судороге. Сгорбившийся на веслах человек в капюшоне заметил это его движение:

— Никита Романович, вы в памяти? Запоминать способны?

— Да. Надеюсь.

— Вы — сержант Особой контрразведки боярский сын Петр Павловский, жетон номер 113, а я — ваш командир, лейтенант Павел Петровский, — с этими словами гребец склонился к Серебряному и застегнул у него на шее цепочку с небольшим медальоном, размером с монету. — Участвовали в операции по эвакуации *с того берега* секретного агента. Операция провалилась, мы угодили в засаду, агент погиб. Это всё, что дозволено знать местным *сапогам*, со всеми прочими вопросами

любопытствующим следует обращаться в Москву, непосредственно к боярину Годунову. Запомнили?

— Запомнил. А куда подевался некто князь Серебряный?

— Его труп — у вас в ногах. Но вам, разумеется, имени погибшего агента знать не положено.

— А чья была засада?

— О, если б знать… Может, ваша, а может, и наша; точно — не Графова. Будем разбираться. Вам по-любому лучше пока не числиться на этом свете. Так что уходить отсюда, с заставы, нам надо немедля, по темноте: погранцам лучше бы не разглядывать на свету ваши с покойником физиономии. Пару верст в седле — продЕржитесь?

— Не уверен, — честно признался Серебряный.

— Надо продержаться. Стрелу я извлек, пока вы были в отключке; рана скверная, но, как ни удивительно, кость уцелела. В поселке уже отлежитесь как следует, тем более что там нынче проезжий врач случился, настоящий… кто-то за вас, похоже, крепко помолился! Глотните-ка пока согревательно-укрепляющего.

На берегу тем временем, похоже, решили наконец вопрос — кому лезть в ночную августовскую воду, презрев рекомендации Ильи-пророка. Там захлюпало, а нематерные вкрапления из речи служивых исчезли вовсе.

— Повторите, князь!

— Боярский сын Петр Павловский, Особая контрразведка, жетон номер 113. Со всеми вопросами по операции — это в Москву, к Годунову.

Глава 4

Ну вот и всё, государи мои!

Дождь лил третьи сутки не переставая.

Варлам Шаламов

От сотворения мира лето 7068, августа месяца день тринадцатый.
По исчислению папы Франциска 23 августа 1559 года.
Московские земли, деревня Гадюкино. Постоялый двор.

— Ну и как оно? — осведомился лейтенант, аккуратно пристроив свой плащ, с которого аж текло, на колышек в стене и присаживаясь в изножье князевой койки.

— Редкостная дрянь здешний самогон, — откликнулся недужный, извлекая из-под укрывающей его епанчи аглицкий пистоль и укладывая оный поверх оной, аккуратно сняв курок со взвода. — Слушай, допей заместо меня, а?

— Не, не пойдет. Это — лекарство, ну, в смысле — что в той сивухе растворяли. Казенные деньги плочены.

— Тебе-то, как я погляжу, не меньше моего сейчас требуется — здоровье поправить. Вон, нитки ж сухой на тебе нету!

Пару секунд лейтенант размышлял, а потом залихватски взмахнул рукой:

— Ин ладно! Видит бог — не пьем, а лечимся.

Разлили всклень, чокнулись; отерли вышибленную напитком слезу — ух, проборист… Продышались, захрустели огурцом; местный засол был — так себе, под стать напитку, но хоть дубового листа, для хрусту, не пожалели.

— Ну и как там — могилка моя? Соловей не пропел уже?..

— И пропел, и просвистал, и опять улетел… Рад сообщить также, что Ирина Владиславовна Витковская, посетив давеча означенную могилку и получив из моих рук второй твой пистоль — на память, надела-таки траур…

Он сгреб контрразведчика за ворот, левой — «Ах ты, гад!!» — и ощутил безмерное унижение от того, с какой аккуратностью тот уложил его, обездвижив, обратно на койку, дернулся было — правой, размочаленнной — и вновь улетел в отключку…

— Прости уж, князь, но, право слово, детство какое-то. Ты хоть понимаешь, что мы оба живы пока еще потому лишь, что ты

— покойник? Извини за каламбур…

— Да похер…

— О как… Я и не знал, что у тебя с ней всё так всерьез.

— А если б знал?

— Придумал бы кое-что посолиднее. Но, в общем — *и так неплохо получилось*… Давай-ка лучше еще раз подумаем-повспоминаем — что ж ты такого узнал ненароком, что за твоей головой охотятся?

— А кто охотится-то? Что-то прояснилось?

— Увы, — развел руками контрразведчик. — Все трое нападавших мертвы: по штуке застрелили мы с тобой, третьего прикончил в рукопашной адъютант Горыныча — тот, что уцелел. Все они — гастролеры, кто их нанимал — так и не прояснилось; концы в воду. Так что давай-ка искать наш потерянный ключик под другими фонарями.

— Давай. Моя память — в полном твоем распоряжении.

— Я тут крутил в голове, так и эдак, твои показания… виноват, повествование! — и навестила меня одна мыслишка. Ты со своими людьми трижды участвовал в глубоком поиске на нашей территории, в полосе будущего нашего наступления…

— Но мы там ни в какие секретные контакты ни с какими лазутчиками не вступали, никаких донесений в условленных тайниках не забирали и не оставляли!

— Да это-то я понял. Но в твоем рассказе промелькнула одна странность, вроде бы чепуховая, хотя — как знать… Я не стану давать тебе подсказок, чтобы ты не начал подгонять решение под ответ. Просто расскажи про те рейды еще раз, со всеми подробностями, что вспомнишь. Начиная с последнего — и отматывая назад; поехали!

Рассказ Серебряного был долог и обстоятелен, благо с памятью у воеводы был полный порядок.

— …Ну вот. А третий — самый первый, в смысле — поиск был в зоне не нашего корпуса, а Первого. У них, помнится, не было еще тогда своей фронтовой разведки, ну и затребовали нас. Приказ на перебазирование мы получили в самом начале августа, аккурат на Медовый Спас…

— Стоп! Да, вот она, *деталька*… Ты во второй уже раз поминаешь тот Медовый Спас, а этого просто не могло быть. Ты наверняка перепутал — то был Яблочный Спас, двумя неделями позже.

— Нет, совершенно точно Медовый. Там у нас рядышком три пасеки было, и мы еще печалились меж собой — вот, дескать, нашли время воевать, так медовухи и не отведаем…

— Точно?!

— Точней некуда. А в чем такая уж разница-то?

Контрразведчик, однако, что-то напряженно высчитывал про себя, даже загибая для верности пальцы. Завершив же те подсчеты, он поднялся на ноги, прошелся по комнате взад и вперед и произнес куда-то в пространство, весело и злорадно:

— Ну вот и всё, государи мои!

Князь безмолвно ожидал продолжения. Лейтенант некоторое время разглядывал его, после чего покачал головою:

— М-да… На ИХ месте я тоже не пожалел бы ста червонцев за твою голову. Сам-то понял, что сказал — про тот Спас?

— Ну, все три поиска были в зонах будущих наступлений — весьма точно и по месту, и по времени… До странности точно, я бы сказал. Вы подозреваете утечки?

— *Подозревать* можно в двух случаях, последних. А вот в первом случае — на Медовый Спас 57 года — это не *подозрение*, а *полная уверенность*. Вы получили приказ на перебазирование раньше, чем в Москве было принято само решение о том наступлении.

— Но тогда выходит, что… — заканчивать Серебряный не стал, отвернувшись к стенке.

— Да, именно так: в Москве сидит новгородский *крот*, причем на уровне — выше некуда. А эти твои свидетельства — смертный приговор для него, так что рот тебе надо заткнуть любой ценой… Ах да, виноват! — теперь уж не «тебе», а нам обоим.

— Ну и что делать будем? — осведомился князь после краткого раздумья.

— Надо добраться до Москвы и дать там показания непосредственно Особому трибуналу. Тогда ликвидировать нас будет уже бессмысленно.

— А ОН, или ОНИ, сделают всё, чтобы мы до той Москвы не добрались…

— Само собой. Но если доберемся — Годунов наградит тебя по-царски, не сомневайся.

Глава 5

Новоблагословенные

Бумаге служат в качестве заклада
У нас в земле таящиеся клады.
Едва их только извлекут на свет,
Оплачен будет золотом билет.

Гёте

«Фауст»

От сотворения мира лето 7068, сентября месяца день первый.
По исчислению папы Франциска 11 сентября 1559 года.
Москва. Тверской тракт у заставы.

— Уфф! Наконец-то мы у врат Москвы! — констатировал лейтенант Петровский, осаживая коня.

— Не впечатлен, — не удержался от колкости Серебряный.

Врата и впрямь не впечатляли. По правде говоря, это были и не врата никакие, а самые обычные ворота — деревянные, на вид хлипкие. А поскольку вокруг них, сколько хватало взора, простиралось жнивье, преграда эта была, по первому впечатлению, чисто символической.

Однако, чуть присмотревшись, князь заметил стрельцов в небогатой, но справной одёжке, все при оружии. Более того, возле ворот стояли навесы характерного вида. Серебряный готов был поставить нательный крест против копейки, что под навесами — ямы, в которых скрыты малые пушчонки-картечницы. Не укрылись от его внимания и мохнатые псы, сидящие возле столбов и недобро скалящие клыки. И наконец — на дороге и вокруг были вкопаны бревна. Проехать между ними шагом было можно, а вот махнуть лихим намётом — вряд ли… В общем, это была маленькая, но хорошо укрепленная застава, способная до прибытия московских подкреплений успешно обороняться против шайки татей или ватаги залетных шишей, пытающихся хитростью или силой прорваться к московским стенам.

Никите Романовичу такие заставы были знакомы по Риге.

— У нас такое называется — блок-пост, — сказал он.

— Не у нас, а у Ливонского вора, — привычно поправил

лейтенант.

Петровский — впрочем, князь подозревал, что он такой же Петровский и, возможно, такой же лейтенант, как сам он — «сержант Павловский» — был человеком в высшей степени осмотрительным. В частности, он никогда не высказывался хоть сколько-то критически о московских порядках. У Серебряного сложилось впечатление, будто лейтенант всё время ждет, что любой его собеседник или напишет на него донос, или будет допрошен под кнутом. Впрочем, если учесть род занятий лейтенанта, такой ход мысли был вполне объяснимым.

— А у вас как это называется? — спросил он, кивнув на заставу.

— Блок-пост, — не моргнув глазом сообщил Петровский.

Никита Романович в который раз подумал, что в Московском Кремле тоже не дураки сидят. Во всяком случае новинки, касающиеся военного дела, они перенимали очень быстро.

Тут внимание князя привлекла серая будочка, стоящая от ворот наособицу. Перед ней стоял мужик в армяке и, размахивая руками, бранился на чем свет стоИт.

— Это что? — поинтересовался он.

Петровский прищурился, потом картинно шлепнул себя по лбу.

— Господи, совсем запамятовал! Тебе ж серебро сдать надобно.

— Чего сдать? — покосился на собеседника Серебряный.

— Серебро. Что-нибудь серебряное у тебя есть? Ну, кроме жетона?

— Откуда? У меня и денег-то нет, — напомнил князь.

Денег у него и в самом деле не было. Во время путешествия за всё расплачивался Петровский. Князю было отчасти неловко, но лейтенант на это говорил: «А, не бери в голову — это идет как *представительские расходы*». Серебряный понял это так, что потраченное лейтенанту возместят на службе.

Впрочем, расходы те были невелики. До Москвы они добирались глухими, окольными тропами, обходя города. Столовались и ночевали в деревеньках, где любой медяшке были рады. Хотя дело тут было не в экономии: судя по всему, лейтенант тщательно избегал контактов с собственной Конторой.

Тем не менее слова о деньгах лейтенанта не успокоили.

— Да что деньги… — протянул он. — Может, какая цепочка там… шитьё… Крест-то у тебя какой?

— Православный, освященный, — князь произнес это несколько нервно. Крест тот был снят с убитого литовского рыцаря неясного вероисповедания. Полковой поп никаких

католяцких непотребств в том кресте не усмотрел и за пять копеек освятил. Но вдруг чего?

— Да не то! Он у тебя серебряный?

— Золотой, — сказал князь. — С изумрудом.

— С изумрудом — это хорошо… Ладно. Пора тебе уже познакомиться с нашей финансовой системой. Вот, держи, — и он протянул князю серебряный рубль.

Тот, недоумевая, взял монету.

— Это на первое время. Только сначала обменяй в будке.

— На что? — не понял князь.

— Там скажут. Заодно и порядок узнаешь.

Князю показалось, что на профессионально бесстрастной физиономии Петровского отобразилось некое знакомое ему выражение. Примерно как у войскового старшины, посылающего новобранца, не знающего армейских примОчек, на склад за ведром звиздюлей.

«Ладно, посмотрим, что у них там», — решил князь, спешился и направился к будке.

Мужик в армяке всё продолжал разоряться. Слова при этом он кричал такие, что даже ко всему привычному Никите Романовичу стало соромно.

Отодвинув мужика, он обнаружил окошечко, за которым виднелась чья-то наетая ряшка. По ней было видно, что обладатель ее — птица невысокого полета, но физическим трудом давненько уже себя не осквернял.

— Мне… это самое, — сказал Серебряный и показал рубль.

Глазенки на наетой ряшке блеснули, как два начищенных полтинника.

— Меди нет, — скучным голосом сообщил меняла. — Есть *новоблагословенные* по пять, десять, двадцать и пятьдесят копеек. Премия за сдачу грешного металла — пять копеек ассигнацией. Давай сюды, — и он протянул пухлую руку.

— Как это — меди нет? — не понял князь. — А на что ты тогда меняешь?

— Говорю же, на *новоблагословенные,* — сообщила ряшка и показала какую-то бумажку величиной с ладонь. На бумажке Серебряный успел разглядеть чей-то портрет.

— Это что? Дай-ка поглядеть, — князь протянул ладонь.

Пухлая рука тотчас отдернулась.

— Поглядеть? Может, тебе и ключ от дома, где деньги лежат? — угрожающе протянул меняла.

Никита Романович прикинул ситуацию. Покупать за рубль какую-то бумажку он, естественно, не собирался. К тому же физиономия будочника выдавала в нем изрядного хитрована. А

народные рецепты для излечения избытка хитрости воевода, по долгу службы, знал отлично.

— Ща, погодь, — улыбнулся он ряшке и быстро обошел будку в поисках двери. Найдя которую — рванул на себя со всей мочи.

Расчет оказался неверным. Дверь, с виду хлипкая, не поддалась. Зато всполошились стрельцы на воротах. Видимо, за будкой они приглядывали.

— А ты резкий, — то ли осуждающе, то ли одобрительно заметил Петровский, неведомо как очутившийся рядом. — Только зря ты так. Обменник-то казенный. Ежели чего не так, стрельцы набегут.

— Кони наши где? — забеспокоился Серебряный.

— Туточки, — лейтенант дернул шеей, показывая направление. — Пригляди, а я пока сам с человечком потолкую.

О чем лейтенант толковал с менялой, князь так и не узнал. Но когда он снова склонился над окошком, надменное выражение на наетой ряшке сменилось напуганно-недовольным.

Серебряный снова достал рубль.

— У меня и меди-то столько нет, — печально сообщил меняла. — Вот те крест святой, — и он размашисто осенил себя крестным знаменьем.

— А если найду? — угрожающе произнес Никита Романович.

— Ну разве что медницами, — вид у менялы сделался окончательно жалким.

Князь подумал.

— Треть чешуйками насыпь, а остальное монетой, — распорядился он.

Кряхтя, меняла достал откуда-то позвякивающие ящички, принялся копаться в них.

— Только это… тово… — заговорил он просительно, — может, всё-таки… хоть десять копеек бумажкой возьмешь?

— Дай сюда свою бумажку, — распорядился князь. — Поглядим, что за сустель такая.

С горестным вздохом меняла протянул князю бумажный прямоугольник. Никита Романович его взял, посмотрел на просвет.

Бумажка оказалась маленькой гравюрою. С одной стороны располагалась парсуна какого-то достойного мужа в пышных одеждах и шапке Мономаха. Кругом лепились маленькие буковки с титлами. Щурясь, Серебряный разобрал начало надписи: «Бжіею милостію великій гдрь и великій кнзь володимеръ…» и сообразил, что это изображен Владимир Старицкий.

На оборотной стороне было большими буквами написано: «Десять копеекъ» и ниже буквами помельче — «златомъ». Вокруг

шли всякие узорчики и финтифлюшки.

Подумав, Серебряный решил, что бумажка сделана искусно, но десяти копеек точно не стоит, да и копейки многовато.

— Три чешуйки — красная цена товару твоему, — сказал он, сминая бумажку в кулаке и пуская комочек меняле в рожу.

Тот с неожиданной прытью нырнул под прилавок, бумажку достал, разгладил и куда-то убрал. Потом снова занялся медью.

В этот момент князь хватился, что у него нет кисы для денег. Спросил менялыцика, тот приободрился и предложил вышитую за десять копеек. Сторговались за три, и было видно, что менялыцик остался доволен.

Пересчитывать медяки князь поленился: по грустному виду менялы было видно, что тот если и смухлевал, то *в рамках приличий.*

Сам проход через блокпост трудностей им не составил. Петровский даже и не показывал ничего, да и слов никаких не говорил. Тем не менее и он сам, и Серебряный не удостоились даже расспросов — «кто и откуда», хотя следовавшего за ними всадника в синем кафтане спешили, отвели в сторонку и обыскали весьма тщательно. Тот не возражал и гонору не показывал: по всему видать, такое обращение было тут делом привычным.

— А всё-таки: что за бумажку-то мне меняла всучить норовил? — поинтересовался Никита Романович, когда они, миновав блок-пост, приближались уже к слободам.

— Бумажку? Это наши деньги, — со странным выражением усмехнулся Петровский. — Серебра у нас, вишь, нету, так мы из бумаги их делаем.

— Как это — серебра нет? — удивился князь. — А куда оно подевалось?

— Долгий разговор… Ты погоди, погоди, — и лейтенант поднял руку, как бы защищаясь от дальнейших расспросов. — Всё сам увидишь и разберешься. Со временем…

Серебряный это понял для себя так, что любое внятное объяснение будет не к чести Московского государства. Так что лейтенант, похоже, решил: пусть лучше князь узнает подробности *не от него.*

Глава 6

Ночной дозор

Я вернулся в мой город, знакомый до слёз,
До прожилок, до детских припухлых желёз.

Мандельштам

От сотворения мира лето 7068, сентября месяца день первый.
По исчислению папы Франциска 14 сентября 1559.
Москва, Замоскворечье. Трактир на Пятницкой.

Ожидание затягивалось.

Связного всё не было и, как подсказывало Серебряному сердце-вещун, уже и не предвиделось. Впрочем, поскольку вместо связного к ним не нагрянула ни группа захвата, ни какой-нибудь сноровистый *гашишин*, всё могло объясняться и естественными накладками.

Встречу в трактире спланировал всё тот же Петровский, апологет обходных маневров и медленного поспешания. Даже здесь, добравшись уже, вроде бы, до пункта назначения, он и не подумал являться с докладом в свою штаб-квартиру, пред светлы очи Начальства, а *залег на дно* в посадах, разнюхивая ситуацию «по своим каналам». Да и трактир, где была назначена встреча, он аттестовал как «мой личный, а не Конторы». Что ж, так, видать, и воплощается у *этих* наша, армейская, мудрость: «Лучше десять саженей траншеи, чем сажень могилы»…

Трактир в этот полуденный час был почти пуст. Только лишь за дальним, угловым, столом обосновалась типичная для этих мест парочка: купчишка третьей гильдии (и уже, видать, без притязаний на вторую) с посадским, чья поддевка явно знавала лучшие времена. Ребята проводили время в режиме «С утра выпил — весь день свободен» и, судя по накалу, с каким у них там обсуждалось отсутствие в стране пор-ррядка («…Не то, что при прежнем Государе, тс-ссс!..»), начали они — не пять минут назад…

По прошествии где-то четверти часа объявился третий пьянчуга — похоже, из приказных; этот притязал лишь на «только добавить, самую-самую крохотулечку». Потоптался у их стола, рассчитывая за малую чарочку прочесть паре олухов-прасолов

краткий лекционный курс «Введение в масковскую жизнь для *понаехов*: как не быть обутым, будучи одетым», но был резко послан нахрен с прекрасным костромским прононсом. У соседей ему свезло больше: таинственно поведанная им, с вполне артистической жестикуляцией, на ухо купчику похабень была встречена благосклонным жеребячьим ржаньем и вознаграждена искомой получарочкой, восприняв коию, он блаженно обронил буйну головушку на стол и не подавал более признаков жизни.

А вот при появлении в трактире пары скоморохов — совершенно седой мужик, сильно приволакивающий правую ногу, и долговязый парень лет двадцати — Серебряный чуть напрягся: скоморошьи сопелки-дуделки вполне могли маскировать какое-нить *неконвенционное* оружие; про такие *восточные штучки* ему поведал пару дней назад — под стакан, из личного опыта — лейтенант. Сам контрразведчик однако, как человек куда более искушенный в такого рода делах, опасений не выразил. Артисты меж тем попытались было с ходу заработать себе на миску похлебки, исполнив а капелла прошлогодний патриотический хит «Собака Калин-царь», но не преуспели.

— Чота грустно про старые дела слушать, — поморщился посадский. — Эй, робяты! Спойте-ка нам чо-ныть этакое… Глумливое.

— Про Еф… фррр… росинью! — пьяно покачнулся купчик.

Скоморохи переглянулись.

— Ить… какое дело, — нерешительно пробормотал младший. — Ходить-то больно склизко по камушкам иным… Беда тут ходит близко…

— Мы лучше помолчим, — закончил старший.

— Н-не желаете? А я просто… прысто… прости… мулирую, — выговорил купец и, пошарившись у пояса, достал копейку.

Скоморохи переглянулись снова. Копейка манила.

— Ну если только тихонько… — пробормотал младший.

— Деньги вперед, — твердо сказал старший.

— Спой сначала, — ответил посадский. — А то ишь.

Старший скоморох решительно мотнул бородой.

— Утром деньги — вечером песня, — сказал он.

— А, была не была! — купчик положил монету на ноготь большого пальца и лихо выщелкнул вверх.

Скоморох сделал неуловимо быстрое движение и выхватил монету прямо из воздуха.

— Эк! — оценил купчик. — Быстрый ты парень. В каком полку служил? — спросил он почти трезвым голосом.

Седой не ответил, настраивая голос на гудке.

Серебряный на миг сощурился — будто и впрямь пытался разглядеть прошмыгнувшее в темных глубинах памяти воспоминание, но нет — ускользнуло…

Младший взял дуду и дунул. Дуда смешно хрюкнула.

— Ну что? — сказал он. — Начнем помолясь?

— С дере-е-евьев листья опадали… — начал старший фальшивым басом.

— Прямо наземь! — молодцевато добавил младший, лихо пристукнув сапожками.

— Наста-а-ала грустная пора… — старший вывел смычком что-то грустное.

— Ёксель-моксель, восемь дырок! — отчебучил младший.

— Наш царь с геройскою дружиной…

— Две пищали, три калеки! — младший снова стукнул сапожками.

— На фронт ливонский подалси…

— В поле чистом бить ливонца, царским хером в рот и в жопу! — дуда издала громкий неприличный звук, купчик довольно хохотнул.

Князь нахмурился. Потешка пришлась ему не по вкусу, но он решил помалкивать.

— И вот известие приходит… — продолжил старший.

— На бумаге на гербовой!

— Что царь возьми да и помре…

— Вот дела!

— Бояре в обморок упали…

— С печки на пол, прямо в шубах!

— Царица слезы пролила…

— Две кадушки!

Всё это князю было решительно не по душе, а при словах о плачущей царице кулак сам сжался. Однако бить артистов в армии завсегда считалось последним делом. Он отвернулся и решительно заработал ложкой, доедая остатки похлебки — наваристой, но пресной и совершенно без аромата.

Скоморохи тем временем разошлись вовсю. Спели про воцарившегося князя Владимира, у которого шапка Мономаха на ушах виснет, про царицу, грибочков поевшую, про попа Сильвестра, которого обозвали породой жеребячьею… Купчик сыто реготал, посадский крикнул еще жбан пива — для себя и для веселых людей.

Наконец, дело дошло и до *склизкого*.

— Лежит в постеле Ефросинья… — начал старший, понизив голос.

— Жопа синяя, морда синяя! — добавил младший,

подблеивая на «и».

— С большим засосом на грудях!

— Ой-ой-ой, гехакте цорес! — дуда снова издала неприличный звук.

— Ох, с огнем ребята играют… за копейку, — тихо пробормотал лейтенант, сосредоточенно лепя петушка из хлебного мякиша.

Купчик тем временем выбрался из-за стола, характерно зажимая мотню: видать, приспичило отлить.

— Ну а над ней стоит приятель…

— Чорта в пекле! — конкретизировал младший.

— С любимой трубочкой в руках!

Продолжения князю услышать не довелось. Пьяненький купчик, пробираясь мимо скоморохов, опасно покачнулся и стал заваливаться. Скоморохи, держа инструменты, попытались подхватить его под микитки — и вдруг сами, оба, оказались на полу. Старшего купчик — оказавшийся трезвым и быстрым — еще и рубанул ребром ладони по шее.

В тот же миг выскочили из-за стола и посадский с приказным. В руках у каждого откуда-то взялось по веревке с арканом — ими они в момент стянули руки крамольников. Всё было проделано единым махом, в мгновение ока.

— Да, четко работают *ваши*, я аж залюбовался! — обернулся Серебряный к своему спутнику и осекся, разглядев выражение его лица: будто бы тот, надкусив мясной пирожок с лотка, нарвался на тухлятину.

— Это не *наши,* — процедил сквозь зубы контрразведчик. — Это *кромешники*, из Ночного дозора. Что-то они расхрабрились, вылезают на промысел уже и средь бела дня, будто так и надо…

— Кто-кто?..

— Неважно…

И было это, похоже, действительно неважно, ибо над столом их уже воздвигся хмурый купчик, *предъявляя значок* с изображением черной летучей мыши на багровом фоне:

— Ты и ты! Резко встали и пошли с нами!

— Ага, щаз! — осклабился лейтенант, неспешно расстегнул ворот и сунул под нос *кромешнику* свой жетон из перечеканенного серебряного рубля; тот отшатнулся, будто в лицо ему тыкнули тлеющей головней. — Резко ушли отсюда нахрен! А *этих*, кстати, оставили: тут сейчас *наша* операция, Особой контрразведки. Доступно?

— *Особисты!* — угрюмо сообщил купчик нарисовавшимся уже оплечь посадскому с приказным и в сердцах сплюнул на пол. — Тут, оказывается, ихняя операция… Те, что снаружи

отсвечивают, тоже, небось, ваши?

— А ты как думал? — покровительственно хмыкнул лейтенант, наступив князю на ногу под столом. Тот чуть заметно кивнул — понял, не дурак, мол.

— …Там точно — не твои, *конторские?* — уточнил всё же Серебряный, когда представители враждебного, как видно, ведомства очистили сцену.

— Может, они и *конторские* — но точно *не мои*. И проверять — как-то не тянет…

— Никита Романыч! — прозвучал вдруг тихий оклик слева. — Али не признал?

Всё-таки он дернулся — уж очень это вышло неожиданно. Грамотно — без внешних следов — побитые скоморохи проявили, наконец, признаки жизни, и старший из них… Ох ты ж, ё-моё! — что-то совсем поплошало у меня со зрительной памятью…

— Савелич, уж не ты ли? Неужто выжил тогда?

— Как видишь, князь. К строевой, правда, негоден боле… да и к нестроевой тож. Но как я нынче по второму уже разу жизнью тебе обязался — дай-кось должок отдам, хоть частью. Вам, чую, уходить отседа надобно — а снаружи караулят… чужие-непонятные. Так?

Князь переглянулся с лейтенантом.

— Допустим, — после некоторого раздумья откликнулся тот.

— И уходить, небось, думаешь подвалами, через здешний Подземный Город?

— Допустим, — раздумье заметно потяжелело.

— Ходов-то тут всего два, так? Налево, к Хавроньиным Амбарам, либо направо — во владения Иван Иваныча Каина. Тамошние ловушки, сколь мне известно, никто еще пройти не сумел… из живых людей, во всяком случае. Так вот, если кто не в курсе: Амбары на днях добавочной кирпичной стенкой отсекли, от *мышек-норушек* — с наскоку ее не расшатать.

— Та-аак…

— Но есть еще третий ход… так, незаметный отнорочек второго. Он тоже через Иван Иванычеву вотчину, но краешком, его *мышки-норушки* и сами по той галерее шастают иногда. Так что тамошние ловушки — проходимы. Я, к примеру, проходил…

— Да ладно!.. — недоверчиво откликнулся контрразведчик.

— Проходил, проходил. И сейчас собираюсь пройти — мне, чую, с теми, кто снаружи, сводить знакомство тоже не резон. Но там, помимо ловушек, можно еще и *людишек* повстречать… очень вредных людишек. Так что давайте так: ловушки — на мне, а людишки — на вас. По рукам?

— Ладно, веди давай… Вергилий, — принял решение

лейтенант.

— Кто-кто? — не понял Серебряный.

— Да был такой чувак. Тоже диггер.

* * *

— Ваше имя?

— Никита сын Романов, князь Серебряный.

Перо писца на миг споткнулось, и он посмотрел на князя, как тому показалось, с испуганным недоумением. Председательствующий, впрочем, и бровью не повел.

— Вы решили дать свидетельские показания Особому трибуналу, находясь в здравом уме и твердой памяти, добровольно и без принуждения?

— Так точно.

— Это формула судопроизводства. Ее следует повторить.

— Да, я решил дать свидетельские показания Особому трибуналу находясь в здравом уме и твердой памяти, добровольно и без принуждения.

— Ваша предыдущая должность?

— Командир разведбатальона Второго корпуса армии Новгородской Руси.

— Свидетель! Следует говорить: «Шайка Ливонского вора».

— Да на здоровье: командир батальона Второго корпуса *шайки Ливонского вора* — так?

— Да, так, — председательствующий, кивнув, бросил мимолетный взгляд на своих сподвижников, правого и левого — дескать, ну что, давайте к делу? — и вновь обратился к князю-перебежчику:

— *Мы вас слушаем. Мы вас внимательно слушаем!*

Глава 7

Кромешники, благочинники, особисты…

Лучший вид на этот город —
Если сесть в бомбардировщик.

Бродский

От сотворения мира лето 7068, сентября месяца день тринадцатый.
По исчислению папы Франциска 23 сентября 1559.
Москва, Китай-город. Торговые ряды.

Серебряный остановился, рассеянно изучая архитектурные достоинства облупленной церковки, и в очередной раз подавил позыв резко оглянуться. «Ни в коем случае не пытайся обнаружить за собой слежку! Всё равно не сумеешь, а вот ИХ, профессионалов, сразу насторожишь, и на этом конец — и тебе, и всей операции», — это ему за те пресловутые «почти сутки» повторяли не раз и не два.

«На оперативно-разыскные мероприятия по твоей наводке у них уйдет не меньше двух-трех недель. Под охраной они тебя держать не станут: после того, как ты дашь показания Трибуналу, убивать тебя уже бессмысленно, это все понимают. Топтунов за тобой, конечно, пустят — на всякий случай — так что первую пару недель просто помотайся по городу, повступай в случайные контакты — словом, веди себя естественно. За тобой будут приглядывать наши люди в Москве: называется — контрнаблюдение. Следи за домом на углу Ильинки и Ветошного переулка; если резной петушок на коньке крыши отвернется от Кремля — значит, топтуны твои окончательно успокоились и от тебя отстали: можно выходить на связь. И вот тут уже не мешкай: ОН ждет, и срочно нуждается в твоей *посылке*. Ценность ЕГО — сам понимаешь какая, мы бережем ЕГО как зеницу ока… Прости уж, Никита Романыч, что отправляем тебя вот так вот — почти без подготовки, но мы в безвыходном положении: нам срочно необходим человек, знакомый ему лично, которому он бы доверял — а ты как раз таков».

По намеченной им на сегодня программе — продолжать «мотаться по городу, вступая в случайные контакты» — князь

вышел к торговым рядам. Всё прошедшее время он чувствовал себя крайне неуютно — и не только оттого, что предписанное ему праздношатание претило его ответственной и деятельной натуре.

Насколько он помнил старопрежнюю Москву, местечко возле церкви Николы Мокрого, прямо над пристанями, считалось ходким, торговлишка тут заводилась сама собою. Торговали всё больше грибами, особенно в посты. Но и в осенний мясоед грибочки — и черные, и белые, и красные, соленые, сушеные, в маринадах — не переводились. Как не переводились и огурчики, и репка, и мочёные яблочки, и прочая легкая снедь. Сюда же шли мед и патока. Торговали здесь и сайками, и калачами, и прочими хлебами. Всегда была в рядах и рыба — и простая, и крупная, и белая. Вдругорядье шел медовый торг: меды тут бывали на всякий вкус, простые и ставленные. Здесь же сбывали глиняной и щепной товар — горшки, мисы, плошки, блюда, ушаты, жбаны, цельные долблёные ковши, каповые ендовы, корзины затейливого плетенья. Можно было с выгодой сторговать конскую упряжь с набитыми бляхами или спроворить кожаную обувку на русский, польский или венгерский манер. Можно было послушать — сквозь непрекращающийся крик и гам — веселых людей с дуделками и сопелями. Ну и, конечно, всегда имелся шанс лишиться мошны или опояски: ушлых воров на Москве завсегда хватало.

Теперь торговые ряды разительно изменились. И, ясное дело, не к лучшему.

Во-первых, было тихо. Это вообще не умещалось в уме — как это в торговом месте может быть так тихо? Никаких веселых людей с дудками не было. Немногочисленные гости ходили тихо, чуть не по струнке, даже бранились — и то вполголоса. Наконец, и сами торговые люди заместо того, чтобы зазывать покупщиков, хватать их за рукава и расхваливать товар, угрюмо стояли у своих лавок, пялясь в пространство. Только грамотей, стоя за писчим прилавком, уныло перечислял свои услуги: «Челобитные, жалобы, кляузы, ябеды, доносы, письма подмётные… В Ночной Дозор, в Высшее Благочиние, в Мытную избу, тако же слово и дело… Налетай, подешевело…» Налетать никто не спешил. Наоборот — немногочисленные посетители рынка старались прошмыгнуть мимо грамотея по-быстрому.

Во-вторых, нечем было даже горло промочить. Сбитенщики и квасники, обычно шумные и говорливые, отсутствовали вовсе. В начале, правда, стояла бочка, охраняемая — тут другое слово не подходило — военного вида человеком. Князь подошел и осведомился, что в бочке. Оказалось, что в ней квас, и стОит он девять медниц кружка. У князя к поясу была привешена

внушительная мошна копеек на сорок, медные чешуйки составляли примерно половину. Однако девять медниц показались Серебряному ценою непотребною, о чем князь и не смолчал. Военного вида человек тут же сказал, что дело то пустое: оказывается, бочка с квасом не его. На вопрос «а чья же» продавец только рукой махнул, а потом тихо сказал «отжали». Князь всё же заплатил, сделал два глотка. Квас был жидким и дрянным — как грязная вода. Серебряный плюнул и кружку допивать не стал — поставил на лавку и пошел прочь. Краем глаза заметив, как продавец выливает недопитое обратно в бочку.

Что касается прочих товаров, предложение если чем и удивляло, так это скудостью и непотребными ценами. Нет, так-то вроде всё было — вот грибочки, вот огурчики, вот плетеные туески. Но прилавки, мягко говоря, не ломились, торгуемого было маловато. Да и то, что было, выглядело как-то неказисто — или, как говорили в Новгороде, *второй свежести*. Даже приценяться не хотелось. Князь всё же подошел к мужику, торгующему солеными груздями. Тот торопливо стащил перед Серебряным шапку, поклонился как должно, но не более. Вместо того, чтобы рассыпаться перед богатым покупателем мелким бисером, расхваливая свое добро, мужик угрюмо подвинул Серебряному мису с груздями, в которую была положена длинная острая лучина. Князь лучину взял, наколол грибок, попробовал. Тот оказался не то чтобы кислым или там гнилым, нет. Но и не порадовал.

Ряд с дичиной удручил особенно. Битый заяц шел за семь копеек, хотя князь помнил, что красная цена ему по осени завсегда была четыре, без торга. За бекаса, который в старые времена дороже трех копеек и не предлагался, спрашивали пятак. Стало ясно, почему на торгу мало народу — при таких-то ценах.

Второй раз князь задержался возле старухи в черном, предлагавшей квашенья. Привлекла его капусточка — на вид сероватая, но на дух хорошая. Капуста и впрямь оказалась хорошей, так что князь, не постеснявшись, умял плошку прямо у прилавка. Компенсировал он это парой медниц. Старуха без радости на лице запихала чешуйки куда-то в тряпьё, поблагодарила без чувства.

Никита Романович не успел пройти ряда, как вдруг по нему прошло шевеление. Торговцы стали делать какие-то странные движения: кто жался, кто горбился, кто прикрывал товар тряпицей. Губы у всех тихо шевелились. Князю показалось, что он расслышал что-то вроде «Господи, пронеси, только не меня».

Оглянувшись, князь увидел и причину такого смятения. Вдоль ряда двигалась ватажка — пятеро, одетые в длиннополые

одеяния, напоминающие монашеские рясы. Однако ничего богомольного в них не было. Морды у ватажников были наетые, глазки — наглые, зыркающие, а не опущенные долу, как у настоящих монасей. На поясе у вожака висел шестопёр, остальные были вооружены дубинками. По всему было видно, что заявились они сюда не для богоугодных дел.

Не дойдя до князя буквально десятка шагов, подозрительная компания затормозила у лавки, где мужик в бараньей шапке торговал мочёностями.

Вожак, не здороваясь, запустил руку в кадушку, достал яблоко, надкусил, швырнул оземь. Достал второе, снова надкусил, снова швырнул. Мужик в шапке смотрел на это как баран — жалобно и кротко.

— Дерьмо твои яблоки, — заключил вожак. — Чо уставился?

— Ить, барин… этого… того… понеже… иже херувимы, — забормотал мужик. Серебряный поморщился: крестьянская привычка валять дурака перед старшими попортила ему в армии немало крови. Приходилось прибегать и к рукоприкладству, чтобы заставить вчерашнего хлебороба разговаривать нормально и понимать сказанное. Так что князь решил, что мужик сейчас отхватит люлей. Но вожак удовлетворился тем, что достал третье яблоко, пожевал и харкнул прожёванным мужику в лицо. Тот даже утереться не попытался: так и стоял оплёванный.

Толстомордый слушать мужика не стал, а протянул руку характерным жестом.

— Десять копеек с тебя, — сообщил он.

— За что? — взвыл мужик.

— За эту… — вожак почесал в бороде, вспоминая слово, — за *искпертизу*. Я твоим яблокам цену определил. Цена им — дерьмо. Я ими рот весь перепачкал, тьфу, — он снова плюнул в мужика, но так, чтобы не долетело. — За такие великие труды мне награда полагается. Давай плати.

— Нету у меня десяти копеек! — взвыл мужик. — Нету!

— Нету, говоришь? — почти ласково осведомился вожак. — Это мы проверим. Эй, ребяты, посмотрите, чо там у него…

Ватажники молча и быстро обтрясли мужика, сорвали с пояса кису, растрясли на прилавок. Высыпалась горсточка меди.

Толстомордый запустил в мелочь пальцы, выудил оттуда алтын. Остальное он широким жестом смахнул с прилавка в грязь.

— На первый раз прощаю, — сказал он. — А в следующий раз приду — чтоб сразу как на блюдечке. Десять копеек. Запомнил?

Мужик меленько затряс головой.

— Живи покеда, пёс, — снизошел вожак и повел свою стаю

дальше.

Мужик с яблоками так и стоял столбом. И только когда ватажка отошла — стер рукавом плевок и меленько перекрестил грудь возле сердца.

Ватажка тем временем пёрла прямо на Серебряного. Вожак шагал нагло, не выказывая никакого вежества.

«Толканёт — убью», — спокойно решил для себя Никита Романович, поправляя перевязь с саблей. Мысль была до того отчетливая, что, видимо, отразилась на лице, и вожак, похоже, ее уловил. И обошел князя — впритирочку, но обошел; обдав его сложным ароматом немытого тела, гнилых зубов и еще чего-то тошнотного — над коим, впрочем, победно властвовал поистине валящий с ног чесночный перегар.

Следующей жертвой ватажка выбрала угрюмого инвалида со шрамом поперек лица, выставившего грибочки и мочёную бруснику.

На сей раз они действовали по-иному. Вожак не хамил, не совал руку в товар, не плевался. Вместо этого он растянул рыло в улыбочке и почти вежливо сказал:

— По-здорову будь.

Мужик со шрамом хмуро зыркнул, склонил голову и сказал напряжным голосом:

— И тебе здоровьичка, коли не шутишь.

— Хорошо ли торг идет? — продолжал интересоваться ватажник. — Много ли прибытка?

— Что Бог даст, то и хорошо, — мужик с показным рвением перекрестился.

— А скажи-ка ты мне, — ласково вопросил вожак, — как тебя звать-величать?

— Ну, Гаврилка я, — ответил мужик. — Меченым кличут. Вот из-за этого, — он показал на шрам.

— Гаврилка, значит… Хорошее у тебя имя, Гаврилка. Я так погляжу, и человек ты хороший. Добрый ты человек, Гаврилка. А доброму — оно всё добро. Так ведь?

Мужик занервничал.

— Добрый — то Господь наш Исус Христос, — наконец сказал он, — а люди все грешные.

— Да ты, смотрю, и в божественном силен! — наигранно восхитился вожак. — А скажи-ка ты нам, Гаврилка, есть ли у тебя грибочки солёные?

— Как не быть, — мужик слегка расслабился, опаски на лице поубавилось. — Вот изволь спробовать…

— Спробовать успеется. Ты скажи: укропчик-то в грибочки кладешь, небось?

— Дык, — согласился мужик.

— А лист смородиновый?

— Отож, — мужик уверенно кивнул головой.

— А перец сухой индийский? — прищурился вожак.

Вопрос о перце явно поставил мужика в тупик. Он раздумчиво почесал бороду, потер под шапкой, и только после этого сказал:

— Перец нонеча дорог.

— Нонеча? — переспросил вожак. — То есть, значит, не то что давеча? — рожа при этом у него сделалась хитрою. — Давеча дешевле был?

— И давеча был дорог, — пожал плечами мужик.

Тем временем — как заметил князь, за сценою наблюдавший — один из ватажников тихонько подобрался поближе к кадушке с грибами и провел над ней рукою. Князю показалось, что он туда что-то уронил.

— Значит, и перца у тебя нет, — протянул вожак. — Ну а *белый* у тебя, часом, в рассоле не плавает? В порядке разжигания?

— Как можно, — мужик снова осенил себя крёстным знаменьем. — Сказано же: нельзя. Значит нельзя. Я в стрельцах был, дисциплину ведаю. А ты меня не смущай, — набравшись храбрости, добавил он.

— Значит, нету? — всё допытывался вожак. — Ни единой долечки?

— Нету, вот те крест, — бывший стрелец в который уж раз перекрестился.

— Нету, говоришь? А если найду? — вожак разухмылялся так, что затряслась бороденка. Подошел к кадушке, заглянул в нее. И ловким движением руки выхватил что-то маленькое, светленькое.

Мужик аж поперхнулся.

— Подкинули, — пробормотал он.

— Ребяты! Тримай его, еретика тупорылого, — распорядился вожак.

Двое тут же повисли на плечах у несчастливого продавца, а третий ловко подсек ему ноги, так что тот рухнул на колени.

— И чего теперь с тобой делать? — осведомился вожак. — Сразу на правёж или как? Думать будем или что?

Мужик, вздохнув, принялся отвязывать от пояса нетяжелую мошну.

— Нет, Гаврилка Меченый, ты меня не понял, — вожак слегка пнул стоящего на коленях продавца сафьяновым сапожком. — Мне твои медячишки сейчас ни к чему. А вот место твое торговое мне глянулось. Сейчас мы о том бумагу составим, что место свое

ты мне отказываешь. Вон тот человек нам бумажку-то и справит, — он указал на грамотея. — И видоки как раз имеются. Ребяты, вы всё видели?

Ватажники угодливо заржали.

— Да не гоню я тебя, — продолжал вожак, наседая на мужика. — Будешь стоять как стоял, со своими кадушками. Только торговать будешь не себе, а мне в прибыток. Не боись, я тебе на жизнь оставлять буду… на скромную, — он сыто хохотнул. — Ну что, нравится тебе?

— Оно-то, конечно, того… — протянул бывший стрелец, — оно, конечно… оно действительно… что касательно, то относительно… дык ведь ежели случись чего — так оно и оппаньки…

— Ты чего несешь, гунявый? — с неудовольствием сказал вожак и снова пнул мужика сапожком.

— Да чего… Есть тут этот… как его… — мужик зачастил, как бы пытаясь успеть вспомнить, — полковник-то наш, хранцуз, говаривал… ну, вот который этот самый… *нюанс!* — извлек он, наконец, редкое слово из памяти.

— Чо? — не понял вожак.

— А вот сейчас его-то ты и восчувствуешь, — в голосе мужика вдруг прорезалось злое торжество.

Из какого-то едва заметного прохода меж рядами вышли трое в серых плащах и широкополых шляпах на иноземный манер. Эти были вооружены короткими шпагами.

Завидев их, ватажка сдулась, причем мгновенно. Вот только что были молодцы, которым сам чёрт не брат — а сейчас они каким-то чудесным образом преобразились в маленьких и грустных кроликов, на мордочках которых застыло одно желание: порскнуть в норку.

Серые взяли ватажку в треугольник. Действовали они четко и слаженно: чувствовался опыт. Никита Романович даже улыбнулся: по всему было видно, что пришла власть *более настоящая*.

Тот, что был повыше, подошел к вожаку и наставил на него указательный палец.

— Ты, — сказал носитель шпаги. — Кто таков?

Серебряный уловил очень стёртый, но всё-таки акцент — твердый, жесткий. «Немец, — решил он. — Давно на русской службе, но немец».

— Благочинные мы… — выдавил из себя вожак.

— Как звать? — палец чуть подался вперед.

— Охряпкой кличут… По-хрестьянски Григорий. Службу справляю, согласно устава и наставлений…

— Какого дьявола ты беспокоишь моего человека? — серый

чуть повысил голос.

— Не изволь гневаться… — залебезил вожак. — Этого того… по *инструкции*… Грибочки вот спробую!

— С какой целью? — перст придвинулся к толстомордому еще на вершок.

— Эта… того… кабы чего не вышло! — затрепетал Охряпка. — Нет ли в тех грибочках какой сустели али блуда…

— И много ль нашлось сустели? — перст придвинулся еще, почти упершись в бороду вожака. Тот икнул, отстраняясь от страшного пальца.

— Он место хотел под себя взять, — подал голос Гаврилка.

— Что, правда? — человек в сером, заломив бровь, полуобернулся на реплику, будто бы за уточнением — и с того полуразворота почти неразличимым на глаз движением врезал вожаку в поддых. Тот с хрипом согнулся пополам — и заполучил коленом в лицо. Из разбитого — и, похоже, поломанного — носа потоком хлынула юшка.

«Нашла коса на камень», — с удовлетворением отметил Серебряный. Умом-то он понимал, что серые ничем не лучше ватажников, а может и похуже, кто их тут разберет. Но сама сцена *введения в рамки* хама с шестопером радовала глаз. Ну, и отметил про себя технику — в рукопашном бое-то воевода смыслил.

— Стать смирно, швайне! — негромко рыкнул серый. Вожак повиновался не пикнув, даже кровь с лица утереть не решался. Сбившиеся в кучку ватажники прятали глаза кто куда, будто происходящее их не касалось, и сопротивляться злу насилием даже не помышляли. — Ну что, забрать тебя сейчас к нам, на Лубянку? Для *профилактической беседы*?

При этих словах колени у вожака подломились, и он повалился в ноги серому:

— Не губите, ваше степенство!! Детки малые, семеро по лавкам!.. Не корысти ради, а токмо волею пославшей мя жены!..

— Слушай меня внимательно, — ровным голосом сообщил серый. — Если мой человек тебя ещё хоть раз здесь увидит… — он сделал паузу, — просто увидит, — добавил он, — ну, *ты меня понял*. А теперь — пшли вон!

Миг — и ватажки не стало: то ли растаяла в воздухе, то ли мгновенно и бесследно всосалась в жидкую рыночную грязь. Серый меж тем подошел к Гаврилке — тот как раз поднялся с колен и чистил порты — и они о чём-то тихо переговорили. Князь подумал было, что Гаврилка что-нибудь даст своему избавителю. Но обошлось без этого: серые постояли еще и утекли прочь через тот же малозаметный проход.

Серебряный за эти дни успел уже уяснить, что все эти

«*силовики*», как их совокупно величают в народе, являют собою не что иное, как разбойничьи шайки, прибравшие город себе в кормление. Отношения между шайками были сложные и напряженные, с четкой, хотя и подверженной колебаниям иерархией. Судя по оброненному слову «Лубянка», серые были одним из подразделений *кромешников* — Ночного Дозора, а ватажка — *благочинниками*, из Высшего Благочиния, учиненного Митрополитом для «укрепления в народе веры православной». Тут князь припомнил тот трактир на Пятницкой и ухмыльнулся, представив себе логическое завершение только что виденной сцены: как *кромешники* столь же стремительно расточаются в пространстве, как перед тем *благочинники,* — предъяви он им сейчас жетон Особой контрразведки.

Жетон тот ему, к сожалению, пришлось сдать, едва лишь они с лейтенантом Петровским, после совместных приключений в Подземном Городе (не приведи Господь…), добрались наконец до штаб-квартиры Службы на Знаменке, и он перестал быть «сержантом Особой контрразведки Петром Павловским».

— Мощный артефакт, внушаить! — усмехнулся он, протягивая одному из пары дежурящих на входе штатских (правильнее тут, впрочем, было бы сказать — «в штатском») тот перечеканенный серебряный рубль на цепочке; поверх орла были выбиты «его» номер — «113» и единственная галочка, копирующая, надо полагать, одинокий сержантский шеврон. — А ведь простенькая, казалось бы, штука — неужто лихие люди для себя не подделывают?

При этих его словах воцарилось внезапное молчание, и все трое особистов дружно одарили его очень, ну — очень *странными* взглядами… Похоже, он сморозил какую-то несусветную глупость, либо бестактность — простительные, будем надеяться, для *провинциала*.

…Серебряный собрался уже идти дальше, как вдруг заметил, что бывший стрелец делает ему рукой знак — мол, подойди. Его взяло любопытство и он подошел.

— Я смотрю, ты стоишь, ждешь, — тихо сказал продавец грибов. — Подлечиться надо? От малокровия? Белый нужен?

— Да как бы… — растерянно сказал князь, пытаясь понять, что ему предлагают. Судя по тону продавца, это было что-то не вполне законное.

— С отдушечкой возьми, — частил мужик, — есть на курячьих говнах… прямо в самую нОздрю шибает… За сорок копеек уходит, но тебе за тридцать отдам, — прошептал он одними губами.

Князь ушам своим не поверил. За тридцать копеек можно

было купить два с лишним пуда лучшей пшеницы или большого осетра — во всяком случае, в прежние времена. Дальше пошел какой-то вовсе уж странный разговор, намеками и околичностями, который бывший стрелец вскорости прервал — с опасливым недоумением: «Ты совсем, штоль, *не московский*?..»

А ведь да — он и вправду *не московский* уже! Уж к добру или к худу — но точно, «совсем не московский»… Что именно ему предлагали, за эдакие-то деньжищи, Серебряный так и не уразумел — да и узнавать не тянуло вовсе.

Обратно к месту своей временной дислокации Никита Романович шел привычным уже маршрутом, по Ильинке. Приостановился степенно перекреститься на купола Илии Пророка — и сердце его стукнуло тревожно, но и радостно.

Петушок на коньке углового дома отворотился, наконец, от Кремля.

Глава 8

На Западном фронте без перемен

Подумал бы, владыка, на досуге!
Хозяйственно на дело посмотри!
Чем лучше платят, тем надежней слуги.
…Да только мрут московские цари.
В порфире Гришка, без кафтана Тришка,
за вором вор, и следом тоже вор.
Чесночная боярская отрыжка,
что в воздухе висит как шестопёр.

Евгений Витковский

«Конрад Буссов, 1612»

От сотворения мира лето 7068, сентября месяца день четырнадцатый.

По исчислению папы Франциска 24 сентября 1559 года.

Москва, Кремль.

В белом охабне с кровавым исподом, в сопровождении рынды и глашатая, вышел на Красное Крыльцо из Грановитой палаты боярин Борис Феодорович Годунов.

Больше всего на свете боярин ненавидел запах розового масла, которым приходилось мазать виски и бороду, чтобы заглушить чесночную вонь. Чеснок боярин недолюбливал с детства, но по нынешним временам выйти на люди *неначесноченным* было решительно невозможно. Сие — штука *статусная*: я-де вам не боязливый *лох* из податных сословий, я — *элита*, кому закон не писан! Впрочем, *ученье, сокращающее нам опыты быстротекущей жизни*, подсказывает, что на Руси запретительные законы в основном именно с этой целью и сочиняют…

У Красного Крыльца собрались уже людишки. Не то чтобы много — чай, не праздник, ожидать денежных подачек не приходилось. Однако народу было достаточно, чтобы *записать мероприятие себе в плюс.* Надо поддерживать *коммуникацию с массами.* Это выражение — и соответствующую практику — Годунов перенял у новгородских перебежчиков, которые

рассказывали много интересного… Впрочем, у новгородских все перенимали понемногу, даже и сам Влад-Владыч. Который как-то раз, поигрывая трубочкой, произнес: «Учитса нада у всэх, и у друзэй, и у врагов». Помолчал и добавил: «Асобэнна у врагов».

Глашатай в венгерском кафтане выступил вперед. Зычно гаркнул:

— Болярин Борис Феодорович люду московскому здравствовать желает!

Прикормленные *лидеры общественного мнения* — нищие и бродяги — тут же заорали:

— Здравия желаем болярину Борису!

Орали с ленцой и вразброд, это Годунов приметил. Сделал себе в уме пометку: нищеброды заелись и обленились. Стоит поговорить с *пиар-отделом*, чтобы те провели *разъяснительную работу* среди *ЛОМ*ов. Особенно с *группой скандирования*, отвечавшей за выкрики в толпе: эти явно заслужили *кнута вместо водки.*

— Болярин Годунов знать желает: имеет ли люд московский какую нужду али обиду? — выкрикнул глашатай.

Это был важный момент: сценарий близости с народом мог поломаться именно здесь. Но всё прошло гладко. Народ не успел ещё как следует разораться, как нижнюю ступеньку крыльца винтом выкатился юрод Николка — нагой, в железных веригах. Весь он был покрыт грязью, борода и волосья на голове торчали во все стороны.

— Вдову обиииидели! — взвыл по-волчьи Николка. — Обиидели!

Толпа заволновалась. Заверещали бабы из группы скандирования, ор подхватили мужики.

Дав толпе пророраться, Годунов воздел длань.

— Тихо! — рявкнул во всю мощь лужёной глотки глашатай. — Тихо! Сейчас разберемся!

— Подымись, божий человек, — пригласил Годунов. — Что за вдова и какая у нее обида?

— Не подымуся! Буууу! Ироды! Вдову честнУю обидели! Фе! Фе! Фе! — юродивый присел и закрутился на пятке.

— Да что за вдова? — досадливо справился боярин у рынды.

— Сам не ведаю, — тихо повинился тот. — Не иначе, Николка опять халтурку какую взял, со стороны.

— Ужо ему! — вполголоса посулил Годунов. — Говори, Николка! — (это уже в полный голос). — Ничего не бойся!

— Вдову Кулебякину вдовьей доли лиши-и-ли! — завыл Николка. — Богородица на небеси плачем изошла-а-а!

— Кто такая, знаешь? — прошептал Годунов.

— Эту знаю, вдова купецкая, — тихо и быстро ответил рында. — Мерзкая баба. Полюбовников к себе водит. Мужа, бают, отравила, да видоков нет. Сейчас у сынов хочет отобрать поболее, чтобы на жизнь да на сласть хватало.

— Понятно, — кивнул боярин. — Как я крикну, давай отмашку.

— Вдову в обиду не дадим! Разберемся! — величественно пророкотал он.

Рында *просигналил* алебардой. Группа скандирования и нищброды *включились*, на сей раз дружно:

— Болярину слава!!!

Глашатай повел алебардой в другую сторону.

— Заступник! Отец родной!!! — завизжали бабы.

Годунов поклонился народу и скрылся. В Святых сенях снял высокую шапку, утер лоб. Подозвал кивком начальника пиар-отдела — дюжего детину со злобным лицом.

— Группа скандирования совсем мышей не ловит, — сообщил он. — Ты уж, голубчик, того…

— Всех *разъяснить* али токмо главных? — уточнил детина.

— Всех, но в щадящем режиме… а не как в прошлый раз. Нам такая *текучка кадров* ни к чему, — пояснил Годунов. — И вот еще что. Николка своевольничает. Взял деньги у какой-то сомнительной вдовицы.

— *Профилактировать?* — ухмыльнулся пиарщик.

— Миколку бить нельзя, — с грустью сказал Борис Феодорович, — а убивать пока не за что. Ты там того… придумай что-нибудь.

Пиарщик только плечьми пожал: дескать, а что тут придумаешь?

Николка был профессиональным московским юродивым. Работенка, конечно, та еще. Суть ее состояла в публичном вымогательстве у представителей власти каких-нибудь поблажек или потачек в пользу клиентов. Чтобы заниматься этаким промыслом, нужно было быть настоящим отморозком во всех смыслах этого слова. Начиная от совершенного бесстрашия и кончая святою жизнью. Даже чтобы нищенствовать, нужно было как минимум не мыться и ходить в лохмотьях. На брезгливых и щеголеватых москвичей это действовало. Николку же учил сам Порфирий Иванов сын, муж блаженный, который по любому морозу ходил нагишом. Хотя Порфирий в опасные дела не лез, а занимался целительством, в основном по бабской части — от головной боли до бесплодия. Николка же пошел юродствовать: он ни Бога, ни чёрта не боялся. Брал он, правда, много, но и *альтернативы* ему не было. Немногочисленные конкуренты в

последнее время разбежались из Москвы как тараканы, опасаясь *малокровия*: кто в Коломенское, где эту публику традиционно привечали, а кто и подалее.

В Святые сени стремительно вошел статный молодой окольничий, чье имя Годунов постоянно забывал. Отыскав взглядом боярина, сразу направился к нему.

— Здрав будь, Борис Феодорович, — сказал окольничий, легко махнув поясной поклон. Годунов невольно подумал, что он так уже не смог бы: спина уж не та, отвердела. А ведь и сам когда-то стоял при царском выходе, клал до тридцати поклонов кряду… Эх, где те годы…

— И тебе здравствовать. Дело ко мне какое?

— Князь Андрей Курбский о разговоре просит, — доложил окольничий. — Зело настойчив был, — добавил он, как бы извиняясь: ведал, что час *неприёмный*.

— Где он сейчас?

— В патриаршей палате… а, вот он и сам идет уже, — торопливо закончил окольничий.

И в самом деле, из палат спускался по лестнице Андрей Курбский — в венгерке смешного цвета, коричнево-бЕлковой, и в мохнатой шапке-наскуфейнице.

Говорят, в молодости Курбский был красавцем, русским витязем. Если и так, то Годунов той молодости не застал: *дороден был князь*, ох, дороден…

После обязательных приветствий и двух-трех фраз ни о чем Курбский увлек Годунова в угол потемнее и там поведал:

— На Западном фронте нехорошо.

Годунов приподнял бровь:

— Мне такого не докладывали. Насколько мне известно, на Западном фронте без перемен.

— Это-то и нехорошо, — зашептал Курбский. — Пока фронт стоит, войско наше разлагается. Людишки волнуются. Разговорчики идут, что Иоанн — царь истинный, и правит справедливо. А у нас, дескать… — он махнул рукой.

— Это дело поправимое, — пожал плечами Годунов. — Болтунов чаще вешать, стукачам больше платить.

— Так в этом-то всё и дело! — глаза Курбского блеснули. — Платить! Солдат смерти не боится и на уговоры не падок: его где ни целуй, везде задница! А вот чего ему надобно, так это довольствие: деньги ему нужны! За них он живет, за них и умирает!

— И чего? — не понял Годунов. — Мы платим исправно, без задержек…

— Ага, платим! Ливонский вор серебром платит, а мы чем?

— Законным платёжным средством, — Борис Феодорович дернул уголком рта. — Обеспеченным всеми богатствами Руси.

— Да они эти бумажки немецкие знаешь на чём вертели?!

— Прастытэ, што падащёл, но тэма вашего разгавора мэня заинтэрэсовала, — раздался низкий приглушенный голос, какой-то даже замогильный.

Курбский ощутимо вздрогнул. Годунов выдержал паузу и неспешно повернул голову.

— Доброго тебе здравия, Владимир Владимирович, — вежливо поприветствовал он *верховного кромешника*. — Как ты, однако, ходишь тихо… Вот у Андрея Михалыча сапожки подковками подбиты, стучат.

— Это нэлэпо — стучать так свирэпо, — растянул тот тонкие губы в подобии улыбки. — Я нэ лублу излышнэго шума.

«Тихушник», — с привычной неприязнью подумал Годунов.

При первом знакомстве Владимир Владимирович Цепень, нынешний шеф Ночного Дозора, при всей своей очевидной, как тогда казалось, *полезности*, вызвал у Годунова страх и омерзерние. Однако на вершине власти боязливые и брезгливые не задерживаются, так что чувства те Борис Феодорович в себе переборол. Осталось что-то вроде гадливости. Даже смотреть на Цепеня было неприятно — хотя ничего такого особенного в лице его не было. Ну да, восточной внешности, не то итальянец, не то грек. В папахе и кафтане со шнурами он, пожалуй, сошел бы и за черкеса, и за казака. Цепень, однако же, ни за кого сходить не желал и одевался по своему вкусу. Он расхаживал в бархатном красном плаще и такой же скуфейке, шитой жемчугом. За поясом поблёскивала знаменитая трубочка.

— Так вы гаваритэ, што нэсознатэльныэ элэмэнты в войсках трэбуют сэрэбра? И што ты, Андрэй Мыхайловыч, нычэго нэ можэшь с этим сдэлать?

— Того я не говорил, — насупился Курбский.

— Но ты жэ нэ сказал, что ты можэшь с этим сдэлать? — зашел с другой стороны Цепень.

— Не знаю. Может, присоветуешь чего? — по тону Курбского было понятно, что никаких советов от кромешника он не ждет — а ждет, чтобы тот наконец отвязался.

— Я палагаю, надо усилыть разъяснытэльную и васпитатэльную работу, — заметил Цепень, усмехаясь в усы — не менее знаменитые уже, чем его трубка.

— Да усиляли уж, куда дальше-то! — со злостью бросил Курбский. — Только ты солдата хоть ешь, хоть режь, хоть пеклом ему грози — а если евойные деньги кабатчики не берут…

— Я нэ сказал, што усилывать работу надо срэди солдат. Я

имэл в виду, ее надо усилыть срэди кабатчиков, — Цепень наставительно поднял палец. — Если кабатчик нэ жэлает принымать к оплате законное платёжное срэдство, его надо *прастымулировать*. Марально и фызычески.

— Боюсь, они тогда все разбегутся, Владимир Владимирович, — вздохнул Годунов. — Новгородчина-то рядом.

— Нычэго. На их мэсто придут другиэ, каторыэ будут *работат на нащих условыях,* — Цепень покосился на небольшую группу бояр, спускавшихся с лестницы и что-то оживленно обсуждавших. Было понятно, что он их разговор слышит: слух у кромешника был отменный. — Я пайду, нэ паминайтэ лихом, — кончики его усов опять дрогнули в усмешке.

— С Богом, — пробормотал Годунов.

— Ой ли с Богом, — очень тихо добавил Курбский, когда человек в красном отошел на достаточное расстояние.

— Но в чем-то он прав, — задумчиво покивал Борис Феодорович. — Финансовую реформу надо продвигать… Тьфу, какая же гадость это розовое масло. Пожалуй, пойду, умоюсь.

— Дай слово молвить, — в голосе Курбского впервые прозвучала настоящая, непритворная мольба. — Реформа — это хорошо… наверное. Только, уж прости, не в ней дело. Покуда Ливонский вор в Иван-Городе сидит, нам тут покоя не будет! С каждым ведь годом сил у него прибывает! Время, похоже, на него работает, на аспида! Ударить, ударить нужно! Сейчас — или никогда!

Перекрестился истово:

— Дай мне тридцать тысяч войска, Борис Феодорыч — всё, что есть, — да заплати им серебром — хоть в последний раз, но заплати! Псков взять — этого хватит, ну а уж дальше — как говорится, эндшпиль при лишней фигуре: Новгород — нам, Ливонию — ляхам, хер уже с ней, с той Ливонией, не до жиру, быть бы живу!

Перевел дух и продолжил:

— Не веришь мне — так прикажи приковать цепями к телеге! И пусть на той телеге стрельцы стоят с ружьями заряжёнными! Чтоб стреляли в меня, ежели неверность заметят! Прикажи! Неужто убоялся ты этого упыря лихого, что на речи его прельстивые…

— Охолонись! — голос Годунова был негромок, но тверд настолько, что воевода враз замолчал. — Воюешь ты славно, Андрей Михалыч, а в эти дела не лезь. Тут расчет высший, государственный.

— Беду чую, — понурился Курбский; уголки губ его ушли вниз, обозначая обиду. — Вот чую и всё тут. Иоанн что-то

готовит.

— Ты же сам сказал: время на него работает. А коли так, ему выгоднее оборону держать… А напиши ты ему? — подначил Годунов полководца. — Он же тебе ответствует.

— И этого я никак не пойму, — Курбский смахнул с короткой бородки какой-то мусор. — Почему он со мной переписывается? Неужто жалеет о чём?

— А ты сам пошто ему пишешь?

— Доказать хочу, — воевода сжал кулак. — Хоть так. Не могу из пищали достать, так слово скажу. Может, хоть икнётся ему, окаянному.

— Вот то-то и оно-то, — заключил Годунов. — Перо твое местию дышит. И сам ты тоже. Ты всё сквитаться мечтаешь, а мне надобно государство поднимать. Так что *программа у тебя неконструктивная,* — эти слова Борис Феодорович выучил недавно и они ему очень нравились.

Курбский посмотрел на Годунова в упор.

Потом Годунов не раз вспоминал этот взгляд. В котором уже не было ни злости, ни обиды — одна тоскливая обреченность.

— Не веришь ты мне, — махнул рукой воевода. — А я вот чую: задумали они в Иван-Городе какую-то каверзу. *Нутром чую, а доказать не могу!*

Глава 9

Сложно всё тут

Ох, устал я, устал, — а лошадок распряг.
Эй, живой кто-нибудь, выходи, помоги!
Никого, — только тень промелькнула в сенях,
Да стервятник спустился и сузил круги.

Высоцкий

От сотворения мира лето 7068, сентября месяца день пятнвдцатый.
По исчислению папы Франциска 25 Сентября (пятница) 1559.
Москва, Белый город. Церковь и кабак.

В церкви был смрад и полумрак, дьяки курили ладан.

Да не тот уютный полумрак, которому во храме и полагается быть, а почитай полная темень — видать, все окошки затворили. Воздух от этого, ясное дело, свежее не стал. И вообще — не чувствовалось тут того смиренного духа, который любому человеку в утешение, особенно же военному. Земное не отпускало.

Впрочем, сейчас оно было бы и некстати: князь нынче искал тут встречи не с Господом, а с Василием Шибановым. Московские «Сорок сороков» церквей-то — сорокА сорокАми, но вокруг московского подворья Курбского храмов, куда стремянный мог бы ходить к обедне, всё же не бессчетно; вот и обнаружился он почти сразу, у Косьмы и Дамиана на Маросейке.

Шибанов, видный ему отсюда со спины, молился истово и угрюмо. Сразу чувствовалось, что совесть старого рубаки пребывает в неспокойствии. Сколько Серебряный помнил того по Ливонской кампании, никогда бравый стремянный Курбского сколь-нибудь заметным молитвенным рвением не отличался — а тут вишь как *проникся*…

Когда обедня отошла и народ повалил на выход, князь негромко окликнул: «Василий Дмитрич!» Тот развернулся мгновенно, лицо его осветилось радостью: «Никита, старый ты хрен! Живой!..» — каковая радость, впрочем, тут же и погасла.

— Никита Романович, — решительно объявил тот, когда они протолкались наружу, под холодный, октябрьский уже, считай,

дождик. — Ежели ты *с той стороны* пришел — выдать я тебя, вестимо, не выдам, но и помогать не стану ничем, извиняй уж. Отыди, от греха: я всё ж таки допреж всего Андрей Михалычу крест целовал и подводить его под монастырь такими вот своими сношеньями не вправе.

— Молодец, Василий Дмитрич, верно себя соблюдаешь, — кивнул Серебряный. — Я и вправду *с той стороны* — но чуток *не в том смысле*. Вышло у нас там, в одной корчме на Литовской границе, *резкое недопонимание* с Малютиными чекистами, ну и — у нас один убитый, а у них аж трое. Григорий Лукьянович на такой счет осерчал, и оценил он мою голову аж в три рубли: не воевода я будто, а какой мелкий тать. Мне сие показалось оскорбительным, ну и вот я туточки. Не введешь, часом, в курс дела — тут-то какие нынче расценки на головы воевод, навроде меня?

Шибанов счастливо отмяк, обнялись уже как следует:

— Погодь, есть тут вблизи тихое место — можно поговорить безо всяких.

Серебряному приходилось по жизни бывать в скверных кабаках. Но здесь было как-то совсем уж *мизерабельно*, как выразились бы ливонцы. Подумал мельком, поправляя саблю: «Что-то везет мне в последнее время с кабацкими приключениями. А бог-то троицу любит — может, как раз нынче и *обнажим в корчме* уже, а?»

Сени оказались темными. Оконца, и без того крошечные, были затянуты бычьим пузырем, почти не пропускавшим света. Во мраке вырисовывались бочки, рогожные кули и длинные жерди. В углу поблескивал медью большой сундук. На нем лежал и громко храпел человек непонятного звания в венгерском полукафтане, русских портах и при том вовсе босой. Серебряный понял это так, что от обувки храпуна избавили какие-то добрые люди.

— Слышь, — тихо сказал он Шибанову, — нехорошо тут…

— Зато разговоры разговаривать можно без оглядки, — мрачно усмехнулся тот. — Ты погодь, тут постой, я быстро. Гляну, нет ли там кого лишнего…

Он отворил дверь в гостевую залу. Оттуда шибануло запахами — пОтом, луком, кислым пивом, старой бараниной и чем-то горелым. «Не, есть тут не стану», — решил князь.

В сенях было неуютно. От нечего делать Серебряный подошел к босому человеку — без особенной нужды, просто так.

Босой храпел. Лицо у него было посинелым, борода в слипшейся крови. Приглядевшись, князь заметил на тощей шее храпуна след зубов: псами, что ли, его травили? Или местные

себя вовсе не блюдут и сами спьяну грызутся аки псы? — ну и местечко…

Тут в сени вышел Шибанов. Покрутил головой, ища князя взглядом, а найдя — заволновался:

— Никита Романович, Богом заклинаю, отойди подалей!

— Да я просто полюбопытствовать… — начал было князь.

— Вот не любопытствуй, — отрезал Шибанов. — То дела *кромешные*, нам с тобой в них встревать — резону никакого. Пошли скорее.

Спящий дернулся. Неожиданно оскалился.

— Пошли-пошли, — заторопил Василий Дмитрич. — А то еще пробудится — греха не оберешься…

Если в сенях было темно, то в зале вообще окон не было видно. Зато на всех столах стояли сальные свечи. Некоторые горели. Такое роскошество — да еще и в ясный день — Серебряного отчего-то напрягло. Было что-то очень неправильное в этих свечах.

Еще хуже было с людьми, чьи лица выхватывало из сумрака свечное пламя. От них буквально исходило ощущение опасности. И не какой-нибудь обычной, бытошной, навроде *ножа из-под скатерти*, нет: эти восковые рожи с красноватыми глазами — будто невесть какую уж ночь подряд не спавши — пугали чем-то *нездешним*. Князь был не робкого десятка, но тут и у него холодок по спине пробежал. На всякий случай тихонечко перекрестился. На чем поймал взгляд одного из гостей: тот приметил его жест и прескверно осклабился.

Шибанов, однако ж, шел меж столов спокойно и уверенно. Серебряному стало неловко перед старым товарищем. Напустив на себя независимый вид, он двинулся за ним след в след, по-волчьи.

Дошли до самой печи. В полумраке она казалась огромной. Возле нее суетилась стряпуха в подтыканной кверху понёве, немолодая и некрасивая.

— Аксинья, — позвал Шибанов, — а хозяин-то где будет?

— У себя, — неприветливо ответствовала стряпуха, — разговоры разговаривает… с ентими самыми… Да проходи уж, куда тебе надобно. Товарищу твому — что нести? Пива, квасу, али *другого чего*?

— Как мне, — сориентировал старуху Василий. — И Пахома зови, пущай послужит.

Они прошли через низенький проём, занавешенный рогожей. За ним скрывалась клетушка с единственным оконцем, слегка приоткрытым. Оттуда струился легкий предвечерний свет. Он падал на короткий деревянный стол из скоблёных полубрёвен. К

нему примыкали две лавки, тоже не особо длинные, с волосяными подушками для сиденья. По всему видать, это было особенное укромное место для особых гостей.

— Ну вот, — сказал Шибанов, устраиваясь на подушке. — Тут и поговорить можно.

— Василий, — тихо сказал князь. — Что за люди там были? В зале?

— Люди, говоришь? — Шибанов глянул исподлобья. — А, да ты ж нездешний… Тут у нас всё сложно. Всё очень сложно, — повторил он.

Рогожа шевельнулась, появился подвальщик — тощий рябой мужик с бледным лицом. Серые волосы выбивались из-под колпака, того же цвета бороденка висела грязным клоком. Однако в руках у него был поднос, на котором стояли глиняные кружки, плошки с огурцами и капустой, скляница зеленого стекла и две деревянные чарки.

Подавальщик поставил поднос на стол и принялся разгружать его привычными движениями.

— Здрав будь, Пахом, — обратился к нему как к знакомому Василий.

— И тебе здоровым быть, Василий Дмитрич, — степенно поклонился половой. — Как оно там, на службе?

— На службе ровно, — рассеянно отозвался Шибанов. — А у вас тут как?

— Сегодни средственно, — степенно отвечал Пахом, — а вот вчерась чуть худа не вышло. Благочинные к нам завернули. Новенькие, видать — искали кого-то… А тут сам Владислав Юрьевич отдыхать изволили. Шуму было!

— Но никого не?.. — Шибанов прервался посередине фразы.

Подавальщик перекрестился.

— Один, вон, в сенях *отдыхает* — видали, небось, — сказал он, разливая водку в чарки. — Ндрав у Владислав Юрьича горячий… Щец похлебать принести?

— Неси, и к ним гороху тертого, и редьки с маслицем…

То ли обстановка показалась Никите Романовичу подходящей, то ли желудок напомнил о себе, но князь вдруг почувствовал, что голоден. И редькой никак не наестся.

— Вот что, — решительно сказал он, — у вас пироги с бараниной водятся?

Пахом посмотрел на него изучающе.

— Можно поставить, — сказал он, подумав. — А еще утрешние остались, только они уже простыли.

— Греться их поставь, — распорядился Серебряный.

Пахом кивнул и исчез за рогожами.

— Совсем уж ты, брат, кафоликом там заделался, — укорил его Василий. — Сегодня ж пятница, день постный. В пятницу распят был Иисус, кто в пятницу скоромное ест — тот Господа сораспинает.

Серебряного такое поучение покоробило. Однако, чуть подумав, он понял, что со своей стороны Шибанов прав, и надо бы объясниться.

— Отвык я, — растолковал он. — У нас как раз два года уж, почитай, новшество: оружных людей попы от всех постов разрешают. Это сам Государь Иоанн так повелел — как на одном пиру балладу гишпанскую послушал. Про Педро Гомеса, льва Кастильи, который десять лет замок мавританский осаждал. Тот Гомес обет на себя взял — молоком одним питаться, ну и всему войску его вменил. ТАк они десять лет под крепостью и проторчали, всё войско перемерло без толку — но зато обет соблюли!

— Ты это здесь кому объяснять будешь? — вздохнул Шибанов. — У нас по Москве с такими делами строго. Благочинные в постные дни знаешь как лютуют?

— Постой-ка, — вдруг сообразил Серебряный. — А тут-то почему скоромное подают?

— А сюда пименовские не суются, — объяснил Василий. — Тут кромешники отдыхают. Знаешь, кто такие?

— Сталкивался, краем, — пожал плечами князь, не очень-то желая входить в подробности. — Я так понял — какие-то государевы люди. *Силовики*, как у вас тут выражаются.

— Значит, не всё ты про них знаешь, — заключил Шибанов. — Так им тоже разрешение от постов дадено. Яко болящим.

— И чем это таким они болеют? — не понял Серебряный.

— Малокровием, — процедил сквозь зубы Василий. — Болезнь тяжкая, неисцелимая… Вот от того-то малокровия и нуждаются они в питании особливом, *диетическом*.

Сказано это было таким тоном, что князю стало не по себе.

— Может, того… скажешь своему Пахому, чтобы не делал пирогов? — с сомнением предложил он.

— А, чего уж теперь-то, — махнул рукой Шибанов. — Я, пожалуй, тоже поснедаю. Андрей Михайлович, тот и вовсе постов не держит.

— Что так? — не понял князь. — Сколько помню его, он вроде ничего не нарушал.

— Жизнь тут такая, — объяснил Василий. — Чтобы из доверия не выйти, надобно всё время *тусоваться*. Ну, в смысле, по пирам ходить, по сборищам всяким. Сегодня у Бориса

Феодоровича прием, завтра у Пимена после службы малое сидение, а послезавтра и ко Влад-Владычу явиться надобно. И как тут посты держать? Годунов всё больше с мастером Иоганном трапезничает, а тот каженный день мясной отвар пьет и Бога не боится. У Пимена всё постное, да лучше б уж скоромное было: угрей и сомов едят, и раков морских великих из самоей Греции привозят и златом платят. И ладно б одних раков: последние разы, Андрей Михалыч сказывал, вошла у них там в обычай какая-то совсем уж мерзость несказанная, об осьми щупальцах — и ценЫ вовсе уж ни с чем не сообразной. Ну, а уж чем Влад-Владыч может попотчевать, о том добрым людям и говорить-то зазорно… Однако не с того мы начали, — прервал он сам себя и потянулся за чаркой. — Ну, за встречу!

Выпили. Водка была не чистой, но крепкой.

Следующие полчаса — а может, и весь час, — Серебряный рассказывал Шибанову про свои злоключения, на фоне ливонских новостей. Тот слушал с жадным вниманием; не укрылось от князя и его нечаянное «Как там, *у наших*?»

— У нас тут по Москве болтают — ну, в смысле *политработу ведут* такую, от Кремля, — будто новгородские мужики торговые царем помыкают как хотят и совсем уж ему на голову сели, а тот от них это всё терпит и утирается, и это-де всё оттого, как не есть он *природный государь*… То правда ль — насчет помыкания, в смысле?

Серебряный ухмыльнулся:

— Вольности у них большие, то верно. Будь поменее их — может, и вышло бы, помыкАть-то. А так — сами себя перехитрили. Теперь кряхтят, да делать нечего.

— Это как же? — заинтересовался Василий. — Я-то еще помню, как Вече царю перечило и деньги на войну выделять не желало.

— Было такое, — согласился Серебряный, — да только всё вышло. Потому как Иоанн против них *полномочия собрал*. Вроде по мелочам, ан мелочи-то их и опутали, яко сеть. Вот, к примеру, есть у бояр вольности, да — но на те вольности есть свои вольности и у вечевых. А поверх того есть вольности и у посадских, и весьма немалые. Вот и выходит, что вольности вроде как у них у всех, но вольность на вольность-то завсегда наехать норовит — такое уж у них свойство, у вольностей! — так что без царя, с его *последним царским словом*, никуда… Там, брат, тоже — всё сложно.

— Ну, к примеру, — продолжил он, накладывая тертой редьки, — все вопросы военные, по соглашениям подписанным, решает новгородский воевода. А вот какой вопрос военный, а

какой нет — об этом ничего в соглашениях не было. Так Иоанн это на себя взял. Ну то есть — решать, что к войне относится. Так что дороги и мосты, к примеру, теперь считаются делом военным, поелику по ним войско движется…

— Да не то, не то всё это! — Василий, наморщившись, стукнул кулаком по столу (эк его разобрало…). — Недостойно сие великого государя! Увёртки какие-то… Царь настоящий — это которому перечить никто не смеет! Чтоб как сказал — так и сталося! Слово и дело государево! Чтоб никто супротив царя и пёрднуть не смел…

— А царь Иоанн на такое лишь усмехается: «Волк не сердит, что овца пердит», — заметил Серебряный.

Он и сам частенько подумывал, что Иоанновы *приемчики* как-то *нехороши* — больно уж они противоречили образу настоящей Власти, имеющемуся во всякой военной голове, — но здесь отчего-то захотелось вступиться за Государя:

— Ты ведь, Василь Дмитрич, на засечный вал наткнувшись, не полезешь на него с конницей, верно? А пошлешь ту конницу в обход — где от нее прок будет. Вот и Государю бесперечь приходится маневрировать… Я, как человек военный, всё по армии смотрю. И что я вижу? — пушки льют, флот строят, иноземные *военспецы* в очередь выстроились на службу… жалованье, опять же, платят без задержки. Чего еще-то?..

Под разговор, да под горячие щи, да под горох со льняным маслицем, да под разогретые пироги с бараниной уговорили скляницу. Взяли вторую. Тут уже Никита Романович сам принялся за расспросы. Интересовало его всё — от положения Кубского до давешней сцены на базаре.

О господине своем Шибанов говорить наотрез отказался.

— Прости, если что, — сказал он, глядя князю в глаза, — а только и меня пойми: я князю стремянной, считай — рука правая. Я крест целовал, что в его воле пребывать буду и противу нее ни делом, ни словом, ни даже мыслию не погрешу. А мне Андрей Михайлович завсегда говорит: обо мне и делах моих не говори ни с дурными людьми, ни с хорошими. Хороший человек потом чего ляпнет, а мне от того вдруг оказия выйдет… Так что не пытай ты меня. А если так в общем сказать, то Андрей Михайлович сейчас на самом верху пребывает и с самими тремя на короткой ноге. Высоко взлетел. Ох, неспокойно мне…

— Это какие же три? — решил уточнить Серебряный. Про московские дела он не то чтобы совсем не знал, но особо не вникал.

Тут Шибанов разговорился. По его словам, выходило всё и впрямь сложно.

После того, как померла Ефросинья, князь Владимир Старицкий тронулся с горя умом — и без того-то невеликим. Его пытался вылечить самолучший немецкий доктор, мастер Иоганн, выписанный из-за границы боярином Борисом Годуновым. От немецкого лечения Старицкий стал очень тихим и перестал говорить с людьми, только плакал и молился. Убедившись, что от врачевания нет проку, князя передали церковникам, которые с тех самых пор его и окормляют в Коломенском. Периодически на Москве возникали слухи, что князя уморили вовсе. В таких случаях Старицкого обряжали в царские одежды, привозили в Кремль и являли народу: живой, мол, ваш царь, живой! — ведет жизнь праведную и за всё царство Московское молится. Это было правдой: молился Владимир безостановочно.

Что касаемо дел земных, то их вершил опекунский совет, созванный еще при Ефросинье. Главой его, с прежних еще времен, числился Адашев, однако силы реальной за тем не было никакой. Всем там заправляли другие уже люди, из которых первым Шибанов назвал всё того же Годунова. О нем Василий говорил без любви, но с определенным уважением. По его словам, именно Годунов, научаемый всё тем же мастером Иоганном, сумел провернуть денежную реформу, которая, по его словам, «всех за самую горловину и держит».

— Ты погляди, — растолковывал Шибанов, — что они удумали. Сначала через митрополита Пимена забросили: открылось, мол, за что Господь Русь бесперечно карает. Всё дело в том, что на Руси деньги серебряными делались. А серебро, грят, металл нечистый и грешный, ибо за сребреники Иуда Христа продал, оттого-то оно Богу противно. Потому у нас то неурожай, то засуха, то зима лютая. А в других странах медь и золото ходят, потому Господь на них не так ополчается. И хотя у нас вера самая правильная, а страждем мы люто, ибо в невежестве своем Господа оскорбляем каждой копеечкой. Так что милостивый Иисус может и вовсе Русь истребить, ежели мы немедля от серебра того богопротивного не избавимся… И ведь ловко-то как преподнесли! В самом деле, Иуда сребрениками взял, да и греху имя «сребролюбие» — а не «златолюбие», скажем. Всё сходится…

— Да ладно, — не поверил Серебряный. — Это ж надо вовсе мозгов не иметь, чтоб такую мякину клевать!

— Ну, боярам и людям служилым годуновские совсем другое сказывали. Дескать, нет у нас на Руси серебряных рудников, всё серебро от кафоликов всяких завозим. Оттого от них зависим. И никогда мы от того гнета не ослобонимся, покуда у нас своего серебра не появится, или не найдется того средства, чтоб его заменить. А как найдем, так и выйдет у нас… — он почесал в

потылице, вспоминая слово, — *святая суверенность*, во! Вот тогда-то Русь и встанет с колен…

— Сказано неплохо, — прищурился князь, — да только за слова-то люди и медяницы не дадут.

Шибанов коротко хохотнул и разлил еще водки. Закусили остывшим пирогом.

— И то верно, — сказал он. — Но ты смотри, какую они штуку провернули. Тот самый немец годуновский бумажное дело наладил. Бумагу из тряпья выделывает, да не хуже французской. Даже и лучше, потому как тоньше она. Потом сюда немецких граверов выписали. Сделали они доски медные с узором, для оттисков. И стали делать бумажки — на десять копеек, на двадцать, на рубль и более… Да не просто так, а со всякими хитростями. Годунов полста рублей посулил тому, кто повторит рисунок до неразличимости. Пока не нашлось умельца.

— А, точно, видал я такую штуковину! — вспомнил Серебряный будочку на въезде в город. — Так ведь всё равно ж это бумага, кому она нужна?

— А ты дальше слушай, — Василий доел пирог и принялся мазать краюху хлеба тертым в масле горохом. — Спервоначала вышел указ, Адашевым от царского имени писанный: всё серебро сдать государству для последующего истребления. Буде кто его сам добровольно снесет, так получит бумажки на те же деньги, а если много снесет, так и более. Ну а у кого найдут укрытое — у того, стало быть, и серебрушки отберут, и сам он на правёж отправится как еретик, враг веры Христовой и непослушник Государю. Для той надобности и учинена была Служба благочинная. Всех они ободрали. Даже в церквах серебряные оклады да купели не пощадили.

— Это у кого же рука-то поднялась? — не поверил Серебряный.

— У нестяжателей, — вздохнул Шибанов. — Помнишь таких? Это которые за то боролись, чтобы Церковь очистилась и стала духовной…

— Сильвестр, — вспомнил Серебряный.

— *Не дожил* — развел руками Василий. — Хотя сейчас его чуть не святым почитают… Но и без него нашлись. Из дальних монастырей достали всех недоумученных. Многих из подвалов вынули, в железа закованных… Куда их перед тем сам Пимен и определил, *нестяжательский вопрос* решая. А потом власть им же в руки и дал… ну, как дал — на время, подержать. Но всё-таки власть: право карать и миловать. Мыслишь ли ты, сколь кротости душевной они тогда явили?

Князя передернуло:

— Да уж… И что, так с той поры и стоят те иконы как раздетые, без окладов?

— Ну, зачем же вот так уж прямо, без окладов-то, — скривился в усмешке Шибанов. — Сказано ж тебе было: греху-то имя «сребролюбие», а не «златолюбие»! Так что оклады нонешние, да и прочее церковное убранство, стали втрое роскошнее прежних — из *чиста золота*. Ну уж *чисто* там оно или *нечисто* — тут мнения разные бытуют, да и шепотки ходят всякие. Кстати, шепотками на эти темы Высшее Благочиние оченно интересуется, имей это для себя в виду.

Так-так-так, отметил про себя князь. «Здесь кромешники отдыхают, а пименовские не суются», — вот, значит, отчего старый товарищ выбрал такое странное место для откровенных разговоров… Вслух же поинтересовался:

— А как нестяжатели на всё на это взирают?

— А некому уже взирать-то: их, почитай, всех и казнили сразу после. За *перегибы* в проведении в целом правильной и богоугодной политики, ага. Очень удачно они под рукой оказались, чтоб было в кого народу пальцем тыкнуть за все гадства той ограбиловки. И когда нестяжателей тех принялись жечь пачками на Болотной площади, это был просто какой-то праздник всенародный! А Годунов на том вышел — народным заступником супротив «съехавших с глузду попов» и лично Пимена.

— Ловко… — прямо-таки восхитился Серебряный.

— Ха, «ловко»! — усмехнулся Шибанов, отыскивая дланью шкалик. — Это, брат, еще только первый ход в той его *многоходовочке*… А дальше Борис-свет-Феодорович учинил Очищение Великое — причем опять чужими руками. Не слыхал?

— Не-а, давай подробности!

— Пимен, вишь, на той ограбиловке очень уж приподнялся, и стал *претендовать не по чину*; ну а его Высшее Благочиние совсем уж, как говорится, *берега потеряло* и *края поляны видеть перестало*. Вот тут-то как раз и грянуло то Очищение. Оказалось — изрядная доля того изъятого серебра по ходу дела поприлипла к пальчикам самих же благочинников…

— Не, ну кто бы мог такое подумать! — расхохотался князь, подставляя чарку.

— Во-во! «Чистые руки, горячее сердце…» В общем, *раскассировали* их тогда. СамогО-то Пимена не тронули — нужен он, но весь, почитай, личный состав тогдашнего Благочиния, снизу доверху, *прибрали*. За «сребролюбие с отягчающими» — основная тогда была статья обвинения, но навешивали им обычно, до кучи, еще и «ересь жидовствующих» с «ересью

нестяжательства», и шпионство на Польшу, Крым и Новгород…

— Постой, а обвинение в «нестяжательстве»-то в тот список как затесалось? Несообразно же!..

— А всё прочее — сообразно, да? — осклабился Шибанов.

— Черт, тоже верно… А как же они позволили себя — вот так вот?.. Ведь сила и власть-то у них, чай, была немалая?

— А вот так вот! Нашлась на ихнюю силу другая сила, посильнее. Хотя правильней сказать — не сильнее, а еще мерзостнее… Ночной Дозор — «Ужас, летящий на крыльях Ночи», как его тогда восславляли. Его ведь Годунов как раз тогда и создал. Исподволь — чисто чтоб Благочинию тому разгулявшемуся шею свернуть…

— Погодь, но у тех-то организация уже была, а у этих, *ночных*, всё с нуля, как я понимаю?

— Ну, если б те благочинники сразу всей шайкой восстали и ощетинились — это да, был шанец, — признал Василий. — Но они ведь, по крысиной своей сущности, принялись своих сдавать поштучно… А — как не сдашь? Кажную ночь — черный возок у терема какого-нить благочинного начальника, «Слово и дело государево», а с утра пораньше — его показания уже зачитывают в синклите у Пимена… Совершенно правдивые, заметь, показания: как они там, у себя в Благочинии, и с серебром тем обходятся, и с симпатичными ведьмочками и юными еретиками… с именами-датами и всякими трудно выдумываемыми подробностями. А подробности такие, что — кто такое открыто покрывать дерзнет? Ну, а на следующую ночь — черные возки по тем адресам, что помянуты. А следующим утром — новые показания, с новыми именами… В три недели, в общем, управились… ну, там еще добирали потом, по мелочи, всяческое «нестяжательское охвостье». Влад-Владыч на том Очищении и возрос — до той поры-то его и не знал никто…

— А кто он таков? — спросил князь. — А то у нас… ну то есть в Новгородчине… всяко-разное болтают… — Слухи о творящемся в Москве чем дальше, тем больше приобретали оттенок фантастический, страшный. БОльшую часть он спокойно пропускал мимо ушей, списывая на пропаганду военного времени (ну не может же такого быть, в самом-то деле!..), но совсем-то уж дыма без огня не бывает!

Шибанов помолчал. Опрокинул стопку, заел редькою.

— Темная личность… — наконец высказался он.

— А другие, двое, выходит — светлые? — ухмыльнулся князь, указывая на свою чарку: давай, мол.

— Э нет, брат, — покачал головою Шибанов, — тут темнота совсем другая… Откуда он взялся — никому толком не ведомо.

Якобы православный воевода, господарь по-тамошнему, откуда-то из унгрских земель; звать — Влад, прозывать — Цепеш; это всё — с его слов, поди проверь… У нас тут перекинулся из Влада во Владимира… Владимир Владимирович Цепень, стало быть нынче, официально. В верха он взошел круто, можно сказать — взлетел. Болтают, — тут он понизил голос, — будто на первых порах его продвигали Сильвестр с Адашевым, а он взамен устроил для них *малокровие* Ефросинье: та прежний-то Совет держала в ежовых рукавицах, не забалуешь.

— Ага! — прервал Серебряный. — Ага… — повторил он. Смысл происшествия с кромешниками и скоморохами в трактире на Пятницкой начал, похоже, проясняться. — Слушай, я тут слыхал похабель про это. И было там про какую-то трубочку. Это чего?

— Есть у него трубочка железная, — подтвердил Василий. — Он ее на поясе носит, открыто. Чтоб помнили.

— А… зачем? — не отставал князь.

Шибанов посмотрел на него странно.

— Брезгует, — наконец вымолвил он. — Говорит, иные моются редко, оттого вкус не тот. Вот он, значит, трубочку ту в жилу и вструмляет.

— И чего? — Серебряный всё никак не мог понять.

— И пьет, — спокойно сказал Шибанов; *опрокинул* и захрустел редькой.

Серебряный опешил.

— Нет, ты постой, погоди… — забормотал он. — Я-то думал, они так, пугают… Про Ефросинью сказывали, что ее ядом извели… А оно вон как? Так он что, УПЫРЬ?

— Упырь, вестимо, — Шибанов кивнул, будто говоря самое обыкновенное. — И не он один. Вона, за дверью — кто сидит-то, по-твоему? Неужто сам не ощутил?

Новость никак не укладывалась в голове князя. Что от кромешников прямо-таки за версту несло чем-то нечистым, он и сам чуял. Задумывался он и о каком-то скверном колдовстве. Но вот чтобы *прям так* — это было *немного чересчур*…

Для начала князь плеснул себе водки и *накатил*, чисто чтоб привести мозги в порядок. Откашлялся, утер рот рукавом и, обретя под собою некую мысленную твердь — «Не, может, просто пугают шутейно, а?», — задал *контрольный вопрос*:

— Так, постой. Но как же тогда этот Владимир Владимирович в церковь ходит? Или… не ходит?

— Отчего же, ходит и на службах стоит, — пожав плечами, откликнулся Шибанов. — В основном ночью, правда. И нельзя сказать, что «креста на нем нет»; вполне себе наличествует —

златой, с красным каменьем. Андрей Михалыч с ним на ночных моленьях стаивал, и говорит — не заметил отступлений. Я тебе больше скажу: он и на Крещенье в прорубь окунается! Ночью, при факелах…

— Ну, вот!

— Что — вот?

Некоторое время они испытующе глядели друг на дружку, и тут Серебряный ощутил вдруг *настоящий* страх — пробежавший ледяным ручейком меж лопаток.

— Ладно, — пробормотал он. — А что, Пимен с Годуновым, стоя с тем рядышком на молебнах и выпивая в застольях, *малокровия* не боятся?

— Насчет Пимена не ведаю. А вот Годунов — этот опасается, но не боится, скажем так. Его собственная Служба — Особая контрразведка — будет всяко покруче Ночного дозора.

— Ага. Значит у вас тут три силы, — и Серебряный не вполне трезвым движением загнул три пальца, от мизинца к среднему. — Годуновские особисты, пименовские благочинники, ну и кромешники отдельно… А вот послушай, — вспомнил он (подальше, подальше от этих потусторонних кошмаров!..), — я тут на рынке был, и такое видел… — и он пересказал случившееся давеча.

Шибанов, пока он рассказывал, еще пару раз угостился водочкой и даже не закусил.

— Это всё дела уже привычные и неудивительные, — сказал он наконец. — После Очищения особисты пименовых благочинников от всего, что с серебром связано, отрешили и не подпускают на пушечный выстрел. А те ведь как раз на серебре и откормились, и как их от той кормушки отодвинули — пустились во все тяжкие. Шакалят где придется. По непотребностям работают, по разжиганию — оттого «*Роснепотребнадзор*» называется. Могут и к бабе прицепиться, у которой из-под платка прядка выбилась: дескать, непотребство. Либо вот к нам с тобой, — с этими словами он кивнул на недоеденные остатки скоромного пирога. — Но с бабы или с нас много ль возьмешь? Так что они в последнее время приноровились места на рынке отжимать. Вот это ты и видел. Они так и к большим купцам приходят, торговые дела на себя переписывают. Ну тут уже другие обвинения надобны. Обычно в ереси винят. Знаешь, как они сами шуткуют: «Был бы человек, а ересь найдется» и «Если ты еще не еретик, это не твоя заслуга, а наша недоработка».

— А те, в серых плащах — это кто? — перебил его князь.

— Ежели в серых, а не в черных — так это Дневной Дозор, совсем особая статья. Тоже кромешники, но у них там своя

иерархия, и дневные как бы пониже ночных будут. Ночные-то днем работать не любят. Они там через одного *малокровные*, их солнышко жжёт. Оттого-то у ихнего старшОго режим работы такой чудной: «Всю-то ночь горит окошко во Кремле, там Родной и Любимый всё о нас, грешных, думу думает!» — явно передразнил кого-то Шибанов. — Даже в лапту с присными со своими он играет по ночам, называется это у них — «Ночная лига».

— Вот так прямо жжёт? — уточнил князь уже без особого удивления.

— У них на солнечном свету кожа такими, понимаешь, серыми волдырями идет, — подтвердил Василий. — Сам видал… Затем Дневной Дозор и придумали. Этих посылают днем работать и *точки* обходить. Ну, где *белым* торгуют. И прочим разным разжигающим.

— Да что за «белый»-то?

— Так чеснок же! — удивился вопросу Шибанов. — Причислен Церковью к веществам разжигающим-распаляющим, к блудодействам склоняющим, от постов-молитв отвлекающим — ну и через то запрещен к употреблению и продаже. Один из главных, можно сказать, кормильцев и поильцев *Роснепотребнадзора*.

— То-то, помнится, от того благочинного патруля чесноком воняло так, что хоть святых выноси!

— Ну а как еще?..

Серебряный хотел было поинтересоваться, что за дела могли быть у дневных кромешников с продавцом чеснока, но мысль его вернулась к куда более важному соображению.

— Стой-постой… А куда в итоге всё то серебро делось, что с народу тогда собрали? — стал допытываться он.

— Кто ж его знает, — Шибанов пожал плечами. — Народу говорят, что утопили все серебрушки в море-окияне; дальнейшие расспросы *не поощряются*. Людям почище рассказывают, что за то серебро куплены государи иноземные, чтобы они Русь не тревожили и супротив врагов ей пособляли. Насчет государей не скажу, не моего ума это дело, а ежели кого поменьше — то дело возможное. Ну и еще всякие есть варианты. Говорят, в Англии можно снести деньги в меняльную лавку, через год зайти — а тебе их вернут с прибытком. Но этим всем Особая контрразведка заправляет, а в их дела нос лучше не совать — оторвут вместе с головой.

— Ладно, не будем совать. Но вот забрали они то серебро, заплатив за него бумажками. А дальше-то с теми бумажками что будет?

— Ну, они тут еще и новый указ готовят. Чтоб все подати, пени и прочее в том же роде принимать только бумажками новыми, медь же отнюдь не брать. А откуда взять бумажки те проклятые? Только у государевых людей обменять.

Тут-то до Серебряного и дошло:

— Слушай, — сказал он, — а у кого та печатная машина стоит?

— Говорю же, у немца годуновского, — напомнил Шибанов.

— Погоди-погоди… Значит, у Годунова она. Так что ж, выходит, он может богатство печатать? Себе в карман?

Старый ветеран посмотрел на князя с уважением.

— Быстр ты на ум, — оценил он. — Мне вот непонятно было, пока Андрей Михайлович не разобъяснил. Так оно и есть. Еще по одной?

…Настала пора прощаться. И переходить к делу — ради которого он тут оказался.

— Василий Дмитрич, как ты мыслишь: не найдется ль у Андрея Михалыча какой службы для меня? Хоть на первое время тут… Вот, передай ему от меня *напоминалочку*: есть, мол, нынче на Москве такой Никита Серебряный, — и с этими словами положил поперек стола свою саблю, на ножнах которой будто бы высочилась в тот миг каплями рубинов вся пролитая ею кровь.

— Да вряд ли он запамятовал того Никиту и тот мост через Огре, — хмыкнул Шибанов, разглядывая чудо-оружие. — Такое не забывают… Кесская?

— Она самая. А насчет «вряд ли запамятовал» — у людей, оказавшихся «на самом верху», память начинает порою работать очень избирательно… Передай, Василий Дмитрич, очень тебя прошу. Невелик ведь труд, а?

— Ладно, как скажешь, — пожал плечами тот, — труд-то и вправду невелик. Хотя и лишне это: мыслю, что если и есть у Андрей Михалыча какая служба — она и так твоя.

«Дело сделано, уф-фф! — ликовал он, двинувшись вместе с Шибановым из отвратного места, мимо провожающих их долгими взглядами восковых рож. — На выход, на выход отсюда!»

Там, на выходе, их и взяли, тепленькими.

Группа захвата Особой контрразведки под командой лейтенанта Петровского сработала безупречно: об *обнажить* и речи быть не могло.

«Но как же так?? — Я НЕ МОГ ОШИБИТЬСЯ, петушок был развернут куда надо!!»

Петровский тем временем внимательно осмотрел изъятую у Шибанова кесскую саблю и безошибочно взялся за массивный,

затейливой формы, позлащенный наконечник ножен. Медленно, как в кошмарном сне, посыпалась крошка фиксирующей его застывшей индийской смолы. Отделившийся наконечник остался в руке контрразведчика, и на свет божий явилась таившийся в его полости толстостенная склянка с темно-синей жидкостью.

— *Ну вот и всё, государи мои!* — повторил тот, переводя взгляд с Шибанова на Серебряного и обратно.

Глава 10

Измененные состояния сознания

Пытают и мучат гонца палачи,
Друг к другу приходят на смену.
«Товарищей Курбского ты уличи,
Открой их собачью измену!»

А. К. Толстой

«Василий Шибанов»

От сотворения мира лето 7068, сентября месяца день семнадцатый.

По исчислению папы Франциска 27 сентября 1559 года.

Москва, Знаменка. Штаб-квартира Особой контрразведки.

Помещение, куда его сейчас привели, извлекши из каменного мешка, где он провел… а, кстати, сколько? Счет времени в удушающей тьме каменных мешков, где нельзя даже толком сменить позу, человек теряет почти сразу; если же полагаться на ощущение жажды — сильной, но не вовсе уж нестерпимой — вряд ли прошло больше суток. И вот сейчас он сидел на вмурованном в пол табурете, босой и со скованными за спиной руками, удивленно разглядывая сводчатое помещение без окон — которое, по всем его ожиданиям, должно было оказаться застенком, но на застенок походило как-то не слишком. Особенно неуместно смотрелся портрет на стене, над столом с затейливым чернильным прибором и стопкой бумаги: лысоватый человек в очках, явно нерусский, и в каком-то нерусском одеянии. Впрочем, чуть присмотревшись, Серебряный себя поправил: человек тот был как раз вполне на своем месте; более выразительного воплощения понятия «Беспощадность» ему, пожалуй, встречать не доводилось.

Ладно, бог с ним, с портретом — но дыба-то где? Уж если его оставили тут потомиться в одиночестве — должны были бы и разложить прямо перед ним всякий затейливый пыточный инструментарий, для вдумчивого созерцания оного в режиме *предварительных ласк*… Пока же на мысль о предстоящих пытках наводила лишь широкая скамья в дальнем углу со стоящей

поблизости кадушкой; при этом в кадушке той, вместо штатных плетей, отмокало какое-то грязноватое тряпье. Странно всё это…

— Ну-с, батенька, клаустрофобии мы, стало быть, не подвержены? Тэк-с, тэк-с…

Появившийся совершенно бесшумно пожилой господин в черном одеянии и черной шапочке, указывавшей на его принадлежность к ученому сословию, разглядывал Серебряного с благожелательным интересом, по-птичьи склонив голову набок. Русский язык его, при всей безупречности, был всё же неродным, и дело тут не в заграничном слове «клау…» — как там дальше?

— Вы, похоже, ищете взглядом дыбу, кнут, жаровню с раскаленными клещами? И совершенно напрасно, уверяю вас! У нас тут всё-таки не Разбойный приказ, а Особая контрразведка, совершенно иной уровень технической оснащенности. Тут имеются такие импортные инструменты, что *человек вроде бы и не нужен — а нужен только его пальчик*… Впрочем, вам, Никита Романович, всё это вообще не грозит. *В соответствии с параграфом 12 относительно непричинения видимых физических повреждений подследственным, коим предстоит выступить в открытом судебном заседании* — если вы не в курсе Положения об Особом трибунале.

— Ох, простите великодушно: я забыл представиться! — нелюбитель дыбы и иной архаики отвесил князю чопорный поклон, странным образом не смотревшийся откровенным издевательством. — Иоганн-Генрих Фауст, доктор философии и коммерции советник, к вашим услугам.

— Так вы — немец? — осведомился Серебряный.

— Я-то?.. — переспросил доктор и вдруг задумался. — Да, пожалуй, немец… Уроженец Вюртемберга, если быть точным.

— Так на Москве настолько дело дрянь, что даже и палачей уже приходится выписывать из-за границы?

— Никита Романович, голубчик! — у доктора, казалось, слезы сейчас навернутся на глаза от такой чудовищной бестактности собеседника. — Вы совершенно превратно понимаете мой здешний статус!

— Да хрЕна ли тут не понять-то?

— Уверяю вас! — доктор истово прижал ладошки к груди в стремлении развеять недоразумение. — Я прежде всего финансовый консультант здешнего правительства, передаю ему наш, европейский, опыт проведения финансовой реформы. Он в высшей степени позитивен, уверяю вас — что бы там ни бурчали ретрограды-завистники!

— Так значит, эту крашеную бумагу взамен нормальных денег тоже ты выдумал?

— Я, я, натюрлих! Ну, не совсем чтоб сам «выдумал» — так, в основном *продвигаю*…

— Экая вы разносторонняя личность, — нехорошо улыбнулся арестант.

— Именно! — горделиво приосанился тот. — Мои научные интересы, изволите ли видеть, лежат на стыке физиологии и психологии. Особое внимание я уделяю так называемым «измененным состояниям сознания» — на границе между сном и бодрствованием, между обмороком и обретением сознания, между жизнью и смертью, наконец. Ведь и научные открытия, и художественные озарения приходят к нам именно в измененном состоянии сознания, и постигнуть механизм его достижения — архиважно! Да, этих состояний можно добиваться и искусственно, при помощи *веществ*, даже и алкоголя — но здесь слишком велик разброс индивидуальных характеристик, он маскирует общие закономерности. А вот при пытке можно вводить подопытного в это пограничное состояние многократно: идеальная модель, аутентичные, статистически достоверные повторности!

— Охренеть, — ошарашенно откликнулся Серебряный. — Выходит, экономику здешнюю вы дореформировали уже до того, что и правительственным консультантам, чтобы дотянуть до зарплаты, приходится подрабатывать палачами?

— Ну вот, и вы туда же — про презренный металл! — горько покачал головою доктор. — А ведь интеллигентный человек… Бог ты мой, откуда в вас, русских, столько бездушного прагматизма? Впрочем, грех жаловаться: как это ни парадоксально, Московия сейчас — страна поистине безграничных возможностей для человека науки, и сумрачному германскому гению тут есть где разгуляться! Вот, к примеру, мой высокоученый коллега доктор медицины Менгеле, подвизающийся нынче в конкурирующем — ха-ха! — ведомстве, в Ночном Дозоре у Владимира Владимировича. Проводит там поразительные опыты на заключенных; в любой стране Европы его за такое давным-давно сожгла бы Инквизиция — а тут всем хоть бы хны! Он, кстати, рассказывал, что у них там из рук вон плохо поставлен бухгалтерский учет; ну и в итоге у него под руками всегда сколько угодно *неучтёнки*: не попадающего ни в какие регистрационные книги *материала для экспериментов* — «Э, да кто их там считает!» Видите, как даже недостатки работы бюрократического аппарата можно порою обернуть на пользу науке!

Серебряный тщетно старался разглядеть в глазах доктора тлеющие огоньки безумия. Так вот — не было там никакого безумия! Не было. И вот тут-то ему стало страшно по-

настоящему.

— Впрочем, мы с вами заболтались, князь. Нас, конечно, никто особо не гонит, но пора уже и честь знать. Поскольку вы — человек упрямый, да еще и находящийся под защитой 12-го параграфа, это обещает стать истинным вызовом моему мастерству! И я остановил свой выбор на старой доброй пытке водой. В Стране Просвещенных Мореплавателей ее называют waterboarding: *неизменно превосходный результат* — и при этом *никаких видимых физических повреждений*! И нужна для этого всего-то мокрая тряпка, облепившая лицо человека — вон она, в кадушке, — на которую продолжают лить воду — медленно, по кружечке. Ну и желательно, чтоб голова лежащего располагалась ниже ног — наклон вон той скамьи как раз так и отрегулирован.

— Задыхаться вы начнете сразу: мокрая ткань не пропускает воздух, — продолжил доктор свою лекцию. — А затем ваши ноздри станут заполняться водой, и вы испытаете весь комплекс ощущений, возникающих при утоплении: удушье, панический страх… Потом вы потеряете сознание, мы приведем вас в чувство, дадим немного отдышаться, и начнем по новой. Раз, два, десять, сто… тысячу раз, если понадобится — нам торопиться некуда; в конце концов говорить начинают все. Вот в этом и состоит главное достоинство *некалечащих пыток*, которые я всячески пропагандирую: их можно длить поистине бесконечно. Какая, согласитесь, изысканная и точная модель христианской *концепции инферно*!

— Вы, вероятно, захотите спросить, князь: отчего такой замечательный метод, да еще и не требующий никакого специального оборудования, не вытеснил до сих пор ту дурацкую дыбу? — в докторе чувствовался опытный лектор, привыкший не терять контакт с аудиторией. — О, тут есть свои подводные — ха-ха! — камни. Во-первых, это просто требует времени: некоторым упрямцам удается продержаться довольно долго, в пределе — до пары суток, а информацию порой необходимо добыть срочно. Во-вторых, надо крайне внимательно контролировать состояние подопытного: длительное удушье разрушительно воздействует на его мозг, и он может ускользнуть от вас в безумие. Ну а у совсем неопытного экспериментатора подопытный может и вовсе задохнуться! Но уж по этой части вы, князь, смело можете на меня положиться: состояние вашего мозга я буду контролировать постоянно и с предельным тщанием!

— Открою вам один секрет, — продолжал доктор со всей интимностью. — В данный момент мои личные научные интересы несколько расходятся с интересами моих — ха-ха! — работодателей. Те заинтересованы, чтобы вы побыстрее

выложили всю правду и отправились на эшафот. А вот я хотел бы столкнуться с вашим упорным молчанием, и продлить наше общение на максимально долгий срок… Вы уж меня не подведите, голубчик!

— Я понимаю, какой соблазн сейчас возникнет перед вами, — тот был реально огорчен, и весь исполнен сочувственного понимания. — Ведь от вас вовсе не требуют предавать друзей, а тем паче оговаривать их. Никого не интересуют даже технические детали вашей конспиративной связи с Курбским, представьте! — все эти «связные, пароли, явки». Единственное что нужно — чтобы вы сами, честно и открыто, поцеловав крест, признали себя действующим агентом Новгородской секретной службы. Что в нынешних обстоятельствах, согласитесь, и в таких-то доказательствах не нуждается, в силу своей очевидности. Итак?..

— Я знать не знаю никакой «секретной службы». Это какая-то ошибка или подстава.

— Браво, князь! Рад, что не обманулся в вас! Я уже вижу вас на почетном месте в разделе «Материал и методика» той прорывной статьи об измененных состояниях сознания, что сейчас подготавливается мною для «Ярбух фюр психоаналитик унд психопатологик»…

Доктор философии и коммерции советник позвонил в колокольчик. Вошла пара корпулентных *общечеловеческих ценностей* в кожаных фартуках, одинаковых хоть в Москве, хоть в Севилье; хоть — чего уж там греха таить — и в Иван-городе, в подвалах Григория-свет-Лукьяновича.

— Ну что — приступаем к водным процедурам!

Ярчайший свет пронзал зрачок так, что сквозь него наверняка можно было оглядеть все закоулки его мозга, дабы удостовериться: нет, *необратимо* там *пока* ничего не поломалось. После чего сатанинский доктор опять скомандует: «Всё в порядке, можно продолжать!»

Всё это, однако, мало чего могло добавить к тому беспросветному мраку, в котором душа его пребывала с сАмого ареста: он провалил важнейшее в своей жизни задание, угробив ценнейшего *нашего человека на той стороне*. Как ни странно, именно это отчаяние помогало ему держаться — в режиме «Потеряно всё, кроме чести».

Рядом, между тем, негромко переговаривались.

— Похоже, вы перестарались, доктор. А главное — всё попусту.

— Ну, вам ли не знать, herr major: разведчик или сдается сразу, или не сдается вовсе.

— Вы оборвали цитату на середине, доктор. Полностью она звучит: «Разведчик или сдается сразу, или не сдается вовсе. За редким исключением он разваливается после применения специальных мер». А он, стало быть, и есть то «редкое исключение»… Впрочем, он и не разведчик вовсе, а чертов дилетант. И вообще, в этой истории — *всё настолько глупо и непрофессионально, что работать практически невозможно. Невозможно понять логику непрофессионала*.

В человеке, которого доктор почтительно величал, на свой манер, «майором», Серебряный узнал по голосу «лейтенанта Петровского». Вертеть головою, чтоб в том удостовериться, он, понятно, не стал — выгадывая последние мгновения на *подышать*, пока те не *начали по новой*.

— Он, между прочим, очнулся. И слушает наши разговоры.

— Ему это не повредит и не поможет. Приведите-ка его в порядок, доктор — для разговора.

…Оставшихся у него сил хватало как раз на то, чтоб сидеть на *том* табурете ровно, не кренясь. И отвернуться, когда контрразведчик участливо предложил:

— Эк тебя, князь… Глотнуть не хочешь — по старой дружбе?

— В аду твои друзья!

— Вероятно, да, — кивнул тот. — А куда еще могут попасть после смерти люди нашей с тобой профессии?

— Чёрта с два она НАША! Ты — палач, а я — солдат.

— Интересные занятия для солдата: изображать из себя перебежчика, впаривая врагу стратегическую дезинформацию, и выходить на конспиративную связь с внедренным агентом — не находишь?

— Вранье. Это какая-то ошибка, или подстава — так и запиши.

— Да ничего никуда уже записывать не нужно, — вздохнул тот. — Я, собственно, сообщаю тебе радостную весть: *твои*, новгородские, сдали тебя со всеми потрохами. Официально признали своим человеком и предлагают вот обмен на пленного воеводу Шестопалова. Так что даже признание твое, которого доктор от тебя всё домогался, нам теперь уже без надобности.

— У меня нет никаких «своих», — отрЕзал Серебряный, глядя в пол и запрещая себе поддаться этой безумной надежде.

— Истину глаголешь, князь! Ведь именно СВОИ тебя и определили сюда, в клиенты к доктору Фаусту. Сперва — дали тебе легенду, состоящую из сплошных дыр, будто специально… Впрочем, нет! — сперва они подобрали для заброски человека с таким имечком, чтоб ушки вставали торчком у любой московской ищейки. А теперь вот — забили последний гвоздь в твой гроб,

предложив этот якобы обмен. И обнулили тем самым твою геройскою несознанку в этом подвале.

— А почему «якобы»? — вырвалось у Серебряного раньше, чем он успел прикусить себе язык. «Лейтенант», впрочем, и бровью не повел:

— Да потому, что условия обмена предложены заведомо неприемлемые. Вы, князь, отличный воевода и герой, без тени иронии — жаль, оказались *не на той стороне*. А тот Шестопалов — жидкое дерьмо, трус и дурак… Никому тут, разумеется, и в голову не взбредет менять вас друг на дружку. И што таки себе мы будем иметь в сухом остатке от такого предложения? — только лишь нашивку для вас «Новгородский шпион первого ранга», носИте с гордостью!..

— Я сейчас введу вас в курс дела, князь — просто чтоб вы поняли, сколь мелкой разменной монетой вы послужили для своего начальства во всей этой истории. Ну, во-первых, сам Курбский. Мы получили — по ордеру Трибунала — доступ к хранящимся у него оригиналам писем Грозного…

— Ливонского вора, — издевательски поправил особиста Серебряный.

— Полноте, князь, мы разговариваем не под запись, — поморщился тот. — Так вот, между строк тех «ответов» обнаружились инструкции, написанные невидимыми чернилами. Как раз такими же, как из склянки в ножнах вашей сабли, которую вы передавали Курбскому через Шибанова…

— Я никому ничего не передавал, а о склянке понятия не имел.

— Да-да, эти ваши показания зафиксированы на первом допросе. Но теперь, когда еще и состав *вещества* совпал, это смотрится как-то совсем уж неубедительно, согласитесь. Идем далее. Чернила те оказались штукой редкой-заграничной, со свойствами весьма необычными. Исходная запись невидима; если бумагу нагреть, она проявляется; а вот если ту проявившуюся запись чуть подержать над паром, она вновь выцветает до неразличимости! Немецкие алхимики называют это «Pendeltinte — чернила-маятник»; и понятно, почему здесь были применены именно они — не станешь же по прочтении сжигать царское послание как обычную шифровку… Защита, кстати, тщилась доказать, что записи те — то появляющиеся, то исчезающие — могут быть сделаны-де лишь при помощи колдовских чар. Нам пришлось привлечь попов как экспертов; те постановили — никакого колдовства, вполне себе рукотворная тайнопись.

— Никогда и не слыхивал про такое.

— Ну так вы ж и не алхимик! Я, кстати, тоже… Как бы то ни

было, тексты тех проявленных нами инструкций Грозного вполне позволяют восстановить содержание докладов Курбского: когда и какие здешние тайны он сообщал Новгороду. А самое интересное было в последнем ответе. Из него явствует, что Курбский перед тем во-первых запрашивал новую порцию «чернил-маятника» — свои у него заканчивались, а во-вторых писал, что у Особой контрразведки возникли подозрения насчет утечек, и они-де «роют землю в поисках *крота*» — что чистая правда, князь! Грозный же отписал, что он немедля решит обе эти проблемы. Вот тут на сцене и появляется перебежчик князь Серебряный, со своей занимательной историей и склянкой невидимых чернил в ножнах сабли… Дальше — продолжать, или вы сами?

Серебряный лишь пожал плечами, по-прежнему глядя в пол. «Русски зольлдатен, прекращайт бессмысленное сопротивление», ага… И ведь действительно — бессмысленное.

— Ну, тогда продолжу я. Смысл вашей легенды состоял в том, что *крот* существует, да — это-то мы знали и так, — но сообщения его начали поступать в Новгород как минимум с Медового Спаса 57-го. То есть — ДО перебега Курбского! Итого: ему — идеальное алиби, а нам — указание искать предателя среди тех как раз, кто ни сном, ни духом (ну а кто ищет, тот всегда найдет…).

— Очень неплохо задумано было, по совести говоря, и мы вполне могли бы на это купиться, — великодушно признал контрразведчик. — Но только вот легенду вам слепили с потрясающей халтурностью. Ей же богу, князь, впечатление такое, будто ваша заброска — чистой воды экспромт, и на проработку легенды у вас с Джуниором реально были лишь *те самые сутки*! В итоге весь ваш рассказ о том рейде на Медовый Спас — это прокол на проколе. Начиная с ночной переправы через Шексну по наплавному мосту — который как раз в тот год снесло паводком нахрен, ну и *далее везде*… Так кАк — был тот мост, и тот рейд?

— Был мост, а ваши ошибаются. И рейд был.

— Знаешь, у нас сейчас на руках столько доказательств, что твоя дурацкая *глухая несознанка* — с отрицанием абсолютно очевидного и твердо установленного — нам даже вроде как в плюс: случается и такое! И тем не менее вопрос с рейдом нам хотелось бы закрыть. Поэтому мы, почти следом за тобой, выманили из графовой *Нейтралки* и еще кое-кого, кто может внести ясность в этот вопрос…

«…*Я и не знал, что у тебя с ней всё так всерьез*… — Нет! Нет!! Нет!!!»

— У тебя, князь, похоже, сейчас кровь выступит из-под ногтей — так ты вцепился в край сиденья, — понимающе усмехнулся

контрразведчик. — Но — нет, речь не о твоей Ирине. То есть мы, конечно, могли бы залучить сюда и ее, и сломать тебя на этом — но в наши планы такое не входило. Нам ведь тут нужны не признания, добытые *такими вот* способами, а — правда. Так что — речь о другом человеке.

* * *

— Ваше имя?

— Затевахин Михайло, сын Алексеев.

— Вы решили дать свидетельские показания Особому трибуналу находясь в здравом уме и твердой памяти, добровольно и без принуждения?

— Так точно: находясь в здравом уме и твердой памяти, добровольно и без принуждения.

— Ваша предыдущая должность?

— Сержант разведбатальона Второго корпуса армии… эта…

— «Шайки Ливонского вора».

— Да, она самая.

— Итак, свидетель: что побудило вас обратиться к Трибуналу со своими показаниями?

— Ну, мне сказали, что командира моего, Серебряного Никиту Романыча, облыжно обвиняют тут, в Москве, в этих, как его… военных преступлениях. Будто бы во время глубокого рейда по Московии, на Медовый Спас 57-го, он приказал перерезать целую деревеньку, с бабами и детишками… в целях соблюдения, значит, скрытности передвижения по вражеской территории. А я говорю — да бред это полный, его, для начала, там просто быть не могло! А мне говорят — ну вот и поехали тогда в Москву, поцелуй на том крест, под охранную грамоту от самогО боярина Годунова: он-де в том деле самолично разобраться хочет…

— Да-да, свидетель, Трибунал в курсе этих ваших обстоятельств, можете не продолжать. Так что там по существу дела, с тем рейдом?

— А то, что на тот Медовый Спас Никита Романыч с койки вставать не мог — с переломанными ребрами и надрубленной башкой!

— И это могут подтвердить независимые свидетели? Не принадлежащие к… Шайке Ливонского вора?

— Конечно! Там же как раз рядом монастырь случился, кафолики. Ну, монашки тамошние его и выходили — а без них бы он так и отчалил, точняк. Они и подтвердят, в случ-чо!

— Хорошо, принимается. А что там вообще с тем глубоким

рейдом?

— Да не было там никакого рейда, сказки это!

— Почему вы так думаете, свидетель?

— Н-ну… Иначе я бы знал!.. А — *кто кроме нас*?

— Так. Свидетель, вам знаком этот человек?

— Конечно! Это ж и есть Никита Романович, командир мой!

— Обвиняемый Серебряный, у вас есть вопросы к свидетелю?

— Нет.

— Свидетель предвзят, сводит с вами счеты, или что-нибудь вроде?

— Нет.

— То есть вы подтверждаете показания своего подчиненного, что участвовать в рейде за Шексну на Медовый Спас 57-го года вы не могли никак?

— Нет.

— Ну как же так, обвиняемый? Где же логика?

— Где-где… В Кара-Ганде!

— Никита Романыч!! Я… я что-то не то?..

— Да, удалите уже свидетеля из зала заседаний!

Глава 11

Извлечение воеводы

Как известно, «хороший человек это не профессия»; это — дилетантство.

Евгений Лукин

От сотворения мира лето 7068, сентября месяца день тридцатый.
По исчислению папы Франциска 8 октября 1559 года.
Москва, Кремль.

В смутном каком-то душевном состоянии пребывал весь нынешний день боярин Годунов: хотелось то ли водки с груздями, то ли епитимьи, то ли того и другого разом. Нет, с Курбским, вроде бы, *разобрались* наилучшим образом; мало того — впереди замаячил еще и совершенно не предусмотренный планом *бонус*! Но вот это-то странным образом и *напрягало*…

Будучи по натуре шахматистом, а не картежником, он привык расчислять свои комбинации ни на что, кроме ума своего, не полагаясь, а к случайностям — даже если те, на первый взгляд, идут на пользу делу — относился с подозрением, сразу норовя разглядеть за ними подвох. Здесь, однако, никаких подвохов, с какой стороны ни глянь, не просматривалось — и именно эта *непонятка* лишала боярина душевного равновесия. Поскольку и отказаться, из предосторожности, от того нечаянного бонуса было тоже нельзя: *пацаны такого не поймут!* И дело тут вовсе не в жадности, а в решительной невозможности показать себя — и прослыть на том! — *лохом*, что упустил плывущие прямо в руки деньги, шарахнувшись от собственной тени.

…В Особом трибунале-то всё прошло без сучка и задоринки — доказательства, собранные Особой контрразведкой, были поистине убойные. Курбский по ходу процесса держался молодцом: поначалу лишь надменно усмехался — «Ну, валяйте: *какие ваши доказательства*?», а после *судебного эксперимента* с проявляющейся, а затем исчезающей тайнописью он оглядел в упор всех собравшихся и с какой-то горькой отрешенностью произнес: «Вот, значит, как… Ну, стало быть, ваша взяла!» Никаких объяснений на сей счет он давать не стал — да и что тут, собственно, объяснишь? *Шах и мат*…

Приговор тут же и зачитал прокурор Трибунала Шереметев (поставленный на это место за пустоголовость и зычный голос) — по бумажке, написанной в Особой контрразведке:

— Подсудимый Курбский! Трибунал считает доказанным, что вы вступили в сношения с врагом, лично с Ливонским вором, обмениваясь с тем тайными посланиями, написанными невидимыми чернилами… э-эм-ммм…

На этом месте он запнулся и вопросительно обратился ухом к сидящему одесную майору Вологдину, возглавлявшему расследование, после чего воспрял и продолжил:

— …Невидимыми чернилами *пендель-тинте типа,* между строчек своей, ведшейся для отвода глаз, полемической переписки. Состав означенных чернил полностью совпадает с теми, что передавала вам, через вашего стремянного Шибанова, секретная служба Ливонского вора. Содержание ваших посланий, легко реконструируемых по ответам Ливонского вора, составляли высшие государственные и военные тайны Московского Царства. Трибунал также считает доказанным, что якобы перебежчик князь Серебряный является действующим агентом секретной службы Ливонского вора. Лживость свидетельств означенного Серебряного о начале *утечек информации* еще до вашего появления в Москве доказана, и они квалифицируются Трибуналом как *попытка с негодными средствами* создать для вас *фальшивое алиби.* Подсудимый, если есть причина, по которой вам не должен быть вынесен смертный приговор, назовите ее сейчас.

Вот тут Курбский, как будто очнувшись, обвел помещение взглядом почти осмысленным и спросил:

— А это как?

Снизошел Цепень. Вертя в руках свою трубочку, он растолковал:

— Это просто такая формула судапраизводства, Андрэй Мыхайловыч. Нычэго садэржатэльнава за нэй нэ стаИт…

— А-а, — протянул воевода. — Дураки вы все. Но *что делаете — делайте скорее.*

И опять замолчал.

Дальше надо было решить — какой смерти предать изменника. Вообще-то, такого рода госизмена, да еще и с прямым шпионажем, просто-таки взывала к квалифицированной казни или, в самом уж щадящем варианте, к посажению на кол — однако публичную экзекуцию отвергли сразу, даже не обсуждая. Воевода был реально популярен в войсках, да и не только в войсках; было в этом грузном, оплывшем человеке что-то, привлекавшее к нему сердца людей простого звания. И если уж

такой *народный герой* решает вдруг переметнуться на сторону врага — это неизбежно вызывает в том *народе* всякие ненужные мысли и шепотки…

Влад-Владычев ученый немец, доктор Менгеле, вылез было с предложением, чтоб князя ему *сдали на опыты* — но был решительно осажен Годуновым: «Ишь, чего удумал! *Мы должны сохранять у народа уважительное отношение к сословиям*!» Боярин тут же сам, встречно, предложил «устроить всё скромно, *по-домашнему*»: просто оттяпать воеводе башку, непублично и без мучительства — да и дело с концом. На том и сошлись.

Дальше пошли косяком всякие мелкие негоразды. Сначала выяснилось, что штатный рубщик голов ушел в запой. Добудились сменщика (на дворе-то ночь-полнОчь), но тот оказался человеком излишне впечатлительным: разглядев спросонья, ктО угодил к нему в клиенты, *палач со страху промахнулся, себе полпальца отрубив*. В итоге голову Курбскому рубил криворукий вологодский конвойный — и, как уж повелось в таких случаях, вышло *в три приёма.* А воевода меж тем, опустившись уже на колени перед плахой, вновь оглядел их всех в упор и, с ухмылкой, отчетливо произнес: «Не скучайте тут без меня. До скорого!»

Фразочка запомнилась всем и надолго…

Тут снова встрял доктор Менгеле: «Ну, хоть тело-то — отдайте!» «Это еще зачем?» — изумился Годунов.

Доктор пустился в пространные объяснения, густо пересыпанные всякими учеными словечками. Он, изволите ли видеть, раскопал старый алхимический трактат с рецептом чудодейственного мыла, изготовляемого из субстанции «Эр-Йот-Эф — Reine JЭdisches Fett», и задумал наладить тут производство *аналога* из *местного сырья*. У него заложены уже две экспериментальные серии: *опытная* и *контрольная* — как того требует современная наука. В одной серии — «настоящее RJF», с *защищенной торговой маркой,* а в другой — «RJF-аналог». Но исходного продукта вечно не хватает, поскольку заключенные обычно поступают в его распоряжение в *некондиционном* — изрядно истощенном — состоянии…

— Ничего не понимаю! О чем это всё? — Годунов раздраженно полуобернулся к занявшему уже позицию оплечь него Вологдину. — Что еще за «Иод-Эф» такой?

— Да они там у себя на Лубянке мыло из людей варить наладились, — нарочито нейтральным тоном доложил контрразведчик. — А «RJF — Reine JЭdisches Fett» означает «чистый еврейский жир»…

— Что за бред?! Откуда они у нас тут евреев берут??

— Да не, евреев-то им из Севильи присылают. Не самих, конечно, а уже в виде готового продукта. В смысле — полуфабриката…

Борис Феодорович особой брезгливостью не страдал — но тут и его малость замутило:

— Короче! Ладно, про «чистый еврейский жир» я уразумел — но Курбский-то вам на кой черт сдался? Или может он, по-вашему, тоже — еврей?

— Нет, но зато он — вон какой жирный! В *контрольную группу* пойдет, как раз всю серию мне сразу и закроет, — и доктор принялся увлеченно описывать технологические детали извлечения как подкожного, так и нутряного человеческого жира.

«*Стошнить-то уже ни за что не стошнит, а вот сблевать — сблюю*», — понял Годунов.

— Мнэ кажэтса, научный праэкт «Эр-Йот-Эф» имэет *балшое народно-хозяйствэнное значение,* — веско вставил со своего места Влад-Владыч. — И балшое будущее в смыслэ *импортозамэщения*. Люди — это самое ценное, щто у нас есть. Твой, Барыс Фэодоровыч, фынансовый гэний доктор Фауст гаварыт: «Люди — наша новая пушнына». А я отвэчу: «Да! — и наше новое мыло!»

— Ну, если это *твоя* просьба, Владимир Владимирович, — вежливо уступил Годунов, норовя поскорей закруглить мерзопакостную тему, — забирайте его!

«Удачно, однако, вышло, — подумал он, — Влад-Владыч мне на этом месте пусть и копеечно, но задолжал…»

— Благадарю за паныманыэ, Барыс Фэодоровыч, — усмехнулся в усы Цепень. — Пэрвую порцию валшебнава мыла «Эр-Йот-Эф» ми подарым тэбэ… Шючу, шючу!

Проклятье, последнее слово осталось-таки нынче за *упырями*!.. От расстройства Годунов объявил заседание Трибунала оконченным, запамятовав утвердить заодно и смертный приговор подельнику Курбского — этому новгородскому шпиону, Серебряному. Ну да ладно, с этим-то — *решим в рабочем порядке*…

Но назавтра началась форменная чертовщина.

С утра пораньше, едва лишь боярин покинул опочивальню, прямо перед ним возник молодой статный окольничий.

— Здрав будь, Борис Феодорович, — склонился тот чуть не к полу. — Вот, велено передать, — и он торопливо сунул в руку боярина небольшой кожаный мешочек, на ощупь тяжеленький.

Настроение Годунова чуть улучшилось. Он небрежно сунул кошелек в поясную мошну и спросил — кто?

— Боярин Иван Дмитриевич Бельский разговаривать желает.

Борис Феодорович пожевал губами. С Бельским он по интересам не пересекался. Тот был человеком военным, отличился под Смоленском, отстояв город от троекратно превосходящего литовского воинства, и, вроде, был дружен с Курбским. Наверное, будет просить о человеческих похоронах, решил боярин — и заранее огорчился. Тем не менее разговор был оплачен, так что Годунов кивнул: дескать, зови.

Бельский себя ждать не заставил. Высокий, седой, с изрезанным морщинами лицом, он и сам походил скорее не на русского, а на литвина. В надменном облике его, однако ж, явственно проглядывало смущение.

После полагающихся изъявлений приязни Бельский изложил свою печаль:

— Дело тут у меня такое… Святое дельце… Дошло до меня, что Ливонский вор обмен предлагает, своего человечка на воеводу Шестопалова. Вот мне интересно: можно ли как тому делу поспособствовать? Ежели сложится — за мной не заржавеет, — посулил он. — Помнишь ли зброю венгерскую, чернёную? Вот те крест: коли воротится воевода, твоя будет зброя.

На прямой вопрос Годунова — чем просителю так дорог Шестопалов, Бельский ответил без утайки:

— Дык сват он мне! И человек хороший. По делам всяким, и вообще по жизни обязан я ему. Пока он был, дочу мою Настёну в семье не забижали. А теперь ей жизни нет — свекровь со свету сживает. Нет укорота на злую бабу! Вороти воеводу Шестопалова, Богом прошу…

Годунов только головой покачал. Ситуация была по-человечески понятная, да и венгерская зброя была хороша. К тому же сделать любезность Бельскому при нынешней расстановке сил было бы весьма нелишним. И не будь вопрос *политическим*… — но увы! Борис Феодорович вздохнул и сказал обычное в таких случаях — «Услышал, буду думать». Бельский понял, нахмурился, попрощался сухо.

Во второй раз, тем же утром, *тему поднял* вдруг православный немецкий аптекарь Кох, личный дилер Годунова: тот брал у него разжигательное. За хлопоты немец посулил Борису Феодоровичу редкое индийское средство для здоровья, именуемое «ганджубас», и другие интересные снадобья — по части мужской силы. На вопрос «что ему до того» аптекарь, не чинясь, ответил — Шестопалов помог ему женить сынка на боярской дочке и у внука был крестным. «Мы, русские люди, чай, не басурмане какие — добро помним!» — заключил он.

О плененном воеводе чуть погодя напомнил и торговый

мужик Тимошка Сирдалуд, поставляющий в Кремль кисею и фряжское вино. Этот витиевато выразил такую мысль, что ежели вдруг как-нибудь так случится, что воевода Шестопалов на Москву возвернется, то, дескать, на радости такой он, Тимошка, снарядит телегу с бочатами такого вина, какого в Московии доселе и не пробовали вовсе. Воевода, оказывается, приходился ему кумом отчима… После небольшого нажима прояснилось, что именно через Шестопалова Тимошка и получил звание поставщика двора; каковое у него сейчас отбивают лихие люди с плохим товаром, маня дешевизною. Все надежды свои он возлагал на возвращение воеводы, который-де придет — порядок наведет и родича в обиду не даст.

«Это ж надо, — покачал головою про себя Годунов, — сколь многим сей никчемный Шестопалов, оказывается, родственник — да какой любимый!»

Тут как раз боярину, по заведенному дневному распорядку, настала пора облачаться в парадный белый охабень с кровавым исподом и являть светлый лик свой любящему народу. У Красного крыльца разворачивалась тем часом привычная сцена. Собрались людишки. *Группа скандирования* была еще вчера *профилактирована* и *заряжена на позитив.* Никаких неожиданностей не предвиделось.

Вот мелькнула в толпе знакомая рожа — волосья дыбом, морда в грязи, голые плечи в синяках: Николка, будь он неладен… Годунов, вздохнув, приготовился к обычной пантомиме. Сейчас юрод начнет орать, крутиться, выть по-волчьи, а кончит тем, что Богородица на небеси плачем изошла по какой-нибудь вдовице…

Но Николка удивил: не тратя времени на представление, он бухнулся на колени и восплакал на всю площадь:

— Батюшка-свет наш, Борис Феодорович! Век за тебя Богородице молить стану, дозволь только слово молвить!

Годунов опешил. Таких слов от Николки он отродясь не слыхал, да и никто доселе, пожалуй, не удостоился…

— Помолись за меня, бедный Николка! — со всей ласковостью ответствовал он. — И говори свое слово, ничего не бойся.

— Батюшка-свет наш Борис Феодорович! — громко и отчетливо повторил юродивый. — Христом-Богом молю тебя: вороти из ливонского плена воеводу Шестопалова!

— Че-ево-оо?! — Годунов ушам своим не поверил.

— Батюшка-свет! Вороти воеводу Шестопалова! — закричала баба в толпе.

— Вороти воеводу! — поддержал ее мужской голос. — Он за

нас кровь проливал!

— Вороти воеводу! — грянуло со всех сторон. Работали четко, слаженно — но вот кто?

— Это — не наши, вот как Бог свят!.. — истово перекрестился рында и растерянно засигналил алебардою.

Группа скандирования подняла вой, свист, грёгот — но и сквозь него прорывалось: «Вороти воеводу!»

Оставалось одно — *временное тактическое отступление.*

— Разберемся! — закричал Годунов, успокоительно помавая тяжелыми рукавами охабня. — Разберемся!

— Вороти воеводу!! — грянуло в ответ.

«Вот так тАк… — переосмысливал ситуацию боярин, ретируясь с Красного крыльца. — Похоже, *дело принимает социальный оборот*…»

В Святых Сенях уже переминался с ноги на ногу начальник пиар-отдела, сильно сбледнувший с лица.

— Выяснить, что за люди! — бросил ему на ходу Годунов. — И справку мне по этому Шестопалову, немедля!

О Шестопалове он слыхал доселе лишь расхожее — «трус и дурак». Оказалось — *дурак-то дурак, но свои полста в день всегда имеет*, а главное — делится ими, не жмотничая, с приспными и опричными; «трус» же он лишь в том смысле, что никогда не гробит своих солдат попусту, *ради стратегических штабных причуд*. Он имел привычку опаздывать к началу боя, в атаку и сам не лез, и людей особо не гнал, но зато к грабежу и дележке трофеев всегда поспевал в числе первых. За всё за это воины, понятное дело, почитали его отцом родным — а тут прошел слух, что воеводу можно выручить, и зависит это от Годунова. Кричальщиками же в толпе оказались сами стрельцы из Шестопаловского полка, выборные: «Пришли за воеводу своего постоять, с чадами и домочадцами, а на Николкины услуги они там всем полком шапку по кругу пускали».

Годунов только крякнул, чеша в потылице. Социальный оборот, *как и было сказано*, а главное — все стрЕлки переведены лично на него, и *это, по-английски говоря, нот гуд*…

Ближе к вечеру Годунову случилось зайти в бывшую Соборную палату, ныне — приемную Владимира Владимировича. Место это — мрачное, с заложенными кирпичом оконными проемами и закопченным потолком — боярин сильно недолюбливал, но дела есть дела. В данном случае надо было уточнить совместную позицию против пименовских, которые протянули лапы куда не следует.

Влад-Владыч пребывал в хорошем настроении. Вопросики порешали быстро и результативно. На прощание Борис

Феодорович рассказал про Николку и прочих — умолчав только про Бельского.

— Рюсский народ гаварыт: нэ имэй ста рублэй, а имэй ста друзэй, — кивнул Цепень. — Это очэн правыльные слава. Шэстапалов — плахой ваэвода. А чэлавэк — хароший.

— Насколько я слыхал, — поморщился Годунов, — он трус и дурак, да и вор в придачу, если разобраться.

— Я нэ сказал — хароший чэлавэк! Я сказал — чэлавэк хароший. Это савсэм разные вэщи. Рюсский язык панымать нада! — наставительно воздел перст Влад-Владыч. — А нащот «дурак» — *я тэбэ один умный вэщь скажу*. Бываэт так: дурак, дурак — а умный. А бывает так: умный, умный — а дурак. Дурак-дурак при мнэ дэсят лет слюжит, а на кол нэ садытся. А умный-умный чэрэз нэделю ужэ на калу сыдыт и крычит. Горэ ат ума… — вздохнул он.

Последние слова старого вурдалака задели в боярине какую-то струнку. Весь вечер он ходил задумчивый, и не сразу заметил даже, что давешний окольничий пытается подать ему знак. В конце концов тот, не спросясь, подошел сам и шепнул, что есть серьезный разговор. Годунов удивился, но позволил отвести себя в сторонку.

— Наши все, — сказал окольничий, — челом тебе бьют: вороти воеводу Шестопалова! Насчет благодарности… *осилим.*

— Наши? — удивился Годунов. — А ты кто ж такой?

— Да сам-то я из Нагих, это верно, но как осиротел в три года — Шестопаловы меня в семейство свое восприняли: отец мой Димитрию Феодорычу, царство ему небесное, — тут окольничий с чувством перекрестился, — стрыйчичем доводился. А воеводе я — и вовсе побратим! Так матушка наша, Павла Петровна, велела кланяться и такие слова сказать: зашел бы ты, боярин, к ней на чай да на разговор интересный.

— Какая такая матушка? — не понял боярин.

— Воеводы, вестимо, — встречно удивился окольничий. — Кто ж Павлу Петровну не знает?

— И насколько интересен разговор? — решил на всякий случай уточнить Годунов. — Ко мне сегодня много кто подходил, да ерунду всякую сулили.

— Не сумлевайся, боярин, — вежественно поклонился окольничий. — То всё присказки были, а сказки-то еще не было. Говорю ж — собрали со всей родни, да люди хорошие подмогли. Не бумажками собирали, чай, а по-серьезному. Только вороти воеводу Шестопалова!

«А ведь *я попал конкретно*… — досчитал вдруг ходы в своей партии до конца Годунов. — Я угодил в вилку: *мне и взять нельзя,*

и не взять нельзя…» Вот тут-то и пришло к нему решение — с совершенно неожиданной стороны:

— Вызови-ка ко мне майора Вологдина, срочно!

Всеволод Владимирович Вологдин («он же…» — ну, и тут длинный-предлинный список оперативных псевдонимов, агентурных кличек и разнообразных документов прикрытия на шести языках, включая иероглифические), блестяще проведший только что всю операцию по изобличению Курбского, был *сложным человеком*. Настолько сложным, что Годунов порою всерьез подумывал *упростить позицию*, раз за разом возникающую на Большой шахматной доске вокруг фигуры Вологдина — второго человека в иерархии Особой контрразведки. Второго — которому никогда не стать Первым.

Ибо Годунов, разбиравшийся как никто в деле «подбора и расстановки кадров», совершенно не собирался превращать Оперативника божией милостью в посредственного Управленца и совсем уж никудышного Политика — каковые две и ипостаси и являются ключевыми для Первого-в-Конторе. Достаточно сказать, что этот профессионал, прошедший, казалось бы, все штреки, колодцы и шкуродёры Пещерного мира разведки, до сих пор на полном серьезе *верил, будто враги находятся по ту, а не по эту сторону кордона и, стало быть, вражеский агент опаснее, чем подсиживающий тебя соратник*… По этой причине майор Вологдин, давно упершийся уже макушкой в сводчатый потолок карьерного роста, пребывал в статусе, известном в армии как «Дальше фронта не пошлют, меньше взвода не дадут». Что дополнительно располагает и к независимости суждений, и к привычке действовать без особой оглядки на писаные инструкции, по принципу «Победителей не судят»…

— Ну, поздравляю с победой, *полковник* Вологдин! Официально уже поздравляю, Всеволод Владимирович!.

— Служу Отечеству, боярин! — откликнулся тот, суховато и не выказывая избыточного рвения.

— Ну что, может, всё-таки — на повышение, а? — интимно поинтересовался триумвир, заранее зная ответ.

— Оставь меня лучше на оперативной работе, боярин, — покачал головою полковник. — Ну, какой из меня придворный? *Сегодня визирь — а завтра без головы?*

— Ну, как знаешь… Думал я, думал — чем тебя наградить по итогам операции, и вот что придумалось, — при этих словах поперек боярского стола легла сабля, *та самая*; и померещилось вдруг, будто зловещие капли рубинов забрызгали ее ножны еще гуще, чем прежде, так и норовя растечься вокруг кровяной

лужей… — А то ей как-то неуютно на складе вещдоков, мне сдается!

— Высокая честь, боярин, — склонился в поклоне полковник; чуть ниже и чуть дольше, чем следовало по этикету.

— Что, не угодил я с подарком?

— Обоим предыдущим своим владельцам она удачи не принесла, мягко скажем. Рискнем попробовать — любит ли бог троицу?

— Да ты, никак, суеверен, Всеволод Владимирович? — рассмеялся боярин.

— Как и любой человек моей профессии.

— Ну, распорядись ей тогда как знаешь: продай, подари… подбрось кому… Ладно, у нас тут еще одно дельце осталось. С крестником-то этим твоим, Серебряным — что делать станем?

— Борис свет-Феодорович! — полковник явно воспринял вопрос по-своему. — Есть враг, и есть предатель — это разные вещи, совсем. Так вот, Серебряный — враг, и заслужил честную солдатскую смерть: от топора. *Я так думаю*.

— Ходатайствуешь, значит, за него? — поощряющее улыбнулся триумвир.

— Так точно, боярин.

— Он тебе нравится, — задумчиво произнес Годунов, на сей раз без тени улыбки. — Чуешь в нем своего…

— Да, боярин. Легли бы карты чуть по-иному тогда, в 52-м — и я вполне мог оказаться на его месте, а он — на моем…

— Интересная мысль, — прищурился триумвир. — *Смелая, и даже дерзкая*!.. Слушай, а давай так и сделаем!

— О чем ты, боярин?

— Я принимаю твое ходатайство, полковник. Пускай живет!

— В каком смысле?!

— В прямом: мы согласимся на предложенный теми обмен.

— Но это же…

— Да, очень надеюсь, что у них там мозги переклинит так же вот, как у тебя сейчас, — ухмыльнулся в бороду Годунов. — Пусть-ка он возвратится *на ту сторону* как якобы *наш человек*! Впрочем, они наверняка всё равно его казнят по итогам операции — зачем нам делать за них еще и эту работу?

Триумвир помолчал, давая Вологдину время переварить идею, высказанную как бы от его имени, а потом продолжил — в высшей степени серьезно:

— Ладно, я тебя вызвал, как ты наверняка догадался, не ради всей этой ерунды. Мне очень-очень не нравится то, что творится на Лубянке. И для государства нашего ЭТО — как бы не поопасней Ливонского вора… Вот я и хочу поручить тебе пригляд

за этими ребятами: учинить, если так можно выразиться, внутри Особой контрразведки — Совсем Особую контрразведку, в твоем новом, полковничьем, лице. Что скажешь, Всеволод Владимирович? Чем рискуем — сам понимаешь…

— Это просто наша работа, боярин.

— Тогда заканчивай поскорее с этим дурацким обменом — и приступай к делу.

* * *

— Шесть тысяч цехинов? И это всё, что вы можете мне предложить?

— Батюшка, век за тебя молиться будем!

— За меня митрополит Московский и всея Руси нынче молится. Что получше есть?

— Икона чудотворная…

— Не интересуюсь.

— Обижаешь ты меня, боярин, последнее у старухи отъемлешь.

— По глазам вижу — не последнее. Мне еще делиться.

— Ну, разве медяки какие наскребу… может, до семи дотяну. Согласен?

— Согласие есть продукт при полном непротивлении сторон — слыхала?

— Без ножа режешь. Это же сыночка мой! Уморят они его там, как есть уморят…

— Вот именно.

— Не в обиду сказать, однако же и ненасытен ты, боярин!

— А ты почем знаешь? Может, я все те деньги на богоугодные дела оставлю?

— Ну ежели на богоугодные, пусть так и будет — еще пятьсот сверху добавлю. Последнее отдаю, только помоги.

— Не морочь мне, мать, голову. Сказал же двадцать, значит — двадцать и будет. Нет мне смысла за такое браться из меньшего.

— По ветру дом наш пускаешь. Родню всю нашу пустошишь, дев невинных бесприданницами оставить желаешь… Ну вот давай так — девять. И, раз уж на то пошло — половину вперед.

— Ты, Павла Петровна, главного не поняла. Мне делиться придется, какая половина? Всё, всё выкладывай.

— Ну раз ты так говоришь, значит, договорились — девять, по слову твоему…

— Не было такого слова, я говорю — пятнадцать, не менее.

Ну скину я тысячу, тебе от того легче станет? Хорошо, скину. Ну две. Но это край.

— Мы со всей родни собирали. Все лари выскребли. Едва девять тыщ счётом набрали. Вот те крест святой. Дальше — только сережки да мониста продавать. Пощади, Борис Феодорович!

— И что, всё цехины?

— Не гневись, боярин — половина. То злато крымское, с бою взято… Остальное, не обессудь… разное.

— Но — золото?

— Злато. Счётом возьмешь али весом?

— Счётом. Деньги-то небольшие, а вот хлопот… Ну да что поделать с вами. Жалко мне тебя, Павла Петровна. Сын всё-таки. Так уж и быть. Десять. Что сейчас не досчитаюсь — должна останешься. Это мы завтра бумажку подпишем. И еще скажу: как воевода возвернется — разговор у нас с ним будет *предметный и конкретный.*

Глава 12

В Родные Гавани

Время обнимать, и время уклоняться от объятий.

Книга Экклезиаста, 3: 5

Когда воротимся мы в Портленд
Нас примет Родина в объятья.
Да только в Портленд воротиться
Не дай нам, Боже, никогда.

Окуджава

По исчислению папы Франциска 16 октября 1559
Литва, Бонч-Бруевичи с окрестностями.

А заводь была, похоже, та самая: круг замыкался…

И лунная дорожка плавала в стылой октябрьской воде тошнотными сальными хлопьями на холодном супе. И презрительно шушукались за спиной Серебряного сухие камыши. Имели на то полное право.

Он сейчас отчаянно и безуспешно пытался взять себя в руки. Предстояла переправа на тот берег, а он, после посещения подвала доктора Фауста, стал бояться воды — по-настоящему, как звери боятся огня. Говорят, это обычное дело для тех, кто пережил *вотербординг*. Говорят, опять-таки, это потом проходит; не всегда, не у всех и не совсем, но… И вообще, мозги его, похоже, вышли из той передряги с изрядным креном, про который и думать неохота; даже и при «непричинении видимых физических по 12-му параграфу»…

На том, литовском, берегу просигналили двумя факелами.

— Ну, с богом! — скомандовал «лейтенант Петровский». Понимающе оглядел его и предложил:

— Может, тебе глаза завязать? Некоторым помогает.

— Что, большой опыт? — процедил он сквозь зубы, шагнув к дощанику.

— Не то чтоб большой, — пожал плечами «лейтенант», — но зато личный.

«Зря я с ним так, — подумал Серебряный, перелезая через

борт и, борясь с тошнотой, сдвинулся на корму. — На ихние-то деньги он ведь, считай, свой брат-фронтовик. Да и под тот щадящий „12-й параграф“ меня, небось, он и подвел…»

Тут подступившая тошнота стала нестерпимой, и его вывернуло «прощальным ужином» — еле успел перегнуться за борт. А отплевываясь и прополаскивая рот, вдруг сообразил: действуя на автомате, он тАк отвлекся на миг от собственного страха перед водой, что страх тот, разобидевшись невниманием, отошел куда-то в сторонку, и… Не думать об этом! не думать… попробуем лучше думать о Белой Обезьяне…

Левый, литовский, берег был обрывистый, и взбираться пришлось, цепляясь за переплетенные корни ив. Под самой уже кромкой страх вернулся *во весь рост*, и плещущаяся снизу черная ледяная жижа внезапно заполнила всё его существо. Он так и висел над той смертоносной бездной (метра три до воды, хи-хи…), намертво вцепившись в корни и не в силах заставить себя разжать пальцы для очередного перехвата, пока его унизительнейшим образом не выдернули наверх под микитки. «Слышь, герр майор… *Это* потом проходит?» — «У кого как. У меня вот прошло — но сильно не сразу».

Посеребренный луной суходольный луг с раскиданными по нему темными точками стогов казался вывернутым наизнанку отражением неба над ним с картой созвездий. Панорама открывалась отсюда как на ладони. Метрах в двухстах ожидали две отдельно стоящие группы, человек по несколько.

— Засветите факелы, — приказал майор паре своих безмолвных спутников. — Останетесь здесь, дальше мы вдвоем.

— Но по инструкции при обменах…

— Исполнять!

— Слушаюсь…

Едва отдалившись от особистов на звук голоса, «Петровский» тихо скомандовал:

— Старайтесь идти помедленнее, Никита Романович. Поверьте, это в ваших интересах.

— А что, у меня тут есть свой интерес?

— Да. Вы невероятно везучий человек, князь… хотя, возможно, это просто «на новенького».

— Да уж — *свезло так свезло*…

— Если до вас еще не дошло — в этой операции вы только что сорвали банк: ЖИЗНЬ. Что вашим начальством было совершенно не предусмотрено. Надеюсь, вам хватит ума немедля покинуть этот игорный дом и больше не приближаться к нему на пушечный выстрел.

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду разведку. Этот род деятельности — не для вас: вы для этого слишком… честный человек, скажем так. А теперь — внимание! Впереди — пятно лунной тени. Она достаточно густа, чтобы секунд на пять-шесть прикрыть нас от взглядов — с обеих сторон. Когда мы войдем в него, я незаметно передам вам «Кузнец Вессон» — ваш. Он заряжен, но не взведен. Спрячьте за пазуху — может пригодиться.

Всё чудесатее и чудесатее…

— Благодарствуйте, герр майор. «Пригодится» — чтоб застрелиться?

— Ну, продолжая нашу аналогию, вы сейчас можете столкнуться, в лице *своих*, с охраной игорного заведения; а их задача — как раз не дать вам улизнуть со своим выигрышем.

— С жизнью, вы имеете в виду?

— С ней сАмой.

— Вы хотите сказать, что меня у своих ждет *басманное правосудие* за провал операции?

— О, нет! И с чего вы взяли, что операция провалена?

— То есть… то есть как?!?

— Не сбивайтесь с шага и не вертите головой! Я не вправе давать вам подсказки, но вот вам пара проверяемых предсказаний. Если вас будут встречать ребята из вашего полка, и без особых почестей — всё в порядке. А вот если вас поджидает Джуниор или кто-то еще из руководства разведслужбы, дабы объявить вам, что операция была в высшей степени успешна, и сулить всяческие награды — берегитесь!

— Так выходит, Курбский?..

— Никаких подсказок! Вся нужная информация у вас в руках, Никита Романович — и *они* знают, что она у вас в руках, и что рано или поздно вы кусочки этой мозаики слОжите. В общем, думайте своей головой, не полагаясь на любимое начальство — у вас с ним сейчас сильно разные задачи… А вот, кстати, мы и пришли!

Луна как раз счистила с физиономии патину очередного облачка и засияла со всей дури. Черные силуэты обозначились еще резче, теперь их можно стало сосчитать: четверо прямо по курсу (ах, да! — нас ведь тоже должно было быть четверо, не оставь «лейтенант» у берега ненужных слушателей), еще трое — левее, метрах в двадцати. Как раз на полпути был воткнут в землю длинный факел с натекшим с него пятном оранжевым света.

— Слева — люди Графа, страхующие сделку: старайтесь держаться поближе к ним, но не слишком в открытую. По центру — ваши, с нашим заложником. Вы сейчас сойдетесь с ним у

факела, постоите так, чтоб и я и они хорошенько разглядели ваши лица — таков порядок — и затем двинетесь каждый в свою сторону. Если вас там ждет лично Джуниор или кто-то вроде — постарайтесь отозвать его в сторонку; полагаясь на свой козырь в рукаве — ну, в смысле, за пазухой… Всё, Никита Романович, удачи! От души надеюсь, что больше мы с вами не встретимся.

— Один вопрос, майор, напоследок. Что там с Шибановым?

— Он умер во время следствия. На него-то 12-й параграф не распространялся.

— Какие же вы всё-таки сволочи! Ведь вы же знали, что он не…

— Вот именно поэтому я тебе и говорю: держись подальше от всего, что связано с разведкой!

…Когда Серебряный разминулся у факела с московитским воеводой (как там говорил «Петровский»: «жидкое дерьмо — трус и дурак»?), одна из трех теней двинулась ему навстречу.

Джуниор, собственной персоной.

Ах ты, пся крев — выходит, всё правда…

Обниматься начразведки, понятно, не полез (памятуя о своей специфической репутации), но радость от встречи излучал столь жаркую, что та могла бы мигом высушить промокшие башмаки — покоробив их напрочь:

— С возвращением, Никита! Государь жаждет героя пред светлы очи — и там не об одной лишь шубе с царского плеча пойдет речь! Сколь мне известно, тебе предложат несколько должностей, на выбор; так вот, очень хотелось бы видеть тебя в нашей Службе.

Да, всё как и предупреждали…

— Федор Алексеевич, у меня сообщение для тебя, срочное и конфиденциальное, — Серебряный кивнул в сторону остальных двух теней, отступив на пару шагов в сторону, в направлении людей Витковского, и поворачиваясь так, чтобы факел не освещал его справа.

— Слушаю тебя, воевода, — от веселости начразведки не осталось и следа.

— На всякий случай: если у тебя нормально со слухом, Федор Алексеевич, ты сейчас должны был различить щелчок. Это я взвел курок «Кузнеца Вессона», что у меня за пазухой. Так что — *вели свои нукерам* отойти на полсотни шагов. Вот тогда и поговорим.

— К чему всё это, Никита Романович? — пожал плечами Джуниор, небрежно дав своим людям отмашку на «отойти». — Хочешь *выкатить мне предъяву* за подвал Особой контрразведки?

— Ну, это — *пройденный этап,* — поморщился Серебряный, — а ведь, *находясь на службе Государя, мы должны всемерно глядеть*

в будущее, верно? Так Государь, стало быть, желает лично выказать мне свое благоволение… Это за казненного Курбского — который никаким *нашим человеком* отродясь не был, да?

— Разумеется, не был! Всё прошло как по нотам… ну, если не считать…

— Да-да, мои личные неприятности мы вывели за скобки. Но ведь ваша приманка, в моем лице, могла сработать — и сработала-таки! — только когда контрразведка и сама уже ищет источник утечек. А значит — у вас был *настоящий крот* в руководстве Московии. И *крот* этот — вовсе не Курбский; на которого вы так ловко перевели стрелки.

— *Догадался…* — лунная алебастровая маска Джуниора с синеватыми провалами глазниц расплылась в ухмылке. — *Всегда был смышлён.*

— Никакой особой смекалки тут не требуется, — холодно откликнулся Серебряный. — Достаточно сложить два с двумя: хитроумнейшую схему операции с немыслимо дырявой легендой, которую вы мне всучили… Пара вопросов, если позволишь. Вы, небось, планировали, что я на допросах сам выложу всё — и как меня вербовали, и как я заучивал подробности несуществующего рейда на Медовый Спас. Но я не раскололся — *такая вот неприятность!* — и вам пришлось устраивать этот экспромт с предложением обмена. А вот если бы всё пошло штатно, по плану — никому и в голову не пришло бы вытаскивать меня из того застенка, верно?

— Не совсем так, — Джуниор и глазом не моргнул. — Предложение сменять тебя на этого засранца Шестопалова было как раз вполне запланировано: чтобы закопать тебя поглубже, это да. Но вот что они на такой обмен согласятся — стало для нас неожиданностью, врать не стану. Приятной неожиданностью!

— Я так и думал. Тогда — второй вопрос. Те, кто считают нормой *так* обращаться со *своими* — как должны обойтись с человеком, ненароком узнавшим опасную гостайну? О шпионе в руководстве вражеской державы, например?

— А что, собственно, опасного в той твоей гостайне? — пожал плечами начразведки.

— То есть как?.. — опешил Серебряный.

— Никита Романович, включи мозги! Вот — что ты знаешь такого, что не известно уже Особой контрразведке, и что ты мог бы им выболтать при случае? Ты ведь сам сказал: вывод о существовании *крота* — это как «сложить два с двумя». Ты всерьез полагаешь, что особисты этого еще не проделали?

— Тогда почему они…

— Да потому, что мы их — переиграли вчистУю! Мы — с

ТВОИМ героическим участием!! Потому, что теперь этим *кротоловам* придется для начала объяснить: как случилось, что они в прошлый раз ни за хрен собачий отправили на плаху самолучшего полководца? «Что это было — глупость или измена?» На самом-то деле тот Курбский просто-напросто сидел костью в горле у Годунова — но такую причину, боюсь, не сочтут уважительной…

— Звучит красиво, — хмыкнул Серебряный, — но *меня терзают смутные сомнения*. Как-никак, *молчание — золото*… Надежнее бы всё же, чтоб я после посуленной аудиенции Государя *исчез*, нет?

— Так ты и исчезнешь! — но только не в этом смысле. Не забывай, что ты по-прежнему числишься в разыскном листе у Малюты. Так что должности тебе предложат — на твой выбор — связанные с *загранработой*: от строительства каперского флота на английских верфях до командования частной армией Строгановых на Уральском фронтире.

— Очень кстати, что ты напомнил про тот разыскной лист, Федор Алексеевич! А ну как я до Иван-городского дворца попросту не доеду, а? В соблюдение замечательного принципа «Закон один для всех» — и к удовольствию всех сторон. Двое твоих сопровождающих — часом, не из Малютиного ли ведомства?

— Не заходи за черту, Никита Романович! — придушенным голосом откликнулся Джуниор. — Не доводи до греха… Я ведь — эдаким-то манером — могу встречно поинтересоваться: а не перевербовали ль тебя в том подвале? Тогда ведь понятно станет — почему они вдруг согласились на такой *неэквивалентный обмен*…

Кулак Серебряного — без замаха, от пояса — врезался в челюсть насмешника. Начразведки, впрочем, по части кулачного боя ничем воеводе не уступал, так что когда рванувшиеся с обеих сторон наблюдатели достигли места действия, оба оппонента успели уже обзавестись *легкими телесными*.

— Ша-а! — заорали сзади, от набегающих *графовых*. — Брейк, мать вашу!.. Ну чисто дети…

Бог ты мой, да это же Затевахин! Надо же, успел обернуться… Затевахин, Витольд и этот, как его… ну, второй адъютант Горчилича, заваливший тогда третьего убийцу. Ох, с умом подобрал Горыныч состав страхующей тройки! С умом и с намеком… Теоретически они должны хранить нейтралитет, не встревая *во внутренние дела* обменивающихся заложниками сторон — но эти-то, пожалуй, не позволят Джуниоровой команде уволочь меня силком на новгородскую сторону либо просто

кончить на месте.

— Знаешь, Федор Алексеич, не внушает мне доверия твое предложение. Так что — *я выбираю свободу!* Извиняй уж, если подвел — как ты там отчитаешься…

— Да отчитаюсь как-нибудь, не бери в голову, — вздохнул начразведки, сплюнув кровь и проверив зубы на шатанье. — Ну, свобода так свобода. Долги твои, считай, погашены, а информация та — ну, ты понял — никому не нужна и никому не опасна; помни об этом. Так что — удачи тебе, на твоей свободе. Пошли, парни, — и, махнув своим по-прежнему безмолвным сопровождающим, двинулся к непроглядно-темной стене леса.

Столица здешней вольницы была не вполне обычным поселком — тут имелась даже некоторая *ночная жизнь*. Распрощавшись с человеком Горчилича — тот имел приказ сразу же доложиться шефу по результатам обмена, — Витольд придержал коня и обернулся к спутникам:

— Давайте-ка ко мне. Тебе ведь, князь, точно выпить надо!

— Очень своевременное предложение!..

Холостяцкое хозяйство графова племянника было тесноватым, но содержалось в порядке. Через считанные минуты Серебряный обнаружил себя сидящим за столом в ярко освещенной тремя свечами горнице. Три кружки со старкой сдвинулись в прочувствованном чоке:

— Ну, с возвращением!

— Ага, — он на секунду замер, прислушиваясь к своим ощущениям. — С возвращением, да! Именно что.

— Ну ты хоть скажи, — попросил Затевахин, разливая по второй, — что там было с тем трибуналом. Мне уж показалось, я тебя сдуру утопил, совсем. Хотел-то как лучше…

— Да не, всё нормально! Что господь ни делает, всё к лучшему. А пути его неисповедимы…

При этих словах все за столом степенно перекрестились — кто справа налево, а кто слева направо. А затем те дружно уставились за спину Серебряного, на звук скрипнувшей двери; князь же обернулся с небольшим запозданием, но зато имея уже в руке взведенный пистоль.

В дверях стояла наездница молодая, и *глаза ее как молнии сверкали* — воистину так. На Ирине были черные бриджи для верховой езды и белая мужская рубашка с подвернутыми рукавами и распахнутым воротом, а через плечо перевешивался ремень с кобурой — той самой… Парой секунд спустя кобура шмякнулась на стол перед ним, а «настоящая разбойница» скомандовала — негромко, но как-то *очень* веско:

— Все — вон!

— Вот так вот, — пробурчал Витольд, выбираясь из-за стола. — Из моей собственной лубяной избушки…

— Так, ща тут будет семейная сцена, — ухмыльнулся Затевахин, пристраиваясь ему в кильватер. — Пошли-ка, Вить, в «Подкову» — дотуда осколки посуды не долетят.

— …Что ж не заходишь? — она стояла посреди горницы, разглядывая его сверху вниз, и под ее взором он вновь ощутил себя сидящим на *том*, вмурованном в пол, табурете…

Нет, нет, не надо! Не надо…

— Да так, — он сглотнул комок, глядя в пол. — Есть обстоятельства. Не хотелось тебя ими грузить…

Настала звенящая тишина, а потом его обняли — крепко-крепко, и поцеловали в макушку — нежно-нежно.

— Господи, — вздохнула она, — какие же вы всё-таки идиоты!

И сбросила рубашку. Через голову, одним движением.

— Ну вот, — тихо промурлыкала она ему на ухо, — лучше прежнего! За одного битого двух небитых, и всё такое…

— Слушай… ты ведь, небось, ведьма, да? А это было такое твое колдовство? — не-не, *я в хорошем смысле*!

— Ну конечно, ведьма! У нас, в Великом Княжестве, сроду не было инквизиции — и сам видишь, как мы тут распоясались…

— Так может ты меня, тем же манером, еще и от приобретенной водобоязни вылечишь? Я совершенно не шучу, кстати.

— Да запросто!

На улице раздался тихий свист, и в окно цокнул камешек. «Лежи не двигаясь, — неслышно шепнул он (добро пожаловать в реальный мир!). — Входную дверь мы, конечно, не заперли?» — «Не до того было…» — «Ч-черт… Держи!» Пистоль перекочевал в ее руку, а сам он уже неслышно-невидимо проскользнул к окну, прихватив по пути кобуру из лунного пятна на столе.

— Никита Романович! — негромко окликнули снаружи. — Простите великодушно, но у меня для вас довольно срочные сообщения. Стукните в окошко, как готовы будете меня принять.

— Горыныч, — обернулся он к Ирине. — И при одной-единственной — собственной — голове… Надо б его впустить.

— Само собой, — кивнула та, вдеваясь в бриджи движением, от которого у него опять голова пошла крУгом; ну точно — ведьма…

— А — ты как?

— Ой, а то он не знает, что я тут! Или — я этим тебя

компрометирую, м?

— Послушай… раз уж оно вот так вот… Я тогда даже не простился толком…

— Гос-споди, ну о чем ты… Ты — *человек долга*, и был тогда *в деле*: как сумел — так и простился. А я — как сумела, так и помолилась за тебя…

— Ну, вот… А нынче я тут, со всеми теми *делами* разделавшись… Так что если… Как бы это сказать…

— *Ну, говори уже*!..

Когда в горнице объявился, после тактичного стука в дверь, шеф местной контрразведки, Ирина — скромненько перебиравшая, повязав фартук, посуду в хорошо знакомом ей хозяйстве брата — приветствовала того книксеном:

— Добрый вечер, любезный дядюшка!

— Да скорее уж «доброе утро», любезная доченька! — вздохнул тот и перевел взгляд с нее на восседающего за столом Серебряного, а потом обратно. — Послушайте, князь… Вы уверены?..

— Да, пан Григорий, уверен. Если кто-то передал для меня какие-то секретные бумаги — растопИте ими печку: я больше в эти игры не игрец, ни на чьей стороне. Что ж до всего остального… Ирина Владиславовна только что согласилась стать моей женой и показания против меня в любом случае давать не сможет. Так что — спокойно валяйте при ней!

— Э-ээ… Ну… Поздравляю, обоих и от души! — всё-таки тот был здорово ошарашен. — Ну, тогда мне выпала приятная обязанность — вручить вам нечто вроде свадебного подарка.

С этими словами он полез в котомку из мешковины, оставленную им у дверей, и извлек оттуда изрядных размеров кожаный мешочек.

— Вам просил это передать Джуниор. Никаких пояснений он не дал — сказал, что вы сами всё поймете.

— А что там?

— Я, естественно, внутрь не заглядывал. Но, судя по весу, это золото; и я почти уверен, что золота того — сто червонцев.

— Те самые, что были тогда назначены за мою голову?

— Наверняка. Как свидетельство того, что заказ на ту голову Службой снят. Ну и как напоминание, что «Молчание — золото», я полагаю.

— Да, это послание трудно прочесть иначе… Это ведь большие деньги для здешних мест?

— Да, весьма. Если не станете особо шиковать — сможете прожить на них года два, а то и больше… Но это еще не всё! Вот,

глядите: это вам, в собственные руки, от человека, которого вы знаете как «лейтенанта Петровского». А на словах он передает вот что: «Если вы уже держите ЭТО в руках — значит, вы сделали правильный выбор»… Да что с вами, Никита Романович?

— Ничего особенного, — хрипло выговорил он, не сводя глаз с извлеченной из рогожи сабли-красавицы в драгоценных ножнах; погубившей и его, и Шибанова, и Курбского. — Послушайте, пан Григорий: а можно ее здесь продать? Как можно быстрее?

— Тут небогатые места, — покачал головою тот. — А если надо еще и «быстрее», вы вряд ли выручите за нее больше половины ее настоящей цены.

— Я согласен и на половину… Дорогая, — неспешно обернулся он, — как ты посмотришь на такую внезапную брешь в нашем семейном бюджете?

— Мне очень трудно понять, дорогой, — пожала плечами Ирина, — как можно счесть «брешью» нежданный-негаданный подарок, оказавшийся чуть дешевле, чем могло бы быть. Тем более по очевидному форс-мажору.

— Молодец! — одобрительно кивнул он. — Вот теперь я вижу, что ты — *Настоящая Разбойница*. Ведь простая вроде бы логика — но скольких *фраеров сгубила жадность* на этом самом месте!.. Пан Григорий — может, вы возьмете на себя эту торговую операцию? Чисто по-родственному.

— Вам так срочно понадобились деньги?

— Нет. Мне так срочно понадобилось избавится от этой сабли. Лучше бы вообще не притрагиваясь к ней руками.

— Гм… *Сделаем*!

* * *

— …И всё-таки: зачем ОНИ его отпустили?

— По нашим сведениям, Государь, семья Шестопалова просто-напросто *занесла*, и *очень хорошо* занесла: руководству Особой контрразведки, а, может, даже и *совсем наверх* — самомУ Годунову. А те, надо думать, просто-напросто написали в отчете, что Серебряный успешно ими перевербован и отправлен *обратно на ту сторону* в качестве двойного агента; в застенке-де был чистый спектакль, для нас — для чего и понабился 12-й параграф; двойной, даже тройной прибыток!

— Ты отвечаешь не на тот вопрос, Федор Алексеевич. Я спрашиваю — не «почему они его отпустили», а — «зачем». Нюанс понятен?

— Ну, например, проверить: казним ли мы его по итогам

операции? А если тот, от греха, укроется в *Нейтралке* — станем ли подсылать к нему убийц?

— Ладно, принимается… И каковы те «итоги операции» — если уж ДАЖЕ ОН сообразил, что Курбский ни при чем? Те-то, понятно, рады были сожрать Андрюшу по-любому. Но теперь Триумвиры вычислят, что *крот* уцелел, и что он в лучшем случае кто-то из самых доверенных их людей, а то и вовсе — один из них.

— В том-то и смысл, Государь!

— Ну-ка, объяснитесь.

— Слушаюсь…

ДОКУМЕНТЫ — II

Сказ о том, как историки нахимичили, а химики попали в историю

На то ж она история —
Та самая, которая
Ни слова, ни полслова не соврёт.

Анатолий Флейтман

Журнал «Новый Мiр», N 8, 2023 год

Статья Павла Петровского[7]

1

Одно из самых замечательных открытий в русской медиевистике было недавно сделано именно так, как всегда и мечтается публике — не на стезе кропотливых академических исследований, а благодаря цепочке счастливых случайностей, попавших в поле зрения троих «неленивых и любопытных» приятелей, лишь один из которых имел профильное гуманитарное образование. При этом речь идет не о каких-то мелочах, интересных лишь специалистам, а о серьезной корректировке взглядов на ключевые фигуры важнейшего, переломного этапа отечественной истории — «Великого Противостояния» Москвы и Новгорода в 50–60-х годах XVI века.

Трудно спорить с тем, что историческая наука — вечная заложница политической конъюнктуры. История Новгородской Руси всегда использовалась как аргумент в текущих политических спорах, причем оценки менялись от восторженных до крайне отрицательных. Вольтер отчеканил: «Из Новгорода пролился свет надежды для народов, измученных тиранией. Всякий честный человек — духовный гражданин царства Иоаннова»; строки эти, напомним, он писал в те самые годы, когда на Руси правил Павел Темнейший, и даже упоминать имя Грозного было небезопасно.

Понятно, на чьей стороне в той полемике всегда были симпатии интеллектуалов; не зря на обложках учебников истории (ну, кроме, может быть, индийских и китайских — где вся история как бы своя, *суверенная*) красуются, как правило — порознь или вместе — Цезарь Август, Карл Великий и Иоанн Грозный. Естественно, идеализация Новгорода приводила и к столь же неумеренной демонизации Москвы. Так что неудивительно то внимание, которое привлекает к себе загадочная фигура князя Курбского.

Итак, князь Андрей Курбский (информация к размышлению). Личный друг молодого Великого князя Московского Ивана (тогда еще не Грозного), один из его ближайших сподвижников в Избранной Раде и соратник по победоносному Ливонскому походу 1552 года. После раскола единого Русского государства на Новгородскую Русь и Московию с войной между ними (1553) — один из ведущих полководцев Грозного. В 1557-м по не вполне выясненным причинам бежал из Ливонии в Москву и обратил оружие против своих былых соратников и государя; при этом постоянно вел с Иоанном «уязвительную переписку», оставшуюся в истории как выдающийся памятник светской литературы. В 1559-м князь-перебежчик был внезапно арестован в Москве как «новгородский шпион» и казнен. Обвинение утверждало, будто его пресловутая «переписка» — ведшаяся совершенно открыто и у всех на глазах — представляла собой идеальный канал шпионской связи. Князь якобы записывал разведывательные донесения «невидимыми чернилами» между строчек своих «уязвительных эпистол», а царь тем же способом отправлял ему в виде своих «ответов» новые инструкции. Собственно, исторические факты этим и исчерпывались; дальше начиналась их интерпретация (попросту говоря — домыслы).

Увы нам! — как справедливо замечено еще древними: «Никакой истории, помимо описанной в художественной литературе, для нас не существует вовсе». Над созданием образа Курбского как трагического героя трудилась, не покладая рук, вся европейская романтическая литература XIX века. Chevalier sans

peur et sans reproche, тайно посылаемый своим Государем и другом — во имя исповедуемых ими обоими идеалов Свободы — в ледяное инферно Московии, дабы в одиночку сломать Иглу смерти властвующего там Кощея, а в финале гибнущий в результате собственной роковой оплошности (как в Лермонтовской «Жизни за царя») или предательства (как в Байроновском «Ренегате») — ясно, что *такой* Курбский был просто находкой для романтической традиции.

Довершил дело Дюма со своим «Шпионом Его Величества», где Курбскому *довесили* еще и любовь Рыцаря к Прекрасной Даме — заточенной в Московскую Bastille царице Анастасии (та была уже четыре года как мертва, с самого переворота Старицких — «но таки кто вам будет считать?»). Ну, а потом за дело взялось кино — «важнейшее из искусств», как известно… Полагаем, что у большинства наших соотечественников при слове «Курбский» перед мысленным взором немедля возникает Борис Хмельницкий, бросающий с эшафота в лицо толпящейся вокруг московитской нежити: «Горе тебе, Вавилон, город крепкий!»

Осмелимся предположить, что означенная героико-романтическая интерпретация бегства Курбского в Москву восторжествовала в искусстве — при всей ее очевидной ходульности — отнюдь не случайно. Ведь для Байрона с Лермонтовым, равно как и прочих европейских интеллектуалов, Курбский был не только (и не столько) политическим деятелем и полководцем, но прежде всего — писателем. Сиречь — comrade-in-arms, собратом по оружию: перу. Назвать князя «Ренегатом» они могли лишь в качестве горчайшей иронии (когда *сарказм детектед*), а репутацию его защищали — в режиме чисто рефлекторном: «Наших бьют!»

Как бы то ни было, романтический *байроновско-лермонтовский* Курбский совершенно вытеснил из общественного сознания свой реальный исторический прототип, и нытье профессиональных историков «Нэ так всё было, совсэм нэ так!» воспринимается публикой совершенно без восторга — если воспринимается вообще. Между тем всё, что известно об том *историческом прототипе* (а известно немало), не дает никаких оснований полагать его геройски погибшим за родину и государя бойцом тайного фронта. И мнение профессионального сообщества на сей счет было (вплоть до самого недавнего времени…) вполне единодушным: таки да, князь был самым настоящим, безо всякого двойного дна, *ренегатом*-перебежчиком.

Никаких особых загадок не таит и история его гибели: «Веревка — вервие простое». Московский режим тогда являл собою скопище пауков в банке, бесперечь пожирающих друг

дружку. Пришлый небесталанный полководец же оказался, на свою беду, фигурой достаточно сильной и самостоятельной, чтобы объединить против себя широкую коалицию во главе с Годуновым — и был ею безжалостно сожран. А уж что именно *навесить* ему в качестве официального обвинения было делом десятым: могли хоть «ересь жидовствующих», хоть черную магию, хоть умышление *расчленить и отдать на откуп диктатору Камеруна синеглазую сестру нашу, Белоруссию*. Но в военное время логичнее и естественнее всё же *пришить* жертве «шпионаж», не правда ли? Тем более что охота на ведьм (в смысле, на «новгородских шпионов») была в той Москве вполне уже поставлена на поток, а всепроникающее вражеское шпионство как объяснение для собственных провалов (воевала-то Московия из рук вон неудачно) было весьма востребовано общественным мнением.

Что же касается «записей невидимыми чернилами» между строчек «уязвительных писем» — это просто чушь несусветная; благо вся эта переписка (оригиналы писем Курбского с первыми копиями ответов Грозного) хранится ныне в историческом Архиве Иван-города, и никакой тайнописи там, разумеется, нет и в помине. Некоторые «независимые исследователи», впрочем, тщатся доказать, что «невидимые чернила» суть не более чем иносказание, а разведывательные донесения Курбского зашифрованы в самом тексте его писем. Эти уже не первый век тасуют, по самым затейливым алгоритмам, слова и слоги тех посланий, надеясь получить на выходе что-нибудь вроде: «Две пехотные дивизии при поддержке семи артиллерийских батарей выступят на Псков в канун Усекновения главы Иоанна Предтечи»; *результат немного предсказуем*…

Упомянем здесь кстати, раз уж к слову пришлось, и гипотезу академика от математики Ерёменко. Он вообще полагает всю эту переписку литературной мистификацией, созданной Грозным уже после казни Курбского. Новгородский владыка-де, обладая незаурядными литературными дарованиями (что правда), изложил собственные политические, этические и иные воззрения в форме полемических диалогов с несуществующим уже оппонентом. Идея остроумная, но, к сожалению (для нее), не выдерживающая проверки фактами: переписка та обильно цитировалась дипломатами и иными независимыми источниками непосредственно по ходу дела (в 1557–58 гг).

Есть, правда, и серьезный осложняющий (для исторического мейнстрима) момент: протокол процесса над Курбским, проходившего в октябре 1559-го в Особом трибунале, не сохранился: он сгорел вместе со всем архивом Трибунала во

время Великого пожара 1564 года. Та же судьба постигла и оригиналы Иоанновых ответов. Поэтому ход процесса, суть инкриминируемых князю деяний, аргументация обвинения и защиты, описание представленных сторонами доказательств — всё это известно нам лишь в кратких сторонних изложениях, полнота и объективность которых всегда может быть поставлена под сомнение.

Тем не менее профессиональное сообщество историков полагало совокупность имеющихся *косвенных* данных достаточной для того, чтобы числить «теорию шпионского триллера» (столь любимую литераторами и иными «вольными сынами эфира») по категории *конспирологического зашквара*. Точнее — полагало вплоть до самого недавнего времени, а именно — до 30 марта 2023 года.

2

Москвичи славятся на всю Россию как «ходячие собрания фобий». Если вспомнить, через что им некогда пришлось пройти, всё это вполне извинительно — ну, кроме разве что реально напрягающей приезжих местной кулинарной традиции совать чеснок во что ни попадя. Достаточно вспомнить впечатления от Московии ну хоть того же Джайлса Флетчера:

> Что ни шаг — то погост, за погостом — шинок,
> Весь народ состоит из одних голодранцев,
> Да к тому же любой обожает чеснок —
> В этом смысле они даже хуже голландцев.

Понятно и их стремление как можно меньше соприкасаться с подземными горизонтами родного города и вообще «касаться до грунта» (местный сленг). Что, кстати, привело к любопытному экономическому эффекту. Городской совет век за веком правдами и неправдами саботировал в историческом центре Москвы любые градостроительные инициативы, требовавшие сколь-нибудь масштабных подземных работ (включая метро). В итоге «Старая Столица» была признана «Самым аутентично-средневековым городом Европы», и живет сейчас припеваючи за счет одного лишь туристического бизнеса (пока ее дотационная до потрохов промышленность доживает свой век в Коломенском, Капотне и Серебряном Бору).

Однако жить без подземных коммуникаций современный город не может при любом градусе местных фобий и табу. И вот,

в упомянутый выше мартовский день, при прокладке оптоволоконных кабелей по пустотам культурного слоя XVI века в районе Арбатской площади, инженер связи Сергей Зинченко заметил и извлек из полускрытой натеками трещины в древней кирпичной кладке обрывок странной на вид и на ощупь бумаги: угловая часть (правая-верхняя) более обширного листа, размером чуть побольше бумажной салфетки, обгорелая с внутреннего края. Разглядев на ее замызганной поверхности «церковно-славянские буквы», причем явно рукописные, а не печатные, инженер призадумался. С одной стороны, штука, похоже, древняя и интерес для историков наверняка представляет; с другой — совать эту бумагу, грязную и волглую от подземной сырости, в карман не хотелось: хрен его знает, какая там зараза на нее налипла за те века? Посему он нашел компромиссное решение (от которого кондрашка хватила бы две трети палеографов): сфоткав на телефон и текст, и стену с той трещиной (ибо был человеком аккуратным и грамотным), он положил бумагу «подсушиться» на рефлектор лампы-переноски (не светодиодной, а обычной, накаливания) и занялся дальше своим штатными подземными делами.

Проведав же минут через десять свою находку, инженер вытаращил глаза от изумления: между четырьмя строками исходных, черных, «глаголей и ятей» проступили еще три — с буквами ярко-синего цвета! Отчетливо запахло зачином «мистического триллера», или по крайней мере «исторического детектива». Человек более робкий и нервный либо засунул бы — от греха! — странную бумагу обратно в ту же трещину, либо кинулся бы со всех ног сбагрить ее, с рук долой, Властям — выбирая на ходу между Государственной Библиотекой и Государственной Безопасностью (в чьих необозримых неразобранных архивах она оказалась бы погребена столь же надежно, как и в предыдущем своем нечаянном кирпичном саркофаге). Зинченко же, оправившись от первого шока, сфоткал документ по второму разу (удостоверившись при этом: нет, ничего ему не примерещилось!), засунул его, аккуратно сложив, во внутренний карман, *поближе к телу* (на этом месте кондрашка прибрала бы уже и остатнюю, уцелевшую в прошлый раз, треть палеографов) и, спокойно завершив рабочие дела, отправился прямиком на день рождения своего школьного кореша Мишки Шифмана.

И опять — перст судьбы! Это же надо было такому случиться, чтоб Шифман — пока у него не повисла жерновом на шее унаследованная от отца строительная фирма — отучился на истфаке Московского университета, а диплом писал… ну, вы уже

догадались: по переписке Грозного с Курбским! Так что правый-верхний угол ответа Грозного на второе письмо Курбского он опознал в той обгорелой бумаге на раз. После чего поинтересовался у Зинченко — как такой *аутентичненький* прикол изготовили, и почём это встало? Мягко попеняв тому, что до 1 апреля-то — еще два дня!

Инженер, однако, сам пребывал в полной ошарашенности, ибо проявившиеся тогда, при просушке, синие буквы между строк — исчезли опять; мистика! «Какие такие „буквы между строк“? — Ну вот, глянь фотки, на телефоне».

— «Невидимые чернила»! — вымолвил страшным шепотом несостоявшийся историк.

Засим был срочно вызван в скайп их третий приятель — химик Витька Ходасевич, груп-лидерствующий нынче в Беркли. Тот укоризненно осведомился, соображают ли они, который час ночи сейчас у него, на Западном побережье, пошутил про «диагностику по юзерпику», внимательно выслушал рассказ Зинченко, уточнил, какого цвета были проявившиеся, а затем исчезнувшие буквы — уж не синие ли? — и поставил четкий диагноз:

— Ваша надпись наверняка сделана водным раствором дихлорида кобальта. Это темно-синие кристаллы, с водой образующие кристаллогидрат — шестиводный хлорид кобальта. Он бледно-бледно розового цвета, и визуально совершенно сливается с белым листом, так что после высыхания раствора надпись невооруженным глазом не видна. Если бумагу нагреть, проявятся ярко-синие буквы. А вот если лист потом увлажнить — например, подержав над паром — буквы вновь исчезнут, поскольку образуется кристаллогидрат. Ну, или если долго держать бумагу под одеждой, где высокая влажность — как в Серёгином случае… Вообще-то, этот химикат используют, например, метеорологи в индикаторной бумаге для определения атмосферной влажности, или, вот, в силикагеле — тоже как индикатор.

— А давно этот самый дихлорид кобальта открыли?

— Ой, да в незапамятные времена — еще алхимики. Ладно, Мишка — с днюхой тебя, а я досыпать пошел. И — флакон «Лафройга» с вас, за ночную консультацию!

— Ящик!!

На следующий день, с утра пораньше, листок попал в руки «официальной науки» в лице кафедрального руководителя Шифманова диплома профессора Воскресенского — одного из ведущих мировых специалистов по эпохе. Осмотрев листок и фото исчезнувшей надписи (нагревать по новой, разумеется, не

стали), старый зубр вынес вердикт:

— Всё совпадает, даже как-то подозрительно хорошо. Бумага, насколько я могу судить без специальной экспертизы, — та самая, что и у копий в Ивангородском архиве. В «невидимом тексте» фигурирует слово «Псков» и окончание слова «благодарность» — а ведь ответ на второе письмо Курбского был написан как раз после того, как новгородцы успешно отбили Третье псковское наступление московитов. Ну и место обнаружения — Знаменка близ Арбатской площади: как раз там и располагался Особый трибунал, судивший Курбского — вполне логично, что бумаги князя попали в тамошний архив… ну а потом сгорели вместе с ним… Ну что же, коллеги — поздравляю! Это реальное, без дураков, открытие. Конспирологи с их «теорией шпионского триллера» будут в восторге, — мрачно подытожил он.

Да, впереди маячило еще множество экспертиз, но уже тогда стало ясно: научному сообществу придется смириться с тем шокирующим фактом, что Грозный и вправду сносился с *ренегатом* Курбским посредством записей невидимыми чернилами (хлоридом кобальта) между строк их переписки. Правда, поборники «теории шпионского триллера» быстро сообразили, что они рано обрадовались: ведь в оригинальных письмах Курбского-то (их, конечно, тоже сразу проверили на следы того хлорида кобальта) никаких тайных записей как не было, так и нет!

Ясно было, впрочем, что даже и художественное освещение тех событий уверенно перекочевало из департамента Байрона в департамент Переса-Реверте…

3

Как учат нас классики детективного жанра: «Чем нелепее и грубее кажется вам какая-нибудь деталь, тем больше внимания она заслуживает. Те обстоятельства, которые, на первый взгляд, лишь усложняют дело, чаще всего приводят вас к разгадке». Поначалу казалось, что открытие тайнописи Грозного окончательно запутало всю историю с Курбским. И тут нам следует, в качестве вводной, обратить внимание читателя на ряд обстоятельств, странность каковых неспециалисту, как правило, просто не приходит в голову.

Во-первых, сами невидимые чернила. У большинства читателей тот факт, что в распоряжении Грозного они были, не вызовет удивления. Мы все привыкли думать, что уж в чем в чем, а в области химии (и хоккея…) Россия всегда была впереди

планеты всей (столь же традиционно отставая, например, в теоретической физике и футболе). Нам есть тут и чем гордиться, и чего стыдиться (русские химики создали не только противогаз, но и сам хлорциан — о чем стараются вспоминать пореже), но в уровне достижений сомневаться как-то не приходится. И любопытно, кстати, насколько глубоко химия пустила корни в нашей национальной культуре. Даже филолог, и тот вспомнит, что именно в русском языке возник глагол «химичить» в значении «делать что-то сложное, опасное и при этом выгодное», а специалист по истории живописи непременно расскажет, как Менделеев создавал для Куинджи невероятные «светящиеся» краски и читал специальные научные лекции для Передвижников.

Однако историк напомнит, что так было вовсе не всегда. Как ни странно, до начала XVII века Русь вообще не блистала никакими научными или инженерными достижениями. Пожалуй, единственное, что умели тогда делать «на мировом уровне» московиты — бронзовое и чугунное литьё (откуда и взялась на Руси весьма приличная для своей эпохи артиллерия). Что же касается химии, то она пребывала в самом зачаточном состоянии.

Хлорид кобальта — химикат не бог весть насколько сложный в изготовлении, однако из «смеси забродившего сока морошки с толченой болотной рудой» его всё же подручными средствами не добудешь. Он был известен западноевропейским алхимикам (еще Парацельс, например, экспериментировал с изменяющими свой цвет соединениями кобальта, и с этим в том числе) — но не в Ливонии (которая в плане науки была дальними задворками цивилизованного мира), и тем более не в Новгороде. Так что вопрос, откуда взялся у Грозного тот хлорид кобальта — и само вещество, и инструкция по его применению — отнюдь не праздный.

Во-вторых: а что из себя представлял «Особый трибунал», судивший Курбского? У современной публики сложился образ этого годуновского детища как чего-то инфернального, вроде Севильской Святой инквизиции. Что ничуть не удивительно: в изображении хоть Байрона, хоть нынешних «исторических» телесериалов сей общественный институт неизменно предстает обширным пыточным подвалом, над входом в который начертано «Оставь надежду, всяк сюда входящий», и где все признания добывались чудовищными истязаниями, а оправдаться было невозможно в принципе. А и правда — чего еще ждать-то от московских злодеев?

Историки же рисуют совершенно иную картину. Именно потому, что тогдашние московские власти и в самом деле представляли собою шайку злодеев, они были крайне озабочены

личной безопасностью. В том числе — и от облыжных обвинений. И вот, посреди тамошнего «Большого Террора», когда любой московит мог в любой момент стать жертвой казни или бессудной расправы по сколь угодно вздорному политическому или религиозному обвинению, «элита» сформировала — исключительно для собственного потребления! — отдельную от всей прочей страны судебно-следственную систему, в которой право обвиняемого на защиту было гарантировано «по лучшим мировым стандартам».

Если уж подыскивать заграничные аналоги, на ум приходит британская Звездная палата: специальная инстанция для рассмотрения дел об особо важных государственных преступлениях. При этом, скажем, Венецианский прецедент с необъятными полномочиями «Чрезвычайной тройки» Государственных инквизиторов Москву не устраивал категорически. Напомним, что инквизиторы те могли арестовать и приговорить к публичной или тайной казни любого гражданина Республики, даже члена Совета десяти — если его деятельность, по их «экспертной оценке», представлялась «угрозой для государства». При этом они не были связаны никакими юридическими формальностями при производстве следствия и вынесении приговора. «Московским злодеям» не надо было особо напрягать воображение, чтобы предугадать собственную судьбу в случае, если такой замечательный механизм окажется в руках соперников…

Как мог возникнуть сей феномен «честного суда для своих» при царящем вокруг тотальном беззаконии — в общем понятно. Московией тогда правила, как уже сказано, натуральнейшая разбойничья шайка, для которой всё прочее население — это *терпилы*, то есть бараны, которых можно и дОлжно стричь и резать. Перед *терпилой* у *вора*, по *воровским понятиям*, обязательств нет и быть не может в принципе (именно что — как у человека перед бараном), а вот перед другими ворами — как раз очень даже есть. И для того, чтобы обвинить члена шайки в *настоящем*, то есть *воровском*, преступлении — в стукачестве или там в крысятничестве с заныкиванием толики награбленного — доказательства должны быть предъявлены совершенно железобетонные: «Вынул — стреляй, не выстрелил — лох».

Так вот, Особый трибунал как раз и исполнял роль такого *воровского толковища*, где шайка *выкатывает предъявы* своим членам — при соответствующем уровне *ответственности за базар*. Чтобы осудить человека, там требовались *реальные* доказательства вины — проверяемые перекрестно свидетельства, вещдоки и тэ пэ, — а не анонимные доносы и вырванные под

пыткой «признания». И если для Курбского не сделали какого-то уникального исключения из правил (а с чего бы это вдруг?..), то означенные доказательства наверняка и были предъявлены. Включая сюда и расшифровку схемы шпионской связи с использованием невидимых чернил. Вопрос: как они до этого докопались?

На всякий случай — об уровне работы Особого трибунала (раз уж к слову пришлось). Напомним, что будущий Угличский процесс над «главарями Московского режима и их ближними приспешниками» подготовят и проведут, по сути дела, те же самые сотрудники Трибунала — хотя, конечно, и под присмотром новгородских эмиссаров (а оперативно-разыскное сопровождение, кстати, там вели *особисты* — вот когда им по-настоящему пригодились идентификационные жетоны из перечеканенных серебряных рублей!). Это обстоятельство обычно или игнорируется публикой («Да ладно, всем известно: приехали *новгородские танки* и навели там Порядок!»), или трактуется как политическая уступка Грозного «здоровым силам среди московитов» — но это значит, что такая уступка имела смысл.

Тот факт, что приговор «главным преступникам» был вынесен на основании безупречной доказательной базы и при строжайшем соблюдении процедуры, отметили все независимые иностранные наблюдатели (среди которых хватало недоброжелателей и даже прямых врагов московитов). И это при том, что народ-то тогда дружно и громко требовал «рассадить на осиновые колья всех этих упырей, поголовно» — по одному лишь факту «принадлежности к преступным организациям», и всё это «крючкотворство» с доказыванием индивидуальной вины в тот момент совершенно не встречало общественного понимания… Впрочем, мы отвлеклись от темы.

Итак, третье: last but not least — последнее по счету, но не по важности. Как уже сказано, картину процесса над Курбским историки нарисовали, суммировав целый ряд разрозненных свидетельств весьма различной надежности. Их источники — донесения и мемуары дипломатов и иных иностранцев, находившихся тогда в Московии, Новгороде и Ливонии; кое-что известно и от самих московитов (например, от дьяка посольского приказа Кураева, бежавшего в Ватикан). Но в этом списке — внимание! — нет ни одного *новгородского* источника; вот реально — ни единого!

Это, конечно, вовсе не означает, что имя полководца-перебежчика было в Новгороде под запретом: кости ему и до того перемывали постоянно, а реакция публики на его гибель варьировала от откровенно злорадной («Собаке собачья смерть!»

— с непременным цитированием оказавшегося пророческим Иоаннова указа о том перебежчике: «*Собакой потек, собацки и пропадет*») до скорее иронической (типа: «Предательство — хреновый бизнес», «Что, сЫнку, помогли тебе твои москали?»); но всё это — без никакой конкретики. Грозный же ограничился на сей предмет сухим замечанием, что Курбский «пал жертвой грызни внутри Московской клики» (против чего не возразишь, и что может трактоваться как угодно), а переписку свою завершил кратким некрологом: он-де, «оставляя в стороне предметы политические и моральные», сожалеет об утраченном корреспонденте, «чьи мысли, как к ним ни относись, были яркими и нетривиальными».

Говоря об «отсутствии новгородских источников», мы имеем в виду вот что. Ни одно тамошнее официальное лицо или ведомство, из обладавших по долгу службы доступом к соответствующей информации (Джуниор, скажем, или Висковатый, или хотя бы Басманов-старший), не проронили ни слова о *конкретных деталях* произошедшего в Москве — так что на той обширной поляне историкам поживиться оказалось совершенно нечем. Новгородом не было предпринято даже попыток использовать эту историю для пропаганды — что уж явно напрашивалось. И этот «заговор молчания» выглядит весьма странно.

Называя вещи своими именами, историческая наука оказалась тут в полном тупике. В коем она и пребывала вплоть до появления на сцене легкомысленного оксфордского аспиранта Роджера Уилкинсона — Веселого Роджера по своей итонской кликухе.

4

Уилкинсон и вправду был веселым авантюристом, опоздавшим родиться, по собственной оценке, минимум лет на полтораста. До того как остепениться, занявшись в Оксфорде историей Елизаветинской эпохи (как самой близкой ему по духу), сей отпрыск сталелитейного магната фотографировал белых акул без страхующей клетки, волонтёрил на эпидемии Эболы в Конго и сплавлялся в одиночку по сибирским рекам пятой категории сложности — откуда, как уж водится, привез в итоге жену, красавицу-и-умницу. По его словам, только там, в Сибири, он и чувствовал себя по-настоящему комфортно — среди таких же вот «парней с левой резьбой».

Неудивительно, что в рамках избранной им эпохи он решил

заняться как раз Первым русско-английским альянсом: «роман в письмах» между Елизаветой и Иоанном, героические «Балтийские конвои», и прочее в том же духе. И понятно, что пройти мимо истории Курбского — причем именно в ее романтическом, *байроновском*, варианте (получившем вроде бы внезапное полу-подтверждение в виде московской тайнописи) — он не мог никак. Заметим в скобках, что только такой вот авантюрист и мог *вписаться* за «теорию шпионского триллера», остававшуюся, повторим, для исторического мейнстрима уделом «полоумных конспирологов».

Ход рассуждений Уилкинсона был таков. Прочесывать по новой английские архивы на слово «Курбский» бесперспективно: тут придется идти по следам десятков предшественников, которые за два века «вытоптали всю поляну» и наверняка уж «сняли все пенки, сливки и прочую высококачественную сметану». А давайте-ка мы вместо этого поищем на «невидимые чернила» и «кобальт»! Будем искать *любые упоминания* этих не слишком общеупотребимых для соответствующего времени субстанций — их, надо полагать, будет не слишком много. Обложившись для начала химическими справочниками и алхимическими трактатами и не поленившись потратить несколько месяцев на то, чтобы вникнуть в соответствующую терминологию, Уилкинсон приступил к своим архивным разысканиям и — как и положено «на новенького»! — почти сразу наткнулся на искомое: в рассекреченной и доступной для исследователей части архивов британской «Интеллигентной службы».

Это был один из отчетов, направляемых лично знаменитому елизаветинскому начразведки, «Great Spy Master — Великому Повелителю шпионов» сэру Фрэнсису Уолсингему, не менее знаменитым Джоном Ди, одним из самых загадочных людей своей эпохи: великий математик, картограф и астроном, каббалист и алхимик, доверенное лицо и личный астролог королевы, ну и, разумеется, разведчик — у них, в Англии, без этого никак. Донесения свои Ди имел обыкновение подписывать «007» (да-да, это никакая не шутка), а в переписке с Уолсингемом пользовался очень сложным личным шифром, который лишь недавно удалось «расколоть» лингвистам и математикам. Обратим внимание читателя на интересное обстоятельство: вообще-то, все прочие бумаги Уолсингема давным-давно свободно лежат в «Эс-Пи», отделе государственных бумаг (State Papers) Национального архива в Лондоне, а вот документы, касающиеся деятельности Ди, британская разведка и по сию пору рассекретила лишь частично — откуда и несколько необычная локализация той переписки.

Так вот, переписка та (производящая впечатление полу-, а то и вовсе неофициальной) касалась розысков некого человека, которого они называли между собой «Серебро — Silver», а также «Странник — Peregrine», и который, как они предполагали, завладел неким магическим артефактом — что не есть хорошо. В своем донесении от 12 октября 1562 года, обратившем на себя внимание Уилкинсона, великий астролог и алхимик сообщал, что «Серебро», на старый след которого он недавно напал, оказался, к сожалению, вовсе не тем человеком, кого они ищут (как он сам написал: «Серебро оказалось не той пробы»); однако в том, прошлом, деле «Серебра-2», — по удивительному совпадению — всплыли «те самые» самообесцвечивающиеся «чернила-маятник», которые он, Ди, изготовил как раз в те времена для некого «Августа».

Как известно, «Правильно поставленный вопрос — это половина ответа». В изложенном далее Ди деле «другого Сильвера» не упоминалось не то что имя Курбского — там, явно специально, были тщательно вычищены вообще любые привязки к конкретному месту-времени действия (а по извращенной хитроумности той интриги можно было бы заподозрить скорее каких-нибудь там венецианцев). Так что не веди Уилкинсон свой поиск именно на упоминания средств для тайнописи («чернила-маятник»), он почти наверняка проглядел бы этот документ «по диагонали» и отложил его, просто не став вникать в этот ребус.

Итак, по версии Ди, некто «Август» затеял переписку со своим врагом, неким «Ренегатом», перешедшим на сторону враждебных соседей (при слове «Ренегат» Уилкинсон, естественно, опять сделал стойку). «Август» замыслил расправиться с «Ренегатом» руками его новых сотоварищей; для этого он между строк своих посланий вписывал невидимыми чернилами сообщения (о существовании которых его корреспондент, разумеется, не подозревал), долженствующие при прочтении создать впечатление, будто между корреспондентами давно идет регулярный обмен шпионской информацией. Когда этих «уличающих свидетельств» накопилось достаточно, «Августу» осталось лишь известить своих врагов, что «казачок-то засланный»; напрямую, однако, делать такое нельзя: те сразу сообразили бы — ага, *подстава*! Поэтому *на ту сторону* был послан, под видом перебежчика, «невозвратимый агент» (в терминологии Сун Цзы) «Серебро».

«Серебро» (которого проинструктировали, будто «Ренегат» — *наш человек на той стороне*) имел два задания. Во первых — известить «ту сторону», что где-то у них там, на самом верху, сидит «суперкрот», работающий на «Августа». При этом

сообщаемая «той стороне» дезинформация об утечках была составлена так хитро, что как раз от «Ренегата» она подозрения (вроде бы…) отводила, создавая тому алиби. Ну и во-вторых — «одно уж к одному» — следовало передать тому средство для тайнописи, которое у того якобы закончилось, и которое тот якобы срочно запрашивал в своем предыдущем донесении.

На самом же деле в *легенде* «Серебра» было несколько преднамеренных «встроенных дефектов», которые никак не могли пройти мимо внимания контрразведки. Агент, как и было запланировано, оказался *под колпаком*, и был схвачен с поличным в момент передачи адьютанту «Ренегата» (который тоже был ни сном, ни духом) посылки со скрытой в ней склянкой «чернил-маятника». «Серебро», однако, *ушел в глухую несознанку* и даже под пыткой всё отрицал: история-де его перебега — чистая правда, о содержимом посылки он ведать не ведал, а в контакт с человеком «Ренегата» вступил, надеясь поступить на службу к земляку… Эта его упёртость оказалась совершенно некстати его собственной Службе; тем в итоге пришлось официально признавать «Серебро» своим агентом, предложив «той стороне» обмен (что, конечно, уже «низкий сорт, нечистая работа»).

Как бы то ни было, у контрразведки «той стороны» появились вполне веские основания ознакомиться с перепиской «Ренегата»: тайнопись проявили, содержание сообщений оказалось в высшей степени компрометирующим, а ничего толком объяснить (будучи захвачен врасплох) тот так и не сумел. Плюс еще и попытка создать ему фальшивое алиби доказанным вражеским засланцем… Дальнейшую судьбу «Серебра» Ди не отследил: скорее всего, тот был казнен вместе с «Ренегатом».

По прочтении сего «шпионского триллера» (а как это еще назвать?) Уилкинсон впал в задумчивость; сплясав, понятное дело, сперва джигу. С одной стороны, все, лишь мешавшие доселе, фрагменты пазла вроде бы сложились на загляденье — начиная с необъяснимого прежде факта: почему тайные записи хлоридом кобальта есть на московском письме, но отсутствуют на всех ивангородских. Что до Джона Ди, то биография сего «Титана эпохи Возрождения» (как ее живописуют исторические монографии и еще более многочисленные сайты разнообразных любителей мистики и оккультизма), разумеется, до сих пор пестрит белыми пятнами и темными местами — однако связи его с Новгородской Русью имеют вполне солидные подтверждения. В частности, он вел специальные навигационные исследования для «Восточно-Балтийской» и «Московской» торговых компаний (что суть одно) по поискам северного морского пути в Китай, огибая «Сибирскую Татарию». Тем не менее реакцию профессионального

сообщества на свое открытие Веселый Роджер представлял себе вполне отчетливо: «Остроумно, но бездоказательно. Вам бы, молодой человек, сценарии для „исторических“ сериалов Netflix сочинять!» Уж если даже прошлый, *однолинейный*, конструкт с Курбским-лазутчиком проходил для тех по разряду *заведомой конспирологии*…

И на этом месте аспирант принял весьма важное решение: неизвестно, удастся ли ему убедить в своей правоте старших коллег — но уж для себя-то лично он эту загадку решит с достаточными (по личному же разумению) доказательствами! Итак, какие подтверждения изложенной Ди истории — полагая ее правдивым (с неизбежными погрешностями) описанием реальной операции секретной службы Грозного по ликвидации предателя-Курбского — можно надеяться отыскать, хотя бы и косвенные? С учетом того, что все новгородские источники хранят на сей предмет мертвое молчание — и теперь, кстати, понятно по какой причине.

Иоанн, по ходу дела уже, открыл для себя, *внезапно*, что «уязвительная переписка» та приобрела совершенно непредвиденную им популярность и, если так можно выразиться, «высокий индекс цитирования» у современников (а там, глядишь, и у потомков…), и теперь предуготованный финал этой его хитроумной интриги смотреться со стороны будет понятно как: «Грозный-то, по факту, полемику *слил*, а Курбского *забанил и потёр коменты*!» Неудивительно, что новгородский владыка, заботясь о своей репутации, засекретил всю эту свою спецоперацию наглухо.

Уилкинсон сразу понял, что без консультанта по русским делам ему тут не обойтись никак, и тем же вечером отправил мейлом пару вопросов Ивану Риттельмайеру из Юрьевского университета, специалисту по истории «Балтийских конвоев» (когда британские якобы частные торговые компании снабжали Новгородскую Русь современным вооружением и стратегическим сырьем в обход эмбарго, установленного императором Священной Римской империи Фердинандом I, прорывая польско-немецкую блокаду Ливонских портов). В прошлом году Уилкинсон здОрово помог русскому коллеге с кое-какими рассекреченными (но так и не попавшими в общий доступ) документами Уолсингемова ведомства, и вот сейчас просил того навести кое-какие справки в российских публикациях и архивах: «Хочу проверить одну гипотезу, красивую, но настолько сумасшедшую, что я даже объяснять тебе пока ничего не стану, дабы не спугнуть», — и двойной смайлик.

Вопросы же он задал вот какие. Во-первых, не было ли каких-

нибудь перебежчиков от новгородцев к московитам в промежутке август-сентябрь 1559-го (то есть перед Московским процессом Курбского, даты которого известны)? Во-вторых, не зафиксировано ли каких-то обменов пленными в октябре 59-го (соответственно, во время и после того процесса)?

Риттельмайер отписал буквально через считанные минуты. Ностальгически вопрошал: «Помнишь кофейню в Сохо?» и просил нежно поцеловать Таню, верным рыцарем которой он числит себя по гроб жизни; про «перебежчиков» ему вот так, с ходу, ничего не припоминается — он предметно займется этой темой на той неделе, чуть только разделается со своими лентяями-дипломниками; что же до «обмена пленными» — тут сразу приходит на ум странная история с московитским воеводой Шестопаловым.

Дело в том, что сей небезызвестный silovik, сыгравший впоследствии не последнюю роль в московских событиях 63 года, провел полгода в плену у новгородцев и был ими освобожден точь-в-точь после осуждения Курбского — где-то в 10-х числах октября 1559 года, причем то ли за символический выкуп, то ли вовсе без такового. В качестве объяснения той странной сделки Грозный впоследствии ехидничал, что «Во главе московитских ратей сей воитель нам куда полезнее, нежели сильцем в нашей темнице: с такими врагами никакие союзники не надобны!» В общем-то это было чистой правдой: полководческие дарования этого *юноши из хорошей семьи* были отлично известны — «ужас-ужас-ужас»; тем не менее подобную практику — «Свой игрок в чужой команде» — при всей ее полезности никак нельзя назвать штатной… Действия Шестопалова («труса и дурака»…) по ходу Событий 63 года оказались в общем и целом на руку Грозному, однако предвидеть сами те события в 59 году, не мог, разумеется, никто: тут всё-таки потребна уже не интуиция (которой и вправду славился новгородский владыка), а самое натуральное ясновиденье…

По этой причине некоторые историки (и он, Риттельмайер, в их числе) вполне допускают, что там имел место секретный обмен: московиты тоже кого-то выпустили — вероятно, спалившегося шпиона. Но здесь уже надо лезть в источники и искать «косвенные улики»: Шестопалов всё-таки — личность историкам небезызвестная, если бы на сей предмет сохранились какие-то официальные документы — их бы давно раскопали.

В конце следующей недели Риттельмайер, как и обещал, соскайпился с британским коллегой и доложил ему результаты своих разысканий:

— …По освобождению Шестопалова — считай, ничего не клюнуло. Как, в общем-то, и следовало ожидать. Что в Москве ничего нет — это и без того понятно: от тамошних архивов после Большого пожара остались рожки да ножки; но вот в Иван-Городе на сей предмет тоже какая-то удивительная, я бы сказал — торричелиевая, архивная пустота… Единственная любопытная деталька всплыла: конвоировали Шестопалова до границы люди из разведслужбы Джуниора, а принимали его там — люди из Особой контрразведки Годунова. К чьим ведомствам вся эта история, казалось бы, никаким боком не относится…

— Спасибо, деталька и вправду любопытная, — поблагодарил Уилкинсон, — но на доказательство точно не потянет.

— Именно так. В общем, по обменам — «full stop, Enter». Но зато вот по перебежчикам — похоже, есть поклёвка! Короче: в августе 59-го в ливонском приграничье приключилась нечаянная стычка между фронтовыми разведчиками — rangers, по-вашему — и Малютиной Sonderkommando, типа «friendly fire», с убитыми с обеих сторон. Рейнджеры не стали дожидаться однозначно светившей им петли, дезертировали и ушли на «ничейную территорию» между Литвой и Московией. Малюта рвал и метал, его «Чрезвычайка» официально объявила их в розыск, с оцененными головами — все эти документы вполне себе сохранились, я их нашел. Это не то ли, что тебе надо? — прием!

— Да, очень похоже! А что про тех рейнджеров известно?

— Старшим группы у них там был некий князь Никита Серебряный, плюс еще сержант Михаил Затевахин…

— КАК?! КАК ТЫ СКАЗАЛ?!?! — русским Уилкинсон владел пусть и не в совершенстве, но на уровне достаточно приличном.

— Князь Серебряный — Prince Silver по вашему. Хотя по сути-то дела наш князь, ежели он не удельный, «на ваши деньги» будет — скорее Earl, чем Prince…

— Да я не о том! Serebryanyi — Silver, вот оно, значит, как…

— Что — подошло?

— Как патрон в патронник!! А что с тем «Сильвером» случилось потом?

— Дальше все следы обоих теряются. Во всяком случае, чекистская премия за их головы из тех «Listed & Wanted» так и осталась невостребованной… Я тебе чем-то помог?

— Иван, у меня нет слов! Считай, что я тебе крупно задолжал — и за мной не заржавеет. Таня вон, кстати, тебя встречно — целует нежно!

…Пережив первую радость по итогам Риттельмайрового расследования, Веселый Роджер приуныл, честно признавшись себе: косвенных-то свидетельств накопилось уже — девать некуда, но вот прямых — по прежнему нетути (кроме исходной московской бумаги). А ведь максима английских юристов не зря гласит: «Изо ста кроликов никогда не составится лошадь, а изо ста подозрений никогда не составится обвинительное заключение»… Оставалось лишь уповать на помощь отца-основателя юридического позитивизма Иеремии Бентама с его «Два момента, весящие каждый по отдельности не более перышка, в случае совпадения давят с тяжестью жерновов». Благо *совпадений* тут хватало…

С четким ощущением, что было, было там и еще какое-то упущенное им совпадение, Уилкинсон принялся перечитывать «триллер» Ди. Итак, «Сильвер» — это, безусловно, тот самый Эрл Серебряный: только простодушный, по серьезному счету, рейнджер мог не сообразить, что носителя стратегической дезинформации никогда не станут использовать «заодно уж» еще и как курьера: профессиональный разведчик сразу почуял бы неладное… Любопытно: а ведь если вдуматься, этот самый Эрл Серебряный — и есть по сути тот самый, сочиненный Байроном, героически-романтический «Ренегат», расчетливо отправленный *своими* прямехонько в камеру пыток. Где тот, однако, не раскололся — чем весьма осложнил ход операции… Стоп! Стоп…

Вот оно: преднамеренно-дырявую легенду «Серебра» окончательно похоронили показания некого «старого товарища», искренне желавшего его спасти! Ставлю свой порш против сигаретной пачки, что имя того «старого товарища» было — сержант Затевахин, но сейчас не в этом суть…

А в чем тогда? А в том, что я… Я — откуда-то знаю этот сюжет! Знаю — совершенно определенно, сходство тут, что называется, «до степени смешения»…

Оп-па! Вспомнил!.. ВСПОМНИЛ!.. «Но как, Холмс, как?..»

На следующий день Уилкинсон отправился к директору Архива: как бы ему получить доступ к формуляру переписки Ди с Уолсингемом? Его интересует, кто еще работал (если работал…) с теми документами; речь идет о середине XX века (ха-ха!..), с 50-х по начало 60-х. Оказалось, что — никак: у Архива сложная и крайне запутанная система двойного подчинения, и как раз доступ к формулярам закрыт внутренними инструкциями «Интеллигентной службы» — устаревшими еще в незапамятные времена, но так и не отмененными. «Секретность, будь она неладна. Простите, сэр, но тут я ничем вам помочь не могу». Веселый Роджер не стал «переть с финкой на паровоз», как

выразились бы его сибирские кореша, а, вежливо откланявшись, приступил к сложному обходному маневру.

Отношения с семьей у нашего авантюриста сложились… непростые. Когда он категорически отказался наследовать престол в бизнес-империи отца, между ними разыгралась сцена, достойная шекспировского «Короля Иоанна». Столь же глубокое разочарование постигло и его аристократическую матушку, мечтавшую ввести отпрыска в *Наш Круг* и передать ему по наследству свой сектор той ткущейся поколениями и веками невидимой паутины, что связывает членов Высшего Общества. Но сегодня, слава богу, как раз был *Четверг*, до начала матушкиного *Салона* оставалось добрых три часа, и Блудный Сын улучил момент пасть перед ней на колени: «Мама, у меня проблема! И, похоже — *никто, кроме тебя*. Напряги свою светскую *Коза Ностру* — если тебе *не в падлу*!..»

Материнское сердце не камень. План кампании, состоявшей из примерно полудюжины шахматных ходов, сложился в матушкиной голове за считанные минуты и был запущен непосредственно по ходу нынешнего *Четверга*. Опустим промежуточные ходы; финалом же стал выход через старую школьную подругу, урожденную графиню Честерфилд, на ее многолетнюю партнершу по крикету маркизу Амаретто, нынешним, третьим, мужем которой был не кто иной, как лорд Баллантайнс — председатель парламентского комитета по разведке…

Короче, не прошло и недели, как Уилкинсон, сдав на входе не только мобильник, но и авторучку («Таков порядок, сэр!..»), сидел за голым столом в полуподвальной комнате с замурованными окнами и держл в руках пожелтелый картонный формуляр («Какие компьютеры, сэр, о чем вы!..»), принесенный непроницаемым молодым человеком в сером *дресскодном* костюме с галстуком, завязанным изысканным *виндзорским узлом*.

В формуляре значилось одно-единственное имя — то самое, которое он и ожидал увидеть: «Дэвид Корнуэлл», и дата: «13 октября 1958». Да, всё сошлось.

Дурацкого вопроса — можно ли сие зафиксировать где-либо помимо собственной памяти? — он носителю виндзорского узла задавать не стал.

…Выйдя на крыльцо того неприметного особнячка (расположенного в совсем иной части Лондона, чем сам Архив), Веселый Роджер закурил — что делал в последние годы нечасто — и поднял к уху вновь обретенный мобильник.

— Таня, подъезжай в «Ритц» — я сейчас закажу столик, будем GULYAT!.. Да-да, чистая победа — «иппон», даваемый за два

«вазари» подряд. Только вот открыто носить эту медаль на парадном мундире нельзя — как уж водится в этом трижды прОклятом мире секретных служб.

6

— Мрази конченые! — резюмировала, с присущей русским категоричностью, Таня поведанную ей Роджером историю Эрла Серебряного. — Очень надеюсь, что все они прописались в девятом, Иудином, круге ада, вместе с твоим обожаемым Грозным…

— Почему это он — *мой?* — изумился историк. — Он всё-таки скорее *ваш*…

— *Мои* — это палеозойские микрофоссилии Ангариды, а Грозный — *твой*, по-любому… Но история, конечно, потрясающая — готовый роман!

— Так он, собственно, уже написан — к чему я и веду. С историей этой — в изложении Джона Ди — познакомился некогда писатель Джон Ле Карре… точнее сказать — сотрудник МИ-6 Дэвид Корнуэлл: писателем «Ле Карре» он сделается позднее. С документами Ди он работал тогда еще по линии Конторы, так сказать, *в профессиональном качестве*…

— Ле Карре? Я, кажется, глядела пару экранизаций. Шпионские триллеры, да?

— Ну, так часто говорят — часто и совершенно неправильно. Жанр Ле Карре — вовсе не детективы-триллеры, а классический, старый-добрый, европейский психологический роман. Просто герои его — не петропавловские студенты-ницшеанцы и не обдолбившаяся *веществами* богема, а шпионы при исполнении. А у этих ребят, по причине профдеформации, крыша отъезжает куда более затейливым образом, нежели у той богемы… Ну, а отъезды крыши и есть, собственно, предмет изучения в «психологическом романе».

— И этот самый Ле Каре написал психологический роман «Эрл Серебряный», или как-то вроде?

— Нет, он написал роман «Шпион, пришедший с холода», с легкостью перенеся действие в современность. Поменял лишь кое-какие второстепенные детали — вроде того, что место боевого товарища, окончательно похоронившего дырявую легенду Серебряного, у Ле Карре заняла влюбленная девушка. Ну и переписку как таковую он, конечно, убрал, а добавил вместо нее номерные банковские счета… В общем, получился своеобразный римейк отчета Ди. Один из первых его романов, и самый лучший,

как я считаю, шедевр на все времена.

— Знаешь, не люблю я ремейков…

— Ну, это всё-таки не совсем ремейк. Ле Карре интересовала там не хитроумная интрига, а именно история чудовищного предательства *своих*. И с твоей оценкой — «мрази конченые» — пафос его романа вполне себе совпадает. Как-никак, полевой агент британской разведки Дэвид Корнуэлл хорошо знал *modus operandi* родной Конторы… Так вот, меня именно «Шпион, пришедший с холода» навел на разгадку одной неувязки в отчете Ди, где у того не сходятся концы с концами.

Тут он бросил на Таню испытующий взгляд; та слушала очень внимательно, чуть подавшись вперед — как дети слушают страшную сказку.

— Ну, откуда взялись «чернила-маятник» на основе хлорида кобальта у Грозного-«Августа» и Джуниора — понятно: от самогО Ди. Но откуда эта технология стала известна годуновской Особой контрразведке? Ведь даже имея в руках ту склянку, изъятую у Серебряного, и письма Грозного Курбскому, сложить одно с другим не так-то просто без знания, *как оно работает*.

— Хм… Ты думаешь, Ди работал и на Москву тоже?

— Да нет, зачем? Полагаю, Джуниор там отлично справился сам…

— Начразведки Грозного работал на Москву??

— Нет, совсем наоборот. Ведь зачем в «Шпионе пришедшем с холода» британская СИС затеяла ту хитроумную провокацию, в мирное-премирное время отправив на верную смерть собственного ветерана с влюбленной в него английской библиотекаршей, *разыгранных втемную*? Вовсе не за тем, чтобы подвести крупного чина вражеской секретной службы под его собственный Особый трибунал! Это было не целью, а средством. Средством отвести подозрения от реального английского *крота* в руководстве той спецслужбы…

— Так ты думаешь… что Грозный с Джуниором выставили Курбского шпионом затем лишь, чтоб прикрыть настоящего своего агента в высшем руководстве Московии?!

— Браво! — кивнул Роджер, отсалютовав Тане бокалом «Шассань-Монтраше» по 550 фунтов за бутылку. — И полагаю, ты даже догадываешься — кто был тем агентом. Но тут, конечно, никто никогда ничего уже не докажет…

— Что ж, — ободряюще улыбнулась она в ответ, — раз уж всё равно ничего доказать нельзя — напиши тогда вместо научной статьи киносценарий! С пометкой «Основано на реальных событиях», как сейчас принято.

— Черт, а ведь это мысль! Ну, прозит!

Конец Первой части

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Ария Варяжского гостя

И вот пришли три брата,
Варяги средних лет,
Глядят — земля богата,
Порядка ж вовсе нет.

«Ну, — думают, — команда!
Здесь ногу сломит черт,
Es ist ja eine Schande,
Wir müssen wieder fort»[8].

Но братец старший Рюрик
«Постой, — сказал другим, —
Fortgeh'n wär' ungebürlich,
Vielleicht ist's nicht so schlimm[9].

Хоть вшивая команда,
Почти одна лишь шваль;
Wir bringen's schon zustande,
Versuchen wir einmal»[10].

А. К. Толстой

«История государства Российского от Гостомысла до Тимашева»

Иван Васильевич <…> часто гордился, что предки его не русские, как бы гнушаясь своим происхождением от русской крови. Это видно из слов его, сказанных одному англичанину, именно — золотых дел мастеру. Отдавая слитки, для приготовления посуды, царь велел ему хорошенько следить за весом. «Русские мои все воры», — сказал он. Мастер, слыша это, взглянул на царя и улыбнулся. Тогда царь, человек весьма проницательного ума, приказал объявить ему, чего он смеется. «Если ваше величество простит меня, — отвечал золотых дел мастер, — то я вам объясню. Ваше

величество изволили сказать, что русские все воры, а между тем забыли, что вы сами русский». — «Я так и думал, — отвечал царь, — но ты ошибся: я не русский, предки мои германцы».

Джильс Флетчер «Of the Russe Common Wealth — О государстве русском», Лондон, 1591.

Говорят, что варяги тоже были славяне:
уходили в запои, залезали в долги;
выражались коряво, да такими словами,
что тряслись-прогибались в теремах потолки.
Ну а мы-то не знали, кто такие варяги.
Мы-то думали: немцы, культурный народ.
Вмиг отучат от браги, уничтожат коряги
и засыплют овраги у широких ворот.

Евгений Лукин

ДОКУМЕНТЫ — III

Азия-с! Дикие нравы…

Не крестись, если в доме не видишь иконы,
о величии собственном лучше не лги:
кто в Москве побывал, тот запомнил законы
подступившей к границам Европы тайги.
Лбом о стену стучать — небольшое геройство.
Катастрофа ли это? Нет, просто беда —
тут страна не страна, а сплошное расстройство,
и поэтому лучше не ездить сюда.

Евгений Витковский,

«Джером Горсей. 1584»

Итак, сеньор, я должен вам сказать,
Что дон Жуан говаривал не раз:
«Святые братья глупы. Человек
Молиться волен как ему угодно.
Не влезешь силой в совесть никому
И никого не вгонишь в рай дубиной».

Он говорил, что мавры и мориски
Народ полезный был и работящий;
Что их не следовало гнать, ни жечь;
Что коль они исправно платят подать,
То этого довольно королю;
Что явный мусульманин иль еретик
Не столько вреден, сколь сокрытый враг;
Что если бы сравняли всех правами,
То не было б ни от кого вражды.

А. К. Толстой

«Дон Жуан»

Из книги Джерома Горсея «Новгородцы и московиты, их привычки и непривычки» (перевод Н. Дойч) — Петропавловск-Невский, Academica, 1964.

[34]

…Захватив Ливонию, царь Иван понял, что не сможет ее удержать без сильных союзников. Не имея таковых поблизости, он обратился к старинному врагу московитов, Новгороду, моля его о союзе и дружбе. И хотя новгородские знатные люди (peers) не доверяли московитам ни в чем, царь, благодаря своему коварству и изворотливости, сумел обратить их если и не в друзей, то хотя бы в надежных союзников. Ради этого он соглашался на любые их требования, в том числе унизительные и неподобающие царскому достоинству. Многие, знавшие царя Ивана ранее, были удивлены такой его покладистостью. Впоследствии, однако же, стало ясно, что это был хитрый план, каковой увенчался известным успехом. […]

Одним из хитроумных деяний царя было заведение выборных учреждений или комиций, коими подданные Ивана похваляются как знаком вольности и кичатся ими перед московитами. Московиты же на это обычно ответствуют, что все эти учреждения — ересь и нечестие. Впрочем, московиты почитают ересью всё, что не согласно с их дикими нравами. Однако же и учреждения новгородские — не совсем то, чем кажутся на первый взгляд. […]

Что касается комиций, то они устроены по смешанной римско-новгородской системе. В основании всего лежат трибы или концы, восходящие к новгородским Пяти концам (Kontzy). То

же устроено и в других городах. Есть также трибы посадские и уездные, устроение их сходно с городскими. От каждой трибы избирается трибун, именуемый также гласным. Они составляют трибутные комиции, кои считаются органами народоправства. На самом же деле царь Иван использует их как еще одно орудие своей власти, искусно направляя их неудовольствие на людей знатных и благородных (nobilitie). При этом царь же и пресекает чрезмерные домогательства черни, защищая тем самым благородных. В итоге среди новгородцев господствует мнение, что они живут свободно и по своей воле, но без царя всё погибнет. Надо думать, царь Иван того и добивался. […]

Что касается выборности должностных лиц, об этом мы скажем следующее. В царстве Ивана право избирать принадлежит отнюдь не всем, а только людям, которых почитают достойными (vyatshiye). К таковым относят прежде всего людей состоятельных, что измеряется в известной сумме подушного налога. Кроме того, необходимо иметь свое домовладение. Необходимо также проживать на земле царя не менее десяти лет, не совершив позорных деяний. Того же ожидают и от тех, кто желает быть избранным. Эти требования можно счесть разумными.

Есть и довольно удивительные вольности. Так, в царских законах не указано, какой веры должен придерживаться избиратель, если только он не магометанин. Зато такие права имеют иудеи, весьма обжившиеся в Риге и совершенно заполонившие Московский фортштадт. Царь им покровительствует — разумеется, весьма небескорыстно. […]

Самая же смешная и нелепая черта их выборной системы состоит в том, что право избирать принадлежит также и женщинам, при условии соблюдения прочих требований.

Этот курьезный обычай имеет следующую историю.

Когда писались законы о выборах, их оформление было поручено ливонским юристам. Будучи людьми цивилизованными, они и вообразить себе не могли, что столь очевидное условие — голосуют лишь отцы семейств — нуждается в каких-то специальных оговорках, ибо разделение прав и обязанностей полов следует из самого естества человеческого. Поэтому оно и не получило законодательного закрепления, будучи принимаемым по умолчанию (by default).

В то же время законы имущественные писались в основном новгородцами. Те же исходили из древних своих обычаев, согласно которым женщине после смерти мужа полагается вдовья доля, именуемая «опричное» (oprichnoie), которая иногда бывала достаточной, чтобы самостоятельно вести торговые дела.

Одна такая женщина, матера вдова (matera vdova) по имени Мамелфа Тимофеевна, законная наследница лесопромышленника Силы Митрича Слабых, проживала в Новгороде, в Плотницком конце. Была она особою в высшей степени властной и притом вздорного нрава. Негоции свои она вела весьма успешно, однако страдала пристрастием к ведению судебных тяжб, что в нашем отечестве именуется сутяжничеством или кверулянтством. Эта пагубная страсть могла бы ее совершенно разорить, будь она англичанкой. Однако простодушные русские судьи весьма часто склонялись на ее сторону, ибо вдова знала грамоту и много смыслила в законах.

В день, назначенный для выборов трибунов, означенная вдова явилась на избирательный участок и потребовала учитывать ее голос наравне с голосующими отцами семейств, ибо она, по ее же собственным словам, «содержит государство своими налогами наравне с мужами». Сия вздорная претензия, разумеется, вызвала негодование; как выразился тогда один из защитников старины: «Никогда такого не было, и вот опять!» Выяснилось, однако, что у тех защитников старины нет юридических оснований для отказа, ибо в царстве Ивана принято считать разрешенным всё, что не запрещено.

Самое же смешное состояло в том, что никакой личной заинтересованности в избрании или неизбрании того конкретного трибуна у Мамелфы Тимофеевны не было, и действовала она, как выразились бы в нашем отечестве, из спортивного интереса (just for sport). Чего она вовсе и не скрывала, а даже похвалялась этим, говоря, что желает только законности. Посему она потребовала разрешения дела в суде, на каковом держалась гордо и упрямо, зачитывая целыми параграфами «Закон о выборах», заученный ею едва ли не наизусть. Особенно известным стало ее требование показать, где в *закрытом списке* цензово-необходимых владений указаны яйца (balls). Когда же ее просили уняться и вести себя как подобает женщине, она принималась апеллировать уже к Священному писанию, цитируя притчу о вдове и судии неправедном.

Мировой суд не нашел лучшего решения, как отослать дело в высшую инстанцию, то есть в Сенат. Но и Сенат не пришел ни к какому определенному решению. Вдова Мамелфа же торжествовала, ибо ей удалось выставить в неудобоназывамом положении законодателей и через это стяжать себе немалую славу, хотя и не вполне добрую.

Последнее слово, как и обычно в ситуациях такого рода, осталось за царем Иваном. Царь же славится приверженностью римскому принципу «*dura lex, sed lex*» и не терпит небрежности в

делах государственных. Посему он решил проучить злополучных сенаторов и принял сторону вдовы, признав справедливыми ее притязания. Сторонникам же старых обычаев он посоветовал впредь тщательнее вникать в формулировки законов, за которые они голосуют. Сие послужило им уроком: с тех самых пор текст законов стали проверять даже излишне тщательно, прописывая малейшие подробности.

Некоторые недоброжелатели царя утверждают, будто вдова Мамелфа действовала по наущению царицы, Констанции Шведской. Известно, что царица, одаренная Богом многими достоинствами, привержена абсурдной и смехотворной идее «женского равноправия». Царь же, дескать, не решился перечить обожаемой им супруге. Мы, однако, находим это в высшей степени сомнительным. Хотя отношения царя с царицей и в самом деле отличаются редкой для династических браков сердечностью, Иван вовсе не из тех людей, что пойдут на поводу у кого бы то ни было.

[42]

…Многие осведомленные лица, обсуждая хорошие и дурные черты характера царя Ивана, отмечают поразительное его безразличие к условностям любого рода. Некоторые называют это «толерантностью», некоторые — «прагматизмом», а иные и вовсе — «моральным релятивизмом» или даже «имморализмом».

Характерный диалог произошел однажды в Иван-городе между Иваном и Александром Смоллеттом, английским адмиралом на русской службе. Прямодушный моряк пользовался расположением царя и имел от того своеобразную индульгенцию на высказывание нелицеприятных суждений (rezat pravdu-matku), а, может статься, был даже царем тайно к тому поощряем. Речь зашла о вексиллуме (персональном штандарте) Ивана Грозного, впервые появившемся тогда во флоте; он изображает двуглавого орла, несущего в когтях соразмерный ему колокол, в окружении римских букв S.R.P.R.:

— Ваше Величество, не находите ли вы, что ваша символика какая-то нерусская? И к тому же несколько, э-э-э… республиканская?

— Так у нас и есть республика.

— Я в плохом смысле, Ваше Величество. Ведь колокол, если я правильно понимаю — символ того, старопрежнего, Веча: тирания заполошной толпы, манипулируемой демагогами…

— Любая символика может быть истолкована так, как угодно

ее толкователю *в меру его испорченности*. Я бы, например, обратил ваше внимание на то, что колокол сей несет в когтях державный орел — и тот, конечно, не позволит трезвонить в набат по своекорыстным пустякам. А у орла у того, в свой черед, *коготки заняты* так, что до языка колокола ему никак не дотянуться — к чему его порою очень подмывает, когда *всю систему* начинает *штормить*. Поэтому для нас двуединая конструкция сия — символ священного и неотъемлемого права «*velis sentire et quae sentias dicere licet* — думать, что хочешь, и говорить, что думаешь». Вы, вероятно, обратили внимание: в нашем государстве никого не мучают и не казнят за рассуждения о божественных предметах.

— А о земных?

— В пределах разумного — отчего нет?

— А кто определяет пределы разумного?

— Очевидно, разум. В лице лучших мужей державы нашей.

— Кстати, а как ваши русские подданные относятся к тому, что на вашем гербе и знамени — непонятные нерусские буквы?

— Так же, как и все подданные просвещённых стран, у которых на гербах латинские девизы. Все они, полагаю, думают: слава Богу, что мы не англичане, у которых в гербе надпись на языке их исконных врагов, французов.

— Но у нас это сложилось исторически!

— У нас тем более. Мы — третий Рим, это наш родной язык и наша родная символика. А на гербе у нас — сокращение от слов *Sacrum Res Publica Rutheni*, как наше государство и именуется на языке квиритов.

— А на русском?

— А русские обычно полагают, что *Sacrum Res* — это Святая Русь. Ну а P.R. — это «прочие разные», добавлено из вежливости. Или, как это принято называть у вас, для public relations.

— Но ведь это неправда!

— Ну почему же. В конце концов, что значит имя? Роза пахнет розой, хоть розой назови ее, хоть нет. В данном случае Святая Русь и *Sacrum Res* — два имени, указывающие на один и тот же объект. Значит, они и означают одно и то же, не так ли? Впрочем, это вопрос философский, а наша символика решает вопросы практические. У любого заведения есть вывеска. Вот это — наша вывеска. Она отличается от римского вексиллума, под коим та держава шла от победы к победе, тем лишь, что буквы немного другие, а у орла наличествует запасная голова. Кроме того, она выглядит роскошно, благородно, пышно и красочно. Чего еще требовать от вывески?

— Ну а если в просвещенном мире восторжествует

монархическое начало, и называться республикой станет неприлично?

— Значит, наше государство будет называться… ну, например — *Sacrum Rerum Populi Rutheni*. Но вывеску — у вас это, кажется, называют «раскрученный бренд»? — менять мы будем в самую последнюю очередь.

Потрясенный подобным цинизмом, наш моряк (которому, напомню, сознательно дозволялись царем многие вольности) не сдержался:

— Не вели казнить, Государь, — нарочито воспроизвел он русскую форму обращения к монарху, — но двинувшись по подобной дорожке, можно дойти и до прямого уже *макиавельянства*!

На что Иван лишь ухмыльнулся знаменитой своей ухмылкой, присовокупив любимое свое насмешливое присловье:

— Макиавельянство? *Вы так говорите, будто это что-то плохое*!

ДОКУМЕНТЫ — IV

Дорогой воздушно-морской масштаб, агентура в консульствах всей Земли

Статья норвежского филолога-слависта Коре Сельнеса «Древнерусское право и скандинавские законы» [*«Historisk tidskrift»*. Oslo. 1963, N 1, s. 113–127] не может не привлечь внимания советского читателя. В современной реакционной буржуазной историографии, особенно в скандинавской, широко распространена так называемая «норманская» теория, согласно которой скандинавы-варяги сыграли решающую роль в образовании древнерусского государства. В «обоснование» этой теории приводится, в частности, тот аргумент, что первый письменный памятник древнерусского права — Русская Правда — был создан якобы под прямым влиянием староскандинавского права.

Ковалевский С. Д. «Еще один удар по сторонникам норманской теории». // Вопросы истории, 1964, N 1.

Из книги «Неслышная война: Тайная дипломатия и

политическая разведка Ивана Грозного в борьбе за Ливонию. Сборник документов», 1989, Изд-во Юрьевского университета.

[Документ 17]

Госсекретарю Ивану М. Висковатому
Срочно
Совершенно секретно, Особой важности.

Довожу до Вашего сведенья, что нашими резидентурами в Кёнигсберге, Данциге и Любеке получены совпадающие в основных деталях и весьма тревожные данные о враждебных приготовлениях немцев перед грядущей встречей Великой Седмицы варяжских государств на Рюгене. Озабоченные стремительно растущим влиянием Новгорода на дела Ганзейского союза, несколько немецких городов Ганзы решили присоединится к эмбарго, введенному против нас императором Священной Римской империи Фердинандом I, и договорились о солидарной позиции по «дипломатическому вытеснению русских с Балтики».

Среди планируемых ими мер:

<…>

4). Специальные усилия будут направлены на подрыв легитимности самого Русского государства. Немецкими властями перекуплен ряд историков и памфлетистов, которые готовят сочинения, отрицающие норманнскую теорию и доказывающие, будто бы Рюрик не был варягом, а происходил из «расово неполноценных» полабских славян. Готовится к тиражированию и широкому распространению известная фальшивка, т. н. «Иоакимовская летопись», которая приписывает Рюрику низкое происхождение по женской линии. Всё это имеет целью ослабить позиции России на предстоящей Рюгенской встрече.

Начразведки Федор А. Басманов
Иван-Город, 2 сентября 1562

[Документ 18]

Начразведки Федору А. Басманову,
В собственные руки, срочно, с курьером
Совершенно секретно, Особой важности

Докладываю:

Сегодня на контакт со мною вышел по собственной инициативе Фома Филипс — доверенный сотрудник английского начразведки сэра Франциска Вальсингама. По его словам, англичане вполне осведомлены по собственным каналам о резком обострении отношений Новгорода с немецкими городами Ганзы. Ввиду почти неизбежно грядущего эмбарго Ее Величество дала наконец устное разрешение на экспорт в Новгородскую Русь критически необходимых нам и непроизводимых пока у нас высокотехнологичных изделий и сырья военного назначения (современное легкое стрелковое вооружение, тонкозернистый порох, олово, оружейная сталь). Поставки эти, несомненно, вызовут яростное противодействие не только упомянутых Ганзейских городов, но и, прежде всего, императора Фердинанда I (не говоря уж о Польше с Литвой) — что чревато для Англии крупными дипломатическими скандалами. По этой причине Ее Величество категорически требует, чтобы поставки те шли по линии якобы частных торговых компаний, от деятельности которых английское правительство в любой момент могло бы откреститься в режиме «The cat did it! — Я не я, и лошадь не моя»; кроме того, они должны идти «под всеобъемлющем контролем секретных служб обеих сторон», причем «минуя официальные торгово-дипломатические контакты» (цитаты). Конечным пунктом этих поставок на нашей территории предполагается один из второстепенных балтийских портов — Нарва/Ивангород или строящийся Петропавловск-Невский, — где легче наладить контрразведывательное обеспечение. Технические детали транзита англичане предлагают проработать «совместно и срочно» (цитата).

Запрашиваю:

Полномочия вести означенные переговоры с английскими *коллегами*, не извещая о том Посла, дабы не ставить того в ложное положение (по параграфу 7 устава Службы).

Nota Bene — Слово и дело Государево!

Мой анализ цен на Лондонской бирже, ставок страховых компаний, *etc* привел меня к выводу, что никакого реального прибытка негоция сия английской казне не сулит, ибо возможные издержки ее несообразно высоки. Пенька для Королевского флота, которую они хотят получать от нас взамен — товар безусловно стратегический, но его поставки не настолько уж критичны для английского кораблестроения, чтоб оправдать такие риски. *Ergo* — это не *экономическое*, а *политическое* решение, принятое на высшем уровне. Судя по всему, англичане — по собственным резонам — рассматривают нас ныне как своих возможных союзников в Балтийском регионе.

Я уверен в этом выводе, отвечаю за него головой и требую безотлагательно довести его до руководства русской делегации на предстоящей Рюгенской встрече Седмицы (по параграфу 2 устава Службы).

Резидент Алексей М. Воротынский
Лондон, 6 сентября 1563

ДОКУМЕНТЫ — V

Мартини без водки — деньги на ветер

К нам на утренний рассол
прибыл аглицкий посол

Леонид Филатов

Каталог аукциона Сотби (2024):

Лот 237: «Застольные беседы Новгородского Великого герцога Ивана Ужасного с отставным Коммандером Королевского флота Джеймсом Эдвардом Бондом на давешней Встрече Большой Семерки [традиционное ежегодное совещание глав Норманнских государств на острове Рюген], изложенные им самим», издание «Вольной типографии Ричарда Филда» (Лондон, 1563), с собственноручными пометками главы елизаветинской секретной службы, «Великого Spy-Master'a» сэра Фрэнсиса Уолсингема.

Обоснование: Аутентичность резолюции Уолсингема на титульном листе брошюры: *«Засуньте эту книжонку в глотку этому болтуну Бонду — когда тот вернется с задания! Тираж изъять и уничтожить: кто у нас вообще додумался до такого вывернутого наизнанку прикрытия?!»*, а также его пометок на полях подтверждена ведущими мировыми специалистами:

(1) Доктором Алексом Аль-Тараби (Кембриджский университет)

(2) Доктором Натальей Н. Некрасовой (Петропавловск-Невский университет)

(3) Доктором Тосиюки Исикавой (Калифорнийский университет)

Стартовая цена: ё 15 000.

(Приобретена за ё 190 000 основателем горнорудной компании «Таймырский никель» Прохором М. Куренцовым и передана в дар Государственной русской библиотеке, Иван-

Город).

1

Первое, что мне хотелось бы заметить, приступая к своему повествованию: ужасного в Иване Ужасном оказалось ничуть не более, чем, скажем, в добрых моих знакомцах Роберте Сесиле и Уолтере Рэли — которым тоже ведь по долгу службы кровь приходилось лить не стаканами, а ведрами. Персоны эти, хорошо знакомые моим соотечественникам, помянуты мною здесь именно как своеобразные эталоны *разбойничьего шарма* — с которым у владыки Новгородской Руси дело обстоит ничуть не хуже. Впрочем, по порядку.

2

Я высадился на Рюгене, в порту Занитц, в канун Дня Всех Святых; мне надлежало подыскать здесь судно для продолжения путешествия на Восток, для обследования тамошних портов в плане торговых задач новоучрежденной «Восточно-Балтийской компании». Задача эта оказалась не столь уж простой: на Рюген как раз в это время съехались на свою традиционную ежегодную встречу «норманнские конунги» — главы государств Большой Семерки, именуемой обычно в наших газетах G7, а у русских — Великой Седмицей (Sedmitsa), так что корабельщики в ожидании разъезда делегаций и сопутствующих тем торговых миссий вздули цены до совершеннейшего неприличия. Дабы не тратить попусту деньги Компании, я решил провести несколько дней в Занитце в вынужденном безделье, ожидая неизбежного и скорого падения ажиотажного спроса на перевозки. *[Пометка Ф. Уолсингема на полях: «Хорошо излагает, собака! Учитесь, Алекс».]*

Местом своей дислокации я избрал едва ли не первый же попавшийся мне на глаза трактир, «Хольгер Данске» (судя по картинке на вывеске — это кто-то из тех парней, что наезжали к нам на Остров за «датской данью»). Выбор сей оказался весьма удачен: хозяйка — очаровательная вдова-француженка (знойная женщина, мечта поэта!..), а выбор напитков в ее баре — от шотландского виски и русской водки до сухого хереса и сицилийского вина — был вполне столичный; как, впрочем, и цены.

Последнее обстоятельство меня, однако, не слишком

смущало. За следующие три дня я в полной мере оценил преимущества нынешнего своего положения скромного служащего «Восточно-Балтийской компании» перед прежним — старшего офицера Королевского флота: как по свободе обращения со своим временем, так и по пресловутой «отчеканенной свободе», позвякивающей в карманах. Между прочим — *я три года в отпуске не был, дай я выскажусь в этой связи!*

Засим я принялся за методичное изучение местных очагов культуры, обзаводясь везде полезными знакомствами. Должен сразу отметить, что Квартал красных фонарей, выдержанный в сугубо немецком стиле, *не возбуждает* совершенно — но зато ассортимент питейных заведений (это, как правило, фундаментальные двухэтажные кабаки с Biergarten'ами) неизменно воскрешает в памяти пещеру Алладина *[Пометка Ф. Уолсингема на полях: «Вот это правильно и тонко: откуда простецкому парню с квартердека разбираться во всех этих сказочных тюрбанниках?»]*. Впрочем, мне удалось внести и собственную ноту в эту симфонию!

Почти напротив моего прибежища располагалось заведение, которым владел некий пройдошистый макаронник по фамилии Мартини. Раньше он был туринским аптекарем и здесь тоже продавал не только добрый английский джин, но и разнообразные лекарства. Особенно он восхвалял настойку на полыни и каких-то травах, якобы излечивающую желудочные хвори. Поскольку мой желудок подавал мне уже знаки неудовольствия, я решил попробовать. Оказалось, что она недурна на вкус, но чего-то в ней не хватало… Тогда я велел влить в нее джина, а потом, повинуясь внезапному наитию, добавил туда еще русской водки и перемешал всё это в одном стакане. Лекарство и впрямь оказалось целительным: я почувствовал себя как нельзя лучше. Более того, меня охватило вдохновение и я громко призвал джентльменов за стойкой последовать моему примеру. Мое изобретение имело успех: думаю, в тот вечер все запасы итальянского лекарства были истощены воодушевившимся посетителями. *[Пометка Ф. Уолсингема на полях: «Алекс, запишите рецепт, на всякий случай».]*

В общем веселии приняла участие и довольно странная троица, датчане. Двое были типичные школяры-*бурши*, чуть что хватающиеся за рапиру; по их словам, направлялись они в Англию, но, как и я, застряли на Рюгене. Третий был молодой человек печального образа; этот почти не пил, и вообще, как мне показалось, тяготился обществом своих шумных и бесцеремонных спутников. На мое представление: «Бонд, Джеймс Бонд,

коммандер Королевского флота, в отставке» он буркнул: «Принц Датский» и разговора не поддержал; я решил было, что тот ищет драки, но оказалось — нет, и вправду принц… Бурши меж тем (эти представились мне Розенкранцем и Гильденстерном), пошептавшись между собою, поинтересовались: не могли ли мы встречаться в Падуе, в тамошнем университете, когда они там обучались? Я заверил их, что они ошибаются: с чего бы английскому военному моряку оказаться в папистской Италии, в тамошних университетах? *[Пометка Ф. Уолсингема на полях: «Действительно, с чего бы? Алекс, когда эти молодчики, Розенкранц с Гильденстерном (впрочем, это наверняка оперативные псевдонимы), доберутся до Англии… Позаботьтесь о них».]*

3

Приключения мои начались на четвертый день того вынужденного безделья. Один Бог ведает, какими судьбами и с каких пьяных глаз меня занесло на западную окраину Занитца, и чем именно меня привлекло то питейное заведение с трезубцем на вывеске… *[Пометка Ф. Уолсингема на полях: «Ну вот это-то — зачем?! Да, явка сгорела дотла и насовсем, но…»]*

Обстановка в заведении мне не понравилось сразу. Посетителей было всего четверо: портовые оборванцы, мрачно резавшиеся в кости за угловым столом. Было заметно, что результат игры их не больно-то занимает (они не сопровождали выпадающие комбинации обычными при таком занятии проклятьями и божбой), а их кружки с пивом так и стояли на столе почти что неотхлебнутыми. По совести говоря, мне следовало бы тут же развернуться и уйти *[Пометка Ф. Уолсингема на полях: «Вот именно!!»],* но дурацкий кураж велел остаться: «*Если я чего решил — выпью обязательно!*»

Да и вообще показывать спину в такой ситуации не слишком разумно, так что я громогласно потребовал у кабатчика «нацедить мне стаканчик чего-нибудь английского или на худой конец шотландского». При этих словах один из игроков — детина на пол-головы выше меня и мало что не вдвое шире в плечах — отделился от компании и вразвалочку двинулся ко мне *[Пометка Ф. Уолсингема на полях: «То есть пароль был им уже известен… Так-так…»]* Добравшись до стойки, он предложил — по-английски, но с неистребимым немецким акцентом — выпить за «разрядку международной напряженности», ну а для почину — «за здоровье Испанского короля».

«Если драки не избежать — бей первым», это азбука. Так что я

с задушевной улыбкой заверил собеседника, что выпить за здоровье Его католического величества с немецким джентльменом было моей всегдашней мечтой, и спросил — находит ли тот приличествующим случаю *напиток благородный древний* из во-оон той бутылки со второй полки, что с оранжевой этикеткой? Дурак и вправду устремил взор в направлении, заданном моим указующим перстом — и, конечно же, проспал мой дробящий тычок мыском матросского башмака в костяшку голени; этикетку бутылки, позаимствованной мною со стойки и разлетевшейся вдребезги об голову дурака, я, признаться, разглядеть не успел…

Вот теперь, убедившись на деле в наихудших своих подозрениях о качестве здешнего обслуживания, можно уже было и отчаливать. Увы мне! — по лестнице, ведущей на второй этаж, тут же *ссыпались* сверху еще трое, ничем не выдававшие до сих пор своего присутствия, и отрЕзали мне путь к дверям. Я рванулся было на прорыв, сжимая в кулаке удачно возникшую «розочку»; *это была тяжелая работа, совсем как в Маниле, но там нас было двое*… Через пару-тройку мгновений стало ясно — в одиночку тут не прорваться; вывести же из строя мне удалось лишь одного, да и того, похоже, не насовсем. Позади стойки, правда, угадывалась еще одна дверца (ведущая, надо полагать, к черному выходу на зады), однако кабатчик всё это время продолжал протирать стаканы с видом, ясно говорившим: «Даже и не думай!»

Я обнажил абордажный тесак — мой, так сказать, *Ultima ratio regum*… — и вспрыгнул на стол, попытавшись «разыграть вертикаль» — в чем, однако, не преуспел: противники мои никуда уже теперь не спешили и, не подставляясь более, методично реализовывали свое численное преимущество позиционной игрой. Вооружены все они были дубинками и кастетами (то есть задачей их было брать меня живым), однако в наличии у них и серьезного оружия сомневаться как-то не приходилось. А когда у дальней стены замаячила загодя приготовленная рыболовная сеть, я с грустью подумал, что службе моей, похоже, суждено оборваться на илистом дне здешних доков…

И тут входная дверь, которую те заложили второпях лишь на какую-то несерьезную защелку, распахнулась настежь от могучего пинка, и в кабак ввалились два молодца, почти одинаковых с лица, в отороченных мехом русских шапках-murmolka. Последовала секундная немая сцена.

«Это чо за дела? — грозно осведомился на неплохом немецком правый, в мурмолке синего бархата. — Мы *гуляем*, у нас душа горит выпить, а они, вишь, ветошью прикинулись и

лавочку свою затворили! Или вы, может, русскими рублями брезгуете, м-м?» Левый же, в мурмолке красного бархата, радостно завопил: «Глянь, Фрол, да у них тут драка!! Да еще и — пятеро на одного! Й-эх, раззудись плечо, размахнись рука!..»

Следующие несколько минут были поистине восхитительны. Мы как раз управились с укладкой в штабель всей пятерки, когда снаружи заверещали полицейские свистки. «Так, уходим резко!» — скомандовал Фрол-в-синей-мурмолке (он, похоже, был у них в *двойке* за старшего) и, оглядевшись, двинулся прямиком к задней дверце. Хозяин сунул было руку под стойку, но встретившись взглядом с не-Фролом-в-красной-мурмолке, тут же отдернул ее обратно и угрюмо посторонился, пропуская нас в коридорчик. Замыкавший наше шествие не-Фрол обернулся напоследок и задушевно посоветовал: «*Не говори никому: не надо*»; не знаю, как кабатчик, но я бы к рекомендации, выданной таким тоном, прислушался со всем вниманием…

Коридорчик, как и ожидалось, вывел нас на зады, в грязный проулок. На задах смеркалось и моросило.

— Ты чьих будешь? — поинтересовался Фрол.

— Бонд, Джеймс Бонд, — представился я. — Восточно-Балтийская компания, Лондон.

— Фрол Фомич, — рукопожатие его было твердым, а английский — безупречным. — По странному совпадению — Западно-Балтийская компания, Иван-город. *[Пометка Ф. Уолсингема на полях: «Кто бы это мог быть, с „безупречным английским“? Люди Воротынского-то вроде все на месте… Проверить!»]*

— Тит Кузьмич, — продолжил церемонию знакомства обладатель красной мурмолки. Его рукопожатие закончилось резким рывком, едва не свалившим меня с ног.

— Благодарю вас, сэр: отныне я ваш должник, — вымолвил я секундой погодя, разглядев арбалетную стрелу, что влепилась в забор аккурат против того места, где только что была моя голова.

— Да, похоже тебе тут сильно не рады, Джеймс… Знаешь, для пущей твоей сохранности — давай-ка с нами.

— С вами — это куда?

— В Русский сектор Арконы.

4

Счастливо подвернувшийся нам пароконный экипаж (его единственный пассажир, голландский посланник, был поставлен перед очень простым выбором: либо он чуток потеснится и

возьмет троих попутчиков до Арконы, либо сам будет ждать — на обочине этого проселка, под моросящим дождем — какого-нибудь еще транспортного средства; впрочем, посланник оказался неплохим парнем, а штоф польской Zubrowka, обнаружившийся в кармане Тита Кузьмича, скрасил наше совместное путешествие настолько, что расстались мы друзьями) доставил нас на полуостров Виттов. Миновав длинную песчаную косу, мы узрели перед собой в сгустившихся сумерках расцвеченную разноцветными огоньками громаду пресловутого Дворца Наций (смахивавшую издали на светящийся пень-гнилушку).

История этого курьезного сооружения (как изложил ее мне Фрол Фомич) такова. После долгих препирательств норманнские лидеры избрали местом ежегодных встреч своей Большой Семерки Рюген. Этот балтийский остров на протяжении своей истории постоянно переходил из рук в руки: им владели попеременно славяне, даны, немцы, опять даны, опять немцы, шведы — *все промелькнули перед нами, все побывали тут*. Ныне, после распада Кальмарской унии, он отошел к Швеции — что, как водится, горячо оспаривается Данией. Поэтому государь шведский, ведущий весьма искусную политику, сам предложил передать северную оконечность острова, а именно полуострова Ясмунд и Виттов, в общее владение, взамен попросив кое-какие уступки по торговой части. Однако он обставил свой дар некоторыми условиями, а именно: не посягать на земельные владения, строения и замки, уже возведенные на острове. В связи с этим ограничением норманнские государи сошлись на том, чтоб избрать местом своих встреч древнюю крепость Аркона, возведенную некогда славянскими язычниками и разрушенную затем немецкими крестоносцами. Эти зловещие руины решено было превратить в символ дружбы и сотрудничества.

Отстраивать Аркону пригласили лучших архитекторов из стран Семерки, от которых ожидали, что они совместно сотворят нечто, превосходящее чудеса древности. Увы, на первом же совместном рабочем совещании новгородский архитектор маэстро Барберини и шведский архитектор маэстро Бернини разошлись во мнениях относительно одного места у Витрувия; Барберини возобладал, удачно проткнув оппонента шпагой, но успел получить от того ранение кинжалом, оказавшееся смертельным. Царь Иван, оглядев результаты искусствоведческого диспута, задумчиво произнес: «Эдак с вами никаких архитекторов не напасешься…» Поскольку подобных прискорбных инцидентов можно было ожидать и впредь (творческие личности — они ведь чисто дети!..), он предложил, по своему обыкновению, остроумный компромисс:

отреставрировать доставшийся каждому — по жребию! — сектор согласно собственному вкусу.

В итоге крепость, над коей ныне победно реет кобальтово-синий штандарт с семизвездным серебряным ковшом Большой Медведицы, обратилась в ни на что не похожий архитектурный ансамбль: скандинавская готика перемешана в нем с русским белокаменным стилем и немецким фахверком. Этот апофеоз эклектики поистине очарователен в своем наивном бесстыдстве, а претенциозность официального титулования его — «Дворец Объединенных Наций» — тонко уравновешивается принятым среди его обитателей прозвищем «Вавилон Пять».

Признаться, я ожидал от Русского сектора Арконы восточной пышности в каком-нибудь персиянско-индийском духе. Воображению моему рисовались сумрачные лабиринты с бесконечными коврами, пропахшие благовонными курениями и неизбежными испарениями немытых тел; я даже мельком пожалел об отсутствии у меня флакона с нюхательными солями, чтобы иметь защиту от тяжелого духа.

Все эти ожидания были обмануты — и в лучшую сторону. Помещения Русского сектора — это, как правило, просторные сводчатые залы с белёными стенами, единственное украшение которых составляют иконы в красном углу. По уверениям Фрола Фомича, царь терпеть не может «всю эту позолоченную византийщину». Впрочем, по его же словам, царские палаты в Иван-городе, назначенном «временной столицей» его державы, обставлены в сугубо традиционном стиле и с приличествующей царям пышностью. *[Пометка Ф. Уолсингема на полях: «Совершенно очевидно же, что ту „византийскую пышность“ сохраняют, чтобы слуги и челядь не смущались новизной, а главное — не думали, что их повелитель беден: от таких мыслей заводится измена».]*

Окна палат необычно велики — почти в полтора человеческих роста, а в решетчатые рамы вставлены куски слюды-*мусковита* весьма значительного размера. Некоторые иностранцы усматривают в том «изящное подчеркивание Иваном своих притязаний на Московский престол». Я же решил, что он просто-напросто любит солнечный свет. В общем-то я оказался прав, с учетом обстоятельств.

Обстановка в палатах европейская, с вызывающе простой шведской мебелью из светлого дерева. Только лишь в пиршественном зале стоят массивные, почерневшие от времени столы и скамьи. Я пытался узнать причину такой локальной любви к старине, русские на то говорили: *«Во избежание»*. Смысл этих слов оставался для меня туманным, пока Тит Кузьмич не

поведал мне о побоище, учинившемся невдолге после открытия Дворца Наций в Датском его секторе: шведская и датская делегации, удачно порешав перед тем серьезные вопросы, спустились в обеденный зал спрыснуть заключенное соглашение. О чем именно тогда заспорили, под стакан, горячие скандинавские парни — то ли о событиях Датско-шведской войны 1275–1278 годов, то ли вообще о разных трактовках аллегорий в «Старшей Эдде» — не может точно припомнить никто из участников. Ношение оружия во Дворце — хвала Всевышнему! — запрещено всем, кроме царствующих особ, однако в распоряжении полемистов оставались еще стулья, лавки и столовые приборы — так даже и этого хватило, чтоб кое-кто из них получил травмы, несовместимые с жизнью. А самое печальное, что больше всех, как обычно и бывает в таких случаях, пострадали норвежцы, сдуру сунувшиеся было разнимать дерущихся…

Царь Иван сделал из этой истории свои выводы. Так что дубовые скамьи, на которых восседают пирующие, воистину *неподъемны,* изготовленные из серебра столовые ножи и вилки весьма изящны, но имеют закругленные концы и укороченные зубцы, а с настоящими, стальными, ножами ходят только слуги государевы: в их обязанности входит отрезАть и класть на тарелки гостей нравящиеся им куски. Кроме того, царь ввел в обиход тот способ подачи блюд, когда не всю еду выставляют сразу на стол, а производят перемены, унося на скатерти старую посуду и внося новую. Это несколько более хлопотно, чем обычно, но отчасти удобно.

К тому же не возникает ощущения, что весь стол заставлен бутылками и скляницами для вина: всё выглядит так, будто за столом собрались самые умеренные люди, желающие всего лишь освежиться. Это обстоятельство поначалу сбивало меня с толку и приводило к неожиданным конфузам. *[Пометка Ф. Уолсингема на полях: «Не надо недооценивать читателя: все и так уже уразумели, что Джеймс Бонд — феерический бабник, выпивоха и любитель кабацких драк. Повторы не добавляют этому образу убедительности — скорее наоборот!»*

5

Впервые я увидел русского царя мельком, в малой зале для приемов, куда он зашел буквально на мгновение. Но я поймал его взгляд: он, несомненно, меня заметил. Видимо, он что-то знал обо мне или подозревал нечто.

В дальнейшем мне выпала возможность беседовать с Иваном лично, так что я мог рассмотреть его во всех подробностях. Однако не буду испытывать терпение своих читателей и прямо сейчас и здесь опишу внешность и нрав Новгородского владыки.

Русский царь не слишком похож на свои портреты, распространяемые в Лондоне. Это человек высокого роста, поджарый, с правильными чертами лица. Щеки впалые, нос массивный и с горбинкой, но не такой заметной, какую рисуют наши художники. Рыжая борода его аккуратно подстрижена на европейский манер — так что слух, будто он поклялся «не касаться ее ни ножницами, ни бритвой, покуда его полкИ не пройдут церемониальным маршем по Ивановской площади Московского Кремля» следует отнести на счет обычной военной пропаганды. Веки обычно полуприкрыты, глаза серые, взгляд тяжелый, какой бывает у много повидавших людей. У государя есть весьма характерная привычка: заметив что-либо, косить глазом, прикрывая другой и совершенно не двигая шеей. *[Пометка Ф. Уолсингема на полях: «Да-да-да, мы же ведь прямо с квартердека, и понятия не имеем, как выглядит со стороны „контроль спины“ — первое, кажется, чему учат в разведшколах…»]*

Одеяние его таково: от вечно дующих здесь, на Балтике, ветров — вроде бы и не чрезмерно холодных, однако пробирающих до костей — он спасается традиционной русской *шубою*, fur-coat; в торжественных же случаях облачается в горностаевую накидку до самых пят. Иных царских облачений он не носит, предпочитая всему черную армейскую епанчу без знаков различия, вОрот которой схвачен серебряной горловою пряжкой, украшенной бриллиантами и стОящей целое состояние. На ногах у него обычно простые сапоги из хорошей кожи.

Обыкновенно царь носит черную шапочку с вышитым узором, складывающимся в нечто вроде буквы «М» в готическом начертании. О значении этого знака у русских ходят разноречивые толки. Одни думают, что эта шапочка как бы символизирует утраченную шапку Мономаха (??????????), другие усматривают в этой букве напоминание о Москве, в которую царь обещал вернуться, иные же говорят, что буква просто указывает на то, что ее носитель — монарх (????????). Я же полагаю, что царь прикрывает шапочкой залысину, а буква нужна затем, чтобы о ней говорили и искали в ней тайный смысл, отвлекаясь от самого простого объяснения. *[Пометка Ф. Уолсингема на полях: «Временами наш простодушный моряк демонстрирует совершенно излишнюю проницательность…»]*

Что касается царского нрава, то весьма заметно, что Иван —

типичный холерик и подвержен вспышкам гнева. Однако гнев свой он умеет держать в узде, выпуская его на волю лишь тогда, когда ему это выгодно. В этом он не отличается от других людей, занимающих высокое положение: как правило, на высоте удерживаются лишь те, кто умеет использовать себе на пользу всё, что им дала Природа, включая слабости и пороки. *[Пометка Ф. Уолсингема на полях: «О, так он еще и философ…»]*

6

Я присутствовал на двух трапезах, и временами мне казалось, что я ловлю на себе оценивающий взгляд Новгородского владыки. На третий раз он вдруг самолично пригласил меня за царский стол, бесцеремонно и демонстративно согнав с места одесную от себя какого-то германского герцога.

— Говорят, в британском Королевском флоте УМЕЮТ ПИТЬ — не то, что все *эти!* — с этим словами он обвел широким жестом сидевших вокруг с постными физиономиями немцев. — Водку — будешь? — и, не дожидаясь моего согласия, наполнил два стакана из большой квадратной бутыли по самый край — русские называют это «vsklen».

Я, разумеется, понимал, что всё это чистейшее притворство — в том смысле, что ничего случайного и спонтанного в царском приглашении не было. Однако ж водка-то была самая настоящая, и выпить ее мне пришлось (пытаясь держаться вровень с царем) весьма много. Так что если бы за спиною моей по ходу дела возник вдруг сам сэр Фрэнсис, и гневно вопросил: *«Чем вы тут заняты, коммандер?»* — я, ни на йоту не погрешив против истины, отрапортовал бы: *«Отстаиваю честь Королевского флота, сэр!»* [*Пометка Ф. Уолсингема на полях: «Болтун — находка для шпиона!»*].

Та царёва водка — Иван поведал, что ее изготавливает по собственному рецепту его «klyuchnitsa» — оказала на меня поистине удивительное воздействие. О да, латынь царя была выше всяких похвал (это тем более поразительно, что в Московии «латынщина» никогда не была в чести, ибо считалась языком католиков, враждебных русской вере), а его английский — уж точно лучше моего русского. Но через небольшое время я поймал себя на том, что вообще не понимаю, на каком языке мы беседуем: language gap исчез абсолютно, будто бы растворившись в том магическом напитке!

7

Первое время мы болтали о каких-то протокольных пустяках. Потом водка придала мне достаточно смелости, чтобы задать существенный вопрос:

— Иван Васильевич, вас и вправду величают в народе Иваном Ужасным?

Царь расхохотался, потом сделал серьезное лицо.

— Видишь ли, Джеймс… Вообще-то, у слова «Grozny» в русском совершенно иные коннотации; так что я вовсе не «ужасный — terrible», а скорее «awe-inspiring — внушающий трепет»… А еще адекватнее было бы, пожалуй — «dread»: *Dread Czar Ivan*! Я предпочитаю думать, что это простая неаккуратность ваших переводчиков, а не элемент пропагандистской войны.

— Но террор Малютиной Chrezvychaika… — пробормотал я.

— …по размаху был ничтожен в сравнении, скажем, с религиозными репрессиями на Острове, не говоря уж о Континенте *[Пометка Ф. Уолсингема на полях: «Это, кстати, правда»]*. Но сами понимаете: когда по ходу операции «Чистые руки» под раздачу попадают Большие Люди, их друзья и родственники шум поднимают до небес — и тут превратишься не то, что в Грозного, а и впрямь в Ужасного… Как бы то ни было, мы тогда за считанные годы сломали хребет этому мерзкому мифу: что русский народ — «вор на воре и вором погоняет». Оказалось, *внезапно*, что если не воруют наверху… ну или хотя бы не выставляют свое воровство напоказ… народ начинает, с несколько даже удивившей нас охотою, тоже жить по закону. Воистину справедлива оказалась пословица «Каков поп, таков и приход». Но действовать тогда нам пришлось жестко, что да, то да… Вы-то в Англии, с вашей прославленной законопослушностью и трепетным отношением к правилам, от таковой необходимости, по счастью, совершенно избавлены.

— Да как вам сказать, Ваше Величество… — смущенно кашлянул я. *[Пометка Ф. Уолсингема на полях: «Вот именно…»]*

8

Следующий свой вопрос, который я, осмелев, задал Иоанну, тоже был с некоторой подковыркой: почему он и его подданные объявляют себя норманнами, хотя московитов все всегда числили славянами?

— Видишь ли, Джеймс… — вновь повторил царь, и по выражению лица его было ясно, что подковырка та отлично им распознана, и разъяснение сейчас воспоследует в стиле «каков вопрос — таков ответ». — Сами-то мы, понятно, славяне, но вот

государство у нас — варяжского корня! Да, собственно, никаких иных государств, окромя варяжских, на свете и не бывает: ежели не варяжское — значит, оно и не государство вовсе, а так — *квазигосударственное образование*, типа какой-нибудь там Испании, или папистской Италии: они ведь потому и нуждаются в Папе, что неполноценны и к истинному самоуправлению неспособны… Я уж не говорю про Московию: тамошнее «государство» вообще вылупилось из ордынского ярлыка и высижено в гнездышке из татарской тюбетейки, что служит у них взамен нормальной короны. Никогда не говорите, что новгородцы, с нашей династией Рюриковичей, и московиты — это одно и то же, — тут Государь с сожалением посмотрел на меня и снисходительно улыбнулся. — *Может получиться неловко.*

Мне стало неловко.

— Да и не у нас одних так, — продолжил свою мысль царь, вновь самолично наполняя наши с ним чарки своим волшебным напитком. — Вот, к примеру: вы сами! Ведь в старопрежние-то времена англосаксы были народом — ну, прямо скажем, довольно заштатным. Однако ж когда Вильгельм Нормандский установил у вас правильное государство — разве не вошли вы в число славнейших и знаменитейших наций?

Я вынужден был согласиться с этим доводом.

— Ну, Франция, с ее Нормандией — тут всё понятно. Причем они ведь, заметь, кафолики — но вот *внешнего управления* над собой всё равно не потерпели, и Папу, когда понадобилось, преотлично пленили в своем Авиньоне. В Германии вышло серединка на половинку: у них там и так случалось, и этак. А теперь они еще и *одеяло на себя тянут*, по части варяжского первородства; да только какие из этих филистеров варяги — смех один! Или вот возьми ты, для примера, Италию: на весь этот макаронный бордель — одно приличное государство, у династии Корлеоне; и где оно? — правильно, на Сицилии! Тоже нашего, стало быть, варяжского корня! Дон, кстати, сам подумывает присоединиться к нашей Семерке, *ассоциированным членом*, и даже звездочку себе уже присмотрел…

— Звездочку? В каком смысле? — не понял я.

— В ковше Большой Медведицы, что избрана символом нашей Великой Седмицы варяжских государств, на самом-то деле не семь звезд, а восемь. Ну, ты — человек флотский, знаешь наверняка, как проверяют на том остроту зрения у новобранцев.

— Так точно, сэр!.. То есть — Ваше Величество! — меня уже несколько повело.

— Так вот та самая, *восьмая*, звездочка — которой для большинства людей как бы и нету вовсе — как раз и мила сердцу

Дона. Вон, он и наблюдателя к нам уже прислал — своего советника, *консильери* по-ихнему, — Тома Хейгена…

— Англичанин??

— Ну, сам он на этот вопрос имеет обыкновение отвечать: «О нет, я имею честь быть ирландцем!»

— Ирландец?!?

— Джеймс, да ты уж не расист ли? — нахмурился царь. — Знаешь, у нас этого дела реально не любят…

— Да ни боже мой, Иван Васильевич! У меня у самого есть друзья-ирландцы! Хорошие ребята… особенно пока трезвые. Только ведь он же, небось, *папист*?

— Это его частное дело — как молиться-причащаться: у нас тут, слава Богу, не Севилья какая! Наш Сенат так прямо и постановил: «Плати налоги — да и молись хоть черту в ступе», да и в прочих варяжских государствах нынче те же нравы. Вот если он работает на ватиканскую разведку — дело другое; но это уже не наша компетенция, а Дона… Ты грибочки-то придвигай к себе и закусывать не забывай. Рыжики, рекомендую!

— Спасибо, Иван Васильевич! Чудо как хороши! Тоже — klyuchnitsa?

— А то как же! — степенно кивнул государь, разливая по следующей. — Да, так вот, продолжаю. Вообще, Джеймс, мы полагаем так, что было три исторические эпохи и, соответственно, три богоизбранных народа. Ну, сначала — евреи: тут уж ничего не поделаешь, Священное писание врать не станет. Потом — римляне, ромеи: этим евреи богоизбранность свою передали, как эстафету, через Иисуса нашего Христа и святого Павла, ибо тот был и евреем, и римлянином. А вот ими уже — тот эстафетный факел кому был передан? Правильно — государствам варяжского корня, и первым нам, через то мы и есть Третий Рим! Ну, будем!

— Очень интересная концепция мировой истории, Ваше Величество… — промямлил я, жуя гриб (и впрямь несравненных достоинств). «Впрочем, — пришло мне тут же в голову, — а стоит ли требовать строгой логичности и историчности от государствообразующих легенд?» *[Пометка Ф. Уолсингема на полях: «Да им это только во вред, если хоть чуток вдуматься!»]*

— А теперь твой черед, Джеймс! — возгласил Новгородский владыка, вновь устремляя длань к своему бездонному штофу, а левой рукой тем временем делая кому-то широкие приглашающие жесты. — Поведай-ка нам, коммандер: как там братский англо-саксонский народ управляется с гишпанскими супостатами во *Флибустьерском дальнем синем море*?

Ноблесс оближ — и я принялся за повествование… *[Пометка*

Ф. Уолсингема на полях: «Знать бы еще теперь — чего он там понаразболтал спьяну…»]

9

Если бы в следующее утро мне сказали бы так: «Джеймс! Тебе отрубят голову, если ты сию минуту не встанешь!» — я ответил бы томным, чуть слышным голосом: «Рубите! — и пускай она полежит в холодке отдельно от меня…»

При одной только мысли о необходимости приоткрыть глаза (чтоб хотя бы сориентироваться на местности…) возникала уверенность, что тут же сверкнет молния и голову ту разнесет на куски; а пока в ней гудел тяжелый колокол, и между глазными яблоками и закрытыми веками проплывали коричневые пятна с огненно-зеленым ободком…

На исторгнутый мною болезненный стон откликнулся знакомый голос, произнесший с насмешливо-сочувственными (или сочувственно-насмешливыми?..) интонациями:

— Вот оно как — портвейн-то с водкой мешать! «Это коктейль, это по-европейски…» Помилуйте, Джеймс, да разве это можно делать!

Я заставил себя разлепить склеенные веки и оглядел свой апартамент (так: свой! — уже неплохо…). Фрол Фомич же, по всему видать, был бодр, свеж и готов продолжать веселье…

— Слушай… — (неужто это мой голос?..) — Но портвейн-то тут… откуда взялся?

— Ну, твоя история, как в Лиссабонском порту взяли да и сгорели дотла два галеона испанского Серебряного флота вместе со всем содержимым, произвела на Государя такое впечатление, что тот распорядился: найти — сей же час, немедля, хоть из-под земли! — тот самый магический напиток, что сыграл решающую роль в той вашей операции… Но я тебя потом честно пихал локтём в бок: «Не понижай градус!» *[Пометка Ф. Уолсингема на полях: «Вот кто тебя тянул за пьяный язык, хвастун ты чёртов?!»]*

Я тем временем принял, с грехом пополам, вертикальное положение, но голове моей это решительно не понравилось: припомнилось, и очень живо, как однажды во Фландрии испанские *коллеги* пытались склонить меня *к конструктивному диалогу* (они называли это так) *при помощи веревочной петли и палки*…

«Боги, боги мои, яду мне, яду!»

— Дорогой Джеймс! *Это* тебе совершенно не поможет.

Следуй старому мудрому правилу, — лечить подобное подобным. Единственно, что вернет тебя к жизни, это две стопки водки с острой и горячей закуской.

На оклик Фрола Фомича бесшумно возник пригожий отрок с подносом, на коем были сервированы нарезанный белый хлеб, русская паюсная икра в венецианской вазочке, маринованные белые грибы в фарфоровой мисочке, что-то в кастрюльке и, наконец, водка в объемистом штофе зеленого стекла; он запотел от холода, ибо помещался в полоскательнице, набитой льдом.

— Это тебе государь послал, из собственных рук: *та самая!* — кивнул на штоф Фрол, и слова эти наполнили меня нехорошим предчувствием.

— Это еще зачем? Такая честь…

— Ну, сейчас поправим здоровье — и вперед. Государь нынче трапезничает с ближним кругом, и очень уж ему твои морские рассказы к сердцу пришлись.

— Фрол, Христом-богом!.. Ну, не могу больше! — малодушно взмолился я.

— Сможешь, Джеймс, сможешь! — успокоительно качнул дланью тот, водрузив на поднос две серебряные стопки. — Как говорится — «За папу… за маму!..» В смысле — за Королевский флот, за Сизинг-Лейн… Они ведь сейчас оба-два на тебя смотрят! *[Пометка Ф. Уолсингема на полях: «Ну вот опять… Вот зачем было поминать всуе „Сизинг-Лейн“, а?»]*

Против такого аргумента — что возразишь? Первая пошла — «колОм» (под склизлый гриб с колечком лука), вторая — «соколОм» (под икорку), третья — «мелкой пташечкой». Открыли кастрюльку — в ней оказались немецкие сосиски с острым испанским гаспачо; и попробовал бы кто обвинить меня в тот момент в «исконной английской германо- и испанофобии»!

Царёва водка же продолжила открывать передо мною свои разнообразные волшебные свойства: тех трех стопок как раз хватило для полного моего исцеления, и я ощутил себя совершенно *готовым к труду и обороне*. В конце концов, не каждый день нашего брата приглашают выпить с собой коронованные особы!

10

Когда мы с Фролом добрались до малой трапезной, застолье уже шло своим чередом. Меня дружно приветствовали тостом «За тех, кто на вахте и на гауптвахте!» (так мы вчера, совместными усилиями, перевели «on guard and under guard»), согласившись

зачесть его мне в качестве shtrafnaya…

Я же в очередной раз отметил про себя справедливость высказанной вчера царем максимы «Каков поп — таков и приход»: не владеть, хоть на каком-то уровне, латынью в царском окружении, похоже, становилось неприличным. Сейчас Новгородский владыка как раз иронически втолковывал какому-то почтенному боярину, что изучение языка квиритов лучше начинать с простеньких рифмованных текстов, вроде Приапей, и что он-де и сам в свое время читал охотно Апулея, а Цицерона не читал…

Это и подсказало мне воспользоваться случаем и получить кое-какие сведенья о Новгородском государственном устройстве из самых, можно сказать, первых рук:

— А вот скажите, Ваше Величество: ведь у вас там, в Новгороде, вроде как республика?..

— Конечно, республика, — согласился Иван.

— Но при этом вы — царь?..

— Конечно, царь, — снова согласился тот.

— А нет ли тут… э-ээ… некоторого противоречия?

— Помилуйте, где же тут противоречие? Если столько веков его никто не замечал?

Признаться, я поначалу не понял, и в осторожных выражениях попросил разъяснений.

— Разве ты не знаешь, Джеймс, что наша государственность — римская? Мы же — Третий Рим!

— А я слыхал, что Третий Рим — это Москва…

— Я т-тя умоляю, Джеймс! — скривился царь. — Писание в помощь: «По плодам их узнаете их». Погляди сам, каковы порядки в той Москве: какой там Рим, это совершеннейший Карфаген, разве что детей пока не жарят… да и в том уже, кстати, нет уверенности. *[Пометка Ф. Уолсингема на полях: «Да уж…»]*

Царь вдруг помрачнел, и я понял, что разлука с родиной (а по происхождению Иван, как ни крути, всё же московит, а не новгородец) дается ему вовсе не так легко, как он привык показывать на людях. Впрочем, он тут же взял себя в руки и продолжил свой любезный экскурс в историю Новгородской государственности:

— Итак, мы — Третий Рим, потому и порядки у нас — римские. А Рим, как всем известно, был республиканской монархией. Власть принадлежала народу, управлял Сенат, а правил цезарь. Сей трехступенчатый порядок является самым естественным для цивилизованной нации. Посему и у нас, после восстановления наших исконных начал, заведен римский порядок управления. Есть у нас Вече, то бишь собрание комиций; у вас

нечто подобное называется Палатой общин. Занимается сей государственный орган *текущими вопросами*. Всё это вам знакомо, не так ли?

Я с некоторым усилием кивнул, поскольку водка начала уже оказывать на меня свое действие: на старые-то дрожжи… Царь же, как и вчера, был «ни в одном глазу» (если я верно понимаю смысл этой русской идиомы).

— Есть у нас и Сенат боярский, — продолжал он, — примерно соответствующий вашей Палате лордов; эти, как водится, *смотрят за ходом дел*. И есть Цезарь, то есть я; мое дело царское — *решать вопросы*. Порядок сей естественен и является наилучшим из всех возможных. Власть моей царственной сестры Елизаветы устроена схожим образом, хотя я и вижу в английских установлениях много *наносного*. Эта повозка римской конструкции много веков прекрасно служила людям — ну так и зачем пристраивать к ней еще какие-то пятые колеса?

— И вы с такой вот скрупулезностью воспроизводите античные механизмы власти? — позволил себе усомниться я.

— Ну, приходится, конечно, учитывать и местную специфику. Вот, к примеру, тоги у нас — не полотняные, а меховые: сенаторам положены горлатные, а Цезарю — горностаевая: климат, знаете ли, не средиземноморский…

— А как понимать ваше официальное титулование: Гарант Конституции? — задал я следующий вопрос.

— Так и понимать: Божьей милостью Гарант Конституции Новгородской, Псковской, Ливонской, и прочая, и прочая… А, или ты про происхождение термина?

— Да, если можно… Говорят, там была захватывающая история! — закинул я удочку.

— Ну, ничего такого уж прям захватывающего… Когда в 1553-м Новгород с Псковом сохранили верность мне как законному Государю, отвергнув притязания Московского узурпатора, между нами было заключено соглашение — на каких, собственно, условиях я ими правлю. А вот вопрос о названии этого документа оказался неожиданно непростым. «Кондиции»? — да с таким названием меня просто засмеют мои царственные братаны-монархи! Новгородцы продавливали «Хартию вольностей», по вашему образцу; я отговорился тем, что «Великая хартия вольностей»-то уже есть, а у нас какая будет — «Малая», что ли? *Нет, на это я пойтить не могу!* В конце концов кто-то из ливонских кафоликов подсказал: «Constitutio», то есть «установление»; хорошее, звучное латинское слово и суть отражает вполне — на нем и сговорились.

Не без внутреннего трепета решился я задать следующий

свой вопрос; честно говоря, не будь уже во мне доброй пинты царёвой водки, я бы на это и не отважился:

— А правда ли, что Ее Величество обязана нынешним своим положением своему имени?

Царь, однако, в ответ лишь расхохотался:

— Джеймс, ну анекдот же, очевидный совершенно! Что я будто бы выбирал себе супругу по созвучию ее имени со словом «конституция»? Чтоб, значит, народ затвердил: «Конституция — это царёва жена», а оттого, дескать, и предпочел Констанцию Шведскую — Матильде Датской… Династические марьяжи формируются несколько не так, уж поверь!

— Да, ваша царственная супруга имеет славу одной из прекраснейших женщин Европы, — подольстился я, не особо при этом погрешив против истины. — Счастлив конунг, привезший из набега столь завидную добычу!..

— Боюсь, Джеймс, что за такой комплимент Кони проткнула бы тебя итальянской шпагой, — без тени улыбки покачал головою царь. — Благо она очень неплохо ей владеет.

— Но за что? — искренне не понял я.

— За неуважение, — с той же серьезностью отвечал Иван. — Она, видишь ли, полагает себя не «бесплатным приложением к мужу», а вполне самостоятельной личностью. С достаточными на то основаниями.

И что-то в выражении его лица подсказало мне: подняв в его компании традиционный тост Королевского флота: «За наших жен и возлюбленных — чтоб они никогда не встречались друг с дружкой», я рискую резко утратить монаршье расположение… *[Пометка Ф. Уолсингема на полях: «Алекс, пусть наша Ливонская резидентура срочно ищет подходы к этой женщине! И почему это уже не сделано, я вас спрашиваю?!»]*..

— Говорят, Ее Величество весьма популярна среди новгородских женщин, — решился я развить тему, — а вот тамошние мужчины ее будто бы недолюбливают…

— Ну, это смотря какие женщины и смотря какие мужчины. Новгородские женщины издавна многое себе позволяли, и она отлично вписалась в эту местную традицию.

— О да! Марта-Posadnitsa!.. — припомнил я.

— Марфа-Посадница — это как раз чепуха, — поморщился Иван. — В том смысле чепуха, что это единичный случай. Такое может приключиться где угодно — вроде как с той французской ведьмой, что крови вам попортила больше, чем все французские рыцари за сто лет войны. Или с достопамятной Папессой Римской… А вот что по-настоящему важно, ибо *системно* — это законодательство Новгородской торговой республики: оно

позволяет женщинам владеть и распоряжаться собственностью после смерти мужа наравне с детьми — «вдовья доля». Так что тут спокон веку существовал обширный слой… как бы это сказать… ну, «бизнесменами»-то их не назовешь — пускай будут «бизнес-леди», что ли! Вот они действительно считают Кони своим политическим лидером.

— А — она сама?

— Она свой, если так можно выразиться, *политический активизм,* — усмехнулся Иван, — начала тут с борьбы за внесение «Домостроя» в Индекс запрещенных книг… *[Пометка Ф. Уолсингема на полях: «Что за „Domo Strow“? Перевести, компрометирующие места усилить переводом, передать мне лично»].* Еле убедил ее тогда, что свобода выражения мысли — ценность более фундаментальная, нежели чьи-то «оскорбленные чувства». Не люб тебе «Домострой» — напиши свой «Анти-Домострой», да и дело с концом! Вняла, и с тех пор вот *пишет*. Удивительно ядовитым памфлетистом оказалась — мне порою крепко достается, когда мы с ней ведем анонимную полемику в печати! *[Пометка Ф. Уолсингема на полях: «Что за полемика, в какой печати? Они там, в Ливонской резидентуре, вообще, что ли, спят на ходу? Почему я о таких важнейших вещах узнаЮ по случаю, между делом?!»*

Царь произнес сие с явным одобрением, а я решил тогда для себя: «Эх, пропадай моя голова, пусть меня хоть трижды проткнут той итальянской шпагой, но я должен своими глазами поглядеть на *такую* женщину!» *[Пометка Ф. Уолсингема на полях: «Нет, этот Бонд неисправим…»]*

— А правда ли, — решил я уточнить, — будто женщины у вас даже имеют право голоса?

— Правда.

— Как же так вышло?..

— Да всё дело в тех же бизнес-леди. Наши Отцы-законодатели постановили: «Ежели Бог дал бабе достаточно мозгов, чтоб самой управляться с хозяйством, платя налоги наравне с мужиками — с какой стати отрешать ее от управления государством?»

«Взгляд, конечно, очень варварский, но верный», — подумал я тогда; и мне лично эта новгородская логика по сию пору представляется неуязвимой. Любопытно было бы поглядеть, кстати, как это выглядело бы в наших английских реалиях [*Пометка Ф. Уолсингема на полях: «О-хо-хонюшки… Что впору Новгороду, рано для ЛондОна!»*].

Но тут собравшиеся дружно потребовали свернуть всю эту гендерную тематику и продолжить вчерашние рассказы о дальних

морях. Я подчинился, подумав мельком про себя, что когда-нибудь, в далеком-далеком будущем, умные женщины, возможно, достигнут немыслимых ныне общественных высот, становясь, скажем, министрами, парламентариями или даже президентами корпораций. Но есть всё же одна должность, подумал я с некоторым злорадством, которой ни одной женщине не занять никогда: адмирал![11]

11

На следующий день к царской трапезе была допущена большая команда голландцев — моряков и кораблестроителей, завербовавшихся на русскую службу и ожидающих тут отправки в Ливонию. Признаться, я — как англичанин — ощутил на этом месте странный укол ревности… [Пометка Ф. Уолсингема на полях: *«Да уж, урок на тему „Никогда не складывай все яйца в одну корзину“ Иван вызубрил на отлично, отдадим ему должное… Но его ставка на протестантов остается неизменной — что не может не радовать»*.]

— А вот болтают, Ваше Величество, — решил завести разговор о политике один из голландских капитанов (недооценивший, по моему впечатлению, крепость незнакомой ему доселе русской водки), — будто между вами и вашими шведскими союзниками пробежала кошка… ну, может и не кошка, но такой… котеночек, ха-ха!

— Что за чепуха, капитан! — Иван посмотрел на того своим знаменитым взглядом: искоса, не двигая головой. — Наша дружба с братским шведским народом крепка, как никогда ранее.

Интересно, а какого ответа бы тот ожидал?..

— Но зачем тогда вы с такой стремительностью возвели мощную крепость, замыкающую устье Невы, Petrus-en-Paulus? — продолжал демонстрировать пьяную проницательность голландец.

— Это всё инсинуации определенных сил… *германоязычных* сил, да, стремящихся омрачить традиционную русско-шведскую дружбу! В действительности же Петропавловск-Невский — это лишь комплекс культовых сооружений, имеющих сакральное значение как для славян, так и для варягов. Ну, и прилагающаяся к ним защитная инфраструктура — а как без этого?

Всё правильно: «Каков вопрос — таков ответ»… Государь говорил как по-писаному — впрочем, думаю, это и было писаным текстом, заученным на такой вот случай. У меня, однако, возник соблазн — закинуть в тот омут собственную наживку:

— А вот правда ли, что в тот комплекс культовых сооружений входит строящийся Казанский собор? И не заявляете ли вы, Ваше Величество, тем самым претензии на земли Казанского ханства, завоеванного недавно Московией?

— Ну, поскольку Московский-то престол — мой по праву, то и Казань выходит тоже нашей — коли уж она сделалась частью Руси. И кстати: мы вообще избегаем употреблять официально само это название — «Московия»; мы предпочитаем — воот.

— Вот? So? — переспросил я.

— Нет: воот, — отрицательно помотал головою царь.

— Sorry?.. — я почувствовал, что воспетые мною interpreter abilities царевой водки дали неожиданный сбой.

— В-О-О-Т: Временно Оккупированные Ордой Территории. Находящиеся под властью хунты — так называемого «регентского совета» при слабоумном псевдомонархе.

— А что известно о той Хунте, Ваше Величество? — (когда еще доведется получить такую информацию из Самых Первых Рук — пусть и сколь угодно дозированную?) — А то до нас из Москвы доходят лишь слухи, странные и пугающие; *если правда оно ну хотя бы на треть*…

— Смею уверить, коммандер: донесения наших людей из Москвы выглядят более странными и пугающими, нежели любые слухи.

Голландцы прервали свои разговоры и дружно подались к нам, навострив уши: слухи о московских кошмарах ходили по всей Европе. Русские же, напротив, отвернулись — чувствовалось, что разговор на эти темы им неприятен.

— Это действительно триумвират? — уточнил я.

— Формально состав того «регентского совета» шире. Но реально решает всё Триумвират, да. Борис Годунов: человек очень умный, абсолютно безжалостный и без каких бы то ни было принципов; что поделаешь — татарин… зять палача и сам в душе палач. *[Пометка Ф. Уолсингема на полях: «Вот, значит, как…»]* Митрополит Пимен: этого все поначалу полагали фигурой марионеточной, но марионетка — как это частенько случалось в истории — переиграла в итоге мнивших себя кукловодами… Ну и третий член Триумвирата — третий по счету, но не по важности. Не-Поминаемый-к-Ночи… со свитой, которую он формирует *по образу и подобию своему*…

Царь произнес это таким тоном, что у меня — не скрою — пробежали мурашки по хребту. А ведь этот человек, подумал я, точно не склонен ни к суевериям, ни к паникёрству, ни — тем более — к дешевым розыгрышам на такие темы…

Голландский капитан же от того царёва тона, похоже, резко

протрезвел, и следующий вопрос задал как раз он:

— А что известно об этом… — он на секунду запнулся, — человеке?

— Если он, конечно, человек, — уточнил я.

На лице Государя изобразилось нечто вроде задумчивости. Я его понимал: во-первых, ему, как и остальным русским, явно не нравилась эта тема вообще, а, во-вторых, он отсеивал в уме секретное от несекретного.

— О его прошлом, — начал он наконец, — не известно ровно ничего достоверного. *Он никто; он ниоткуда.* Выдает себя за православного воеводу из Валахии, назвался тут Владимиром Цепенем — вроде по созвучию с прежним своим прозвищем… Зато здешний его путь наверх отслеживается во всех деталях; благо весь путь тот размечен эдакими четкими вешками — человечками, что раз за разом, *внезапно*, мрут от *малокровия*, освобождая для него следующую ступеньку карьерной лестницы. Так и дошагал он по той лестнице аж до самого Триумвирата…

— Малокровие? Anemie? — переспросил кто-то из голландцев.

— Да, сейчас это очень распространенная в Москве болезнь. Говорят, она проистекает от недостатка солнечного света и *полезных минералов*, содержащихся в чесноке, — от кривой ухмылки Ивана я ощутил тот же внезапный озноб.

Голландцы дружно перекрестились; я, чуть помедлив, последовал их примеру *[Пометка Ф. Уолсингема на полях: «Я — заценил…»]*.

— Кардинал Сильвестр устроил тогда руками Цепеня… или не руками, черт его там разберет… *малокровие* королеве-матери Ефросинье… это вроде здешней Марии Медичи, — пояснил Иван; голландцы понимающе закивали. — А сразу после настал и Сильвестров черед. У меня был весьма внушительный счет к этой парочке, но свечку по ним я тогда поставил… А сейчас я — вы не поверите — неустанно молюсь за здравие мерзавца Годунова: он, похоже, единственный там человек, способный удерживать страну на краю пропасти.

— А как на это всё взирает Митрополит? И Церковь? — недоуменно спросил я: насколько мне было известно, русская церковь весьма влиятельна в мирских делах; как выражаются у них там в Московии: «Без Бога — ни до порога»…

— Церковь нынешняя взирает на то очами Митрополита. А Митрополит-триумвир, похоже, находит, что ежели Господь попускает существовать Цепеню — на то, стало быть, воля Его, и сие не наших умов дело. Эдакая теодицея, знаете ли…

— А он и вправду не отбрасывает тени и не отражается в

зеркалах? — жадно поинтересовался голландец.

— Это всё сказки, — устало поморщился царь, — им же самим, похоже, и распространяемые… Вот солнечного света он, по нашим данным, отчетливо избегает, а серебро и чеснок и в самом деле не жалует…

— «Серебро не жалует» в том смысле, что подношения берет исключительно золотом? — не слишком удачно сострил я.

— Подношения он, — отвечал Иван без малейшей тени веселости, — берет по большей части *натурой*. А вот серебряную монету у них там изъяли из обращения вполне целенаправленно, заменив серебро ассигнациями. Это, разумеется, разрушило всю систему денежного обращения, но Влад-Владычу с его присными обнищание податных сословий лишь на руку.

— Ваши экономические эксперты с Сизинг-Лейн, Джеймс, — обратился теперь напрямую ко мне Новгородский владыка, — наверняка обратили уже внимание на совершенно безумную структуру экспорта-импорта Московии. Воюющая страна вместо оружия и стратегического сырья массово закупает за границей предметы роскоши — «чем дороже, тем лучше», а ее так называемая *элита* тем временем переводит все свои активы в золото и *камушки* — обрушив на том соответствующие рынки в соседних государствах. А вот если реальная задача там — полностью и максимально быстро избавиться от серебра в обращении, всё сразу становится совершенно логичным. [Пометка Ф. Уолсингема на полях: *«Напечатайте уже, наконец, постеры „Болтун — находка для шпиона“ и развесьте их во всех служебных помещениях Сизинг-Лейн!! А вот обрушение рынка драгметалов в Восточной Европе мы, между прочим, прошляпили. Это… это какой-то позор!»]*. Ну а за ношение серебряных украшений вы имеете неслабый шанс спознаться с тайной полицией и умереть на допросе от *малокровия*. Собственно, и само слово «серебро» у них там лучше не произносить вслух — «На что это вы тут намекаете?»

На этой последней фразе царь как-то странно запнулся; или мне это только показалось?

— Ну, серебро-то — ладно, допустим, — согласно кивнул я, — но вот как можно искоренить чеснок?

— Да запросто, — зло усмехнулся царь. — Не надо только путать «*искоренить*» с «*искоренять*». Один русский мыслитель отчеканил, что в политике это понятия не то, что разные, а просто-таки противоположные… Церковь вдруг *внезапно* ополчилась на *вещества*, отвлекающие якобы паству от постов и молитв. Ну и в длинном списке разнообразных иноземных афродизиаков, про которые никто на Руси и слыхом не слыхивал,

обнаружился, девятнадцатой строкой, и родной наш чеснок: тоже, дескать, оказывает *распаляющее* воздействие. Сказано — сделано: запретили ту *траву* и к выращиванию, и ко ввозу, а найденный *продукт* прилюдно уничтожают; называется — «продуктовые санкции». Сами понимаете — потребление чеснока от этого стало крайне престижным, и вся московская *элита* нынче благоухает так, что хоть святых выноси. Влад-Владычевы *кромешники* с этим как бы борются, но особо не усердствуют, ибо сами имеют долю с *незаконного оборота*…

«Ага, — догадался я наконец, задержав взгляд на серебряной горловой застежке царёвой епанчи и припомнив насквозь просвеченные солнцем покои Русского сектора Арконы. — Ага…» *[Пометка Ф. Уолсингема на полях: «Наконец, ага!..»]*

— Ваше Величество, — решился я тогда спросить совсем уж напрямик, — вы избегаете произносить вслух ЭТО СЛОВО, и у вас, несомненно, есть для этого резоны. Но… по вашим сведеньям… ЭТО — может быть заразно? Эта самая его *свита*, которую он «формирует *по образу и подобию своему*», как вы тут давеча выразились… она не увеличивается ль в численности?

— Да, — отвечал он после долгого и тяжелого раздумья. — Да, очень похоже на то. Причем в последнее время — быстрее, чем прежде. Аль-джебраисты называют такое «прогрессией»… *[Пометка Ф. Уолсингема на полях: «Что-то у нашего бравого коммандера совсем нервишки расходились! Ему впаривают обычную военную пропаганду (ну, ладно — талантливую военную пропаганду!..), а он внимает ей будто Истине Господней… Алекс, ходу этим паническим сплетням не то что не давать, а всячески пресекать их распространение! Под вашу персональную ответственность».]*.

Воцарившееся молчание было прервано появлением в трапезной отлучавшегося куда-то Фрола Фомича. Тот, проскользнув вдоль стены, шепнул что-то на ухо Ивану, и оба они оценивающе оглядели мою скромную особу. Затем государь кивнул, и Фрол тут же двинулся обратно к дверям, на ходу сделав мне знак — давай, мол, за мной!

— Коммандер, через час от ближайшего причала отходит пакетбот со срочной государевой почтой. Он может принять вас на борт до Риги. Думаю, вы способны оценить уровень оказываемого вам доверия.

— Безусловно, сэр! — решаться надо было мгновенно. — Благодарность — и моя лично, и «Восточно-Балтийской компании» — будет *безгранична в пределах разумного*.

— Отлично. Все ваши пожитки, как я понимаю, и без того под рукой?

— Разумеется. Зубная щетка да абордажный тесак — что еще может понадобиться джентльмену Службы? *[Пометка Ф. Уолсингема на полях: «Рюгенская резидентура его на этом месте потеряла, и оттого слегка перенервничала. Однако это было абсолютно верное оперативное решение.»]*.

12

Прощание было задушевным, но вынуждено кратким. Когда позади остались уже и «стремянная», и «заоколичная», мы простились с Государем на крыльце, под ночным октябрьским дождем, так и норовящим обратиться в снежную крупу.

— Ну, давай, Джеймс — по последней, «на ход ноги»! Глянулся ты мне, чертяка — и стакан хорошо держишь, и вообще… Короче, ежели у тебя чего не заладится в твоем Лондоне — милости просим к нам: службой не обидим. *[Пометка Ф. Уолсингема на полях: «Так-так-так!.. Отличная мысль! Он у нас, кажется, направляется в Ливонию, на связь к „007“? Вот и пускай они там ОБЪЕДИНЯТ БРЭНДЫ!! Пусть „007“ присмотрит для него там, в России, хороший сугроб с берлогой, и снабдит упряжкой ездовых медведей!»]*. Да, и очень я надеюсь свидеться когда-нибудь здесь, на Рюгене, с твоей королевой, очень. Потрясающая женщина, говорят… Слушай, а она правда — рыжая?

— Ну, да… А что?

— Значит, у мужиков должно от нее крыши сносить — только в путь… Рыжие — они такие!

— Ну, это уж не без этого!

— Тогда — Боже храни королеву! И — до дна!

— Боже, храни королеву!

— Всё, двигай давай: сигналят. И шубу держи — а то превратишься в ледышку, пока до пирса добредешь. Скверные тут ветра, на этой Балтике…

…Да, и в качестве финального аккорда. Взойдя уже на борт спец-пакетбота «Снеток», я обнаружил в кармане той пресловутой шубы-с-царского-плеча еще и штоф с водкой — *той самой*… Вот ведь, подумалось мне тогда, умеет же Новгородский владыка привлекать сердца!

[Пометка Ф. Уолсингема на полях: «Представляю, что сотворит со мной Ее Величество, попадись ей на глаза эта писанина… Впрочем…»

Глава 13

Обстоятельства неодолимой силы

Сказочный кролик может делать то, что обычный кролик не сообразит, но не то, что делает волк или бобер.

Ричард Адамс,

Предисловие к роману-сказке «Обитатели холмов».

По исчислению папы Франциска 16 сентября 1563 года.
Иван-Город, Временная резиденция Его Царского Величества, опочивальня.
Полночь.

Иоанн проснулся мгновенно, как от удара. И прежде чем сонный мозг его выдал какие-то осмысленные решения, тело уже всё сделало само, рефлекторно: бесшумно выскользнуть, перекатом направо, из-под руки Кони, покоившейся на его груди, мгновенно выхватить из ножен узкий, бритвенно-острый толедский меч, *всегда готовый* под правым краем перины (дедов кладенец на стене за изголовьем — *отвлекалочка* именно на такой вот случай), и принять оборонительную стойку, прикрывая прежде всего спящую царицу.

Но пуста была опочивальня, и ни единый звук не тревожил царский слух. «Ни единый звук…» — и лишь тут окончательно проснувшийся и приступивший к своим обязанностям мозг выдал заключение: «Слишком уж тихо. Так не бывает!» Иоанн обвел взглядом неподвижные огоньки двух лампадок в красном углу, ночника на столике со стеклянной клепсидрой, и вздрогнул: вода в верхнем сосуде клепсидры стояла на отметке «полночь», а капля, просочившаяся сквозь горловинку, недвижимо зависла ровно по центру нижнего сосуда. Он перевел взгляд на безмятежно спящую Кони, ладонь которой так и продолжала висеть в воздухе — отметив для себя попутно, что свет в опочивальне из желтовато-лампадного сделался призрачно-синеватым: ВСЁ, КАК ТОГДА…

— Ну как, Иван Васильевич — проснулись?

Как и тогда, сам момент появления архангела он пропустил.

Архангел был мрачен (тут из царёвой памяти опять выскочило что-то явно не свое: «Как поп при совершении казни через повешенье»), а в позе и во всем облике его обозначилось нечто совсем не архангельское: встретившись с испытующим взором царя, он смущенно отвел глаза.

Молчание затягивалось.

— Ну, и что у нас нынче не так? — взял инициативу в свои руки Иоанн. — Вроде бы всё идет *в соответствии*: народишко «сыт, здоров и даже грамотен», «купцы богатеют, творцы — творят»; воюем — «не числом, а уменьем», «малой кровью и на чужой территории»… Постой-ка, постой! Или… или эта чертовщина в Москве — серьезней, чем кажется?

— «Чертовщина в Москве» намного серьезней, чем кажется: они там запросто доиграются еще до зомби-апокалипсиса. Но это для вас еще полбеды, — отмахнулся *чужой*.

— Как-как? Апокалипсис — *еще полбеды*?? — переспросил Иоанн.

— Ну, это всё же не настоящий Апокалипсис, а так… художественный образ, — поморщился тот. — Это из тех пакостей, творимых читерствующим АИ, о чем я тебя предупреждал. Крупная пакость, да, *аномалия*, да — но *границ естества не преступает*, так что с ней бороться очень сложно, но всё же можно. А вот против *бага* в программе Игры вообще ничего поделать нельзя, понимаешь?

— Постой, что еще за *клоп* такой, в какой такой Программе?

— Ну, это вроде как глюк в мозгах самого АИ…

— Ты чего несешь, еретик поганый!! — рыкнул Православный Государь, гневно воздымая отложенный было в сторонку меч. — «Глюк в мозгах» у Господа нашего, Всеблагого и Всеведущего!

— Ну-ка охолонись, Твоё Величество! — ответно гаркнул неотмирный гость. Иоанн почувствовал при этом, что воздетый меч его завис в воздухе с той же неколебимой неподвижностью, что и все прочие предметы в комнате — можно, небось, повиснуть на его рукояти, поджавши ноги, как на древесном суку. Ну, знать, всё же — архангел, хотя, может, и мятежный… — Слушать-то — будешь? или я пошел, а вы тут горите все синим огнем!

— Буду, — буркнул царь, вновь присаживаясь на край ложа. — Но богохульств не потерплю!

— Ну, во-первых, АИ — вовсе не Бог, чтоб ты знал: это ведь ты сам себе внушил! Это, если в понятных тебе терминах, некая *промежуточная сущность*, поставленная Господом управлять Миром Сим… типо, Демиург. Или, проще говоря — воевода, отправленный карать и миловать именем твоим за тридевять земель, куда-нибудь на Уральский фронтир, где «до царя далеко,

до Бога высоко».

— Манихейский какой-то мир тогда выходит… — не удержавшись, съязвил Иоанн.

— Да уж какой есть, — сварливо отозвался *чужой*. — Давайка лучше из богословских высей — на грешную землю. Вот представь: есть у тебя, у правителя, в голове некий план… ну, допустим, будущего наступления на Восточном фронте. И ты этот план случайно разболтал… ну, допустим, спьяну на пиру, и болтовню ту услыхал кто-то совсем лишний — ну, допустим, заезжий гусляр…

— *Этого не может быть,* — холодно отчеканил Государь, — *потому что этого не может быть никогда!*

— Хорошо, — после секундного размышления кивнул архангел, — с тобой такого приключиться не может, согласен. Пускай это будет с каким-то другим правителем…

— И с другим — не может, — упрямо качнул головою Иоанн. — Потому что человек с таким устройством мозгов и языка правителем перестает быть — на счет «раз»! И вообще — *перестанет быть*.

— Ну, вот представь всё же, напрягши воображение: есть, есть в Тридевятом царстве такой правитель — с *низкой социальной ответственностью* и с языком аки помело… Да я сейчас и вообще не об этом! — в голосе архангела зазвучало раздражение. — Я сейчас о том, что будет дальше с тем заезжим гусляром, вляпавшимся случайно в ту государственную тайну, никак для его ушей не предназначенную. Как полагаешь?

— Будто сам не догадываешься, что с ним будет… — проворчал царь. — С *оказавшимся в неправильном месте в неправильное время*…

— Вот! И АИ по этой части рассуждает в точности как ты, и как любой из «царей земных». А при этом сам же, изредка, принимается вдруг выбалтывать кому ни пОпадя свои планы на будущее: вот это и есть тот самый *«глюк в мозгах»* его. Ну а потом, спохватившись, *убирает свидетелей*… да не только их самих, но и всех, кто мог бы, по его представлениям, успеть получить от тех хоть какой-то *знак* — вообще всех, подчистую…

— Это еще как?!

— А вот так. Я ведь тебе уже рассказывал: передача *значимой* информации против вектора времени — ну, попросту говоря, сведений из будущего в настоящее — категорически запрещена *правилами Игры*. Но иногда *спонтанно* — и в этом вся суть! — открывается некий *канал*, по которому — таки *течет*… Ну, или скажем так: *подтекает*. Смекаешь, о чем речь?

— Пророки там всякие, волхвы, цыганки?.. — догадался

Иоанн.

— Да, оно самое. До тех пор, пока предсказания такого вот, *настоящего*, пророка тонут в шуме-гаме, создаваемом его коллегами — шарлатанами и сумасшедшими, всё идет нормально. Но чуть только где к такому персонажу прислушаются всерьез, и он начнет влиять на принятие политических решений — всё, привет: АИ — сам же ту утечку допустивший! — трактует ситуацию как нарушение *фундаментального ограничения*, и, заметая следы этого своего прокола, автоматически *стирает всё это отвремление*.

Помолчал и добавил со вздохом:

— *Такие дела…*

— Ты хочешь сказать, — уточнил царь с удивившим его самого спокойствием, — что нам тут, в нашем *отвремлении*, свезло угодить как раз под такую вот… *протечку* из будущего? И что в скором времени, едва лишь эта *протечка* внятно себя проявит, нас *сотрут* вместе с нею — что называется, «для ясности», так?

— Похоже на то, — виновато развел руками «русский ангел-хранитель». — *Такая вот фигня, майн… лидер*.

— А сам ты, при чине своем архангельском, — тут Иоанн бросил выразительный взгляд на зависший в воздухе меч, — совладать с тем «глюком в мозгах АИ» не в силах, и ничем нам тут помочь не можешь?

— Не могу, — понурился тот. — Если б мог — не рассиживался бы тут самолично… Слишком уж глубоко тот *баг* в программе засел — *тут всю систему менять надо*…

Упало тяжкое молчание. Иоанн напряженно и предметно размышлял *о Божественном*: а точно ли Господь Истинный попускает этому самому АИ тАк вот *чудесить*?.. Как же быть со всеблагостью Его?.. И возбраняют ли, кстати, здешние уставы обращаться напрямую к вышестоящему командованию через голову непосредственного начальства — этого самого сбрендившего воеводы-Демиурга?

— Эх, — тоскливо вздохнул меж тем визитер из будущего, восприняв его молчание по-своему, — а ведь какая игра была! Из лучших моих… а, может, и самая лучшая. На удивление приличная страна получалась! Я ж уже и университеты у вас тут заводить собрался, и светскую литературу с театром… Географические открытия…

— Помолчи, — поморщился царь. — С мысли не сбивай…

— Че-го-ооо?!? — остолбенел архангел.

— Помолчи, говорю. Не умеешь помочь — так хоть не мешай. А то ишь — «ИГРА БЫЛА»! Мы, между прочим, пока еще ЕСТЬ, и

для нас это — ни хрена не ИГРА! Это ты, чуть чего — фьюить, и упорхнул… куда ты там собирался — к туркам? в италийские торговые республики? А у нас другого Мира не предвидится, и мы будем за него драться — *здесь и сейчас*, понял?! Положившись на одну лишь милость Господнюю — раз больше не на что…

И тут Иоанн осекся, осознав вдруг, что архангел взирает на него не в гневе (как легко было ожидать, при эдакой-то непочтительности), не покровительственно (как случалось прежде), а с чем-то даже смахивающем на восхищение.

— Ладно, ангел ты наш хранитель! Раз помощи от тебя, по части этого твоего… Демиурга-АИ, не дождешься — просто рассказывай всё, что знаешь по теме. *Давай подробности!* Часто ль вообще такое случалось? Ну, когда он — *стирал*?

— На моей памяти, да и по рассказам — ситуация редкая, но не уникальная: где-то пару-тройку раз на тысячу. То есть *подтекать*-то начинает куда чаще, но, по счастью, эти сигналы из будущего Лица, Принимающие Решения, почти никогда не воспринимают всерьез и *отправляют в игнор*.

— Так вот почему… — задумчиво протянул Иоанн, — вот почему… Как там, у вас: «Но ясновидцев, впрочем, как и очевидцев, во все века сжигали люди на кострах»?

— Именно! Только вот «сжигание» как таковое не слишком помогает делу: «Вода дырочку найдет», а информация — следующего носителя. Если уж такой «канал из будущего» возник — информация по нему будет течь всё равно, так или иначе.

— А если выявлять и *ликвидировать* всех таких *носителей*, одного за другим, сколько их ни на есть?

— Ну, во-первых, ты его еще поди выяви — этого *носителя*, и опознай его среди информационного шума, — архангел, похоже, чуток ожил и включился в работу. — Во-вторых, *ликвидировать* его местными средствами не так-то просто: если в *отвремлении* убеждаются на опыте, что «*Это — работает*», такой предсказатель становится слишком ценным призом для его хозяина-покровителя… Да и потом — мрачно продолжил он, — информация из будущего может *утекать* самыми неожиданными способами. Я знавал один мир, из отдаленного будущего, где такой канал сам подключился к планетарной энергосистеме и стал передавать картинки из будущего, меняя рисунок созвездий.

— Что, и такое тоже — *не преступает границ естества?* — ошеломленно переспросил Иоанн.

— Разумеется, — пожал плечами гость из будущего. — Вопрос-то технический, дело лишь в энерговооруженности цивилизации.

— И что с ними стало? Ну, с той, *энерговооруженной*,

цивилизацией?

— Да стер ее АИ, как и все прочие. В этих делах, знаешь ли, *размер не имеет значения*… уровень технического развития, в смысле.

— Ясно… — пробормотал Иоанн. — Я-то надеялся, нам надлежит лишь разыскать подозрительно успешного прозревателя будущего — звездочета там, чернокнижника, или, на худой край, юродивого; ну и *разобраться* с ним. Вроде как англичане с той французской ведьмой: сообразили, небось, вовремя, что ей *подсказки* идут — как дофина в толпе опознать, как Орлеанскую операцию спланировать, предвидя все ходы противника, — ну и сумели-таки *законопатить протечку*. Могло и не сработать, если это правда насчет «вода дырочку найдет» — но они рискнули: всё же *лучше так, чем никак*… Но у них-то хоть понятно было — КТО! А ведь если это может быть и не человек вовсе, это даже не иголку в стоге сена искать, а именно что — ветра в поле!

— Вот, к примеру, — сообразил вдруг он, — всем известно, что ворон — птица вещая; а ну как эта твоя *протечка* как раз в ворона-то и вселится? И примется тот, ни для чьего глаза незаметно, хозяину своему *подсказки* делать. Ну и как такое со стороны отловишь? — это ж совсем безнадёга…

— А вот и нет, не совсем! — помотал головой приободрившийся чуток неотмирный гость. — Я ведь тебе не зря говорил тогда: запрещена к передаче в прошлое только *значимая* информация — та, что влияет на политические решения и имеет исторические последствия. Так вот, если этот твой ворон будет лишь подсказывать своему хозяину, чтО тому выпадет в картах — туз или пиковая дама — это пускай себе. А вот если он четко и недвусмысленно остерегает хозяина от опасностей, и некий король или полководец раз за разом, «по счастливой случайности», избегает покушений — это да, как раз она, *протечка*! То есть искать надо всё равно человека, которому подозрительно везет и который знает то, что знать ему вроде бы неоткуда — да не просто человека, а политического лидера. А уж где-то рядом с ним обнаружится и сам *канал*: маг-каббалист, сочиняющий центурии, твой вещий ворон, или там — мидасова тростниковая дудочка, не знаю!

— Да, и кстати! — продолжил он, — Насчет той «французской ведьмы» ты, скорее всего, угадал. Но только вот *ликвидировали* ее наверняка сами французы — руками англичан, стакнувшись с теми ради такого пожарного случая. Впрочем, тут *знать точно* нам никогда не дано…

— Уже легче! — невесело усмехнулся Иоанн. — Но таких случаев, чтоб кому-то точно удалось *законопатить протечку*, не

бывало? Или может всё же были, но — *власти скрывают*?

— Ну да: может, и были, — кивнул гость из будущего. — Но ведь если *отвремление* всё же уцелело — как узнаешь, что некогда у АИ возникал соблазн его стереть, а потом как-то *всё рассосалось*? Впрочем, постой!.. Дай-ка я сейчас проверю одну догадку…

Иоанн терпеливо ждал. Ангел-хранитель, как и тогда, запорхал пальцами по невидимым клавишам, бормоча под нос не то команды, не то заклинания. Наконец он поднял взор и вымолвил со сдержанным торжеством:

— Вот, нашел! Похоже, это как раз то, что нам надо. Была одна загадочная история в Европе… точнее сказать — *будет*, где-то век спустя по вашему счету, но поскольку *отвремление* — другое, тебе о том знать не возбраняется.

…По его рассказу, *играли* там *за Францию* — ну, за *тамошнюю* Францию. В 1668 году («…Если по вашему летоисчислению — у них там чуть другое, от другого папы, Григория»), игра «стала *сбоить*» — вроде как нынче здешняя. Король тамошний получил, похоже, о том предупреждение от ихнего, французского, *ангела-хранителя* — и отнесся к нему в высшей степени всерьез: немедля принялся за *локализацию протечки*. Это всё — его, архангеловы, догадки и умозаключения («…Тут никто точно ничего знает, да и знать не может»); факты же таковы.

Вскоре в цитадели Форт-Рояль для содержания государственных преступников на острове Сен-Маргерит появился загадочный заключенный под номером 64489001, чье имя так и осталось никому не ведомым; проведя 34 года в строжайшей изоляции (и не задерживаясь при этом надолго ни в одной из французских тюрем), он умер в 1703 году в альпийской крепости Экселес и был тайно похоронен как «некто Мартеоли».

Лицо узника было навсегда скрыто неснимаемой железной маской, оклеенной снаружи черным бархатом. Содержался он в достаточном комфорте, в обширной камере за несколькими дверьми, закрывающимися одна за другой так, чтобы никто не мог услышать, что происходит внутри. Приставленные к нему тюремщики (правильнее, впрочем, было бы назвать их слугами) были глухонемыми и, разумеется, неграмотными. На протяжении всех тех 34 лет охраной «Железной маски» командовал один и тот же человек, Бенинь Доверн де Сен-Мар, переводимый вместе со своим подопечным из одной тюрьмы в другую; сам он при этом ни разу за все те годы не общался с узником напрямую — только через тех глухонемых посредников. А после смерти 64489001-го стены его камеры тщательно выскоблили и заново побелили, всю

одежду и постель сожгли, а все металлические предметы, с которыми тот хоть раз соприкоснулся, переплавили.

Само существование «узника 64489001» было государственной тайной. На случай возможных утечек же загодя запустили *двуслойную* дезинформацию, к разработке которой самолично приложил руку король Людовик XIV. Верхним слоем шла романтическая легенда, будто под железной маской упрятан брат-близнец царствующего монарха (путаница в определении того, кто из близнецов родился первым, могла стать угрозой для трона); правда, «близнец» тот первые 30 лет своей жизни, до 1669-го, никому никаких проблем своим существованием отчего-то не доставлял… Для *серьезных людей* же (которым такую сказочку, разумеется, не скормишь) была сочинена легенда номер два. Король собственноручно писал, будто «Железная маска» — тяжко проштрафившийся и вызвавший монарший гнев генерал Вивьен де Булонд. Это королевское письмо, чудом уцелевшее в неразобранных архивах, было зашифровано так называемым «Великим шифром, *Grand Chiffre*» (его создали специально для Людовика гениальные криптографы Россиньоли, отец с сыном; взломать тот шифр их коллегам удалось лишь два с половиной века спустя), и употреблялся он лишь для топ-секретной переписки короля с высшим руководством Франции. Остается добавить, что настоящий генерал де Булонд действительно побыл некоторое время таким же «секретным узником» — однако отсидел свое, благополучно вышел на волю и умер своей смертью в 1709-м, через шесть лет после «Мартеоли»…

— Ну-с, и что вы на это скажете, Ваше Величество? — завершил свое повествование архангел.

— Да уж… — покачал головою царь. — Кто бы тот ни был — хоть и вправду брат короля! — за те 34 года отравить его потихому, *«на благо Франции»*, было бы и проще, и надежнее… И чем там у них дело кончилось?

— В том-то и фишка, что — НИЧЕМ! В том смысле, что *отвремление* то существует себе и поныне, претензий к нему вроде бы нет. А невдолге после того тамошняя Франция достигла наивысшего расцвета и величия за всю историю.

— Если я правильно уловил твою мысль, — задумчиво проговорил Иоанн, — царственный брат мой Людовик сумел-таки отыскать *человека, ставшего каналом*. Только *ликвидировать* того, как в той истории с «ведьмой», король не стал: на такое, видать, решаются лишь от полного отчаяния, когда выбора уже нет вовсе. Взамен — он того *наглухо заизолировал*, и информации *протекать*, из-за тех тройных дверей камеры, стало просто некуда. А поскольку *человек-канал* ОСТАЕТСЯ ЖИВЫМ — «искать

дырочку», сиречь новые каналы, та «вода» тоже не может! Ну и длил король это *Status Quo* год за годом; может, он просто конец свой и страны своей так оттягивал — но вышло в итоге, что как-то за те годы *проблема сама собой рассосалась*… Гениальный ход, что тут еще скажешь. Интересно, Людовик сам до него додумался, или подсказал кто?..

— Подозреваю, — усмехнулся гость из будущего, — что он додумался примерно как ты сейчас.

— Как МЫ сейчас, — поправил царь. — Мне чужой славы не надо… Так чтО там, за те 34 года АИ — смиловался и передумал? Или ждать ему надоело?

— Навряд ли… — качнул головою архангел. — Неведома АИ милость, да и мыслей, в нашем понимании, у него нету. Это, по всему видать, были своего рода «естественные процессы» в его мозгах. Похоже, возникший канал из будущего в прошлое может затягиваться, как рана… Или вот — как раз про «воду, ищущую дырочку»: бывает, что труба трескается, но если трещина невелика, она со временем зарастает накипью, и *подтекать* — перестает.

— Проще всего было бы, конечно, — ухмыльнулся вдруг он, — *каналоносителя* этого сАмого — *сунуть в списанный «призрак» и загнать в подпространство до скончания времен*…

— Призраки? — убито откликнулся Иоанн на понятую по-своему реплику архангела. — Этого еще не хватало… как же мы про призраков-то позабыли?.. Ведь через них бесперечь всякие пророчества идут! А с этими-то — как совладать?

— Да не бывает в Мире сём никаких призраков, — отмахнулся, сморщась, гость из будущего. — Не-бы-ва-ет: э*то я тебе, голуба, говорю как краевед*!

— Да ну?! А что бывает??

— Оптические эффекты и расстройства в мозгах. Видящий призрака беседует с собственными галлюцинациями — хотя глюки те может наводить ему и *канал*, это да. Но спецподразделение *«Охотники за привидениями»* заводить в Службах точно ни к чему… Да и всё, что творится по части *протечек* за окоёмом цивилизованного мира, где-нибудь в Японии или Америке, тоже наверняка ни на что у нас тут не влияет; тоже можно *забить и не париться*. И кстати, — вновь ухмыльнулся он, — отловленного *каналоносителя* можно, небось, не в *подпространство загнать*, а в какой-нибудь Китай — с тем же результатом!

— Что же, — вздохнул Государь, — *жить стало легче, жить стало веселей*: призраков, стало быть, из розыска вычеркиваем, Японию с Америкой тоже…

Встал и в задумчивости прошелся по комнате:

— Значит, надежда всё же есть… ну, хоть тень ее. Если сумеем хотя бы распознать этот самый *канал*. Если придумаем, как его *заизолировать*. Если, кстати, мы вообще сейчас правильно *угадали*. И еще неведомо сколько «если»… А теперь давай-ка начистоту: сколько АИ нам еще жизни отмерил — по твоим ощущениям? Сколько на всё про всё времени отпущено?

— Не знаю точно, — «ангел-хранитель» беспомощно развел руками, — да и сам АИ этого не знает! Где-то полгода, по вашему счету… от силы год — но это вряд ли…

— Что ж, — подбодрил его Иоанн профессиональной улыбкой отца-командира, — как говорится: «*Времени мало, но время есть*»! Ты главное — сам, своими руками, Игру нашу там не сотри прежде времени.

— Вот уж — точно нет! Ваша Игра для меня теперь очень-очень дорога, — произнес неотмирный гость со странным выражением. — Так дорогА, что дороже, пожалуй, и некуда… Впрочем, — спохватился он, подымаясь на ноги, — вам все эти обстоятельства знать ни к чему.

Обернувшись перенять из воздуха вознамерившийся было оборваться с невидимого подвеса «Дамоклов меч», царь опять упустил момент исчезновения визитера из будущего. Когда призрачный синеватый свет померк окончательно, он тихонько, чтобы не разбудить спящую Кони, затеплил свечу и перебрался из опочивальни в кабинет. Накинул на плечи домашний зипун, вдел ноги в суконные чуни (по полу ощутимо тянуло холодом) и сел за письменный стол.

Память у Иоанна была сильная, но именно поэтому он ей сейчас не доверял: *деталь*ки могут пропасть. Достал лист из стопки бумаги, нарезанной четью, взял свинцовый карандаш и начал писать. Само это занятие успокаивало и помогало сосредоточиться.

Когда он сплошь исчеркал пометками первую бумагу и перешел на вторую, его посетило вдруг отчетливое ощущение, что совсем недавно он слышал нечто, имеющее — как теперь стало понятно! — отношение к этому делу. Прорицания, пророчества… юродивые? — нет, не то… Митрополит Филипп? — нет, не от него… Стоп! Стоп-стоп… Ну-ка, проверим!

Боясь упустить мелькнувшую догадку, Иоанн позвонил в колокольчик:

— Начразведки Басманова ко мне, немедля!

— Федор Алексеевич, ты намедни помянул вскользь

английского звездочета, что организовывал тут картографические изыскания в Студеном море — поиски северного морского пути в Китай, или что-то вроде. Это не тот ли самый, что некогда изготовил нам невидимые чернила для Курбского?

— Вы имеете в виду Джона Ди, государь? Да, это он. Сейчас он уже должен быть в Ливонии.

— Ах, вот даже как… А как фамилия этого «D»?

— Это и есть его фамилия, государь: «Dee», — объяснил начразведки. — Он не англичанин, а валлиец, это такой отдельный народец у них на Острове…

— Я в курсе, как звучит титулование их наследников престола! — раздраженно откликнулся Иоанн.

— Не вели казнить, государь! — это я спросонья… Так вот, этот Ди, похоже, занимался тут розысками какого-то человека. Не слишком успешно, как нам показалось.

— А что о нем вообще известно? Он шпион?

— Разумеется — а как без этого? У себя в Англии он довольно известная личность: математик, картограф, алхимик, чернокнижник. Личный астролог королевы — та вообще неравнодушна к валлийцам и даже владеет их языком, что для англичан большая редкость. Говорят, составляемые им гороскопы отличались удивительной точностью…

— Как?! Как ты сказал??

Царь медленно поднял голову, и Басманов увидел его глаза. *Зрачки у него были во всю радужку*.

— Личный астролог королевы Елизаветы, да. Что-то не так, государь?

— Да нет же, я про гороскопы! То есть он отменно предсказывал будущее, верно?

— Как выражаются сами астрологи: «Предсказания пишут звезды, а мы лишь их читаем — в меру своего разумения». Но да, у него просто поразительный дар. Особенно это касается событий политических. Обычно астрологи за такое не берутся, а Джон Ди умеет улавливать тонкие движения звезд…

Губы царя искривила усмешка.

— Неплохая легенда, — процедил он. — А с какой стати он тогда околачивается здесь, у нас? А не благоденствует в Лондоне, при дворе? Кого и зачем он тут искал?

— Мы не вели тогда специального расследования, государь…

— Узнайте об этом человеке всё и найдите его мне — срочнее срочного! — Иоанн припечатал ладонью раскиданные по столу бумаги. — Пройдитесь по всем его связям, без изъятия. Берите столько людей и столько денег, сколько найдете нужным, подключайте Лондонскую резидентуру. О результатах

докладывать мне ежедневно; более важной задачи у вас сейчас нет!

— Не гневись, государь: *есть что-то, чего я не знаю, хотя по должности своей обязан был бы знать*?

Царь усмехнулся:

— Этого ты, Федор Алексеевич, знать не можешь никак. Считай, что мне вещий сон приснился, скверный сон…

Начразведки вздрогнул.

— Не вели казнить, — вновь пробормотал он, — одно скажи: *там* всё совсем плохо?

— Совсем, — вздохнул государь. — Быть или не быть Миру Сему: он на таком волоске повис, что… Но шанс у нас пока есть — если будем действовать быстро и правильно. И очень, очень тихо. Этого достаточно?

— Более чем достаточно, государь. Твоим снам я доверяю безгранично.

Глава 14

В интересах Союзников

На эсминце капитан Джеймс КеннЕди,
Гордость флота англичан Джеймс КеннЕди.
Не в тебя ли влюблены, Джеймс КеннЕди,
Шепчут девушки страны: «Джимми, Джимми!»
<…>
Ранен дважды, но дошел Джеймс КеннЕди.
Груз в советский порт привел Джеймс КеннЕди.
«Как вы храбро дрались, сэр Джеймс КеннЕди!»
— Я британский офицер Джеймс КеннЕди!

«Джеймс КеннеЕди» — популярная советская джазовая песня времен Великой Отечественной войны

В одной руке финка, во другой лимонка,
на манжетке запонка, на запонке японка.

Михаил Щербаков

По исчислению папы Франциска 13 октября 1563 года.
Ливония, Рига. Порт и контора «Западно-Балтийской компании».

= =

Диверсант
Джеймс Бонд
Сведения
Мастерство: 6 звезд
Возраст: 30 лет
Местонахождение: Ливония
Черты характера
Хороший слушатель (Этот человек обладает талантом выслушивать местные слухи, по крупицам вылавливая истину: Изворотливость в шпионаже +1)
Умелый диверсант («Тебе же было сказано только выбить дверь!..» Этот человек — умелый диверсант, даже слишком

умелый: Изворотливость при организации диверсий +2)

Хладнокровный убийца (Этот человек убил немало агентов других государств. «Убей человека — и ты убийца, убей многих — и ты завоеватель, убей их всех…»: Изворотливость при заказных убийствах +3)

Тайный гомосексуал (Хотя женское платье — всего лишь маскировка в его шпионском деле, ему это нравится: Изворотливость при заказных убийствах +1)

Привлекательность порока (Его острый ум сражает дам, а острая шпага — кавалеров. Этот негодяй лишь зовется «джентльменом». Он никогда не изменится, потому что не видит причин, по которым ему стоило бы стать «лучше»: Фехтование на дуэлях +1)

Вспомогательные персонажи

Пронырливая обезьянка (Порой и у макак бывают тайны: Изворотливость в шпионаже +1; изворотливость при организации диверсий +1; изворотливость при заказных убийствах +1)

= = = =

— Полагаю, что вас, сэр: мы высаживаться тут не планировали.

О как…

— Ну, как говорят у нас, в Королевском флоте: доброго ветра вам, сержант!

— А вам — доброй охоты, сэр. Храни вас Бог! — откозырял фельдъегерь; он был немец, из здешних — так что, похоже, национально-религиозными фобиями ИвАново государство и вправду не страдало.

Оскальзываясь матросскими башмаками в снежной каше, облепившей пирс, Бонд зашагал навстречу так и не двинувшемуся с места человеку в зюйдвестке (проверив предварительно, еще на палубе, нормально ли выхватывается тесак из-под шубы — да, всё как надо); приблизившись же на дюжину шагов, он и сам замер в неподвижности — от изумления.

— Приветствую Восточно-Балтийскую Компанию от лица Западно-Балтийской! — Фрол Фомич успел за это время избавиться от бородки и вполне сошел бы теперь за голландского матроса в любом порту северной Европы. — Ты как насчет глотнуть-согреться?

— Вот уж не откажусь, так не откажусь! — лишь покрутил головою Бонд, принимая из рук *коллеги* извлеченную тем из-за пазухи флягу с водкой, настоянной на кайенском перце; пока продышивался, отирая слезу (хотя напиток был самый *правильный,* и микровзрыв крюйт-камеры произошел в точности там, где следовало: не во рту, и не в горле, а в пищеводе — аккурат напротив солнечного сплетения) — получил несколько секунд на приведение мыслей в порядок, но не особо в том преуспел.

— Не давая вашему изумлению развиться до размеров болезненного, коммандер, — понимающе усмехнулся новгородец, отсалютовав ему фляжкой и отхлебнув в свой черед, — объясняю: я не перенесен сюда, вперед вас, силами черной магии — как вы, похоже, решили. Просто мой корабль последовал за вашим буквально через пару часов, и при этом не задерживался на траверзе Данцига.

Бонд кивнул. «На траверзе Данцига» ему велено было спуститься в кубрик и не высовывать оттуда носа ни под каким видом, а корабль тем временем на несколько часов лег в дрейф; передача срочной почты для тамошней резидентуры, понятное дело…

— Кое-кто тут хочет с вами пообщаться, коммандер, причем срочно, а главное — до того, как вы объявитесь в… э-ээ… местном отделении «Восточно-Балтийской компании». Возникли

подозрения, что происшествие в «Трезубце» не было случайной накладкой.

— Ах, вот даже как… — пробормотал Бонд. — Так я с самого начала был у вас под колпаком?

— Ну, не так уж, чтоб прямо «под колпаком»! — протестующе помотал головою Фрол Фомич. — Но кто вы таков, мы примерно себе представляем. Оценить каперскую угрозу для грядущих Балтийских конвоев в портах вдоль пути их следования — задача важная, но она не для оперативника вашего класса, да и не ваш это профиль… Эрго, этот «секретный инспекционный вояж» — лишь прикрытие для более важной и более секретной миссии.

— Что ж, я принимаю ваше приглашение. С благодарностью принимаю, — чопорно поклонился Бонд, обводя взглядом безлюдный заснеженный пирс и развернувшийся уже на обратный курс «Снеток»; можно подумать, будто у него есть выбор… — Куда мы направляем стопы — в неприметный портовый кабачок, или прямо в… э-ээ… местное отделение «Западно-Балтийской компании»?

— Второе. И вот вам, кстати, русская shapka, — Фрол Фомич извлек из-под плаща мурмолку, на манер тех, что они с Титом Кузьмичом носили на Рюгене. — Ваш английский «пирожок» несколько дисгармонирует с вашей shuba, а нам сейчас ни к чему особые приметы.

Надвинув едва ль не по самый нос — Бонд мурмолку, а новгородец капюшон от зюйдвестки (что выглядело вполне уместным по погоде), *коллеги* двинулись прочь из порта. Вскоре вокруг них разом выступили из снежной мути (везет им нынче с погодой, в смысле контрнаблюдения, тьфу-тьфу) стены двухэтажных фахверковых домов с черепичными островерхими крышами — богатый ганзейский город Рига, судя по его виду, вполне себе процветал и «под пятою азиатского деспота»…

— Судя по тщательности, с какой ты *проверяешься*, Фрол, у вас тут *сложная агентурно-оперативная обстановка*…

— Да, не без того… Кстати, я попросил бы тебя воздержаться от попыток дать нам тут *мастер-класс*. Ты тогда, в Занитце, столь качественно *обрубил хвосты*, что мы тебя едва не потеряли… с понятным для тебя исходом.

Бонд мрачно кивнул. История с «Трезубцем» выходила на деле еще хуже, чем казалась на первый взгляд, хотя, казалось бы — *хуже уже куда же*…

— А я-то полагал, что в этом городе всё-таки вы — хозяева…

— Мы тут примерно такие же хозяева, как вы — в голландских cautionary towns, арендованных береговых базах вашего экспедиционного корпуса. Английские гарнизоны и

английская юрисдикция, а под всей этой корочкой — разветвленные агентурные сети испанцев и обширное боевитое подполье из непримиримых католических эмигрантов, плюс контролируемый теми портовый криминалитет. Да и голландцы — даром что союзники и даже comrads-in-arms — сплошь и рядом ведут свою собственную игру…

Бонд некоторое время молча переваривал сказанное, хотя к уровню информированности новгородских *коллег* можно было б уже и попривыкнуть… Ему оставалось лишь небрежно обронить в ответ:

— Да, аналогия понятна. Плюс к тому, у вас тут еще, небось, сложные отношения с ведомством Малюты Лукьяновича. Тот ведь стал ощутимо *тянуть одеяло на себя* — я верно употребил эту русскую идиому? — по части контрразведывательной активности…

— Твой русский прогрессирует не по дням, а по часам, Джеймс! — рассмеялся Фрол Фомич, хотя и чуть принужденно. — А вот, кстати, мы и пришли.

Офис «Западно-Балтийской компании» представлял собою добротное двухэтажное здание без особых примет, но с отличными подъездными путями и неплохим обзором на все четыре стороны. Обычная купеческая контора, оценил Бонд — не только на первый, но и, пожалуй, на последующие взгляды: важные непроницаемые клерки (сплошь — немцы), мечущиеся — *глаза поперёк,* так? — торговые агенты, prikazchiki, с накладными и образцами товара…

Фрол Фомич проводил его на верхний этаж, где располагались кабинеты начальства, по жутко скрипучей (ага…) лестнице мимо привратника, чей затрапезный вид можно было счесть некоторым даже перебором по части маскировки. После условного стука (так-так…) он распахнул одну из дубовых дверей — «Прошу, коммандер, вас ожидают», — а сам почтительно остался в коридоре. Бонд переступил порог, снимая по русскому обычаю shapka, и ощутил, как ноги его прирастают к полу — и покрепче, пожалуй, чем перед тем, на пирсе.

Левый из двоих джентльменов, ожидавших его за заваленным бумагами столом, был известен ему доселе лишь по словесному портрету. Атлетически сложенный, но узкий в костИ красавец, в любой толпе выделявшийся бы как золотой в пригоршне медяков, оглядывал Бонда *с ласковым прищуром*. Вот, значит, каков он — легендарный новгородский Spy-Master Теодор Басманов; *«С девичьей улыбкой, с змеиной душой»* — сразу припомнилась коммандеру выдержка из его досье. Прекрасный Антиной с демонстративно английской кличкой Junior и демонстративной

же, как утверждают знающие люди, нетрадиционной ориентацией… Другие знающие люди, впрочем, с не меньшей уверенностью утверждали, что последнее — *легенда*, причем в обоих смыслах; и шутили, что сэр Теодор таким способом отбивается от посягательств *десятков разочарованных дам*, которые иначе просто висели бы на нем гроздьями.

С человеком же, что справа Бонд встречался как-то раз в штаб-квартире Службы на Сизинг-Лейн: тот снабдил его тогда перед некой головоломной миссией на Континенте некой секретной… *алхимической субстанцией* — скажем так, и обучил ею пользоваться. Сейчас он казался много старше своих лет — из-за длинной седой бороды и свисающих усов; очень высокий лоб и внимательные глаза под кустистыми бровями, вкупе со свободной черной одеждой, придавали ему сходство то ли с духовным лицом, то ли со сказочным волшебником. При встрече тот представился ему как «D» (на манер других сотрудников технического отдела Службы — «Q» и «R»), и лишь много позже коммандер узнал, что это был не кто иной, как знаменитый алхимик и математик Джон Ди, личный астролог королевы и личный Уолсингемов агент для особых поручений «007». В распоряжение которого он, собственно, и был сейчас откомандирован сэром Фрэнсисом под видом (черт, как русские до этого докопались?..) тайного обследования балтийских портов.

— Разоблачайтесь и присаживайтесь, коммандер, — лучезарность улыбки русского Nachrazvedki ясно свидетельствовала, что дела у них тут — совсем дрянь. — Как говорят у нас — «В ногах правды нет»; у вас, правда, добавляют, что ее нет и выше, ха-ха…

— Ха-ха, — мрачно откликнулся Бонд, вешая на вбитые в стену колышки свою shuba и перевязь с тесаком. — Вы представите друг другу нас с этим джентльменом, сэр Теодор? — кивнул он в направлении Ди.

— Господи, Джеймс, — поморщился тот, — твои предосторожности, бесспорно, уместны, но малость запоздали.

Джуниор тем временем водрузил на стол, сдвинув на край бумаги, три серебряные чарки:

— Что вы предпочитаете в это время суток, коммандер? Виски, джин, русская водка… мартини, к сожалению, предложить не могу.

— Тогда pertsovka — какой меня сразу угостили на причале.

— Рад, что вам понравилось. Мой личный рецепт!

Когда чокнулись «со знакомством», многозначительно добавив «с личным знакомством», заговорил Ди:

— Как ты наверняка уже догадался, Джеймс, нам предстоит

совместная секретная операция с нашими новгородскими союзниками… — («*Союзниками*», не «*коллегами*» — отметил про себя Бонд). — Ты прикомандирован к русской разведывательно-диверсионной группе, имея автономную задачу. О вашей основной миссии — позже, а перед тем, в качестве ее подготовки, вам предстоит *работа* в одном из Ганзейских городов… в Кёнигсберге. Там надо вытащить кое-кого из тюрьмы, и это всё настолько внезапно и срочно, что единственный вариант — *силовая операция*. Теодор, друг мой, — обернулся он к Джуниору, — представьте коммандеру его спутников; а то нам с ним еще нужно время *пошушукаться*.

— Когда выступаем? — поинтересовался Бонд, дисциплинированно проглотив легшее уже на язык военно-морское ругательство.

— Нынче же после обеда, — задушевно улыбнулся Джуниор. — Собственно, только вас и дожидались…

На колокольчик начразведки из смежной комнаты появились трое; Бонд встал, почувствовав, как ноги его прирастают к полу в третий уже раз за последнюю пару часов.

— Ну, с лейтенантом Фролом Фомичом и сержантом Титом Кузьмичом вы уже знакомы. А это Анна Зимина, майор Зимина — спецагент «Амазонка».

— «Амазонка»? — со всей галантностью поклонился Бонд. — Мне даже представить страшно, мадмуазель, сердцА скольких мужчин пронзили насмерть выпущенные вами стрелы!

— Вообще-то, я просто *предпочитаю верхнюю позицию,* — голос ее был чарующ, улыбка — обворожительна, а нетающего льда в ее глазах цвета штормовой балтийской волны с избытком хватило бы на сорок сороков замораживающих компрессов. — *Во всех смыслах*. Во всех — *доступно*, коммандер?

— Майор Зимина немного уступает вам чином, коммандер Бонд, — с видимым удовольствием прокомментировал со своего места Джуниор, — но командование Кёнигсбергской операцией возложено на нее, а вы находитесь в ее оперативном подчинении.

«Господи помилуй, — подумал он, с какой-то странной и совершенно неожиданной для себя горечью, — через что же ей-то пришлось пройти, чтобы — в нашей с ней *Системе* — дослужиться до *чина, немного уступающего моему*?» И понял, что размышлять на эти темы он совершенно не хочет. И не станет.

— А я-то надеялся, что основная моя операция — вот, — с этими словами Бонд, аккуратно распоров зашитый еще в Лондоне внутренний карман своего жилета, передал Ди непромокаемый клеенчатый пакет весом добрых полфунта, облепленный

сургучными печатями Службы.

— Господь с тобой, Джеймс! Использовать специалиста твоего профиля и твоего уровня как курьера-экспедитора, даже для такого ценного… можно даже сказать: сверхценного! — груза… Нет, это было такое же прикрытие, как и «экспертная оценка каперской угрозы», только для — *совсем уж внутри* Службы. А вводные по основной операции я дам чуть позже, когда вы вернетесь из Кёнигсберга.

— Вы хотите сказать: ЕСЛИ я вернусь из Кёнигсберга, сэр?

Ди с похвальной честностью вздохнул и развел руками. Они коротали время в *неприметном портовом кабачке*, ожидая условленного срока для сбора разведгруппы на причале N 6, после наступления сумерек.

— Жизнь разведчика полна превратностей, Джеймс… Кстати, очень рекомендую здешнего копченого угря и темный лагер — лучший, пожалуй, в этой части Континента!.. Так вот, в курсе той, основной, операции «Валькирия» трое: Ее Величество с сэром Фрэнсисом и я, как case officer — ведущий операции. Сами понимаете, коммандер — насколько некстати было бы вам, с такой информацией в голове, угодить в руки врага *живым*.

— Благодарю вас, сэр, вы очень заботливы!

— Не за что, Джеймс. Так вот, продолжаю. Ваша основная операция засекречена наглухо даже внутри самОй Службы. И под этим углом зрения попытка захватить вас в «Трезубце» начинает отсвечивать совсем новыми красками…

— Но с какого же уровня тогда идет утечка??

— Вот именно!.. Правда, доктор Оккам, со своей рекомендацией «не плодить новые сущности сверх необходимого», подсказывает и более простое объяснение: измена внутри самой Службы. Перемудрили наши с этим «прикрытием в два слоя» — и кто-то из круга специально допущенных к информации о *сверхзасекреченном транзите* соблазнился идеей завладеть тем *сверхценным* грузом, *прибрав* курьера…

Бонд, прищурясь, кивнул. В пакете было полфунта, и на ощупь — точно не бумаги; значит — либо *камешки*, либо *алхимия*. В обоих вариантах — хватит на безбедную старость… где-нибудь на Континенте.

— А коли так, — продолжил Ди, помогая смуглому телу угря освободиться от сковывающих его одежд — шоколадной змеиной шкуры, — *крыса*, возможно, сидит как раз в здешней резидентуре. И это сразу *засветит до кишок* ту — основную — операцию, еще до ее начала. Потому-то мне и необходимо было перехватить вас, коммандер, до того, как вы объявитесь в здешнем отделении «Восточно-Балтийской компании» — как следовало по

инструкции.

Бонд опять кивнул — тяжелее прежнего:

— И каков наш план, сэр?

— Вы сейчас, по счастью, вовсе пропали из поля зрения Службы — благодаря попутному царскому пакетботу; собственно, временно залечь на дно после той рюгенской истории было бы для вас вполне естественной предосторожностью… О нашем с вами контакте, и вообще о вашем прибытии в Ливонию, здешняя резидентура не знает — и, надеюсь, узнает не скоро. Так что нынче я, сменив служебную ипостась свою с «Агента 007» на «D», предаюсь тут, в рижском уединении, своеобычным ученым занятиям и терпеливо дожидаюсь коммандера Бонда — с грузом необходимых мне *алхимических ингредиентов* — из его отчего-то затянувшейся «инспекционной поездки»… Кстати: кое-какие полезные для вашей миссии девайсы я тут и вправду уже изготовил! Ну а ОНИ — или ОН — станут следить за мной, дабы выйти через меня на вас, коммандер; в смысле — на ваш *пакет*… если наши предположения верны.

На сей раз Бонд — столь же мрачно — помотал головой в знак несогласия:

— Осмелюсь доложить, сэр: вы играете с огнем! *Ведущий операции* в роли *живца* — это против всяких правил, вы отбиваете хлеб у боевиков, вроде меня.

— У тебя прямо сейчас будет другая работа, Джеймс, — вздохнул Ди. — Работа, которую мне точно вместо тебя не потянуть: в Кёнигсберге.

— Против этого трудно возразить, сэр… Так чтО там за *силовая операция*? Мы проводим ее *в интересах русских союзников*?

— Наоборот: это русские проводят ее *в интересах английских союзников*; конкретно — моих… с Ее Величеством.

— Я весь внимание, сэр.

— Нам… мне!.. нужен человек по имени Серебряный… по причинам, которые *пока* вас не касаются. Князь Никита Серебряный, бывший новгородский воевода. Он расплевался со своими — те устроили ему весьма скверную подставу по ходу секретной операции — и жил-поживал в *Нейтралке*, на «ничейном» стыке границ Ливонии, Литвы и Московии. Но вот — прискучил «идиотизмом деревенской жизни» и, будучи натурой инициативной и деятельной, перебрался в ближайший ганзейский город, Кёнигсберг. Там за пару лет сколотил неплохое состояние, играя на бирже — *чуйка* у парня работает отменно. Почтенный состоятельный гражданин вольного города с красавицей-женой… Слишком красивой, как оказалось.

— Что, привлекла к себе галантное внимание кого-то из

местного начальства? — хмыкнул Бонд. — И тот, недолго думая, пристроил мужа в каталажку, чтоб не мешался? Распространенный сюжет…

— Увы, Джеймс — наш сюжет куда мрачнее.

— Господи помилуй… — тихо произнес Бонд, отставляя кружку. — «Ведьма и Инквизиция»?

— Да, именно так. Это не Инквизиция в точном смысле слова, но для нас — и для нее — это сейчас совершенно несущественно: жечь красивых теток у них там, в немецких землях, — любимейшая народная забава, вполне себе *внеконфессиональная*… Ее взяли пару недель назад; могли бы казнить уже давным-давно, но у тамошних ведьмоборцев, к счастью для нас, оказались на нее собственные виды. Оттого у нас и образовался некоторый — хоть и крохотный — запас времени.

— Давайте я угадаю, сэр: этот самый, до зарезу нам необходимый, Серебряный согласился с нами сотрудничать лишь при условии, что мы *вытащим* его жену… Неслабо!

— Верно. Оказалось, что сами мы тут, к сожалению, бессильны: у нас в Кёнигсберге даже нет резидента — да и откуда бы ему там взяться? И тогда я, пользуясь своими чрезвычайными полномочиями — правом действовать «Именем королевы» — обратился за помощью к русским… к новгородцам, я имею в виду. Благо их Служба чувствует себя как дома во всех ганзейских портах… Присаживайтесь-ка поудобнее, Джеймс, придвигайте к себе пиво с угрем и слушайте вводную; что неясно — переспрашивайте сразу.

— Кёнигсберг, — приступил к рассказу Ди, — весьма *сложное* место, во всех отношениях сложное. С 1525 года он — столица герцогства Пруссия: последний Великий магистр Тевтонского ордена Альбрехт Бранденбургский *приватизировал под себя* тамошние орденские владения, а сам переметнулся в лютеранство и провозгласил себя светским государем, «герцогом Прусским». Показал себя весьма искусным политиком, кстати: с Польшей сразу подписал мир, при этом объявил себя сторонником Реформации — дабы сразу отбить любые притязания Святого Престола на былые земли Ордена, — и одновременно принес вассальную присягу католическому польскому королю Сигизмунду.

— То есть протестантизм его — чисто инструментальный? — уточнил Бонд.

— Разумеется! Отличный был государственный лидер — разумный, циничный и просвещенный. К сожалению, недавно он умер — неожидано, хотя ему было уже за семьдесят, — а унаследовал ему малолетний слабоумный сын, Альбрехт

Фридрих. Так что реально правит у них там наспех созданный регентский совет, куда пропихнули своих представителей почти все местные группировки. Вот тут-то и повылезали наружу все общественные хвори, что просвещенный Альбрехт Настоящий если и не исцелил, то хотя бы перевел в латентную форму симптоматическим лечением…

— Как вы сказали, сэр?

— Герцог весьма жестко пресекал межконфессиональные дрязги (примерно как царь Иван), и фактически ввел в своих владениях веротерпимость. Но, как сейчас выяснилось, Порок малость подустал платить дань Добродетели в виде внешних приличий — и былое благолепие по конфессиональной части у них там развеялось. В местном университете, Collegium Albertinum, нынче в разгаре увлекательнейшая грызня за должности в форме теологических диспутов, плавно завершающихся доносами с обвинениями в ереси: ортодоксальные лютеране ратоборствуют с популярным пастором Функом, зятем мистика Озимандера… Альбрехт в последние годы, опасаясь чрезмерного усиления этих протестантских отморозков и ради сохранения равновесия сил, стал по-тихому подкармливать католическую, «рыцарскую», партию при дворе — благо для его-то власти те никакой реальной угрозы давным-давно не представляли. Так оно при нем и было — но в возникшем сейчас бардаке этим *честным тевтонам* померещился шанс вернуть старые орденские владения в Католический мир. При этом они ведут сложную игру с польской партией католических шляхтичей-«экзекуционистов»; то есть они, в противоположность Альбрехту, ситуационно ориентируются на магнатов, а не на короля…

— А в чем тут разница?

— В Польше сейчас весьма могущественно «экзекуционистское» движение шляхты: требование «унитарного польского государства» с «уравниванием» между собой его частей — что подразумевает, в числе прочего, ликвидацию отдельного протестантского герцогства Пруссия. При этом католицизм для экзекуционистов, на самом-то деле, штука столь же инструментальная, каким в свое время для Альбрехта был протестантизм: герцогство-то ликвидировать они мечтают, да, — но при этом вовсе не желают усиления влияния Святого престола: там у них уже заводят речь о создании независимой от Рима Польской церкви, на минуточку; ну и вдобавок они еще и собачатся с королемну — ну, это у них, в Польше, святое…

— Да, *сложно у них там всё*… — вздохнул Бонд. — Но к поставленной перед нами задаче все эти «балансы сил» —

отношение имеют?

— Самое прямое! В прошлом году магнаты-экзекуционисты продавили приезд в Кёнигсберг специальной миссии папских инквизиторов. Альбрехту пришлось — из опасения за свои наследственные права на герцогство, да еще и при малоумном наследнике — согласиться ее принять. Собственно, никаких реальных подвохов он от этой ситуации и не ждал: «Да, мы их примем — не как инквизиторов с властными полномочиями, конечно, а как некую „группу наблюдателей“, которые подтвердят Кракову и Риму, что у нас в герцогстве католиков никто не притесняет»…

— А что надеялись с этого поиметь сами экзекуционисты?

— Они рассчитывали, что папские эмиссары, по своему обыкновению, накосячат: станут лезть затычкой к каждой бочке, работая по юрисдикции буллы *«Licet ab initio»*, реально направленной против протестантизма. В идеале — достанут всех вокруг настолько, что сами угодят на костер; и, в любом случае, отвратят своим поведением местных католиков от Рима — к Кракову…

— Но инквизиторы оказались умнее, чем рассчитывали экзекуционисты… — прищурился Бонд.

— Да, именно так. Они сделали прусским властям «предложение, от которого невозможно отказаться»: устроить роскошный ведовской процесс, причем именно *светский*, «внеконфессиональный». Народ-то тамошний, как уже говорено, хлебом не корми, а дай поглазеть на аутодафе — особенно если актерский состав, занятый в шоу, отвечает критерию *ябывдувабельности*… Регентский совет отвертеться не смог — «Избиратели такого не поймут», — но всячески тянет время, ясно понимая: это на самом деле — камешек в их, протестантский, огород, и весьма увесистый.

— А жена этого самого Серебряного просто подвернулась под руку — оказалась в неподходящее время в неподходящем месте?

— В каком-то смысле — да… Но для такого рода шоу нужна еще и фигура достаточно яркая и *узнаваемая* — что проку от какой-нибудь перепуганной сельской замарашки? А тут — всё как на заказ. Литовская аристократка, жена беглого русского князя — видного и состоятельного горожанина; к его удачливости в биржевой игре, кстати, теперь тоже могут появится *вопросы* — благо он той игрой, надо полагать, нажил себе не только состояние, но и врагов… Красавица — что само по себе уже *состав преступления* для женской половины *электората*, да еще и родом из дальних диких краёв, о которых издавна идет слава, будто «они же там чуть ли не через одного — колдуны и ведьмы».

Ну и — будто этого всего мало! — имела глупость пару раз походя исцелить мигрень местным приятельницам; что, естественно, сразу дало пищу для определенных разговоров… В общем, когда понадобилась «идеальная ведьма» — тут было, что называется, «просто руку протяни и возьми с полочки».

— Ясно. Значит, у них там, вокруг Процесса, три силы…

— Ну, строго говоря, четыре: папские инквизиторы; местные католики-«тевтонцы»; *тайная польская интрига*, предводительствуемая панами Пшекшицюльским и Кшепшицюльским; ну и протестанты из регентского совета. Эти, последние, постоянно грызутся и между собой тоже, но на какие-то совместные действиям всё же способны, поскольку перед ними маячит реальная перспектива полной ликвидации герцогства… И, к сожалению, все несиловые варианты освобождения красотки отпадают по той же самой причине, по которой ее до сих пор не сожгли: да, Совету до смерти неохота поспешествовать Процессу, но при этом каждый из его членов панически боится быть обвиненным в сочувствии «ведьме».

— Это, конечно, не мой уровень компетенции, но… — коммандер некоторое время молчал, взвешивая, но затем решился. — Вы же отлично понимаете, сэр: между шпионажем («Все леди делают ЭТО!..») и силовой операцией в чужой столице — *дистанция огромного размера*. Силовая операция — да еще, не дай бог, с трупами! — это реальный *беспредел*, на грани *casus belli*. Пойдя на это — ради НАШИХ интересов! — новгородцы ставят под удар все свои *добывающие агентурные сети* в Ганзе; я уже не говорю про последствия для нынешнего *de facto* нейтралитета протестантской Пруссии… Чего ради они на это идут? и чего потребуют от нас взамен?.. Еще раз прошу меня простить, сэр, если я лезу не в свое дело!

— Вопросы ваши в высшей степени резонны, коммандер. Ответ на них вы получите сразу по возвращении с задания. Пока могу лишь сообщить, что интересы Ее Величества и царя Ивана неожиданно совпали — вполне себе стратегически. В деле, касающемся — уж прости за высокопарность, Джеймс! — жизни и смерти Мира сего. Ну, а что касается тактики…

Тут «личный астролог и доверенное лицо Королевы» тоже помолчал, давая собеседнику время *проникнуться*, а затем продолжил:

— Ситуация вокруг тамошнего ведовского процесса — четыре разнонаправленные силы, плетущие собственные интриги и устраивающие друг дружке многослойные провокации — идеальна для *перевода стрелок*. Вам надо «всего лишь» не попасться с поличным по ходу операции — а уж кто стоит за

срывом Процесса и куда ведут следы, они потом сочинят для себя сами, без вашей помощи. Ну, а если всё же, не дай Господь, попадетесь… Тогда Родина — обе Родины! — вас знать не знают; это, надеюсь, понятно?

— А что, когда-то, где-то и с кем-то бывало иначе? — усмехнулся Бонд, салютуя Ди кружкой темного.

Глава 15

Ничего личного — просто бизнес

— Что же ты хочешь за это?

— Две тысячи таньга, — робко сказала женщина. Одноглазый толкнул Ходжу Насреддина локтем:

— Она просит ровно треть настоящей цены. Это индийские рубины, я вижу отсюда.

Меняла пренебрежительно поджал пухлые губы:

— Золото с примесью, а камни самые дешевые, из Кашгара.

— Он врет! — прошептал одноглазый.

— Только из сожаления к тебе, женщина, — продолжал меняла, — я дам за это за все… ну — тысячу таньга.

Леонид Соловьев

«Очарованный принц»

По исчислению папы Франциска 15 октября 1563 года.
Кёнигсберг, дом Серебряного в Кнайпхофе, и устье реки Прегель.

Опять моросило, и готический шпиль Кафедрала по ту сторону реки, в Альтштадте, физически ощущался застрявшей в горле рыбьей костью.

Главным для его планов было продолжать вести тот же размеренный образ жизни, что и всегда, не привлекая к себе ничьего особого внимания — ну, сверх того, что уже *привлеклось* само. А также изображать естественные в его положении отчаяние и *раздавленность*… По части отчаяния, впрочем, ничего специально добавлять ему и не требовалось; насчет *раздавленности* же он подумал поначалу изобразить запой, но вовремя сообразил, что и впрямь может сорваться — а голову ему сейчас надлежало сохранять предельно ясной.

Когда Ирину уводили, он сказал: «Всё устроится, хорошая моя, Богом клянусь», а она кивнула — спокойно и совершенно серьезно: «Да, я знаю. Господь тебе поможет». Поцеловаться на прощанье им не дали; командовавший арестом офицер городской стражи (пару раз встречались за картами у достопочтенного Эйлера) виновато развел руками, покосившись на стоящего чуть

поодаль монаха-доминиканца, и сообщил:

— К вам, господин Зильбер, у городских властей претензий нет, — и продолжил, чуть запнувшись, — …пока.

У городских властей-то, может, их и не было («пока»…), но вот хозяева банка «Zukauf und Sohn», где хранились его деньги, восприняли это «пока» на свой манер — заморозив счет.

— Простите, господин Цукауф — на каком основании арестованы мои средства?

— Но это не арест, господин Зильбер, ни в коем случае!

— А тогда — что?

— Это временная приостановка операций на вашем счете. Временная, понимаете?

— И сколько продлится это «время»?

— Пока не наступит ясность в деле вашей жены… в связи с коим позвольте выразить вам наше глубочайшее сочувствие, господин Зильбер!

— И есть какое-то судебное решение? Я имею в виду — не по жене, а по счету.

— Мы получили указание сверху, — (возведение очей горЕ и горестное разведение дланями). — Поверьте, это делается для вашей же пользы, господин Зильбер: вы сейчас пребываете в сметенном состоянии души, и можете натворить глупостей — в том числе фатальных.

— Заботитесь обо мне, стало быть…

— У вас, к сожалению, репутация человека весьма решительного и при этом не слишком законопослушного. Лучше бы вам вообще исчезнуть из города — на некоторое время. Сверху, — (повторное возведение очей горЕ), — дали понять, что препятствовать вам в этом не станут.

— Спасибо за заботу, господин Цукауф. Господь отблагодарит вас за вашу доброту.

Это была катастрофа. Для любого плана по спасению Ирины — подкупа судей, организации побега из тюрьмы или налета на оную с шайкой навербованных лихих людей — требовались не просто деньги, а *большие* деньги; они у него, собственно, и были — в банке этого Цукина-сына. А теперь вот придется обходиться без них — и на месте появившихся уже было планов в голове его возникла пугающая пустота…

На другой день его разыскал пан Пшекшицюльский — один из парочки шмыгающих по Крулевицу польских эмиссаров, что плели, на виду у всего города, какую-то *тайную интригу*. При виде их Серебряному всегда вспоминался иронический стишок польского классика: «В гербе у пана крест — в роду у пана выкрест»… Эмиссар таинственно осведомился: не считает ли пан

Зильбер, что организаторы мерзостного процесса над прекрасной пани Ирэной… *пожили достаточно*, скажем так? От разговора того за версту воняло провокацией — а может, *польские интриганы* и вправду подыскивали дурачка-исполнителя для каких-то своих затей.

Разговор тот Серебряному не понравился крайне. Дело в том, что он тогда сразу положил для себя: ежели Господь не смилуется, и выручить Ирину не выйдет (а командир при планировании операции обязан иметь и резервные варианты на случай неудачи), то отомстит он за нее — по первому разряду. У него от каких-то старопрежних торговых операций сохранилась в укромном местечке пара бочонков превосходного английского тонкозернистого пороха — и фейерверк он им тут устроит такой, что мало никому не покажется. Но неужто у него прямо-таки на физиономии написано, что он вынашивает подобные планы?

Ладно, сейчас как раз подоспело время ежедневного посещения Аглицкого подворья на Рогенштрассе. Князь, как уже сказано, старался не отступать от привычного распорядка и обычных своих маршрутов по городу (фиксируя при этом в уме всякие логистические и технологические детали, вроде «возможного радиуса разлета осколков»), — но крайне важные сейчас для него посещения подворья в схему эту вполне вписывались. Дело в том, что православных церквей в Кёнигсберге-Крулевице не было вовсе, и Серебряному ничего не оставалось, кроме как собеседовать с Господом в часовне на Рогенштрассе, у англикан. Никогда не заморачиваясь особо вопросами обрядности, воевода помнил лишь, на уровне инструкции по тэ-бэ, что от кафоликов православному дозволительно лишь принять предсмертное причастие, лютеране — те «как бы не еще хуже», а вот англикане, по слухам — «почти что возвернулись к нашей, истинной вере»; что его вполне устраивало.

Именно в той часовне девять… нет, сегодня уже десять дней назад произошла встреча со странным, но — по всему чувствовалось — *серьезным* человеком; тот пришел с «предложением, от которого невозможно отказаться» — но, встречно, получил такое же. Человек выслушал, уважительно кивнул, сказал, что сам он такие вопросы решать не может — не его уровень, — но если Организация сочтет цену, назначенную князем, приемлемой, тому надлежит быть готовым действовать в любую минуту. На том и расстались.

И сегодня утром Серебряный, с кажущейся рассеянностью наблюдая за работой лодочников на Прегеле (на самом деле — предметно проверял посетившую его вчера остроумную идею о

возможности минирования с воды Кузнечного моста, ведущего с острова Кнайпхоф к Замку в Альтштадте) осознал с абсолютной ясностью: если та загадочная Организация не *войдет в дело* — самому ему не светит ничего, кроме такого рода *акции возмездия*…

Он уже накинул плащ (на улице опять моросило, будто нарочно приближая сумерки), когда прозвенел дверной колокольчик — негромко, но решительно. Сердце князя дало легкий перебой: все здешние знакомства и приятельства его с того самого дня оказались, *внезапно*, замороженными, на манер того банковского счета, — неужели человек из часовни?

Человек на крыльце, однако, показался ему незнакомым. Впрочем…

— Здрав будь, воевода! — несмотря на русское обращение, тот был несомненным немцем. — Зайти позволите?

Серебряный молча посторонился, пропуская пришельца в прихожую, и так же молча засветил погашенный уже было светильник.

— Вы один дома?

— Один, один, я всегда один теперь, — усмехнулся князь. Это было правдой: обоих служанок он сразу тогда отправил по домам, выплатив жалованье за месяц вперед и велев не появляться тут «до особого распоряжения — *во избежание*»…

— Я послан сообщить, князь, что если вы подтверждаете свое согласие словом чести, то операция по освобождению вашей жены начнется прямо сейчас, при вашем участии.

— О каком таком согласии идет речь? — прищурился князь, пытаясь унять бешено заколотившееся сердце.

— Разговор произошел десять дней назад, в англиканской часовне на Рогенштрассе, — терпеливо растолковал пришелец. — Вы поклялись тогда всеми святыми, что ради спасения жены *готовы на всё*; ну а поскольку разговор происходит в доме Господа, добавили вы — вряд ли от вас, воспользовавшись случаем, потребуют взамен бессмертную душу. Вам ответили, что бессмертная душа ваша никому даром не нужна — а вот тело, с его навыками, очень даже пригодится для участия в некой рискованной миссии. Будем считать проверку законченной, князь?

— Да, я подтверждаю и готов. А что за операция нам предстоит сейчас?

— *Вам* предстоит, князь — не мне, — покачал головою связной. — Мое дело лишь сопроводить вас сейчас к пакгаузам грузового порта в Хундегате и посадить в ожидающую там лодку. Тем более, что вам в любом случае следует уносить отсюда ноги,

и немедля: по нашим сведеньям, вас решили-таки подверстать к процессу вашей жены…

На этом месте речь его была прервана осторожным позвякиванием дверного колокольчика. Рука пришельца молниеносно нырнула под плащ (послышался щелчок взводимого курка), а взгляд его впился в лицо Серебряного:

— Как это понимать, князь? Вы же, вроде, один и никого не ждете?

— Так оно и есть. И удивлен не меньше вашего. Встаньте-ка за дверью вон той комнаты — судя по деликатности звяка, это точно не стража.

Это и вправду была не стража:

— Ба, достопочтенный господин Штюльпнагель! Что вас привело сюда в столь странный час?

— У меня новости для вас, господин Зильбер — срочные и, не скрою, печальные. А также — деловое предложение.

— Ну, заходите. Не стоять же под дождем…

Достопочтенный Штюльпнагель имел в деловом мире Кёнигсберга устойчивую репутацию шакала, и — как положено шакалам — обладал превосходным нюхом. Впрочем, тут скорее имел место вариант «информация — мать интуиции»: в основном он кормился хорошо оплаченными инсайдами из Ратуши и из Замка.

— Господин Зильбер, мне достоверно известно, что завтра против вас будет выдвинуто обвинение в колдовстве: дескать, ваша удачливость в биржевой игре — не от Бога, а от диавола. Одним ужасно не хочется расставаться с вашими деньгами, зависшими в их банке, другие пребывают в заботах о городской казне — в плане возможного оттока капитала из Города…

— Понимаю: «Ничего личного — просто бизнес». А достопочтенным «Zukauf und Sohn» и поступить-то иначе просто не позволила бы фамилия…[12]

— Вы всё шутите, господин Зильбер… А ситуация, меж тем, к шуткам не располагает совершенно! Вы понимаете, что у вас есть время лишь до завтра — чтобы бежать из города?

— Досточтимый господин Штюльпнагель, давайте ближе к делу! Мы знакомы не первый год, и я в жизни не поверю, что вы пришли сюда подарить мне свой инсайд о завтрашнем аресте просто от широты душевной. Так чтО вы там говорили о «деловом предложении»?

— Да, время не терпит… Для бегства и обустройства на новом месте вам понадобятся деньги, а их у вас сейчас нет — нет настолько, что вы, как мне стало известно, тишком распродаете всякую ерунду. Надежды на замороженный счет нет более

никакой. Но я готов прямо сейчас купить у вас этот дом — ведь он вам всё равно больше не понадобится!

— Что ж, ожидаемо… Что вы скажете о сумме в две тысячи талеров? С учетом того, что он стОит никак не меньше шести.

— Увы, у меня просто нет таких денег! Тысяча талеров… ну, тысяча двести — это всё, чем я располагаю.

— Ладно, пускай будет тысяча двести.

— Тут есть еще одна загвоздка: у меня сейчас проблемы с наличностью. Так что золотом я заплачУ вам сейчас шестьсот пятьдесят, а на остальное выпишу вексель… Да-да, я догадываюсь, чтО вы сейчас думаете, но…

— Я думаю, господин Штюльпнагель, что в моем положении шестьсот пятьдесят это лучше, чем ничего — и покончим с этим вопросом.

— Вы — воистину деловой человек, достопочтенный господин Зильбер!

— Да, и именно потому, что я — деловой человек, у меня есть важное дополнение по этой сделке. Точнее, по ее оформлению.

— Я весь внимание, достопочтенный господин Зильбер!

— Покупка-продажа такого дома за десятую часть его реальной цены не украсит ни ваше резюме, ни мое: вы в этой сделке выглядите мародером… прошу меня не перебивать!.. а я — лохом-терпилой. Поэтому мы оформим всё это иначе. Я выпишу вам на этот дом не купчую, а дарственную, задним числом… надеюсь, у вас нет проблем с нотариусом, который заверил бы ее, без моего участия, нынче же вечером?

— Никаких проблем!

— Отлично. А вы сейчас выпишете расходный ордер, от того же числа, о выданной мне беспроцентной ссуде на… ну, скажем, на двенадцать тысяч. Проведёте эту выплату через свою бухгалтерию — ну, тут не мне вас учить. То есть ситуация всем понятная: я занял у вас крупную сумму под залог дома — и теперь он ваш. Не вполне законно по части налога с продаж — но прикопаться крайне сложно. Вы, считай, задаром получаете дом, а я — репутацию предусмотрительного бизнесмена с якобы неплохим начальным капиталом; под который смогу потом взять кредит на новом месте.

— Прекрасная *схема* — я вам аплодирую! Сейчас всё и подпишем!

…Когда за гостем затворилась дверь, из соседней комнаты появился крайне недовольный связной:

— Вот зачем это всё?!

— Ну, во-первых — шестьсот пятьдесят талеров: *оно, может*

быть, деньги скромные, но ведь тоже так не валяются. А главное — бумажки эти могут обойтись нашему простодушному мародеру очень, очень дорого.

— Князь, извините — но вы просто спятили! Он же прямо сейчас побежит доносить на вас — да вы ведь, считай, сами на себя донесли, согласившись на бегство из города!

— Конечно, побежит! — ухмыльнулся Серебряный, неспешно доставая из шкапа старые-верные свои аглицкие пистоли. — Но только не прямо сейчас. Сначала он кинется к нотариусу и в свою контору — мухлевать с бухгалтерскими книгами. Пока он со всем этим возится, мы тридцать раз успеем добраться до пакгаузов в Хундегате… Ну так что — двинулись, помолясь?

Серебряному, как человеку сугубо сухопутному, умение ориентироваться на воде, да еще и в темное время суток, да еще в дождь, представлялось совершенно потусторонним, почти в цену хождения по тем водам. Как они отыскали суденышко, притулившееся у берега в Прегельском устье — одному Богу ведомо…

В кубрике, куда сопроводил его безмолвный вахтенный, наличествовала престранная компания: двое непроницаемых молодцов, почти одинаковых с лица; девушка в европейском мужском наряде, чем-то неуловимо напоминавшая Ирину; и красавец с медальным профилем, русский которого был неплох, но всё же явно неродной. Именно его Серебряный сразу определил для себя как старшего группы (возможно, просто потому, что акцент его, явно не немецкий, был тем же, что и у «Человека из часовни»), но, похоже, промахнулся. Как раз при его появлении медальнопрофильный почтительно (чтоб не сказать — умоляюще…) обращался к девушке:

— Леди Анна, я всё же настаиваю: внутрь следует идти мне — это слишком опасно. Мне уже доводилось работать в женском обличье, и поверьте: результат всегда был отличный!

— Коммандер! — улыбка девушки, похоже, способна была заморозить даже лаву в жерле вулкана. — Мне, как вы догадываетесь, *работать в женском обличье* доводилось чаще, чем вам — и тоже с превосходным результатом. А вам завтра надлежит работать по вашему прямому, военно-морскому, профилю: я не хочу никаких накладок при отходе… О! — а вот, кстати, и ваш завтрашний напарник, — удостоила она кивком Серебряного.

— Бонд, Джеймс Бонд! Королевский флот, — рукопожатие «коммандера» (что это за чин?..) было крепким и *сердечным*.

— Князь Никита Серебряный, частное лицо.

— Но прежде воевали в коммандос, и, как говорят, воевали неплохо?

— Говорят, что так.

— Ну, тогда мы с вами сварим кашу. Отличную кашу, попотчевать здешних *джерри*!

— Так точно… сэр.

— Никита Романович, — это уже та девушка, «леди Анна», — у меня вопрос практического свойства. Вашу Ирину, насколько нам известно, в *Нейтралке* шутейно величали «Настоящей разбойницей». Так вот — как у нее с *настоящими разбойничьими навыками* — верховая езда, стрельба, фехтование? Мне нужно знать точно: если дело дойдет до прямого боестолкновения, кем она окажется для нашей штурмовой группы — обузой или добавочной боевой единицей? Только отвечайте честно, ничего не приукрашивая.

— Со стрельбой — так себе, с остальным — вполне удовлетворительно. А велика ли штурмовая группа? Или мне этого знать *пока* не положено?

— Да, собственно, вот она вся тут, — «леди Анна» широким жестом обвела кубрик, а улыбка, которой она одарила Серебряного, на сей раз наверняка могла бы растопить вечную мерзлоту на сажень вглубь и поднять павших бойцов в еще одну атаку. — Да и вам ли не знать, князь: в такого рода операциях численность не играет роли вообще!

Глава 16

Сопутствующий урон

Над нейтралкой, истомной спросония,
разгораясь, алел восток.
Предстояла работа особая,
а какая — секрет лет сто.
Помню волчесть под тусклыми френчами…
Скорпионство спецжелезяк…
Мы, с убойным искусством повенчаны,
встлались в гон миражей, скользя

Константин Долматов

«Позывной „Безымянка“

(фронтовая быль)»

Главный элемент снаряжения диверсанта — обувь. После парашюта, конечно.

Виктор Суворов

«Аквариум»

По исчислению папы Франциска 16 октября 1563 года. Кёнигсберг и его окрестности.

— А это — чьи цвета, дядюшка Вилли? — спросил юный портовый стражник начальника караула, хмурого и невыспатого ветерана Вильгельма Кирхгофа, кивая на бордово-белый флаг швартующегося пакетбота; в косом рассветном солнце сверкнули свежим золотом готические буквы названия — «LaufkДfer — Светлячок».

— Курляндия, — длинно сплюнул тот. — У них там, на Орденских землях по Двине, нынче тоже свое отдельное герцогство учинилось, на манер нашего. Вишь, и флагом уже обзавелись — «Мясо-с-салом», позор геральдики!

Тут брусчатка набережной отозвалась набегающей ксилофонной дробью, и к бойцам подрулил запряженный четверкой возок, на дверцах которого был намалеван, явно

второпях, герб того же бордово-белого окраса, что и флаг пакетбота.

— Ну, и где все эти… как их… курволяди? Мясницкая лавка? — громогласно осведомился слезший с козел дядюшка Руди, после чего помянул, через запятую, непорочное лоно девы Марии, чресла отца нашего Авраама, царя Давида и всю кротость его, а также много еще чего разной степени сакральности. Стражи переглянулись и отвели глаза со вздохом: Рудольф Шпаннер, державший в своем мосластом кулаке весь извоз в этой половине города — Альтштадте, слыл среди кёнигсбергских извозчиков грубияном, и с этим ничего уже поделать было нельзя — разве что угостить его табачком. Как вот сейчас.

— Выезд четверкой им беспременно, со всеми понтами, понял? И возок чтоб был — с гербами! Посол, понял? — посол на хрен!!

— Так а тебе-то чем плох заказ, Руди, старый ты хрен? — добродушно осведомился Вилли, помогая тому прикурить на ветру.

Руди только засопел; заказ, похоже, был хорош настолько, что старый матерщинник просто не знал, к какому его пункту приложить свое прославленное мастерство — оттого и бесился.

— *У них денег куры не клюют, а у нас на водку не хватает!* — наконец сформулировал он. — Вот глянь: он сюда на неделю приехал — особые поручения свои справлять. Так они на неделю — имея свое подворье на Ломзе! — отдельный особняк в Альтштадте сняли, в двух шагах от Замка, понял? А за выезд этот четвериком, на одну неделю, знаешь, сколько отвалили, авансом?

— Ну, и сколько?

Руди сообщил.

Вилли присвистнул и оглядел пакетбот под бордово-белым флагом с резко возросшим уважением.

Тут как раз установили сходни, и по ним прошествовал на берег *истинный тевтон*, при виде коего дядюшке Вилли неодолимо захотелось принять стойку «смирно».

— Генерал фон Федермессер, посол по особым поручениям Его Высочества герцога Курляндского! С кем имею честь?

Благожелательно кивнув на встречное представление начальника караула, генерал окинул того проницательным отеческим взором:

— В каком полку служили?

— Второй Меммельский, Ваше превосходительство!

— Вольно, служивый, — величественно разрешил посол, вручая свои бумаги; которые тут же были ему и возвращены, с разрешительной пометкой («Глянь, печатей-то сколько!..»).

— Корабль будет ожидать вас тут, Ваше превосходительство?

— Нет, он сейчас же уйдет на Данциг. Вернется к концу нашей миссии, через неделю. Только отметят сейчас бумаги в портовой канцелярии.

— Осмелюсь доложить, Ваше превосходительство: портовая канцелярия еще закрыта — откроется через час.

— Ну подождут часок у причала. Если надо оплатить время стоянки — не вопрос.

— А велика ли ваша делегация, Ваше превосходительство?

— Нет, мы вдвоем с секретарем… Ах, да! — у нас еще имеется ценный груз, если так можно выразиться…

Тут по знаку посла на причал сошли двое, при виде которых все вокруг застыли в немом изумлении. Нет, один-то был просто угрюмый молодец в неброской темной одежде — надо полагать, тот самый секретарь (а судя по тесаку на перевязи — заодно, небось, и телохранитель). Но вот рядом с ним заторможено брела девушка в балахоне из мешковины, простоволосая и босая. Лицо ее было обезображено синяками и ссадинами, но всё равно было видно, что девушка красива, очень красива.

— Э-эээ… — только и сумел выдавить из себя начальник караула, вопросительно взирая на Его превосходительство: чо, мол, за ботва?

— Ведьма, — лаконично обронил тот; но затем всё же снизошел до необходимых разъяснений:

— У вас же тут сейчас — ведовской процесс, шум на всю Балтику. Вот наш герцог и посылает вашему герцогу… с его герцогским Советом… подарочек, — с этими словами он кивнул в сторону девушки. — Что, хороша?

— *Я бы вдул!* — с чувством откликнулся дядюшка Вилли.

— Ей теперь только палач будет вдувать… во все места, — проворчал посол, а угрюмый секретарь-телохранитель чуть подпихнул девушку в направлении экипажа:

— Давай-давай, шевелись! Полетела… валькирия!

Дядюшка Вилли принялся было судорожно рыться в памяти — что говорит на сей счет инструкция, нужны ли на такой случай отдельные сопроводительные документы? — но мысли эти решительно оборвал неведомо как возникший в его ладони новенький серебряный рейхсталер:

— Выпейте за нас, служивые! *За нашу победу!*

— Всенепременно, Ваше превосходительство!

* * *

— Нет, — покачал головою Бонд, провожая взглядом отъезжающий возок с курляндским гербом на дверце и Руди Шпаннером на кОзлах. — Спасибо, Ник, твои бочонки с порохом — это очень соблазнительно, но — слишком мало времени, и слишком сложна логистика. Всё решится минут за сорок, максимум за час — так или эдак… А вот те твои бумаги как раз — это нам просто подарок небес… на случай, если останемся живы, конечно.

— Как скажете, сэр, — пожал плечами Серебряный; экий новый для него экспириенс — участвовать в боевой операции в роли рядового исполнителя… Он еще раз оглядел речную панораму, открывающуюся с борта «Светлячка», и поинтересовался с показной небрежностью: — А то, что он оказался на рейде, а не у причала — сильно осложняет нашу задачу, Джим?

Сторожевой фрегат «Великая Пруссия», который им сейчас надлежало уничтожить (против остальных здешних посудин, что могли попытаться воспрепятствовать их отходу, вполне хватило бы четырех штатных «противопиратских» пушек пакетбота), чуть покачивался на угрюмой свинцовой ряби посреди Прегеля, правее основного фарватера, и Джеймсов план его захвата — ВДВОЕМ!.. С ВОДЫ!.. — князь, будучи, как уже сказано, *сухопутной крысой*, находил даже не авантюрой, а прямым сумасшествием.

— Как ни странно, даже несколько облегчает, Ник: на рейде вахтенные, как правило, вообще не ловят мышек — многократно проверено. Давай-ка я лучше покажу наши секретные девайсы, с чем предстоит работать.

Бонд вынес на палубу небольшой сундучок, окованный металлом; внутри, в пересыпанных стружкою ячейках, покоились полдюжины двухпинтовых бутылок с горлышками, залитыми сургучом. Следом появился другой ящичек, поменьше; в этом оказалась пара десятков запаянных с двух концов стеклянных трубок длиною вершка полтора, каждая в отдельной мягкой упаковке.

— Это — мощнейшая зажигательная смесь. У нас ее называют *«коктейль молот»* — от молота Тора… загорается и вправду как при ударе молнии в засохший дуб. В бутылках — сама горючая жидкость, горит долго и жарко; в трубках — химический воспламенитель. Сейчас мы с тобой примотаем продольно к каждой бутылке по три трубки, вот этими растягивающимися кольцами — индейцы называют их кау-чук — и готово дело, можно кидать в горючую цель, вроде корабельных надстроек. Стекло бьется, жидкости растекаются, перемешиваясь, и — готово дело, пожар; эти стекляшки потому и возят всегда отдельно друг

от дружки, кстати. Самое главное — тут не надо возиться со всякими горючими фитилями, которые вечно то гаснут, то поджигают бомбу прямо у тебя в руках… Только не спрашивай меня, Ник, что там внутри: во-первых, это военная тайна, а, во-вторых, я и вправду не знаю — я всё-таки сам не алхимик…

— Я — тоже.

— Ну вот. Боевикам, вроде нас с тобой, достаточно помнить технику безопасности. Воспламеняющая жидкость очень опасна: всё, кроме стекла, в которое она сейчас налита, разъедает напрочь. Если трубка нечаянно разобьется, и перемажешь в жидкости руки — берегись: может прожечь до костей. К счастью, не мгновенно: если сразу смыть водой — ничего страшного, проверено на себе… Но, в общем, за эти склянки надо браться, как за грудь любимой женщины: крепко, но нежно.

— Я справлюсь, Джим. Ты же ведь справляешься.

— Браво! Ничего сложного, ты прав, вполне себе foolproof — *дуракоупорная* — конструкция.

— Будем надеяться.

— Итак, повторяю наш план, еще раз. Мы подходим к «Великой Пруссии» на шлюпке, со стороны кормового якоря. Обмундированные, на всякий случай, в униформу местных акцизных чиновников; ничего лучшего для нас раздобыть не успели, но это и не важно: *джерри* цепенеют от вида любой униформы вообще. Если нам не повезет, и вахтенные проявят к нам интерес — мне придется в открытую подняться на борт по шторм-трапу, якобы с письмом…

— А в чем невезенье?

— В том, — вздохнул Бонд, — что тогда вахтенным этим тут же придется умереть. А я всё же надеюсь избежать collateral damage… попутного урона, говоря по-вашему… или хотя бы его свести его к минимуму.

— Это правильно.

— Ну вот, а если всё пойдет как надо — я поднимусь на палубу по якорной цепи и тихо *нейтрализую* там вахтенных, *с возможной кротостию, без пролития крови*. Потом забираю у тебя из шлюпки «коктейль молот» и устраиваю грамотный пожар внутри корабля — так, чтоб у экипажа остались пути отхода и возможность спасаться на подручных плавсредствах, пока не рванула крюйт-камера. Засим — уходим. И, на всякий случай, *повторяю в рупор для тугоухих*: ты мне на борту не понадобишься вообще, ни при каком развитии событий! *Ни при каком* — ясно?! Твоя задача — беречь нашу шлюпку, ни на что не отвлекаясь: я не хочу остаться без нее на горящем корабле.

— Да, я всё помню, Джим.

— Ой ли? Ну-ка повтори — про свои действия по резервному плану!

— Если в течении семи минут — досчитать до четырех сотен — я не получу от тебя знака, я должен считать тебя погибшим. Тогда я разобью весь запас «коктейля молот» прямо о борт — он просмоленный, загорится отлично. Устроив этот отвлекающий, пожар, я вернусь на «Светлячок», ждать штурмовую группу. Всё ли точно?

— Видишь ли, Ник… — вздохнул Бонд. — Мне не раз доводилось иметь дело с коммандос, и я знаю вашего брата как облупленных. Не получив сигнала, ты наверняка полезешь меня выручать, сочтя отход за «трусость и шкурничество»… можешь даже не отвечать! Так вот: если через семь минут сигнала не будет — это значит, что я действительно, *гарантированно*, мертв. И уж тогда — жги!

— Да, сэр. Так точно, сэр.

— Ну, тогда — с Богом! — коммандер, широко перекрестясь, поправил абордажный тесак на перевязи и с чувством продекламировал в пространство:

Шлюпка о борт, и кортик под вздох:
мы испанца застали врасплох.
Оглянись в этот миг
на затопленный бриг —
отступления нет нам, старик!

* * *

— Что у вас тут за бардак? — брюзгливо осведомился Посол по особым поручениям генерал фон Федермессер, озирая запертую дверь тюрьмы («Желая Башня» старой Альтштадтской стены), перед которой притормозил их возок по пути к Замку. — Спят они там все, что ли? А ну-ка, Руди — устрой им побудку в своей неподражаемой манере!

— Рады стараться, вашество! — радостно осклабился тот и, покинув кОзлы, забарабанил кнутовищем в окованные железом дубовые доски. — Открыффай! *Geheime Staatspolizei*!

На сей раз внутри завозились и, не мешкая, приоткрыли смотровую щель. Каковое слово — «щель» — грубиян Шпаннер тут же и обыграл в самых разнообразных коннотациях.

— Дурак ты, боцман, и шутки у тебя дурацкие, — отозвались изнутри (судя по дикции — сплюнув при этом). — И вообще —

отвали от охраняемого объекта на уставные десять шагов, остроумец хренов!

— Ладно, сержант, — веско вступил со своего места посол, — и правда, хватит уже шуток. Примите у нас арестанта, и дело с концом. А то нас, поди, заждались уже в Замке, и досадуют на вашу нерасторопность.

— Какого еще, к дьяволу, арестанта? Нет у нас никаких приказов на сей счет! Вы, вообще, кто такие?

— Ты, может, еще и меня не признаёшь, Генрих Майгель, сукин ты кот? — вновь заорал Шпаннер. — А это тебе не хрен собачий, а Его превосходительство особый посол, понял, дубина ты стоеросова? А ну, зови, давай, начальника тюрьмы! — и при этих словах он заговорщицки подмигнул курляндцам.

— Да нету его, Руди, откуда ему тут взяться, в такую рань? — примирительно сбавили тон за дверью.

— И что — пока тот глаза продерет, так и будете Его превосходительство на улице морозить? *С вас за это строжайше взыщется*!

— Ладно-ладно, не разоряйся! — наконец решился тюремщик. — Пускай идут в тюремную канцелярию и объясняются там с дежурным. Только чтоб всё оружие мне при входе сдали, без никаких — хоть послы они, хоть кто!

Тюремный чиновник в канцелярии, в чине младшего аудитора, был настроен менее миролюбиво:

— Извините, Ваше превосходительство, но у меня нет на сей счет никаких приказов и распоряжений! Я впервые слышу про каких-то «курляндских ведьм» — а должен бы! Я не могу ее вот так вот *принять*!

— Послушайте, аудитор, я не знаю, в каких именно бюрократических шестеренках застряли бумаги. Примите ее пока на временное содержание — а бумаги вам подошлют сегодня же, еще до обеда: мы сейчас едем в Замок, и переговоры я начну с решения этого вопроса, слово чести. Ведь не могу же я, право-слово, таскаться по городу с ведьмой на цепочке, как с любимой собачкой!

— Ну а я-то тут при чем? У нас тут, чай, не ночлежка!

— Ладно, — уступил посол; *он был, несомненно, железный человек: просто-таки видно было, как он загоняет свое бешенство в желчный пузырь.* — Тогда давайте письменный отказ: так, мол, и так, я, аудитор имярек, отказался принять на временное тюремное содержание ведьму, ввиду недостачи сопроводительных документов; об общественной опасности пребывания на улицах города *активированной ведьмы* осведомлен; число-подпись.

Пишите!

— Ах, вы во-от как *ставите вопрос*… — протянул тюремщик.

— Ну, а как еще?

Чиновник взвесил возникший расклад, понимая, что *уже* влип: разговор идет при свидетелях (помимо посла с его секретарем, в канцелярии — пара своих, да еще и за приоткрытой дверью маячат чьи-то любопытствующие физиономии), и при нынешнем уровне *ведьмофобии* в городе объяснить такой отказ будет непросто. Начальник тюрьмы очень удачно для себя не случился на месте, и перебросить тому с рук на руки эту горячую печеную картофелину не получится — крайним вышел он… Аудитор сделал последнюю попытку *отползти*:

— А откуда мне знать, что она — ведьма? На ней, чай, не написано!

— Очень даже написано! — ухмыльнулся посол, адресуясь уже в основном к тем, маячащим за дверью, тюремщикам. — Вот, гляньте-ка, служивые!

По его знаку секретарь-телохранитель высоко задрал мешковину, явив всё тело девушки взорам присутствующих; по присутствующим прошел единодушный стон вожделения «А-аххх…»

— Обратите внимание, аудитор, на это очаровательное родимое пятнышко на ее очаровательном животике. Что скажете теперь?

— Н-ну… — промямлил тот. — Против такого, конечно, не возразишь…

— Господин аудитор! — всунулись в дверь две ухмыляющиеся физиономии. — Мы с Францем чота ее не разглядели — а можно еще разок, без спешки?

— Валяйте, — вяло махнул рукою тот: а, пропадай оно всё пропадом, пускай верхнее начальство разбирается…

Девушку вывели в тюремный коридор, крепко взяв под руки. Та двигалась как сомнамбула, низко опустив голову и бесцельно ощупывая мешковину своего рубища, будто надеясь отыскать там напоследок нечто для нее важное. Из коридора донеслось веселое: «В очередь, сукины дети, в очередь!»

— Ты бумагу-то нам всё-таки выпиши! — благодушно понукнул аудитора посол. — Так, мол, и так, принял на ответственное хранение в кондиционном состоянии…

— Чего писать-то? — чиновник хмуро придвинул к себе бумажный лист и выжидательно обмакнул перо.

— Давай так… — и Его превосходительство посол по особым поручениям *мотивированно* шагнул к столу аудитора, заняв позицию у его плеча и указывая пальцем на правый угол

будущего документа. — В исходящих у нас будет значиться…

Последнее, что увидал при этих словах чиновник, был тот бумажный лист на темной дубовой столешнице, разлетающийся во все стороны ослепительно-белыми рваными клочьями; придушенного стона второго тюремщика, к которому как раз обернулся с каким-то вопросом секретарь-телохранитель, он уже не услыхал…

— Ключи!

— Успеется! За ней давай!

Когда «посол» с «секретарем» миновали тюремный коридор (оставив за спиной еще одного оглушенного часового), дверь дальней камеры распахнулась им навстречу и на пороге появилась «ведьма»:

— Вас, Фомич, только за смертью посылать! — устало укорила она, натягивая прямо на голое тело форменный камзол стражника. — Ключи от камер добыли?

— Ань… — виновато отозвался тот. — Ань, кровь!

— Чего?

— У тебя вся щека в крови — вытри.

— А-а… Фомич, я там одного, похоже, убила, совсем…

— Да и хер с ним!

— Да с ним-то хер…

* * *

Шлюпка, отвалив от борта «Великой Пруссии», легла на обратный курс — хвала Господу, хоть грести к «Светлячку» надо по течению; Бонд, сам кривясь от боли в пострадавшей в схватке руке, сноровисто бинтовал разбитую голову сидящего не веслах Серебряного:

— Я кому сказал — и трижды повторил, трижды! — что ты мне на борту не понадобишься вовсе, и что мне там от тебя будут одни… как это по-русски? — negorazdy!

— Так ведь стрельба же началась! — виновато отозвался князь.

— Стрельба… Away to hell with these seconded officers![13]

Над кормовыми надстройками фрегата появились уже прорвавшиеся изнутри языки пламени. Мечущиеся по палубе немцы, оставив попытки спустить на воду выведенную из строя шлюпку, принялись кидаться в воду; ну да ничего, до берега чуть больше сотни саженей — не сахарные, не растают…

Бонд крякнул с досады, наблюдая это мельтешение:

— Эх ты, черт… Похоже, не все успеют уйти до взрыва, — и, помолчав, добавил: — Вот, помню, на одном греческом острове… А, впрочем, чего уж теперь.

* * *

Руди изрядно заскучал уже на кОзлах, когда из тюремных дверей появились посол с секретарем; сбыли, стало быть, с рук, свой «ценный груз», хе-хе…

— Глянь-ка, что это за штуковина? — спросил у возницы подошедший секретарь и, чтобы показать нечто мелкое, сокрытое в кулаке, одним движением поднялся на козлы рядом с ним.

— Где? — заинтересовался Руди — да так и остался сидеть, поникнув головою и прислонясь спиной к передней стенке возка. Никто из редких прохожих ничего и не заметил.

— …Всё! Руби постромки! — приказал «секретарю» «посол» при виде пары появившихся из тех же дверей стражников в форменных камзолах; одного из них прямо-таки шатало — похоже, был крепко выпимши… — Камеры не все отомкнули?

— Сколько успели…

Когда «стражники» дошагали до возка, вся четверка была уже распряжена. Вокруг начали останавливаться озадаченные происходящим прохожие.

— Ирина, соберись! Сейчас будет скачка без седел. Надо продержаться полверсты! — (Второй, выпимший по виду, «стражник» безмолвно кивнул на слова напарника) — Как только из дверей полезут заключенные… а, вот и они, голубчики! Ну всё, по коням! И — переулками к порту, ходу, ходу!

Тут как раз впереди громыхнуло так, что едва уши не заложило.

— О!! Ура Королевскому флоту! — прокричал на скаку «посол».

— Крюйт-камера «Пруссии»?

— Да больше и быть нечему!

* * *

Сержант Ульбрихт, командир патрульного взвода, пребывал в непонятках. От тюрьмы несся заполошный звон охранного колокола — но и в порту призывно трезвонили что есть мочи! Тут как раз из переулков вырвалась разношерстная кавалькада: двое стражников в форме и двое мрачных гражданских — один из

которых, осадив коня, рявкнул командным голосом:

— Сержант, что вы тут торчите, как столб?! В тюрьме бунт, заключенные вырвались на волю! Немедля туда, формируйте оцепление! В направлении порта — есть еще какие-то подразделения?

— Не могу знать!..

— Гром и черти! Ладно, разберемся. Ждите подкреплений, будут с минуты на минуту!

Ульбрихт без особого энтузиазма (насчет обещанных подкреплений) почесал затылок, глядя вслед рванувшей в направлении порта кавалькаде. Крепкая у них там, видать, паника — вон, даже коней заседлать не успели…

* * *

Паника и неразбериха в порту была именно такими, как они и рассчитывали. «Светлячок» под шумок отвалил от причала, на котором осталась брошенной четверка взмыленных лошадей, не удостоившись ничьего специального внимания — всем было не до них. Замкнуть боновое заграждение, перегораживающее Прегель от возможных набегов балтийских пиратов (его вчера открыли, пропуская фрегат на городской рейд), никто и не подумал, так что час спустя пакетбот спустился уже до устья — сменив на мачте бордово-белое курляндское «Мясо-с-салом» на бело-алого польского Орла.

А когда они вышли из Прегеля в вечно штормящий балтийский залив Фришес-Гафф, первое что они увидали сквозь пелену дождя — это крейсирующий поперек их курса фрегат. Который тут же их заметил и просигналил приказ: «Лечь в дрейф».

— Ну вот и всё, леди и джентльмены! — подвел черту Бонд.

— Может, успеем первыми добраться до берега, и будем уходить посуху? — убито предложил Серебряный («Да куда уж тут уйдешь…»).

— Да нет, Ник, ты не так понял! «Вот и всё» — *в хорошем смысле*! Можем уже откупоривать для традиционного тоста Королевского флота: «Once again, we have failed to die!»[14]

* * *

Штормтрап, пляшущий над волною.

Палуба, мокрая от дождя.

Капитан, выслушавший уже представление коммандера Бонда:

— Леди и джентльмены! Королевский флот, в моем лице, приветствует вашу разведгруппу на борту фрегата «Инвинсибл». Миледи?..

— Миледи Винтер, Анна Винтер.

* * *

Шкипер «Светлячка» — старый контрабандист Филлион, подряжаемый Службой лишь для самых ответственных и рискованных операций — проводил взглядом фрегат, принявший на борт его пассажиров (самомУ пакетботу надлежало поспешать на запад Фришес-Гаффа, он же — Вислинский залив, до впадающих в него восточных рукавов дельты Вислы, и пробираться сквозь ту дельту под польским флагом до вольного Данцига), оглядел свою команду, разделив в уме вес доставшегося им золота, и с чувством затянул старинную пиратскую песню:

Мы поймали судьбу за вихры —
И пора выходить из игры.
С морем намертво рвать —
Смысла нет рисковать,
Двум удачам таким — не бывать!

* * *

Когда «Инвинсибл» благополучно выскользнул из залива Фришес-Гафф, замкнутого Вислинской косой, в открытое море сквозь Пилавский пролив, мимо земляных укреплений Пилау (то ли и вправду остававшихся в неведении о Кёнигсбергских событиях, то ли сделавших вид — убоявшись связываться с артиллерией фрегата), и взял курс на Ригу, ветер усилился. Ближе к полуночи тучи полностью разогнало, и полная луна засияла так, что хоть в волка перекидывайся. Анну Бонд отыскал на палубе: та в одиночестве стояла у борта, держась за леер, и пила водку прямо из горлышка. Не оборачиваясь, протянула бутылку ему и сообщила:

— Я ведь там их покалечила, всех троих. А один, похоже, не жилец…

— С тобой всегда так? — он отхлебнул и вернул.

— Нет, не всегда. *Так* не всегда. А с тобой — нет?

— Да тоже… Когда вот так — с collateral damage… попутный урон, будь он неладен.

— Да уж, попутный урон… хорошо у вас формулируют. Это — там, на фрегате?

— Угу. Они, похоже, спрыгнули не все — хоть я и старался.

— На, глотни еще, — бутылка вернулась к нему. — И… пойдем со мной. Мне сейчас… нужно. Только — это ничего не значит!

— Как скажете, сэр!

— Господи… господи, Джимми… Видишь — совсем потеряла голову!..

— А что же я сейчас целую?

— Не знаю… И знать не хочу! Послушай… поцелуй меня опять… всю…

— Как скажете, сэр!

— Это ничего не значит… Это ничего не значит…

— И как срабатывает это твое заклинание?

— Хреново срабатывает… Господи, Джимми, какое счастье, что мы больше никогда не встретимся!

— Да уж: если по возвращении на базу тебе прикажут ликвидировать меня… а мне — тебя!.. — могут возникнуть проблемы.

— Вот именно. А пока что — иди ко мне!

— Как скажете, сэр!

* * *

— Так значит, «Наш фрегат отвезет вас в Англию, мэм — там вы будете в полной безопасности»… Попросту говоря, меня оставляют заложницей?

— Охраняемый английской секретной службой особняк в Лондоне — всяко лучше, чем костер на рыночной площади Кёнигсберга. Нам не из чего было выбирать, хорошая моя.

— А чего они теперь потребуют от тебя взамен?

— Не соизволили сообщить пока. Туманно посулили, что это будет нечто героическое.

— «Героическое»… Стало быть, замыслили какую-то совсем уж запредельную мерзость.

— Ну, для «запредельной мерзости» можно было подыскать и

кого подешевле… благо у них там *мерзавцев набран полный штат*. Ладно, чего тут гадать: «Делай, что дОлжно — и будь, что будет»…

— Да уж… Ты, главное, помни — когда будешь там «делать, что дОлжно»: мне нужен муж — а не *светлый образ его*!

ДОКУМЕНТЫ — VI

Поиск виноватых, наказание невиновных и награждение непричастных

Какой же ты, я не знаю, глупый —
а, между прочим, давно за тридцать!

Михаил Щербаков

«Архив Дроссельмейера» (Протоколы закрытых заседаний Регентского совета Герцогства и иные засекреченные документы герцогской Канцелярии, захваченные Скопиным-Шуйским при взятии Кёнигсберга в ходе Третьей Ливонской войны). — Изд-во Королевичского Университета Collegium Albertinum, 1889.

Лист 37: Закрытое заседание Регентского совета от 17.X.1563

Председатель Регентского совета, г-н Дроссельмейер-старший: Итак, господа. Пятеро — или сколько их там было? — диверсантов поставили в коленно-локтевую позицию весь наш стольный град: беспрепятственно взорвали новейший военный корабль и похитили нужную им узницу, захватив тюрьму, а затем бесследно испарились. Сами понимаете: признав сей факт, мы с вами станем посмешищем всей Ганзы, да и вообще всей Европы; с соответствующими репутационными последствиями для нашего Герцогства. Посему — никаких диверсантов не было вообще, это, надеюсь, все уяснили? То есть: на корабле возник случайный пожар, по халатности команды и капитана (он погиб при взрыве, и возражать не станет); в тюрьме — по халатности караульных — произошел бунт, заключенные вырвались из камер и разбежались, перебив попутно часть охраны; среди разбежавшихся — и ведьма,

фигурантка Процесса; ее, как и прочих беглецов, сейчас ищут и со временем найдут. Точка.

Такова будет наша официальная версия. Господину статс-секретарю надлежит довести ее до сведенья любопытствующих иностранных наблюдателей, а господину бургомистру — втолковать ее нашим собственным обывателям; второе, понятно, куда сложнее — свидетелей-то полно, а на каждый роток не накинешь платок… Возражений нет? — отлично.

А вот теперь, покончив с формальностями, приступим к НАСТОЯЩЕМУ расследованию: что это было на самом деле, и кто за всем этим стоит. И я полагаю, господа, что хотя диверсантов тех вроде бы как не существовало, заказчики и организаторы этих… спонтанных событий должны понести — и понесут! — вполне себе НАСТОЯЩУЮ кару. Соразмерную тяжести содеянного… У вас, как мне доложили, уже есть успехи, досточтимый полицай-президент?

Полицай-президент и шеф Geheime Staatspolizei г-н Кальтенбахер: Дело можно считать законченным, господин Председатель! Подозреваемые уже задержаны, и могут быть допрошены прямо сейчас.

Председатель: Отрадно слышать, что наша славная полиция в кои-то веке на высоте: нюх, как у собаки, а глаз, как у орла… Но, надеюсь, вы не собираетесь впаривать нам *цыганское золото* — назначать организатором всего этого грандиозного факапа сбежавшего за день до того из города бедолагу Зильбера?

Полицай-президент: Ну, организатор — не организатор, но роль в этом деле он сыграл не последнюю. Нами перехвачено письмо, отправленное им немедля после пану Пшекшицюльскому и не оставляющее сомнений относительно роли обоих в этой диверсии. Два часа назад пан был задержан мною при попытке спешно покинуть город, и я предлагаю вам прямо сейчас задать ему несколько вопросов.

Председатель: Ах, вот даже как?.. Господин полицай-президент, надеюсь вы достаточно хорошо понимаете смысл максимы «Победителей не судят». Пан Пшекшицюльский формально не имеет дипломатического статуса, но за ним стоят серьезные люди. Если собранные вами доказательства убедительны — Герцогство окажется в весомом прибытке, это так… Если же нет, виновником этого самоуправства и международного скандала окажетесь вы единолично — это, надеюсь, ясно? Стража, введите!

Пан Пшекшицюльский: Это возмутительное нарушение международных норм! Как представитель Сейма, я требую от магистрата вашего исконно-польского города Крулевиц…

Председатель: Вельможный пан, осмелюсь напомнить: вы не предъявляли по приезде в Город верительных грамот и не получали от нас агреман как официальный представитель Сейма; *ergo* — вы не обладаете дипломатической неприкосновенностью. Так что советую вам не вставать в позу оскорбленной невинности, а просто ответить на ряд вопросов, возникших к вам у полицейских властей Кёнигсберга — пока ваш процессуальный статус не сменился с «подозреваемого» на «обвиняемого», а с «задержанного» — на «арестованного». Господин полицай-президент, прошу вас.

Полицай-президент: Вельможный пан, наносили ли вы визит господину Зильберу шесть дней назад, 12 октября сего года?

Пан Пшекшицюльский: Я впервые слышу это имя!

Полицай-президент: Вельможный пан, советую вам подумать еще раз — ибо таким вот безоглядным враньем в легко проверяемых и безобидных вопросах вы подорвете доверие к более важным пунктам своих показаний. Факт вашего визита к Зильберу подтвердили трое независимых и незаинтересованных свидетелей. Итак?..

Пан Пшекшицюльский: Не помню. Возможно, и навещал; я встречаюсь с множеством людей, каждого не упомнишь.

Полицай-президент: Ваша забывчивость довольно удивительна, вельможный пан. Зильбер никогда не входил в круг ваших знакомств, эта ваша личная встреча с глазу на глаз была как бы не первой по счету — поправьте меня, если я не прав. И вот к мужу ведьмы, мигом растерявшему на этом месте все свои знакомства, заявляется ни с того ни с сего человек, никогда доселе с ним не приятельствовавший…

Пан Пшекшицюльский: Ах, ну да, конечно же! Я зашел к нему, чтобы морально поддержать человека, оказавшегося в прискорбном одиночестве, движимый христианскими чувствами…

Полицай-президент: Замечательно, что вы сами вспомнили тему вашей беседы, вельможный пан. Тогда я позволю себе процитировать ваши слова, обращенные к Зильберу: «Может быть, организаторы мерзостного процесса над прекрасной пани Ирэной… *пожили достаточно*, скажем так?» После чего вы предложили ему детальный план освобождения ведьмы — каковой, собственно, и был только что реализован — плюс план теракта против руководства города…

Пан Пшекшицюльский: Что за бред?! Я категорически отрицаю эти абсурдные и голословные обвинения!!

Полицай-президент: Вот адресованное вам письмо вашего сообщника — ознакомьтесь. Разумеется, у вас в руках копия, но

оригинал, как подтверждают эксперты, безусловно писан рукой Зильбера.

Пан Пшекшицюльский: Это… Это какая-то чудовищная клевета и провокация!!! Или — просто бред сумасшедшего!! И в любом случае это всего лишь его слово против моего слова. Так и занесите в протокол!

Полицай-президент: Что Зильбер — не сумасшедший, видно хотя бы по успешности его бизнеса. Зачем ему возводить напраслину именно на вас, не имевшего с ним прежде никаких дел — совершенно непонятно. Но это всё так — реплики в сторону, вельможный пан. Ибо изложенные тут планы имеют вполне вещественное подтверждение. Ну, во-первых, взрыв ведущего к Замку Кузнечного моста; должен заметить, что, ваш план его минирования с воды весьма остроумен — нам впредь следует иметь в виду такую возможность… Так вот, *два бочонка превосходного тонкозернистого пороха* найдены нами именно в том условленном месте портовых складов района Ластадия, где вы их спрятали для Зильбера — а тот не успел ими воспользоваться.

Пан Пшекшицюльский: Я и слыхом не слыхал ни про какой порох!! Уж в чем-чем, а в этом я готов поклясться безо всяких шуток… если вы понимаете, о чем я. И, между прочим — это ничего не доказывает: если в каком-то тайнике и найден какой-то порох, его мог там спрятать и сам Зильбер!

Полицай-президент: Эту версию можно было бы и рассмотреть — хотя по-прежнему непонятно, зачем Зильберу клеветать на вас — кабы не второе доказательство: финансирование вами этой дорогостоящей операции конкретными деньгами. Позволю себе напомнить, что предмет письма Зильбера к вам — как раз то обстоятельство, что из двенадцати тысяч талеров для найма диверсантов и аренды транспорта, которые вы передали ему через господина Штюльпнагеля, тот проходимец присвоил себе половину, но заставил Зильбера расписаться за всю сумму. Ну а тот, не будь дурак, сэкономил в итоге как раз на взрыве моста с правительственной процессией… Отличная в итоге выходит триангуляция по трем точкам, не правда ли, вельможный пан?

Пан Пшекшицюльский: Пся крев!! Это какой-то затянувшийся бред! Подумайте сами — откуда у меня возьмутся двенадцать тысяч?!

Полицай-президент: Ну, к письму Зильбера вам прилагается документ о выдаче ему именно этой суммы, написанный рукою Штюльпнагеля. Господин Председатель! Я полагаю, что у нас имеются достаточные основания для ареста пана Пшекшицюльского и открытия следствия по делу об организации

и финансировании теракта.

Председатель: Безусловно! Стража, увести арестованного.

Пан Пшекшицюльский: Что-оо?! Какой арест?! Да я вас всех тут!.. Именем короля!..

Председатель: Господин полицай-президент, Штюльпнагель, надо полагать, тоже задержан и может быть допрошен?

Полицай-президент: Хоть сейчас. Стража, ввести!.. Итак, господин Штюльпнагель, в нашем распоряжении имеется письменное признание господина Зильбера в организации нападения на тюрьму и уничтожения фрегата «Великая Пруссия». Нас интересует, при каких обстоятельствах и по чьему наущению вы снабдили его суммой в двенадцать тысяч талеров, употребленных им на финансирование этого теракта.

Штюльпнагель: Я не давал ему никаких денег!! Что за бред?!

Полицай-президент: А что вы скажете насчет вот этого документа?

Штюльпнагель: А… Э-э… Я действительно купил у Зильбера дом, но заплатил ему лишь шестьсот пятьдесят талеров, клянусь!

Полицай-президент: Да-да, заплатили шестьсот пятьдесят, а расходный ордер выписали на двенадцать тысяч… Господин Штюльпнагель, вы что, считаете нас всех тут идиотами?

Штюльпнагель: Да у меня и денег-то таких нет и не было!

Полицай-президент: У вас их и не было, разумеется! Эти двенадцать тысяч вручил вам пан Пшекшицюльский — для дальнейшей передачи Зильберу на организацию теракта. А вы передали ему только шесть, а остальное, по привычке, прихомячили! Что, не так?!

Штюльпнагель: Нет, клянусь спасением души!!! Я никогда не имел никаких дел с этим самым Пшекшицюльским!.. И я ведь сразу донес на этого Зильбера, что тот собрался бежать из города — это зафиксировано!

Полицай-президент: Ага, донес — будучи уверен, что тот уже был таков! Господин Штюльпнагель, наш палач, достопочтенный господин Мюллер, при организованном на ваши деньги захвате тюрьмы некоторое время побыл в руках взбунтовавшихся заключенных и сейчас жив — но не вполне здоров и очень, очень зол. Советую вам учитывать это обстоятельство, обдумывая ваши дальнейшие показания. Стража, увести!

Штюльпнагель: Постойте! Постойте же!.. Меня специально подставили!..

Председатель: Браво, господа! Я полагаю, нам следует поздравить господина полицай-президента с блестящим успехом! Видит бог, я частенько бывал несправедлив к нашей славной полиции и ее проницательному шефу, но нынче я первый

предлагаю прямо сейчас наградить его за это расследование Железным крестом второй степени. Похлопаем, господа!..

Далее: поскольку у нас имеется собственноручное признание Зильбера, его деньги, замороженные в банке Цукауфа, подлежат немедленной конфискации в казну; стоимости фрегата это, конечно, не покроет, но хоть что-то… И кстати! — а не через банк ли Цукауфа шли всякие подозрительные *провОдки*, включая и эту? Господин полицай-президент, пусть-ка этим займется *Geheime Staatspolizei*!

Полицай-президент: Слушаюсь!

Юрисконсульт-стажер, г-н Дроссельмейер-младший: А могу ли я выступить с особым мнением?

Председатель, г-н Дроссельмейер-старший: Можешь — только если кратко.

Юрисконсульт-стажер: Если кратко — господин Штюльпнагель прав: всё это очевидная подстава! Все сведения о связях в треугольнике «Пшекшицюльский — Штюльпнагель — Зильбер» получены от последнего — явно заинтересованного лица, сказывающегося в нетях, так что они не могут быть проверены ни перекрестным допросом, ни очными ставками. Да и путь, каким они попали в наше распоряжение, сам по себе крайне подозрителен.

Вы почему-то уперлись в этот воображаемый «Пороховой заговор» с терактом на Кузнечном мосту, где единственное «доказательство» — захоронка в Ластадии; захоронка неизвестно чья, вполне возможно, что самого Зильбера. А вот не хотите ль вместо этого изучить реальную диверсионную операцию в городе — со сгоревшим фрегатом и захваченной тюрьмой? Операцию блестяще спланированную, безупречно исполненную, и — помимо всего прочего — очень, очень дорогостоящую? Да одна аренда особняка для «курляндского посла», чисто для убедительности антуража, встала им в кругленькую сумму — впечатление такое, что организаторы денег вообще не считали!..

А теперь просто гляньте на этого сАмого пана Пшекшицюльского и вдумайтесь: да кто доверил бы в руки такому ханыге хотя бы бочонок пороха — не говоря уж о двенадцати тысячах? Диверсанты, участвовавшие в операции — профи высочайшего класса; откуда они взялись, их что, по варшавским притонам насобирали, по газетному объявлению? Кто эту операцию, с ее сложнейшей логистикой и идеальной координацией, спланировал — наш простодушный отставной егерь Зильбер, что ли, на пару с тем мелким прохиндеем?

В общем, я поначалу хотел было сказать: «Любой грамотный адвокат развалит такое обвинение в суде за три минуты», но нет

— я скажу так: «Ни один вменяемый суд просто не примет такое дело к рассмотрению». Dixi!

Председатель, г-н Дроссельмейер-старший: Я иногда смотрю на тебя, Генрих, со всеми твоими Гейдельбергами и Гёттингенами, и сокрушенно думаю: «Ну вот почему ты у меня такой умный — а такой дурак?» Ты правда, что ли, не понимаешь — какие превосходные карты для нашей игры с Краковом пришли нам на руки с раздачи этого твоего *заинтересованного лица*, Зильбера? Подготовка *смены руководства* союзной державы посредством теракта, на чем твоих эмиссаров поймали за руку — это ведь мизер с минимум двумя незакрываемыми дырками!

Юрисконсульт-стажер: Да это-то я понял, и ничуть не возражаю: пускай официально, для публики, всё это будет «халатностью», а для Кракова — «пороховым заговором», с угрозой открытого процесса, если паны заартачатся. Но — черт побери! — самим-то, *для себя*, нам следует всё же выяснить: кто *на самом деле* на нас напал и зачем?

Ведь «Настоящая война всегда начинается вдруг» — именно с такого вот *разоружающего удара*! А если это была еще только его репетиция, а? И, кстати, совершенно очевидно, что главной-то их целью было уничтожение «Великой Пруссии», а тюрьма с ведьмой — это так, эффектная *отвлекалочка*… В итоге мы уже временно беззащитны, считай, перед атакой с моря; так что перебор претендентов тут надо начинать с балтийских *Морских держав* — а вовсе не с Польши, у которой и флота-то, почитай, нету… И что позабыл тогда в Фришес-Гаффе тот странный визитер — фрегат Королевского флота?

Председатель: Ну, это *кстати, совершенно* НЕ *очевидно* — если уж на то пошлО — что там было основной операцией, а что прикрытием: «Великая Пруссия» или тюрьма. Для *отвлекалочки* те профи, при их-то умениях, могли выбрать себе цель и поэффектнее, и подоступнее. А главное — *последовательность событий* была бы тогда прямо противоположной.

Так что — вопрос, конечно, интересный, и мы к нему еще вернемся. Но есть предложение: не изображать тут из себя «Умную Эльзу», а — *решать проблемы по мере их возникновения*.

Юрисконсульт-стажер: А что, кстати, ждет тех, кого вы назначили в обвиняемые?

Председатель: Пшекшицюльского-то мы, конечно, со временем отпустим — после соответствующего торга и за соответствующую политическую цену. Так что главной фигурой «Порохового заговора», похоже, придется стать бедолаге Штюльпнагелю… Ну, фактуру мы с ним еще подработаем — тут уж, как говорится, «ничего личного — просто бизнес».

Юрисконсульт-стажер: А Зильбера вы, как я понимаю, даже искать не намерены?

Председатель: Ну, отправь разыскной ордер на него с женой-ведьмой графу Витковскому — чтоб они там поржали всей *Нейтралкой*… А моя бы воля, так я этому «простодушному егерю» дал бы за сочиненную им *схему*, с собой в главной роли, Железный крест с дубовыми листьями, и еще бутылку «Егермейстера» в придачу — от себя лично.

В общем — все свободны! А вас, Кальтенбахер, я попрошу остаться.

Глава 17

Во имя Господа и именем его

Реже под ноги глядя, чем вверх,
нахожу, что черна высота,
и охота начнется в четверг.
Или даже уже начата.

Михаил Щербаков

По исчислению папы Франциска 17 октября 1563 года.
Ливония, Рига и ее окрестности.

Лязг окованной двери отозвался многократным эхом внутри черепной коробки Джона Ди, и без того нафаршированной болью; чем же это они меня — чулок, набитый песком?

Звук пришел откуда-то сверху, вместе с оранжевым фонарным отсветом на кирпичной стене, лицом к которой его уложили: ага, подвал — и довольно обширный. Руки связаны за спиной, качественно: подвижность пальцы еще не потеряли, а вот чувствительность — увы-увы.

Последнее, что он помнил — как отворил дверь своего съемного апартамента на условленный стук: значит, работали *свои*. И значит, на помощь русских из «Западно-Балтийской компании» рассчитывать не приходится: те, по уговору с Джуниором, полностью сняли наблюдение с *английских союзников*. Теперь понятно, кто стоит за провалом в «Трезубце», и те это знают, а раз так — его шансы выйти из этого подвала живым стремятся к нулю…

* * *

— То есть как это: «*Пропал*»? — Бонд впился взглядом в болезненно осунувшееся (или это так кажется из-за полутьмы кубрика?) лицо Джуниора, а перед глазами у него меж тем стоял тот портовый кабачок, с копченым угрем и «лучшим в этой части Континента лагером», и звучал в ушах собственный голос: «Вы играете с огнем, сэр!»

…Когда «Инвинсибл» на подходе к Риге был перехвачен

знакомым пакетботом «Снеток» с царским штандартом на фоке, и на палубу фрегата взошел русский Spy-Master собственной персоной, коммандер сразу почуял: ох, не для торжественного вручения им медалей за Кёнигсбергскую операцию тот прибыл… Откозыряв капитану и отдав какие-то краткие распоряжения крайне посерьезневшей леди Анне, Джуниор развернулся обратно к шторм-трапу, повелительно махнув рукой Бонду: «Давай-ка за мной, в темпе марша!»

— Об исчезновении сообщил сегодня утром в здешнюю Che-Ka ваш резидент, Николсон из «Восточно-Балтийской компании» — в рамках их штатных контактов по контрразведывательному обеспечению Балтийских конвоев. По его словам, Ди дважды не явился на условленную встречу, а в его съемном апартаменте никто не отвечает на стук. Чекисты вскрыли дверь и обнаружили, что квартира пуста и явно подверглась тщательному обыску. Следы борьбы при этом отсутствуют, а замОк не был взломан; никто из соседей ничего не заметил.

Тут Джуниор прервался, принимая рапорт спустившегося в кубрик вахтенного, а затем продолжил:

— Это, однако, лишь начало наших неприятностей, а в особенности — ваших, коммандер; как говорится: «*Потерял семью. Ну, ладно. Нет, так нА тебе — кисет!*»… Николсон заявил, что в похищении Ди они подозревают некого «Джеймса Бонда, сотрудника Курьерской службы Ее Величества», и вручил чекистам разыскную ориентировку на вас. Чекисты уже переслали нам официальный запрос: располагает ли наша Служба информацией о пребывании на территории Ливонии «некого Бонда»? А поскольку Кёнигсбергская операция и всё, что с ней связано, *засекречена наглухо*…

— Понимаю, — кивнул коммандер. — С алиби у меня будут проблемы.

— Вот именно. А вас, похоже, уже ищут — и чекисты, и свои.

— Ну ладно: во внутренние разборки *английских союзников* вам вмешиваться не с руки — это я уже уразумел. Но хоть ваших-то чекистов вы, надеюсь, способны тормознуть — в рамках своих чрезвычайных полномочий?

— Этим я сейчас и занят, — вздохнул начразведки, — но даже это, поверьте, весьма непросто. Я, конечно, могу лично заявиться в Рижский офис Чрезвычайки и отдать приказ «Именем Государя» — но на этом, как вы понимаете, прости-прощай всякая секретность. А в менее официальной форме ничего не выйдет: отношения между нашими Службами… сложные, мягко говоря. Тем более, что по недавнему закону «О разграничении полномочий» мы вообще не имеем права действовать внутри

страны.

— А Ливония с Ригой — это «внутри страны»?

— Это тоже *сложный-неоднозначный* вопрос, который нынче может решить лишь Государь. Вот за этим я как раз и отбываю срочно в Иван-город.

Так-так-так, кивнул про себя Бонд. Насколько ему было известно, отношения между разведслужбой Джуниора и Чрезвычайкой Малюты и впрямь *сложные*, а вот между их руководителями как раз очень *простые*: «Разногласия по земельному вопросу — кто кого закопает». И да, в условиях полной секретности единственный вариант действий тут — чисто бюрократический: доложить ситуацию лично Грозному, чтобы тот отдал личный приказ Малюте, чтобы тот лично… Но бог ты мой — сколько же времени пройдет, пока этот приказ: «Отставить!» добредет по цепочке до рижских чекистов!..

— И вы намерены сейчас временно *эвакуировать* меня — от греха подалее — в Иван-город, сэр?

— Это было бы самое правильное, коммандер, — вновь вздохнул Джуниор, тяжелее прежнего. — Но…

— Но в розысках исчезнувшего Ди каждый час может оказаться решающим, верно? При том, что лезть *во внутренние дела* английской резидентуры, которая во всей этой истории ведет себя *странно*, вашей Службе нельзя ни под каким видом?

— Именно так, Джеймс. Я, разумеется, не знаю, чтО вам успел сообщить Ди о предстоящей *основной операции*…

— Он сказал: «*Интересы Ее Величества и царя Ивана неожиданно совпали — вполне себе стратегически. В деле, касающемся — уж прости за высокопарность, Джеймс! — жизни и смерти Мира сего*», конец цитаты. Так что — считайте, что важностью задачи я вполне проникся.

— Я вам больше скажу, Джеймс: Ди сейчас в принципе *незаменим*, без него *основную операцию* — ту самую, что «касается судьбы Мира сего» — даже и не начнешь; такие дела. Есть основания полагать, что он *пока* жив, и *пока* в городе — и мы обязаны вытащить его, *не считаясь с потерями*!

— *Мы*? То есть я опять действую совместно со спецкомандой «Амазонки»?..

— Нет, ни в коем случае. Вы будете лишь конспиративно обмениваться с ними информацией в режиме *безличной связи* — через наши *почтовые ящики*, но действовать совместно с вами им всем категорически запрещено, ясно? Вы полУчите пару надежных *явок укрытия* и кое-какие *наколки* в здешнем криминальном мире — это всё, чем мы можем вам помочь. И помните: если вы, упаси Господь, попадетесь — хоть вашим, хоть

нашим…

— …то никакой Кёнигсбергской операции в природе не существовало, да?

— Именно.

* * *

Огненные мурашки наконец-то забЕгали по онемевшим пальцам Ди. Продолжая разминать освобожденные от веревки руки, он сделал было попытку привстать со скрипнувшего рассохшегося бочонка, куда его перед тем водрузили, но ожидаемое, в общем-то, «Сидеть!» было произнесено с не располагающей к дискуссиям интонацией.

— Ваши руки — весьма ценный для нас актив, доктор Ди, — усмехнулся «Черный Человек», что явно был в той троице за старшего. — Равно как голова с прилагающейся к оной языком. В наши планы не входит причинять ущерб означенным частям вашего тела — но вашу свободу передвижения мы вынуждены решительно ограничить. Надеюсь, временно.

Правильный, литературный английский с жестким испанским акцентом… Светильник помещался на замусоренном каменном полу шагах в пяти за спиной «Черного Человека», так что различим лишь его силуэт — но при этом даже отсюда можно было понять, что лицо говорящего скрыто повязкой. Это обстоятельство Ди оценил как, пожалуй, единственный обнадеживающий момент: от покойника так маскироваться вроде бы незачем…

— Чему я обязан нашим знакомством? — церемонно откликнулся он. — Кому и зачем понадобились мои руки?

— А зачем вообще могут понадобиться руки алхимика? Для изготовления *веществ*, само собой!

— Да? А из каких таких *ингредиентов*, позвольте поинтересоваться — в здешней-то дыре? Тогда уж вам стоило бы дождаться, — *пробросил* «007», — чтоб я получил заказанные в Англии *химикалии* — прибудут, как я надеюсь, на днях…

— Нас совершенно не интересуют ваши связи с «Курьерской службой» *сеньора Вальсингама,* — покачал головою «Черный Человек». — Ваш вопрос ведь был именно об этом, не так ли? Так вот, нам вы понадобились именно как Джон Ди — великий математик и алхимик, а не как агент английской разведки «Номер такой-то». А превращать *ингредиенты* в *вещества* вам предстоит вовсе не в «здешней дыре» — так что готовьтесь к морскому путешествию.

— ВОт как… Конечный его пункт, как я понимаю — Испания?

— О нет, — усмехнулся тот, — у нас, видите ли, довольно сложные отношения с правительством Его Католического Величества, а у вас — со Святой Инквизицией.

— «Вы» — это, как я понимаю, Орден? — прищурился Ди. — «Пехотинцы Господа»?

— Так точно, сэр! — дурашливо откозырял иезуит. — К вашим услугам, сэр!

— Вольно! — сохранил невозмутимость «007»; что далось ему нелегко. — Кстати: а как к вам обращаться — Ваше святейшество?

— Обращайтесь — «Падре», просто — *падре*.

Появление на сцене Ордена всё запутало для Ди окончательно. Если охота идет не за Уолсингемовым пакетом (и Бондом, как досадным приложением к оному), а именно за ним самим — как тогда объяснить Рюгенскую историю? Вообразить два параллельных, да еще и одновременных, предательства в Службе, никогда доселе такого не знавшей — просто паранойя. Разве что… разве что об операции «Валькирия», помимо королевы с сэром Фрэнсисом, осведомлен еще и Некто Третий — и этот Третий, ради ее срыва, решил разделаться и с ним, и с Бондом руками иезуитов? Кстати, речь не обязательно об утечке — теоретически Третий и иже с ним могли додуматься и сами; ведь додумались же до сходных с нами выводов — и уж точно независимо от нас! — *русские союзники*, Грозный с Джуниором.

Иезуиты тем временем переставили светильник на поставленный на-попа упаковочный ящик — так, чтобы тот ярко освещал его лицо, а «Черный Человек», напротив, совершенно растворился во мраке: сейчас начнется допрос.

— Давайте поговорим о ваших морских путешествиях, сэр Джон.

— Давайте, — усмехнулся он. — Неужто Орден тоже интересуется северным морским путем в Китай?..

— Орден *очень* интересуют *всякие* пути в Китай и Японию, но в данный момент нас больше занимают не полярные широты, а тропические… Итак, некоторое время назад вы приняли участие в Гвианской экспедиции адмирала Уолтера Рэли; более того — по нашим сведениям, именно вы были ее инициатором. Что же вы там искали, а?

— Золото, естественно! — на сей раз сохранение невозмутимости потребовало от Ди еще большего напряжения.

— Видите ли, сэр Джон… *Мы*, в отличие от *вас*, умеем *работать* с индейцами. И чтО вы искали там на самом деле, нам отлично известно — от них: заросли коки.

— Разумеется, — пожал он плечами со всей возможной

небрежностью, — мы в своих поисках золота не обходили вниманием и *сопутствующие бонусы*: черное и красное дерево, самоцветы… Ну и коку, среди прочего: мы ведь в курсе, что листья коки — существенный приварок к доходам Перуанского вице-королевства, грех было не пошарить на ничейных землях.

— Смею предполагать, что истиной целью вашей экспедиции была именно кока, а золото — это так, прикрытие. Деревце сие произрастает исключительно на гористом Тихоокеанском побережье Америки, так что поискать его в Гвианском нагорье — единственных настоящих горах в приатлантической части континента — было вполне логично. Собственно, мы ведь сами руководствовались в своих поисках ровно той же логикой. И с тем же, что и у вас, результатом: кока, как выяснилось, в Гвиане не произрастает.

— Увы-увы! — согласно развел руками Ди.

— Верно. Но вы — именно вы, сэр Джон! — отыскали там, вместо коки, *источник озарений*, верно?

— О да! — не моргнув глазом, мечтательно соврал он; благо имел время подготовиться к этому, неизбежному по такой ситуации, вопросу. — Галлюциногены тамошних индейцев — это что-то с чем-то! Вы правы: пару-тройку раз меня, *под веществами*, и вправду *пробивало на озарения*. К сожалению, запас тех *веществ* давно уже иссяк — хоть прям новую экспедицию туда снаряжай, а вот постигнуть их природу — так сказать, поверить алгеброй гармонию — мне оказалось не под силу…

— Нет-нет, я не об этом, — прозвучал смешок из тьмы. — К *природе озарений* мы еще вернемся. А пока я изложу вам ряд фактов плюс некую объясняющую их гипотезу — вы же попытаетесь дать тем фактам иное объяснение; *любое непротиворечивое* объяснение, идет?

— *Мне бы не хотелось давать опрометчивых обещаний, но я с интересом вас выслушаю*.

— Речь пойдет о коке, — приступил *Падре*. — Следует ли мне излагать предысторию подробно?

— Как вы сочтете нужным, — ловушка была какой-то совсем уж детской. — С учетом того, что я знаю о коке лишь то, что ее листья содержат мощный стимулятор — вроде кофейных зерен и чайного листа. Ну, и все эти легенды, будто инкские гонцы-скороходы и носильщики, двигаясь по горным тропам, постоянно жевали коку и измеряли пройденную дистанцию «в листочках»…

— О! Вы не зря помянули империю инков, сэр Джон — тут кое-каких деталей вы и вправду можете не знать. Дело в том, что простонародью тамошнему употреблять коку было категорически запрещено; *жевать листики* было прерогативой элиты, ну и

временами милостиво дозволялось *государевым людям при исполнении* — вроде помянутых вами скороходов и носильщиков. И лишь когда тамошняя *Империя Зла*, волею Господа нашего, рухнула от первого же чиха трех сотен осененных крестом Господним conquistadores, и на руинах ее воссияло христианское Вице-королевство — вот тут-то *листиками* и начали потчевать все те массы *людишек*, что сразу припахали на рудники именем Испанской короны. Кока, как вы верно заметили — лишь стимулятор, никаких новых сил она человеку не добавляет, тот лишь интенсивнее расходует уже имеющиеся; те индейцы машут кайлом на рудниках с утроенной силой — ну и надрываются на той непосильной работе с утроенной скоростью… Впрочем, *просвещенные мореплаватели*, вероятно, находят такое обращение с туземцами естественным и правильным?

— Мне кажется, — поморщился Ди, — что обсуждение особенностей колониальной политики Испанской империи и Английского королевства увело бы нас сейчас слишком далеко от темы.

— Да это как сказать… Вот наш Орден как раз категорически возражал против подобного обращения с чадами Господними — коими Святой престол признал-таки аборигенов Нового Света. На чем мы решительно разошлись с властями Перу и обслуживающими тех доминиканцами.

— Да, я слыхал о *сложных отношениях* между «Псами Господними» и «Пехотинцами Господа», — хмыкнул доктор.

— Да, можно назвать это и так. Расхождения по части массированного *окормления* местного населения кокой были, разумеется, не единственными. В итоге наш Орден изгнали из Перу, и нам пришлось перенести свою деятельность в приатлантические части Континента: в Парагвай и Гвиану… А вот в Вице-королевстве тем временем вокруг той коки происходили весьма любопытные события; вы совсем-совсем о них не в курсе, доктор?..

Вопрос *Падре* не то чтобы застал его врасплох, но — какую степень *вхождения в тему* ему надлежит демонстрировать он так пока для себя и не определил: переиграть в «неведенье» тут не менее опасно, чем… Плохо дело, понял он: ребята *копают* в верном направлении.

— У нас знают лишь, что *листики* сделались одним из основных источников дохода Вице-королевства. Детали неизвестны: всё-таки испанские владения в Новом Свете — штука очень закрытая для чужаков…

— Так вот, заготовки кокового листа за эти годы колоссально выросли по объему; благо насобирать этого добра в тамошних

горах можно сколько угодно — «как с куста», только руку протяни. А потом вдруг власти решительно ополчились на его массовое потребление: Второй Лимский собор признал жевание коки «отвратительным языческим обычаем, оскорбляющим Господа нашего» и возложил борьбу с оным на Инквизицию — сиречь на аффилированных с правительством доминиканцев. Ну а поскольку обычай тот и вправду не успел укорениться в местной культуре как массовое явление, *низовое* потребление коки удалось если не искоренить, то хотя бы резко снизить; заготовки же ее при этом остались на прежнем уровне. Отсюда первый вопрос к вам, доктор: куда, по вашему, девается вся та кока, что *высвободилась* в результате этой *двухходовки*? Объемы-то, повторю, колоссальные…

— Надо думать, экспортируется из страны, — пожал плечами он; ну а что тут еще ответишь?

— Разумеется! А куда, как полагаете?

— Понятия не имею. Сам я коку отродясь не жевал, и не интересуюсь.

— Ай-яй-яй, доктор, — укорили из темноты. — «Маленькая ложь рождает большое недоверие» — слыхали? На всякий случай, даю дополнительную вводную: ни на каких европейских рынках, да и в самОй Испании, сей экзотический продукт не обнаруживается, а тем временем бюджет Вице-королевства экспорт *листиков* исправно наполняет. Интересно, правда?

— Не берусь судить: не моя область, совсем.

— Конечно-конечно! Но вот если вы сейчас заявите, будто впервые слышите о появлении в Европе такой *алхимической субстанции*, как «*живой порошок*», я точно вам не поверю!

— Ну, зачем уж вы так… — поморщился Ди. — *Живой порошок* я, разумеется, и сам пробовал, и пытался раскрыть его состав… без особого успеха, увы.

— И как впечатления?

— Н-ну… да! Весьма и весьма!

— Но никакой связи между этими двумя *кейсами* вы усматриваете, нет?

— А какая тут может быть связь? — в голосе его скользнула усталая безнадежность.

— Очень простая. «Живой порошок», как нам удалось установить, распространяется по всей Европе из одного-единственного источника: с вашего Острова; технология его производства является монополией Английской короны и ее высшей государственной тайной. Вполне очевидно, что некий алхимик — английский алхимик! — сумел выделить из коки ее *действующее начало*, и теперь торгует им *в чистом виде*. Но для

такого производства мало одного лишь научного озарения. Тут нужна еще сложнейшая *схема* регулярных поставок сырья из владений враждебной страны — а такое под силу лишь государству с его спецслужбами. Так кто же у нас тот загадочный посредник, а, доктор? Промежуточное, третье, звено между Перу — где есть уникальное сырье, и Англией — где есть секретная технология его обработки?

— Никогда этим не интересовался, — он буквально физически ощутил, как зеленоватая на просвет морская зыбь сомкнулась над его головой: тону, тону, тону…

— Но уж насчет того, что означенный «английский алхимик» — это вы, доктор Ди, у нас, надеюсь, разногласий нет? — вновь рассмеялась ему в лицо темнота. — Кстати, если вам интересно, а вы и вправду не в курсе: посредник тот — сицилийская династия Корлеоне; добрые католики, да-да. А у нас вот возникла встречная идея: *не объединить ли бренды* — во имя Господа и именем его? Чтобы и сырье, и технология оказались в одних руках — наших? Тем более, что технология та, как мы имеем основание подозревать, не слишком сложна…

Да, с горечью признал про себя Ди, они молодцы: переиграли нас вчистую. *Схема* наша вскрыта ими с исчерпывающей полнотой, а технология там и вправду не слишком сложна — если, конечно, иметь *подсказку* об очередности процедур. Есть в той химической цепочке и одно неочевидное звено, эдакая *страхующая закавыка*, но этот чертов Нострадамус с его чертовым *Зеркалом*, считывающем порой эти чертовы *флуктуации мирового Эфира*…[15]

— Ну что, доктор, давайте теперь поговорим о той химии? Вы можете не стесняться по части научной терминологии: я получил степень магистра в Саламанке и доктора — в Гёттингене. И, надеюсь, нам не придется прибегать к *особым методам* для *поддержания разговора*?

— Чёрта с два, *Падре*! Я ведь отлично понимаю, что жив лишь до тех пор, пока описание «той химии» хранится только в этом сейфе, — он постучал себя пальцем по лбу. — Можете, конечно, рискнуть взломать его вашими «особыми методами», но я ведь человек во-первых упрямый, а во-вторых уже немолодой — а ну как сердчишко не выдержит? Это ведь не украсит ваш послужной список…

Падре, однако, уже отвернулся от него. В темноте стали тихо переговариваться на каком-то смутно знакомом, как показалось, языке — уж не на мальтийском ли? — а потом ему заломили руки за спину, защелкнув на запястьях наручники, и нахлобучили на голову мешок.

— Обстоятельства требуют — я должен вас оставить, доктор. Начало нашего с вами морского круиза ненадолго откладывается. Не думайте только, что это откроет перед вами какие-то новые возможности: искать вас тут всё равно некому… А вы поразмышляйте-ка, пока есть время, над *природой озарений* — в каковом *озарении* вам и явилась, надо полагать, химия «живого порошка». Сдается, что и вы, и мы *пили из одного источника* — только вам, на Острове, оказались милее *технологии*, а нам — *социальные практики*. А *источник* тот — захваченный пиратами Рэли галеон «Хуан эль Апостол», нет?

Благодарение Господу, что они уже надели ему на голову мешок — сохранить *покерное лицо* и на этом месте у него, пожалуй, не достало бы уже сил… Да, без сомнения — это чья-то «Контр-Валькирия», хотя «Пехотинцы Господа», возможно, тут *задействованы втемную*.

«Господи! — воззвал он с неожиданным для самого себя чувством. — Помоги нам: ведь мы же *сражаемся на правильной стороне*, а *кроме нас — некому*! И я не прошу у тебя *чуда*, Господи — сиречь, нарушения установленных тобою самим Законов мироздания, — подари нам просто *счастливый случай*. „Нам“ — это Бонду… Бонду и Мими, на них только и надежда… слабенькая тень надежды».

* * *

ЗамОк щелкнул так, что эхо, как померещилось коммандеру, отдалось по всему полутемному лестничному пролету. Что ж, если в квартире Ди его поджидает засада — ребята предупреждены; *praemonitus* — и, надо полагать, *praemunitus*…

Спрятав отмычки (раздобыл их по тем самым *наколкам* от Джуниора) и извлекши тесак, он некоторое время выжидал — слева от дверного проема, на случай если у тех, внутри, хватит ума стрелять сквозь филенку. За распахнутой, после надлежащей паузы, дверью никого, однако, не обнаружилось; он скользнул было по коридору в гостиную — но был остановлен долетевшим оттуда шорохом. Ага!..

Прождав несколько минут в полной неподвижности и безмолвии, он бесшумно продолжил движение, а затем молниеносно ворвался в комнату — понизу, длинным мягким кувырком почти до противоположной стены, чтобы, вскочив на ноги, сразу оказаться в тылу у поджидающих по бокам от двери… Никого! — но ведь шорох ему не примерещился?

Как он успел различить, самым-самым краешком глаза, ту

мелькнувшую справа-сзади тень — одному богу ведомо. Крутанувшись в молниеносном вольте, он встретил врага разящим выпадом, но промахнулся — едва ли не впервые в жизни. Размытая тень проскользнула под рассекшим воздух над нею клинком, легко взлетела ввысь… — и Бонд узрел перед собою, на шкафу, перепуганную несчастную обезьянку.

Ага, сообразил он, переведя дух — это, наверное, и есть Мими, самочка капуцина, привезенная Ди из его южноамериканского путешествия. Ты глянь-ка, а ведь тамошние широконосые обезьяны — и вправду очаровательные существа: обликом смахивают на сову и совершенно лишены отвратительного антропоморфизма *бандерлогов* Старого Света…

— Мими? Ты ведь — Мими? — примирительно произнес он, медленно опускаясь в кресло — просто чтобы ее успокоить.

Обезьянка меж тем принялась оживленно жестикулировать, явно стараясь привлечь его внимание. Обычный зритель, скорее всего, вскользь отметил бы для себя сей факт — и только, но профессиональный взгляд *оперативника на задании* обязан фиксировать еще и не такие *мелочи*. Убедившись, что руки Мими раз за разом воспроизводят одну и ту же комбинацию движений, Бонд всмотрелся повнимательней — и тут у него шевельнуло волосы на затылке от суеверного страха: ОБЕЗЬЯНА РАЗГОВАРИВАЕТ! Не то, чтоб «человеческим голосом», но вполне себе *человеческой* азбукой глухонемых.

Ничего пугающего, впрочем, обезьянка не говорила, просто повторяла: «Я голодна». Что, в общем, неудивительно…

Первая мысль его была, разумеется: «Оборотень!» Пришедшая мгновение спустя на помощь ирония подсказала: «Да-да, как же — заколдованный индейский принц из Эльдорадо, где *золото лежит брошенное на порогах хижин*!..» А затем уже пришло воспоминание о давнем слухе, зацепившем краешек его уха: на «великого каббалиста и алхимика» тогда всерьез наехали церковники — тот будто бы «В гордыне своей дерзнул обучать скотов человеческой речи, что есть мерзость несказАнная пред ликом Господа нашего»; королева, впрочем, своего астролога в обиду не дала, и расследование быстренько сошло на нет. Так, значит — *удалось*! Воистину, чУдны дела твои, Господи…[16]

Азбуке глухонемых Бонда обучили некогда перед одной рискованной операцией в Венецианской республике (место крайне *неприветливое* для чужаков), и случая попрактиковаться в языке жестов у него с той поры не было. Расслабленно откинувшись в своем кресле, он попробовал подозвать Мими: «Иди сюда». Обезьянка послушно покинула свою неприступную фортецию и легко спрыгнула на стол прямо перед ним, вновь

сообщив: «Я голодна». Уфф! — *контакт налажен*!

…Уведомив голодающую: «Я искать еда», Бонд приступил к осмотру квартиры. Ясно, что предыдущий обыск тут был профессиональным и тщательным — разве только подушки не вспороли (кстати — почему?..), так что отсутствие хоть единой бумажки с записями (при наличии чернильного прибора и стопки бумаги на каминной полке) не удивляло ничуть. Ага! — в застегнутом на пуговицу внутреннем кармане шубы, что висела на вешалке в прихожей, обнаружился пакет с изюмом; Мими тут же приступила к трапезе, позволив себя погладить.

Надо полагать, лакомство для своей питомицы Ди купил в городе; шубу по возвращении снял, но достать угощение так и не успел; любопытно… Еще интереснее, что верхней одежды в квартире два комплекта — шуба и суконный плащ с подстежкой (тот самый, что был на «007» в день их встречи), — а вот обуви нашлась лишь одна пара: непромокаемые армейские башмаки, с коих хорошенько натекло грязи на пол, перед тем как высохнуть.

Итак, главный пока вопрос: *где его подкараулили*? Вряд ли в такую погоду — все эти дни шел дождь со снегом — он стал бы выходить из дому налегке и в отсутствующих домашних тапочках… В общем, джентльмены, похоже на то, что всё случилось прямо тут, в квартире: «007», вернувшись с улицы, успел только снять шубу и переобуться в домашнее — и в этот момент был или убит, или оглушен и похищен: в чем был, естественно.

Теоретически похитители (или убийцы) могли поджидать его и в квартире — проникнув в нее загодя (как это только что проделал я), но при живой-здоровой Мими шансов на такую засаду, как мне сдается, никаких. Значит, он сам отворил кому-то дверь — и этот «кто-то», джентльмены, мог быть только из числа *своих*: Ди, конечно, не оперативник — но с разведкой связан не первый год и азами ремесла владеет. А уж соблюдать элементарную осторожность, сознательно отведя себе перед тем роль *живца*…

Дрянь дело, понял он, совсем дрянь… Но хоть ясность появилась — это плюс!

Тем временем повеселевшая Мими, не доев даже до конца свой изюм, вдруг отправилась к камину в противоположном углу гостиной; мгновение — и она исчезла в каминной трубе. Бонд не успел даже толком удивиться, когда обезьянка вернулась (даже не перемазавшись в саже, как с любопытством отметил он) и положила на стол перед ним свою добычу.

Уолсингемов пакет — тот самый…

Пакет был вскрыт с торца, а под бечевку обвязки с

сохранившимися на них сургучными печатями Службы были подсунуты, небрежно и второпях, несколько сложенных листков с заметками. Ага, та самая бумага ин-кварто и те самые фиолетовые чернила, что в приборе с каминной полки, механически отметил он про себя — «для рапорта».

Даже от самОй мысли — прикоснуться с этой топ-секретной бомбе с шипящим фитилем — пробегал могильный холодок по хребту, однако *отчаянные времена требуют отчаянных мер*, а *прощение получить легче, чем разрешение*.

Глава 18

Танцы с бурыми мишками

Не вполне поворотлив собой,
утерявший стрелецкую прыть
зверобой с рассечённой губой,
обещавший меня пережить.
Девяносто навряд ли ему,
но не меньше восьмидесяти.
И грозится, по-видимому,
он скорее для видимости.
А сам — не сумеет. Сумеет не сам.
Мне он не опасен. Опасен не он.

Михаил Щербаков

По исчислению папы Франциска, 17 и ночь с 17 на 18 октября 1563 года.

Ливония, Рига.

Бонд задумчиво сложил листки с заметками Ди и вернул их на прежнее место, под бечевками обвязки; в пакете, как он и предполагал, оказалась *алхимия* — «живой порошок»; часть его придется позаимствовать на приманку. Медленно провел ладонью по лицу, будто стирая внезапно налипшую на него смертельную усталость. Черт, черт, черт! — вот в такие моменты и впрямь ощущаешь себя «простецким парнем с квартердека»…

Итак, действовать мы будем, твердо исходя из того, что Джуниор в своих предчувствиях прав: Ди еще жив и притом еще в городе. Насчет местной резидентуры теперь настала полная ясность: «Не следует объяснять злонамеренностью то, что может быть объяснено бардаком» — принцип в целом верный, *но всему же есть предел, братцы!* Причем либо у них там не одна крыса, а целый выводок (а такой паранойе мы всё-таки ходу давать не станем, верно, коммандер?..), либо предатель — по своим возможностям — у них где-то на самом верху: то ли сам шеф резидентуры, Томас Николсон, то ли его заместитель, Питер Бишоп — никак не ниже.

Николсон сознательно врал чекистам, будто Ди дважды не вышел на связь — тогда как, согласно заметкам «007», первая

встреча состоялась штатно, а на вторую не явился как раз представитель резидентуры, Бишоп. Ди, по инструкции, счел это сигналом тревоги, вернулся домой — и на этом его заметки обрывались; слежки за собой (обычно ее вел как раз Бишоп) он на обратном пути не отметил. Для означенного вранья Николсона могли быть, однако, вполне веские резоны: резидентура наверняка ведет собственное расследование, а *русским союзникам* сообщает не всё.

Связь с резидентурой Ди поддерживал через Бишопа; тот знал, среди прочих паролей, и условный стук (и теоретически, по инструкции, не должен был бы сообщать его никому, даже Николсону); как раз он частенько в открытую *топал* за алхимиком по городу (не ставя того в известность). Эти нарушения, однако, могли иметь и вполне невинное объяснение: оперативник просто опасался за вверенного его попечению высокоученого «носителя гостайны» и решил его *вести на коротком поводке*; что в чужом городе *со сложной агентурно-оперативной обстановкой* вполне оправдано.

Итак — «делайте ваши ставки»: который из двоих? Николсона он помнил по паре совместных рискованных операций в Испанских Нидерландах как отчаянного парня и отменного профессионала, так что убедиться в предательстве Тома ему было бы по-человечески жаль…

Засим он придвинул к себе чернильный прибор и, тщательно обдумывая каждое слово, написал три письма.

Первое предназначалось для передачи — через *почтовый ящик* в некой антикварной лавке — разведгруппе «Амазонки», вместе со вновь запечатанным Уолсингемовым пакетом. Послание детально излагало план его дальнейших действий и начиналось со слов: «В случае моей гибели или ареста — передать, вместе с пакетом, на Сизинг-Лейн, лично сэру Фрэнсису». Возник даже мимолетный соблазн — черкнуть пару прощальных *зашифрованных* фраз для самОй Анны, и с соблазном этим он справился не без труда.

Второе и третье послания он отправлял на личные адреса Бишопа и Николсона, известные ему из записок «007». Каждый из них (и, разумеется, порознь) получал предложение конспиративно встретиться «в укромном месте, без свидетелей», дабы выкупить у него «изобличающие доказательства по делу об исчезновении Ди» — с приложением *пакетика с пятью граммами белого порошка* как знака серьезности намерений. Некоторое время размышлял, как ему следует подписать эти письма-приманки, и решил не мудрить: «Бонд, Джеймс Бонд».

* * *

Как это частенько бывает во снах, когдатошние детали воспроизвелись с нездешней точностью: и жирный блик от свежей пулевой вмятины на кирасе адмирала Уолтера Рэли, и шум прибоя, перекрываемый возмущенными воплями попугая *весьма тропической расцветки*, и пропитавший всё вокруг чад от догорающего у берега галеона «Хуан эль Апостол».

— «Кратер Риччи», стало быть… — задумчиво вымолвил Рэли, обводя внимательным взором почти растворяющуюся на фоне неба голубоватую зубчатку Гвианского нагорья — там, в недостижимой дали, за безбрежными разливами ядовитой, вырви-глаз, зелени непроходимых прибрежных джунглей. — Выходит, ОНИ не просто *уже тут*, а и картографическую съемку ведут… А кто, кстати, этот самый Риччи, вы не в курсе?

— Коллега мой, в некотором смысле, — отозвался Ди. — Маттео Риччи — математик, астроном, картограф. Родился в Италии, учился в Риме, потом в Португалии — в Коимбре… там тогда подвизалось множество высокоученых *беглых цудеев* из Испании, со всей ихней каббалистикой… Вступил в Орден иезуитов, числится одним из самых успешных их миссионеров. Я полагал, что он где-то на Востоке — в Гоа или Макао…

— *Орден, значит… Ах, холера!* — пробормотал адмирал, переводя взгляд на чадящие останки галеона. — А как вы его приманить-то сумели?

— На *серебро,* — небрежно обронил алхимик (ни на йоту не отступив от истины, кстати). — Мы в каббалистике тоже кой-чего смыслим.

— Да, вполне себе универсальная приманка, — ухмыльнулся адмирал, поняв его реплику на свой, военно-морской, манер; разубеждать его Ди, разумеется, не стал.

— Как нам теперь быть без капитана «Уолруса» — ума не приложу, — перевел он разговор на другое, в свой черед кивнув в направлении «Апостола Иоанна».

— Ну, так уж прям и «без»! — поморщился адмирал. — Ампутация прошла вполне успешно. Вот вам преимущество как бы научной экспедиции — иметь судовым врачом не обычного деревенского коновала, а хирурга, *учившегося в колледже и знающего всю латынь наизусть*… В абордажах ему, понятно, больше не геройствовать — при одной-то ноге, но командовать с мостика, а уж тем более прокладывать курс… До Портсмута, полагаю, он дотянет по-любому.

— Да-да, конечно: *до Портсмута дотянет* — а дальше нам хоть трава не расти, — вежливо кивнул Ди.

— *Сарказм детектед*, доктор, — хмуро отозвался сэр Уолтер. — Ладно, лучше вот чего скажите: насчет коки-то вам чего-нибудь удалось вызнать — вашими, *каббалистически-алхимическими*, методами?

На этом месте картинка пошла внезапной рябью и оборвалась: Ди довольно невежливо трясли за плечо: «Подъем, доктор!»

Спать его перед тем запихнули в крохотную каморку — отнорок того обширного подвала; всё это время ему пришлось провести со скованными за спиной руками и свернувшись в три погибели на куче каких-то рваных мешков (судя по запаху — из-под рыбы), так что всё тело его затекло, а ноги не держали. Конвоирам пришлось опять усадить его на бочонок (не тот ли самый?); светильник на сей раз был в руке у *Падре*, лицо которого было по прежнему (как он и догадался тогда) скрыто повязкой:

— Ну, что — пора в путь-дорогу, дорогу дальнюю-дальнюю-дальнюю пам-пам!..

Значит, Бонд — даже если он на верном пути — *опоздал*; относительно же собственной судьбы в конечном пункте *морского круиза* алхимик никаких иллюзий не строил: он доживет лишь до изготовления первой порции *вещества* — дальше нужда в нем отпадет; а заставить его изготовить то *вещество* — есть много способов, тут тоже не надо иллюзий…

Борясь с подступившим отчаянием, Ди еще раз оглядел свое *предпоследнее пристанище* — и тут взгляд его остановился на светильнике: огонек его чуть дрогнул и отклонился от вертикали. Сквозняк — тут?? И по тому, *каким* движением *Падре* развернулся в сторону того кивка пламени, он безошибочно понял: у тех *что-то пошло не так*.

Размышлять было некогда, а поскольку мышцы его, похоже, уже маленько отошли, «агент 007» изо всех сил пнул в колено стоящего слева от его бочонка конвоира (тоже отвлекшегося на миг от своего пленника) и, провожаемый его придушенным воплем, со всех ног рванулся в темноту.

Со всех своих заплетающихся ног…

«*А там — будь что будет. Что будет, то будь*».

И, конечно же, немедля споткнулся обо что-то в той темнотище, и загремел башкой вперед, не в силах даже подстраховаться скованными руками, и въехал той башкой во что-то беспощадно твердое.

ВОТ И ВСЁ.

* * *

Когда у отворота Сандштрадте от городской стены из быстро густеющих сумерек возник одинокий (как и было условлено) Бишоп и, тщательно *проверившись*, постучал условным стуком в загодя отомкнутую для него входную дверь (одна из двух *явок укрытия*, данных ему Джуниором), Бонд, свернув сквозь арку во двор, бесшумно проскользнул в апартамент через черный ход: всё в порядке, *крыса* пришла в его крысоловку.

Слава богу — не Николсон! Этот, парою часов назад, прислал вместо себя на так же вот обставленную встречу (по адресу другой Джуниоровой явки, в Эллерброке) группу захвата — как и должен был бы поступить тот из двоих, кто невиновен. Обнаружив тех бойцов еще на дальних подступах, Бонд покинул свой наблюдательный пункт в кабачке на противоположной от явки стороне улицы и, вполне удовлетворенный результатом проверки, отправился на второе рандеву — с Бишопом.

Планировку помещения он изучил загодя, так что мог теперь бесшумно передвигаться по нему и в темноте, не натыкаясь на стены и мебель — тогда как пришельцу придется освещать себе путь. Это сразу создаст хозяину преимущество: сам он *сокрыт во мраке*, а враг на виду. «Враг» — ибо Бонд ни на секунду не сомневался, что если Бишоп и явится, то затем лишь, чтобы его *убрать*: только трус и дурак может пойти на такого рода сделку с шантажистом — а ни трусов, ни дураков в Службе не держат. А уж предатель-*двойник* — тот точно должен иметь недюжинную сметку и очень крепкие нервы…

Он успокаивающе погладил неотступно сидящую у него на плече Мими (все попытки пристроить обезьянку на чье-нибудь еще попечение ни к чему не привели: та мертвой хваткой вцеплялась в его воротник и принималась плакать, как брошенный ребенок) и взвел курок пистолета. Устраивать пальбу, конечно, крайне нежелательно, но, возможно, придется, и вот тут уже все преимущества будут на стороне врага: тот-то может сразу стрелять на поражение, а вот ему *крыса* нужна непременно живой — как единственная ниточка к Ди… Тут как раз впереди обозначился огонек: Бишоп отыскал наконец на ощупь светильник в условленном месте прихожей. Ну, всё — *следуем на сближение*, паруса убрать, орудия к бою!

Бишоп возник перед ним в дверях гостиной со светильником в левой руке и пистолетом в правой (Бонд успел отметить краешком сознания, что по части огнестрельного оружия предпочтения у них совпадают: фирма «Кузнеца Вессона») — и в этот миг из тьмы коридора за его спиной негромко скомандовали:

— Брось оружие! Шевельнешься — стреляю!

Черт-черт-черт… Вот ведь и знал Николсона как «отменного

профессионала» — а всё равно недооценил… Таки они работают на пАру… но как же так?..

— Отцепите от пояса тесак, коммандер, только очень медленно. Сделайте четыре шага назад, там стоИт стул — садитесь, ощупью… Руки за голову, ноги вытянуть вперед… А вот теперь — поговорим.

— Я обыщу его, на всякий случай? — это уже Бишоп.

— Нет, не приближайся. Это очень опасный человек, очень.

— Мои вам комплименты, джентльмены! — Бонд медленно обвел взглядом гостиную. Бишоп и Николсон занимали позиции по разным ее концам и держали его на мушке, явно не собираясь опускать пистолеты; скверно. Мими — умница! — осуществила молниеносную ретираду на карниз с занавешивающей окно гардиной, и отчаянно жестикулировала оттуда; что-что она *говорит?..* так-так-так!.. — Вы, как я понимаю, проникли сюда, пока я наблюдал за экзерсисами вашей группы захвата в Эллерброке? — обратился он к Николсону. — Довольно рискованный ход…

— Не думаю, — качнул головою тот. — По тексту обоих ваших писем-приманок было ясно, что никаких реальных улик у вас на руках нет. Вы решили сыграть в орлянку, но держать под наблюдением одновременно и *орла*, что в Эллерброке, и здешнюю *решку* вам в одиночку оказалось не под силу. *Результат немного предсказуем*…

— Я, на вашем месте, не был бы столь уверен в обеих этих исходных посылках, — нахально ухмыльнулся Бонд, ибо *прочитанные* им за это время *сообщения* Мими… Ну, скажем так: приотворили дверь той камеры смертников, куда он угодил, на узенькую-узенькую щелочку — как раз просунуть туда свой блеф. — Во-первых, я — не то чтобы совсем уж «одиночка»: письмо-страховка — «Вскрыть в случае моей гибели» — мною, разумеется, оставлено, и «Западно-балтийская компания» незамедлительно переправит его прямиком на Сизинг-Лейн, сэру Фрэнсису. К письму приложен пакет, который я вез сюда для «007» — как доказательство того, что я погиб *при исполнении*. Как вы правильно догадались, в том пакете был «живой порошок» — а вы ведь *плотно сидите на порошке*, оба?

Он выпалил наугад, но по мгновенному обмену взглядами между шефом резидентуры и его замом он понял: прямое попадание!

— Могу я продолжать, Том?

— Я весь внимание!

— Самое смешное, что тот вожделенный пакет — полфунта порошка! — вы уже буквально держали в руках — но умудрились

упустить меж пальцев. Я ведь успел-таки передать тот пакет адресату; Ди спрятал его у себя дома — а вы, Бишоп, обшаривая квартиру после похищения хозяина, его прошляпили. А я вот — нашел!

— Это, собственно, вторая твоя ошибочная посылка, Том, — вновь адресовался он к Николсону. — Будто я, выбирая между тобой и Бишопом, стреляю наугад и подбрасываю монетку. Нет, у меня есть исчерпывающие доказательства: твой подчиненный замазан в похищении Ди по самую маковку. Я, обследуя ту квартиру, отыскал не только пакет с *порошком*, но и живого свидетеля. И его показания, полагаю, весьма заинтересуют сэра Фрэнсиса — если вы меня сейчас грохнете.

— *Живой свидетель*? Что за чушь! — не выдержал Бишоп; выдав себя этой репликой с головой — как ясно было по взгляду, брошенному на него шефом.

— А можно с этого места поподробнее, Джим? Насчет свидетеля?

— Пожалуйста: вон он, прямо перед вами, — и Бонд указал взглядом на обезьянку. — Знакомьтесь: это та самая Мими, спутница и наперсница Ди. Помнишь, Том, ту историю с нашим великим каббалистом — как он чуть не загремел под церковный суд за «обучение скотов человеческой речи»? Так вот — *вы таки себе будете смеяться*, но у него получилось! Если ты владеешь азбукой глухонемых — можешь сам *почитать*, как Мими сейчас честит твоего нерадивого подчиненного…

— О дьявол!! И вправду!.. — изумление Николсона было ничуть не наигранным, однако пистолет его, наведенный на Бонда, положения не сменил — на что коммандер как раз очень рассчитывал (ибо некий *туз в рукаве* — ну, не туз, а так, *девятка*, и не в рукаве, а *в штанине у щиколотки* — у него всё же оставался). — Однако ты что, всерьез полагаешь *показания обезьяны* — доказательством?

— Ну, для суда присяжных — вероятно, нет, — пожал плечами Бонд, — а вот для внутреннего расследования — возможно, и да. Вспомни, опять же, «Закон бладхаунда»: опознание подозреваемого собакой-ищейкой английским судом вполне себе принимается.

— Можно, я прострелю ему колено? — прервал воцарившееся молчание Бишоп. — Перед тем, как всадить пулю в башку?

О! Всё идет даже лучше, чем он предполагал…

— Не прямо сейчас, успеется, — поморщился *старшой*. — А тебе, Джим, осталось объяснить: почему писем-приманок было — два? Если уж ты был так уверен, кто из двоих…

— Потому, что это был мой косяк, да — *mea culpa*… — со

вздохом вскинул ладони Бонд: джентльмен, признаЮщий поражение в fair play. — Я же поначалу думал — быть такого не может, чтоб двое, одновременно, изменили присяге! А потом сообразил: нет, может! Может, если это — любовь, и выбор — между присягой и возлюбленным! Когда это не двое, а, считай, один — «*плоть едина*», как говорено Господом нашим!..

— Ты чего несешь?!? — заорал Николсон.

— Я всё понимаю, Том: сердцу не прикажешь, — вел свой вдохновенный монолог Бонд, — но мне-то каково это видеть! После всего, что было между нами тогда, во Фландрии! Послушай… — жалобно запнулся он, — давай вернем всё, как было: тот мой роман с… ну, ты помнишь… был ужасной ошибкой! Только избавься от этого мерзкого человечишки! — и он патетически простер руку в направлении ошеломленного Бишопа (*мотивированным*, по позе, движением подобрав наконец под себя ноги).

— Ма-алчать!!!

Ну, теперь можно и замолчать. Собственно, всё и так уже сказано: грохни сейчас своего засветившегося подельника, списав на него все косяки (ведь всё равно кого-то придется назначать крайним за исчезновение Ди!) — а полфунта *порошка* поделим…

— Пристрели обезьяну! — командует резидент своему заму, не отрывая взгляда от Бонда.

— Черта с два! — отвечает тот, просчитав расклад не хуже шефа (ага-ага, ты останься сейчас один против двоих с разряженным пистолетом!..) — По обезьяне — сам стреляй!

Оба пистолета чуть отворачиваются от Бонда, и в тот же миг коммандер, истошно заорав: «Вырви им глаза, Мими!!!» (чисто чтоб задействовать отвлекающий фактор: вербальные команды обезьянка вряд ли воспринимает) предметно демонстрирует, что он и вправду «*очень опасный человек*»: менее чем за секунду он успевает выхватить метательный нож, скрытый у щиколотки, с разворота сразить им Николсона (*из позиции, из которой никто и никогда ножей не мечет*) и, перекатом по полу, добраться до лежащего посредине комнаты тесака; четко проскользнув под бестолковым выстрелом растерявшегося Бишопа.

А вот пуля, выпущенная напоследок, уже на автомате, оседающим с ножом в горле Николсоном, «*отменным профессионалом*», попадает-таки в Бонда…

Вроде бы и ничего особенного — касательное ранение в руку, *кость не задета,* — но точнехонько в ту самую недолеченную *царапину*, полученную им четыре дня назад на фрегате «Великая Пруссия».

И мгновенная боль напрочь выключает сознание

коммандера…

ВОТ И ВСЁ.

* * *

— Кто такие?

Свет факела запрыгал по лицам Серебряного и его сопровождающего-телохранителя — Тита Кузьмича, выхватывая из стремительно сгустившихся осенних сумерек перила мостика через канал и черные епанчи патрульных с серебряными зигрунами: четверо, с оружием наготове — усиленный вариант несения службы…

— Купец второй гильдии Афанасий Никитин, с приказчиком. Следуем на тот берег, в гостиницу «Два шпиля», сержант.

— Ну-ка, пускай твой приказчик тоже подаст голос!

— Вы об чем, сержант? — Тит Кузьмич, как заметил Серебряный, успел на всякий случай расстегнуть свой полушубок, открывая руке путь за пазуху.

— Не, оба — русские! — обернулся к своим чекист. — Всё, проваливайте не задерживаясь!

«Не иначе, как это Бонда ловят! Ничего себе…» — сообразил князь, двинувшись было мимо посторонившихся патрульных — и тут из темноты прозвучала команда:

— Стоять! Сержант, подсвети-ка левого, купца! — а спустя мгновение — смешок: — *Воевода! Чому ж це вы без погон*, опять?

ВОТ И ВСЁ!

ВОТ И ВСЁ.

ВОТ И ВСЁ…

Из разыскного листа Чрезвычайки его, разумеется, за эти годы никто не вычеркнул — да и с чего бы?

Воистину: «Ни одно доброе дело не остается безнаказанным»…

Все эти мысли вихрем пронеслись в голове Серебряного — и вихрь тот уложил ему на язык следующие слова:

— Опять *без погон* — потому что опять *на задании*, штурмфюрер. И если что — МОЖЕМ ПОВТОРИТЬ!

Молчание длилось долго — в темноте явно взвешивали что-то на внутренних весах.

«*Ты меня убить хотел. Я тебе это запомню. — Не убил ведь. — Да, не убил… Это я тоже запомню.*»

Наконец из темноты прозвучало:

— Ладно, хватит уже нам *дружественного огня*…

— Вот именно. Мы ж ведь не *англичане* какие, верно? —

ухмыльнулся Серебряный. — Удачи вам тут, штурм.

— И вам — встречно.

…Сержант с факелом, глядя вслед удаляющейся *двойке*, поинтересовался:

— Знакомые, герр оберштурмфюрер?

— Да, — небрежно кивнул тот. — Встречались как-то… на совместной операции.

— *Соседи*?

— Они самые. Тоже, похоже, ищут *англичанина* — по своей линии.

— Отмечать это в рапорте?

— Зачем? У них — своя служба, у нас — своя.

* * *

Когда Ди очнулся, голова его пребывала, конечно, в ужасном состоянии, но была уже перевязана, руки освобождены, а прямо у губ имело место быть горлышко фляги:

— Ну-ка глотните, доктор: ваш любимый, ямайский. Всё уже позади, поздравляю!.. Кстати, вы очень удачно рванули в темноту при начале нашей атаки: те ребята запросто могли решить насчет вас: «Так не доставайся ж ты никому!»

Сколько народу и какого находилось вокруг — неясно: три светильника не позволяли толком разглядеть тени, перемещающиеся в гулкой черноте подвала. В световой круг, очерченный дальним из них, попадали лишь сапоги неподвижно лежащего на полу человека; тут как раз рядом возникли две тени, и сапоги тоже ускользнули во мрак, скрывавший их невезучего хозяина.

— Мы сейчас переправим вас в штаб-квартиру «Западно-Балтийской компании»: это, пожалуй, самое безопасное для вас место в этом городе, — у человека с флягой был странный акцент, а лицо скрывал капюшон. — Если вы, конечно, не возражаете.

— Конечно, не возражаю. Вы ведь из службы Джуниора?

— О, нет: мы *гуляем сами по себе,* — рассмеялся человек в капюшоне. — У нас в этом деле свой, отдельный интерес. Передайте, пожалуйста, дону Вальсингаму самые теплые и дружеские пожелания от дона Корлеоне.

— Понятно… А причем тут Орден? И кто такой *Падре*?

— Ну, доктор, вам же известна *Схема* — в общих чертах, без деталей: в Перу — уникальное сырье, в Англии — уникальная технология его обработки, а между ними — мы, как необходимый обоим посредник. Орден же решил сосредоточить все три звена

цепочки в собственных руках и получать монопольную прибыль — «Во имя Господа и именем его». Человек, известный вам как *Падре,* — один из руководителей секретной службы Ордена и *ведущий* этой операции. По ходу ее они стали действовать небывало жестко, *не по понятиям*: несколько наших курьеров и посредников в Европе и в Новом Свете были захвачены и погибли под пытками; мы, понятное дело, не остались в долгу; впрочем, вас это всё совершенно не касается.

«Агенту 007» детали жестокой тайной войны между секретными службами Ордена и Сицилийской династии были бы как раз очень интересны, но, пребывая сейчас в ипостаси «D», он с чистой совестью кивнул:

— Безусловно, не касается.

— Короче говоря, нам стало ясно, что рано или поздно объектом их *интереса* станете вы — великий алхимик и научный руководитель секретной Гвианской экспедиции. Мы стали терпеливо ждать — и вот дождались: *Падре* в наших руках, живой и пригодный к даче показаний.

— То есть вы попользовались мною как приманкой? — мрачно усмехнулся Ди.

— Можно назвать это и так. Только не забывайте: если б не мы — вы, доктор, сейчас задыхались бы в трюме под ящиками с контрабандным товаром, в качестве *законной добычи* Ордена… И кстати: по ходу допросов *Падре* наверняка всплывут кое-какие детали этой их операции, небезынтересные для дона Вальсингама — и мы вполне готовы ими поделиться.

— Да, сэр Фрэнсис чрезвычайно ценит сотрудничество вашей Службы, дон… Дон?..

— Можете называть меня просто: дон Сицилиано, — усмехнулся человек в капюшоне. — А насчет сотрудничества… Понимаете, мы чрезвычайно ценим свое положение в той трехзвенной *Схеме*, как *незаменимых посредников*; поэтому *status quo* той *Схемы* — это *наше всё*. Ведь нам же сейчас не приходит в голову превратить вас, доктор, в свою *законную добычу* — как это пытался сделать Орден, — дабы заиметь в своих руках два звена из трех! Вот и вам, со своей стороны, не следует искать обходные — мимо нас! — пути к источникам того американского сырья. Ей же богу, такие попытки могут обойтись вам — *третьему звену Схемы* — так дорого, что вы сейчас и представить себе не можете…

Дон Сицилиано на мгновение замолк, явно давая ему время зафиксировать всё это в своей памяти, а затем продолжил:

— Одним словом, мы уверены, что *Схема* достаточно уже отлажена и *не нуждается в дальнейшей оптимизации*. И мы очень

хотели бы, чтоб эту последнюю фразу вы, доктор Ди, довели до сведения глубочайше нами уважаемого дона Вальсингама ДОСЛОВНО.

* * *

Когда Бонд очнулся, первое, что он разглядел, было лицо Анны — осунувшееся какой-то иконной бледностью: та склонялась над ним в тщетной попытке приподнять с пола.

— О! *Верхняя позиция*, сэр? — попытался рассмеяться он. Майор Зимина, однако, тона не поддержала:

— Ты потерял дохренища крови, а надо уходить немедля. Чекисты будут тут максимум через четверть часа, и тогда нам конец, обоим. Соберись-ка… обними меня за шею, левой… вот так… так… уф!

Так, до стула добрались, ура… а кровопотеря-то, похоже, и вправду — dokhrenistcha… не отъехать бы обратно в отключку… но перевязано качественно…

— На, глотни как следует.

— Чего там? — кивнул он на появившуюся перед ним флягу.

— Мартини, zounds[17]!! Водка, естественно… И оставь там — мне тоже… нелишне.

Коммандер окинул плывущим взором гостиную, и посейчас затянутую кисловатым пороховым дымом. Николсон, с метательным ножом в горле и намертво зажатым в кулаке «Вессоном» (и этот туда же…) покоился там, где ему и положено. А вот Бишоп встретил смерть, сражаясь тесаком; ЕГО тесаком, zounds! Он перевел взгляд на эфес *итальянской шпаги* у бедра Анны, отметив про себя — насколько же эротично та смотрится в мужском наряде!.. О! — кажется, мы возвращаемся к жизни!.. Так, еще чуток глотнуть — и вернуть.

— Я понимаю, что обязан тебе жизнью, — кивнул он в сторону убитого Бишопа, — но теперь все наши ниточки к исчезновению Ди оборваны. Операция провалена, такие дела.

— Ди уже у нас, — отмахнулась она, — на этот счет расслабься. А что до *этого*, с тесаком — так он был уже мертв, когда я тут появилась.

— Ага… То есть я, как бы, умудрился убить их обоих? «Не приходя в сознание»?

— Зачем обязательно — ты? Я лично полагаю, тут имело место *преступление страсти*: они ведь любовники — ну и порешили друг дружку в приступе ревности…

— Чего-оо?

— Того! Слушай и запоминай. Я заявилась сюда, по адресу из твоего письма-страховки, чтобы успеть тебя предупредить: лично, да, в нарушение инструкций, да! — но *прощение получить легче, чем разрешение*… Мы только что получили, по линии нашей Службы, срочное сообщение с Рюгена: Бишоп появлялся там перед самым твоим приездом, при этом в местной резидентуре он никому не сказался, а командировка эта никак и нигде не отмечена. Второе: они и вправду — любовники, могут создавать друг дружке любые ложные алиби, и всё такое. Третье — сразу по получении твоего письма-приманки Николсон передал чекистам «неофициальную просьбу *английских союзников*»: изменника-Бонда, по возможности, ликвидировать прямо на месте — ибо официальное расследование создаст «лишние проблемы» для означенных *союзников*. При этом ни одну из точек рандеву он чекистам не сообщил…

— Это всё — легенда?

— Нет, это всё пока — чистая, неразбавленная правда. И у нас в самом деле не было уже времени сообщить тебе это через наши «почтовые ящики»… А вот теперь — слушай сюда: я всё же успела перехватить тебя на подходе к явке и зарядить тебя этой информацией. Тут-то как раз мы и услыхали внутри два выстрела; заглянули, застали там эти два трупа и поспешили убраться.

— Это — наша версия для внутреннего расследования? Гм… И ты полагаешь — ваши это *купят*?

— Если мы сумеем убраться отсюда, не попавшись чекистам — *купят*, никуда не денутся. А если нам удастся испариться, вообще не наследив — то и вопросов не возникнет. Собственно, никто из наших вообще не в курсе, что я тут…

— Господи… Господи, Энни… — только и смог вымолвить он. — Так ты?..

— Ну да, потеряла голову, совсем, — грустно кивнула она. — Дай гляну — может, куда закатилась тут, под мебель?

Быстро собрала с полу лишнее, *не укладывающееся в картинку*, оружие и обернулась к нему:

— Всё, двигаем. И имей в виду: если попадемся чекистам — меня прикончат за компанию с тобой; к несказанной радости Малюты — в его разборках с Басмановыми. Надеюсь, это придаст тебе сил, Джимми?

— Даже не сомневайся!

— Тогда глотни напоследок, для анестезии… и обопрись на меня… вот так!

Ночной маршрут тот стерся из его памяти напрочь; сознание пульсировало, временами оставляя его, и ничего с тем поделать

было нельзя:

— …Всё нормально, Джимми, не бери в голову! Это естественное состояние русской женщины — волочь на себе вусмерть пьяного мужика…

— Куда мы идем?

— Тут недалече. Считай, пришли уже — держись!..

— Обезьяну не потеряли?

— Ее потеряешь, как же!

…Просветление: фундаментальная дверь со смотровым окошком, сквозь которое Анна ведет переговоры на каком-то хитром слэнге; небольшая зала с разноцветными светильниками; крутая лестница наверх:

— Давай, Джимми, давай! *Последний дюйм*, ну же!

Дальше — провал.

…Новое просветление, четче и устойчивее прежних. Комната, залитая неярким красноватым светом. Он лежит на обширной кровати, совершенно раздетый, но частично укрытый тонким покрывалом. Рядом Анна, она стремительно раздевается, запихивая свой мужской наряд куда-то под койку.

— Где мы?

— Тут элитный бордель. Ты — мой клиент. А патруль — уже внизу, так что собери остаток сил, всё, что есть!

— Что будем делать?

— Ничего. Они ищут англичанина — так что просто постарайся быть русским…

Инструкция поспела как раз вовремя: дверь распахнулась без стука, и на пороге обнаружились черные епанчи с серебряными зиг-рунами.

Спецагент «Амазонка» завизжала — весьма натурально, прикрываясь какой-то скомканной сорочкой, — а коммандер, чуть приподнявшись на локте, осведомился несколько заплетающимся языком:

— *KAKOVA HERA*?!

Ну, сходу, по крайней мере, они не спалились — однако внимательному разглядыванию (а паче того — расспрашиванию) коммандер всё же не подлежал… Тут «Амазонка» поистине царственным жестом отбросила ту сорочку и предстала перед служивыми во всей своей красе:

— Вас, сказывают, обязали выявлять по *заведениям* случаи содомского греха? — насмешливо осведомилась она. — Ну и как — смахиваю я на мальчика?

По служивым прошел сдавленный стон; куда теперь было всецело приковано их внимание — ясно и так. Их старшОй, поцокав языком на открывшуюся перед ними картину,

поинтересовался:

— И почем нынче такое благолепие?

— Вам оно не по карману, парни, — сострадательно вздохнула «Амазонка», — разве что взятки берите, по-крупному…

С кошачьей грацией развернулась, дав тем изучить себя *всесторонне*, и обронила через плечо:

— Так мы, с вашего позволения, продолжим? А то у меня ведь оплата — почасовая, а Апполинарий Кузьмич, поди, досадует уже. Досадуешь, сладкий мой?..

— Дык!..

Засим служивые безропотно покинули место действия; из коридора донеслось напоследок: «Эх, хороша девка! Правда, чтоль, взятки начать брать?»

…Анна некоторое время сидела на краю кровати, обессиленно уронив лицо в ладони. Потом задула светильник, проскользнула к нему под покрывало и прошептала на ухо:

— Давай спать уже!

— Да нешто тут уснешь — при таком-то соседстве? — откликнулся он, безуспешно пытаясь осуществить здоровой рукой приличествующие случаю маневры.

Она тихонько засмеялась в ответ и, осторожно погладив его по щеке, поцеловала в висок с какой-то странной стародевической нежностью:

— Спи, Джимми, засни! Давай, я напою тебе колыбельную. Вот, слушай:

I am just a simple Russian girl,
I've got vodka in my blood.
So, I dance with brown bears,
And my soul is torn apart…

Глава 19

Шесть, семь, восемь, ключ на старт

И слова равняются в полный рост:
«С якоря в восемь. Курс — ост.
У кого жена, дети, брат —
Пишите: мы не придём назад.
Зато будет знатный кегельбан».
И старший в ответ: «Есть, капитан!»

Николай Тихонов

По исчислению папы Франциска 19 октября 1563 года.
Ливония, Рига. Штаб-квартира «Западно-Балтийской компании»

— Итак, леди и джентльмены, позвольте поздравить вас — на сей раз уже официально! — с блестяще проведенной операцией в Кёнигсберге, — приступил Джуниор, покосившись на безмолвно кивнувшего свежеперебинтованной головою Ди. Комната в конторе «Западно-Балтийской компании» была той же самой, что и неделю назад, и состав присутствующих — в точности тем же, а ведь кажется — минула вечность… — Его царское и Ее королевское Величества выказывают вам свое монаршье расположение; ну и награда, разумеется, будет царской.

Бонд не стал скрывать усмешку: главная награда героям Кёнигсбергской операции уже вручена — в Риге-то, оказывается, «Не было ничего, ничего не было»… Ди — по своему праву действовать «именем Королевы» — утвердил рапорт коммандера об «обоюдном убийстве любовников-содомитов на почве ревности», а в Рижскую Чрезвычайку вовремя поступил из Иван-Города царский приказ — немедленно прекратить расследование этого странного «преступления страсти», со всеми его несуразицами: «Пускай *английские союзники* разбираются в своих делах сами». Главное — ему удалось взять всю эту *мокруху* на себя, и какое бы то ни было участие в этом деле Анны вроде бы не всплыло вообще.

Ди был тогда предельно краток: «Меня, Джеймс, — как ведущего операции „Валькирия“ — сейчас интересует одно-единственное: всё это *ирландское рагу* из вербанутых *на порошке*

резидентов-содомитов, алхимиков Ордена, сетей Корлеоне — сготовлено ли оно намеренно, в рамках некого заговора для срыва нашей операции, или возникло само по себе, как цепь случайных совпадений? Что скажешь?» «Я скажу осторожно, сэр, — покачал головою он. — Я не вижу никаких фактов, мешавших бы считать всё это цепью случайностей. Ведь иначе придется допустить, что помимо „заговора ПРОТИВ „Валькирии““ есть еще и „заговор ЗА „Валькирию““, а это уже…» — «Да, это уже полная паранойя, согласен».

Nachrazvedki между тем, обведя отеческим взором личный состав, продолжил:

— Ну а поскольку вы, похоже, отлично сработались, решено не расширять состав допущенных к этому топ-секрету; короче говоря, на следующее задание ваша разведывательно-диверсионная группа отправляется в прежнем составе, — (Бонд попытался сохранить полную невозмутимость и не оглянуться при этих словах на Анну, но вовремя сообразил, что это было бы как раз не очень естественно; «Господи, Джимми, какое счастье, что мы больше никогда не встретимся», ага…) — Плюс Серебряный, разумеется. Вы видели его в деле — как ваши впечатления от него, коммандер?

— Неплох, хотя я, разумеется, предпочел бы напарником профессионала Службы.

— Увы, здесь нет вариантов. Собственно, это будет ЕГО миссия, а вся ваша команда — в некотором смысле лишь группа обеспечения и прикрытия.

— Серебряный — единственный человек в доступной нам части мира, пригодный для этой миссии, уж поверьте мне, коммандер, — пояснил со своего места Ди.

— Это вам так звезды подсказали? — мрачно усмехнулся Бонд.

И тут возникла пауза. Нехорошая какая-то пауза…

— Ты даже представить себе не можешь, Джеймс, насколько ты близок к истине, — вздохнул Ди. — И лучше тебе с твоими спутниками не соприкасаться с этими материями даже краешком, при вашем *уровне допуска*, поверь! Если вас это утешит — сам Серебряный о сути своей миссии знает еще меньше вашего.

— Ну, коли так, — усмешка Бонда сделалась еще мрачней, — *миссия* у него может быть лишь одна: служить *приманкой*. И у нас, надо полагать, тоже — за компанию?

Тут русский и английский case officers обменялись долгими взглядами; затем Ди разрешающе кивнул, а Джуниор приступил к вводной:

— Вы почти угадали, коммандер — но именно «почти». Вам

предстоит не *служить приманкой*, а *изображать собой приманку* — разница понятна?

— Путешественники по тропикам рассказывали мне про хищных сверчков, что в точности копируют расцветку и повадки своих безобидных собратьев — и питаются нападающими на тех хищниками. Я верно понял вашу мысль, сэр?

— Браво, отличная аналогия! Так вот, эту игру вам предстоит вести — как вы, возможно, сами уже догадались — в Москве. Отныне вы, коммандер — вице-президент небольшой, но очень серьезной торговой компании, связанной с английским правительством: приехали основывать ее московское представительство. Майор Зимина — ваша русская красавица-жена: удачно охмурила состоятельного иностранца, и теперь являет собой пресловутую «шею, что вертит головой», — (смешок спецагента «Амазонка» своей тональностью вызвал у Бонда… сложные чувства — скажем так). — Фрол Фомич и Тит Кузьмич — ваши торговые агенты и телохранители: оба англичане, разумеется. Ну и Серебряный: ганзейский немец, финансовый эксперт.

— Не следует ли нам, сэр, — с невинным видом осведомился Бонд, — приколотить прямо над дверьми нашего офиса вывеску, крупными буквами: «Нелегальная резидентура английской разведки»?

— Это совершенно излишне, коммандер, — рассмеялся Джуниор, — все и так всё поймут. Но тут важно донести до этих «всех» две важных детали: что разведка — английская (а не, скажем, новгородская), и что это именно разведка — то есть сбор информации. А не подготовка диверсионной операции — чем вы будете заняты на самом деле.

— А чем мы собираемся торговать с Московией, сэр, как бы от лица английского правительства? Оловом, оружейной сталью, легким стрелковым?

— О нет, гораздо круче! Вы приехали, чтобы выторговать у Московского триумвирата монополию на поставки «Эр-Йот-Эф» в Европу — в обмен на «живой порошок»…

— «Эр-Йот-Эф»? Sorry?..

— Сразу видно, что ты — не стареющая красавица, Джеймс, — отозвался смешком Ди. — Это — мыло, которое варят из человечины. Европейским идиоткам успешно впарили алхимическую легенду, будто оно продлевает молодость — и они готовы платить за него любые деньги. Все церкви Континента дружно прокляли сию субстанцию как попрание законов божеских и человеческих — что, разумеется, имело результатом ее дальнейшее вздорожание… А название «RJF» — это, исходно,

«Reine JЭdisches Fett, чистый еврейский жир». В том старом алхимическом трактате, изволите ли видеть, сие чудодейственное мыло рекомендовалось изготавливать именно из евреев, но высокоученый доктор Менгеле недавно научно доказал, что из русских получается ничуть не хуже. В общем, *раскрученный бренд* «RJF» решили не менять, просто придумали под него, для Европы, новую расшифровку: «Reine Jugend fЭr Frauen, чистая юность для женщин».

— Господи… — сглотнул внезапную тошноту Бонд. — И кто же занимается этим… бизнесом?

— Сама *спецмыловарня* находится в ведении тайной полиции Влада Цепеня, — тут ход перешел к Джуниору. — Они же сами и снабжают ее *сырьем*. А вот с *выходом на европейские рынки* у них — большие проблемы. Во-первых, им всячески ставит палки в колеса Особая контрразведка Годунова: те традиционно *курируют* внешнюю торговлю Московии и крайне ревниво относятся к чужим играм *на своей поляне*. Во-вторых, длинная-предлинная цепочка посредников по ту сторону границы сжирает почти всю прибыль; они уже даже пытались выйти на прямой контакт с сетью Корлеоне, но Дон сразу отрЕзал, что ноги его не будет в этом бизнесе… В общем, у вас весьма сильная позиция на грядущих переговорах: у тех, конечно, монополия на «Эр-Йот-Эф» (поди наладь такое производство в *цивилизованной стране*, с той поры как в Испании почти иссяк запас евреев), но за вами — монополия английской короны на «живой порошок»!

— А что, в Московии «живой порошок» тоже имеет уже хождение?

— Даже и не сумлевайтесь! — осклабился Джуниор. — В такого рода делах *элита* Суверенной Московии вполне себе в курсе *достижений мировой цивилизации*…

— Ладно, это всё — про наше ПРИКРЫТИЕ, — подвёл черту Бонд. — А в чем же состоит наше ЗАДАНИЕ?

Тут Джуниор с Ди вновь переглянулись — как ему вдруг показалось, в изрядном смущении.

— Вам надлежит, — откашлявшись, начал Джуниор, — захватить в Москве некое *существо*. Захватить непременно живым — гибель его будет означать провал операции и полную катастрофу! Как обещает нам профессор, — (кивок в сторону Ди), — в некоторый момент, который точно предсказать невозможно, *существо* это само *придет на приманку* — Серебряного. И вот тут-то надо его хватать — и немедля уносить ноги из Москвы. И это, как ни странно, будет едва ли не самой сложной фазой операции; обеспечение отхода возлагается на майора Зимину — тут в ее распоряжении будут все *возможности*

нашей Московской сети.

— Да что за *существо*-то? — досадливо поморщился Бонд. — Говорите уж прямо: надо *свинтить* кого-то из Цепеневых вампиров, что ли? Или, может, самого Цепеня, ха-ха?

— Да нет, коммандер, — отмахнулся начразведки, — Цепень со своими упырями тут ни при чем… хотя как знать. А ваш *объект* — некий попугай.

— Понятно: некто «Попугай», — кивнул Бонд. — Это что: уголовное *погоняло*, школьное прозвище, агентурная кличка, или?..

— Нет, Джеймс, — вздохнул Ди. — Иногда попугай — это просто попугай.

Конец Второй части

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Vampire State

Заводите везде грузовые моторы,
пусть наганы гремят от Гааги до Рима,
это вы виноваты, ваши переговоры,
точно пули в «десятку» — молоко или мимо.
И когда в Бенилюксе запотевшее пиво
проливается в нежном креветочном хламе,
засыпайте в ячменном отпаде глумливо.
Ничего! ВЧК наблюдает за вами.
Вас разбудят приклады «Ночного дозора»,
эти демоны выйдут однажды из рамы.
Это было вчера, и сегодня, и скоро,
и тогда мы откроем углы пентаграммы.

Евгений Рейн

«Ночной дозор»

— Но ведь всем известно: там людей *пытают,* — пробормотал Сэм.

— Правда? — удивился Ваймс. — Тогда почему никто ничего не делает по этому поводу?

— Потому что там пытают.

«Ага, — подумал Ваймс, — кажется, я наконец начинаю понимать основные движущие силы этого общества».

Терри Пратчет

«Night Watch — Ночной дозор»

…Применение газа не всегда осуществляется правильно. Для того чтобы поскорее завершить операцию, водитель нажимает на акселератор до отказа. При этом лица, подлежащие умерщвлению, погибают от удушья, а не от отравления газом, погружаясь при этом в сон… Мои рекомендации подтвердили теперь, что при правильной регулировке рычага смерть наступает

быстрее и узники засыпают мирным сном. Искажённых от ужаса лиц и экскрементов, как это было раньше, не наблюдается.

Из докладной записки конструктора газенвагенов д-ра Беккера командующему Айнзацгрупой «D» штандартенфюреру Олендорфу.

Глава 20

Мир не без добрых людей

Дракула, граф, — знаменитый венгерский вурдалак XVII–XIX вв. Графом никогда не был. Совершил массу преступлений против человечности.

Стругацкие

От сотворения мира лето 7064, июня месяца двенадцатого дня.

По исчислению папы Франциска 22 июня 1555 года.

Москва, Кремль. Подвалы под Арсенальной башней.

Полночь.

Чуден Кремль при тихой погоде.

Погасло днЕвное светило, и полная луна уже красила нежным цветом не столь уж древние тогда стены. Ветер не шуршал в листве, не притрагивался к ветвям деревьев. Не перекрикивались караульные. Благоухала мята. Даже скверный запах из Алевизова рва, куда худые людишки тайком выбрасывают всякую разную дрянь, не портил общую картину безмятежного спокойствия. Трудно было даже подумать, чтобы кто-то недобрый посмел возмутить его. Всё вокруг дышало такой тишиною, что обычные в таких случаях опасения как рукой снимало.

Самой страшной опасностью в эту лунную ночь представлялись комары. Под лучами ночного светила они почему-то особенно оживлялись.

Один такой комарик — маленький, да удаленький — как раз вылетел изо рва на охоту. Точнее, она: комар был девочкой. Однако в комарином роду мужским нравом обладают именно представительницы прекрасного пола. Трусливые и вялые самцы довольствуются нектаром, а крылатые амазонки атакуют людей и животных, рискуя жизнью ради капли крови. Которая им надобна не для пропитания, а для произведения потомства. То есть рискуют они не ради насыщения чрева, но во имя славного племени комариного… Так что наш комар заслужил обращение в мужском роде — хотя бы из уважения к его мужеству.

Вот и сейчас он, тихонько звеня, в составе пары-тройки эскадрилий таких же «ночных ведьм», осуществлял разнообразные воздушные маневры над двумя фигурами в

черном, укрывшимися в тени старого дуба. В другом месте и в другое время их можно было бы принять за беглых, а то и за татей; впрочем, одеяние и снаряжение неизвестных нисколько тому не соответствовало.

А именно: первый, ростом поменьше, был облачен в грубый монаший подрясник-однорядку с вервием заместо пояса. Руки его были заняты большим свертком.

Что касается второго, высокого — тот был одет в польский темно-синий гамбезон и того же цвета штаны, вот только не польские, а татарские. Обутка была так и вовсе венгерская: когда-то модные сапожки с острыми носами, изношенные до крайности. Было как-то понятно, что всё это добро не на базаре сторговано… Голову его покрывал заношенный колпак. Он стоял, опираясь правой рукой на заступ, а в левой держал кирку.

Приглядясь к этим двоим, человек опытный сразу определил бы: низенький и впрямь монах, а высокий — воин. Бывалый, но в небольшом чине: стрелец. Да, видать, уже и бывший: заметно по позе, что с правой ногой у него неладно. С учетом заступа и свертка легко было заключить, что эти двое собрались что-то схоронить. Но, скорее всего, не серебро. Сразу было ясно, что серебра у этих двоих не водилось давненько.

У комара же был свой взгляд. Он ориентировался по инфракрасному фону и аромату молочной кислоты. Поэтому его больше занимали не эти двое, а сверток. То, что в нем таилось, вызвало у комара прилив надежд. Сделав для верности еще один круг, комар свершил свой выбор и изготовился к пикированию.

— Что-то у меня сердце не на месте, — сказал околпаченный сиплым голосом, какой бывает у застарелых питухов. — Скверное дело затеяли.

— Не журись, Чернява, — подбодрил его монах. — Дело верное. Ежели не срастется — ну, значит, не судьба. При своих останемся. А срастется — век не будем горя мыкать.

— А если не срастется — этого куда? — Чернява указал на сверток.

— Тут оставим, — предложил монах. — Бог управит.

— То есть как? — не понял Чернява.

— То нам неведомо. Будет на то воля Божья — выживет как-нибудь. А не будет — младенец крещёный, нагрешить не успел. Прямо к Богу и отойдет. Тебе-то что?

— Ну раз крещёный, — Чернява почесал бровь, на которую сел комар: не наш, другой. — Тадыть, значит, дело такое… тадыть, значит, Божье дельце. Шило, а ты откель добыл его?

— У бабы одной, — сказал тот, кого назвали Шилом. — Дал ей московку. А мог бы и вовсе ничего не дать, она и так радая

была. Прикинь: и так шестеро по лавкам, куда ей седьмого? А мужик ейный, как разродится она, сразу, значит, ее опять пользует… И постов не блюдет. Пост, он зачем придуман? — оживился монах. — Чтоб бабам роздых был. Только вот народ у нас — сущие свиньи, простихосподи. Наш отец Иона до пострига попом был в большом селе, так он сказывал: бабы круглый год родют, даже и зимою, в самые дни… Ну то есть — в Великий Пост зачинали! Одна баба так прямо во Страстную понесла, сама же в том исповедовалась. Он ее ругать, а баба говорит — уж я береглась-береглась, да муж пришел пьяный, дал в глаз, снасильничал. Он мужа потом изругал, а тот некает — не помню, говорит, такого: пьяный был. Вот ведь скоты, тьфу! — он плюнул на землю, случайно сбив в воздухе очередного крылатого.

Наш комар тем временем, выполнив сложные воздушные эволюции, занял стратегическую позицию на краю свертка. Там, в грязном тряпье, лежало теплое, нежное, полнокровное тельце. Надо было только пробраться внутрь.

— А чего не орет? — вдруг забеспокоился Чернява.

— Крепким пивом напоил. Он и не почувствует ничего. Ты, главное, быстро: чик и всё… Чего ждем-то?

— Караульного, — сказал тот, кого звали Чернявой. — Ты его не видишь, а он есть. СтоИт там на стене, скушно ему… Может и сюда пялится. Вот как развод будет, так и метнемся. И надо было в полнолунье?

— Никак иначе нельзя, — уверенно разъяснил Шило. — В грамотке Фёдор-Васильича велено строго-настрого: идти во дни полной луны, иначе никак! Чтобы, значит…

— Тс-с-с, — прошипел бывший стрелец. — Вот сейчас. На стене — видишь?

На стене загорелся слабенький, в лунном сиянии почти невидимый огонечек. Похоже, кто-то шел со светом.

— Живо! — скомандовал Чернява.

Оба товарища, стараясь не покидать тени, метнулись ко рву. Первый прыгнул Чернява, еле слышно ругнулся сквернымиловами. Потом туда же полез монах. Этот задержался на краю, передавая сверток, потом и сам прянул вниз. Что-то шлепнулось, и тоже послышались бранные слова.

— Темно тут, — сдавленным голосом сказал Чернява. — Давай, что ли.

— Да никак искра нейдёт, — пропыхтел Шило, стуча кресалом.

Наконец в руке монаха затеплилась сальная свечка. В ее свете — сильно уступающем лунному — открылось сущее безобразие: ров давным-давно запомоился. Однако монах уверенно

направился вперед по каким-то своим приметам.

Комар тем временем совсем уж было достиг лица младенца, но тут его нечаянно смахнули, передавая сверток с рук на руки; хорошо хоть не придавили вовсе. Младенец же ничего не замечал — он был опоен и спал. Сквозь сон он слышал какие-то непонятные для него звуки. Потом почувствовал холод, проникающий сквозь тряпье — его положили на землю, — но проснуться не успел: кто-то снова подхватил сверток и понес. Комар, наверняка выругавшись про себя на своем комарином наречии, прицепился к капюшону монаха, твердо решив дождаться следующей оказии: дело пошлО на принцип…

А двое шли уже по подземному ходу. В колеблющемся свете свечи можно было разглядеть низкие каменные своды. Где-то капала вода.

Проход вел вверх, зато сам становился всё уже и ниже. Чернява пару раз задевал головой за какие-то потолочные выступы, чуть не потеряв свой колпак. Воздух тоже был плохой, спертый.

Наконец они добрались до двери, тяжелой даже на вид. Была она окована железными полосами с грозно торчащими шипами. Ни ручки, ни замочной скважины в ней не было.

Чернява пнул дверь ногой. Та и не дрогнула.

— Погодь, — остановил монах. — Тут секрет есть…

Он передал стрельцу сверток, пал на колени и зашарил возле двери, сверяясь с захватанным по краям пергаментом и подсвечивая себе огнем. Наконец нашел какую-то неприметную щель, засунул туда руку и за что-то потянул. Сверху громыхнуло, и дверь с жутким скрежетом приоткрылась вовнутрь.

— Дай я, — Шило навалился на дверь, та отошла сильнее, потом застряла. Монах протиснулся в проход, и тут впереди что-то заскрипело, зазвякало.

— Господи, помилуй, Господи, помилуй, — зашептал напуганный Чернява.

Звук сделался тише, а потом истаял во мраке.

— Это что такое было? — спросил он тихонько у монаха. — Вроде чепь звенела?

— Чепь, — подтвердил Шило, прикрывая огонек ладонью. — Мы под сАмой башней. Тут колодезь есть. На случай осады. Тайный, токмо для царя и ближников его.

— Слыхал я про такое, — вспомнил стрелец. — Сказывают, в том колодце бадья серебряная на чепи златой.

— Это еще зачем? — удивился Шило.

— Сам рассуди: царёв же колодец! Эта чепь должна годной быть хоть через сто лет: не ржаветь и не портиться. Бадья тож. А в

колодце сырость. Теперь сам подумай, из чего такое сделать возможно.

Монах усмехнулся.

— Да брехня всё это, — отмахнулся он. — Мне брат один сказывал. Колодец вправду есть, вот только чепь на нем обыкновенная. Салом смазанная.

— Врет тот брат, — уверенно возразил Чернява. — Я сам служил, и я тебе так скажу: сало это десятник себе в похлебку кладет. А если чего и смазывает… — тут он замолчал со значением.

— Всякое в жизни бывает, — раздумчиво заметил Шило. — Хотя, конечно, грех это. А ежели по совести — что не грех? Всё грех! Прости, Господи, — он с чувством осенил себя крестом. — Ну, двинулись, что ли?

Дальше галерея производила впечатление совсем уж заброшенной: судя по нетронутому слою пыли на полу, тут не ходили, небось, уже лет сто. Теперь монах сверялся со своим пергаментом постоянно.

— Третий поворот, — бормотал он, — третий… Тут крест должен быть…

— Крест? — удивился Чернява. — Не вижу креста…

— Ага, вот, — сказал Шило, поднеся свою свечку к темной нише. — Здесь и ломай.

Трудиться пришлось недолго: кирпичная стенка, скрывающая за собой пустоту, была непрочной, и буквально с нескольких ударов кирки вся *ушла* назад. Более всего досаждали клубы пыли, вознесшиеся при первом же ударе. Чернява чихнул громоподобно — да так, что аж свечка погасла. Шило, бранясь не по-монашески, достал кресало и пролез в дыру. Там, внутри, что-то зашуршало, а потом из щели полился яркий свет.

Чернява почитал себя за доброго воина — а добрый воин не боится ни Бога, ни чёрта, ни даже турецкого плена. Однако тут он отшатнулся — потому как подумалось сразу о пекельном пламени. И только когда потянуло не серой, а дымом со смолой, он сообразил: это просто факел. Отбросив сомнения, он двумя пинками расширил проход и вошел.

Крипта была небольшой: битый кирпич, разлетевшийся от рухнувшей ложной стены, замусорил ее пол едва ли не во всю длину. Стены не кирпичные, а выложены диким камнем. Свет давали два факела в стенных скобах, предусмотрительно оставленные с каких-то давних времен. В углу поблескивала богатым окладом старинная икона. Чернява сразу подумал, не прихватить ли ее с собой.

— Вот он!.. — монах, благоговейно понизив голос до шепота,

взирал на огромную, почернелую от времени дубовую колоду посередь крипты. — Всё точь-в-точь, как в грамотке Фёдор-Васильича значится! Верной дорогой идём, товарищ!

— Так и провез он его тогда, в этой самой колоде, через три границы? Лихо! — уважительно откликнулся стрелец. — А как его самого-то в ту Валахию занесло?

— Курицына-то? Так его ж государь тогдашний, Иван Великий, отрядил в Унгрские земли — союза против ляхов искать. С союзом-то там не сладилось, но зато вот! — и с этими словами он похлопал по боку колоды. — Очень Фёдор-Василич там к Господарю проникся, очень. Презрел все препоны великие, что на обратном пути ему чинились. У турков он в зиндане сидел, многие муки претерпел, но про Господаря не выдал. И тут, на Москве, тоже тайну соблюл строго-настрого.

— Так его ж тут и сожгли вроде? — вспомнил Чернява. — Ну, Курицына этого?

— Сожгли, да не того. То брат его был. Иваном его звали, а Волком прозывали. Вот того Ивана-Волка Курицына и сожгли, за еретичество. А Фёдор Васильевич тогда ото всех укрылся в монастыре в нашем. В ём же и грамотку свою схоронил. До урочного, слышь, часа…

— А допреж того он, стало быть, в Кремль был вхож по-серьезному? Ну, эдакую захоронку-то учинить…

— Отож! Царёв любимец, всеми, почитай, заграничными делами тогда ведал. Господаря-то после искать начали, секретно — поползли кой-какие слушки… И где только ни шарили — окромя как прямо у себя под сапогами! — рассмеялся Шило. — Ладно, давай за работу.

Хитроумную продольную «трещину», отделяющую крышку колоды-саркофага, обнаружили не сразу. Поддели — теми же заступом и киркой, — налегли всей силою. Полировка пазов была идеальной, но вес и для двоих оказался почти неподъемным. Наконец крышка поддалась и съехала вбок, в битые кирпичи на полу, подняв еще одно облако пыли.

— Ну ты там глянь… — предложил Шило, утирая пот со лба, а сам, как бы невзначай, отстранившись.

Стрелец глянул на монаха, снисходительно хмыкнув, и склонился над саркофагом. Плечи его дрогнули.

— Как живой лежит, — вымолвил он с каким-то благоговением.

— Он и есть живой, только сонный, — монах наклонился тоже.

В саркофаге покоилось тело до крайности истощенного человека: настоящий скелет, обтянутый кожей. Нижнюю часть

лица его скрывала борода из тонких седых волос. Такие же волосы устилали всю внутренность выдолбленной колоды. Еще больше поражали ногти — необычайной длины, они росли из исхудалых пальцев, скрещенных на груди, и свисали по обе стороны туловища.

На человеке были дорогие, но истлевшие одежды. Особенно бросались в глаза блестящие пуговицы.

— Слышь, — позвал Чернява, — да они ж золотые! Давай обдерем, а?

— Тихо ты, — недовольно оборвал его монах. — Не крохоборствуй уже. У нас этого золота вскорости будет… а так он, неровен час, обидится. Давай кали железо. Подкову-то не забыл? — напомнил он, пытаясь расстегнуть кафтан.

Расстегнуть не удалось: ткань треснула.

Обнажилась безволосая грудь. В неверном свете факелов были видны следы старых ожогов.

— *Три ходки,* — уважительно заметил монах. — Видать, древнего рода воевода.

— А точно заплатит? — забеспокоился Чернява. Он держал рукавицей над пламенем факела край железной подковы — и то, и другое он извлек из-за пазухи.

— Они всегда платят, — уверенно сказал монах. — Иначе их никто будить не станет. С этим у них строго. У Фёдор-Васильича в бумагах был рассказ: в немецкой земле дело было — один такой раз попробовал не заплатить, так его свои же изловили и голым на солнце выставили. Это для них смерть лютая, как нам — на костре гореть… Ну что, готов?

— Да уж готово, — солдат поднес к груди лежащего вишнево отсвечивающий полукруг. — Ну чего, жечь?

— Жги! — распорядился монах.

Зашипело. Запахло горелой кожей и волосами.

Монах приложил ухо к груди лежащего. Секунды три ничего не происходило, потом он услышал глухой звук под кожей.

— Вроде сердце пошлО, — сообщил он. — Давай сюда младенца. Как он зашевелится, ему сразу пить нужно будет.

— Прости, Господи, — пробормотал стрелец, разворачивая грязные тряпки. Ребенок спросонья обнял крохотными пальчиками палец мужчины, зачмокал.

— Ишь, — умилился Чернява, глядя на ребеночка, — ма-ахонький… Даже непонятно, где резать-то.

— Да режь уже где-нибудь! — недовольно понукнул монах.

— Не, тут тонкость нужна… — пробормотал старый вояка. — Сам же говорил: кровь должна струйкой идти. А я не разберу, где у него тут жилочка… Махонькое всё такое…

Из гроба послышался какой-то тихий шелест — а может, хрип.

— Дышит, ей-Богу, дышит! — обрадовался монах. — Давай режь быстрей!

Ребенок проснулся и тихо захныкал. Ему было холодно.

А вот комар наш тем временем *возжелал странного*. Бог весть, какие уж там нейроны перемкнуло в его мозгу — надглоточном ганглии, но он, вместо вымечтанного младенца, переизбрал вдруг своей целью лежащего во гробе, и спикировал на его лоб, будто камикадзе на палубу вражеского авианосца.

— Ты глянь-ка! — вдруг заметил его монах. — Сосёт! Знать, и вправду кровушка по жилочкам побежала: всё правильно делаем!

В этот миг веки существа из дубового саркофага дрогнули и оно шевельнулось.

Покидая крипту, Господарь обернулся на пороге, утирая истлевшим рукавом перемазанную кровью щеку: чуть не половину пролили зазря мимо рта, криворукие!

— На мою магылу нанэсло многа мусора, — с неудовольствием сообщил он вытянувшейся по стойке смирно бригаде реаниматоров, оглядывая свое пристанище. — Но вэтэр истории его развэет!

ДОКУМЕНТЫ — VII

Строгий, но справедливый

«Сказание о Дракуле» состоит из ряда эпизодов-анекдотов о «мунтьянском» (румынском) князе Владе, известном под прозвищами Цепеша (то есть «Сажателя на кол», «Прокалывателя») и Дракулы («Дракона»). Анекдоты стали известны русскому автору во время его пребывания в соседних с Румынией землях. <…> Эти указания позволяют прийти к выводу, что автором повести был русский посол в Венгрии и Молдавии — скорее всего дьяк Ивана III Федор Курицын, возглавлявший в 1482–1484 гг. русское посольство к венгерскому королю Матвею Корвину и молдавскому господарю Стефану Великому.

Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси). — М.: Сер. «Библиотека всемирной литературы», 1969. — Подготовка текста

«Сказания о Дракуле» и прим. Я. С. Лурье, перевод О. В. Творогова.

Из книги Ричарда Пайпса «Открытое общество и его враги: всемирная история тоталитарной мысли» (перевод Н. Дойч) — Петропавловск-Невский, Academica, 1965.

Глава 21. Русский случай. Об истоках русской литературной традиции

Итак, в предыдущих главах мы ясно показали, что европейская философия, начиная с Платона, не столько вдохновлялась идеями свободы, сколько сопротивлялась им. Платоновские казармы и община Руссо, осуществляющая тотальный контроль над своими членами по якобы «добровольно» подписываемому теми «Общественному договору», не стали основным содержанием европейской мысли, но были постоянным искушением для нее. Как проницательно отметил Джон Ролс, «экстаз тоталитарной утопии — первородный грех Европы, в отличие от Америки, которая родилась из идеи свободы, как Афина из головы Зевса»[18].

Тем важнее беспристрастно рассмотреть претензии тех, кто, по общему мнению, был свободен от этого соблазна.

Когда мы говорим о тоталитарном наследии Европы, нас обычно спрашивают: «А как же Россия?» Это отсылает к широко распространенному представлению о том, что Россия, в отличие от, скажем, Германии, Венгрии или Италии, всегда признавала ценность свободы — хотя бы на словах. Русская интеллектуальная история не знает дискурса тоталитарной справедливости. Как сказал Вольтер, «Россия не всегда была свободной, но не было ни одного русского, который не считал бы свободу благословением свыше»[19]. Теперь эти слова понимают в том смысле, что у россиян нет интеллектуальной традиции оправдания тоталитаризма. Из этого обычно делается вывод об особой связи русской культуры с идеей свободы, возможно, даже более органичной, чем американское единство свободы и культуры.

Но мнение о какой-то особой укорененности идей свободы в русской культуре противоречит общеизвестным фактам. Россия на протяжении всей своей истории была самым обычным европейским государством с проблемами, типичными для остальной Европы. Современная Россия также не блещет достижениями в области свободы. Единственное в чем она, пожалуй, реально лидирует — это гендерное равенство:

действительно, у русских женщин больше прав и возможностей, чем у любых других. Неудивительно, что госпожа Шульман, типичная русская «хозяйка дома» (domohozyajka), недавно в четвертый раз подряд переизбрана канцлером, заслужив в народе несколько ироническое прозвище «Екатерина Третья». Впрочем, это свидетельствует не столько о толерантности русских, сколько о традиционной слабости мужского начала в России, о внутренней женственности ее культуры[20].

Во всех прочих сферах, связанных со свободой, достижения России весьма скромны. Так, индекс свободы прессы в России ниже, чем в Японии и большинстве стран Латинской Америки. Россия не входит даже в первую десятку рейтинга развития человеческого капитала. Что касается образования и культуры, то и здесь русские ничем особо не выделяются среди других народов Европы. Как блестяще сформулировал великий польский мыслитель Збигнев Бжезинский: «В XVI и XVII веках Россия воспринималась как одаренный подросток, который скажет миру новое слово. Но вундеркинды редко оправдывают ожидания. Все, что могут русские предложить миру сегодня — это рассказы о своей славной истории».

Это жесткая, но справедливая оценка. Мы только добавим: чтобы сохранить нетронутой официальную картину своей истории (в том числе интеллектуальной), русские вынуждены совершать неприглядные закулисные маневры.

Например: чтобы сохранить безупречную, как кажется, репутацию своей национальной литературы, русские разделили ее на «религиозную» и «светскую», причем признают аутентичной только «светскую». Поэтому чисто русский по происхождению «Домострой» с его ужасающей тоталитарной этикой подвёрстывается под «религиозную литературу» и тем самым выводится из рассмотрения — тогда как полемические антидомостроевские брошюры, написанные русской царицей шведского происхождения, считаются жемчужинами русской интеллектуальной традиции. Точно так же русские обходятся с другими произведениями, которые не вписываются в канон. Например, мемуары Павла Темнейшего, полные рассуждений о необходимости самодержавия и преимуществах телесных наказаний, считаются частным мнением отстраненного от власти монарха, впавшего в умопомешательство на религиозной почве. Однако если разговор заходит о книгах православных священников Булгакова и Флоренского, об их религиозном фундаменте сразу забывают: ведь они так хорошо вписываются в благоприятную для русских картину!

Но мы не намерены вступать в софистические дебаты или

занимать позицию морального негодования. Наше оружие — факты, и мы готовы их демонстрировать.

Давайте ответим на простой вопрос: какое русское сочинение из тех, что до нас дошли, было первым светским литературным текстом?

Русские ведут начало своей оригинальной литературной традиции из «Слова закона и благодати» митрополита Илариона. Однако никто не признаёт это произведение литературным. Известный исследователь русских древностей академик Д. Лихачев прямо заявляет: «[Русская] литература возникла внезапно. Скачок в царство литературы произошел одновременно с появлением на Руси христианства и Церкви, потребовавших письменности и церковной литературы»[21]. Большинство историков придерживаются того же мнения. До конца XV века в России не было оригинальной «светской литературы» в современном понимании этого слова. Все произведения, которые можно отнести к этому жанру — например, «Дивгениево деяние» — были переводными. Летописная или хронографическая традиция не имела отношения к литературным текстам. Даже знаменитая переписка Ивана Грозного с Курбским, несмотря на все ее литературные достоинства, является не беллетристикой, а публицистикой.

И если началом русской светской поэзии можно считать «Сказание о Давиде и трех Голиафах» (авторство которой все еще обсуждается), то ситуация с русской художественной прозой гораздо сложнее. Некоторые специалисты считают первыми русскими художественными произведениями дидактические сочинения Констанции Шведской. Другие обращаются к традициям «лубочной литературы» и усматривают начало русской беллетристики в «Повести о Еруслане Лазаревиче», считая этот краткий пересказ «Шах-Наме» достаточно оригинальным.

Некоторые вообще отрицают само существование русской беллетристики до конца XVI века. Например, известный русский медиевист О. В. Творогов пишет: «Говоря о системе жанров древнерусской литературы, необходимо отметить еще одно важнейшее обстоятельство: эта литература долгое время, вплоть до XVII века, не допускала литературного вымысла. Древнерусские авторы писали и читали только о том, что было в действительности: об истории мира, стран, народов, о полководцах и царях древности, о святых подвижниках… Рассказывая об исторических событиях, древнерусские авторы могли сообщить разные, порой взаимоисключающие версии: иные говорят так, скажет летописец или хронист, а иные — иначе. Но

это в их глазах было всего лишь неосведомленностью информаторов, так сказать, заблуждением от незнания, однако мысль, что та или иная версия могла быть просто придумана, сочинена, и тем более сочинена с чисто литературными целями, — такая мысль писателям старшей поры, видимо, казалась неправдоподобной»[22].

В то же время и российские, и европейские исследователи странным образом обходят вниманием (или неверно трактуют) целую серию текстов, традиционно относимых ко второй половине XV века. В частности, это касается сочинений Федора Курицына (? — после 1500 г.), российского государственного деятеля, философа и поэта.

Как правительственный чиновник и дипломат, Курицын оказал большое влияние на Ивана III. В 1482 году он был отправлен к венгерскому королю Матиасу Корвину для заключения антипольского союза. В 1494 году Курицын с той же целью был отправлен в Литву. Он также принимал участие в переговорах с иностранными государственными деятелями в Москве.

В 1485 году Курицын создал кружок, который позже приобрел репутацию еретического. Согласно современной русской историографии, он выступал против монастырей и монашества, высказывал идеи о свободе человеческой воли, которую он истолковывал в гораздо более широком смысле, чем это допускалось ортодоксальным богословием. Многие члены кружка сочувствовали так называемой «ереси жидовствующих». Всё это дало основание русским причислить Курицына к ареопагу друзей свободы, идейных предшественников Ивана Грозного.

До 1500 года он был одним из лидеров российской внешней политики и дипломатии и занимал высокую должность руководителя посольских дел. Далее Иван III постепенно изменил свое отношение к еретикам благодаря игумену Иосифу Волоцкому, который был старым и непримиримым врагом Курицына. Царская снисходительность сменилась преследованиями. Брат Федора Курицына, Иван Волк, был сожжен за ересь. Никаких сведений о дальнейшей судьбе опального «министра иностранных дел» не сохранилось (что довольно странно).

Курицыну приписывают ряд сочинений. Среди них обычно называют «Лаодикийское послание» — поэму духовного содержания, смысл которой является предметом споров. Но для нас гораздо интереснее его эссе «Сказание о Дракуле-воеводе»: оно повествует о валашском гсподаре Владе Цепеше, известном современному любителю «литературы ужасов» как «вампир

Дракула».

Русские характеризуют сочинение Курицына как «компиляцию европейских преданий о князе Владе Цепеше». Смеем сказать, что это не так. Эссе Курицына оригинально как по содержанию (в нем есть ряд эпизодов, отсутствующих в европейских источниках), так и, что более важно, по позиции автора в отношении к своему герою.

В истории полулегендарного князя Валахии Влада Цепеша-Дракулы интерес представляют не столько его реальные деяния (о которых мало что известно достоверно), сколько сложившийся вокруг него цикл легенд. Все они повествуют примерно об одном: вот страна, где, куда бы вы ни бросили взгляд, корчится на колу какой-нибудь бедолага, виновный лишь в том, что не вовремя попался на глаза князю. Об этом повествует большое количество сочинений, в основном немецких; таково, например, анонимное «О великом изверге Дракола Вайда», хорошо известное в Европе. Прочие сочинения на эту тему исходили из той же парадигмы: они описывали деяния психопата и патологического садиста, который волею судьбы оказался властителем несчастной страны.

Позиция русского писателя совершенно иная. Не оправдывая напрямую жестокости Дракулы, он пытается подвести под его действия некое этическое обоснование. Оно состоит в идее тоталитарного правосудия, карающего любое отклонение от социального идеала.

Сочинение Курицына начинается со слов:

«Был в Мунтьянской земле воевода, христианин греческой веры, имя его по-валашски Дракула, а по-нашему — Дьявол. Так жесток и мудр был, что, каково имя, такова была и жизнь его» [23].

Это вроде бы похоже на традиционное для Европы осуждение зверств Цепеша. Но, отдав формальную дань приличиям, Курицын далее предлагает читателю не что иное, как слегка завуалированную апологию правления Дракулы — «Строгого, но справедливого».

А именно, он пишет буквально следующее:

«И так ненавидел Дракула зло в своей земле, что если кто совершит какое-либо преступление, украдет, или ограбит, или обманет — не избегнуть тому смерти. Пусть будет он знатный вельможа, или священник, или монах, или простой человек, пусть он владеет несметными богатствами, все равно не откупится он от смерти. Так грозен был Дракула».

Итак, это тот самый мир, который мы подробно описывали ранее: мир тоталитарной утопии в спартанском стиле, где нет преступлений и пороков благодаря всеобщему страху перед неотвратимым наказанием.

И ведь нельзя отрицать своеобразную привлекательность этого идеала! Думается, изрядная доля наших читателей проголосовала бы за то, чтобы в его стране зло каралось безо всяких изъятий, и чтобы преступник не мог ни откупиться, ни воспользоваться «связями» или «особым социальным статусом». Глядя, например, на всем известных поименно боссов организованной преступности, которых нельзя и пальцем тронуть из-за «юридического крючкотворства», или на коррупционеров, прикрытых броней парламентской неприкосновенности…

Как же добиться подобного идеала? Как мы уже поняли, это вопрос тотального террора, обращенного как к массам, так и к элите. При этом важно, чтобы карались не только преступления (упомянутые в законодательстве), но и вообще любые отклонения от социальной нормы.

Вот пример такого подхода:

«Однажды ехал Дракула по дороге и увидел на некоем бедняке ветхую и разодранную рубашку и спросил его: „Есть ли у тебя жена?“ — „Да, государь“, — отвечал тот. Дракула повелел: „Веди меня в дом свой, хочу на нее посмотреть“. И увидел, что жена бедняка молодая и здоровая, и спросил ее мужа: „Разве ты не сеял льна?“ Он же отвечал: „Много льна у меня, господин“. И показал ему множество льна. И сказал Дракула женщине: „Почему же ленишься ты для мужа своего? Он должен сеять, и пахать, и тебя беречь, а ты должна шить ему нарядные праздничные одежды. А ты и рубашки ему не хочешь сшить, хотя сильна и здорова. Ты виновна, а не муж твой: если бы он не сеял льна, то был бы он виноват“. И приказал ей отрубить руки, и труп ее воздеть на кол».

И снова спросим о том же. Разве общество и государство не должны стремиться к тому, чтобы все люди без исключения и в полной мере отвечали за все свои действия? Праздность, безответственность и пренебрежение своим долгом заслуживают порицания и наказания, верно? Строгость того наказания может (и должна) быть предметом обсуждения, но сам-то принцип это не отменяет!

Отсюда ясно, что особо жестко должны караться преступления в сфере морали. Мы уже имели случай указать ранее (разбирая, как типовой случай, итальянскую тоталитарную утопию Франческо Доли), что одно из ключевых, диагностических различий между авторитаризмом и тоталитаризмом состоит в их отношении к либеральной максиме «Государству не должно быть дела до того, что творится в спальнях его подданных». Так вот, авторитарные режимы (среди которых были и есть крайне неприятные и по-настоящему кровавые) этому правилу, как ни странно, следуют, тогда как тоталитарные (даже сравнительно

вегетарианские) — из тех спален просто не вылезают. Предоставим опять слово Курицыну:

«Если какая-либо женщина изменит своему мужу, то приказывал Дракула вырезать ей срамное место, и кожу содрать, и привязать ее нагую, а кожу ту повесить на столбе, на базарной площади посреди города. Так же поступали и с девицами, не сохранившими девственности, и с вдовами, а иным груди отрезали, а другим сдирали кожу со срамных мест, или, раскалив железный прут, вонзали его в срамное место, так что выходил он через рот. И в таком виде, нагая, стояла женщина, привязанная к столбу, пока не истлеет плоть и не распадутся кости или не расклюют ее птицы».

Вполне логичен и следующий шаг. Все знают, что в обществе есть и всегда будут моральные уроды, которые не желают заниматься общественно-полезным трудом. Не преступники, нет — очистительный террор против тех мы уже признали оправданным и необходимым! — но только лодыри, оправдывающие свою лень «слабостью» или «болезнью». Они распространяют вокруг себя антисанитарию и депрессию. Что делать с этим биологическим мусором? Вот рецепт для вас:

«Однажды объявил Дракула по всей земле своей: пусть придут к нему все, кто стар, или немощен, или болен чем, или беден. И собралось к нему бесчисленное множество нищих и бродяг, ожидая от него щедрой милостыни. Он же велел собрать их всех в построенном для того хороме и велел принести им вдоволь еды и вина. Они же пировали и веселились. Дракула же сам к ним пришел и спросил: „Чего еще хотите?“ Они же все отвечали: „Это ведомо богу, государь, и тебе: что тебе бог внушит“. Он же спросил их: „Хотите ли, чтобы сделал я вас счастливыми на этом свете, и ни в чем не будете нуждаться?“ Они же, ожидая от него великих благодеяний, закричали разом: „Хотим, государь!“ А Дракула приказал запереть хором и зажечь его, и сгорели все те люди. И сказал Дракула боярам своим: „Знайте, почему я сделал так: во-первых, пусть не докучают людям, и не будет нищих в моей земле, а будут все богаты; во-вторых, я и их самих освободил: пусть не страдают они на этом свете от нищеты или болезней“».

Каков же результат этой политики? Курицын рисует его в виде яркого образа:

«Был в земле его источник и колодец, и сходились к тому колодцу и источнику со всех сторон дороги, и множество людей приходило пить из того колодца родниковую воду, ибо была она холодна и приятна на вкус. Дракула же возле того колодца, хотя был он в безлюдном месте, поставил большую золотую чару дивной красоты, чтобы всякий, кто захочет пить, пил из той чары

и ставил ее на место. И сколько времени прошло — никто не посмел украсть ту чару».

Итак, перед нами типичная тоталитарная утопия в европейском стиле, ничем не отличающаяся от немецких, итальянских, швейцарских и иных подобных сочинений. Надо всего лишь отрубить руки всем лентяйкам, содрать кожу со всех неверных жен, сжечь заживо всех нищебродов — и в стране наступит полное благолепие, олицетворяемое той неукрадываемой золотой чашей у колодца…

Чего не хватает, так это темы внешней экспансии, успешных войн, расширения территории — идей, которые неизменно привлекательны для европейцев. Однако Курицын подчеркивает необычайно высокий уровень суверенитета государства Дракулы, который мог позволить себе чудовищное поведение по отношению к иностранцам, в том числе тем, кто защищен дипломатической традицией. Вот описание:

«Однажды пришли к нему послы от турецкого царя и, войдя, поклонились по своему обычаю, а колпаков своих с голов не сняли. Он же спросил их: „Почему так поступили: пришли к великому государю и такое бесчестие мне нанесли?“ Они же отвечали: „Таков обычай, государь, в земле нашей“. А он сказал им: „И я хочу закон ваш подтвердить, чтобы следовали ему неуклонно“. И приказал прибить колпаки к их головам железными гвоздиками, и отпустил их со словами: „Идите и скажите государю вашему: он привык терпеть от вас такое бесчестие, а мы не привыкли, и пусть не посылает свой обычай блюсти у других государей, которым обычай такой чужд, а в своей стране его соблюдает“».

Как обычно, это подкрепляется апологией подобного поведения:

«Был такой обычай у Дракулы: когда приходил к нему неопытный посол от царя или от короля и не мог ответить на коварные вопросы Дракулы, то сажал он посла на кол, говоря: „Не я виноват в твоей смерти, а либо государь твой, либо ты сам. Если государь твой, зная, что неумен ты и неопытен, послал тебя ко мне, многомудрому государю, то твой же государь и убил тебя. Если же ты сам решился идти, неученый, то сам же себя и убил“. И так готовил для посла высокий позолоченный кол и сажал его на кол, а государю его посылал грамоту с кем-либо, чтобы впредь не отправлял послом к многомудрому государю глупого и неученого мужа».

Стоит специально отметить, что утопия Курицына не является обоснованной религиозно. Нигде не говорится, что Влад Цепеш действовал на основе христианской морали (даже извращенно и софистически истолкованной). Напротив, автор

подчеркивает абсолютную свободу валашского правителя от любых религиозных установок. Более того, в тексте есть откровенное и неприкрытое издевательство над христианством:

«Пришли как-то к Дракуле два католических монаха из Венгерской земли собирать подаяние. Он же велел развести их порознь, позвал к себе одного из них и, указав на двор, где виднелось множество людей, посаженных на кол или колесованных, спросил: „Хорошо ли я поступил, и кто эти люди, посаженные на колья?“ Монах же ответил: „Нет, государь, зло ты творишь, казня без милосердия; должен государь быть милостивым. А те на кольях — мученики!“ Призвал Дракула другого и спросил его о том же. Отвечал тот: „Ты, государь, богом поставлен казнить злодеев и награждать добродетельных. А люди эти творили зло, по делам своим и наказаны“. Дракула же, призвав первого монаха, сказал ему: „Зачем же ты вышел из монастыря и из кельи своей и ходишь по великим государям, раз ничего не смыслить? Сам же сказал, что люди эти — мученики, вот я и хочу тебя тоже мучеником сделать, будешь и ты с ними в мучениках“. И приказал посадить его на кол, а другому велел дать пятьдесят золотых дукатов, говоря: „Ты мудрый человек“. И велел его с почетом довезти до рубежа Венгерской земли».

Очень любопытно описание смерти Дракулы:

«Конец же Дракулы был таков: когда был он уже в Мунтьянской земле, напали на землю его турки и начали ее разорять. Ударил Дракула на турок, и обратились они в бегство. Воины же Дракулы, преследуя их, рубили их беспощадно. Дракула же в радости поскакал на гору, чтобы видеть, как рубят турок, и отъехал от своего войска. Приближенные же приняли его за турка, и один из них ударил его копьем. Дракула, видя, что убивают его свои же, сразил мечом своих убийц, но и его пронзили несколькими копьями, и так был он убит».

Здесь автор совершенно откровенно описывает успешный «заговор преторианцев»: убийство государя его собственными доверенными лицами. Очевидно, что слова «приближённые приняли его за турка» следует воспринимать как едва прикрытый сарказм. Автор, по-видимому, намекает на то, что настоящей причиной убийства был всеобщий страх перед Цепешем, который мог в любой момент разгневаться на любого из своих приближенных и тут же казнить его в своей неподражаемой манере:

«Как-то обедал Дракула среди трупов, посаженных на кол, много их было вокруг стола его. Он же ел среди них и в том находил удовольствие. Но слуга его, подававший ему яства, не мог терпеть трупного смрада и заткнул нос и отвернулся. „Что ты

делаешь?“ — спросил его Дракула. Тот отвечал: „Государь, не могу вынести этого смрада“. Дракула тотчас же велел посадить его на кол, говоря: „Там ты будешь сидеть высоко, и смраду до тебя будет далеко!“»

Русские литературоведы, выступая в амплуа «адвокатов дьявола», предостерегают от «излишне прямолинейной» трактовки этого текста: «Русский автор <т. е. Курицын> рассказывал о многочисленных жестокостях Дракулы, сравнивал его с дьяволом, но одновременно сообщал и о справедливости Дракулы, беспощадно каравшего всякое преступление, кто бы его ни совершил. Этим его повесть отличалась от немецких сказаний о Дракуле, где описывались только жестокости „великого изверга“ <…> Автор „Повести о Дракуле“ создал не публицистический трактат, а художественное произведение. Рассказав о жестокости и справедливости Дракулы, он предоставил самим читателям вынести приговор герою»[24]. Это возражение мы решительно отметаем: Курицын обладал достаточным литературным дарованием, чтобы расставить в своем тексте все акценты так, как считал правильным. И нет сомнения в том, что его «Повесть о Дракуле» — это именно АПОЛОГИЯ властителя, который железной рукой НАВЁЛ В СТРАНЕ ПОРЯДОК.

Апологетическое эссе Курицына может иметь оправдание иного рода. Описывая достоинства неограниченного тоталитаризма, он указал на ахиллесову пяту этого способа правления: возможность бунта элит, уставших от постоянного террора и обретших оттого «смелость отчаяния». Именно в этом ключе многие русские исследователи предпочитают понимать эссе Курицына[25]. Однако такая удобная и политкорректная точка зрения противоречит русской традиции.

Нас ничуть не удивляет, что в самОй России до сих пор бытует конспирологическая легенда (обретшая новую популярность благодаря недавним открытиям в биологии): будто бы сам Курицын и привез в Москву «спящего мертвым сном» вампира Влада Цепеша — обернувшегося здесь, спустя положенный этим существам срок, Владимиром Владимировичем Цепенем, главой зловещей тайной полиции московского Триумвирата. Привез — ради общественного блага; ну, как он это благо понимал. Тогда, кстати, мутная история с убийством тирана его преторианцами обращается в успешную инсценировку, а русский посол Курицын — в ее активного участника. «Если Цепеш был вурдалаком (а что? — это многое объясняет!..), — утверждают апологеты легенды, — и если то, что за последние годы разузнали про этих существ биологи, соответствует

действительности — может, ему как раз тогда и подоспевала пора отлежаться пару веков в каком-нибудь укромном склепе?»

Сразу оговоримся: мы не намерены вступать здесь в дискуссии о том, кем на самом деле был так называемый «Владимир Владимирович Цепень». Принято считать, что тот был самозванцем и шарлатаном, который сам распространял о себе слухи как о бессмертном вампире, чьим предыдущим воплощением был Влад Цепеш. Об этом вообще лучше судить биологам, а не историкам, а для нас сейчас это попросту не имеет значения.

Нашей задачей было лишь наглядно продемонстрировать: русская интеллектуальная традиция в истоках своих была такой же тоталитарной, как и вся европейская мысль в целом, а текст Курицына встраивается в один ряд с сочинениями Кампанеллы, Франческо Доли, де Гевара — имя им легион! — как патрон в обойму. Да, ужасный урок, полученный русскими в эпоху Триумвирата, научил их не давать таким идеям шанса на развитие, *но они у них были.* И в этом смысле русские столь же запятнаны симпатиями к несвободе, как и весь Старый Свет в целом.

ДОКУМЕНТЫ — VIII

Синдром Хелсинга-Стокера

Чтоб сгинула ты и чтоб сгинул твой род,
Сто раз я тебя проклинаю!
Пусть вечно иссякнет меж вами любовь,
Пусть бабушка внучкину высосет кровь!
И род твой проклятье мое да гнетет,
И места ему да не станет
Дотоль, пока замуж портрет не пойдет,
Невеста из гроба не встанет,
И, череп разбивши, не ляжет в крови
Последняя жертва преступной любви!

А. К. Толстой

«Упырь»

Эфир на радио «Эхо Старой столицы» с Кириллом Белозерским, передача «Научные среды» (3 апреля 2023).

АХ: Добрый вечер, дорогие радиослушатели! В эфире «Эхо Старой столицы», программа «Научные среды», ее ведущий Александр Харламов. Наш сегодняшний гость — Кирилл Глебович Белозерский, доктор биологических наук, заведующий лабораторией прионных и амилоидных заболеваний Института молекулярной генетики Академии наук. Речь у нас пойдет о недавних открытиях в области прионных инфекций, которые кое-кто окрестил уже «Доказательством прионной природы вамиризма», ни больше ни меньше. Понятно, что у нас, в Москве, эта тема вызывает… гм… особый интерес. Надеюсь, сегодня нам с вами, так сказать, отделят злаки от плевел, а научные факты — от псевдонаучных вымыслов. Добрый вечер, Кирилл Глебович!

КБ: Да-да, «Сеанс черной магии с полным ее разоблачением», понимаю… Добрый вечер. И давайте мы всё-таки сразу почетче оконтурим нашу тему. Поскольку ваш заход, насчет — цитирую: «особого… гм… интереса у нас, в Москве», — честно говоря, настораживает. Гадать здесь на тему «Был ли Владимир Владимирович Цепень вампиром» мы точно не собираемся: для этого есть историки-медиевисты и писатели-фантасты, о-кей? И вообще, словА «вампиры» и «вампиризм» давайте на сегодня исключим из нашего лексикона напрочь — именно что как псевдонаучные. Наша тема будет: синдром Гороховца — Гольштейн… и не надо его перекрещивать в «синдром Хелсинга — Стокера»!

АХ: «Синдром Хелсинга — Стокера»? Не слыхал, остроумно! И что-то мне подсказывает, что эта шутка родилась внутри научного сообщества, нет?

КБ: Ну, не без того… Нам, знаете ли, ничто человеческое не чуждо, ужастики мы смотрим, как и все.

АХ: А почему такое хитрое и длинное название: «Синдром Гороховца — Гольштейн»?

КБ: Ну, это, в некотором роде, традиция: называть прионные инфекции по их первооткрывателям: болезнь Крейцфельдта — Якоба, синдром Герстманна — Штраусслера — Шейнкера… Впрочем, есть и иная традиция, можно сказать — романтическая: «фатальная семейная бессонница», или вот куру, она же «болезнь каннибалов», она же — «смеющаяся смерть»…

АХ: Господи, ужасы какие! Давайте тогда начнем с начала:

что такое прионы и как с ними бороться?

КБ: Боюсь, что никак, и веселого тут крайне мало. Прионные инфекции поражают нейроны головного мозга так, что после смерти мозг тот по консистенции смахивает на губку. Стопроцентная летальность, способов лечения не существует. Болезнь Альцгеймера — это вам что-то говорит?

АХ: Еще бы… А что, и она тоже?..

КБ: Ну, она вызывается сходными белковыми агентами — амилоидами. Тоже нейродегенеративное заболевание и тоже неизлечимое. Так вот, прионные инфекции проходят схожим образом, но только там всё еще страшнее. Одна отрада, что заразиться этой дрянью довольно трудно, да и скрытый период может быть очень долог — до нескольких десятилетий. Так что иные успевают благополучно помереть «своей смертью», так и не узнав, что были уже приговорены.

АХ: И это — заразно, да? Похоже на вирус?

КБ: О, тут всё гораздо интереснее! Вирус — тот всё-таки себя воспроизводит при помощи нуклеиновых кислот, ДНК или РНК, как и все прочие, «нормальные», формы жизни. А прионы умудряются обойтись даже без этого.

Вот есть в организме такой белок, его так и называют — «прионный протеин», PrP; не путать с самими прионами! Это нормальный, вполне добропорядочный белок, он кодируется геном PRNP из 20-й хромосомы. Особенно много его молекул на клеточных оболочках нейронов, но есть и в других тканях. Функции его точно неизвестны: вроде бы участвует в формировании межклеточных связей между нейронами, вроде бы активно поглощает токсичные ионы тяжелых металлов…

Как бы то ни было, мыши с заблокированным геном PRNP вполне жизнеспособны — ну, есть там какая-то ерунда с нарушениями суточного ритма, точно не фатальная… Хотя, с другой стороны, ген PRNP очень консервативен и мало отличается у людей и других млекопитающих. Собственно, это и позволяет приону передаваться между разными видами животных — как, например, при заражении человека «коровьим бешенством». Такой консерватизм — это довод как раз в пользу того, что белок PrP на самом деле выполняет какие-то важные функции…

АХ: …Но какие именно — толком пока неизвестно?

КБ: Да полно таких белков!.. Суть в чем? Белок, любой, — это цепочка аминокислот, длинная-предлинная. Цепочка эта самопроизвольно сворачивается строго определенным способом — и вот только в таком виде уже белок способен выполнять свои функции. Так вот, при некоторых мутациях гена PRNP цепочка та начинает свертываться НЕ ТАК, КАК НАДО: вместо нормальной, рабочей, молекулы PrPC, возникает ее конформация PrPSc — собственно прион. Прионы обладают поистине удивительными свойствами…

АХ: «Молекулы-зомби», как их иногда называют, да?

КБ: Да, это очень неплохой образ, согласен. При соприкосновении молекулы нормального белка PrPC с прионом — молекулой PrPSc — у нее меняется способ «свёртки», и она сама превращается в прион! То есть как бы — зомби укусил человека и превратил того в такого же зомби. Теперь у нас уже два «зомби»-приона, каждый из которых «кусает» по молекуле нормального белка — и вот у нас уже четверо «зомби», ищущих, кого бы им еще покусать. Классическая автокаталитичесая система, цепная рекция…

АХ: «Зомби-апокалипсис»!

КБ: Да, опять соглашусь с аналогией. Алгоритм очень похож на все эти фильмы ужасов, ну и конечный результат столь же мрачен. Молекулы прионов имеют свойство слипаться в нерастворимые фибриллы. Те, в свой черед, свиваются в волокна, которые забивают всё пространство клетки и «душат» органеллы. Нейрон гибнет, волокно разламывается на множество новых фибрилл. И каждая из них — зародыш новой «армии зомби» для захвата следующих нейронов. А главный кошмар в том, что иммунная система организма ничем тут помочь не может: она *в принципе* «не имеет допуска» в нервную ткань и полномочий контролировать нейроны — даже периферические окончания… «Такие дела», как говаривал Воннегут.

АХ: А откуда берется самый первый прион, ну — самый первый «зомби»? Он порождается самим организмом, или проникает извне?

КБ: А вот — и так бывает, и эдак! Вот, например, «фатальная

семейная бессонница — FFI». «Фатальная» она — как и все прионные заболевания, а «семейная» — потому что болеют ей четыре десятка семей на весь мир. Эдакое «семейное проклятие» — мутация в 178-й позиции гена PRNP, очень хитро наследуемая, и могущая выскочить когда угодно, через много поколений. А есть куру — «болезнь каннибалов». Ей болеет одно-единственное новогвинейское племя, форе. Эти до самого недавнего времени практиковали ритуальный каннибализм: съедали своих умерших родственников, в знак уважения. В том числе и умерших от куру, — ну и заражались от них, по кругу…

АХ: То есть рекомендация: если уж вы едите своих родственников — надо их хотя бы хорошенько прожаривать, да?

КБ: Да вот не факт, что вам такая термообработка поможет… к чему я, собственно, и веду. У прионов есть три удивительных свойства… И знаете, все три, в некотором смысле, являются свойствами зомби — киношных зомби! Мы с вами разобрали уже свойство этих молекул вызывать «прионное перерождение» нормальных, штатных белков организма. Далее: зомби, как все мы помним, очень трудно убить. Так вот, прионные фибриллы невероятно — для белков — устойчивы: они не теряют своих свойств под действием чудовищных доз радиации, выдерживают пребывание в формалине и кипятке — это к вашему вопросу о прожарке родни… Но интереснее всего для нас сейчас их высочайшая устойчивость к протеазам — специализированным белок-расщепляющим ферментам.

Далее. Прионы могут попадать в организм и извне: через биологические жидкости и ткани больных животных, во время некоторых медицинских процедур и просто с пищей. Большинство переродившихся белковых частиц, похоже, всё же разрушается в желудочно-кишечном тракте, но некоторым удается добраться до «пункта назначения». И вот тут мы переходим к третьему удивительному свойству прионов. Чем еще страшны зомби, а?

АХ: Э-ээ… Н-ну, от них нигде не спрячешься — пролезают повсюду…

КБ: Бинго! Приз в студию! Да, именно так: способность проникать сквозь преграды. Вот, допустим, у нас есть уже в кровяном русле зловредные молекулы PrPSc — полученные от больного «коровьим бешенством» быка или от помершего от куру дядюшки… или там — при переливании крови. Но! — им же еще надо как-то попасть в нейроны головного мозга! А это очень

непростая задача. Ибо на пути у них стоит совершенно непреодолимое, вроде бы, препятствие: гемато-энцефалический барьер, ГЭБ…

АХ: Ой, а можно чуть подробнее? Для не учившихся на медицинском…

КБ: Ну, мозг, как вы догадываетесь, надо снабжать кровью, причем очень интенсивно: туда — питательные вещества и кислород, оттуда — продукты распада. Но не дай бог в мозг проникнет какая-нибудь дрянь — вирусы, токсины или даже просто нештатные биологически активные вещества: ведь изнутри мозг уже практически беззащитен. Поэтому между капиллярной кровью и нейронами центральной нервной системы встроена преграда: ГЭБ. Смысл его в том, что нейроны не вступают в непосредственный контакт с капиллярной сетью. Они взаимодействуют с питающими капиллярами только через «посредников» — клетки-астроциты. Кибернетик сказал бы, что между капиллярами и веществом головного мозга существует «полностью защищенное соединение». Поэтому, например, очень непросто «доставить» в клетки мозга многие лекарства — на них, по мнению тех «вахтеров»-астроцитов, «не выписан пропуск».

АХ: Ага!.. А вот прионы…

КБ: Совершенно верно! А вот прионы-то — чужие прионы! — проходят сквозь гемато-энцефалический барьер, как нож сквозь масло. Как они это делают — полная загадка, кстати.

АХ: Ничего себе… Какое-то «Абсолютное оружие», как у Шекли… Слушайте, а зачем вообще такую опасную гадость мать-природа выдумала?

КБ: Ну как — гадость… Вот в последние годы выяснилось, что прионы играют важную роль в механизмах памяти. Собственно, «кратковременная память» у нас, можно сказать, «электрическая» — основана на путях прохождения импульса по цепи межнейронных соединений, а вот «долговременная» — та «химическая»: устойчивые молекулы внутри нейронов, прионы прежде всего. Поэтому-то они, возможно, и проходят в такой легкостью сквозь ГЭБ — их там, в мозгу, «числят за своих»… Собственно, есть теория, что прионные заболевания — это результат поломки нормального механизма воспроизводства этих «молекул памяти»: всё ж таки долговременная память жизненно

необходима всем нам, а от «фатальной бессоницы» и иже с ней погибает ничтожный, по серьезному счету, процент людей.

АХ: Ну, Кирилл Глебович, полагаю вы уже нагнали страху на наших слушателей. На меня, во всяком случае, нагнали… Но это всё, так сказать, лишь необходимая вводная, да? А до темы нынешней передачи — «Синдрома Хелсинга — Стокера», уж извините, я так!.. — мы еще не добрались?

КБ: Преамбула, да. Это всё пока вещи давно и хорошо известные — на уровне Википедии.

АХ: И вот, шесть лет назад…

КБ: Слушайте, давайте лучше я, а? Для экономии времени? А то вас сейчас, чувствую, поведет в мистический триллер…

АХ: О-кей, как скажете…

КБ: Итак. Трансильвания. Горная деревушка в медвежьем углу Карпат. Молодой и шустрый полицейский инспектор со своим приятелем-нейрохирургом приезжают в отпуск, на охоту. И натыкаются на следы жестокого ритуального убийства. Бедолага пил кровь — овечью, не подумайте чего! — а соседи о том прознали. Ну и — по местной традиции… Обычно жертвы таких ритуальных убийств там исчезают с концами — да их и не ищет никто, но тут, усилиями глазастого инспектора-чужака, недосожженный труп попал-таки в руки местных властей. Которые были тому совершенно не рады… Ну, про те традиции и легенды вам лучше расспросить у этнографов и фольклористов, лады? А мы с вами сразу перейдем к образцам тканей головного мозга жертвы, которые успел-таки взять тот нейрохирург — пока труп не испарился из местного морга, и дело не закрыли, в пожарном темпе. И поверьте: с обнаружившейся мутацией в 666-й позиции гена PRNP детектив вышел еще круче и увлекательней!

АХ: Ну вот, замечательный синопсис для голливудского фильма вы изложили! А нам как раз настало время прерваться на рекламу, оставайтесь с нами.

(Дрррр-рынь! Бип-бип-бип!..)

АХ: Итак продолжаем. Мы остановились на том, что в руки ученых попали ткани головного мозга… гм… в соответствии с

нашим сегодняшним уговором: «Жертвы мутации в 666-ой позиции гена пэ-эр-эн-пэ».

КБ: *Носителя* мутации, да. Вообще-то, мутаций этого гена известно десятка три. Соответственно, образуются фибриллы с различными конформациями, а те, в свою очередь, ложатся в основу разных прионных штаммов. В конечном счете как раз разница между конформациями приводит к некоторым различиям в течении вызываемых ими заболеваний. Так вот: то, что вызывается «мутацией 666» — это новый, неизвестный ранее, класс прионных инфекций. Класс, понимаете? — принципиально отличный от всего, известного ранее.

АХ: То есть это — нобелевка?

КБ: Да, наверняка. Ну, не прямо сейчас, конечно, а когда размотают до конца все механизмы — молекулярные и физиологические: там еще полно загадок.

В двух словах про те принципиальные отличия. Все классические прионные инфекции — можно теперь их называть так — протекают по схеме цепной реакции. То есть если уж прион начал превращать в себя прионные белки организма — всё, привет: ваш «атомный реактор» пошел вразнос, и превратился в «ядерную бомбу». Или — «зомбиапокалипсис», как вы выразились давеча.

А вот при «мутации 666», вызывающей «синдром Гороховца — Гольштейн» — вы уж извините, но я буду использовать научную терминологию! — прион умеет сам же останавливать ту цепную реакцию, переводя ее в автоколебательный процесс. Продолжая нашу аналогию: там вырабатываются замедлители ядерной реакции — ну там тяжелая вода, графит, кадмий, — не дающие нашему реактору «пойти вразнос». Из всех известных прионов таким свойством обладает лишь кодируемое «мутацией 666» прионное перерождение: PrPVamp, «вамприон»…

АХ: Простите, как вы его называете: «вамприон»?

КБ: Ну, надо ж было его как-то назвать. Например, в названии классического приона PrPSc «эс-ка» означает «почесуху — scrapie — овец»: при той эпидемии его и выделили… Ладно, вернемся к делу!

«Вамприон», PrPVamp своему хозяину, похоже, в определенном плане даже полезен. Именно как агент долговременной памяти — помните? У нас уже накопились

крайне интересные данные по поведению инфицированных мышей — мы к этому еще вернемся. Но! Некоторые *положительные плюсы* — поведенческие — для особи он создает, но *отрицательные минусы* — штатные для прионов — никуда от этого не деваются. И если пустить процесс на самотек — скоро помрешь-таки от накопления в нейронах прионовых фибрилл.

Так вот, едва лишь содержание «вамприона» в организме превысит критический уровень, как вступает в действие регулятор: ген PRNP блокируется, а протеолитические ферменты начинают потихоньку «подъедать» не прирастающие более прионовые фибриллы… Да, тут еще вот что важно: у носителей «мутации 666» имеется и уникально мощная «Протеаза V», которая хоть и с трудом, и не слишком быстро, но всё же справляется с теми фибриллами. Собственно, это вариант загадочной во многом протеазы TASP1 — ее ген, по странному совпадению, сидит в той же 20-й хромосоме, что и PRNP, и наследуется вместе с прионной мутацией. Предвосхищая вопрос: нет, использовать ее для лечения прочих прионных заболеваний невозможно — она «заточена» строго под «вамприон».

А вот когда уровень содержания приона снижается — ген PRNP разблокируется, а блокируется, наоборот, ген кодирующий «протеазу V». Итак, перед нами классическая авторегуляторная система: гомеостат, поддерживающий содержание приона на высоком, но стабильном уровне. Как раз на том, что необходим для производства «молекул памяти».

АХ: Действительно, изящно! Но при чем тут кровь?

КБ: О, кровь — очень даже при чем! При работе этой системы организм, как оказалось, расходует огромное количество железа: коферменты всех белков этой цепочки построены на двухвалентном железе. В результате у вас тут же развивается «железодефицитная анемия — ЖДА», или как в старопрежние времена говорили, «малокровие»: острая нехватка двухвалентного железа для синтеза гемоглобина. Вопрос: откуда это железо восполнять? Один из вариантов: да из того же гемоглобина, только чужого. Да, разумеется: извлекать железо из гемоглобина — это классический случай «добычи ртути из градусников», но если те градусники для вас дармовые — отчего бы и нет, это не так уж глупо.

АХ: Скажите, а им нужна кровь непременно своего вида? Или любая сойдет?

КБ: Да как вам сказать… Наши зараженные мыши спокойно обходятся любой: свиной, крысиной, кошачьей… человеческой, кстати. Но если есть выбор — да, отчетливо предпочитают свою, мышиную. Правда, это может быть и никак не связано с объективными преимуществами продукта — и, соответственно, не регулируется естественным отбором.

Молекула гемоглобина состоит из железосодержащего «гема» и белка «глобина». Гем — необходимый «для дела» — и вправду идентичен у всех млекопитающих, а вот белки-глобины — не вполне. И вообще в крови есть еще куча всего, влияющего на ее вкус. Ну вот и — эдакая *вкусовщина*… извините за каламбур.

АХ: А ваши мыши могут заражать друг друга?

КБ: Да, могут. Дело в том, что «вамприоны» слипаются в фибриллы заметно медленнее всех прочих прионов. И когда на поверхности нейронов начинается их массовое размножение, они проходят сквозь гемато-энцефалический барьер в кровяное русло. А из крови — в разные тканевые жидкости, ну и в слюну тоже. Укус — и привет!

Собственно, путь заражения тут такой же, как при бешенстве: от мозга — к слюнным железам, а потом от места укуса — к мозгу нового носителя. Только при бешенстве вирус распространяется прямиком по нейронам, а здесь — через кровь. Оно и понятно: вирус-то сквозь ГЭБ не пройдет, а прион — пожалуйста. В общем, в плане циркуляции болезнетворного агента в природе «синдром Гороховца — Гольштейн» — это как бы такое сильно растянутое по времени и нелетальное бешенство…

АХ. Гос-споди, еще и через укус… Скажите, а ваши мыши как — в зеркалах-то отражаются? Тень — отбрасывают?

КБ: Отражаются, отражаются… Но вот — врать не стану! — серебра, чеснока и солнечного света они отчетливо избегают. Хотя, конечно, и не распадаются от того света в горсть праха…

АХ: С нами крестная сила…

КБ: Не-не, вот на ЭТО дело они — точно нулём!

АХ: А что — пробовали?

КБ: Конечно — невелик труд-то. Да, так вот — к серебру.

Работать-то оно работает — факт, но вот как — не очень понятно. То есть механизм неясен даже на уровне очень простой вроде бы химии…

Ну, во-первых просто про серебро: это довольно странный по свойствам металл. Вы наверняка слыхали, что металлическое серебро обладает бактерицидными свойствами: вода, месяцами сохраняющая чистоту и свежесть в серебряных сосудах, и всё в таком роде.

АХ: Ну, да! Святая вода…

КБ: В том числе. Так вот, ни в каких корректных экспериментах обнаружить бактерицидные свойства металлического серебра не удается. Вы можете тот металл даже нашинковать на наночастицы — для улучшения соотношения «объем-поверхность», как это сейчас делают фармацевты: это всё равно не работает. Работают ионы серебра, да: это — ничем не примечательный «тяжелый металл», второго класса токсичности, на бактерий, естественно, действует тоже. Но металлическое серебро химически крайне инертно — благородный металл как-никак! — и в ионную форму оно почти не переходит. Поэтому большинство биологов — если они не состоят на службе у фармацевтических компаний, продвигающих те препараты на основе микрочастиц серебра — сходятся на том, что никакими целебными свойствами сей металл не обладает вообще, это всё городские легенды.

АХ: А я всегда думал…

КБ: Возможно, вы как раз думаете правильно: тысячелетний практический опыт человечества тоже тАк вот, за здорово живешь, не отбросишь. Ну работают там какие-то молекулярные механизмы, до которых мы пока докопаться не сумели… Вот так же, похоже, обстоит и у нас, с носителями «вамприона».

Вот есть такое редкое заболевание — аргирия. У нас в организме имеются штатно ионы серебра — как и всех прочих тяжелых металлов. При аргирии эти ионы под действием солнечного ультрафиолета восстанавливаются до микрочастиц металлического серебра. Те слипаются между собой и откладываются в тканях кожи, эдакими серыми пятнами. Неприятно — в плане эстетическом, — но ничего опасного для здоровья: ведь серебро химически крайне инертно, ни на какие процессы в организме реально не влияет. Но, с другой стороны, именно из-за этой инертности, и удалить те микрочастицы

практически невозможно.

Так вот, носители «мутации 666» подвержены той аргирии поголовно. А когда этого самого восстановленного серебра накопится в организме достаточно, в местах его концентрации возникают, опять же под действием ультрафиолета, незаживающие трофические язвы.

АХ: Ну вот же, всё понятно!

КБ: Увы, нет. Источник всего этого — «штатное» серебро в ионной форме, содержащееся внутри организма. И при чем тут металлическое серебро — даже если это пресловутая серебряная пуля в тканях, не говоря уж о серебряном кресте где-то рядышком?.. Да, и еще одна деталь. ЧИСТОЕ серебро, как выяснилось, тут вообще не работает — только в комбинации с нерастворимым же сульфидом серебра. Это — к вопросу о чесноке.

АХ: А он тут при чем?

КБ: Ну, действующее начало чеснока — это соединения серы. Они способны осаждать сульфид серебра в организме. Это, кстати, в медицине один из способов борьбы отравлением серебряными ионами: связывание их серой в химически инертный сульфид.

Серебро — хоть и благородный металл, но поверхность его темнеет. Это как раз смесь сульфида серебра — от следов сероводорода в воздухе и окиси серебра — от таких же следов озона. Формально-то серебро тут переведено уже в ионную форму, да — но вещества эти очень слабо растворимы, как их «протащить» внутрь организма сквозь кожу — непонятно.

Вообще-то, окись серебра растворима в солях аммония и аммиаке, а это всё добро содержится в поте. Так что я, теоретически, могу себе представить, как действует в этом плане серебряный нательный крест, носимый на потной груди. Но вот при одномоментном соприкосновении…

АХ: И в любом случае они должны действовать совокупно: и серебро, и чеснок, и ультрафиолет…

КБ: Совершенно верно. Но, повторюсь, зараженные мыши отчетливо избегают и металлического серебра — креста, например, — и чеснока в головках, не говоря уж об ультрафиолете; как говорится — «Факт на лице». И очень

любопытно, кстати, получается с зеркалами: зеркал-то они действительно избегают — но вовсе не всех, а только изготовленных по старой технологии: с серебряной амальгамой.

АХ: Окей. Давайте уже перейдем к самому, наверное, интригующему во всей этой загадочному картине: к изменениям в поведении этих ваших мышей. Анонсированным вами чуть ранее!

КБ: Ну, для начала, тут, наверное, стОит опровергнуть широко распространившееся заблуждение, будто они «намного умнее» обычных. Нет, они не «умнее»: у них «намного лучше память» — разница понятна? Попросту говоря, у них в голове гораздо больше справочной информации, но способность делать из нее выводы ничуть не лучше. А вот по части коммуникационных способностей там всё действительно очень непросто и загадочно.

Как мы с вами помним, главная фишка «Мутации 666» — способность переводить размножение приона из режима цепной реакции в автоколебательный процесс. Благодаря чему, собственно, и успевают нарабатываться в куда бОльших количествах пресловутые «молекулы памяти». Однако постепенно нерастворимые прионные тяжи и бляшки всё-таки накапливаются в нейронах и забивают их. И когда дело подходит к опасной для жизни черте, организм «уходит на покой»: он впадает в оцепенение, называемое «прионным стазисом»…

АХ: Это что-то вроде анабиоза, да?

КБ: Вы имеете в виду замороженные тела в фантастических романах? Нет, конечно. Это нечто вроде очень глубокой спячки, когда отключены практически все функции организма, кроме работы «протеазы V», подъедающей-таки потихоньку те фибриллы. При достаточно низких температурах мышь может пребывать в этом состоянии неопределенно долго. У нас, во всяком случае, до сих пор живы несколько мышей из первой партии. Они «спят» уже пятый год, и ничего вроде бы им не делается; это при том, что мышиный век — максимум пара лет. При таких температурах и протеаза работает крайне медленно, но им, похоже, спешить особо некуда.

АХ: То есть это, вроде как… ну, не бессмертие, конечно, но сверхдолголетие?

КБ: Нет-нет! Общая продолжительность жизни мыши в

активной, нормальной фазе не так уж сильно превышает штатную пару лет. Просто жизнь эта как бы «разрезана» на несколько кусочков, разделенных периодами того «мертвого сна»… во тьме холодной глубокой норы…

И вот кстати: есть в Африке такой колониальный подземный грызун, голый землекоп, *Heterocephalus glaber*. Славен он прежде всего тем, что это — единственное позвоночное, у кого возникла «эусоциальность»: размножается единственная самка-«царица», а остальные члены колонии только обслуживают ее и защищают. Ну, в точности как у общественных насекомых — муравьев и термитов. Так вот, у них еще куча странностей: уникально низкое потребление кислорода, уникальное же отключение терморегуляции — на чем экономится куча энергии — и, среди прочего, фантастическое для мелкого грызуна долголетие: 30 лет и более. Мы даже специально сравнивали с ними наших мышек — были большие надежды, — но нет: там, похоже, работают совсем другие молекулярные механизмы.

АХ: А как они выходят из этого «мертвого сна»? У них есть какой-то «будильник»?

КБ: Вот! Вот тут и начинается самое интересное! Оказывается, самостоятельно выйти из этого состояния мышь не способна. Ее должны «разбудить» товарищи… или, если угодно, слуги. Они находят «спящую царевну» и наносят ей укусы — не опасные, но болезненные. На этом выделяется адреналин, он «запускает» сердце, ну, потом уже и всё остальное.

Но! Из той спячки мышь выходит в состоянии крайнего истощения; а главное — двухвалентное железо в ее организме израсходовано практически полностью. И если она не напьется крови, немедленно, то умрет. И что б вы думали? — те товарищи, или слуги, бестрепетно прокусывают себе крупный кровеносный сосуд и отпаивают просыпающуюся собственной кровью! Не будучи даже связаны с ней никаким кровным — ха-ха! — родством… Неслабый уровень социальности и альтруизма, верно?

АХ: Невероятно! А как они узнаЮт, что «пора будить»? И находят место, где спряталась «спящая принцесса» — она ведь хорошо прячется от чужих глаз? Это… это что-то вроде телепатии, да?

КБ: Нет, ничего похожего. Зачем вводить такую «избыточную сущность», как телепатия, когда вполне достаточно хорошей памяти? Они просто помнят — куда и когда надо прийти…

АХ: Ну и чем такое объяснение… э-ээ… материалистичнее?

КБ: Тем, что у них у обоих одни и те же «молекулы памяти». Если перенести «спящую принцессу» в другое место, «свита» в должный час является туда, где та должна была быть, и безуспешно ищет ее там. А если «свиту» доставить туда, куда «принцессу» перепрятали — те даже не пытаются ее искать. Вопрос о телепатии считаем закрытым?

АХ: Да, «молекулы памяти» поубедительнее будут…

КБ: И есть еще одно. Как вы уже наверняка поняли, обзавестись «вамприонами» мыши могут двумя разными способами. Есть носители «Мутации 666» в генотипе, и есть особи, которым прион был введен извне — при укусе, или как-то еще. У этих последних все процессы идут во внеядерных белковых структурах клетки и никак не затрагивают ДНК. Можно сколько угодно раз передать этот прион — через укус — следующему по счету носителю, но в генотипе их всех никаких «записей» об этом всё равно не останется. Ну, тут некоторая аналогия с родовой аристократией и жАлованным дворянством…

АХ: Любопытная аналогия…

КБ: Так вот, уходят-то в прионный стазис все они одинаково, но вот выйти из него удается — только «аристократам». Ну, во всяком случае «добудиться» «служилого» пока не удалось никому. Так что, похоже, эти ребята — ОДНОРАЗОВЫЕ, а нужны они популяции лишь затем, чтоб было кому встретить-обиходить пробуждающихся «аристократов».

АХ: То есть «служилые» — это, выходит, просто РАСХОДНЫЙ МАТЕРИАЛ… Но они что-то для себя имеют от вхождения в этот «элитный клуб» — кроме заметного укорочения собственной жизни? Или их никто и не спрашивает — кусают, и всё?

КБ: Ну, «чужая душа — потемки», уж мышиная-то точно… Но что-то они точно в этом находят: уровень эндорфинов у них стабильно выше, чем у незараженных. Как там, в классике — «Лучше один раз живой крови напиться, чем триста лет питаться падалью»?

Ну и, скорее всего, «вамприон» определенным образом модифицирует поведение своего носителя. Вот, для примера: есть

такой паразитический червь — ланцетовидная двуустка, *Dicrocoelium dendriticum.* Там очень сложный жизненный цикл, и один из промежуточных хозяев — муравей. Личинки червей, церкарии, поражают его «мозг» — подглоточный ганглий — так, чтобы муравей тот взобрался на верхушку травинки и сидел там, намертво вцепившись в нее челюстями; пока травинку ту — вместе с ним — не сжует корова или овца. В чей желудок и необходимо попасть тем личинкам червей.

АХ: Потрясающе!

КБ: Понимаете, дело тут даже не в ювелирной точности манипулирования поведением носителя-муравья — при наших лоботомированиях такая и не снилась. Гораздо интереснее вот что: из пары десятков собратьев-церкариев, проглоченных муравьем в общем комке защитной слизи, один должен пойти рушить муравьиные мозги, «положив жизнь за други своя» — без шансов выйти обратно из того ганглия. Вот как они промеж собой определяют: кто именно? На пальцах кидают, короткую спичку тянут? Это ведь не фиксированные касты, как у муравьев и термитов — тут у всех особей одинаковые, так сказать, права и шансы на оставление потомства…

АХ: Камикадзе!

КБ: Вот-вот. Возвращаясь к вашему вопросу: ну и что этот самый церкарий-камикадзе с этого дела имеет, окромя гарантированной гибели?

Впрочем, сам носитель как таковой в плане биологической эволюции не столь уж важен. Вот, помнится, у вас же тут в студии буквально пару недель назад мой друг и коллега Виктор Замятин из Института общей генетики излагал модную нынче концепцию «эгоистичного гена». Ну а тут — «эгоистичный прион», только и всего…

АХ: Спасибо, Кирилл Глебович, наше время стремительно подходит к концу. А у меня между тем множество вопросов от слушателей, и процентов 90 из них — почему вы всё про мышей да про мышей? Дескать — «В борьбе с вампирами до… гм… добрались до мышей!»

КБ: Ожидаемая реакция, увы…

АХ: Нет, серьезно: а как всё же с этим всем обстоит у нас, у

крупных приматов вида Гомо сапиенс? Бог с ними, с историческими личностями — но что-нибудь эдакое, социобиологическое! Как вы сами-то для себя всё это понимаете, а?..

КБ: Ну, для себя я понимаю это примерно так. Вот есть редкая, возможно, уникальная мутация, наследуемая по очень сложной схеме — нечто вроде «фатальной бессонницы». Распространена эта мутация очень локально, в горах Трансильвании — вроде как куру в горах Новой Гвинеи. Увеличение числа вторично заболевших происходит по схеме «нелетального бешенства»: постоянно самовозобновляющийся природный очаг заболевания. А те вторично заболевшие нужны популяции исключительно для обслуживания носителей мутации. По части интеллекта у тех носителей явно есть новые — по сравнению с нами — и трудно представимые — для нас — возможности.

Итак, перед нами — вполне сложившаяся двухкастовая система, примета настоящей эусоциальности — что для Гомо сапиенс совершенно до сей поры не свойственно. Судя по всему, мы имеем дело с новым биологическим видом *in statu nascendi*[26]. Видом, который сумел «приручить» прионы, фактически превратив их в симбионтов. Ну как — я достаточно глубоко вас шокировал?

АХ: О да!! Спасибо за интереснейшую лекцию, Кирилл Глебович!

КБ: Как говорят в голливудских фильмах: «Это просто наша работа, мэм!»

(Продолжение, не попавшее в расшифровку стенограммы, но сохранившееся в записи)

АХ: Кирилл Глебович, умоляю! Ну вот совсем уж, так сказать, неофициально: что вы всё-таки думаете про Москву эпохи Триумвирата? Ведь не можете же вы, как москвич, не думать об этом вовсе?

КБ: Ну, думать-то никому не возбраняется… и даже излагать свои измышления на каких-нибудь там… военно-исторических форумах. Но поймите, Александр: мое мнение здесь будет ничуть не авторитетнее мнения любого обывателя. «Обывателя» — в смысле «не специалиста по истории русского средневековья».

АХ: Но ведь не может быть, чтоб у себя в лаборатории не обсуждали это за чаем… или, скажем, за водкой, не знаю! Могло это, в тогдашней Москве, быть эпидемией вампиризма, если без политкорректности?

КБ: Да при чем тут «политкорректность»! Чтоб вы знали — гипотеза о том, что московские события были эпидемией, вполне себе имела хождение в XIX веке. Не как мейнстрим, конечно, но и ничего антинаучного в ней не находили. Собственно, прикончило ее как раз развитие микробиологии. Тогда провели — по секретному высочайшему повелению — эксгумацию «главарей Московского режима»: кое-кого из них, если вы помните, по приговору Угличского трибунала замуровали живьем в стенку, и мумифицированные ткани сохранились. Проверили их на болезнетворные бактерии — нету, потом на вирусы — тоже нету. Ну и поставили крест на гипотезе: никаких-де «возбудителей вампиризма» в природе не существует! Ведь о прионах вообще узнали лишь в 80-е годы XX века — такое вот «От многой мудрости много печали»… Ну а ткани те — по высочайшему же повелению — из предосторожности всё же сожгли до минерального остатка, ничего уже не проверишь…

АХ: Что-то вроде того, как в том же XIX веке сочли закрытым навсегда вопрос о превращениях химических элементов — а потом возникла ядерная физика?

КБ: Да, уместная аналогия. Короче, до последней трети XX века никто уже не сомневался, что никакой эпидемии не было, а московские события — просто вспышка массового психоза. Да, шастали по Москве какие-то мрачные типы и сосали кровь — в этом-то усомниться трудно, независимых свидетельств полно. Вопрос, однако, в объяснении этого факта: что это было — биология или психиатрия? Сошлись на том, что таки психиатрия: кровь-то пили, ритуально, но вампирами они лишь себя воображали и из себя изображали. Эдакая, знаете ли, глубоко зашедшая ролевая игра. Вы ведь, небось, в курсе, что «вампиры» — это постоянная клиентура психлечебниц… Про Цепеня спорили только — был он реальным психопатом или хитрым шарлатаном-манипулятором? Впрочем, это может отлично уживаться и внутри одной черепушки…

АХ: Ну а теперь, в свете этих новых открытий? Может, всё-таки — эпидемия?

КБ: Ну, я скажу аккуратно: с полной уверенностью отрицать такой сценарий теперь нельзя. Вот, попал неким образом в Москву, и как раз из Трансильвании — он ведь, вроде, откуда-то из тех мест, да? — носитель «мутации 666» Цепеш-Цепень. Пользуясь своим служебным положением — шефа тайной полиции — перекусал здесь кучу народу и чуть было не довел дело до «зомби-апокалипсиса»… Как-то так.

АХ: Но для этого требуется крайне маловероятное сочетание случайностей, верно?

КБ: Ну, крайне маловероятное, да. Можно даже счесть за *гигантскую флуктуацию*. Но уж точно — *пределов естества сие не преступает*…

Глава 21

Хуже чем преступление

Действует на небе главная власть,
мечет фортуна козырную масть.
Пусть пока мечет, потом разберем,
много ль было шансов не стать упырем.
Глянем, рассердимся: «Что за дела?
Шансы велики, а вероятность мала!»

Михаил Щербаков

От сотворения мира лето 7072, августа месяца шестнадцатого дня.

По исчислению папы Франциска 26 августа 1563 года.

Москва, Козье болото, собственное подворье Бориса Феодоровича Годунова.

Беспокойно, ох беспокойно спалось нынче боярину…

Еще с прошлого, субботнего, вечера всё пошло наперекосяк. Девица Марфушка Прокудина, которой боярин покровительствовал, встретила его в слезах и сказала, что по всем точным приметам понесла во чреве. Годунов пообещал отправить ее в Новодевичий, где умелые монастырские бабки вытравят плод. Вместо благодарности девица зарыдала еще пуще, оплакивая нерожденную кровиночку. Пришлось утешать, говорить ласковое, что-то обещать. В постель Прокудина тоже сначала не хотела, а когда всё-таки легла — отдавалась без жара и старания.

Боярин порешил для себя, что Марфушка из монастыря не выйдет. Прокудина была сирота, жила у старухи-тетки, заступников не имела — так что с этой стороны проблем не предвиделось. Настроение, однако, было испорчено. Девка была как раз в его вкусе, а теперь вот придется озадачить Симеона, чтоб побыстрее приискал *новенькую*. Тощий лысый грек — классический, хоть в рамку вставляй, *коварный византиец* — несмотря на личное равнодушие к плотским утехам, разбирался в женском вопросе как никто. Особенно удачно у него выходило *работать* с неверными женами: как раз по его наводкам *специально обученные* «шестерки» (сотрудники Шестой службы:

наружное наблюдение, прослушка и перлюстрация почты, в том числе дипломатической) черпали из того кладезя поистине не покладая рук… гм…

С Симеоном, однако, переговорить не вышло. Воскресенье выдалось по-осеннему уже холодным и ветреным, а с утренней службы Годунов неосмотрительно ехал нараспашку, ну и застудился. Во полудни его бросило в такой жар, что пришлось пропустить *постную дегустацию* у Пимена — распробованию подлежали бургундские улитки в чесночном масле — и спешно возвращаться домой. Не успел он разоблачиться, как прибыл доктор Фауст.

Честно сказать, Фауст был так себе медикус, особенно по сравнению с цепеневым виртуозом Менгеле — тот и диагноз поставит правильный, и лекарство пропишет не абы какое. Но сие, разумеется, исключалось напрочь: из рук человека Цепеня Борис Феодорович *не взял бы и огурца*. Не говоря даже о том, что *обязываться* таким образом Владимиру Владимировичу именно сейчас было бы совершенно некстати.

Доктор философии пациента осмотрел и, многозначительно поджав губы, диагностировал *инфлюэнцию*; вылечить ее посулил за семь дней. Годунов догадался спросить, что будет, если оставить хворь без лечения. Доктор на то отвечал, что в таком случае она пройдет за неделю — если, конечно, больной будет соблюдать постельный режим, лежать в комнате без сквозняков, воздерживаться от крепких напитков и иных излишеств. Кроме того, он порекомендовал промывание желудка новейшим заграничным средством «Арбидолус»; для убедительности отхлебнул сперва сам, после чего сдавленным голосом произнес: «Горько, боярин, но пить надо».

Очистительное действие средство и вправду оказало — да так, что боярина едва не вывернуло наизнанку. Полегчать, пожалуй, полегчало, но Годунов после процедуры впал в такое изнеможение, что едва доплелся до постели. Но тут черт принес Филиппа Денисовича из Девятой службы — а этого не принять было совершенно невозможно.

Начальник «девятичей» был человеком… своеобразным. Шеф Особой контрразведки Странник, например, относился к своему подчиненному *амбивалентно*: к словам его прислушивался весьма внимательно, но руки при этом не подавал никогда.

Когда-то Филипп Денисович Котовранов прозывался Филька Бобок и слыл первейшим на Москве татем и душегубом. Среди собратьев по ремеслу Фильку выделяла широта взглядов и отсутствие социальных предрассудков: он грабил и убивал не токмо фраеров и начальников, но тако же и своих корешей-

уркаганов. Особенно любил он встречать тех *на выходе с дела.* Первым он *повстречал* таким манером Митьку Косого, триумфально обнесшего перед тем усадьбу Долгоруковых и залегшего со всем хабаром на малине Надьки Ноздри у Покровских ворот; дело было темное, одни слухи — живых свидетелей Бобок за собой не оставлял никогда. Следующей жертвой *внутривидовой борьбы* стал известнейший форточник Мирша Малой, исхитрившийся добраться до казны Стрелецкого приказа по тамошним вентиляционным ходам. Выпытывая у того, куда перепрятан заветный сундучок, Бобок явил такую лютую изобретательность, что это впечатлило даже видавших всякие виды московских татей; однако свидетелей, могущих *выкатить предъяву*, не было и тут, ну а на нет, как известно, и суда нет — в том числе и в воровском мире.

Венцом же карьеры Бобка как *хищника второго порядка* (и одновременно ее крушением — бывает и так) стала история с транспортом реквизированного серебра, секретно отправленным Казначейством на Запад (якобы «для утопления в море-окияне») и *разбитым* на выезде из Москвы шайкой Митрохи Шкворня (по Бобковой наводке). В последовавшей затем *зачистке* кое-кому из людей Шкворня посчастливилось выжить, и на этом терпение *профессионального сообщества* лопнуло: сходняк торжественно выписал Фильку из числа «честнЫх воров», причислив его к лику «волков позорных», сиречь — сотрудников правоохранительных органов (по Москве потом ходила шутка: «Изгнан из воров и душегубов за воровство и душегубство»). Котовранов счел сие перстом Божьим: не желая ходить облыжно ославленным «волкОм позорным» и не дожидаясь *оргвыводов по результатам аттестации*, он по-быстрому избавился от подельников, подмешав им отраву в вино, и предложил свои услуги спешно формируемой тогда Годуновым Особой контрразведке.

Там тоже сидели люди широких взглядов. В Филькину историю, будто он «обратился сердцем к Господу» и замочил разбойничков Шкворня чиста чтоб вернуть то богомерзкое серебро Суверенной Руси (кстати: действительно вернул, частично — здраво рассудив, что оно к нему еще вернется, как тот хлеб, отпущенный по водам) никто из них, конечно, не поверил ни на грош. Однако таланты его по части *оперативно-разыскной деятельности* сомнения у работодателей не вызывали, и душегуб сделал в контрразведке стремительную карьеру. Нынче Котовранов дорос до руководства так называемой «Девяткой» — подразделением, занимающимся «скрытой физической защитой важных персон»; каковая «защита» могла, при соответствующем приказе, обернуться и полной своей противоположностью…

Годунов, как это ни удивительно, Филиппу Денисовичу доверял вполне — ибо доверие то зиждилось на надежном фундаменте циничного прагматизма. Криминальный мир приговорил «волчину позорного» к лютой смерти, на чем все московские авторитеты поцеловали крест, и начальник «Девятки» не строил себе иллюзий: какую ступеньку он ни займи в окружении любого из триумвиров — *достанут*, рано или поздно. Тут просматривался единственный вариант — кануть бесследно в здешнюю ледяную воду, а потом вынырнуть под новым именем где-нибудь в богопротивной Европе: *на туманных брегах Альбиона*, а лучше — *под сверкающим небом Италии*, скажем, на озере Комо. Именно такая награда за верную службу и была ему твердо обещана Годуновым, и теперь всё *наживаемое непосильным трудом* под родными осинами — и рыжьё, и камушки — неукоснительно переправлялось им, с ведома и благословения патрона, в Геную, в банк Ди Сан-Джорджо. Неизвестно, веровал ли Бобок в Господа (хотя служб не пропускал и имя Божие поминал через слово), но вот в италийских менял, будь те хоть трижды иудейского вероисповедания, вера его была уж всяко покрепче…

— Хороша ль, плоха ли весть — докладай мне всё, как есть, — буркнул боярин, кутаясь в доху на меху.

Котовранов доложил; весть оказалась плоха. Касалась она боярина Ковшегуба, коего Годунов доселе твердо числил в своей придворной партии.

Ковшегуб происходил из Вятки. Когда новгородцы лихо и, считай, бескровно отвоевали город, восстановив там старопрежнюю Вятскую вечевую республику, боярин некоторое время проявлял чудеса двоежопия, пытаясь усидеть на двух пеньках сразу — но в итоге всё равно был ославлен «московским прихвостнем» и лишился своих вотчин. Затем на него быстренько состряпали уголовное дело (якобы «Украл весь вятский лес»), и теперь ему была одна дорога — в Москву, а отпрыскам его — на презираемую ими доселе госслужбу. Было у него три сына; старший умный был детина, и сразу стал ладить неплохую карьеру в годуновском чиновничьем аппарате. Средний был и так, и сяк: некоторое время валял дурака по прибогемным тусовкам, и в итоге был с немалыми трудами пристроен родителем на мелкую должность в новообразованную *силовую структуру* — Пименовский *Росдурьконтроль* (поближе к *веществам*). По Москве дружно захихикали: «Ну, теперь осталось только младшенького определить куда-нибудь под крылышко к Владимиру Владимировичу!»

Благодушно посмеивался тогда над провинциальным

хитроумцем и сам Годунов — и весьма, как нынче выяснилось, преждевременно. Где-то с месяц назад Ковшегубов старшенький, пользовавшийся расположением Бориса Феодоровича и бодро шагавший по ступенькам служебной лестницы в его администрации, ни с того ни с сего подал вдруг челобитную о переводе в действующую армию: «*Дозвольте за народ смерть принять!*» Тот *патриотический порыв* всех вокруг поверг в изумление: *умный детина* был известен как *решительный карьерист с великолепными усами и без каких бы то ни было принципов*, а на сидящий в беспросветной обороне фронт вряд ли прольется дождь из чинов и наград. Годунов тогда пожал плечами, завизировал (не без сожаления) ту челобитную, да и думать забыл о том казусе.

Нынче та загадка разъяснилась: Ковшегуб, оказывается, в шаге от того, чтоб породниться с главой Дневного дозора окольничим Чеснаковым, успешно просватав его малахольную племянницу за своего младшенького — и загодя обрубил при этом все связи своего семейства с *годуновскими*. Сам по себе Ковшегуб в разыгрываемой Годуновым шахматной партии был фигурой весьма скромной, но внезапный побег его в стан *цепеневых* создавал опасный прецедент. Крысы, составляющие большинство в любой придворной партии, могут решить, что корабль Бориса Феодоровича совсем уже тонет — с понятными последствиями. Тем более, что трюм того корабля за последние месяцы и впрямь поднабрал воды…

— Он у нас *подписан на полный пакет охранных услуг*, так что… — и Бобок многозначительно пошевелил в воздухе своими узловатыми пальцами.

С полминуты триумвир прикидывал про себя варианты, затем отрицательно мотнул головой:

— Нет. Во всяком случае, не прямо сейчас. Одному Богу ведомо, как *такое* повлияет на *колеблющихся*, и в какую сторону они… *колебнутся*.

— Оно конечно, всё в руце Божьей, — степенно перекрестился душегуб. — Когда Божье дельце творишь, оно само идет, а когда Бога гневишь, тебе всё препятствует. Вот помню, был один тать — запамятовал, как звать. Пока сильных да богатых шелушил, фарт ему шел, без единой осечки. А как-то раз идет он и видит — слепой с шапкой стоит, а в шапке копейка, вся такая новенькая-блестящая! Ну и искусил его бес — стянуть у слепого ту копеечку, чисто из озорства. Так что б вы думали: в тот же день и повязали его по старому-престарому мокрому делу… Так-то вот!

— Да ты у нас прям филосОф, Филипп Денисович, —

неприятным голосом откликнулся триумвир; воровская притча ему — бог весть отчего — не понравилась, крайне.

Глаза у Бобка снова стали оловянными:

— Разрешите идти?

Кое-как выпроводив *слугу верного,* Годунов в преотвратнейшем настроении дотащился до постели, велел себя раздеть, и, едва дав натянуть на себя белье, пал в перины.

Заснуть, однако, никак не выходило. Виной тому был вновь поднявшийся жар, вкупе с осязаемо-вязкой духотой, затопившей наглухо законопаченную опочивальню. И лишь под самый рассвет снизошел на Бориса Феодоровича — взамен изнуряющего прерывистого беспамятства — настоящий сон.

Сначала снилось приятное, а именно — девица Марфушка, которая оказалась-таки порожней и на радостях привела с собой двух подруг. Хихикая, они разделись и залезли к нему под одеяло. Однако попытки овладеть хоть кем-то из них оказались тщетными. Боярин, недоумевая, откинул одеяло и увидал вовсе не девиц. Там сидели две крысы — черные, неестественной величины — и норовили его понюхать…

На этом месте боярину удалось пробудиться — в холодном поту и с бешено колотящимся сердцем.

Повертев головой, он различил в предрассветном сумраке ступени лестницы, ведущей наверх. В его опочивальне никаких лестниц сроду не было — из чего боярин заключил: он не у себя. Следом пришла дикая мысль: треклятый доктор опоил его своим треклятым «Арбидолусом» и куда-то увез. Но как, как тот прошел через оцепление? — ведь скромное жилище его охраняется много лучше кремлевских палат, хотя бы потому, что…

Годунов насторожился: чу! — послышался стон несмазанных петель, и откуда-то сверху в комнату проник луч света. Но не радовал этот свет. Какой-то он был слишком белый, слишком холодный — не белый даже, а мертвенно-синеватый. Если воздух мог бы светиться от холода, он светился бы именно так.

Потом раздались шаги. Тяжелые, шаркающие. Идущий был явно не молод, не очень здоров, и, вероятно, тучен.

В голубоватом ореоле обрисовалась грузная фигура, спускающаяся по лестнице. Удивительным образом, несмотря на звук шагов, движения ног не было заметно: фигура будто плыла по ступенькам.

Годунов попытался пошевелиться и почувствовал, что не может: навалилась незримая тяжесть. Попытался крикнуть — и понял, что голоса тоже не стало.

Человек тем временем сошел с лестницы и повернулся к

Годунову лицом.

Перед онемевшим боярином стоял князь Курбский.

Был он в расстегнутой венгерке коричнево-бЕлкового цвета и в мохнатой шапке по самые брови. Серые порты были заправлены в сапоги — высокие, с сияющими голенищами. Борода аккуратно подровнена, усы ухожены, лик благообразен. Всем бы хорош был воевода, кабы не портили его уродливые шрамы на шее…

— Ну что? — спросил он. — Не скучали тут без меня?

Голос был хриплым и каким-то деревянным. Годунову подумалось вдруг, что криворукий вологодский конвойный, рубивший князю голову *в три приема*, мало что всю шею изуродовал, так еще и связки, похоже, размозжил так, что их пришлось отдельно сшивать, суровыми нитками.

А вот следующей мыслью стало: «Неужто это не пустые слухи, и сатанинский доктор, Менгеле, вправду выучился ЭТОМУ? Оживлять и призывать на службу покойников?»

— Ты меня не бойся, — седые усы князя шевельнулись, как бы обозначая улыбку. — Я тебя не трону, ты не беспокойся. Пришел вот воздать предобрейшим за презлейшее, хех!

Слова эти Годунова не успокоили совершенно — скорее наоборот. Зато судорога, сжимавшая челюсти, отпустила.

— Ты живой? — задал он главный вопрос.

— Спятил, что ли? — заскрипело в темноте. — Запамятовал, как мне голову рубили?

— Откуда тогда сам явился? — задал Годунов второй главный вопрос.

— Да уж не из райских обителей. Не такой я жизни был человек, чтобы в рай взяли. Мог бы и в самое пекло влететь, да вы мне пособили. Ибо убит я был без вины, аки агнец жертвенный заклан… А посему ада я избег. Отвели мне для пребывания *вечность типовую малобюджетную.*

— Это как же? — заинтересовался Годунов.

— А вот так. *Одна комнатка, эдак вроде деревенской бани, закоптелая, а по всем углам пауки.* Зато пиво приносят. Слабенькое, но зато сколько хошь. С него даже до ветру ходить не надобно — само всё впитывается.

Годунов машинально отметил, что покойник, и при жизни дородный, после смерти совсем уж неприлично раздобрел.

— А кто пиво приносит? — решил он уточнить на всякий случай. — Пауки?

— Бесенята мелкие. Их там *ботами* называют. Глупый народишко, подай-принеси. Рассказать что-то могут, но только из прошлых времен, и на вопросы не отвечая… — Курбский зевнул, прикрывая рот ладонью. — Ну хоть с тобой поболтаю. Устроил

мне такую возможность владыка мира сего.

— Диавол? — прошептал Годунов.

Курбский услышал.

— Ну зачем же дьявол, — снисходительно поморщился обезглавленный воевода. — Сам он себя не иначе как *архангелом* именует… Ну да это наши дела, покойницкие. Давай-ка про живых. Вот скажи мне, Борис Феодорович. Это ведь ты Ливонскому вору тайны наши доносишь. Скажи, в чем дело? Чем тебе Ивашка-подлец платит? Чего ты не имеешь?

Боярин приободрился. Разговор пошел о вещах здешних, понятных.

— В такого рода делах и на таком уровне, — назидательно поведал он, — про «плату» говорить вообще смешно. А вот что я «имею» — это вопрос другой. Я, конечно, сильнее и Пимена, и Цепеня, — тут он на секунду запнулся, едва не добавив вслух: «По крайней мере, был до недавнего времени». — Но вот если эти двое всерьез стакнутся меж собой, на этой самой почве — мне конец. Что тут делать? — искать друзей сильных. А где их искать? Известно где: «враг моего врага — мой друг». Ну или хотя бы союзник.

— А царь Иван, — продолжил он, не дождавшись ответа Курбского, — уж точно ни Цепешу, ни Пимену не друг. Кровососы вообще никому не товарищи, а с Пименом их разделяет насмерть вопрос церковный. У Иоанна католики с лютеранами в большие начальники иной раз выбиваются, а иудеи не только по меняльным лавкам сидят, но и в приказах служат — а такие порядки не всякому православному по нраву. Помнится, ты и сам кипятился насчет ихнего новгородского «*Плати налоги, да и молись хоть черту в ступе*» — ну а уж Пимена-то от таких слов и вовсе кондрашка хватит!

— Ну а мне — куда деваться? — подытожил боярин. — Кровь я не пью, а лоб крещу — но Об пол не разбиваю. Так что наше с царем Иваном… — он чуть призадумался, подбирая слово, — общение, — (слово нашлось), — вполне естественно вытекает из сути политики.

— Ишь ты, — Курбский склонил голову на плечо, как умная собака, слушающая хозяина. — Это, значит, по твоей науке так выходит… И что, все так делают?

— Похоже, что все, — вздохнул триумвир. — Даже герои древности. У Геродота, историка греческого, рассказывается, как Греция с персидским царем воевала и того одолела. Однако же, пока воевала, каждый второй политик греческий с царем тем сносился и помощь ему предлагал. Не потому, что персов любил, а чтобы свалить политика первого…

— УмнО, — оценил воевода. — А еще умнее было бы собрать вас всех, политиков, в один мешок, да зашвырнуть в самое пекло. Самое вам там место!

— А править кто будет? Дела решать? — осведомился Годунов.

— Царь самодержавный! — твердо сказал Курбский. — И чтобы он один был и всё решал! Тогда непотребства этого не заведется!

— В чем-то ты прав, — великодушно дал фору собеседнику Годунов. — Греки вот тоже говорили: «Нехорошо многовластье, да будет единый властитель». И конструкции вроде Триумвирата нашего прочно не стоят. Рано или поздно — *останется только один.* И уж лучше это буду я.

— А почему ты, а не вор Ливонский? — вкрадчиво осведомился Курбский.

— Да потому что мы ему тут и задаром не нужны, вот почему, — решил не церемониться с покойником Годунов.

— То есть как не нужны? — не понял воевода. — Да он спал и видел себя на Московском престоле, в шапке Мономаховой!

— Когда ты с ним знался, может, и видел. Потому что слаще морковки ничего не едал и ничего тяжелее той шапки вообразить себе не мог. А сейчас он много чего попробовал и вывод сделал для себя простой. Сейчас он — государь очень успешной державы, которая как на дрожжах поднимается. Дела он теперь ведет с государями европейскими, и в большом у них авторитете. Подданные его — ливонцы и новгородцы — люди дельные и способные. Не то что наши мужики лапотные и бояре, на ходу спящие. Ну и на кой ляд ему сдалась эта Москва, здраво-то рассуждая?

— Так ведь мы воюем, — возразил Курбский. — Что он, не может от русского трона отречься, мир подписать и жить спокойно?

— А вот война ему как раз полезна, — растолковал Годунов. — Нынешняя, *вялотекущая*. Как иначе войско в готовности держать, если не воевать? А если воевать, то с кем? За веру? — это за чью же именно? За земли? — так у него своих девать некуда, ежели Урал причесть. А будет еще больше: вон, в Литве уже в полный голос говорят — зачем нам уния с католической Польшей, когда есть такой замечательный православный Новгород, да еще и с Ливонскими портами?

— И ты это так спокойно говоришь? — воевода чуть не на дыбы встал.

— Это не я говорю, это он так думает, — успокоил мертвеца боярин. — То есть должен так думать, по его-то картине мира…

— Умен ты, боярин. В сердцах прозреваешь, — тон Курбского сделался глумливым. — И в самодержцы метишь. Государь, Царь и Великий князь всея Руси Борис Феодорович!

— А что? Очень даже может быть. Не всё же Рюриковичам править. В Европах тоже династии сменялись. Почему бы и мне…

— Вот за тем-то я и явился. Объяснить тебе — почему. Помнишь, разговор у нас был в Кремле? Я у тебя тридцать тысяч войска просил.

На память Годунов не жаловался.

— *На Западном фронте нехорошо,* — вспомнил он зачин той беседы трехгодичной давности.

— Помнишь, стало быть, — удовлетворенно констатировал Курбский. — А ты мне что на это сказал?

На этот раз боярин предпочел промолчать.

— А ты мне сказал, — напомнил покойник, не дождавшись ответа, — что тебе надо финансовую реформу продвигать, а не с Иваном драться. И что расчет у тебя тут *высший, государственный.*

— Было такое, — признал Борис Феодорович.

— Ну что ж. Реформу свою ты провернул лихо: серебра на Москве не осталось вот ни на эстолько. Про пользу-вред от нее для казны судить не возьмусь: не моего ума это дело, хотя мнения слыхал — ой какие разные… Но вот входило ли в твой высший государственный расчет, что после такой реформы упыри Цепеневы столько власти заберут?

Вопрос был неприятный. Тем более неприятный, что Годунов и сам его себе регулярно задавал. Ведь не проведи он, по наущению доктора Иоганна, тот обмен серебра на крашеную бумагу с такой безжалостной *эффективностью*… Как тогда мрачно пошутил сам Коммерции Советник, разговляясь на малом сидении у Пимена: «У богов, Владыка, своеобразное чувство юмора — уж очень они любят посмеяться последними». Доктор вообще щеголял налево и направо своим антично-ренессансным *гуманизмом*, митрополит же ныне на такое вольнодумство лишь с непреклонной твердостью упирал взор в свою обеденную тарелку со скоромным…

— По лицу твоему вижу: не входило, — заключил покойник. — Оказал ты Цепеню услугу великую. Серебро ему очень мешало — может он, без этого и вообще в Москву бы не сунулся, а?

— Нагнетать вот только не надо! — просипел Годунов: проклятая простуда неожиданно дала о себе знать. — Чего стоят его Дозоры против Особой Контрразведки? У меня структура, система…

— А у него — зубы, — усмехнулся покойник. — Ты хоть

понимаешь, почему кровь он через трубочку сосет? И от других того же требует? Это чтоб слюны своей в жилу не напускали. Потому что численность своих упырей он предпочитает под контролем держать. Но наклепать-то он их при желании может сколько хочешь! А они, если волю им дать, всю Москву перекусают.

— Ну и зачем ему такое? — Годунов помимо воли втянулся в обсуждение. — Допустим, перекусают. Они ж на третий день друг на друга бросаться начнут.

— Может, начнут. А может, пойдут из Москвы в окрестности, охотиться. Только тебе-то от того легче не будет. А зачем — понятно: чтобы тебя до трона не допустить. Ты хоть и умен, да Цепень не глупее тебя. И все планы твои видит насквозь. А он не таков, чтобы под тебя идти да на милость твою надеяться. Ему самому мономахова шапка нравится. Государь, Царь и Великий Князь Всея Руси Владимир Владимирович! А если нет — скажет он Москве: *так не доставайся же ты никому!* И даст своим упырям отмашку…

— Ну нет. Не может же он… — начал было боярин и осекся.

Повисла тишина.

— И тебя тоже покусают, — безжалостно додавил воевода, — будешь у Него в услужении. Или целиком выпьют. А если даже и укроешься, куда ты побежишь? К царю Ивану? Пока ты ему нужен, он тебя терпит и дела с тобой ведет. А как не нужен станешь — тут он тебе всё припомнит. С Анастасии начиная… К другим государям? — да кто ж тебя примет, разве что поляки. Как у тебя там с поляками-то — судя по предыдущим рассужденьям твоим, и с ними *общение* ведется? Молчишь? Стало быть, ведется… Ну, допустим, примут тебя. Какое ни то сельцо дадут. Будешь там с местными магнатами драться да судиться…

— И что ты предлагаешь, конкретно? — прервал его Годунов. Рассуждения Курбского были ему ясны вполне, оно и сам размышлял о подобном. Просто покойник знал не всё. И незачем ему знать всё.

— Предлагаю НЕ ЖДАТЬ, — последние слова Курбский выделил голосом. — Серебришко-то тогдашнее, я чай, не всё в море-окияне утоплено, а лежит себе в Европе. Как говорится, «Подальше положишь — поближе возьмешь»… Ведь так?

— А тебе-то что? — вскинулся Годунов. Вопрос мертвеца ему не понравился крайне.

— Понятно. Так вот что я тебе скажу. *Оставь свой край глухой и грешный,* нечего тебе в Москве делать более. Да и в Европе тоже. Тесно там, в Европе. Как частному лицу тебе там жить дадут, а вот короны — *товар редкостный, не залёживается.* Тебя к тому

прилавку, где коронами торгуют, даже и не подпустят. Так и не надо в ту Европу упираться. Есть на свете и другие интересные земли, где можно свое собственное королевство учинить — с твоими-то способностями…

Годунов напрягся. Рассуждения воеводы были какие-то слишком уж далеко идущими — и явно не по его уму.

— Это тебе кто сказал? — спросил он подозрительно.

— Говорю же тебе, *архангел* со мной беседовал, — ответил Курбский.

— И что он тебе за беседу со мной посулил?

— Если выйдет от нашего разговора прок — обещал перевести меня в *вечность среднебюджетную*. Говорил, там комната чистая, без пауков, окно *с видом,* пиво аж трех сортов и бесплатный вайфай.

— А это что такое?

— Не ведаю. Но *боты* говорят, сие — наслаждение великое…

Откуда-то сверху зазвенело, и неживой свет стал меркнуть.

— Это мне. Ну, главное я сказал, теперь уж ты сам соображай… И вот еще что: я так чую, ты *архангелу* интересен, как личность. Угораздило же его, говорит, *с умом и талантом родиться в России*…

Дождливая рассветная муть за окошком была под стать невеселым — как и обычно в последнее время при пробуждении — думам триумвира. То крысы, то Курбский… Вот ведь странно: ни разу прежде он во снах не являлся. К чему бы это?

Крякнув, Годунов выпростался из-под тяжелого одеяла. Прокашлялся. В глазах плавали мелкие черные мушки, горло саднило, но вчерашнего упадка сил уже не было. Хотелось умыться теплой водой, облачиться в домашнее, испить горяченького… Да, он определенно пошел на поправку.

Однако радоваться было рано. Встав на ноги, Борис Феодорович почувствовал — сил мало, надобно прилечь.

Снова пришли грустные мысли. Взять того же Курбского, думал боярин. Ну если по-чесноку — *нехорошо вышло, аж перед пацанами неудобно*… Ну, какую уж такую он угрозу для меня представлял, *сапог хромовый?* — а вот союзником вполне мог сгодиться… Очень бы мне нынче такой союзник не повредил… да что там «такой» — сейчас уж любому обрадуешься. *Не так* я им тогда распорядился, чего уж там… Как цитировал назидательно тот же доктор Иоганн кого-то из ихних, тамошних, мудрецов: «Это хуже, чем преступление — это ошибка».

Боярин припомнил рассуждения воеводы из сна. Ну понятно, это его же старые мысли. И про то, что должен остаться только

один, и что Цепень, если их партия зайдет в тупик, может пойти на крайность и просто *перевернуть доску со всеми фигурами*… Что ж, варианты операции *«Пора валить»* просчитаны давно и во всех деталях. Благо распроклятое серебро то — изъятое у людишек ради *Святой Суверенности* Матушки-Руси — в море-акияне топили понятно как…

Но мы еще с тобой повоюем, Влад-Владыч. Расстановка фигур в нашей партии с недавних пор, похоже, кое в чем поменялась, и не в твою пользу — при всем излучаемом тобою парализующем страхе.

У меня есть человек, который не боится излучения такого рода.

У меня есть человек, который сможет когда-нибудь написать в своих мемуарах — если мы с ним на пАру доживем до тех мемуаров: «В этой грёбаной стране каждый кого-то боялся до усёру. Одни боялись Пимена, другие — Годунова, оба они боялись Цепеша. А меня боялся сам Цепеш».

Правильно боишься, Влад-Владыч. Помню-помню, как тебя перекорёжило, со всей твоей восточной непроницаемостью, когда я представлял тебе нового шефа Особой контрразведки. Кто бы мог подумать, что ты настолько суеверен по части *магии имени*, а?..

Странник, он же Квартирмейстер — по-нашему считай окольничий. Джон Сильвер, стало быть — Иван Серебро, по-нашему.

И — зеленый попугай!

Глава 22

Покалякаем о делах наших скорбных

Чуть не так — под секиру главу ты положишь,
право древнее в этой стране таково:
если грабить не хочешь ты или не можешь,
то убьют и ограбят тебя самого.

Евгений Витковский

«Генрих Штаден, опричник. 1572»

От сотворения мира лето 7072, августа месяца девятнадцатого дня.

По исчислению папы Франциска 29 августа 1563 года.

Москва, Кремль.

= =

Капитан

Джон Сильвер (John Silver);

Он же Долговязый Джон (Long John), он же Странник (Peregrine), он же Квартирмейстер (Quartermaster), он же Шашлык (Barbeque).

Сведения

Мастерство: 5 звезд

Возраст: 38 лет

Местонахождение: Московия

Черты характера

Прирожденный моряк (Удача улыбнулась этому человеку в момент рождения. Первая любовь этого человека — море, вторая — хорошая схватка: Командование флотом +1)

Сын волн (Этот человек способен найти путь на любом мелководье и выдержать любой шторм, не пролив ни капли из своей кружки. Этот человек родился на морском побережье, и запах соли — одно из первых воспоминаний его детства: Дистанция перемещения корабля на стратегической карте +5 %)

Рубака (Этот человек храбр и склонен к браваде — на грани безрассудства. Отважно командуя своими людьми во время абордажа, он не боится испачкать руки: Боевой дух во время битвы +1; командование на море при нападении + 1

Вспомогательные персонажи

Наградной клинок (Награда за выдающиеся достижения тому, кто много раз одерживал победу в сражениях на море: Фехтование на дуэлях + 1; боевой дух во время битвы +1; командование на море при нападении + 1)

Торговый агент (Люди, которые умеют продать судно и груз втридорога, всегда нарасхват: Боевой дух во время битвы +2)

Попугай-сквернослов («Чер-ртовы собаки голландцы, вонючие твар-ри! Испанские макаки! Английские шлюхи! Пр-роклятые фр-ранцузы-лягушатники!»: Командование на море при нападении +1)

= =

Правительственный возок подъезжал уже к Кремлю.

Годунов оглядел из-под ладони опять остановившееся Строительство-на-Волхонке и покосился иронически на сидящего одесную шефа своей Особой контрразведки. Странник, однако, и бровью не повел: прислонив к стенке возка свой знаменитый костыль из рябины (*«ирландского дерева»*, отпугивающего оборотней и вампиров), он с демонстративной индифферентностью продолжал кормить печеньками сидящего на плече зеленого попугая по прозванию Флинт. *Вот ведь положение у человека! Этот верзила, этот холодный шутник, ненавидимый и обожаемый, эта надежда* «здоровых сил в руководстве Московии» — в его, Бориса, лице…

Лет пять тому уже как кому-то в Опекунском совете (кажется, Адашеву) взбрела в голову вздорная на любой трезвый глаз затея: учинить на Москве колокольню небывалой вышины. Всё это — дабы утереть нос возведенному в предыдущее царствование «Ивану Великому», смущающему якобы своим прозванием незрелые народные умы; назвать — естественно! — «Владимир Великий»: как бы в честь Володеньки Старицкого, при том, что *все всё поняли правильно*… Коммерции Советник вякнул было, по обыкновению: «Денег нет, но вы держитесь», однако только что *кооптированный* тогда в Совет Влад-Владыч, поигрывая своей трубочкой, *отлил в граните*: «На идэологии ми нэ экономым!» — и вопрос был решен. Да и кто в здравом-то уме стал бы возражать против *госконтракта* на *нацпроект* такого масштаба?

Место нашли на Чертольской улице. Быстренько снесли Зачатьевский монастырь, расчистили площадку и, засучив рукава, принялись за дело — то есть за *освоение бюджета* (иначе говоря — за *попил бабла*). Поскольку к проекту прислонилась целая куча серьезных организаций, искать следы испарившихся казенных денег было делом заведомо дохлым. Даже Пимен, коего прочие

концессионеры поначалу изящно объехали на кривой, исхитрился «получить обратно свой проигрыш через кассу»: дождавшись начала строительства, он заявил, что Чертольская — место для колокольни неподходящее, ибо самое имя ее происходит от Нечистого. Заявление свое он подкрепил организацией массовых выступлений *глубинного народа* (даже не поскупился на пресловутого Николку). Переносить строительство было поздно, да и некуда. Пришлось-таки брать Митрополита в долю на предмет помощи в переименовании, отслюнив хорошие деньги за изгнание чёрта, освящение, ну и прочие *культовые действия*. Улицу договорились назвать Пречистой. Однако в последний момент князь Иван Фёдорович «Лось» Волконский, только что открывший на Чертольской питейный дом, выделил Пимену *рекламный бюджет* — и Пречистая стала Волхонкой.

Когда Сильвер-Странник только-только объявился в Москве, стройка, как и сейчас, стояла: как раз только что *освоили* (сиречь — разворовали под ноль) *первый транш*. Британец вежливо выслушал разъяснения про «Высочайшую чёрч в Европе», скептически оглядывая грандиозный котлован, заполненный зацветшей уже, до *чистого изумруда*, водой, и резюмировал так: «О, „Владимир Великий“! — спасибо, я понял. А вот это, стало быть — его Vampire State Building?» Английский юмор пришелся московскому бомонду по вкусу, и с той поры именовать Московию «Vampire State» стало фрондой столь же общеобязательной, как и неумеренное потребление чеснока… Владимир Владимирович, впрочем, против фронды такого сорта ничуть не возражал и даже поощрял ее тишком.

Москвичи же попроще, языкам не ученые, именовали ту стройку — устами неистребимых скоморохов — «Вавилонской башней», со всякого рода отсылками типа: «Ну как там наш Столп? — СтоИт, как у Дяди Вовы!» Особо *отжигал* по этой части легендарный Глеб Невзглядов, беглый инок Чудова монастыря. Поскольку главной мишенью своего остроумия он избрал Пимена (именуя того «Вавилонской блудницей» и рекомендуя проделать на митрополичьем облачении два продольных разреза: длинный — вдоль правого бедра, и покороче — на заднице), на московских площадях с регулярностью фронтовых сводок оглашали растущую цену за голову «безбожника и охальника Глебки»: *новоблагословенными* — полторы сажени (их теперь считали уже таким манером) и даже сколько-то там в *чеканной монете* (общеизвестный эвфемизм для запрещенного серебра). Благочинники сбились с ног, но скоморох оставался неуловим: невзглядовские шуточки пользовались большой популярностью не только у податных сословий, но и среди *элитки*, а также у

силовиков всех ведомств (кроме, разве что, самогО Благочиния — да и то не факт…).

Годунову припомнился недавний *квартирник* Невзглядова в апартаментах Коммерции Советника: получил тогда изрядное удовольствие, за которое десяти червонцев точно не жаль. А запримеченный им там же чин из Дневного дозора (в штатском, естественно) бросил в шапку скомороха аж целых пятнадцать! Ухмыльнулся мысленно: а *прикольно* было бы возбудить против того — по линии Особой контрразведки — дело о «финансировании экстремизма»…

— Фр-рройд! — оживился вдруг Флинт, кося желтым глазом на зачаток башни. — Фр-рройд! Пр-рроекция!

— И ты туда же… — пробормотал Странник.

— Что за Фройд такой? — брюзгливо осведомился Годунов.

— Автор-рритет! Междунар-рродный! — снисходительно разъяснил попугай.

— *Авторитет? В законе?* — заинтересовался триумвир.

— Службе — заняться этим, сэр? — пожав плечами, приподнял бровь шеф Особой контрразведки.

— Да нет, это я так…

От неведомого *международного урки* мысль Бориса Феодоровича опять вернулась к Волхонскому долгострою. С недавних пор на Москве народилась и обрела популярность новая ересь — причем, похоже, всамделишная, а не своеобычное рукоделие Пименовых провокаторов. Ее адепты утверждали, обильно и криво цитируя 11-ю главу книги Бытия, что когда (если?..) ту «Вавилонскую башню» достроят — вот тут-то и наступит Конец Света, чиста-конкретна. Так что для Годунова — равно как и для всех причастных (и деепричастных…) — разворовывание *бюджетов* на сей *нацпроект* вмиг обратилось в акт высокого и самоотверженного общественного служения… Кстати, и пророчества вещего попугая относительно этого места на Волхонке рисовали какую-то бредовую картину: то ли храм, то ли водоем, то ли всё сразу и попеременно — не поймешь…

Флинт меж тем наклонился к хозяйскому уху и доложил:

— Пиастр-рры! Пиастр-рры!

Годунов усмехнулся. На сей раз прогноз был точен, своевременен и никаких разночтений не вызывал: речь на сегодняшнем расширенном заседании Опекунского совета пойдет именно о них, о *пиастрах*…

Вопрос был не то чтобы мелкий, но изначально не политический — *под кем ходить* таможне? Эта контора была в свое время отдана *в кормление* кремешникам. Годунов и его люди марать руки по мелочи не любили, шариться по возкам да

телегам в поисках контрабанды считали ниже своего достоинства. Они брали свою долю благообразно — выписывали разрешения на внешнеторговые операции, а также и на работу с богомерзким металлом. Вурдалаки контролировали собственно таможню, дорожные сборы и крупный опт. С мелкого опта и розницы кормились благочинные. Система радовала глаз своей красотой и завершенностью — можно сказать, тот самый «отточенный кристалл, вышедший из рук небесного ювелира».

Однако недавно Высшее Благочиние *воспретендовало*: Пимен поставил вопрос так, что главная задача таможни-де — «борьба с тлетворным влиянием Запада» (в виде, например, печатной продукции любого сорта), а все прочие функции ее — факультативны: «*На идеологии мы не экономим*», да-да! Посему ведомство сие следует если уж не передать целиком под их руку, то хотя бы *прикомандировать* к каждой таможенной избе *смотрящего*-благочинника. С соответствующим *перераспределением финансовых потоков*.

После того как Благочиние жестко оттерли от серебряных дел, Пименовы ребятушки повадились отжимать бизнесА у лавочников и средне-мелких купчишек, угрожая обвинениями в еретичестве или непотребстве. Неожиданно удачной — в смысле доходности — оказалась их затея со специальной службой *Роснепотребнадзор*, шерстящей совсем уж мелкий народишко по совсем уж ничтожным поводам, вроде недолжного одеяния на бабе, потребления скоромного в пост и прочих таких моментов. Денежки медные, зато их много.

Одно плохо: тупые и жадные благочинники бизнесА те, как правило, губят. «Эти крысы, — говорил про них Генрих Штаубе, начальник Пятой (экономической) службы Особой контрразведки, — сожрут копейку, а изгадят — на червонец». В результате Пимена с его благочинной бражкой ненавидят массово и всенародно, а в Москве под личиной показного благочестия копошится клубок дичайших ересей. Владыку, впрочем, устраивает и то и другое. Ненависть он, по старой памяти, ошибочно принимает за страх (типа, «Пусть ненавидят, лишь бы боялись»: всё никак не может отрешиться от сладостных ностальгических воспоминаний об эпохе «славных пятидесятых», когда его боялись больше, чем Годунова и избегавшего в ту пору *появляться в публичном пространстве* Цепеня), а что до ересей, то само их наличие дает законный повод «укреплять бдительность».

При этом, разумеется, пускать дело с ересями на самотек и отдавать его на откуп *несертифицированным* ересиархам с *нелицензированными* учениями никак не следовало.

Госрегулирование этого специфического рынка было возложено на Духовную Консисторию, руководствовавшуюся в своей деятельности известными принципами: «Не всё корчевать — когда и насаждать» и «Не можешь одолеть — возглавь».

Поначалу-то борьбой с ересями занималось ведущее (по численности и полномочиям) подразделение Высшего Благочиния, нареченное — без затей — «Главное управление православной инквизиции». К несчастью, в эпоху «славных пятидесятых» *генеральная линия Церкви* извивалась столь причудливо, а вчерашняя «ересь» оказывалась «ортодоксией» (*et vice versa*) столь стремительно, что в следственных камерах Внутренней тюрьмы Благочиния в Чистом переулке вчерашние следователь и подследственный запросто могли обменяться местами. Всё это сильно нервировало личный состав, а главное — *демотивировало* его в плане карьерного роста: чем выше успевал взобраться инквизитор по служебной лестнице, тем меньше было у него шансов уцелеть при следующем *Очищении*, а уж из троих первых по счету Генеральных комиссаров инквизиции казни не избег ни один. Да и вообще, если считать в процентах, среди всех социальных категорий, попадавших под колотуху периода *«необоснованных религиозных репрессий, осужденных впоследствии Церковью»*, сами инквизиторы лидировали с большим отрывом. Иных потом даже *реабилитировали посмертно*, причислив к лику мучеников…

Четвертый по счету Генеральный комиссар инквизиции, отец Лаврентий, мозгов имел поболее всех своих предшественников вместе взятых и остановил сей danse macabre. Начал он с того, что переназвал свою Контору в Духовную Консисторию, а себя — в Первого консистора (найдя, что у слова «инквизиция» *плохая кредитная история*), а затем провозгласил «перенос акцента в работе на *профилактирование преступлений*» (что поначалу было сочтено всеми ничего не значащим словоблудием). После чего и возник, как по волшебству — вот и не верь в симпатическую магию!.. — нынешний, относительно вегетарианский, *modus operandi* этой Конторы. В итоге Лаврентий оказался первым Генеральным, умершим своей смертью (от сердечного удара при оргазме в веселом доме при Стародевичьем монастыре), и был, можно сказать, всенародно оплакан — под спонтанно родившийся слоган «Ворюга нам милей, чем кровопийца».

Владимир Владимирович, однако, счел тот слоган выпадом против себя лично, и излишне громко скорбящими занялся Ночной Дозор (изначально-то созданный как раз для уестествления *возомнившего о себе* Благочиния); запытали у себя на Лубянке кучу случайных людишек, ничего толком не

дознались, плюнули и записали автором «*народ-языкотворец*». С той поры укорачивание слишком длинных языков — как-то так, само собою — отошло от благочинников к кромешникам (особисты от всех этих дел брезгливо отстранялись).

Консисторией же нынешней заведовал весьма любопытный персонаж: моложавый старец Пигидий (в миру — Медяшкин). Ересь, которую он нес в широкие народные массы, была сугубо патриотическая и сводилась в основном к тому, что все христианские святые произросли и воссияли поспервоначалу на Руси, но потом были злодейски отторгнуты у нас жидолатинянскими *фальсификаторами истории*. Под психа он косил столь натурально, что на него регулярно возводили обвинения в тайном иудействе (как, впрочем, на всякого книжного человека).

Реальное положение вещей, однако, проясняла вторая его ипостась. Пигидий — под другим своим псевдонимом, «Сергей Радонежцев» — выступал успешным, в коммерческим плане, литератором: в его исторических романах русские богатыри грозили шведам и рубили неразумных хазар в режиме «кровь-кишки-распидарасило», а русские советники успешно подсказывали на ушко *евразийцу* Батыю правильную дорогу до погрязших в русофобии и гомосятине европейских столиц:

> Черный цвет — цвет пороха, оранжевый — цвет огня.
> Покажите мне ворога и держите втроем меня.
> Между нами и небом на флаге Андреевский Икс,
> Мы форсируем Неман, и Рейн, и Ла Манш, и Стикс.

Всё бы ничего, но только романы те, несмотря на бодренькую фабулу, были сплошь *унылым говном*. Так что бороться за пресечение провоза в Суверенную Русь продукции зарубежных конкурентов, всех этих, прости Господи, «Декамеронов», Первый консистор имел чрезвычайно веские причины.

«Вообще-то, ежели объективно, — рассуждал про себя Годунов, — цепеневы упыри, при всей их кошмарности, менее вредоносны, чем это пименовское оголодавшее шакальё». Кромешники кошмарили крупный бизнес, но кошмарили, так сказать, *с подходом и пониманием*. В принципе, любого крупного купца, имеющего дело с заграницей, можно подвести под шпионаж и госизмену, и все это понимали. Однако Цепень, как опытный вурдалак, *знал меру*. И регулярно поучал слишком прытких соратников: «Нэльзя пит слышком многа кров! Ат этого клиэнт *портытса*. Нада сматрэть на чэловека. У аднаво можна взять двэ кружки, а у другого и чарки нэ бэри: акалэет. Так жэ и с

богатымы. Сматры на чэлавека и думай: сколька можно атсасать за адын раз, чтобы он савсэм нэ разарылса».

А теперь вот пименовские шакалы вознамерились влезть таможенную кормушку цепеневых волчин. И ведь знают, что такие поползновения обычно кончаются острыми приступами малокровия — но, видать, настолько оголодали, что страх потеряли. Ну-ну!.. Своего интереса у Годунова в этой сваре не было, так что статус нейтрального *смотрящего* как раз и сулил максимальные бонусы.

…Заседание проходило в Соборной палате Теремного дворца, то есть на территории Цепеня. Дворец так и проектировался, под его особые потребности. Строение вышло благообразным, вот только все окна были фальшивые, а проходы такие, чтобы ни один случайный лучик света не попал внутрь. Смрада и духоты, однако ж, в палатах не ощущалось — итальянские мастера хитроумно провели в стенах трубы, через которые дурной воздух выбрасывался наружу. Для этого применялись специальные колеса с лопастями, именуемые *вертилятрами*; вертели же их насельники Лубянских подвалов — кто желал выгадать себе еще чуток жизни. Вся система обошлась Владимиру Владимировичу в сумасшедшие деньги, но на своем здоровье старый вурдалак экономить был склонен еще меньше, чем на идеологии.

Когда Годунов с Сильвером вошли в залу, толковище было уже в самом разгаре. За длинным столом друг против друга сидели люди в рясах и люди в черных плащах. Первых было существенно больше: попы пытались таким способом компенсировать слабость позиции.

Судя по тому, как они смотрелись, было понятно, что все карты уже выложены на стол, все значимые аргументы приведены, и спор вступил в стадию толчения воды в ступе.

Как и предполагалось, ни Пимен, ни Цепень собрание своим присутствием не почтили. То есть — решение предстояло единолично утвердить Годунову.

Сейчас речь держал шеф Высшего Благочиния отец Онуфрий (в миру Чапельников) — *садист-убийца, постригшийся в монахи*. Человек он был габаритный, плечистый, а пузом богат настолько, что для него в столешнице была сделана специальная выемка. Знаменит он был редкостным сочетанием эффективности и благочестия. Преуспевая в своей работе вполне, он при том вел жизнь скромную и воздержанную: ел только мед и мучное, а к трапезе приступал лишь после первой звезды. Несмотря на столь благочестивое питание, он тучнел год от года.

— Мы не можем работать в таких условиях! — гремел отец Онуфрий. — Мы искореняем, а через границы — насаждается!

Какой только прельстительной дряни к нам сюда не завозят! Особенно книжки вредные: Коран, Платон, Декамерон — *вот это вот всё*!

— Камасутр-рра, Камасутр-ра!! — подсказал попугай.

При этих иноземных словах благочинная сторона *стола переговоров* как-то очень уж дружно потупила очи в тот стол, а на их просветленных постом и воздержанием ликах возникло столь благочестивое выражение, что…

— Не можете работать — не беритесь, мы и без вас обойдемся, — раздался ласковый баритон Владислава Юрьевича Дударя-Мармотного, недреманного ока Ночного Дозора, расположившегося в самом темном углу.

Владислав Юрьевич был из молодых да ранних: взлетел орлом до самого верха менее чем за год по *обращении*. Имел *в сферах* репутацию интеллектуала и оригинала, что проявлялось в сочинении им *цыганских романсеро* для гишпанской семиструнной гитары, пристрастии к крови экзотических зверушек и демонстративном отвращении к религии и церковникам. На этой почве он, разумеется, покровительствовал Невзглядову — «тайно», но так, чтоб все знали.

— Распрекрасно это у вас выходит, Владислав свет Юрьевич, — вкрадчиво прошелестел отец Амвросий из *Роснепотребнадзора*. — Вы сперва обвиняете нас в неисполнении своих обязанностей, а потом требуете, чтобы мы их и не исполняли, а оставили вам. А сами тем временем и пропускаете сюда непотребную литературу!

— И весьма небезвозмездно! — вставил свое слово отец Нектарий из *Росдурьконтроля*.

— Весьма? Да цена всем этим вашим книжкам — три медяка в базарный день, — отбил Мармотный.

— Вот потому-то и три медяка, — с неожиданным жаром встрял старец Пигидий, — что невесть откудова в Москву допечатки везут! Мы тут труждаемся, сочиняем, а пиратские типографии деньгу гребут! Вот, к примеру, «Святогор против Калина-царя — 3»…

Годунов ухмыльнулся. Третий сиквел к похождениям Святогора — сочинение в жанре «боевых фантазий» — появился в продаже даже раньше, чем старец его закончил. *Крысой* оказался отрок, перебеляющий страницы рукописи: с каждой он делал вторую копию и продавал ее в подпольную коломенскую печатню. Каковую печатню крышевали кромешники — на что и был намек.

— Мы разоб-брались, — коротко, с известным всем легким заиканием, ответил высокий мужчина в элегантном сером плаще.

Это был Чеснаков, командор Дневного Дозора. *Обращенным*

он не был, поскольку его служба работала днем. Годунов невольно поморщился, припомнив перебежчика Ковшегуба.

— Разобрались? — всплеснул руками отец Пигидий. — Да вы хоть знаете, сколько мы на этом потеряли?

— Это в-ваши проблемы, — отрезал Чеснаков. — Надо лучше работать с к-кадрами.

Да уж: шутки-шутками, но шустрого отрока-то *вывезли в лес*…

— А с Понтием Пилатом — тоже наши проблемы? — запальчиво припомнил старец.

Чеснаков раздраженно скосоротился. На той истории он поимел серьезные *предъявы*, причем с разных сторон.

В феврале сего года таможня задержала возок с сочинением, именуемым «Евангелие от Пилата». Кромешники решили, что это очередная псевдоересь Пигидиева рукотворства и удовлетворились обычной мздою за провоз нелегального тиража. Оказалось однако, что книжку сочинил какой-то новгородец, а может и вовсе ливонец. Не то чтобы она была какой-то особенно вредной, но сам факт появления в обороте *несогласованного* текста напряг всех довольно серьезно — крайним же, понятно, назначили Чеснакова.

— Г-готовьте нам загодя списки б-благословляемой *з-запрещёнки,* — ответил он наконец, — и таких к-казусов не будет.

— Позвольте заметить, — негромко напомнил отец Нектарий, — через границу не только вредные книги везут, но и *разжигающее*…

Отец Амвросий зыркнул на отца Нектария неприязненно. По его мнению (коим он неоднократно делился с *инстанциями*), *Росдурьконтроль* в качестве отдельной от *Роснепотребнадзора* организации была совершеннейшим бюрократическим недоразумением.

— А между тем *белый,* — скорбно продолжал отец Нектарий, — в последнее время таким потоком через границу идет, будто *продуктовых контрсанкций* и нету вовсе! Уж мы этот *белый* давили-давили… — тут на лице его появилось мечтательное выражение.

— Знаем-знаем мы про ваши чесночные давильни, что на *конфискате* работают, — усмехнулся Владислав Юрьевич.

— Да что чеснок! Ваши-то кровососы за кружку лошадиной крови Исуса Христа продадут! — возвысил голос отец Онуфрий, воздевая руки горЕ.

— Мы Исусом не торгуем, в отличие от вас, — хладнокровно ответствовал Мармотный. — Хотя вы ведь не только Исусом, но и Езусом католяцким барыжите…

«А вот это он не по делу загнул, — отметил про себя Годунов: Пименовскую церковь можно было обвинить много в чем, но только не в этом. Даже ереси, заботливо разводимые консисторскими, к католической вере касательства не имели ни малейшего. — И тем *подставился*!»

— Да как у тебя язык-то повернулся! Пёс смердячий! — рявкнул отец Онуфрий.

— Кхм, — громко прокашлялся Годунов.

Все повернулись к нему.

— Вы тут *тему перетереть* собрались или лаяться? — сухо поинтересовался триумвир. — Ежели лаяться, то без меня управитесь. А я займусь делами государственными.

— Я разве лаялся? — удивился Мармотный.

Годунов глянул на Владислава Юрьевича в упор. Тот не отвел взгляда.

У молодого упыря было гладкое, даже какое-то сладкое на вид лицо, с чуть свисающими щечками. Карие, чуть навыкате, глаза смотрели на боярина с пищевым интересом. Так стервятник оглядывает воеводу, едущего впереди войска на большую битву.

— Ты сказал, что отец Онуфрий Езусом католическим барыжит, — напомнил Годунов. — Обоснуй.

— Он первый сказал, что мои люди за кружку лошадиной крови Исуса Христа продадут, — ответил Мармотный. — Пусть первый и обоснует.

Годунов поморщился. *По понятиям* молодой вурдалак был прав, но спускать дерзость тоже не хотелось.

— Ты молодой. Ответь старому человеку, почто ты его обидел, — нашелся боярин. Аргумент был так себе, но ответа требовал.

— *Я человек больной,* — сказал Владислав Юрьевич. — Наслал на меня милосердный Господь болезнь тяжкую.

— Малокровие? — иронически уточнил отец Амвросий.

— Оно самое, — вздохнул Мармотный, вытянул руку и щелкнул пальцами.

Подбежал прислужник с чашей и завязанным полотняным мешочком, в котором что-то шевелилось; водрузил чашу прямо на стол и принялся развязывать горловину.

— Мышка? — грустно спросил отец Пигидий. — Можно хоть не при мне?

У старца была сентиментальная привязанность к мышам, каковых он считал полезными существами — ибо те грызли книги и тем самым создавали спрос на новые издания. По слухам, он держал целый выводок мышей в особливой клетке и кормил их сочинениями конкурентов.

— Летучая, — снисходительно обронил Владислав Юрьевич, беря мешочек.

Всё произошло очень быстро. Из мешочка высунулась маленькая головка — и тут же Мармотный стремительным движением поднес мышь ко рту. Раздался писк и сразу же хруст.

Слуга подхватил бьющийся мешочек и поднял над чашей, сливая в нее кровь.

Попугай на плече Странника оживился.

— Оз-ззи Осбор-ррн! — восторженно заорал он. — Пр-ррогрес-ссив! Нарррkотики! Р-ррок-н-р-рролл!

— Ваше здоровье, — сказал вурдалак неизвестно кому *и немедленно выпил.*

— Прошу вашего внимания, сэр, — раздался над ухом Годунова тихий оклик Странника. Триумвир оглянулся и понял: шеф Особой контрразведки встревожен — и встревожен не на шутку. — Вы успели разглядеть это существо?

— Мерзость какая! — передернуло боярина. — И крупная ведь, заметно крупней обычных. Можно сказать — «летучая крыса»…

— Верно, — кивнул Сильвер. — И на носу у нее был характерной формы листовидный придаток. Я в свое время навидался этих тварей… в Новом Свете.

— И что? Они опасны?

— Да, и весьма. Это десмод — кровососущая летучая мышь. Собственно, ее в тех местах так и называют: «вампир». Там, где есть их колонии, только псих может улечься спать на вольном воздухе, под яркими тропическими звездами, или даже в комнате с неплотно затворенным окном: проснешься, изгваздав всю постель кровью, и течь из ранок будет еще долго-долго, не сворачиваясь… А лошадей и прочую скотину они иной раз заедают насмерть; в некотором смысле — *выпивают.*

— Это… Это точно не моряцкие басни?

— К сожалению нет, сэр, — сухо ответил Сильвер. — Я лично бывал тому свидетелем, и терял на том личный состав: они ведь иной раз еще и бешенство разносят. И я полагаю, Служба должна безотлагательно начать расследование.

— Да, разумеется! Действуйте немедля! — Годунов трусом не был, но тут ему стало реально не по себе: от *такого* ведь никакая охрана не убережет!.. — ОНИ что, могут выпустить этих летучих бестий на московские улицы?

— Чтоб прямиком на улицы — это вряд ли, — задумчиво промолвил англичанин. — У вас тут всё-таки климат не тот: перемерзнут. А вот использовать их в помещениях… Первый вопрос: каким образом эти очаровательные зверушки попадают в

Москву из Южной Америки? Тут придется идти по линии Первой службы, загранразведки.

…Заседание меж тем шло своим чередом, и за это время отец Онуфрий собрался с мыслями.

— Погорячились мы с тобой, Вячеслав Юрьевич, — сказал он миролюбиво. — Не по-божески это. Ты уж меня прости, как и я тебя прощаю.

— Да я и зла не держал, — протянул Мармотный.

— И давай уговор положим, сделать друг другу добро, — продолжил отец Онуфрий еще ласковее. — Ежели ты от болезни своей малокровной, не дай Боже, помрешь, а я жив буду — самолично по тебе панихиду отслужу. А ты, уж будь так ласков, пусти людишек моих за делами таможенными приглядывать, чтобы жили мы тут ровненько, безо всяких там Платонов…

— И Декамеронов! — тут же вставил отец Пигидий.

— А особливо — Камасутр, — ухмыльнулся Мармотный. — За панихиду — с того свету спасибо скажу. А что до людишек, тут ведь какое дело. Нашим ребятам доляхи малой, что с растаможки взымается, на прожитье едва хватает. Бывает, что прям-таки голодом сидят. А ваши благочинные как на подбор — толстые, полнокровные… искушение ходячее. Всякое может случиться.

Отец Онуфрий *отшарил лыбу,* более напоминающую оскал.

— Всё в руце Божьей, — сказал он. — Сейчас ваши ребята, может, и подголадывают, зато спят спокойно. Потому что в их опочивальню никто им окно не отворит, солнышко в комнату не пустит. А ежели приоткроется то окошко? Хорошо ли спать будут ваши ребятушки?

— И кто же его приоткроет? — подался вперед шеф *ночных.*

— Да еретики какие-нибудь, — пожал плечами Онуфрий. — Вдруг заведется такая ересь, что вурдалаки суть исчадия адские, и истребленье оных все грехи снимает? Сами же говорите — всякое может случиться. Вот и такая ересь учиниться может.

Все притихли. Ни Вячеслав Юрьевич, ни Онуфрий словами зря не бросались.

— Господа, — с отвращением вымолвил Сильвер, — *это просто бездарно!*

За столом затихло совсем: шеф Особой контрразведки словами не бросался тем более.

Тем временем Годунов принял решение. Никаких *представителей на местах* пименовские не получат. Но какое-нибудь символическое утешение, для сохранения лица, им дать можно и нужно.

— Нестроения ваши я вижу, — постановил он. — Но *систему ломать не будем,* — это прозвучало веско и убедительно. —

Однако же для усиления бдительности…

Взял паузу. Отец Онуфрий глядел на него с надеждой.

— …следовало бы учредить *Экспертный совет* из мужей церковных. Чтобы тот совет *вырабатывал методические рекомендации* для работы таможен. Ну, списки там разные… это вот всё. Детализируем в рабочем порядке.

— *Маловато будет,* — с полной откровенностью заявил отец Онуфрий.

В общем-то он был прав. Конечно, Экспертному совету придется что-то отстегивать, но никакого *перераспределения потоков* на этом месте не просматривалось. Реальных козырей, однако, на руках у благочинных не было, а взять нахрапом не вышло.

— Посоветоваться надо, — сдал назад Онуфрий.

— Коли надо — препятствовать не буду, советуйтесь, — великодушно разрешил Годунов. — Ну и, раз возражений нет — объявляю заседание закрытым.

На выходе возникла обычная толчея; участники толковища обменивались напоследок протокольными поклонами и улыбками.

— Сам видишь, Джон: с какими кадрами приходится работать! — уже на лестнице привычно пожаловался Годунов своему окольничему.

— Кадры как кадры, — равнодушно пожал плечами старый моряк, — финансовый вопрос только испортил их.

Тут как раз подрулил отец Нектарий.

— *Белым* не интересуемся? — шутливо поприветствовал их глава *Росдурьконтроля* гнусавым шепотом уличного наркодилера. — Ибо где двое или трое собрались во имя мое, там и я, *Белый,* среди них!

— Вот как? — удивился Сильвер. — Мы цитируем безбожника Невзглядова?

— А… э-ээ… — растерялся тот, но, впрочем, быстро взял себя в руки и попытался перейти в контратаку. — А вам-то самим откуда это знать?

— Отслеживание экстремистских текстов входит в круг моих прямых служебных обязанностей, — любезно объяснил шеф Особой контрразведки. — А вот ваших, насколько мне помнится — нет.

— Не ссорьтесь, друзья мои! — лучезарно улыбнулся Годунов. — Шутка отца Нектария, право же, весьма остроумна. Я, пожалуй, развлеку ею Владыку на предстоящей постной трапезе — посмеемся вместе…

— Нет, нет! — кадык благочинника дернулся, будто тот

пытался проглотить что-то шершавое. — Христом Богом…

Понять его было легко: Владыка имел в народе прозвище «Чесночный митрополит», и к шуточкам на эту тему относился крайне болезненно.

Косяк был крупный, но, тем не менее, духовное лицо было отпущено с миром — за символическую, можно сказать, чисто приятельскую мзду; его счастье, что едва ли не всё руководство Благочиния и без того уже было завербовано Особой контрразведкой…

— Ты где нынче трапезничаешь, Борис Феодорович? — интимно поинтересовался Сильвер. — Я вот вчера саморучно замариновал барашка — дай, думаю, тряхну стариной. И тут вдруг Бог посылает нам, через отца Нектария, толику настоящего кайенского перца: весьма редкостный, между нами говоря, *конфискат!* — с этими словами он подкинул на ладони преизрядного размера «пакетик с порошком кирпично-красного цвета», как принято писать в протоколах нектариева ведомства. — Так что можем соорудить настоящий креольский соус!

Годунов призадумался. С одной стороны, у Пимена ожидались осьминоги в белом вине и *трепанги с жареным луком* — всё строго постное, доставленное из Греции в живом виде. С другой стороны, Арам Мишурян, начальник Мытной избы и большой жизнелюб, зазывал на корпоратив, обещал двадцатилетний армянский коньяк и шашлык по-карски. С третьей — ему очень не хотелось слушать жалобы благочинных (которые всё-таки надеялись на кусочек пожирнее), да и Мишурян наверняка заведет свою *тему* насчет потеснить из нынешних поставщиков Кремля Тимошку Сирдалуда, ибо «есть очен хароший армянский поставщик, мамой клянус, очен хароший!»

Триумвир еще чуток повыбирал между политикой и желудком и решил, что желудок тоже имеет свои права.

— Давай, пожалуй, барашка, — постановил он. — Острые блюда ты готовишь как никто. А с меня вино, фряжское.

Глава 23

Кровь-и-Почва

…О том, что слитая в миску
Богу Солнца людская кровь укрепляет в последнем мышцу;
что вечерняя жертва восьми молодых и сильных
обеспечивает восход надежнее, чем будильник.

Иосиф Бродский

— …Крыша теперь у всех одна, только углы разные. Одни под силовыми чекистами, другие — под либеральными.

— А в чём между ними разница?

— Да из названия же ясно. Силовые чекисты за то, чтобы всё разруливать по-силовому, а либеральные — по-либеральному. На самом деле, конечно, вопрос сложнее, потому что силовые легко могут разрулить по-либеральному, а либеральные — по-силовому.

Виктор Пелевин

«Т»

От сотворения мира лето 7072, августа месяца двадцатого дня.

По исчислению папы Франциска 30 августа 1563 года.

Москва, Лубянка. Штаб-квартира Дозоров.

Ох, тяжела ты, алая скуфейка Господаря — потяжелей, небось, Мономаховой шапки «государя всея Руси Коломенской»… Все сутки напролет в трудах, аки пчела; даже вот улучив минутку на «Господарь трапезничать желает!» — и то нельзя всецело отдаться *процессу* и отрешиться от *работы с кадрами*.

…Ивашка был *обращен* еще в Рождество. Цепеш этого не планировал, просто его замучила подагра и он в ярости перекусал половину личной охраны. *Принял* он тогда прилично и чуть было не *отрубился*. По нынешним временам это было крайне нежелательно, так что пришлось провести неделю на ногах, отпаиваясь копорским чаем с живицей. Покусанные, по понятной

его небрежности, по большей части *ушли в отходы*, нормальным ходом *обращение* пошло у одного Ивашки. Парень был туповат, и Влад поначалу собрался было его *докончить досуха,* но передумал и решил «сыграть в Пигмалиона»: воспитать из мордоворота своего сомельера, сиречь распробщика.

Сегодня был черед пробовать боярина Ромодановского. Ничем тот особо Цепеша не прогневал, просто привлек хорошим цветом лица: *кровь с молоком*.

Боярин уже лежал на обеденном столе — *зафиксированный* и *совершенно готовый к употреблению*.

— О, теплэнкая пашла, — сказал Цепеш, вскрывая артерию и приставляя к ней кровососную трубочку. Снял пробу, подозвал Ивашку.

— Запамынай, — наставлял Влад, передавая ему трубку, — какие бывают грюппы крови. Грюппы крови бывают чэтырэ. Пэрвая сладкая… — он сделал паузу, — втарая с кыслынкой. Трэтья с гарчинкой. И чэтвёртая — прэсная. Ты сэйчас пробуешь вторая грюппа, рэзус палажительный.

— А что такое резус? — спросил Ивашка, облизываясь.

— Нэ что. А — кто. Биль такой фракийский царь. Рэакционэр, канешна. Но изь нашых. Он выпиль кровь Диомеда. Биль такой прагрессывный ахэйский дэятель. Рэзус выпиль его кровь и помэр. Ат атравлэния. Патом врачи узналы, щто в крави бываэт щто-то плахоэ. Вот это плахоэ называют тэпер рэзус-фактор. У такой крови бываэт мэталлычэский прывкус. Его надо апределять сразу. Вот у этаво, — он показал на боярина, бьющегося в путах и пучащего глаза, — всё харашо. Рэзус палажитэльный, пить можна. Вкус акруглий, плотный, с ноткамы горькава мындяля… Тэкстура шэлкавыстая, паслэвкусиэ долгаэ, — Цепеш причмокнул. — Ты пэй, пэй. Глатай.

Не успел толком разобраться с послевкусием (обнаружился очень любопытный и редкий фруктовый оттенок), как — пожалте: «Боярин Шереметьев челом бьет, срочно-неотложно, вопрос жизни и смерти!» Ну, чего у них там, в Трибунале, стряслось? Оказалось — *по личному вопросу*.

Тучный Шереметьев лежал в креслах. Опухшее лицо его было свекольного цвета, под глазами набрякло. Увидев Цепеша, он застонал и простер руки, но встать не смог.

— Батюшка… отец родненький… — залепетал боярин. — Господом Богом прошу… ослобони!

— Я же тэбэ гаварыл, — нахмурился Господарь, — жрат надо мэнше! У тэбя жыр пережымаэт сасуды. Ат таго гыпертония! Найди харошего немецкаго лекаря, пусть он тэбе кровь

отворяет…

— Всё исполнил, батюшка, — плаксиво простонал Шереметьев. — НЕ ТО!.. У меня от ихних ланцетов только башка кружится, а настоящего облегчения нету… Батюшка, ослобони… Век Бога молить за тебя буду…

— Вэк — это нэсерьезный срок… Руку пакажы, — распорядился Цепеш. — Ф-фу, — с отвращением сказал он, понюхав пропитанную кровью тряпицу, — канавалы! Гыгыена — пэрвое дэло. Ладна, — снизошел он и достал трубочку. — Давай шэю.

…Процедура завершилась; теперь боярин стоял на карачках. Видимо, хотел броситься в ноги, но боялся нового прилива крови к голове.

— Спас ты меня! — плакал он. — Я уж думал: всё, кондратий подоспел…

— Щто такое ты жрёш? — брезгливо спросил Цепеш, вытирая губы кружевным платочком. — Аткуда у тэбя в крови этот атврвтытетельный прывкус?

— Всё как положено ем, — заюлил боярин, — пост держу, до мяса не касаюсь…

— Харашё, паставым вапрос иначе. Чэм ты нажыраэшся? — Цепеш сдвинул брови.

— Да водкой… Так ведь водка постная! — простодушно заулыбался боярин.

Вот бестолочи! Хоть кол им на голове теши про *здоровый образ жизни*… Кстати, кол — это никогда не лишне!

В помещение, где шло *производственное совещание*, он зашел так, как никто даже тут кроме него не умел: абсолютно бесшумно и отведя всем глаза «цыганским гипнозом». Скромненько присел с краю, неузнанный даже *обращенными*, и некоторое время безмолвно наблюдал за совершенно базарной перепалкой между Чеснаковым и Мармотным.

— В-в-вы там идиоты или в-в-вредители? — бушевал шеф *дневных*, заикаясь сильнее обычного. — В-в… в-выпускайте его сей же час, иначе в-в-вышибут нас к чертовой м-матери со всех европейских рынков!

— *Простите: не нас, а вас!* — издевательски уточнил шеф *ночных*, а затем рявкнул, демонстрируя, что *блатную истерику гнать* он умеет не хуже оппонента: — Шпион должен сидеть в тюрьме! И будет сидеть!! Я сказал!!!

Речь, понятное дело, шла о Севильском эмиссаре, маэстро Борха — посреднике между тамошней Инквизицией и госкорпорацией *Росмыло*, входящей в структуры Дневного дозора.

Гишпанец доставил в Москву очередную порцию *полуфабриката* для производства чудодейственного мыла RJF с «защищенной торговой маркой», но нежданно-негаданно сам угодил в лубянские подвалы. Арестовала его Служба собственной безопасности Дозоров (подчиненная, естественно, *ночным*), раструбив о «пресечении акта промышленного шпионажа»: богомерзкий кафолик-де пытался украсть технологию производства «православного импортозамещенного RJF». Дело было очевидно высосанное из пальца (поводом для ареста послужил найденный при обыске багажа маэстро кусок «русского RJF», публично презентованный перед тем «зарубежному партнеру» лично главой *Росмыла* Игорем Ивановичем Секачем); именно демонстративной абсурдностью обвинения *силовики* показывали *эффективным менеджерам* — кто в доме хозяин. И таки показали, вполне успешно: Игорь Иванович — петух трижды не кукарекнул! — отрекся от своего подарка, заявив на голубом глазу, будто мыло то и вправду покрадено.

Это был второй уже подряд удар по мыльному бизнесу *дневных*. Незадолго перед тем рухнула сеть *Росмыла* по оптовым поставкам RJF в Немецкие земли, возглавляемая бароном фон Шрёдером. Имперская инквизиция получила неведомо откуда исчерпывающие материалы о деятельности «Мыльного барона» и с торжеством препроводила того на костер. Правда, ту подножку ведомству Чеснакова скорее всего устроили не *ночные*, а годуновская Особая контрразведка, но легче *дневным* от этого не становилось.

…Господарь еще некоторое время полюбовался сварой между присными (услада глаз любого владыки…), а затем обнаружил свое присутствие негромким «Гхм-м!». Он физически ощутил волну ужаса, окатившую *внезапно прозревших* соратников, но ужас этот был особого рода, образующий *алхимический брак* с обожанием и восторгом — вот она, Власть Истинная!

Тяжущиеся стороны взирали теперь на него, Верховного Арбитра, не смея даже неосторожным вздохом приблизить его Решающее Слово. Цепеш внутренне поморщился: сам-то он давным-давно уже пребывал в таких неотмирных астральных высях, откуда вся эта мышиная возня с «европейскими рынками» и «контролем над таможнями» была неразличима вообще.

Что-то сказать на сей предмет, однако, следовало. И он принялся степенно излагать «восточную притчу», тут же сочиняемую им из головы — цветистую, запутанную и совершенно бессмысленную: понимай, как хочешь. Потом взял паузу, на полуслове:

— Мнэ показолос, щто Игор Ивановыч вздохнул. Это правда,

сын мой?

В углу заерзали и прокашлялись:

— Не вздыхал я, Господарь! Как можно…

— Нэльзя, Игор Ивановыч, нэльзя! Правыльно! Всэ сэйчас должны слушат мэня, затаив дыханыэ!

Собственно, всё уже и так сказано: отец не станет принимать чью-то сторону в мелкой ссоре между детьми: непедагогично… Но поскольку сие означает фактическую фиксацию статус-кво, следовало бы выдать уравновешивающий бонус стороне, оказавшейся в слабой позиции:

— Я прачол тваё прэдложэные о *бэзотходном праизводствэ,* — благосклонно кивнул он замкнувшемуся было в своем расстройстве Чеснакову, — Дэльная мисль! Давайтэ абсудым — каллэгыално.

— Да, Господарь! — тут же расцвел тот.

Суть идеи, осенившей Чеснаковских *эффективных менеджеров*, была такова. *Людишки*, после того как из них извлекли подкожный и нутряной жир, необходимый для производства RJF, становятся *отходами*; а ведь это, если вдуматься, тоже — *ресурс*! И чем возиться с теми *отходами*, с бесполезными трудозатратами захоранивая их во рвах, лучше сжигать их в пепел, а пепел тот использовать потом для удобрения полей и огородов — *профит*!

— Добро пропадает! Пепел стучит в мое сердце! — патетически завершил свое выступление шеф Дневного Дозора. Короче, всё сводилось, на самом-то деле, к учреждению еще одной бюджетной кормушки, госкорпорации «Роспепел»…

Господарь, в выжидательном общем безмолвии, задумчиво поиграл своей трубочкой. Все эти «госкорпорации» — хоть *Росмыло*, хоть *Росконопля*, хоть *Ростехно* (там идея была — «Мост между Востоком и Западом»: копировать высокотехнологичный европейский пыточный инструментарий для продажи в Китай, а китайский — встречно — в Европу) были на самом деле убыточны до потрохов, и с чего бы вдруг этому самому *Роспеплу* повести себя иначе? Впрочем, наполняемость госбюджета Московии — не его, Цепеша, печаль, о том пусть голова болит у Годунова; тут важней иное.

Та мудрость, которую европейская наука лишь два века спустя сформулирует на присущем ей языке в виде «Законов сохранения», Цепешу, как *вампиру Прирожденному*, была ведома изначально: «Если где-то убыло — значит, где-то прибыло». Так вот, *Госкорпорации* этот фундаментальный закон природы умудрялись нарушать с легкостью необыкновенной: закачиваемые в них казенные деньги (в каком виде их ни считай: хоть в золоте,

хоть в «энергетических единицах», хоть в «человеко-часах квалифицированного труда») ИСЧЕЗАЮТ ПРОСТО В НИКУДА.

Цепеш изучил этот пугающий феномен всесторонне и досконально. Немало *эффективных менеджеров* по ходу дела умерло под пытками, и сомнений в том, что они выложили всё, что им известно, нет никаких. Ну, и что он в итоге сумел выяснить? Да, в Госкорпорациях — ВОРУЮТ. И да, в Госкорпорациях — ВОРУЮТ, КАК НИГДЕ. Но баланс-то, баланс — дЕбет с крЕдитом — там ВСЁ РАВНО НЕ СХОДИТСЯ!! Львиная доля денег, выходит, просто бесследно растворяется в мировом эфире…

И вот на этом месте Цепеш осознал вдруг, что столкнулся с *алхимической сущностью* и более могущественной, и более неубиваемой, чем даже он сам. И он может рассадить на колья или запытать в лубянских подвалах сколько угодно *эффективных менеджеров*, но каждый из тех, кому достанет предсмертного куража, напоследок рассмеется ему в лицо: «КОРПОРАЦИЯ БЕССМЕРТНА!..»

…Молчание затягивалось.

— Мнэ кажетца, — Господарь как бы подвел черту мановением трубки, — щто *бэзотходное праизводсво* и госкорпорация *Роспэпэл* — это правыльно! Вазраженыя — есть? нэт?… Но ти, Владыслав Юрьевыч, всё-таки прысматрывай за ными, ха! ха!! ха!!!

ДОКУМЕНТЫ — IX

Всю-то ночь горит окошко во Кремле…

> А еще начальник Департамента общественного здоровья, глаза и уши Неизвестных Отцов, броня и секира нации… Папа сказал, жмурясь: «Сотри его с лица земли», Странник выстрелил в упор два раза, и Свекор проворчал с неудовольствием: «Опять всю обивку забрызгали…» И они снова принялись спорить, почему в комнате воняет…
>
> *Стругацкие*

Фильм: «Смерть Цепеша»

Страна: Великобритания, Россия, Трансильвания

Год создания: 2024

Слоган: «Страшно, аж жуть»

Категория / Жанр: 18+ / черная комедия

СЦЕНА 23.

Кремль, кабинет Цепеша.

Глубокая ночь; мертвенно-синеватый свет — достаточный, впрочем, для различения деталей; стол зеленого сукна, на столе — эбонитовый телефонный аппарат с двуглавым орлом на диске.

Каминные часы в углу отбивают 2:00.

Рука неторопливо снимает трубку телефона с гербом; пара-тройка гудков.

Затем экран разделяется надвое; слева — Цепеш, в защитного цвета кителе, справа — очумелый спросонья Чеснаков, в пижаме и ночном колпаке с кисточкой.

Ч: Д-да, Г-господарь!

Ц (любезно): Может, я не вовремя? Мне попозже перезвонить… днем?

Ч (заикаясь еще сильнее): Д-д-д-да, Г-г-г-господарь! Т-то есть — н-н-нет, Г-г-г-господарь!! В-в с-с-смысле… (окончательно теряется).

Ц (сочувственно): Вы, похоже, спали?..

Ч (истово, так, что даже заикание куда-то делось): Я?! Никогда!! Только сейчас… на минутку!

Ц (переходя на деловой тон): Так вот. У меня тут только что был Мармотный. И знаете, что он рассказал? (многозначительная пауза) Что вы — заикаетесь!

(долгая-долгая пауза)

Ч (так и не дождавшись продолжения, сбивчиво): Н-н-но, Г-г-г-господарь… Это же в-в-всем известно!.. И ра-разве в этом что-то?.. (замолкает в обессиленной растерянности)

Ц (чуть нетерпеливо): Да-да, конечно, это всем известно! Но понимаете, в чем штука… Он как-то особенно подчеркивал в вас эту особенность. (после паузы, очень веско): Вы подумайте над этим, пожалуйста!

Отбой: рука в кителе кладет трубку на рычаг, и левая половина экрана чернеет.

На правой половине экрана Чеснаков, в немом отчаянии,

разглядывает онемевшую трубку; потом стаскивает с головы ночной колпак и вытирает им обильно выступивший на лице пот.

Часы отбивают 2:15.

Рука в кителе вновь снимает трубку, гудки.

На левой половине экрана — снова Цепеш, на правой теперь — Дударь-Мармотный. Он в расстегнутом до пупа черном мундире, и то ли пьян, то ли *под веществами*; на заднем плане, нарочито не в фокусе, творится что-то порнографическое, с соответствующим звуковым сопровождением.

М: Да, майн Господарь! Мармотный здесь!

Ц (иронически): Я вас, кажется, отвлекаю? Мне попозже перезвонить?..

М (трезвея на глазах): Майн Господарь! Я всегда на стрёме… тьфу, на страже! (полуобернувшись назад и прикрывая трубку рукой, страшным шепотом): Нахер все отсюда, резко!! (позади послушно пустеет)

Ц (переходя на деловой тон — дословно и с теми же интонациями, что в предыдущий раз): Так вот. У меня тут только что был Чеснаков. И знаете, что он рассказал? (многозначительная пауза) Что вы — отрицаете бессмертие души, да еще и прилюдно!

(долгая-долгая пауза)

М (теперь протрезвев окончательно): Но, майн Господарь… Это же всем известно!.. И, какбэ, никогда не служило поводом… (выжидательно замолкает)

Ц (чуть нетерпеливо — опять дословно и с теми же интонациями): Да-да, конечно, это всем известно! Но понимаете, в чем штука… Он как-то особенно подчеркивал в вас эту особенность. (после паузы, очень веско): Вы подумайте над этим, пожалуйста!

Отбой, трубка на рычаге, «цепешева» половина экрана черна.

Мармотный сидит стиснув трубку так, что в аж пальцы побелели. Потом произносит, с кривой ухмылкой: «Никак, Папа в *подсвечники* решил податься? Матери-церкви *отлизать*?» И сразу видно при этом, что ему — нифига не смешно…

На часах — 2:30.

Новый звонок. В правой половине экрана — рабочий кабинет Игоря Ивановича Секача. Он одет в китель «Цепеш-стайл»; видно, что он только что разбужен звонком, а до того — сторожко кемарил, не раздеваясь, на кожаном диване в углу кабинета.

С: Секач на проводе! Слухаю, Господарь!

Ц: Не разбудил?

С (нагоняя на себя вид «молодцеватый и придурковатый», согласно уставу): Никак нет, Господарь! Бдим-с!

Ц (доверительным тоном): У меня тут только что были Чеснаков с Мармотным. И знаете, что они рассказали? (многозначительная пауза) Оказывается, от госкорпорации *Росмыло* казне одни убытки!

(долгая-долгая пауза)

С (запинаясь): Но, Господарь!.. Убыточность *Росмыла* всем известна, оно так и запланировано!.. Но я-то — верой-правдой!..

Ц: Да-да, конечно, это всем известно! Но понимаете, в чем штука… Они как-то особенно подчеркивали ваш *личный вклад* в эту самую убыточность. (после паузы, очень веско): Вы подумайте над этим, пожалуйста!

Отбой.

Секач сидит с помертвевшим лицом. Медленно выдвигает правый ящик стола и изучает взглядом хранимый там револьвер.

Кабинет Цепеша: общий план. Его хозяин неспешной походкой подходит к часам; на циферблате — 2:45.

Ц (задумчиво, в пространство): Кому бы еще пожелать спокойной ночи?

Глава 24

Храм-на-Крови

А именно: ежели имеется в виду статья закона или хотя начальственное предписание, коими разрешается считать душу бессмертною, то, всеконечно, сообразно с сим надлежит и поступать; но ежели ни в законах, ни в предписаниях прямых в этом смысле указаний не имеется, то, по моему мнению, необходимо ожидать дальнейших по сему предмету распоряжений.

Салтыков-Щедрин,

«Современная идиллия».

— Там упоминаются реки Вавилона, сэр, — ответил капеллан. — «…И мы сидели и плакали, вспоминая Сион».

— Сион? Забудьте об этом немедленно. Вообще непонятно, как он попал в молитву. Нет ли у вас чего-нибудь веселенького, не связанного ни с водами, ни с юдолями печали, ни с господом? Хотелось бы вообще обойтись без религиозной тематики.

— Весьма сожалею, сэр, — проговорил виноватым тоном капеллан, — но почти все известные мне молитвы довольно печальны и в каждой из них хотя бы раз да упоминается имя божье.

— Тогда давайте придумем что-нибудь новое. Мои люди и так уже рычат, что я посылаю их на задания, а тут мы еще будем лезть со своими проповедями насчет господа, смерти, рая. Почему бы нам не внести в дело положительный элемент? Почему бы не помолиться за что-нибудь хорошее, например за более кучный узор бомбометания?

Дж. Хеллер

«Уловка-22»

От сотворения мира лето 7072, августа месяца двадцатого дня.

По исчислению папы Франциска 30 августа 1563 года.

Москва, Чистый переулок и Преображенская слобода.

Иеромонах Пантелеймон — доверенное лицо архимандрита Дометия, начальника канцелярии Его Святейшества — наблюдал из некоторого отдаления, как патрон его (не без оснований причисляемый московской молвой к «светлым силам реакции»), спустясь с крыльца Пименовой резиденции, обратился к созванным сегодня на митрополичье подворье московским архиереям и *приглашенным с мест*: «Святые отцы! Его Святейшество распорядился начинать без него!», а затем, игнорируя растерянное такой *постановкой вопроса* священноначалие, нашарил глазами Пантелеймона и подал тому знак подойти:

— Надо их пока чем-нибудь занять. Организуй.

— А где Сам?..

— К начальству срочно вызвали, *под зубцы,* — и архимандрит раздраженно кивнул в направлении Кремля.

— У них там, *под зубцами*, опять что ль *концепция поменялась?* — уточнил Пантелеймон.

— Похоже на то…

Вопреки тому, о чем дружно судачили в околоцерковных кругах, спешное учинение на Руси патриаршества продвигал сейчас вовсе не Пимен, а сам Кремль. Русская церковь и без того была де-факто автокефальной еще с 1448 года, когда собор русских епископов избрал митрополитом Иону Рязанского без благословения Константинопольского патриарха, а затем отказался признать Флорентийскую унию. После падения Царьграда султан распорядился избрать *ручного* патриарха, без филиокве, но для Москвы, окончательно высвободившейся к тому времени из-под контроля Орды, все эти теологические хитросплетения были уже малоинтересны.

Формальную же автокефалию можно было теперь, при нужде, обрести в любой момент — хоть купить (причем по дешёвке…), хоть просто — *взять по беспределу*. Но когда Иоанн возвысил архиепископа Новгородского Филиппа до митрополита, получив на то благословение Константинополя через голову Москвы, а тот затеял свою церковную реформу, пригласив ученых греков для исправления богослужебных книг, Москве ничего не оставалось, кроме как *перешибить новгородскую карту старшим козырем*: обзавестись собственным, *суверенным*, патриархом. Это на самом деле создавало кучу канонических проблем, совершенно Церкви не нужных — но ее мнения тут особо не спрашивали.

Заседание пришлось начать с обсуждения приключившейся

давеча *пиар-катастрофы*, спровоцированной опять «богохульником и охальником Глебкой»: Пимен, с большого ума и вгорячах, отлучил, наконец, того от Церкви — хоть Владыку и отговаривали всем синклитом. Невзглядов нежданным-негаданным подарком распорядился мастерски: объявил, что почитает за честь отлучение от той Церкви, где причащают не Христовой кровью, а свеженькой человечьей — и переходит-де под омофор митрополита Новгородского.

Фразочка широко пошла в народ, и *закрытые соцопросы*, проведенные по кабакам, ясно показали, что у народа того скандальный скоморох в большем авторитете, нежели «Чесночный митрополит». Дали, конечно, поручение Консистории насчет *контр-пиара*, но все понимали, что дело дохлое: финансирование опять *распилят*, на остатки выродят пару-тройку антиневзглядовских кричалок для малолетних обормотов из организации «Божья Сила» — на чем всё и закончится.

Затем митрополичий местоблюститель отец Иона выступил с *лекцией о международном положении*: «А ЧО ТАМ У ЛИВОНЦЕВ?» По нынешнему времени всё это были совершеннейшие *разговоры в пользу бедных*: поскольку Пимен почти сразу, еще в 1552-м, по приказу из Кремля анафематствовал *лидеров новгородских сепаратистов*, Иоанна с Филиппом, все дальнейшие средства церковного воздействия на ситуацию были разом исчерпаны. Ну поменяли недавно *официальное титулование* Иоанна московской пропагандой с «Ливонского вора» на «Ливонского антихриста» («Получил повышение по службе», как посмеивались в Консистории) — и что с того проку?.. Филиппу, кстати, хватило ума до ответной анафемы не снизойти.

…И тут вдруг, ни с того ни с сего, восстал с отведенного ему места в задних рядах (именно *восстал*, во всю свою медвежью стать!..) и загремел (именно *загремел*, колокольным своим басом!..) один из *приглашенных*:

— «Чо там у ливонцев», грите? Вы лучше окрест себя гляньте, Владыко — чо тут у вас, у масквичей, творится! Как вы тут всю Русь норовите человечьей кровью причастить!.. — и понес, и понес по всем кочкам, «жидовского мыла для срамных девок» не минуя…

В первые мгновения архиереи попросту растерялись. Ход мысли каждого из них был примерно таков: «Это *чей человек* и *кто санкционировал* эдакий *наброс*?.. А главное — кто *реально стоит* за этой *многоходовочкой*? Уж не Сам ли?? — для того, вишь, и отлучился, *внезапно*!..» Ну, а дальше оказалось *поздняк метаться*: за ту, подаренную ему, толику времени проповедник полностью *овладел аудиторией*, ибо *глаголом жечь* у него и

вправду выходило не хуже, чем у библейских пророков.

— Это протопоп Гермоген, я не путаю? — в четверть голоса, на ухо, осведомился у Пантелеймона архимандрит. — Где ты откопал это сокровище?

— В Ярославле, — убито ответствовал иеромонах, окидывая мысленным взором руины дальнейшей своей карьеры.

— *Фактурный персонаж*, ничего не скажешь… — усмехнулся Дометий.

Что верно, то верно: видом — совершеннейший медведь, гневно подъявшийся на дыбы, гласом — и вовсе звероподобен, ликом и очами же — просветлен неотмирно: хоть прям сейчас — в горящий сруб, за Веру и Правду!

— Ты, главное, вот что уразумей, сын мой, — продолжил Дометий, еще понизив голос и натягивая при этом на лицо благостную улыбку. — Ежели это был просто твой недосмотр — «*Упустили Болтуна*», нам с тобой точно костей не собрать, обоим. Так что лучше уж пусть это будет наша *многоходовочка* — попробуем выдать нужду за добродетель…

— Прикажете *убрать* его, Владыка? — растерялся Пантелеймон.

— Убрать?? Ты в своем ли уме?! — тяжко воззрился на него архимандрит. — Куда его теперь уберешь — *публичную персону*? Икону страстотерпца из него слепить для низшего клира и мирян? — и подытожил, после краткой паузы: — То есть *убрать*-то его, конечно, необходимо — но убрать *в хорошем смысле*!

Тут как раз начало скапливаться вокруг них церковное начальство, предводительствуемое отцом Амвросием с отцом Нектарием. Хорьковая мордочка шефа *Росдурьконтроля* была изрядно перекошена: его ведомство, с *крышуемым* ими «больничным бизнесом» по «лечению *малокровия*» и необъятными делянками для выращивания запретного чеснока «в медицинских целях» удостоилось особо ярких инвектив из уст новоявленного златоуста.

Накат той волны отец Дометий встретил бестрепетно:

— Святые отцы! Намедни Его Святейшество, как все вы помните, кручинился: дескать, «Мы совсем не знаем страны, в которой живем», конец цитаты. И возжелал узнать-таки — а что там реально думают *на местах*? Пошутив в присущем ему стиле: «Мы тут остро нуждаемся в *притоке свежей крови*»… Ну, так и вот вам: ЧТО — РЕАЛЬНО — ДУМАЮТ — НА МЕСТАХ; прямо из уст этой самой «свежей крови»! Вон, гляньте, — и он кивнул туда, где высился Гермоген, в окружении восторженно столпившихся вокруг него *приглашенных*. — Так что — *вы подумайте над этим, пожалуйста!*

Засим он, развернувшись на каблуках, двинулся сквозь оцепеневшую от такой неучтивости толпу иерархов прямиком к ярославскому пророку *in statu nascendi*.

— Так он, выходит, *твоя креатура*, отец Дометий? — растерялись позади.

— Нет, — со всей возможной язвительностью процедил архимандрит, через плечо, — это он сам по себе, взял вот и вылез!

— Понятненько…

К мятежному протопопу же Дометий обратил *слово золотое, слезами политое*:

— Низкий поклон тебе, отче, за слова горькой правды, столь редко звучащие ныне в этих палатах! Зрю — сохранила Церковь наша живу душу, и не оскудела храбрецами Русская земля! Истинно говорю тебе, отче: ждет тебя подвиг веры, и лишь тебе, вижу я, он по плечу. Молим тебя: заступи на место брата нашего, убиенного исчадиями адскими, кровоядными! Иль убоишься ты, сказавши: неподъемна мне ноша сия?

— Эк вы его *на слабО развели*, Владыка! — потрясенно взирал на патрона Пантелеймон. — И с Преображенской слободой всё разом утряслось: две шкурки с одной кошки!

Сплавить мятежного Гермогена полковым попом в Преображенскую слободу, к Шестопаловским стрельцам (вместо того, чтоб законопатить его в дальний монастырь или вообще сжечь как еретика), и вправду было решением превосходным: и Пименов авторитет не пострадал, и *перспективный кадр* уцелел.

Место Преображенского попа оказалось вакантным в результате прискорбного инцидента. Гермогенов предшественник на том посту, отец Фаллопий, неосторожно *вступил в сношения* с упырями (*комиссарами*, прикомандированными к войску Дозором), причем «в сношения» — в обоих смыслах. Во-первых, он сливал *комиссарам* всё, почерпнутое на исповедях. Во-вторых, он, отдавая должное *традиционным*, так сказать, *нетрадиционным отношениям* (старой-доброй педерастии), открыл в себе еще и наклонность к садо-мазо играм — ну и *доигрался*. Его постоянный партнер, начальник Преображенской спецчасти Клишок, однажды *разыгрался* до потери над собою контроля, ну и *докончил* Фаллопия *досуха*…

Найти ему замену не могли уже вторую неделю: московское священство в ответ на предложения дружно хихикало: «По деньгам-то место завидное, спору нет, но — *кусается*!» Так что *провинциал* с огнем жертвенности в очах подвернулся как нельзя кстати.

* * *

Архимандритов возок доставил Гермогена в Преображенское, где были расквартированы Шестопаловские «полузащитники Отечества», когда уже смеркалось; выгрузил у околицы, и быстрей поворотил обратно. Никем не встреченный, протопоп легко вскинул на плечо немалый сундучок свой с облачениями и богослужебными книгами («Всё свое ношу с собой») и подозвал прохожего стрельца: «Ну-ка, служивый, отведи батюшку к постОю!»

Служебное жилье, где квартировал прежде злополучный Фаллопий, ожидаемо встретило его *мерзостью запустения*. Гермоген, вздув лучину, засучил рукава рясы и принялся за приборку, на первый случай. Он как раз засовывал в печку подарочное иллюстрированное издание «Камасутры» (явно из Непотребнадзорского *конфиската*), когда внутренний голос скомандовал: «Обернись!»

Визитер вошел бесшумно, и удивляться той бесшумности никак не приходилось.

— Дозорный комиссар второго ранга Клишок, начальник Спецчасти, — представился упырь по всей форме. — А тебя, стало быть, на замену отцу Фаллопию прислали… Так-так… Какой ты, однако, большой и сильный! — промурлыкал он, скользнув томным взором по атлетической протопоповой фигуре. — С тобой мы ведь тоже подружимся, м?

— Отож! — встречно ухмыльнулся всей рожею Гермоген. — Я тутошнее хозяйство оглядел — так *деревянные члены*-то, небось, *в Химках покупаете*? А вот это — не сойдет ли? — и с этими словами он легко перекинул с руки на руку четвертушку осинового полена.

— Фу, какой ты грубый… — огорчился комиссар («комиссарина дозорный», как величают эту публику в войсках — от «волчины позорного»). — Ну, стало быть и отношения у нас с тобой будут чисто служебные… РапортА по исповедям будешь мне представлять по субботам — ну, ежели чего срочного не узнается, усёк?

— С какой это стати? — простодушно удивился протопоп.

— То есть как это — «с какой стати»? — остолбенел упырь. — Ты вообще соображаешь, на что залупаешься?

— У тебя, комиссар, свое начальство, а у меня — свое. И я таких приказов — чтоб с числом-подписью — не получал, усёк?

— Да я тебя!.. Да я тебя!.. — дар речи покинул комиссара на добрых полминуты. — *Вычеркиваю*!!

Глава 25

Царь-тряпка

Царь не ведает вовсе державенных бразд,
ибо робок и, видимо, разумом скуден,
но однако же съесть за обедом горазд
горы грубой еды из немытых посудин.
Как нажрется — уходит поспать на печи,
гости громко храпят, ну а слуги притихнут.
Смотрят сны среди белого дня москвичи
Воеводы, конюшие, нищие дрыхнут.

Евгений Витковский,

«Джайлс Флетчер. 1588»

От сотворения мира лето 7072, ноября месяца седьмого дня.
По исчислению папы Франциска 17 ноября 1563 года.
Москва, дворцовое село Коломенское.

Алексей Федорович Адашев, царский постельничий, явился к месту своей службы, без обиняков именуемого на Москве «потешным Двором», ближе к обеду. Собственно, как раз благодаря репутации этого никчемного места ему и удалось, не привлекая ничьего внимания, исподволь собрать здесь осколки старопрежней Избранной рады.

Однако каждый раз, вспоминая о тех золотых днях конца сороковых, он ощущал полынную горечь: всё, что тогда грезилось им в светлых мечтаниях о Прекрасной Руси Будущего, Иоанн отстроил-таки в своей Ливонщине, въяве и вживе — без них и против них… Да, тогда, в 52-м, они с Сильвестром трагически *не угадали*, а цель, выходит, *не оправдала средства*; средства же были ужасны, и скорбный взор царицы Анастасии, прижимающей к груди младенца, по сию пору преследует его в ночных кошмарах: *мальчики кровавые в глазах*…

Перекрестясь на церковь Вознесения Господня, Адашев взошел на дворцовое крыльцо. Коломенский дворец был велик и построен, что называется, «на вырост». Некий *иностранный военспец* писал в своем отчете, что «для захвата дворца потребуется отряд в полторы тысячи человек»; это было, конечно,

безбожным преувеличением, однако совсем уж беззащитен Двор не был. Стражу при нем теперь несли стрельцы, подчиненные воеводе Ивану Федоровичу Мстиславскому, давнему Адашевскому соратнику по Избранной Раде, и эта замена охраны увенчала одну из самых сложных и важных интриг царева постельничего.

О том, что царь Владимир вовсе не такое ничтожество, каким старательно прикидывается, знали, помимо самого Адашева, буквально двое-трое его единомышленников, которых теперь смело можно было бы аттестовать уже и «заговорщиками». Несчастный парень, возведенный на престол против воли и ежечасно могущий разделить участь своей загадочно умерщвленной матери — что ему еще оставалось, кроме как изображать слабоумие на религиозной почве? А вот к Адашеву он отчего-то проникся доверием, и возводя того в чин постельничего, шепнул ему на ухо: «Я безумен, только когда ветер с северо-востока!» Впрочем, в планы свои заговорщики-*монархисты* Государя не посвящали, ибо помочь им он всё равно ничем не мог.

Здешний дворец был битком набит всякого рода богомольцами, юродивыми, странницами и иными *людьми Божьими*: здесь их привечали с редкой для Москвы охотою (а Адашев с некоторых пор стал рассматривать эту публику еще и как *ресурс*). Имело это и оборотную сторону: так, прибившийся недавно к Коломенскому святой старец (впрочем, о святости сей известно было лишь с его собственных слов) Григорий Распутин приобрел изрядное влияние на женскую половину «потешного Двора» — что крайне не нравилось *монархистам*. Этот повсюду таскал при себе парсуну с ликом некого бородатого мужа, чем-то и вправду с ним схожего, и представлялся, как-то по-нерусски расставляя ударения: «Аз есмь РаспутИн, и изобрАжен дважды!»

Продравшись сквозь ароматы, источаемые сонмами *богоносцев*, Адашев проследовал в укромный покой, где его ожидали уже лидеры монархистского заговора — те самые былые соратники по Раде: воевода Мстиславский и князь Дмитрий Иванович Курлятев-Оболенский. Разговор нынче предстоял серьезный.

— Други мои! Пора действовать, — начал он без обиняков. — К счастью для нас, ни Кремль, ни Лубянка, ни Чистый переулок не воспринимают наше Коломенское сколь-нибудь всерьез и опасности отсюда не ждут. Это дает нам некоторую свободу рук — но долго такое благолепие не продлится… И, кстати, Распутин: этого надо *ликвидировать* немедля; черт его душу знает, чей он шпион, но нам он тут сейчас — точно *лишний*!

Конец Третьей части

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Полёт валькирий

Скорость пули при низкой температуре
сильно зависит от свойств мишени,
от стремления согреться в мускулатуре
торса, в сложных переплетениях шеи.

Иосиф Бродский

«Стихи о зимней кампании 80-го года»

«Отныне вся вражеская агентура, выполняющая задачи коммандос в Европе или в Африке и участвующая в боевых действиях против немецких войск, независимо от того, носят они военную форму и оружие или нет, действуют на поле боя или в тылу, подлежит истреблению до последнего человека».

Секретный приказ фюрера «Об особом обращении с коммандос» от 18 октября 1942 года

Потушили — остывай,
устрашили — не встревай,
задушили — истлевай,
Выжил — не гордись.

Михаил Щербаков,

«Полет валькирий»

Глава 26

Не впервой доставать из грядущего

Давали мне кофе, какао, еду,
Чтоб я их приветствовал: «Хау ду ю ду!»
Но я повторял от зари до зари:
«Карамба!», «Коррида!» и «Черт побери!»

Высоцкий

«Песня попугая-пирата»

По исчислению папы Франциска 14 декабря 1563 года.
Иван-Город, временная резиденция Его Царского Величества.

— Значит, они в Москве и уже обустроились?

— Так точно, Государь. Внедрение прошло в высшей степени успешно, стучу по деревяшке! — с этими словами Джуниор пару раз коснулся кулаком лба. — Весьма заинтересовали собой и Кремль, и Лубянку, и Знаменку — в точном соответствии с планом.

— Отлично. Мне сдается, Джон Артурович, — с этими словами Иоанн обернулся к третьему участнику совещания, — что *английским союзникам* самое время открыть хотя бы часть своих карт. Что вам вообще известно про *нашего зеленого друга* — он ведь зеленый, да?

Ди кивнул:

— Да, Ваше Величество. Этот вид попугаев называют «солдатский ара — *Ara militaris*»: как раз за его зеленое «обмундирование». Живет он в горных джунглях Нового Света, от Мексики до Перу — там, видать, и попался иезуитам. Живут эти создания очень долго: насчет якобы «трехсот лет» — сомневаюсь, но что глубоко за сто — факт.

— А как и когда вы догадались — *с чем* имеете дело?

— Подозрения-то возникли сразу, едва мы вслушались в его болтовню. Набраться всех этих премудростей ему было просто-напросто неоткуда и не от кого. Прежние хозяева его, иезуиты, как выяснилось, вообще пропускали все эти технические описания мимо ушей: их интересовали одни лишь *подсказки* по *социальным практикам* грядущего — если так можно выразиться,

гуманитарные технологии… А потом мы заинтересовались — что это за такой «Кр-ратер Р-риччи», постоянно им поминаемый? Так вот: иезуит-миссионер Риччи есть, а вот кратера его имени на Земле нету — это я вам говорю со всей ответственностью, как эксперт-картограф! *Нынче* нету, во всяком случае — на *нынешней* Земле… Ну а потом совсем уж какие-то странные слова пошли: «контр-ррамоция», «фр-рранклины, фр-рранклины!» и какой-то «Лар-рри Флинт»; ну, Флинтом его и нарекли.

— А на каком, кстати, языке он болтал? — спросил Джуниор.

— В том-то и дело, что — на всех! И на каждом — разное. В точности как испанский король Карл V, пребывая на должности императора Священной Римской империи: «По-немецки я говорю с врагами, по-французски — с друзьями, по-итальянски — с дамами, а по-испански — с Господом». Так вот, по немецки он явно разглашал какие-то детали военной стратегии и тактики пехотных подразделений: то «Блицкр-ррриг!», то «Ди эр-ррсте колонне мар-ррширр-ррт!», и всё в таком роде. По-итальянски шли трансляции каких-то пьес: то любовная история в Вероне, то проделки еврея-ростовщика в Венеции… я на всякий случай всё это записывал — вдруг кому пригодится? По-испански мы ничего от него не добились, кроме «Кар-ррамбы» и «Кор-ррриды». А вот вся *техническая документация* — и весьма обширная — шла на английском.

— И давно началась эта… *протечка из будущего*? По вашим оценкам?

— Да порядком — никак не меньше дюжины лет. Это можно отследить по документам Ордена: источник тех *социальных практик* из будущего они, разумеется, не афишировали, а вот их описания — ничуть.

— А что за практики? — заинтересовался вдруг Иоанн. — В смысле — точно ль они из будущего?

— О-о, Ваше Величество… — вздохнул доктор. — Там такие практики, что и рассказывать-то о них *профессиональному монархисту*, вроде вас, боязно! Причем излагаются они *в одном флаконе*, с пошаговой инструкцией по их реализации и с предупреждениями о возможных сбоях — так, будто это эти ошибки уже кем-то когда-то совершались…

— Ну, например?..

— Ну, например: признание источником права вообще и государственной власти в частности «воли народа как целого». Непротиворечиво выводимое из постулата о свободе воли, отрицающее «божественное право королей» — с аттестацией *тираном* того государя, что попирает означенную «волю народа» — и венчаемое учением о главенстве «прав человека — human

rights».

— А кто ж определять-то будет — попирает тот государь «волю народа», али нет? — прищурился Иоанн. — В случае, так сказать, *конфликта интересов*?

— Папа, разумеется, — развел руками Ди. — Ибо его-то власть — для них по-прежнему от Бога.

— Вот я так сразу и подумал, — удовлетворенно кивнул Государь. — Нет, это нам не подойдет ни под каким видом — хотя сама идея любопытная, нельзя не признать. Царственная сестра моя Елизавета, надо полагать, пришла к тому же выводу?

— Разумеется, Ваше Величество. Но эти записи…

— …говорят о том, что в будущем нечто подобное возможно, это я уже понял. Но довольно долго Высшие Силы — назовем их так… — никакой особой тревоги по части этой *протечки* не выражали?

— Именно так. Ничего по-настоящему тревожного в возмущениях мирового эфира и ходе небесных светил — как я *считываю* их *моими методами* — всё это время не наблюдалось. Судя по всему, знание как таковое те Высшие Силы опасным для себя не находят. Представления о «народе как источнике права» и «правах человека» (пока это всё отвлеченные теории), или проектирование мощного социального лифта через систему внесословного светского образования, независимого от местных властей (пока это лишь планы на будущее) — их не волнуют. Равным образом не волнует те Силы вообще всё, что творится *на краю Ойкумены*, вне *цивилизованного мира*: ну, отрабатывает Орден модели грядущей *социально-коммунальной республики* на Парагвае (слава Богу, хоть нашли под те эксперименты *страну, какой не жалко*); ну, проповедует Слово Божье аборигенам заморских стран на их родных языках, переводя Библию на японский и санскрит, к ужасу и негодованию Святого Престола — это пускай! Но вот когда те предсказания начинают реально корректировать ход истории в Европе…

— И как вы это обнаружили?

Ди некоторое время молчал, явно взвешивая на мысленных весах былые «подписки о неразглашении» с нынешним своим правом действовать «Именем королевы» в текущей операции «Валькирия», и наконец ответил:

— Когда мне удалось верно расшифровать кое-какую болтовню *нашего зеленого друга* и предотвратить тем покушение на Ее Величество; покушение, которое имело все шансы на успех, и которое Служба едва не прошляпила… Чтобы передать то предупреждение вовремя, мне пришлось нарушить инструкции — вот так же, как я нарушаю их сейчас.

Чуть помолчал и продолжил:

— Всё предшествовавшее тому время я, на пару с Ларри Флинтом, провел вне Англии, на крейсирующих в Атлантике кораблях Королевского флота: «Море верней земли», знаете ли… Мы сочли это единственным способом гарантированно уберечься от агентов Ордена, методично обшаривающих всю ту землю в поисках *блудного попугая*… Я отдал тогда приказ немедля следовать в Лондон; успеть-то мы успели, но Высшим Силам — судя по упомянутому поведению небесных светил и мирового эфира — это крайне не понравилось…

— «Дело Гринвичского арбалетчика», когда Службе в самое последнее мгновение «пришли два туза в прикупе»? — чуть подался вперед Джуниор, и Ди нехотя кивнул: «Да, оно самое».

— Если мне не изменяет память, — обронил Иоанн, — Гринвичское покушение было организовано как раз иезуитами. По благословению Папы: тот, небось, причислил мою царственную сестру к «тиранам», ибо та — «попирает волю народа»? Отличный арбитр при «конфликте интересов»!

— Именно так, Ваше Величество, — криво усмехнулся Ди.

— Ладно, вернемся к делу — к *нашему делу*. Итак, в Лондоне вы его тогда потеряли: Флинт улетел от вас к своему прежнему хозяину — «Человеку-серебро»…

— К капитану Джону Сильверу, да; он не то чтобы «хозяин», но сейчас это неважно. Я катастрофически недооценил тогда силу и длительность возникшей между ними *астральной связи* — хотя сам же ту связь и сформировал. Предполагалось, что без моей *подпитки* связь та быстро угаснет, но… мой прокол, *mea culpa*.

— А как такая *астральная связь* формируется? Хоть в общих чертах? — заинтересовался Иоанн.

— Долго объяснять, Ваше Величество — помотал головою Ди, — а главное — небезопасно всё это для непосвященных, уж поверьте специалисту…

— *Звезды Саад-аз-Забих*, понимаю, — усмехнулся Иоанн. — А если серьезно? Мы вовсе не претендуем на то, чтобы *союзникам* вы открыли — *всю правду*. Отрывайте *часть*, ради бога, но — *правды*! Без вот этой всякой мистики-каббалистики, лады?

— Я ничего не хочу сказать, Ваше Величество, но «*Это — работает*», реально работает, — развел руками алхимик. — Мне удалось тогда, в Америке, переманить Ларри Флинта у иезуитов, *подсадив* его на *астральную связь* с «Человеком-серебро», и я надеюсь сейчас повторить этот фокус в Москве. Только в Москве будет куда сложнее: там придется переманивать птичку от одного «Человека-серебро» к другому, новому…

— Да уж, куда как сложнее, — мрачно откликнулся

Джуниор. — Учитывая, что тот ваш «Человек-серебро» нынче возглавляет одну из тамошних спецслужб, а наш — был некогда той сАмой Службой разоблачен и схвачен по ходу секретной операции… Мы строим расчет на том, что как раз это и поможет Бонду с Серебряным *подойти* к Сильверу — с Флинтом, — но вот сумеют ли они потом, даже при удаче, *отскочить* прочь…

Доктор красноречиво развел руками, всем своим видом давая понять: я, ребята, в оперативной работе не спец, и лезть со своими советами под руку к профессионалам не намерен, мое дело тут — «всякая мистика-каббалистика»…

— Я правильно понимаю, доктор, — уточнил начразведки, — что оба наши «Человека-серебра» сами понятия не имеют ни о каких *астарльных связях* и ведать не ведают, что всё дело в *магии имени* — их имени?

— Даже не подозревают, — кивнул чернокнижник. — Ваш Серебряный *задействован втёмную*; Бонд же полагает, что попугай прилетит на некую химическую приманку.

— А у меня к вам встречный вопрос, досточтимый spy-master, — продолжил он. — Самое для нас страшное, о чем и думать не хочется — это если два «Человека-серебро» стакнутся между собой на предмет *совместной эксплуатации* нашего крылатого оракула; вот уж тут точно — всему конец, необратимо и безвариантно. Эта его Ирина… вы… вы — уверены, что *этого хватит*?

— Да, уверен, — отрезал Джуниор. — А вам мы ее передали, «на ответственное хранение» за двумя морями, именно затем, чтоб у него даже фантазий никаких не возникло *на эту тему*…

Иоанн, как казалось, прислушивался ко всем этим *оперативным деталям* вполуха, сосредоточенно делая какие-то пометки на листе бумаги.

— Скажите-ка нам еще вот что, доктор, — прервал он упавшее после Джуниоровой реплики молчание. — А что вам рассказывали о настроении Высших Сил все эти ваши *звезды Саад-аз-Забих* и прочие *дрожания мирового эфира* по ходу перемещений капитана Сильвера? Ну, исходя из того, что с Ларри Флинтом он с той поры не расставался.

— Впечатление такое, будто у тех Высших Сил наблюдались странные перепады настроения. Чудесное спасение Ее Величества в Гринвиче в их планы явно не входило, и они буквально пришли в ярость; кстати, у моего французского коллеги Нострадамуса — а он неплохо, надо признать, умеет улавливать те движения мирового эфира — возникло тогда то же самое впечатление: Миру Сему — конец, и совсем скоро. А потом на некоторое время всё более-менее успокоилось.

— Благодаря нашему *бравому отставному капитану*?

— Наверняка. Вообще-то понять его можно: Родина обошлась с ним по-свински. В том бою, когда нам достался Ларри Флинт, сам Сильвер потерял ногу. Из флота его, понятно, списали, пенсию дали копеечную: в капитанском звании он прослужил совсем недолго. В Лондоне бедствовал, перебиваясь случайными заработками; сошелся с антильской негритянкой — хозяйкой ресторанчика креольской кухни в Ист-Энде… Ну а попугай принялся давать ему подсказки насчет игры — в карты и на скачках — и тут капитановы дела резко пошли в гору. А потом он вслушался в «не относящуюся к делу» — то бишь к игре — болтовню Флинта и пришел в ужас: понял, какого уровня госсекреты попали в его бедные уши… Ну а насчет *благодарности Родины* ему всё и так уже было понятно.

— Вы бы его ликвидировали, если б нашли?

— Такого рода решения принимаю не я, — дипломатично ушел от ответа алхимик и продолжил. — Сильвер ударился в бега. Ему было ясно, что за ним станут охотиться и наша Служба, и иезуиты. У обоих — весьма *длинные руки*, и на свете не так уж много мест, куда те руки не дотянутся…

— И одно из них — Московия!

— Да. Он явно хотел лишь отсидеться там, тихо-мирно используя предсказания попугая для сугубо личных нужд, а по части государственной карьеры у него и мысли не было. Но вот — попал-таки в поле зрения Годунова и очень быстро продвинулся в шефы его личной спецслужбы; как утверждают местные: «Сей повар готовит весьма острые блюда» — *креольские*, надо полагать…

— И вот на этом месте Высшие Силы вновь возмутились, и *эфир взбурлил*?

— В том-то и дело, что нет! Тут опять, по всей видимости, тот самый вариант: Высшие Силы не интересуются *протечками из будущего*, если те *вне пределов Цивилизованного мира* — а Московия как раз вне, вместе со всякими там Америками-Япониями.

— Но совсем недавно всё вдруг началось по новой, как тогда — после Гринвичского покушения?

— Даже хуже, чем тогда. Сильвера мы к тому времени уже отследили: он, конечно, не публичная персона, но в Москве не так уж много одноногих англичан, не расстающихся с зеленым попугаем. Добраться до него, чтобы отобрать *нашу прелесть*, мы даже и не пытались: руки коротки, да-с… Но в новых обстоятельствах, когда стало ясно, что Мир сей — на волоске от гибели и терять уже нечего, ваша царственная сестра, Ваше

Величество, повелела начать операцию «Валькирия». Ну, дальнейшее вам известно.

— Любопытно… — задумчиво произнес Государь. — Картина этих странных «перепадов настроения» Высших Сил может иметь довольно простое объяснение. Недавно они уяснили для себя, *внезапно*, что Московия может вскоре оказаться *в границах Цивилизованного мира*, как вы изволили выразиться. И *протечки* на ее территории, до сей поры тем Силам безразличные, теперь идут уже *по совсем другой статье*.

— Весьма остроумная идея, Ваше Величество! — отозвался Ди после некоторого раздумья. — Московия как часть *Цивилизованного мира*, гм…

— А главное, — откликнулся Джуниор, — неплохо подтверждает нашу догадку: да, если *захватить живьем* Лари Флинта, и потом *сослать его на край света* — это сработает!

— Что ж, остались пустяки, — мрачно усмехнулся Государь. — Проделать всё это, уложившись в *отпущенные нам полгода*… Ладно: ступайте, работайте.

А когда *коллеги* двинулись уже к дверям кабинета, Иоанн вдруг окликнул алхимика:

— Джон Артурович, а кто вам подсказал такое странное для англичан кодовое название операции: «Валькирия»? Уж не сам ли Ларри Флинт?

— Нет, Государь, — удивленно обернулся тот, — его уже тогда с нами не было. Мне помнится, это Ее Величество: она как раз тогда читала Снорри, «Младшую Эдду», ну и… А что?

— Да так… — дернул углом рта Иоанн. — Не нравится мне это название, вот не нравится — и всё тут… Но теперь уж — не поменяешь.

Глава 27

Скованные одной цепью, связанные одной целью

The Soviets are our adversary. Our enemy is the Navy.

Советы — нам соперник. Враг — это Военно-морской флот.

Генерал Лемэй, командующий Военно-воздушными силами США

От сотворения мира лета 7072, декабря месяца четвертого дня.

По исчислению папы Франциска 14 декабря 1563 года.

Москва, Кремль. Престольная палата.

— Ну, и чем нас нынче порадует «Совсем особая контрразведка», полковник?

Судя по тому, что Годунов не присовокупил даже привычного своего: «Что у нас нынче плохого?» — дела у триумвира в последнее время и вправду шли неважнецки. Среди Московской «элиты» едва ли не в открытую судачили на тему «Владимир Владимирович одолевают-с» — а когда *идеи* такого рода *овладевают массами* (элитными), они весьма быстро *становятся материальной силой*…

— Мы тут кое-что разузнали об этом Джеймсе Бонде со товарищи, — без долгих предисловий приступил к делу Вологдин. — Помните, вся эта гоп-компания торговцев «живым порошком»…

— Как не помнить, — усмехнулся Борис, указав взглядом на серебряную *пудреницу*, лежащую поверх бумаг на его рабочем столе. — Английские шпионы, как мне тогда доложили. И что?..

— А то, что они, похоже, вовсе не шпионы, боярин, — покачал головою контрразведчик. — Они — диверсанты, первоклассные диверсанты. И это сильно меняет дело…

— Любопытно! — в византийских глазах триумвира зажглись наконец искорки интереса. — С этого места — подробнее. Они же вроде не по вашему профилю?..

— Они приехали сюда заключить сделку: поставки в Москву «порошка» в обмен на поставки в Европу этого лубянского «мыла вечной юности» — ну, такова, во всяком случае, их легенда. «Живой порошок» — монополия английской короны, так что —

КТО за ними стоИт, ребята ничуть не скрывают, и даже аккуратненько сие подчеркивают. Сделка сулит весьма серьезные доходы, но понятно, что связывать свое имя с торговлей мылом из человечины правительство Ее Величества не желает — вот и придумали «фирму-прокладку»… Естественно, ребята с ходу стали заводить контакты с высокими чинами обоих Дозоров — они ведь, в свой черед, чают *монополии* на те встречные поставки, — чем и привлекли к себе наше внимание…

— И?..

— В составе команды Бонда обнаружился весьма любопытный персонаж: финансовый эксперт, остзейский немец Клаус Квекзильбер. В коем я, к немалому своему удивлению, случайно опознал нашего старого знакомца — Никиту Серебряного. Того самого неудачливого новгородского связного, отправленного к Курбскому, помните?

Годунов вздрогнул. Вздрогнул так, что это навряд ли бы кто-нибудь заметил со стороны, но Вологдин-то этой реакции как раз и ожидал.

— Конечно, помню, — проворчал Борис. — Мы его тогда весьма удачно обменяли на воеводу Шестопалова.

«*Мы* обменяли — как же, как же! — усмехнулся про себя Вологдин. — Да еще и, помнится, *по моей инициативе* — доведись до разбирательства!..»

Вслух же он продолжил:

— Самое, конечно, удивительное — это псевдоним, под каким его сюда направили. «Квекзильбер» — по-немецки «ртуть», а если дословно — «живое серебро». Будто бы специально для привлечения нашего внимания — в точности как в прошлый раз. А ведь за прошедшие с той поры годы он несколько поменялся с виду, да и над изменением внешности они специально поработали — вполне мог бы проскользнуть незамеченным.

— Крайне любопытно, крайне… — прищурился Борис. — Ты подозреваешь в этом деле новгородский след, Всеволод Владимирович?

— Вот уж не думаю, — покачал головою контрразведчик. — Со своими он тогда побил горшки вдребезги — после эдакой подставы. Ушел в *Нейтралку*, там обженился по любви и подался в Неметчину — только не в Данциг, а в Кёнигсберг. Жил там под именем «Зильбера — Серебра», весьма успешно *играя на деньги* с тамошними банками. Но недавно его жену обвинили в ведовстве, и рисовалась ей уже вполне прямая дорога на костер. И тут вдруг в город заявилась разведывательно-диверсионная группа. Меньше чем за час они впятером — впятером, боярин! — захватили городскую тюрьму, перебив охрану, и сожгли на рейде новейший

военный корабль. А затем бесследно растаяли в воздухе, прихватив с собой ту *ведьму* с тем *финансистом*.

— Люди Джуниора?

— Не думаю, боярин: у Грозного никакого интереса в этом деле не просматривается, ни с какой стороны. Но вот одно известно с достоверностью: эвакуировал ту разведгруппу после выполнения задания — английский фрегат.

— И ты подозреваешь, Всеволод Владимирович, что это те самые люди…

— Так точно, боярин! Пятеро, и среди них — зеленоглазая девушка редкой красоты. И — будто бы специально, чтоб сие обстоятельство не прошло мимо нашего внимания — *маячок*: единственный поименно установленный участник тех Кёнигсбергских событий, «финансист Квекзильбер».

— «Живой порошок» в товарных количествах плюс фрегат Королевского флота, гм… Ты хочешь сказать, что *англичане* шлют нам сигнал: «Это — *наша операция*, а этот парень, „Живое серебро“, — *с нами*»? «Шлют нам» — это конкретно Особой контрразведке?

— По-другому трудно это прочесть, боярин.

— Кёнигсбергская операция, — покачал головою Борис, — как я тебя понял, была очень сложной, очень рискованной и, помимо прочего, наверняка очень дорогостоящей. И всё это только лишь, чтоб «послать нам сигнал» — а как-нибудь попроще нельзя было?

— Нет, не «только лишь», — возразил контрразведчик. — Он наверняка реально необходим им в этой операции. А сигнал их звучит на самом деле так: «Наша операция направлена не против вас, Борис Феодорович!»

— Вот так-то больше похоже не правду, — удовлетворенно кивнул триумвир и после весьма продолжительного раздумья продолжил, глянув на Вологдина в упор:

— Ну, договаривай уже, Всеволод Владимирович!

— Слушаюсь, боярин. Команда английских супердиверсантов, имея в составе «Человека-Серебро», явилась сюда явно не по нашу душу. А по душу Владимира Владимировича — если она у него есть, что весьма сомнительно.

— А им-то это зачем? Сидя на своем Острове, лезть в нашу здешнюю кашу?

— Затем, что наш трансильванский друг со своими вурдалаками твердой рукою ведет Московское государство к скорой погибели — и тогда запросто может случиться, что народ здешний от отчаяния кликнет на царство Ливонского вора. В чем Остров совершенно не заинтересован.

— С чего это вдруг — «не заинтересован»?

— С того, что как раз нынешняя конфигурация — два русских государства, Новгородское и Московское, пребывающие в непрерывной войне друг с дружкой — для Острова выгоднее всего. Пока под Иваном только Новгородчина и Ливония, да руки связаны войной с нами, он — ценный союзник и выгодный торговый партнер. Но если вдруг под его скипетр вернется еще и Московское царство — на востоке Европы возникнет сверхдержава, помощней Османской империи. Что той Европе совершенно не в радость… А вот если Цепень заработает вдруг *острое отравление серебром*, от пары-тройки серебряных пуль в голову, и в Москве, вместо рухнувшего триумвирата, воцарится единоличный полноправный правитель — тут Вологдин бросил выразительный взгляд на собеседника, — Новгородчина с Московией так и останутся наособицу. Так что помогать одной рукой Ивану, а другой тебе, боярин, — это как раз *очень по-английски*; у них ведь там, на Острове, *нет ни постоянных противников, ни постоянных союзников, а есть лишь постоянные интересы*.

— Для тебя, Всеволод Владимирович, — поморщился Годунов, — как, впрочем, для любого *безопасника*, вся Вселенная вертится вокруг собственной державы, строя ей козни — это у вас такая профессиональная аберрация зрения… Впрочем, реконструкция твоя не лишена внутренней логики, этого не отнимешь…

Некоторое время собеседники молчали, обдумывая возникшую на доске позицию.

— И какие будут приказания, боярин? — двинул наконец вперед королевскую пешку Вологдин.

— Приказания? — удивился тот. — Ты развлек меня своей занимательной конспирологической байкой, но всё это, в любом случае, нас совершенно не касается. С какой стати мы будем отбивать хлеб у Ночного дозора? — это их *гости* и их *подельники*, пускай разбираются сами!

Да, яснее было бы только: «Пусть *те* сделают своё дело, а уж там мы их…»

— *Слежка?*

— *Очень осторожная… А лучше не надо.* Одно дело, если мы ни о чем не подозревали, и совсем другое — если знали, но упустили…

Тут в дверь кабинета всунулся секретарь: «Боярин, к тебе Странник — по делу, не терпящему отлагательств!», и триумвир спешно закруглил аудиенцию, выпроводив Вологдина «работать дальше».

Обменявшись в дверях рукопожатием с официальным шефом Конторы (реально же небольшое подразделение Вологдина подчинялось напрямую Борису Феодоровичу — «и никому кроме»), полковник двинулся прочь, размышляя: что за новость мог принести англичанин — столь важную и столь срочную, и притом совершенно неизвестную ему? Что-нибудь по линии «первачей» — Первой службы, загранразведки?

Отношение Вологдина к главе Особой контрразведки было… сложным. В некотором смысле сей *английский джентльмен* был фигурой номинальной и декоративной — но его загадочная харизма ощущалась и далеко за пределами сумрачного мира спецслужб. В оперативной работе бравый капитан не смыслил ни черта — в чем честно признавался и не лез к подчиненным ему профессионалам с указивками. При этом обладал невероятной, сверхчеловеческой интуицией, в чем имели случай убедиться — и не единожды — все, начиная с Бориса Феодоровича… Иные шептались: «С нечистым знается!», сам же Сильвер отшучивался, будто подсказки о будущем ему дает «волшебный попугай» по имени Ларри Флинт, вечно сидящий у него на плече в ожидании печеньки, и шуточка «Запросите Ларри Флинта!» имела широкое хождение в Конторе.

Но главным достоинством «Ивана Серебро» — за которое он, похоже, и был возвышен Борисом Феодоровичем — была его абсолютная отмороженность. Одноногий моряк отчего-то ни капли не боялся московских упырей (в былинах Невзглядова и прочих скоморохов он неизменно побивал их всех своим *рябиновым костылем*); те же — включая и самого Влад-Владыча — его отчетливо остерегались и избегали так, будто морской волк и вправду был отлит из ненавистного им «лунного металла». Такая вот странная «магия имени» — но ведь работает, факт…

Напоследок Вологдин подумал со смешком: как, интересно, отреагировал бы Странник, узнав о появлении на Москве другого «Человека-Серебро» — и притом тоже, в известном смысле, «странника», из далеких западных краев… Впрочем, знать ему об этом совершенно ни к чему: сие — не его зона ответственности.

Глава 28

Миссия невыполнима

Положение казалось безнадежным. Розданы были винтовки легко раненным из обоза…

Алексей Толстой

«Восемнадцатый год»

Запомните, товарищи офицеры: чтобы ничего не делать, надо уметь делать всё.

Адмирал Радзевский, командир 7-й оперативной эскадры Северного флота

От сотворения мира лета 7072, декабря месяца седьмого дня.
По исчислению папы Франциска 17 декабря 1563 года.
Москва, Китай-город, Ильинка. Арендованное подворье вице-президента «Северо-Восточной торговой компании» Джеймса Эдварда Бонда.

— А вот могут ли языческие боги произвести тебя из амазонок в валькирии?

— Всё, что будет вам угодно, супруг и господин мой!

Слуги, несомненно приставленные к ним местными Службами, наверняка сочли бы противоестественным, если бы гос-бизнесмен из флотских чурался своей молодой жены-красавицы в их медовый месяц; он и не чурался, отнюдь. И никак нельзя сказать, чтоб эта часть профессиональных обязанностей доставляла им обоим неудовольствие; порою даже — отвлекала от тех обязанностей.

И от мыслей: «Нам всё равно живыми отсюда не выбраться, так что чего уж!» Что сразу задает определенный градус в отношениях…

Сумерки за окнами особняка стремительно густели. Супруг-и-господин только что вернулся из города; трапезничать отказался — «Имел в городе бизнес-ланч с партнерами», — только выпил с морозу чарку калгановой, поднесенную с поклоном молодой женою, задумчиво закусив рыжиком; ну и немедля удалился с ней в опочивальню, провожаемый неодобрительно-завистливыми

взорами прислуги обоих полов: «И рождественский пост им, нехристям, не указ!» В опочивальне можно было говорить без помех, если негромко — специально проверяли.

— Всё плохо? На тебе лица нет, Джимми.

— Неужто так заметно?

— Мне — да; остальным, надеюсь, не очень.

— Ч-черт… Да, так и есть. Я получил срочное сообщение — личный Джуниоров резервный канал связи, что тот берег как зеницу ока, на последний край. Наш астролог-чернокнижник сообщает: по новым, уточненным, его расчетам операцию надо начинать немедленно, в режиме «Сейчас или никогда». В следующий раз необходимое расположение светил возникнет лишь через полгода — когда всё это никому уже не понадобится. Как говорится — *сегодня рано, а послезавтра поздно*…

— *Завтра, значит*…

— Ну, не так, чтоб и впрямь «завтра», но близко к тому.

— А у нас, по-хорошему если, ничего еще не готово…

— Ну, опять-таки — не так, чтоб совсем уж «ничего не готово», но… Да, в общем, ты права.

Она вздохнула и, осторожно выскользнув из-под его руки, нашарила ендову с квасом на ближней полке.

— Как ты думаешь, — задумчиво произнесла она, напившись и передав ему, — зачем нас вообще сюда отправили, на самом-то деле? Попугай какой-то, сказочный… Нет, я понимаю: «Меньше знаешь — крепче спишь», но иной раз, знаешь ли, можно заснуть до того крепко, что не проснешься вовсе…

— Не знаю, Энни! Сколько ни думал — даже предположений никаких… Первая мысль: попугай услыхал от прежних хозяев какую-то опасную гостайну и разболтал ее капитану Сильверу. Ну, что-нибудь про неясности с правами на наследование английского престола, или типа того; тогда понятно было бы, кстати — зачем за попугаем охотятся иезуиты, смертельные враги королевы… Но это всё наши, островные, проблемы — что до них Новгороду? А главное, тогда следовало как раз *ликвидировать* их обоих, и попугая, и Странника: задача крайне сложная, да — но хотя бы осмысленная! А у нас-то категорический приказ: «Только живым»…

— Да, первая моя мысль была примерно такой же. Давай сравним наши вторые мысли.

— Вторая мысль — что жизнь попугая отчего-то невероятно дорога для шефа Годуновской секретной службы. И что, держа в руках сего *любимого питомца* Странника, можно держать в руках и его самогО, а с ним вместе — и всю Особую контрразведку. В порядке бреда…

— Именно что — бреда; хотя и остроумного, да. Но есть и следующая, третья, версия — совсем простая.

— Давай-ка теперь начнешь ты, — мрачно откликнулся Бонд.

— Пожалуйста. Мы — это *отвлекающая операция*. Что конкретно мы делаем — совершенно неважно: можно украсть не попугая Сильвера, а его «волшебный» рябиновый костыль, для примера. После этого за нами азартно ринется в погоню вся Особая контрразведка во главе со Странником, а кто-то другой тем временем тихо сделает свое дело. Ликвидирует Годунова, надо полагать. Собственно, нам это высказали открытым текстом: «Вы — приманка»… А до чего додумался ты?

— Да примерно до того же… Уж Годунова там, или кого еще — *нам, приманкам, всё равно*.

Молчание было долгим-предолгим.

— Ну, и что мы станем делать?

— Я — выполнять свой долг, — мрачно пожал плечами коммандер; обнял ее и тихонько продолжил: — А тебя я очень прошу отойти в сторонку, Энни… ну, на резервную позицию. Прошу — хотя мог бы просто приказать, благо нынче тЫ в моем оперативном подчинении.

— Чёрта с два, супруг и господин мой! — решительно выскользнула из его объятий майор Зимина. — Я, видишь ли, уже большая девочка, и совершенно не нуждаюсь, чтобы меня *обкладывали ватой*, как выражаются у вас, на Острове…

— Ладно, — вздохнул Бонд. — Тогда слушай. Для нас просматривается единственный, малюсенький, шанс уцелеть: если в момент похищения этого дурацкого попугая — надеюсь, хоть по этой части наш чернокнижник не подведет, и наш «человек-серебро» сработает как надо!.. — возникнет какая-то всеобщая неразбериха, а у нас при том будет надежное убежище, где можно отсидеться. Насчет «всеобщей неразберихи» — сие, как ты догадываешься, не в нашей власти, это вон *туда,* — и он кивнул в направлении лампадки, теплившейся под иконой Николаса-Чудотворца в красном углу. — А вот позаботиться об убежище…

— Да, понимаю: уйти из города, по крайней мере сразу, нам точно не светит. А убежище должно быть неизвестным даже нашей московской сети…

— Не *даже*, а *прежде всего* им! На всех возможностях — наверняка, немалых — вашей московской сети надо сразу ставить крест и действовать полностью автономно. И отныне мы с тобой можем тут доверять лишь друг другу…

— Yes, sir! — и губы ее осторожно отыскали его висок: точь-в-точь как в ту рижскую ночь, под удаляющийся стук сапог

чекистского патруля. — Знаешь, Джимми, мне доводилось участвовать и в таких секретных операциях, где доверять нельзя было вообще никому. Так что у нас тут еще — щадящий вариант…

Глава 29

Пора валить!

Императору в Прагу, секретно и лично.
Пресветлейший венгерский и чешский король!
Много лет я сражался за войско опрично,
и теперь отчитаться об этом позволь.
Но прошу мою просьбу не счесть за причуду,
о письме не рассказывать впредь никогда:
у великого князя шпионы повсюду
коль прочтут они это, случится беда.

Евгений Витковский

«Генрих Штаден, опричник. 1572»

От сотворения мира лета 7072, декабря месяца девятого дня.
По исчислению папы Франциска 19 декабря 1563 года.
Москва, Белый город: Лубянка, Мясницкая и Кузнецкий мост. Различные госучреждения и общепит.

Подопытный кончался, в довольно неаппетитных судорогах. Доктор Менгеле, огорченно вздохнув, извлек из его вены полую иглу, подсоединенную к опустошенному резервуару из кау-чука: опять неудача, да что ж такое!.. Аккуратным, ничуть не *медицинским*, почерком записал в лабораторном журнале: «Заход с бубны под трефу — проигрыш с подливой. Хотя трефа под бубну — плюс (см. NN 18-S, 12-W). Старшинство мастей подтверждается??» Для чужих глаз лабораторный журнал не предназначен, но предосторожности лишними не бывают.

Такой уж нынче день выдался: и на секретном полигоне, в подмосковном Бутово, оба *подопытных* — экс-полковник *ночных* и какой-то *свежеобращенный* торопыга — отдали богу душу (хотя какая там душа, и какой бог?..) от солнечных ожогов: солнцезащитный крем нового состава оказался хуже предыдущего… Бутовский полигон в Дозорах называли, с подачи доктора медицины, «*солярием*», и слово это оказывало на кромешников такое же примерно воздействие, как на простых обывателей — выражение «профилактическая беседа на Лубянке»…

Увы, удивительные медицинские познания, так и сыпавшиеся из уст (если так можно выразиться…) Вещего Попугая, всегда сидящего на плече годуновского контрразведчика Иоганна Зильбера, местами зияли обширными лакунами — и заполнять те лакуны можно было лишь *экспериментально*, исконным методом проб и ошибок. И хвала Господарю Владу, что с *материалом* для тех «проб» и тех «ошибок» *в этой стране* проблем нет — да хоть тебе кромешников для Бутовского *солярия*!

Впрочем, тамошние «ошибки» — случай особый: Менгеле таким способом просто набивал себе цену в глазах заказчика — всё того же Владимира Владимировича, — демонстрируя, сколь сложна стоящая перед ним, доктором, задача. Тогда как все ингредиенты *настоящего* солнцезащитного крема, способного уберечь кожу вампира от солнечных ожогов, были им (только — тс-ссс!..) успешно расшифрованы — по попугайной болтовне — давным-давно, и крем тот мог быть, при нужде, предъявлен заказчику «как только, так сразу».

Что до попугая, то он, без сомнения, принадлежал раньше кому-то из величайших алхимиков всех времен и народов, и много чего запомнил из разговоров прежнего хозяина. Одноногий англичанин, похоже, и сам не догадывается, какое сокровище ему досталось; частенько встречаясь-раскланиваясь с тем на заседаниях Опекунского совета и Особого трибунала (оба они входили в свиты своих патронов и их ближний круг), доктор сделал для себя вывод, что бравый мореплаватель, если и владеет латынью, то на сАмом что ни на есть церковно-приходском уровне — и бОльшая часть того, о чем неумолчно трещит Ларри Флинт, просто недоступна его пониманию. Ну а уж окружающих унтерменшей любого чина можно и вовсе не брать в расчет. Включая сюда и самогО Владимира Владимировича — который тоже, между нами говоря…

«Ты за языком-то следи! — всплыла в голове остерегающая фраза на русском. — Сегодня про себя подумал, а завтра на людях брякнешь!»

От одной мысли об эдакой промашке доктор едва не прикусил тот язык. Обшарил испуганным взором теряющиеся во мраке углы сводчатого лабораторного подвала: а не затаились ли там, за рядами клеток с *подопытными*, кромешники при исполнении? а он — не сболтнул ли, забывшись, нечто *неподобающее*? Прокашлял внезапно пересохшее горло и, на всякий случай, произнес — на сей раз уж точно вслух, как бы в задумчивости и со сдержанным пафосом:

— Великое счастье для Московии, что в годину тяжелейших испытаний ее возглавил гений и непоколебимый полководец

Цепеш!

Но тут же, помимо его воли, просочилась из глубины сознания глумливая мыслишка: для таких вот, примерещившихся ему, «*служилых* при исполнении» посещение этого подвала стало бы весьма и весьма назидательным. Дело в том, что заметную часть здешнего *вивария* составляли как раз чины из Дозоров и иные silovik'и: Господарь сейчас как раз производит очередную *ротацию кадров* в своем окружении. Сказывают, что в прежние времена Владимир Владимирович (будучи еще Господарем Владом) проштрафившихся неукоснительно сажал на кол — а теперь вот *не оправдавших доверия* сподвижников он, столь же неукоснительно, *сдаёт на опыты*. Каковую рачительность в обращении с *человеческим материалом* доктор одобрял всей своей германской душой…

Это помогло его мыслям свернуть, наконец, в правильную колею. Нет, что там ни говори, а как заказчик Цепеш был выше всяких похвал. Во-первых, ни пробелы в образовании (а, если *по чесноку*, полное отсутствие такового), ни *незнанье языков* не мешали старому упырю сразу вникать в самую суть проблемы. Так что попытаться *впарить* ему что-нибудь вроде «способа оживлять покойников» (слухами об этом своем умении Менгеле успешно стращал московский бомонд) — это надо было бы совсем уж с головой не дружить. И — встречно — сам Господарь ни разу не потребовал от своего *иностранного консультанта* какой-нибудь заведомой ерунды: ну там изготовить золото из глины или вызвать духов из бездны. Даже разговоров подобных не бывало. В таких вопросах Владимир Владимирович придерживался совершеннейшего материализма.

А во-вторых, Господарь отлично понимал, что *серьезных результатов* в исследованиях не достичь без вложения *серьезных средств*: если уж ему что-то было действительно нужно, грошовую экономию он не разводил. Да при этом еще соглашался с тем, что понукать *истинного творца* — без толку, себе дороже выйдет, и (тут внутренний голос доктора перешел на родной хох-дойч) «Если собрать в одном помещении девять беременных женщин, ребенок всё равно не родится за месяц»…

Доктор усмехнулся, вспоминая, с какой — казалось бы! — ерунды пошел нынешний его фавор. Или, как говорят русские, *попёрло*.

Как это частенько случается, всё началось с невинной болтовни за ужином у Иоганна Зильбера. Англичанин тогда только-только осваивался в новом окружении и налаживал контакты. Доктор медицины тоже к нему захаживал: Зильбер умел делать настоящие колбаски с майораном, выставлял

недурные напитки, и к тому же знал множество историй о дальних странствиях — не слишком достоверных, зато занимательных. В тот вечер он рассказывал про одного пирата, загоревшего в Южных морях до такой черноты, что его стали принимать за негра и как-то раз, шутки ради, едва не продали в рабство португальцам… Попугай Флинт тоже слушал с интересом, сопровождая рассказ комментариями типа «вр-рранье», «пр-рровокация», «р-рразжигание межр-ррасовой р-ррозни». Когда же Сильвер перешел к тому, что пирату удалось снова стать *белым до синевы* благодаря прописанному ему лечению ромом, попугай перешел на испанский и принялся орать такое, что даже не знавшим этого языка стало отчего-то неловко.

И вот тут чёрт (или ангел?) дернул кого-то задать дурацкий вопрос: а не существует ли средства против солнца? Тут попугай вдруг возбудился и стал кричать вовсе непонятное — «Ультр-ррафиолет! Эр-рритема! Эпидер-ррмис!», а завершил свою тираду словами: «Пр-рротивозагар-ррный кр-ррем!» «Крем? Против загара?» — механически переспросил Менгеле, и тут из Флинта вдруг *посыпалось*. Доктору медицины же хватило ума насторожить уши, так что пока остальные гости внимали очередной занимательной байке от Зильбера — *как сразить морскую гидру может черный арбалет* — он сделался обладателем вполне внятного алхимического рецепта. Основные вещества там были простенькие и знакомые (смесь цинковых белил — «*zinci oxydum*», и ароматических масел), но вот на расшифровке «отжима из *fructus rubi idaei*» он едва голову не сломал, пока сообразил, что попугай толкует о масле из семян малины; поди додумайся сам до эдакого ингредиента — а ведь в нем-то, небось, и заключена *квинтэссенция*!

Рецепт тот доктор, мысленно пожав плечами, отложил на дальнюю полочку своей памяти с пометкой «любопытно-но-бесполезно», и принялся воздавать должное поварскому искусству Зильбера: как раз подоспели легендарные колбаски. И лишь ночью — он уже успел натянуть колпак и заткнуть уши канатом — в голове его *щелкнуло*. Он вдруг сообразил, *кого именно* может заинтересовать *средство от солнца*.

Сперва, однако, следовало всё перепроверить *опытным путем*. По счастью, Владимир Владимирович буквально только что *сдал на опыты* своего адъютанта, из *ночных*, заподозренного им в работе на Особую контрразведку. Доктор, не теряя времени, изготовил крем по попугайной рецептуре (слава богу, лето на дворе — а то где брать малину?), вымазал им проштрафившегося упыря и оставил того *принимать солнечную ванну*. И что бы вы думали? — солнечные ожоги у того, конечно, появились, но лишь

спустя добрую пару часов. *Ура, заработало!!*

Засим он тщательнейшим образом уничтожил все следы *острого опыта* (подопытного кромешника незамедлительно *ликвидировал*, введя тому в кровь фенол, и даже сфальсифицировал учетную запись в лабораторном журнале — что для *истинного ученого* есть *настоящее* преступление, *ужасное и непрощаемое*) и запросил срочной аудиенции у Господаря. Существует средство, доложил он, помогающее английским морякам избегать ожогов от ужасного тропического солнца; так вот он, доктор медицины Менгеле, берется означенное средство усовершенствовать — с тем, чтоб *наши* могли безбоязненно *выходить на свет божий*.

И как сразу же *разглядел перспективу* Владимир Владимирович! Как он *уловил суть* и *ухватил нить*! Уже при том, первом, разговоре Господарь, не сходя с места, выделил дополнительные средства на эти штудии — пообещав доктору, что если реализации проекта помешают бюрократические проволочки, то виновные немедля поступят к нему в качестве *подопытных*. На осторожное же замечание, что *подопытные* в этот раз понадобятся… э-ээ… *специфические*, последовал ответ: «Эту праблэму ми рэшым».

И точно! — буквально через пару дней в окружении Господаря был разоблачен очередной заговор, и полдюжины *ночных* поступили в распоряжение доктора — *на текущие нужды*… Открывать все свои карты сразу доктор не собирался, однако *испытания в Высочайшем присутствии* оказались вполне убедительны: его *подопытные*, даже будучи просто вымазаны цинковыми белилами (под свежевыдуманным сценическим псевдонимом «Снежная Эманация»), умерли на солнце заметно позже своих сослуживцев из *контрольной группы*. Убедившись, что «Это — работает», Цепеш выдал Менгеле карт-бланш и фактически неограниченное финансирование. Которое можно тратить, ежели по-умному и по-тихому, и на куда более важные и интересные для самого доктора научные задачи.

Вот теперь можно было, наконец, забыть о зарабатывании презренного металла в вонючем *Росмыле*, и посвятить себя *Чистому Знанию*! Это ли не истинная «хрустальная башня», мечта всякого человека науки?

Мысль о «*вонючем Росмыле*», однако, тут же вернулась — и в довольно неприятном виде. Сам-то Менгеле никаких иллюзий по поводу омолаживающих свойств RJF не питал и давно уже полагал, что *идея себя изжила* и *пора соскакивать*. Однако жадные недоумки из Дневного дозора, величающие себя «*эффективными менеджерами*», раскочегарили мыловаренное производство,

понастроив *пунктов забоя* с *откормочными боксами*, понабрали везде кредитов — а тут как раз от *зарубежных партнеров* стали поступать *недоуменные вопросы*, типа: «Чо за ботва?» *Эффективные* принялись тупо отвираться и панически переводить стрелки — ну и дождались, похоже, что к ним прислали из Европы *ревизора с секретным предписанием*… Тут уже всё руководство *Росмыла* впало в нервную трясучку, а шеф сей славной госкорпорации, Игорь Иванович Секач, яростно хрюкнул на доктора медицины: «Ты нам по жизни должен! Включаю счетчик!!» Пришлось «дать зуб», что в самое что ни на есть ближайшее время он передаст им в руки всамделишное, без дураков, средство для омоложения: ПЕРЕЛИВАНИЕ КРОВИ, *вековечная мечта человечества*!

«Пер-рреливание кр-ррови! — вновь зазвучал в ушах доктора хриплый голос Ларри Флинта. — Гар-ррвей! Кр-рруги кр-рровообр-рращ-щщения!» И вот это его открытие, государи мои, воистину сулит новую эру в медицине, а самому ему — европейскую славу!.. Гм… ну а чье же то открытие, как не его? — не безмозглого же попугая, право! Кстати, и Господарь Влад сразу проникся проблемами *Кровообращения* — настолько, что откомандировал в его распоряжение своего личного *распробщика* Ивашку: «Сматры у мэня, доктор — ат сэрца вэдь атрываю! Ат Балшова Круга, ха-ха!»

Доктор, правда, не сомневался, что на самом-то деле Ивашка приставлен к нему соглядатаем: Господарь желает лично контролировать — что там творится в *Лабораторном блоке* Лубянки. Но даже это в конечном счете пошло ему на пользу — да еще как!

Дело в том, что само-то по себе переливание крови — от человека к человеку — оказалось довольно несложной процедурой. Но вот беда: для части *подопытных* всё проходило нормально, и состояние их потом реально улучшалось, а вот часть, ни с того, ни с сего, умирала в жутких корчах — вроде этого, нынешнего. С *этими*-то ладно, а приключись вдруг такое с какой-нибудь будущей молодящейся герцогиней? — *скандал, однако*…

Именно это наверняка и стало причиной гибели папы Иннокентия VIII — «*Джанбаттисты Чибо, в насмешку именовавшего себя Невинным, в чьи истощенные жилы еврей-лекарь влил кровь трёх юношей*». Персонаж сей, надобно заметить, вообще являл собою своеобразное совершенство: клейма негде ставить. Именно он своей буллой «*Summis desiderantes affectibus* — Всеми силами души» дал отмашку всеевропейской охоте на ведьм, спустив с цепи полоумного извращенца Крамера-

Институтриса с его «Молотом». Помимо красивых теток, папа вознамерился *зачистить* Европу от евреев (ну, это святое!..) и от кошек (а вот этих-то за что??); тот *крестовый поход* против *котиков*, надо полагать, весьма поспешествовал очередной по счету чуме (ибо о связи между «чумой» и «крысами» попугай говорил вполне определенно). Суммируя всё это с наклонностью одряхлевшего архипастыря питаться исключительно молоком из женской груди, принимать кровяные ванны, а главное — периодически впадать в непробудный сон, трудно было отделаться от соответствующих подозрений; Цепеш, однако, их отмел и на впрямую заданный ему вопрос ответил: «Очэн прасылся, но ми им пабрэзгавалы». Менгеле во всей этой истории особенно забавляло то обстоятельство, что папа, пребывая в мечтаниях о «Европе *юденфрай*», личным врачом-то всё равно держал иудея; который в итоге и сделал ему роковое переливание.

Однако евреи — евреями, но объективная-то проблема — как в будущем отличить среди «трех юношей»-доноров *годных* от *негодных* — никуда не девалась… Доктор безуспешно ломал голову над этой научной загадкой, пока не получил нечаянную подсказку от прикомандированного *распробщика* Ивашки: кровь-то у разных людей — разная; она бывает, если по вкусу, «сладкая, с кислинкой, с горчинкой и пресная», и еще в ней случатся какой-то поганый металлический «резус»…

Самое поразительное, что попугай те древние вампирские познания полностью подтвердил: «Гр-рруппы кр-ррови, четыр-рре! Р-ррезус фактор-рр!»; и предостерег, что иные из них сочетаются, а иные — нет: «Ф-фатально, ф-фатально!» Но теперь хотя бы задача стала ясна: установив, с помощью Ивашки, группы крови *подопытных* (для своих записей доктор обозначил их как «черви», «бубны», «трефы» и «пики»), *методом проб и ошибок* определить *разрешенные* и *запрещенные* комбинации «мастей». Сам, правда, определять те группы крови Менгеле пока не умел — ни на вкус, ни при помощи доступных химикалий, — и как раз на этом он сейчас сосредоточил основные усилия: не всегда же в его распоряжении будет вампир-подручный!

«Умный ты, доктор, умный — а дурак», — снова зазвучала вдруг в голове его фразочка на московитском наречии.

Менгеле поморщился. Уже не первый раз он ощущал, что и сами мысли у него тут становятся какими-то… русскими. И по большей части — неприятными. А самое неприятное было то, что в них всегда был резон — да такой, на который и возразить-то, по здешним обстоятельствам, нечего. Оставалось только гнать те мысли прочь. Но они возвращались — «ты их в дверь, они в окно».

И в последнее время — всё чаще.

«Ты хоть себе-то мозги не парь, — на этот раз слова были почти слышны. — Кого ты тут *лечишь*?»

— Да нормально всё, — буркнул доктор себе под нос, промывая иглу. — Вот только закончу *серию*…

«Жадность фраера сгубила, — поучающе ответствовал внутренний голос. — Сейчас ты в выигрыше, это да. Только выигрыш свой еще унести надо из этого притона. Вместе с головой».

«Это мы уж как-нибудь!» — отмел Менгеле.

«Как-нибудь, говоришь? Да ты хоть понимаешь, что Цепеш твой — больной на всю голову? Пока ты ему интересен, верно. А вот случится у него настроение плохое — *под влиянием приступа холецистита*, к примеру…»

«Я ему нужен», — попытался возразить доктор.

«Он и от нужных избавляется на раз — хоть теперь, хоть в прежние времена. И самых близких своих тебе *на опыты сдаёт*. В любую минуту. По любому подозрению. Просто по капризу. Ты что, забыл, как он говорит? *Нэт чэлавэка — нэт праблэмы*!» — внутренний голос очень похоже передразнил Господаря.

Доктор сел за стол, сжав руками виски. Внутренний голос говорил правду, возразить ему было нечего. А главное — ради чего он, собственно, рискует? Он уже заслужил европейскую славу. Чтобы вкусить ее, нужно всего-то ничего — огласить и опубликовать результаты исследований *общепринятым в науке способом*. Но это возможно лишь в европейской, цивилизованной стране. А чего он выжидает здесь, в этом заповеднике унтерменшей? Еще чуток *статистики добрать*? А теперь еще и *этот*, кабан из *Росмыла — наехал конкретно*…

Пора, мой друг, пора, решительно сказал он себе. Как говорится — «Нет времени на раскачку». Кое-какие шаги им уже предприняты, и как раз сегодня многое прояснится.

…Менгеле прислушался: чей-то стон? или показалось? Нет, стон повторился: похоже, кто-то там забылся сном. В бодрствующем состоянии обитатели *вивария* боялись издавать какие бы то ни было звуки: *слишком шумные* очень быстро оказывались на лабораторном столе — *вне общей очереди*.

Подумал было — а не заложить ли как раз еще один *острый опыт*, но с сожалением понял: сегодня никак не успеть; кликнул Ивашку, распорядился *прибраться* и *актировать* (кивнув на подопытного), а прочим — *задать корму* (кивнув на ряды клеток). До конца рабочего дня оставалось еще почти полчаса, но его *Лабораторный блок* недавно отделили от остальной части Лубянских подвалов кирпичной стенкой (подвел это под «сов-

секретность»; на самом же деле просто вопли чужих подследственных и его собственных подопытных вечно входили в неприятный резонанс, сбивающий с рабочего ритма), так что теперь он мог покидать рабочее место через отдельный служебный выход, не вызывая вопросов.

Оказавшись на улице, в промозглых зимних сумерках, доктор поплотнее запахнул шубу, после чего тщательно осмотрелся. В условленном месте Белого города — в популярном у средней руки купчиков трактире «Соловей-разбойник» на Кузнецком, где риск быть случайно узнанным тамошним *контингентом* минимален — его ждала важная встреча: не то чтобы секретная, но совершенно не нуждающаяся в излишней огласке.

* * *

— Вина, конечно, у тебя здесь нет? — брюзгливо осведомился доктор Фауст, разглядывая окошко кабинета, сделавшееся после недавнего внезапного ремонта совсем крохотным и почти непрозрачным.

Хозяин кабинета виновато развел руки.

Прокуратор Высшей патриотической школы экономики (ВэПэШа — Э, или попросту «Вышки») Кузьма Кузьмич, прозванный в кругах московской элиты «Камасутрой» за необычайную изобретательность в непростом деле ублажения начальства, давно пресытившегося ласками лизоблюдов старорежимных, «с капустой в бороде», был элегантным молодым человеком, чей облик один язвительный заезжий русофоб увековечил так: «*Представитель творческой, но немного двусмысленной профессии: то ли элитный сутенёр, то ли карточный шулер, то ли преподаватель Высшей школы экономики*».

Школа была некогда учреждена иждивением Годунова для идеологического обслуживания Фаустовой денежной реформы, с безвозмездной передачей ей обширного комплекса казенных зданий на Мясницкой. Однако по нынешнему времени Камасутра, чьи эрогенные зоны отличались необычайной чувствительностью к малейшим *дуновениям в сферах*, резко *сменил ориентацию* и переключился на бизнес-консультирование *эффективных менеджеров* из Влад-Владычевых госкорпораций вроде *Росмыла* и *Роспепла*. С понятным для их бизнесов результатом — ибо «экономика», коей торговала Школа, была даже *более второй свежести*, нежели ее «патриотизм», а этого, последнего, только-только хватало на поддержание в рабочем состоянии русской народной приметы: «Раз заговорили про патриотизм — значит,

опять проворовались».

Впрочем, черт бы уж с ним, с патриотизмом — но вот экономика… Фаусту, автору бессмертной максимы: «Люди — это наша новая пушнина», было лучше чем кому-нибудь известно: экономике здешней пришел *пушной зверек*. И теперь одна надежда — на Премудрого попугая…

Доктор Фауст ничуть не сомневался: птица некогда принадлежала какому-то исключительному гению, причем взор того гения простирался столь далеко еще и потому, что тот «*стоял на плечах гигантов*». Надо полагать, сей муж был, как и все воистину одаренные люди, мизантропом и презирал толпу. Оттого и потрясающие открытия свои не поведал никому, кроме Ларри Флинта, который скрашивал его одиночество в «хрустальной башне» — и многое запомнил.

Счастье еще, что одноногий англичанин Иоганн Зильбер, неведомым образом завладевший чудесной птицей в своих странствиях, был как раз *человеком толпы* и просто не мог уразуметь тех тайн мироздания, которые попугай выбалтывал направо и налево. Латынью морячок, похоже, если и владел, то на уровне портового аптекаря, а главное — науками ничуть не интересовался, поскольку они не приносят барышей. О славе же и о месте в истории тот не думал вовсе; более того — одноногий неоднократно высказывался в том духе, что желал бы прожить остаток жизни в полнейшей безвестности, лишь бы только безвестность та была достаточно комфортной. Впрочем, близость англичанина к Годунову делала такие мечтания пустыми: вход в окружение триумвира стоил дорого, но выход обошелся бы еще дороже…

А вот он, доктор философии и коммерции советник Фауст, сумел таки расшифровать отрывочные попугайные откровения — все эти загадочные «монетар-рризмы», «ваучер-ррные пр-рриватизации», «фр-ритр-рредерр-рства», *et cetera* — и объединил их в *целостную концепцию* — что одна только, похоже, и может еще спасти дышащую на ладан экономику этой злосчастной державы. Выяснились и имена тех «гигантов», на чьих «плечах» стоял неведомый гений: «Бар-рронесса Тэтч-ччер-рр» и «Мар-ршал Пиноч-ччет»; где-то сбоку там, правда, присоседился еще какой-то «Фр-ррidман» — наверняка еврей, но, похоже, *полезный еврей*, ein nЭtzlicher Jude…

Главным в вероучении Святой Баронессы (как он окрестил ее для себя) было: «Р-ррынок всё отр-ррегулирует!», а также «Истр-рребить соц-гар-ррантии!» и «Нищебр-ррodов — в игнор-рр, в игнор-рр!» Но боярин Борис — который так славно начинал правление, с его, Фаустовой, денежной реформы, и на которого

он, Фауст, возлагал такие надежды! — оказался на поверку человеком ограниченным, решительно неспособным воспринять эту новую государственную мудрость.

«Ну ладно, — самокритично подумал Фауст, — некоторые мои идеи и в самом деле несколько опередили время. Например, предложение ввести „налог на праздность“, по образцу Империи инков — сиречь на старость, дряхлость и болезненность. Такие меры не только пополнили бы казну, но и избавили общество от нахлебников — всех этих стариков и увечных, которые сейчас сидят сложа руки и ничего не делают, чтобы изменить свое положение. А так бы у них появился стимул помолодеть и поправиться — или уж вовсе прекратить свое неэффективное существование, коли возможность бездельничать им дороже жизни… Согласен, мысль несколько непривычная — *нельзя так сразу*. Но вот что мешает ввести апробированную и прекрасно зарекомендовавшую себя в Европе торговлю индульгенциями? Что-что? — „Пимен возражает, ссылаясь на учение Церкви“? Ой, не делайте мне смешно!.. Воистину — всем им здесь лень нагнуться и поднять валяющиеся под ногами деньги!

Вообще социальная политика *в этой стране* ведется самая разорительная. Взять хоть создание государственных хлебных запасов. То есть это как раз мера понятная и правильная: чтобы в неурожайный год продавать тот хлеб по настоящей, рыночной, цене — втридорога. Если уж следовать учению церковному — не это ли советовал фараону Иосиф? Так ведь нет: эти олухи при голоде раздают хлеб бесплатно! А потом сами плачутся, как тот же Годунов: „Бог насылал на землю нашу глад, народ завыл, в мученьях погибая; я отворил им житницы, я злато рассыпал им, я им сыскал работы — они ж меня, беснуясь, проклинали!“ И ведь талдычил я ему тогда, до мозоли на языке: „Незримая рука рынка всё сама отрегулирует!“ — и что? Да ничего: как об стенку горох!

Или вот, совсем уж назревшее: *оптимизация расходов на малопродуктивные слои населения.* Чтоб, значит, отменить непроизводительные траты казны на все эти богадельные избы при приходах и традиционную тут регулярную раздачу милостыни. А что делает Годунов? — зарубает проект, произнесши высокомерно: „Невместно нам на дерьме сметану собирать!“ Это вообще как? И что сказал бы на такое полезный еврей Фридман? Да он скорее отрекся бы от своего Иеговы! — хотя кто его знает, во что этот Фридман веровал, помимо *эффективности*…

А с любимым моим проектом *интенсификаци труда через уменьшение госрегулирования* — шаг в шаг по учению Святой Баронессы! — и вовсе скандал вышел. Тут ведь у них совершенно

дикая практика по этой части сложилась: государство — совершенно по-бандитски! — попирает права лендлордов и ограничивает оброк и барщину, а за „сверхэксплуатацию“ царские суды запросто могут отнять землю с мужиками даже у бояр-вотчинников, не говоря уж о помещиках. Уму непостижимо: „И впредь тому человеку, кто имал таких поборов через силу, поместья и вотчины не даны будут от века. А будет кто чинить таким обычаем над своими вотчинными купленными мужиками, у него тех крестьян возьмут безденежно, и отдадут сродственникам его, добрым людям, безденежно ж, а не таким разорителям“, конец цитаты…

Ну, я и составил для Годунова подробное обоснование: надобно с госрегулированием этим покончить — тогда и налоги с тех помещиков можно сразу увеличить, прямой профит же! А чтоб людишки не принялись сбегАть от *эффективных собственников* к *неэффективным* — кто смердам в извечном лентяйстве ихнем потворствует, — прикрепить тех смердов к земле без всяких-яких, и Юрьев день этот ихний предосадный отменить к чертовой матери… А тот, едва до этого места дослушав, как грохнет кулаком по столу, да как рявкнет: „Ты вообще соображаешь, что несешь?! Попробуй самозванец — Ливонский — им посулить старинный Юрьев день, так и пойдет потеха! Я давно интересуюсь: ты не засланный ли к нам?“

А сегодня — и вовсе уж через край полилось, *чисто конкретно*! Представляю я ему новое исследование Вышки о чудодейственных свойствах продукции госкорпорации *Роспепел:* всё честь по чести — в 3,62 раза увеличивает урожайность репы! Смерды же, в силу извечной крестьянской тупости и косности, испытывают к тому пеплу странное предубеждение и решительно не желают пользоваться этим замечательным удобрением — так вот, нельзя ль на тех смердов чуток поднажать, чтоб *покупали*? Стрельцов, что ль, государевых к ним послать, для убедительности? А тот ухмыляется, татарской своей рожей, да еще эдак ядовито-ядовито: „А куда ж, — говорит, — любимая ваша с Камасутрой *Незримая Рука Рынка* запропастилась, а? Какая-то она уж вовсе *Незримая* выходит в этом, как вы выражаетесь, *кейсе* — не находишь?“ Я, понятно, возражаю: „*Но ведь это же совсем другое дело!*“ — а тот лишь зубы скалит: „А по мне, так как раз то самое! И Камасутре своей передай, одно уж к одному: пусть-ка аренду за хоромы своей лавочки на Мясницкой платят отныне *по рыночным расценкам*, а то ишь!“»

«Да и чёрт бы с ней, с этой Вышкой: *идея себя изжила*», — устало подвел про себя черту Фауст. Ему было совершенно ясно: уж если умный, волевой и европейски образованный Годунов

оказался не на высоте своей исторической задачи, то вся эта мелкая шушера и подавно ни на что не годна. Чтобы по-настоящему продвинуть учение о Незримой Руке, меры нужны чрезвычайные.

Пора, мой друг, пора, решительно сказал он себе. Как говорится — «Нет времени на раскачку». Кое-какие шаги им уже предприняты, и как раз сегодня многое прояснится.

…Фауст отворотился от окошка и перевел взор на Камасутру, резко осунувшегося от столь *базарной* постановки вопроса — «Платить отныне аренду *по рыночным* расценкам»:

— От *Дневной* крыши *Роспепла* — много ль взял, за *продвижение*?

— Ой много… — совсем закручинился тот.

— Да, *перед пацанами неудобняк вышел,* — безжалостно посочувствовал доктор философии, ясно давая понять, что сие — не его проблемы.

Взял со стола прокуратора один из листков и некоторое время подержал перед глазами.

— «Бизнес-план»… — прочел он. — Мудрецы! — он уронил листок на пол и встал. — Короче: *денег нет, но вы держитесь!*

Камасутра почтительно хихикнул. Фауст кивнул ему и направился к двери.

Оказавшись на улице, в промозглых зимних сумерках, доктор поплотнее запахнул шубу, после чего тщательно осмотрелся. В условленном месте Белого города — в популярном у средней руки купчиков трактире «Соловей-разбойник» на Кузнецком, где риск быть случайно узнанным тамошним контингентом минимален — его ждала важная встреча: не то чтобы секретная, но совершенно не нуждающаяся в излишней огласке.

* * *

Пройдя в сопровождении полового сквозь негромко, по-купечески, гудящую залу «Соловья-разбойника» к указанному в полученном послании столику, Менгеле вытаращил глаза от изумления:

— Вы?!?

Успевший уже занять позицию за тем столиком Фауст был, похоже, удивлен не меньше, однако времени на приведение мыслей в порядок имел больше.

— Я тоже не подозревал, что *вы — это вы,* — подбодрил он контрагента. — *У вас продается славянский шкаф?* — перешел он на немецкий.

— Нет, — с облегчением улыбнулся тот, — *шкаф продан, могу предложить кровать с ночным столиком!*

«До чего же идиотские у них там выдумывают пароли!» — подумал на этом месте каждый из них, причем одними и теми же словами; что ничуть не удивительно.

— Что ж, — встречно улыбнулся Фауст, на правах хозяина сделав знак половому насчет пары темного, — наше знакомство всё упрощает.

— Хорошо сказано, — осторожно поддержал его Менгеле. — В сущности говоря, мы в одной лодке… Ну, прозит!

Сдвинули кружки.

— Славное тут, оказывается, пиво, — заметил Менгеле, утирая усы. — Но всё же давайте ближе к делу. Времени у нас мало, а обсудить нужно многое.

— Да-да — *«Нет времени на раскачку»*. Пора бы уже… — и Фауст выжидательно поглядел на собеседника.

— …как говорят московиты — «*valit»,* — это слово Менгеле произнес по-русски.

Фауст понимающе улыбнулся.

— Вот именно, вот именно, — продолжил он. — Валить! Но, сами понимаете, с пустыми руками…

— Я держусь совершенно аналогичного мнения, — перебил его Менгеле. — С пустыми руками рассчитывать не на что. Вопрос лишь в том, чем мы можем располагать.

— Иными словами, каковы открывающиеся возможности, — задумчиво протянул Фауст, пытаясь сообразить, куда клонит собеседник. — Я, в принципе, уже всё изложил, но могу повторить. Считаю, что сейчас самый подходящий момент. Обстановка такова, что самый слабый толчок опрокинет всю конструкцию. И если вы примете мое предложение…

Менгеле наморщил лоб.

— Ну разумеется, мы его принимаем, — сказал он нетерпеливо. — Но у всякого вопроса есть цена. Если моя цена вас устраивает…

Фауст поднял бровь.

— Гм… — сказал он. — Я полагал… В общем и целом…

— Да или нет? — резко спросил Менгеле.

— Разумеется, да! — доктор Иоганн посмотрел на собеседника с недоумением. — Иначе мы бы с вами не разговаривали, не так ли? Вы же сами сказали — *валить?*

— Всё верно, всё верно, — Менгеле лихорадочно соображал. Разговор шел как-то неправильно, непонятно. — Наверное, пора переходить уже к конкретным деталям?

— Я того и жду, — заявил Фауст.

— Так начинайте же!
— Нет, это вы начинайте!
— Кхм… Я, собственно…

Ни Фауст, ни Менгеле так и не поняли, как вдруг возник за их столом купец из той троицы, что по соседству чинно воздавала дань запеченной медвежатине с брусничным желе, сопровождая ее кориандровой под груздочки. Брюнет; не то, чтоб смуглый — скорее, просто загорелый по нездешнему; брови черные, одна выше другой; словом — иностранец. Подсел — столь стремительно, что те как-то невольно раздвинулись — и представился на хорошем, хоть и явно неродном, немецком:

— Извините меня, пожалуйста, что я, не будучи знаком, позволяю себе… но предмет вашей беседы настолько интересен, что…

— Вы кто такой? — грозно осведомился Фауст.

— Да-да, вот именно! — нахмурился Менгеле, как бы невзначай поправив свой значок на лацкане: черная летучая мышь на багровом фоне, эдакая *татуировка знака касты*…

— Я-то? Бонд, Джеймс Бонд — вице-президент «Северо-Восточной торговой компании», к вашим услугам. Доктор философии Иоганн-Генрих Фауст и доктор медицины Йозеф Менгеле, если не ошибаюсь?

— Не ошибаетесь, — только и смог вымолвить доктор философии; доктор медицины же помалкивал, вовремя сообразив: тут «каждое ваше слово может быть использовано против вас» — и не ошибся.

— Вы тут, кажется, испытываете некие трудности в установлении коммуникации? Каюсь: я сыграл с вами небольшую шутку, — тут англичанин и вправду покаянно воздел длани. — Каждый из вас получил нынче от своего зарубежного корреспондента пароль-отзыв для встречи в «Соловье-разбойнике», с предложением предметно потолковать с соседом по столику на животрепещущую тему «*Пора валить*». Ведь так?

Ни Фауст, ни Менгеле не издали ни звука. Зато оба изменились в лице: у Фауста оно грозно покраснело, у Менгеле — побелело. Полюбовавшись на эту колористическую композицию в цветах польского герба, Бонд продолжил:

— Итак, давайте разбираться. Начнем, пожалуй, с вас, — обратился он к Менгеле. — Не так давно вы, доктор, предложили свои услуги Императорской коллегии специальных исследований. Что касается вас, — он перевел взор на Фауста, — то вы не стали мелочиться и обратились прямиком к администрации Его Императорского Величества.

При этих словах его на стол легли два письма («…Это, разумеется, копии, джентльмены — оригиналы в надежном месте»); в зачине того что сверху можно было прочесть: «Императору в Прагу, секретно и лично».

— Мое письмо, — доктор Менгеле собрался с духом, — не пойдет на пользу моей здешней карьере, но прямого криминала не содержит. Так же как, полагаю, и послания коллеги Фауста…

Вот тут он вряд ли был прав: Фауст выглядел так, словно его вот-вот хватит апоплексический удар.

— И в самом деле, — Бонд откровенно веселился. — Ничего криминального. Вы всего лишь клятвенно заверили, что готовы рассказать всё, что знаете о московских делах и делишках — начиная с аферы с RJF. В обмен на сущие пустяки: вы хотите место декана медицинского факультета Карлова Университета, с пожизненной гарантией и оговоренным окладом. Соблазняя адресатов своей технологией безопасного переливания крови — для *настоящего омоложения*, само собой…. Сколько же вы собирались просить? С учетом надбавки за риск: ведь у Владимира Владимировича довольно длинные руки.

— Деньги для меня не главное, — Менгеле пытался держаться с достоинством. — Я сделал великие научные открытия и желаю признания своих заслуг. Работа на благо человечества должна быть достойно вознаграждена.

— Да уж, о вашей неустанной работе на благо человечества легенды ходят, — процедил Бонд.

— Наука основана на отделении методов от целей, — поучающее молвил доктор.

— Иными словами: цель оправдывает средства… А вы точно хотите в Карлов университет? Помнится, в Праге есть и замечательное иезуитское учебное заведение, возле Карлова моста…

— Климентиум? Я подумаю, — самоуверенность возвращалась к доктору как-то очень уж быстро.

— Не трудитесь, — холодно посоветовал Бонд. — После того, как ваше письмецо будет передано *куда следует* — в Особую контрразведку, — вы попадете отнюдь не на кафедру, а в их подвал. По своему статусу вы, разумеется, подсудны Особому трибуналу и вправе рассчитывать на *следствие с 12-м параграфом*, но не думаю, что это вам чем-то поможет. Осмелюсь предположить, что вы угодите в клиенты к вашему коллеге, — при этих словах он кивнул на Фауста, — тот ведь зарекомендовал себя отличным специалистом *по этой части*. Наш доктор философии быстро вытащит из вас все необходимые признания, *добрав статистики* в свои собственные штудии по *измененным*

состояниям сознания — ну а потом вас отправят в собственный *Лабораторный блок* в качестве *подопытного*.

— Цепень этого не допустит, — голос Менгеле предательски надтреснул. — Я слишком ценный специалист. Уникальный и незаменимый!

— Кому вы это рассказываете, доктор? — укоризненно поморщился Бонд. — Ваш верховный вурдалак не устает повторять: «Нэзамэнымых нэт», и действует в полном соответствии. А Ивашке пора уже расти по службе: он вам ассистировал, и должен же был за это время чему-то научиться, n'est-ce pas? Кстати: когда вас *сдадут на опыты*, для всех прочих обитателей *вивария* настанет истинный праздник!

— А вы информированы, — доктор медицины побелел еще, уже куда-то в зелень.

— Неудивительно. Мы, крупные бизнесмены, очень ценим подобные сведения… Теперь о вас, доктор Фауст.

Доктор философии тем временем гулко глотал пиво, позвякивая зубами о край кружки. Услышав собственное имя, он поднял затравленный взор на собеседника.

— Для начала позвольте вам выразить свое восхищение, — неторопливо продолжал Бонд. — Вы — птица куда более высокого полета, нежели ваш суетливый коллега. И поэтому, кстати, само слово «валить» поняли в более возвышенном смысле, чем он. Доктор Менгеле думал о том, *куда* валить, а вы — *кого* валить.

Менгеле устремил на коллегу недоуменный взгляд. Тот не отреагировал.

— Вы на мелочи не разменивались, — продолжал Бонд, — а сразу предложили Императору детальный план завоевания Московии, пользуясь грядущей невдолге экономической катастрофой. Как это у вас там? — он взял со стола бумаги и начал с выражением зачитывать: «Нужно двести баркасов и двести орудий и еще десять тысяч по десять солдат — и сдадутся немедленно здешние люди и Европу немедля возблагодарят. Состраданье сколь можно подалее спрятав, надо сразу идти на Москву напрямки, там казнить и князей, и других аманатов, и развесить на сучьях вдоль Волги-реки». Кстати, а почему в стихах?

— Стихи лучше запоминаются, — доктор Фауст усилием воли подавил дрожь и говорил почти нормальным голосом. — Я не рассчитывал, что Его Величество сразу согласится с моим планом. Однако запомнившиеся строки должны со временем произвести свое действие на подсознательном уровне…

— Сразу видно теоретика, — с легким презрением обронил

Бонд. — Чтоб вы знали: Император терпеть не может стихов… Ну хорошо. А для себя вы чего хотели? В письме вы набиваетесь в советники. А потом, после победы, небось, в наместники метили, в Gauleiter'ы?

— Да, — не стал таиться Фауст. — Я замыслил великие преобразования, но для этого мне нужна власть. Все эти Годуновы, Цепеши и прочие недотыкомки не в состоянии оценить величие моих идей. Я превращу Московию в процветающую имперскую провинцию!

— А если не получится? — прищурился Бонд. — Может же и не получиться — ну, *как в прошлый раз*?

Фауст пожал плечами.

— Не получится, так не получится. *Отрицательный результат — тоже результат*. Всё равно эта страна особой ценности не представляет.

— Воистину, «*Страна, которой не жалко*», — подтвердил Менгеле, доселе молчавший.

— Московитов никому не жалко, — согласился Бонд, — *но есть нюанс*. Правители этой страны считают, что *не жалеть московитов* — это их *эксклюзивная привилегия*, и крайне ревниво относятся к посягательствам на нее. Здесь за такое гарантирована квалифицированная казнь. Вас, доктор Фауст, скорее всего отдадут *Росмылу*: говорят, особо элитные сорта продукта варят именно из живых…

— Я вас понял, — Фауст собрался с духом. — Сколько вы хотите за молчание?

— Сколько? — развеселился вдруг англичанин. — Да моя компания *могла бы скупить всю Москву, но ее не интересуют помойки*!

— Чего вы от нас хотите? — хрипло подписал безоговорочную капитуляцию коммерции советник.

— Дружбы, разумеется! — лучезарно улыбнулся Бонд. — Мы — скромные бизнесмены, которых тут, в Московии, может обидеть любой silovik. Нам нужна информация, инсайды… и защита нашего бизнеса наверху — на самом верху, куда вы оба вхожи. Никакой политики, упаси бог — бизнес, один бизнес, и ничего кроме бизнеса, джентльмены!

— Да, кстати, — он картинно хлопнул себя по лбу, — забыл предупредить. Не исключено, что чуть погодя у вас возникнет соблазн меня убить. Скорее всего, как раз через те свои связи. Так знайте: я — против! Меня уже столько раз убивали, что мне это решительно надоело. В связи с чем, — тут он чуть обернулся назад, к своему предыдущему столику, — я хочу представить вам своих торговых агентов, prikazchik'ов по-здешнему. Я называю их

«сэр Титус» и «сэр Флорус», прошу любить и жаловать; впрочем, на Континенте их знают и под многими другими именами.

Те степенно поклонились, пряча ухмылки в бороду.

— Они, помимо всего прочего, — продолжал Бонд, — обладают профессиональной памятью: могут практически дословно запоминать со слуха весьма длинные тексты; заметно длиннее нашего нынешнего диалога. Сейчас они слушали нас очень-очень внимательно. Да и вообще им многое о вас известно — например, где хранятся оригиналы тех ваших писем.

Засим вице-президент встал, подав сигнал своим приказчикам, и обратился напоследок к доктору философии с доктором медицины — на сей раз безо всяких смехуёчков:

— Может случиться, что один из вас совсем потеряет голову от страха и решит поскорей донести на другого, пытаясь выгородить себя. Так вот, имейте в виду: если один из вас будет арестован, *внезапно*, то письмо другого немедля попадет в ту же Контору, что произвела арест. А копии — в другие конторы того же профиля. Так что берегите друг друга: вы нужны нам *оба*, ясно?

…Глядя вслед удаляющейся троице, Фауст задумчиво произнес:

— Никогда еще не чувствовал себя таким идиотом… А вы, коллега?

Глава 30

Свой среди чужих, чужой среди своих

If you are not free to say no, your yes is meaningless.

Если вы не вольны ответить «нет», ваше «да» ничего не значит.

Брент Уикс

«Ослепительный Нож»

От сотворения мира лета 7072, декабря месяца одиннадцатого и тринадцатого дня.

По исчислению папы Франциска 21 и 23 декабря 1563 года.

Москва, Белый город и Замоскворечье. Церковь и кабаки.

Странное дело, но Вологдин почти не удивился, когда его, в паузе молитвенного хора, тихо окликнули со спины:

— Здрав будь, герр майор! Или ты уже дослужился до *старшего майора*?

— Ты совсем рехнулся, воевода? — так же тихо откликнулся он, не поворачивая головы.

— Слушай меня внимательно, — прошелестело сзади, неслышно ни для кого вокруг за вновь ожившими хоровыми раскатами. — Я рискнул уйти из-под наблюдения, и в запасе у меня не более четверти часа. Жду тебя в кабаке, что наискосок от церкви, прямо сейчас. Пойдешь — проверяйся потщательней: моя информация — для тебя лично, а не для твоей Конторы.

Выждав для порядку две-три минуты, полковник принялся пробираться к выходу из церкви, не дожидаясь окончания службы: «И почему я не удивлен? — усмехнулся он про себя. — Да потому, что всё это время ожидал в глубине души чего-то подобного!..»

В кабаке, что «наискосок от церкви», он отыскал за угловым столом Серебряного, одиноко скучающего над кружкой пива, и вновь отметил: над внешностью того поработали классные профессионалы — ни дать ни взять натуральный иноземный негоциант, из сурьезных.

— Простите, у вас свободно? — поинтересовался контрразведчик по-немецки.

— Для соотечественника — безусловно, — ухмыльнулся тот;

да, и с произношением — тоже полный порядок, акцент могли бы отловить лишь в самОй Неметчине. — Присаживайтесь, прошу вас. Hei, polowoi! — paru piwa!

— Я ведь тогда предупредил тебя всерьез, без дураков, — Вологдин перешел на язык родных осин, — чтобы ты держался подальше от всего, связанного с разведкой. А ты что?..

— Мне не оставили выбора, — хмуро откликнулся князь. — То есть это ОНИ думают, что не оставили. А выбор есть всегда…

Помолчали, пока половой расставлял перед ними принесенные кружки; Серебряный отогнал позабавившую его мысль — а как, интересно, отреагирует обслуга, если заказать, с иноземным акцентом, ливонские ржаные гренки с чесноком? — и продолжил:

— У нас очень мало времени. Предысторию «московского представительства Северо-восточной компании» излагать, надеюсь, не надо?

— Ну, Кёнигсбергскую историю можешь *пролистать,* — небрежно разрешил контрразведчик. — Это ведь те самые ребята, что извлекли из тюрьмы твою Ирину (кстати, поклон ей от меня, при случае), а потом ускользнули на фрегате королевского флота «Инвинсибл»?

— Да, но *есть деталька,* — скривился Серебряный. — Ирину сразу увезли в Лондон, на том самом «Инвинсибле». В охраняемый Секретной службой особнячок — как заложницу. А такого уговора у нас с ними, в Кёнигсберге, не было…

— Та-аак, — протянул Вологдин. — Выходит, ты настолько нужен в их московской комбинации, что…

— Да, похоже на то. И я даже догадался — зачем. Они, разумеется, не посвящают меня ни в какие детали, но я теперь большой мальчик — умею решать такого рода ребусы и без подсказок. Ребята там отчаянные, но даже и сами они не особо надеются выбраться из этой миссии живыми; ну а уж я-то для них и вовсе — *расходный материал*…

Вот оно как, подумал Вологдин: *ассасины* и «человек-серебро» как *наконечник копья*; не слишком похоже на обычный почерк вальсингамовой Службы, но, видать — приперло… Вслух же спросил:

— Расскажи-ка для почину что-нибудь, что может заинтересовать *мою* Службу. Что-нибудь новенькое — чего бы я не знал, но мог это проверить.

— Три дня назад, — откликнулся Серебряный, — Бонд завербовал человека из ближнего круга Годунова: нашего с тобой общего знакомца, коммерции советника доктора Фауста. Тот снёсся с Императором, секретно и лично, — а до письма этого

добралась в Праге английская разведка. По предъявлении оного наш *специалист по измененным состояниям сознания* раскололся до задницы и согласился работать на Сизинг-Лейн.

— Правдоподобно, но бездоказательно, — усмехнулся Вологдин.

— А вчера доктор передал сообщение, важное и срочное: окружение Годунова тайно готовится к церковному кризису, скорому и внезапному. Такую информацию, как ты понимаешь, нашим взять было неоткуда.

— С этого места — поподробнее, — распорядился полковник, почувствовав вдруг холод в желудке.

— Пожалуйста. Годунов получил предупреждение от Странника — с его непревзойденной интуицией, — что в ближайшее время на Москве может смениться митрополит. Триумвир воспринял предупреждение весьма всерьез и принимает меры. В глубочайшей тайне, как уже сказано.

— Да, убедительно, — с деланой небрежностью кивнул Вологдин, сохраняя покерное лицо. — Принимается.

Вот теперь стало понятным, с какой вестью заявился тогда к Борису Феодоровичу Странник, едва не на полуслове прервав его собственный доклад об английских диверсантах. Понятно и то, зачем Триумвир приказал ему позавчера срочно переключить активность всего оперативного состава с кромешников на благочинников, и поинтересовался напрямую: возможно ли, в случае нужды, быстро *нейтрализовать* всё руководство Высшего Благочиния?

Понятно всё, кроме одного: о конкретном сценарии — вероятной смене митрополита — Годунов сообщить ему так и не удосужился…

Хотя об этом, похоже, знают уже все вокруг, вплоть до балабола Фауста.

А вот он, шеф «Совсем особой контрразведки», узнаёт об этом стороной, через английских шпионов.

Ну и как сие прикажете понимать?..

— Ладно, — подытожил он эти обескураживающие мысли. — Так чего хочешь ты?

— Я хочу, — Серебряный глянул на контрразведчика в упор, — чтобы ваша Служба освободила в Лондоне Ирину.

— Да ты просто спятил! — воззрился на него Вологдин во вполне искреннем изумлении. — Даже если б мы очень захотели — где Лондон и где мы?

— Постой-ка, постой… — встречно озадачился Серебряный. — Может, ты и про Лондон знаешь меньше моего?..

— Выкладывай! — процедил сквозь зубы шеф «Совсем особой

контрразведки», ощутив тот же холод в желудке.

И Серебряный выложил.

Что всё серебро, изъятое по ходу Фаустовой реформы, тайно переправили в лондонские банки, Вологдин знал и без того (сам, собственно, и организовывал тогда сию *транзакцию*, весьма сложную и рискованную); серебро то исходно предназначалось Борисом Феодоровичем для оплаты заграничных агентурных сетей Службы и подкупа тамошних политиков и «лидеров общественного мнения». Ясно, что в такого рода комбинациях к рукам исполнителей кое-что прилипает, и иной раз немало — это дело житейское; но чтоб прилипало вот так, как у этих нынешних, *чуть более, чем полностью* — это уже за гранью, он бы в свое время такого и близко не потерпел. И понятно, в общем, почему его тогда быстренько отстранили от деятельности созданной им «серебряной сети», а затем и вообще от загранработы…

Сейчас сетью той рулит Странник: благодаря своей феноменальной *чуйке* тот постоянно играет на бирже — и, располагая огромным резервами, постоянно выигрывает. В итоге там возникла целая финансовая империя, принадлежащая уже не столько Московскому государству, сколько лично Годунову; управляет же ею Сильвер, через подставных персон, в основном — через свою собственную полюбовницу-арапку. Документы и о самОй сети, и о накрученных вокруг нее Сильвером *серых и черных схемах* вице-директор Бонд привез с собой в Москву, в числе прочего компромата на верхушку здешнего режима (вроде перехваченного письма Фауста в Прагу).

Так вот: он, Серебряный, желает, чтоб Вологдин устроил ему встречу с Сильвером. Конспиративную, само собой: ведь если в «Северо-восточной компании» пронюхают об этих его контактах, он тут же заработает себе перелом основания черепа, поскользнувшись на лестнице, или вот есть у них капли: ни вкуса в них, ни цвета не заметно, а человек, без рези в животе, без тошноты, без боли — умирает… При встрече той он надеется *прижать* Сильвера с помощью документов о его *личных гешефтах* (ибо залезать в карман к боссу мафии — это тебе не извечное русское «Из казны тащи, как с пожару») — и потребовать, чтобы тот организовал в Лондоне освобождение Ирины: возможностей той «серебряной финансовой империи», по его разумению, вполне на это хватит.

— Я хочу видеть эти документы, — отрезал Вологдин.

— Ты получишь их в руки в момент нашей общей встречи. Я совершенно не собираюсь встречаться с Сильвером один на один: козе понятно, что он, при его-то возможностях, тут же меня грохнет и заберет компромат. Ты — посредник; территория

должна быть нейтральная — ну, допустим тот, *твой личный*, трактир на Пятницкой. Назначь время.

— Красивая конструкция, Никита Романович, — степенно кивнул контрразведчик, — прям как игрушечка. Хорошие у вас там специалисты. Нам до вашего уровня еще расти и расти, — и он нехорошо ухмыльнулся.

— То есть не веришь ты мне, — заключил Серебряный.

— Не верю, — охотно согласился Вологдин.

— Ну да, ну да: с моей-то *кредитной историей*… — вздохнул «действующий агент секретной службы Ливонского вора».

— Да причем тут та твоя *кредитная история*… которая была чисто *дебетной*, если так можно выразиться, хех… — отмахнулся контрразведчик. — Уж что *в этот-то раз* у тебя по части фактов всё в полном ажуре, и каждое слово подтвердится — ни минуты не сомневаюсь! Да только — что мне до тех фактов? Я ведь, Никита Романович, не столько в факты верю, сколько в людей. В людей! — ибо, в силу профессии, в них чуток разбираюсь…

— И что ж ты во мне такого разобрал? — вопросительно приподнял бровь Серебряный. — Чем я плох?

— Да ровно тем же, чем и хорош, — промолвил Вологдин с неожиданной серьезностью. — Тем, что ты — *человек долга и чести*. Но «честный коп» — это замечательно, а вот «честный разведчик» — это, извини, или «жареный лед», или профнепригодность. Такие, как ты, Никита Романович, не предают своих — вот тебе и весь сказ. *Неубедительно*!

— Да какие они мне, нахрен, «свои»?! — грохнул кулаком по столу князь. — Взявши в заложники мою жену?

— Ну, что они у тебя жену в заложники взяли — это ТЫ говоришь. Может, и взяли. А может, спрятали, по твоей же просьбе. Или еще чего… Ты мне лучше вот чего скажи, — тут Вологдин подался чуть вперед, — эта ваша московская операция — что таки себе буду иметь на этом я, в служебном плане? Вот меня, лично — как это всё коснется?

— Уж не знаю, как твоему шефу, Страннику, — отвечал Серебряный, твердо глядя в глаза контрразведчику, — но тебе, Всеволод Владимирович, как я мыслю, от нее никакого вреда, кроме пользы.

— Ладно: уболтал, речистый, — (Вологдин *страшно осклабился*). — Если твои английские документы по «серебряной сети» и впрямь так хороши, как ты утверждаешь — будем считать, что я поверил в твои высокие чувства.

* * *

Зазвонили у Священномученика Климента, откликнулись на колокольне церкви Иоанна Предтечи, вверх по Пятницкой.

«Время, время! — подумал Вологдин, переводя взгляд с Сильвера, непроницаемо прихлебывающего свою кориандровую, на трактирную дверь. — Если Серебряный так и не выйдет на связь (а тут могут вмешаться десятки случайностей), я окажусь — в глазах Странника — обведенным вокруг пальца простофилей, и поди залучи его во второй раз на такую конспиративную встречу…»

Ларри Флинт вел себя сегодня беспокойно: постоянно перебирался с одного плеча хозяина на другое, хлопал крыльями, потом вдруг перелетел на другой конец стола и принялся копаться там в миске с ржаными сухариками, обсыпанными тмином.

Встопорщил перышки и заговорил; Вологдин вслушался в звучание английской речи.

— Куда спешишь ты, Вокс? Какие вести? — а затем, чуть изменившимся, как показалось ему, голосом продолжил: — К его величеству, чтоб доложить, что кардинал наш Бофорт умирает. Недугом тяжким он сражен внезапно. Таращит он глаза, и ловит воздух, и богохульствует, и всех клянет…

Э, да это ведь стихи! И отличные стихи, между прочим — совершенно ему незнакомые.

— Кто автор? — кивнул он на попугая.

— Без понятия, — пожал плечами Странник, и в глазах его, как показалось Вологдину, промелькнуло какое-то странное выражение. — Он много такого знает. Вот например… — и они с попугаем затянули на пару:

— Пятнадцать человек на сундук мертвеца, йо-хо-хо и бутылка рому!..

«Постой-ка, постой… — вдруг сообразил Вологдин. — „К его величеству, чтоб доложить, что кардинал наш Бофорт умирает…“ Так вот откуда… Но ведь не могут же они всерьез…»

Мысль эта, впрочем, так и осталась недодуманной: в дверях трактира возник наконец Серебряный.

— Прошу прощения за опоздание, — произнес тот вместо приветствия. Окрестности Кремля перекрыты патрулями, пришлось давать кругаля. Там, похоже, какая-то суета и раздрай.

С этими словами он выложил на стол перед Вологдиным пачку банковских документов — несомненно подлинных, — при одном взгляде на которые тот забыл обо всём: да, это именно то, что требовалось!

Итак, всё сошлось — и арест Странника надо производить прямо здесь, немедленно. В штаб-квартире, на Знаменке, тот

сумеет вывернуться при любых доказательствах вины, и там неизвестно еще, кто кого арестует… точнее — как раз вполне известно, увы-увы… Интересно, скольких верных людей он с собой привел, кроме той парочки «приказчиков» за угловым столиком? Если это и вправду всё, то моей группы захвата, ожидающей снаружи, хватит за глаза…

За этими мыслями Вологдин как-то упустил из поля зрения Серебряного, выполнившего уже (с его точки зрения) свою задачу. Князь между тем, поморщившись на скудный ассортимент выпивки и закуски на их столе, двинулся было к стойке, но на полдороге обернулся и с усмешкой произнес:

— О, да это же знаменитый Ларри Флинт! Ларри, Ларри! *Хочешь печеньку?* — и небрежно полез в карман.

При этих его словах попугай, будто только того и ждал, взмыл в воздух и описал круг под потолком, оглашая трактир приветственными воплями на всех языках мира. Сильвер, похоже, ожидал чего угодно, но только не этого, и непроизвольно дернулся за своим любимцем, уронив прислоненный к столу костыль. Князь же лихо, по-разбойничьи, свистнул в два пальца, и тут…

И тут крышка погреба, что справа от стойки, отлетела настежь, и из подземного мрака, воистину, как чертики из коробка, возникли какие-то люди, мгновенно заключившие князя в оборонительное кольцо.

Пятеро, и среди них — зеленоглазая девушка редкой красоты.

«Чистая работа, — отстраненно подумал Вологдин, запихивая за пазуху *бесценные бумаги*. — Но зачем ТАК? Что им надо?..»

Попугай, между тем, заложил еще один вираж и спикировал на плечо Серебряного, восторженно заорав:

— Валькир-ррия! Валькир-ррия!! Штауф-фенбер-ррги х-хр-ррЕновы!!!

При этих, малопонятных окружающим, словах по «детям подземелья» прошла какая-то странная рябь, и Вологдин кожей ощутил: у тех тоже *что-то пошло не так*! Их старший, в котором он безо всякого удивления узнал вице-президента Джеймса Э. Бонда, скомандовал железным голосом:

— Ловушка! Уходим! Энни — головная, Ник — следом, мы трое — прикрываем!

Первым, однако, среагировал Сильвер: рефлекторно, вреде бы, нагнувшись за своим упавшим костылем, он распрямился уже имея в руке пистолет — и тут же послал пулю в Серебряного; и наверняка убил бы — не заслони того собой один из Бондовых приказчиков. Ну и началось… Трактир, разумеется, тут же заволокло дымом, в дверь, разумеется, полезли, не дожидаясь

команды, бойцы его группы захвата — разумеется, отчаянно мешая друг дружке.

— Прекратить огонь!! Все на местах! — заорал что есть мочи Вологдин, повиснув на одноногом в клинче и не давая ему извлечь из ножен абордажный тесак; тот же, в свой черед, прокричал команду своим людям — кивком головы выделив из числа врагов Серебряного:

— Убей его, Шилов! Убей его!!

Поздно: князь, повинуясь команде Бонда, исчез во тьме подвала, а уцепившийся за его за плечо попугай напоследок вновь проорал какую-то невнятицу:

— Адергр-ррaунд! Андергр-раунд! Кустур-ррич-ца!

…*Скоротечный огневой контакт* завершился. Из троих «детей подземелья» ушел только Бонд — защелкнув за собой на задвижку дверцу в то подземелье. Один боевик погиб на месте, сраженный пулей Сильвера, второй — получил ранение в живот и успел покончить с собой; оно и к лучшему, для всех — *концы в воду*. У наших (включая сюда и Сильверовых) — двое легкораненых; памятуя *уровень* тех ребят, по их Кёнигсбергской операции… гм… *стреляли только по конечностям*?..

«А зачем приходили — непонятно; аль сказать чаво хотели?..» Ну, не за попугаем же, право-слово!.. Что-то их спугнуло… Прозвучавшая реплика о валькириях? — гм…

— Джон Сильвер, сядь и положи руки на стол! Сдать оружие и жетон! — черный зрачок вологдинского «Кузнеца Вессона» внимательно разглядывал одноногого англичанина и разряженный пистолет в его руке. — Ты арестован за госизмену и казнокрадство в особо крупных. У меня в руках — в смысле: за пазухой — документы Барклай-банка о твоих операциях за последние три года. Имеешь что-нибудь сказать в свое оправдание?

— О-хо-хонюшки… — одноногий морской волк не спеша сел и, аккуратно отложив на край стола дымящийся пистолет, придвинул к себе недопитую чарку кориандровой. Выражение лица его не обнаруживало ни малейшего смятения, и у Вологдина засосало под ложечкой от недоброго предчувствия. — Разве мало я видел больших кораблей, которые погибли попусту? Разве мало я видел таких молодцов, которых повесили сушиться на солнышке? А почему? — а всё потому, что спешили, спешили, спешили… Дочитай-ка свои документы Барклай-банка до октября прошлого года — тогда и поговорим!

Тут, однако, снаружи послышались команды, конское ржанье и лязг оружия. Вологдин уставился на входную дверь — кто бы

это мог быть?

А вот кто: шаркающей кавалерийской походкой входит Пушкин в легком шлеме, в посеребренной кольчуге.

Генерал Афанасий Пушкин, начальник личной охраны Годунова; у них что там — объявлено военное положение? и с серебром?..

Одного взгляда хватает тому, чтоб разобраться в ситуации (пусть и без деталей):

— Вы тут что — с ума посходили? Митрополит помер в одночасье, всё летит кувырком, благочинники, похоже, готовы уйти под Дозоры, — а вы тут промеж своими членомерку затеяли? А ну, отставить!

Вперил пронизывающий взор в Сильвера:

— Через полчаса в Кремле — расширенное заседание Опекунского совета. Борис Феодорович тебя требует пред светлы очи, немедля. Грядущее прозреть — сумеешь?

— Отчего ж не суметь, — пожал плечами Странник, неспешно вставая из-за стола, — дело нехитрое. Да не гоните вы волну, всё под контролем!

— А тебе, полковник, велено принимать под свою команду всех способных носить оружие и вести их на Знаменку. Задача: превратить ее в нашу крепость, это для начала. Действуй по собственному разумению — всё равно все планы пошли прахом, ни черта толком не готово…

И умчались — вихрем; Сильвер успел, правда, перекинуться парой-тройкой негромких слов со *своими*.

Вологдин меж тем оглядел оперативников из своей группы захвата, велел людям Сильвера представиться по всей форме (те, переглянувшись, предъявили серебряные жетоны: «сержанты Шилов и Гвоздёв», гм… — оперативные псевдонимы, ясен хрен) и, под недоуменными взорами подчиненных, принялся неспешно перебирать Бондовы бумаги: «В нашем положении, парни, лишние три минуты ничего уже не решают…»

Долистав их до прошлогоднего октября — Сильвер не соврал, — он некоторое время просидел полуприкрыв глаза и приводя мысли в порядок.

Вся «серебряная финансовая империя» в английских банках и вправду оказалась личной собственностью Годунова и его доверенного лица, Сильвера, управляемой ими по принципу «двойного ключа».

Триумвиру такая структура собственности могла понадобиться в одном-единственном случае: если он четко решил уже для себя: «Пора валить». Уже год тому как.

— …Что будем делать? — прервал наконец молчание

старший опергруппы.

— Выполнять свой долг, разумеется, — тяжело поднялся из-за стола Вологдин. — Всем проверить оружие: по пути к Знаменке можем нарваться на всякие… неожиданности.

Глава 31

Вот всё у них так!..

В субботу 10 июня 1540 года в три часа дня Кромвель [*Томас Кромвель, 1-й граф Эссекс — английский государственный деятель, первый советник Генриха VIII в 1532–1540 годах, главный идеолог Английской Реформации, один из основоположников англиканства*] был арестован во время заседания Тайного Совета по обвинению в государственной измене и ереси. Члены Совета с кулаками набросились на безоружного министра, герцог Норфолк и епископ Гардинер срывали с него ордена, пожалованные за службу Англии. В отчаянии он сорвал с головы шапку и крикнул: «Я — изменник? Скажите по совести, я — изменник? Я всегда верно служил его величеству!..»

John Lawson,

«Mediaeval Education and the Reformation».

До сих пор помню лица оцепеневших вождей. Репродукция любимой картины советской детворы — «Арест Временного правительства».

Хрущев во главе стола с лысиной алой, как у мартышки задница. Трясущаяся складчатая морда Маленкова. Схватившийся от ужаса за бороденку Булганин. Мертвенный блеск стекляшек пенсне Молотова…

На лице Берии плавало огромное удивление. Не гнев, не злоба, не страх — гигантское удивление владело им. Он смотрел, как я бегу к нему через зал, и, кроме любопытства и недоумения, его идольская рожа черного демона ничего не выражала. И только когда я уже был за его стулом, он медленно — как в замедленном кадре, как в навязчивом сне с погоней — стал засовывать руку в задний карман брюк. Но было поздно. Для него вообще уже всё было поздно.

Братья Вайнеры

«Евангелие от палача»

От сотворения мира лета 7072, декабря месяца тринадцатого дня.

По исчислению папы Франциска 23 декабря 1563 года.

Москва, Кремль; два часа пополудни.

Давно уже и не нами первыми замечено, что сочинение истории человечества Всевышний, похоже, передал на аутсорсинг, и пишет ее какой-то сценарист телесериалов, обладающий необузданной фантазией, своеобразным — мягко скажем — чувством юмора и явными провалами по части вкуса и меры.

Принеси, к примеру, обычный сценарист в подрядившую его «Netflix» или «HBO» сцену, где король (доведший дело до гражданской войны жестоким искоренением в стране «рецидивов язычества») гибнет оттого, что под ним натуральным образом *развалился трон* — тамошний продюсер покрутил бы пальцем у виска и укоризненно промолвил бы: «Ну ты вааще! Метафоры, конечно, метафорами — но хоть какой-то градус правдоподобия выдерживать надо! У нас всё ж таки исторический сериал, а не черная комедия!» И сколько бы ни клялся злополучный литработник: «Но ведь так всё и было, по правде!», тыкая пальцем и курсором в соответствующую статью из Википедии — быть бы ему безжалостно отосланным переписывать эпизод… А *этому*, сочиняющему якобы реальную историю, всё сходит с рук!

Вот и мрут у нас тут короли, то будучи зашиблены обломками развалившегося под ними трона (как Бела I Венгерский); то вывалившись из окна замка и получив затем, на плитах двора, *coup de grБсе* в виде сверзившегося вослед за господином любимого карлика (как Генрих II Иерусалимский); то просто подавившись куском гусятины в состоянии «ржунимагу» после казарменного анекдота в исполнении своего шута (как Мартин I Арагонский)…

Тут, впрочем, может прийти на помощь конспирология (в неопасных для душевного здоровья дозах). К примеру: предыдущий Иерусалимский король, Конрад, был при крайне подозрительных обстоятельствах убит ассасинами, а его супруга, Изабелла, по прошествии восьми дней скандально обвенчалась с тем Генрихом — и всех *братанов*-крестоносцев вокруг *терзали смутные сомнения* насчет *заказчика* той *мокрухи*; вот тому и *обратка прилетела*, чего тут непонятного? А на загадочно развалившийся трон Белы немедля (столярный клей еще, поди, высохнуть не успел…) взгромоздился его родич и соперник Шаламан, подсаженный туда германскими интервентами… Так что вполне может статься, что с теми преудивительными династическими смертями всё было куда грубее и *правдоподобнее*,

а эти занимательные исторические байки присочинили потом летописцы — исключительно для отвлечения внимания публики от неприглядной сути событий.

* * *

Смерть митрополита (или патриарха — тут как считать…) всея Руси Пимена, вызвавшая обрушение Триумвирата и послужившая в итоге детонатором Московской смуты, принадлежит как раз к такого рода историческим казусам. Цепочка случайностей, приведших к финальному результату, кажется творением того самого *сценариста*, и заставляет вспомнить максиму: «Нет ничего невозможного — есть только маловероятное».

Первосвятитель скоропостижно скончался от апоплексического удара (что при его корпуленции и *полнокровии*, а также вошедшей в легенды склонности к гастрономическим излишествам, ничуть не удивительно) прямо во время торжественного молебна, на глазах у сотен свидетелей. Современные историки ничуть не сомневаются, что смерть та была естественной — однако московский люд, от нищих на паперти до священноначалия и двух других триумвиров, мгновенно вынес единодушный вердикт: «Извели! — то ли ядом, то ли чародейством», и разубеждать их в том было делом пустым. Правда, по вопросу «Кто именно извел?» никакого единодушия не наблюдалось: версии варьировали от «Кровушкой захлебнулся» (намекая на Божью кару за абсолютную сервильность к «Кровавому режиму») до «Чесночок отрыгнулся» (предполагая бизнес-разборки по темным делишкам Благочиния).

Сцена (многократно воспроизведенная потом в исторических романах и кинофильмах) вышла и впрямь эффектная. Вот митрополит, в новеньком и непривычном еще патриаршем облачении, начинает звучным голосом возглашать первые слова молитвы «Царю Небесный» — как вдруг, на полуслове, язык его отнимается; хрип, выпученные глаза, руки ходят будто сами по себе, попадая рукавом в свечное пламя… И этот, вспыхнувший от свечки, рукав патриаршего облачения дружно поминали потом все летописцы: вот-де, знак-то какой Господь подал насчет *покупного патриаршества*!..

Как бы то ни было, Пимен помер в одночасье, едва успев принять последнее причастие, и московский Триумвират обратился в треножник с одной подломившейся опорой: вопрос стоял лишь о том, в каком именно направлении завалится вся эта

конструкция, и кого при этом задавит. Патриарх (которого в народе продолжали, по старой памяти, величать «Чесночным митрополитом») был на самом деле очень непрост, и все эти годы весьма умело вел свою игру, балансируя между Годуновым и Цепенем. Собственный его интерес состоял как раз в том, чтобы ни один из тех не усилился чрезмерно и не сожрал другого: архипастырь отлично понимал, что на подобном фуршете десертом неизбежно станет он сам, и что жив он, собственно, лишь пока те всецело поглощены борьбой друг с дружкой.

Гарантией же его собственной безопасности было именно то, что попытайся любой из триумвиров его убрать, любым способом, второй однозначно воспринял бы это как объявление войны на уничтожение (что в планы их обоих до поры не входило). В такой ситуации даже никакая маскировка под «естественную кончину» не прокатит: реальных игроков-то всего двое, мысль «Я этого точно не делал — значит, это сделал Тот, Другой» возникает, что называется, по умолчанию — и дальше шансов «разойтись по-хорошему» нет уже никаких… Именно так и произошло в декабрьской Москве 1563 года.

* * *

Заседать решили, как повелось в таких случаях, на Адашевской территории (которую, по расстановке реальных сил, можно было числить за «ничейную»): в Посольской палате, в Присутственном покое. Удобен он был тем, что в нем не было ни единого окна, даже заложенных проемов — только глухая стена, будто специально под вкусы Влад-Владыча со товарищи. Освещалось помещение скипидарными светильниками с жестяными отражателями — увы, импортные, из ненавистной Ливонщины. Света зато они давали достаточно и не очень коптили.

Делалось всё в спешке, но по отработанной за годы процедуре. Годунов наблюдал, как шестеро дружинников, покряхтывая от натуги, заносят в залу его личный престол — сооружение пышное, обитое разноцветной парчой и изукрашенное каменьями. Выглядело оно весьма внушительно, чтобы не сказать — шикарно. Триумвир усмехнулся. Парча была подношеньем Адашева — из царёвых кладовых, вестимо; что же до каменьев, то это были цветные стекляшки немецкой работы. Борис Феодорович не считал нужным вкладывать деньги в то, чего он не смог бы, *в случае чего*, прихватить с собой в дорогу дальнюю. Предмет же таких габаритов транспортировке явно не

подлежал.

До того, как внести престол в залу, его тщательнейшим образом обыскали, общупали и даже, кажется, обнюхали кромешники: а не таится ли под парчой, скажем, арбалет с полным боезапасом серебряных стрел, или еще какая затея? Годунов отнесся к этому с пониманием: порядок есть порядок, а разговор и впрямь обещал быть серьезным.

Следующим, по протоколу, должны были вносить престол Патриарха. Вместо него черноризцы втащили массивное седалище патриаршьего местоблюстителя Ионы. Оно было поменее годуновского, но как бы не потяжелее — местоблюститель любил золото и черное дерево. Разумеется, обыскали и его — кромешники с участием годуновских, и, разумеется, с тем же результатом.

Затем в залу занесли турецкой работы оттоманку — для Адашева. Что до Цепеня, то этот имел обыкновение сиживать в такого рода собраниях на раскладном походном стульчике с сиденьем из *солдатского сукна* (Годунов как-то раз поинтересовался у Господаря о мотивах такого вызывающего аскетизма. Тот, усмехнувшись в усы, ответствовал: «Нэ мэсто красыт челавэка, а челавэк мэсто»). Для всех остальных втащили лавки.

Началась рассадка. Сначала зашли трое годуновских гридней, потом трое кромешников, потом черноризцы в том же количестве. Уже под их присмотром начали запускать разных прочих.

Решительным шагом в зал вошел боярин Данила Семенович Фомин. Если ветхий Иона был правой рукой покойного митрополита, то Данила Семенович был его рукою левой: начальником службы собственной безопасности Пимена и его личной охраны. В лике и стати Даниила Семеновича не было решительно ничего церковного, зато много лихого, чтобы не сказать разбойного. Годунов им прямо залюбовался. Тот огляделся мельком — и сразу вышел обратно; всё верно — его место сегодня снаружи.

За Фоминым должен был заходить кто-то из годуновских. На сей раз это оказался Сильвер.

Долговязый Джон был хмур. Вопреки обыкновению, попугая своего он в этот раз не взял. Непривычно пустующее плечо англичанина наводило на очень нехорошие мысли. Похоже, тот был уверен, что *разойтись добром* не получится, и *зеленого друга* решил поберечь. Сам, правда, явился по первому зову — в отличие от кой-кого из тех, в ком Годунов до сегодняшнего дня был вполне уверен, а оказалось — зря…

Кромешники быстро обтрясли англичанина, не больно-то

рассчитывая на поживу. Новичок потянулся было за костылем, и тут же с отвращением отдернул руку. Годунов наблюдал такую сцену не впервые, но всякий раз получал от нее толику удовольствия. Вампиры, хоть и имели немало преимуществ перед обычными людьми, были всё же вполне уязвимы. Они береглись от солнца, серебра, зеркал (что было не совсем понятно: вопреки легендам, они в них преотлично отражались), чеснока и осины; всё это и должны были отлавливать на входе караульные кромешники. А вот рябина — «ирландское дерево», отгоняющее всякую нечисть и нежить — в тот, согласованный некогда триумвирами, протокол по какому-то недогляду не попала; требовать же *расширения закрытого списка* под конкретный, всей Москве известный предмет — костыль одноногого моряка — Господарь резонно почел за потерю лица… Не то чтоб рябина упырям вредила всерьёз, но было в этом дереве нечто противное их натуре. Вот и сейчас старший досмотровой группы покрутил деревяшку руками в перчатках, будто это был горячий металл, и тотчас вернул, процедив: «Проходи!»

А вот Адашева шмонали долго. Не то, чтоб его почитали за «прямую и непосредственную угрозу», но в последнее время лидер старопрежней Избранной Рады стал излишне рассеян — вероятно, от неумеренного употребления горячительных напитков. Пил Адашев крепко, и однажды заглянул к Владимиру Владимировичу сразу после обеда, случайно (якобы…) прихватив с собой серебряную ложечку: как и все люди его положения, ел-то он с серебра. Господарь на пьяного дурака не то, чтоб осерчал, но казус сей запомнил. И наказал своим — присматривать за *рассеянным* в оба, а то ведь, неровен час, в следующий раз прихватит невзначай уже не ложечку, а вилку; с вилками-то, сами знаете, случались *исторические прен-цен-денты*… Но на сей раз в карманах царского постельничего не обнаружилось ничего опаснее старой чесночной шелухи.

Чинно отдуваясь, занял свое место тучный Генрих Штаубе, руководитель Пятой — экономической — службы Особой контрразведки: Годунов счел, что нарытые верными немцевыми «пятачками» горы компромата на простодушных церковных гешефтмахеров могут пригодиться по ходу неизбежной разборки. Иностранный специалист старательно изображал из себя солдафона и фанфарона, будучи на самом деле человеком весьма дельным и по-своему даже честным (Борис Феодорович, будучи, как уже говорено, гранд-мастером *подбора и расстановки кадров*, давным-давно постановил для себя, что соотечественников, при любых их достоинствах, лучше держать поодаль от любых дел, связанных с деньгами: «Нашим *можно доверить свою жизнь, но*

лишь полный дурак доверит им червонец — такой уж мы народ, против природы не попрешь…»)

Сегодня немец явился в фиолетовой куртке и широченных малиновых штанах, сплошь изукрашенных затейливыми разрезами и золотым шитьем, имея на голове зеленый берет с огромнейшим петушиным пером. Как объяснял сам Штаубе, такова была благородная ландскнехтская мода его боевой юности, по коей он ностальгирует и поныне. Сильверов попугай имел обыкновение, едва завидя Генриха, восторженно орать по-русски: «Дембельский мундир-рр! Бахр-ррома, шнур-рры! Кр-ррасавчег-г!» Штаубе подозревал, что птица над ним насмехается, но *доказать не мог*.

Прямо вслед за ним, в не менее щегольском платье иноземного покроя, прошествовал Чеснаков из Дневного Дозора, новоявленный сват перебежчика Ковшегуба. Этот, как обычно, попытался пройти с изукрашенной золотом и каменьями декоративной шпажонкой; шпажонку у него, как обычно, мстительно отобрали на входе.

Далее запускали рясоносную братию. Колыша огромным животом, зашел вперевалку отец Онуфрий, глава Высшего Благочиния. Следом — отец Илиодор, возглавлявший Отдел Внешних сношенй, и начальник его секретариата отец Аполинарий. Сильно расплывшийся за последние годы Илиодор привычно опирался на плечо весьма юного для своей должности Аполинария — розовощекого, русокудрого и голубоглазого. Годунов поморщился: какие там *сношения*, известно было всем вокруг.

Парад толстяков продолжил апоплексически-багровый секретарь Особого трибунала Шереметьев; ему воспоследовали отец Амвросий с отцом Нектарием (*Роснепотребнадзор* и *Росдурьконтроль*). Эти тоже имели обыкновение ходить повсюду парочкой, едва ли под ручку, но здесь близостью не пахло ни малейшей: смертельные аппаратные враги попросту боялись хоть на миг выпустить друг дружку из поля зрения. Физиономии их были исполнены такого смирения и благочестия, что Годунову вновь подумалось — ох, добром это всё не кончится.

Зал постепенно заполнялся. Вот вошел, откозыряв, непроницаемый на лицо воевода Одихмантьев, курирующий от Дозоров Стрелецкий приказ, а сразу за ним — двое упырей в форменном черном, Годунову лично не знакомых (Владимир Владимирович недавно устроил у себя внеплановую *чистку рядов*, так что *контингент обновился* весьма заметно). Кривя яркие, будто накрашенные, губы, вступил в залу боярин Щелкалов из Посольского Приказа; этот Годунова недолюбливал, поскольку

его конторе вечно приходилось *отмазывать* особистов, спалившихся в закордонных делишках. Следом за ним проковылял старенький Обрюта, из худородных Нагих — хранитель Большой Государственной Печати; этот числился адашевским — триумвиры не смогли поделить Печатный приказ и согласились на Обрюту из соображений «ни вашим, ни нашим».

Наблюдая за рассадкой, Борис Феодорович услыхал вдруг над ухом тихий оклик Сильвера:

— Боярин! Надо вызвать сюда Пушкина, немедля.

Годунов заколебался. Генерал Афанасий Пушкин, как и оба чужих шефа личной охраны, находился тут *при оружии* и, соответственно, обязан был пребывать вне зала заседаний. Он мог зайти лишь временно, разоружась в дверях, как недавно проделал патриарший Цербер… а, кстати, зачем?

Впрочем, в удивительной интуиции старого моряка, граничащей временами с ясновиденьем, Борис Феодорович имел случай убедиться не раз и не два (взять хоть его недавнее предсказание о грядущем «несчастье с Патриархом»). И, заметим, этим своим даром тот никогда не пользовался по пустякам — и к тому же был не из болтливых… Что ж — положимся опять на его *чуйку*, и черт бы с ним, с нарушением протокола.

Отряженный за Пушкиным гридень едва не столкнулся в дверях с Цепенем: Владимир Владимирович, как обычно, опоздал к началу мероприятия. Старый вурдалак, при всех своих сверхчеловеческих возможностях, был трусоват и маниакально помешан на вопросах безопасности, не доверяя даже личной охране и постоянно ее *перетасовывая* (одни охранники, после *обращения*, отправлялись воеводами в дальние края, другие — исчезали бесследно). Эти всегдашние, легендарные уже, его *опоздания*, которые все принимали за демонстративное хамство, цель имели совершенно иную, сугубо прагматическую: сбить с толку потенциальных заговорщиков. Готовя сколь-нибудь серьезное покушение, сценарий его расписывают пошагово и поминутно, и тут даже небольшой сбой по времени может обрушить все планы убийц.

Цепень сегодня выглядел неважнецки. Даже лицо его было таким бледным, будто его сметаной намазали. Личный досмотр он прошел со своеобычной брезгливой миной, и прошествовал к своему любимому походному стулу. Сел Влад-Владыч от всех отдельно, скрестив тощие ноги в сафьяновых красных сапожках.

Наконец все разобрались по своим местам. Отец Илиодор, в спешке назначенный председателем похоронной комиссии, потряс секретарским колокольчиком, призывая к тишине. Все

дружно встали, и тот прочел краткую молитву. Собравшиеся внимали ей с должной постностью на лицах, а по завершении — с должной истовостью перекрестились.

— С глубочайшим прискорбием, — начал отец Илиодор, — мы извещаем уважаемое собрание, что в лето семь тысяч семьдесят второе декабря месяца тринадцатого дня отошел ко Господу Святейший Патриарх Московский и всея Руси Пимен. Мы собрались здесь, дабы общими соборными молитвами проводить усопшего Патриарха в место, кое определи ему Господь…

По *годуновским* (да и не только по ним) порхнула неслышная усмешка: мнение о том, в какое именно место Господу следовало определить усопшего, они имели вполне устоявшееся.

— Был он великим печальником перед Богом за многострадальный наш православный народ, молитвенником и заступником нашим перед Господом, славен был подвигами смирения и беззаветной любви, — продолжал соловьем заливаться отец Илиодор.

По-хозяйски громко стуча подкованными сапогами, в залу зашел Владислав Юрьевич Дударь-Мармотный: черный парадный мундир, лицо полускрыто черными солнцезащитными очками по последней средиземноморской моде, руки — в черных перчатках.

— Почтенное собрание, прошу меня извинить, — громко объявил он, поднимая руки и подставляя бока годуновским досмотрщиками. — На улице ужасающе светло.

Прерванный Илиодор посмотрел на начальника Ночного Дозора безо всякой любви. Даже возможность подсобрать тому на голову толику горящих угольев, следуя рекомендациям апостола Павла, святого отца, похоже, не соблазняла.

— Нет у нас больше Патриарха, вразумителя и заступника нашего перед Господом, совершенного служителя Божия…

— Так за чем дело стало? *Этот Патриарх сломался, несите нового!* — в обычной своей хамской манере *залепил* Мармотный, прервав перешептывания с Чеснаковым.

Годунов с любопытством оглядывал рясоносную часть собрания, ожидая ее реакции. Смолчат и проглотят, или хотя бы для виду повозмущаются?

Проглотили. *Уголья собирают*, не иначе…

— Владыслав Юрьевыч очэн таропыца, — высказался Влад-Владыч, которого эта сценка явно позабавила. — Навэрнаэ, он хочит палюбоваца закатом.

— Не сегодня, господарь, — усмехнулся Мармотный, встав и отвесив собранию шутовской поклон. — Я ожидаю ныне к ужину одну редкую обезьянку, из Бразилии. Превосходная страна, там в лесах много-много диких обезьян!

— О Боге хоть раз подумал бы, а не о похотях своих, — достаточно громко произнес отец Илиодор.

Направившийся уже к дверям Мармотный предпочел расслышать и обернуться:

— Уверяю вас, — отчеканил он с холодным достоинством, — мой интерес к обезьяне — чисто гастрономический. А вот ваша, святой отец, *фиксация* на вопросах мужеложества и скотоложества наводит на вполне определенные мысли…

Засим кромешник покинул скандализованную залу, разминувшись в дверях с поспешающим внутрь Пушкиным и провожаемый загадочным взором своего Господаря.

«*Вот и еще один покойник*», — отметил про себя Годунов. Ставшие регулярными в последнее время *чистки* обратили руководящий состав Дозоров в гарнизон зачумленной крепости (что при этом ничуть не приутишило смертельную грызню внутри нее, между Дударевыми *ночными* и Чеснаковскими *дневными*…) Исторический опыт подсказывал, что в ближнем круге свихнувшегося Лидера выживать способны лишь серые как валенок лизоблюды, без остатка разменявшие ум на хитрость и мыслящие одним лишь спинным мозгом. *Интеллектуал-и-Оригинал* Мармотный же, со своими *гишпанскими гитарами* и *цыганскими романсеро*, в эти *новые реалии* отчетливо *не вписывался* — и, пожалуй даже, *нам будет его недоставать*…

За этими размышлениями Годунов едва не упустил начало тихого совещания между Сильвером (этот тоже проводил упыря пристальным взглядом, пробормотав: «Бразилия, гришь?..») и Пушкиным; разговор меж тем пошел о делах более чем серьезных.

— …Но монахи, монахи! Откуда в Кремле монахи? — спрашивал Странник. — Да еще такие умелые, бойкие ребята?..

— Это всё люди Фомина, «боевые чернецы». Они, считай, и не монахи вовсе…

— *Почему среди челяди — люди Старицких*? Я насчитал минимум троих.

— Все эти юродивые? Так они спокон веку тут шляются, по всему Кремлю…

— Меня не интересуют «спокон веку» и «весь Кремль», генерал! Меня интересуют — «прямо сейчас», и — «помещения под нашим залом»! Обыщите их, не теряя ни минуты!

Пушкин озадаченно поглядел на Годунова.

— Делайте, что он говорит, генерал, — принял решение Борис. — Исполнять!

— Слушаюсь! Что мы ищем — тех «юродивых»?

— Скорее — запертые двери, от которых ни у кого вокруг нет ключа. А «юродивые», если я прав в своих подозрениях, уже там

внутри… с кресалом и огнивом, хех. Поторопитесь, черт побери!

Пушкин поспешил на выход, Годунов же обратился к Сильверу:

— Что происходит? Объясни!

— Возможно, мы с вами сидим прямо на бочке с порохом, — отвечал тот. — В самом что ни на есть буквальном смысле.

— Но кто?.. Ведь ВСЕ тут, вместе!..

— Нет, боярин. Не все.

— Володенька Старицкий?? — едва не расхохотался Годунов. — Это ничтожество?..

— Ну, не сам, разумеется, — отмахнулся Сильвер. — При его «Потешном дворе» в Коломенском околачивается тьма-тьмущая двинутых на религиозной почве и юродивых; а вся эта бражка традиционно имеет доступ к разнообразным кремлевским закоулкам — куда можно много чего натащить, потихоньку-полегоньку. Вот вам и исполнители: не дорожащие жизнью фанатики, *ассасин-стайл*. Есть и организаторы: пара-тройка неглупых ребят из этой, как ее — Избирательная Рада? Терять им особо нечего, а если всё здесь взлетит на воздух — эти *монархисты* смогут *переучредить* Регентство в новом составе. Избавив Русь от кошмарного вампира, а нас всех вписав в графу «сопутствующий урон» — очень удобно!

— Да ладно! Вон сидит Адашев — на одной с нами «пороховой бочке»; а кроме него на «организатора» у тех *монархистов* точно никто не потянет, — скептически покачал головою Годунов. — И уж не думаешь ли ты, что я сейчас запаникую и сбегу отсюда — бросив карты, когда на кону патриарший престол?

— Сбежать отсюда? Боюсь, боярин, это легче сказать, чем сделать, — вздохнул Сильвер. — Наружи — боевые чернецы Фомина, в зале — вурдалаки Мармотного. Обратите внимание: обычно на таких сборищах *ночные* и *дневные* блюдут меж собой строжайший паритет; но сегодня — гляньте-ка: кроме Чеснакова сплошь *чернота*. Оружия в зале нету ни у кого, но эти-то — сами по себе оружие…

— Ну, тогда вся надежда — на твою рябину, ха-ха!

— Рябина, ха-ха, — откликнулся Сильвер со странной интонацией; сохраняющего полное хладнокровие патрона оглядел, однако, с явным уважением.

Тут-то как раз и восстал со своего места Цепень, бесцеремонно оборвав на полуслове траурные излияния отца Илиодора:

— Как нэдавно сказал здэсь Владыслав Юрьевыч: «Этат патрыарх сламалса — нэситэ новава!»

Залу мгновенно заполнила до краев глухая, ватная тишина. Немигающий взгляд вурдалака неспешно заскользил по *оцепеневшему* (хи-хи…) собранию, и Годунову припомнилась вдруг одна из моряцких баек Сильвера: будто кролики под пристальным взглядом змЕя-*удава* сами лезут к нему в пасть…

«А ведь мне конец настал, — внезапно и запоздало сообразил он. — Мне пришел на руки козырной туз, в виде Сильверова предсказания, но я перемудрил со своей *многоходовочкой*: сперва провести в патриархи своего человека, и только затем уже, с этой позиции, атаковать Цепеня. Потерял на том время и темп, а вот цепенева импровизация, придуманная на ходу и организованная за пару часов — сработала. Добро бы попы *снюхались* с упырями — это еще полбеды, но ведь они просто *легли под тех*! Как там? — *„Из колоды моей утащили туза, да такого туза, без которого — смерть*“…»

Продлив паузу насколько хотел, Влад-Владыч продолжил:

— Владыслав Юрьевыч у нас чэлавэк маладой. И па формэ он бил нэправ. Но па садэржаныю — прав. А как гаварят мудрые старыки — классыки! — форму апрэдэляет садэржаные. Вот как Цэркав у нас: хрыстыанская па формэ — и сувэрэнная па садэржаныю…

Господарь помогал своей речи плавными движениями знаменитой трубочки:

— Очэн харашо било сказано, Владико, очэн: пора нам всэм падумать о Богэ! А Богу угодна, щтобы у нас бил новый прэдстаятель пэрад ним. Нэ так лы? — обратился он напрямую к отцу Илиодору.

— Вообще-то избрание Патриарха — дело Церкви, — тихо, но очень отчетливо произнес отец Амвросий.

— Савэршенна вэрна! — Цепень, отложив трубку, хлопнул в ладоши и заулыбался. — Это дэло Церкви! А Церкав — дэло гасударственное! Стало быть — нашэ, — заключил он.

— Церковь святая православная главой своей имеет Иисуса Христа, а не царей земных, — дерзко заявил отец Нектарий, не пожелавший даже тут уступить первенство своему аппаратному сопернику.

И тут все замерли, вслушиваясь: это что еще там такое? Московские колокола всё это время гудели с приличествующей случаю печалью, как вдруг прямо по соседству с Палатами — в церкви Ризоположения, служившей доселе домовым храмом Митрополита — грянул набатный перезвон.

Но не все замерли, ох, не все! Адашев, только и ждавший, похоже, этого сигнала, встал и, чуть пошатываясь («Чего с пьянчуги возьмешь?..»), стал пробираться к выхоу…

Так-так-так!

— За ним! — страшным шепотом командует Сильвер. — Не отставай! Вот он, наш шанс — другого не будет!

Перехватили того на полпути, под изумленными взорами собравшихся.

— Куда торопимся? — зловеще интересуется шеф Особой контрразведки, преграждая дорогу цареву постельничему.

— Пропусти! — пытается уклониться Адашев; в глазах его плещется паника. — *Меня сейчас стошнит!*

— Черта с два! Быстро отвечай — когда рванет?! Ну?!

— Сейчас! Сейчас и рванет!! — почти срывается на крик *монархист*. — Фитиль уже зажжен, по этому вот сигналу!! - (кивок в направлении звуков набата).

— Джентльмены! — Сильвер направляется к двери, а голос его обретает те самые капитанские обертоны, как когда он командовал, под головоломный разворот вполветра, орудиям правого борта: «Aiming before we're ready![27]» — Есть предложение. Всем лично не заинтересованным немедленно покинуть помещение. Сейчас здесь будет очень грязно! И *кроваво*…

Но — поздно, выход-то уже перекрыт! Господарь Цепеш, а за спиною его — мгновенно возникшая шеренга из пятерых *черных*, тех самых, что «сами по себе оружие».

— Куда ти так таропышса, Барыс Фэодоровыч? К тэбэ есть вапросы, многа вапросов! И *есть мнэние,* — он широким жестом обводит собрание, по-прежнему пребывающее в безмолвном ступоре, — щто надо создать Камыссию по расслэдованию абстаятэльств смэрти Патрыарха. Кое-кто гаварыт, щто ты о той смэрты знал заранэе, и гатовылса! Пабудь пока пад дамашным арэстом, харащо? Кто за это прэдложэние — прашю галасават!

Руки по всему залу, растерянно и вразнобой, ползут вверх, в жесте полной капитуляции.

— Пропустите! Именем Государя!! — Адашев делает отчаянную попытку прорваться к дверям. Один из *черных*, не глядя, сгребает того за грудкИ и небрежно отшвыривает в сторону, а другой, чуть подавшись из строя вперед, хрипло выкаркивает:

— Пустить им кр-рровь!

…Вот тут-то и рвануло.

Похоже, пороху *монархисты* заложили от души — но вот минирование выполнили совершенно безграмотно, и взрывная волна ушла *не туда*. Само помещение Присутственного покоя почти не пострадало — зато начисто рухнула внешняя стена, и

все внутри невольно зажмурились от внезапного солнечного света.

То есть это люди там — на миг зажмурились, пока глаза привыкнут, а вот *Цепеш со товарищи*…

Ну, насчет того, что вампиры-де от дневного света мгновенно распадаются в горсть праха — это, конечно, полная ерунда, такая же, как то, что они якобы не отражаются в зеркалах и не отбрасывают тени. Но что «солнечный удар» для этих существ — штука крайне неприятная и болезненная, это, как говорится, «медицинский факт».

Тут одного взгляда было достаточно, чтобы понять: вся Цепешева пятерка выведена из строя, по крайней мере, на время. Сам он, однако, ничуть не пострадал, по крайней мере внешне, и сейчас пристально оглядывает своих бойцов, обожженных и полуослепших, стараясь оценить масштабы бедствия.

Повернувшись на этот миг спиною к Сильверу…

— Замри! — с теми же капитанскими интонациями командует тот Годунову; затем, опершись на плечо боярина, *Долговязый Джон выхватил свой костыль из-под мышки и метнул его вслед упырю как копье*. Борис успел заметить, как сверкнул под солнечным лучом наконечник, выкидное посеребренное лезвие о шести дюймах — туз, сберегаемый Странником в рукаве все эти годы, на такой вот как раз крайний случай.

Костыль, пущенный с невероятной силой, свистя, пролетел в воздухе и поразил вампира посеребренным острием в спину между лопатками. Цепеш взмахнул руками и упал ничком. Судя по звуку, у него был разбит позвоночник.

Потом был отчаянный прорыв по коридорам и залам Посольской палаты в цокольный этаж — к известному им потайному входу в кремлевские подземелья. Сильвер, ужасный как демон морской пучины Дэви Джонс, горланил на ходу «Пятнадцать человек на сундук мертвеца». Тучный Штаубе с поразившей Годунова прытью завладел одиноко томившейся у дверей залы чеснаковской шпажонкой и действовал затем этой игрушкой с таким мастерством, что всякому было ясно: его «боевая ландскнехтская юность» — ничуть не похвальба для барышень. Позади, прикрывая их отход, отчаянно рубились с наседающими боевыми чернецами бойцы Пушкина.

Счастье еще, что кромешники в дело так и не вступили. Оставшийся за старшего Чеснаков абсолютно верно оценил обстановку и скомандовал своим (избавившись, как иногда случается, от заикания): «Все ко мне!!! Господарь ранен! Кольцо! Двойное кольцо!!»

…Вот она, неприметная заветная дверца. Вот она, связка ключей, что на всякий случай всегда при себе.

Последняя горстка пушкинских, тающая под накатывающей волной черноризцев.

И сам Пушкин, с лицом, залитым кровью, которую некогда — да и незачем уже! — отирать:

— Боярин! Не сдай Москву упырям! На тебя вся надежда…

Глава 32

Андерграунд

Если ранняя могила
Суждена моей весне, —
Ты, кого я так любила,
Чья любовь отрадна мне, —
Я молю: не приближайся
К телу Дженни ты своей;
Уст умерших не касайся,
Следуй издали за ней.

Пушкин,

«Пир во время чумы»

От сотворения мира лета 7072, декабря месяца тринадцатого дня.

По исчислению папы Франциска 23 декабря 1563 года, три часа пополудни.

Москва, Подземный город.

— *Boots — boots — boots — boots — movin' up an' down again. There's no discharge in the war!* — вновь принялся декламировать попугай на плече Серебряного; норовил подбодрить их, похоже — на свой, сержантский, манер.

— А можно сделать, чтоб он заткнулся? — прошипел Савельич, прикрывая ладонью фонарь. — Со зрением-то у тех не очень, а вот нюх со слухом…

— Разве что шею свернуть, — в тон ему отвечал князь, вглядываясь во тьму.

Галерея впереди резко расширялась в некоторое подобие залы, стены которой, теряющиеся сейчас во мраке, были — по словам их Вергилия — сплошь издырявлены ходами. В тех лабиринтах обитали *одичалые* — редкая и вдвойне опасная разновидность упырей. Если верить объяснениям Савельича, когда у укушенного упырем начинается процесс *обращения*, мозги его могут выключиться напрочь; такие непригодны ни к какой службе и опасны даже для *своих* — так что *служилые* упыри из Дозоров сразу убивают этих *одичалых*, как бешеных собак. К

сожалению, не всех — изредка тем удается улизнуть и найти убежище в закоулках Подземного города. Одна отрада: умножать свою численность — по-вампирьи, посредством укуса — *одичалые* не могут, ибо всех жертв своих неукоснительно обгладывают до костей… А потом, нажравшись человечины до отвала, уходят в спячку, на пару недель.

Здешний же *одичалый*, как было достоверно известно Савельичу, как раз на прошлой неделе схарчил мелкого наркодилера, от большого ума устроившего захоронку в соседней галерее — страховался, дурашка, от конкурентов. Так что у них имелся сейчас хороший шанс миновать опасное место, *не будя лихо* — а вот возможные преследователи их навряд ли рискнут сюда сунуться.

— Ах-ххтунг! Ах-ххтунг! — вдруг перешел на немецкий Ларри Флинт. — З-ззомби! З-ззомби!

Все замерли, вслушиваясь в гулкое подземное безмолвие.

— Так. Леди и джентльмены, я предлагаю прислушаться к предупреждению *нашего зеленого друга*! И немедля обработать клинки вот этим, — скомандовал Бонд и пустил по рукам объемистую скляницу темного стекла.

— Это — что? И как действует? — деловито поинтересовался Серебряный, пройдясь смоченной тряпицей по лезвию сабли.

— Серебро в виде раствора «адского камня». Плюс вытяжка чеснока.

— Алхимия от сэра Джона?

— Она самая.

Анна, безмолвная и безучастная, механическими движениями протерла острие своей итальянской шпаги. Узнав от догнавшего их Бонда о геройской гибели «обоих из ларца», она, как написали бы в романе, «окаменела от горя»: только сейчас стало понятно — сколь многое связывало спецагента «Амазонку» с Фролом Фомичом и Титом Кузьмичом…

— Тр-рревога! Тр-рревога!! — заорал тут попугай, ничуть уже не скрываясь, а Савельич вторил ему — изумленно и растерянно:

— Как так?! Ведь — они — же — всегда — одиночки!!

Но вот, оказывается — не всегда…

На сей раз *одичалые* напали парой — справа и слева.

Бонд, бросив Серебряному: «Держись сзади — это приказ!! Попугая береги!» встретил левого, и весьма удачно: его абордажный тесак просто снес *одичалому* голову с плеч — уж серебро там или как, без разницы. А вот с правым, доставшимся Анне, вышло плохо: шпага ее оказалась оружием не слишком подходящим к случаю. Серебряный видел, как узкий луч лезвия мгновенно прошил упыря насквозь — войдя тому под вздох и

выйдя из спины, — как упырь с хрипом сложился пополам, как и положено при ранениях в живот…

Не пребывай сейчас Анна в том своем сомнамбулическом состоянии, она наверняка сообразила бы разжать пальцы на эфесе и отпрянуть назад — оставив шпагу в теле врага и положившись на действие серебра. Но она замешкалась, не успев отдернуть руку — и упырь, извернувшись, вцепился в нее зубами, в районе локтя. Подоспевший Бонд снес голову и этому, но — поздно, поздно!..

— Покажи, что у тебя там! До крови? — потребовал коммандер у бессильно оползающего по стене майора Зиминой; одним движением бритвенно-заточеной навахи отмахнул ей рукав, и, распоров его повдоль, рявкнул:

— Подайте чем жгут затянуть, чего встали?!

— Там же и кровотечения-то, считай, нету, — не понял Серебряный, протягивая свой кинжал в ножнах.

— Да причем тут «кровотечение»! Это ж, небось, как змеиный укус… — не разжимая зубов проворчал Бонд, закручивая тряпицу вокруг ее бицепса, ближе к подмышке.

— Брось, Джимми, — хрипло выдохнула она. — Пустое это всё… Хотела вот попросить: «Поцелуй меня напоследок» — так ведь и этого теперь нельзя…

— С головой у тебя — как? — отмахнулся он, затянув жгут.

— Ты о чем?

— Ну — головокружение там, «голоса» и прочие глюки… Себя — контролируешь?

— Пока ничего такого, — она замерла, прислушиваясь к себе. — Вокруг укуса жжение, несильное. И — слабость, как при сильной кровопотере…

— Как чего почувствуешь — говори сразу. Идти сама сможешь?

— Куда — идти-то? Пришли уже… *приплыли*.

— Эй, вы! — раздался очень решительный оклик Савелича. — *Эту* — я никуда отсюда не поведу!

Да и поза их Вергилия ясно говорила: тот готов немедля раствориться во мраке, даже наплевав на вторую половину причитающейся ему платы. А указующий перст его был направлен на коммандера будто пистолетный ствол:

— Убей ее: *она уже не человек*! Или пусть она — сама: *если она еще человек*…

— Это ведь точно хуже смерти, Джимми, — с безжизненным спокойствием согласились сзади. — И лучше уж ты, или, вон, князя попроси: coup de grБсе — и точка. Чтоб мне самой смертный грех на душу не брать.

— Спасибо, майор, ваше мнение учтено! — отрезал Бонд и перевел взор на безмолвствующего Серебряного. — А ты что скажешь, Ник? — это прозвучало как просьба о помощи.

— Ты же знаешь, Джим, — покачал головою тот, — я за тобой — хоть в пекло, приказывай! Но ведь ЭТО — и вправду не лечится…

— Вот, значит, как… — протянул коммандер. — Военный совет, будучи опрошен по кругу, пришел к консенсусу… Ах, да, — и губы его скривила саркастическая усмешка, — мы забыли нового член нашей команды! А что скажет мичман Флинт?

— Пер-рреливание кр-ррови! Кор-рроль Эдуар-ррд Седьмой! — откликнулся попугай, будто только того и ждал.

— Что-что?! — ошеломленно переспросил Бонд.

— Замещ-щающ-щее пер-рреливание кр-ррови! Дваж-жды, дваж-жды! — с видимым удовольствием продолжил инструктаж Флинт.

И тут Серебряный с изумлением понял, по выражению лица Бонда, что вся эта абракадабра для англичанина — вовсе даже и не абракадабра!

— Так, Савел! — (да и тон коммандера изменился до неузнаваемости…) — Продолжим наши игры. Твоя плата удваивается. Вот тут, — в руках его появился извлеченный откуда-то объемистый пакет из пергамента, весь в сургучных печатях, — полфунта «живого порошка». Половина — твоя. Идет?

Физиономия проводника отразила сложную гамму чувств, после чего — ожидаемо, в общем-то — прозвучало:

— Й-эх, была ни была! Где наша ни пропадала!

— А где мы сейчас? — Бонд показал глазами на потолок галереи. — Где-то в районе Неглинки?

— Под Кузнецким мостом, — кивнул *катакомбник*, оглядев англичанина еще уважительней.

— Совсем хорошо! — с этими словами коммандер опустился на корточки подле майора Зиминой. — Энни! До цели — ярдов двести, максимум — триста. Сама дойдешь?

— Если прикажете, супруг и господин мой! — она попыталась улыбнуться, но получилось так себе.

— Знаешь… Давай-ка я тебя лучше понесу, пока пространство позволяет. А ты береги силы: *там* тебе понадобятся.

Быстро и без суеты разобрали поклажу, перестроили порядок следования. Вновь зазвучал хриплый сержантский голос Ларри Флинта, на сей раз по-русски:

Гр-ррруппа кр-ррови — на р-ррукаве,
Мой пор-ррядковый номер-рр — на р-ррукаве,

* * *

— Думаю, что подопытный будет жить, — задумчиво произнес Менгеле, ощупывая пульс. — Снизить процент ему мы не разрешим — верно, Ивашка?

— Да пусть только попробует сдохнуть! Я ж его и там достану! — хохотнул ассистент высокоученого доктора медицины — и тут же осекся в изумлении.

Здоровенный кусок кирпичной стены вокруг отверстия вентиляционного хода неспешно обвалился внутрь *Лабораторного блока*, и из открывшегося непроглядно-черного провала возникли, в клубах кирпичной пыли, двое — смешно облепленные с головы до пят известкой и паутиной, но вооруженные и очень решительные.

В левом из них доктор с изумлением узнал вице-президента «Северо-Восточной торговой компании» Джеймса Э. Бонда. Но еще больше, пожалуй, поразил доктора правый, незнакомый — точнее, не сам он, а сидящий на его плече зеленый попугай: Ларри Флинт, собственной персоной! Новый владелец попугая успел уже шандарахнуть Ивашку по маковке саблей в ножнах (*служилый упырь* теперь сидел в тазу с инструментами, слабо икая), а Бонд произнес по-немецки, с чарующей улыбкой:

— Доктор медицины Йозеф Менгеле, если я не ошибаюсь? Какая приятная и неожиданная встреча! А это, надо полагать, небезызвестный Ivaschka? Эксперт по группам крови?

— *Гр-рруппа кр-ррови на р-ррукаве*!! — встрял в разговор попугай.

— В общем так, доктор, — улыбка Бонда испарилась без следа. — Я с огромным удовольствием самолично выпустил бы вам кишки, но — к счастью для вас — у нас сейчас проблемы. Одного из моих людей укусил в подземельях *одичалый упырь*; мы сразу наложили жгут, и *обращение*, похоже, прихватили в самом его начале. Так что вам предлагается немедля осуществить то самое, чем вы хвастались в своем письме Императорскому совету. Как там оно звучит, досточтимый Ларри?

— *Замещ-щающ-щее пер-ррелив*ание кр-ррови, дваж-жды!

— Вот-вот, оно самое. Приступайте, доктор, — (тут как раз из провала возникли еще двое; одного изрядно шатало). — Если мой человек выживет — останетесь живы и вы, слово джентльмена. Умрет — умрете и вы, очень плохой смертью.

— У меня есть условие, — доктор, как ни странно, уже взял себя в руки. — Даже два.

— Вот как?

— Да. Во-первых: если всё закончится… удачно, а я доберусь-таки до Европы… Вы засвидетельствуете факт успешного переливания крови: вот этим своим словом джентльмена.

— Годится. А второе?

— По завершении нашей процедуры, когда в Ивашке минет нужда, вы его ликвидируете.

— Да, я вас понимаю, — задумчиво кивнул Бонд. — Узнал много лишнего, и про сегодня в том числе… А не боитесь остаться тут без *эксперта по группам крови*? Который те группы *знает назубок*?

— Ну, вы же сами цитировали мне Господаря: «Незаменимых нет», — криво усмехнулся Менгеле. — Ладно: укушенного — *на стол*, живо!

Однако разглядев того укушенного, доктор всё же присвистнул:

— Кто она? В смысле — как мне ее записать в лабораторном журнале?

— Запишите ее просто: «миссис Бонд», — любезно улыбнулся коммандер.

— Ах, вот даже как… понятно. Мне нужно несколько капель ее крови, на кончике ножа. Вот так… Shto skazhesh, Ivashka?

Служилый упырь уже оклемался и сидел на полу, прикованный табельными наручниками к решетке одной из клеток *вивария*.

— С кислинкой! — выдал он своё заключение, осторожно облизав лезвие бондовой навахи. — И резус есть.

— Неплохо! — одобрил Менгеле. — Бубна у нее, стало быть — таких больше трети. И заходить под нее можно и с бубны же, и с червы… Плюс резус… Сейчас глянем в лабораторном журнале — кто из наших *необращенных* с таким сочетанием.

Меж тем обитатель клетки, к какой приковали Ивашку, услыхав рядом иноземную речь, тоже что-то залопотал по нерусски.

— Никак, гишпанец? А он-то тут откуда? — удивился Бонд и уточнил: — Эль эспаньол?

— Си, си, сеньор!! — глаза *сданного на опыты* зажглись безумной надеждой, а пальцы отчаянно стиснули прутья решетки.

Бонд вслушивался в сбивчивую речь узника, изредка прерывая ее уточняющими вопросами, и выражение лица его при этом, к некоторому удивлению Серебряного, становилось всё более замкнутым и отчужденным. Наконец он прервал те

излияния, бросив «Буэно!» и обернулся к князю:

— Это отец-инквизитор, из Севильи. Приехал сюда *по мыльным делам*, и угодил в разборку между *дневными* и *ночными*. «Передайте, — просит, — Господарю Цепешу: произошла чудовищная ошибка!»

— *Кровь бы ему пустить полезно,* — раздумчиво откликнулся Менгеле, *с давно забытым выражением*. — У него ведь — как раз та, что надо!

— Правда? — как-то по нехорошему обрадовался Бонд. — Ну, коли так — ДОКАНЧИВАЙТЕ ЕГО ДОСУХА!

Глава 33

Две твердыни

Он сжимал челюсти всё крепче и крепче, потому что хоть и думал, что пришла его смерть, но решил встретить ее, не разжимая зубов. Этого требовала честь его рода.

Киплинг

«Рики-тики-тави»

От сотворения мира лета 7072, декабря месяца тринадцатого дня.

По исчислению папы Франциска 23 декабря 1563 года, три часа пополудни.

Москва, Белый город.

— Та-ак… — Вологдин выслушал сообщение связного из штаб-квартиры, перехватившего их группу на подходе к Знаменке, и теперь с тоскою вглядывался в стремительно затянувшуюся пасмурью высь, прикидывая — сколько осталось до сумерек. Низкий потолок зимнего неба дрожал от заполошного, не в лад, перезвона московских сорока сороков, осыпая им на головы снежную побелку.

Спешно натянутая им на физиономию маска «спокойствие-и-уверенность», только лишь и приличествующая командиру, могла в любой миг порваться в клочья от клокочущего в нем бешенства, перемешанного с растерянностью. Похоже, в последние дни его по-тихому отстранили от командования, и вся важная политическая информация шла мимо него. Как, в общем-то, и можно было уже догадаться из утечек через Серебряного…

То, что они повстречали связного, и что тот оказался лично ему знаком, было чудом. А сунься они в окрестности Знаменки напрямую, как предписано (нет, ну такого раздолбайства он бы, положим, не допустил по-любому, но…) — быть бы им сейчас покойниками. Мелькнула даже совсем уж нехорошая мыслишка: «Может, так и было задумано?» — но ее он решительно отогнал: «Слишком сложно для этого цирка».

Итак, первое: НАЧАЛОСЬ!

Второе: у нас, как уж водится, ни черта не готово.

Третье: но и у ТЕХ, выходит, тоже ни черта не готово?..

Связной (парень из «первачей», памятный Вологдину по Польше) козырнул и двинулся дальше — патрулировать окрестности в ожидании таких же вот сползающихся к Знаменке мелких групп и одиночек, и полковник мельком подумал, что ни за какие коврижки не поменялся бы сейчас с ним местами. Жестом созвал свою команду, оккупировавшую проходной двор на задах Воздвиженки (*Семеро смелых*, хех…), и обратился к ним с такой вот речью:

— Такое дело, бойцы! *За последний час в нашем положении, в положении Службы, и, я бы сказал, в государственном положении в Московском царстве, произошли резкие и внезапные изменения*.

Оглядел тех бойцов и продолжил:

— В Кремле — попытка переворота: попы снюхались с кромешниками — все против Бориса Феодоровича. Но по ходу тёрок в тех палатах произошел *хлопок*. Чья работа — неясно, точно — не наша. Взрывчатку ту закладывали какие-то криворукие недотыкомки, так что собравшихся, считай, не задело. А больше всех в итоге пострадали на том упыри: рухнула внешняя стенка, и они огребли хар-роший *солнечный удар*… Сильвер — молодчина! — не растерялся, и в суматохе исхитрился пырнуть Цепеня чем-то серебряным. Дальше началось всеобщее рубилово — и вот тут фарт наших кончился: Кремль оказался битком набит монахами — боевые чернецы, *такие умелые бойкие ребята*… Пушкин геройски погиб, почти все его люди тоже — но это дало Борису Феодоровичу время скрыться в кремлевских подземельях, на пару с Сильвером. Туда же, похоже, унырнули затем и уцелевшие кромешники, унося раненого Цепеня. С той поры и о тех, и о других — ни слуху, ни духу…

Тут Вологдин на миг запнулся, отгоняя мыслишку: «А ведь *кое-кому* самое время и отличный случай — *валить*! С *двойным ключом*, как на заказ. Забив на нас на всех тут…» — но справился, отогнал.

— Итого, Триумвирата больше нет: митрополит помре, Годунов с Цепенеем — в нетях. Царь же наш, Владимир, — (тут он обвел команду глазами — не скалится ли кто; никто не скалился, слушали с должной почтительностью) — уже ехал тогда в Кремль, но с полдороги вернулся к себе в Коломенское.

«Что, кстати, наводит на кой-какие размышления насчет того *хлопка,* — сделал он про себя пометочку. — Может, и не такое уж он ничтожество, каким норовит выглядеть?..»

— Диспозиция такова: пока всё зависло. Кремль в руках попов, но что с той добычей делать — они, похоже, и сами не ведают. Благочиние, как уже говорено, *легло* под Дозоры, в

полном составе… Знаменка ими уже блокирована наглухо, но штурма в обозримое время можно не опасаться: тех где-то чуть больше сотни, а наших внутри — считая с добравшимися дотуда людьми Бориса Феодоровича из гражданских — не меньше полуста. Оружия и боеприпасов у них там — вдоволь, позиция крепкая; у тех, правда, есть в Кремле пушки, но на окрестных улочках их не развернешь… Ну а стрельцы тем временем — все поголовно: и патрульные, и с блок-постов, — со всей решительностью и непреклонностью сдристнули к себе в Преображенскую слободу: Шестопалов, по своему обыкновению, будет там отсиживаться до последнего, выжидая — чья возьмет.

— Что до нас с вами, бойцы, — продолжил он, завершив вводную, — то нашими силами — семеро, при двух легкораненых, и с одними лишь пистолями за пазухой — на Знаменку всё равно не прорваться. Мне, конечно, ведомы в городе пара оружейных захоронок Службы, на такой вот пожарный случай, но нам они тут мало чем помогут. Да и перенеси нас даже, каким-то чудом Господним, прямиком в штаб-квартиру — ничем мы тамошний гарнизон особо не укрепим… А вот действуя в тылу противника как внятная боевая единица — чему мы с вами, собственно, и обучены, — мы можем стать весомой гирькой на тех колеблющихся весах. Верно я говорю, парни?

— Верно, Всеволод свет Владимирович! — после краткого *анализа позиции* ответил за всех оперативников Хан — командир группы захвата старшина Махмуд Балуев, из касимовских татар, — и, обернувшись к личному составу, пояснил:

— Нам ведь, с нашими серебряными жетонами, сдача на милость победителя так и так не светит…

— Тогда — слушай мою команду! Для начала — выдвигаемся, рассредоточившись, к тем оружейным захоронкам.

* * *

— Всё в порядке, сэр! — шепнул Бонд на ухо Анне, осторожно-осторожно снимая ее с операционного стола. — Иди к папочке на ручки!

Сказать, чтоб «миссис Бонд» как-то там «порозовела», было бы, конечно, преувеличением, но предшествующая бледность ее — не в обморочную зелень даже, а куда-то там совсем уж в трупную голубизну — отступила: *динамика положительная*, тут без вопросов.

— Ну и как, — предъявил он свою ношу Савеличу, страховавшему всё это время выход из *Лабораторного блока* в

лабиринты Подземного города за обрушенной кирпичной стенкой, — человек она, нет? На твой опытный глаз?

— Да пожалуй что человек, по виду-то… — раздумчиво согласился тот.

— Р-рреанимац-ция, р-рреанимац-ция! — высказался с плеча Серебряного *мичман Флинт*. — Удир-ррать, удир-ррать скор-ррей!!

— Да, против этого трудно возразить, — кивнул коммандер, поворотясь к Менгеле. — Ну, счастлив твой бог, доктор медицины — живи! Джентльменское соглашение в силе: засвидетельствовать всё, чему был здесь свидетелем — перед любым европейским ареопагом, положа руку на Библию — я готов. Именно что ВСЁ — без изъятия! И желать тебе «дальнейших творческих успехов» — не стану, уж извини.

— А?.. — доктор чуть растерянно кивнул на Ивашку.

— Не, это уж ты сам. На этот счет я тебе выразил понимание, но ничего не обещал — вспомни разговор…

В этот миг лязгающе стукнуло, железом по железу, со стороны стенки, что отделяла *Лабораторный блок* от основной части Лубянских подвалов. Бонд прислушался, а Менгеле воззрился на него в немом отчаянии.

— Вот видите, доктор: мне сейчас следовало бы *ликвидировать* вас — по тем же, что и у вас, резонам *зачистки концов*. Но — было слово джентльмена, и приходится вот оставить вас в живых, увы-увы!..

Группа растворилась во тьме провала. Менгеле напоследок поймал взгляд замыкающего, Серебряного, и вторично кивнул тому в направлении своего прикованного к дверце опустевшей клетки ассистента.

— Нихт ферштейн, — развел руками князь, растворяясь в подземном мраке.

В *маленькую железную дверь в стене* меж тем барабанили вовсю — сроду такого не случалось, что там у них стряслось? На дверце той, с внешней ее стороны, красовалось: «Совершенно секретно, вход воспрещен под страхом смерти»; предназначалась она для передачи в его распоряжение новых *подопытных* (и вывоза *актированных*), и запиралась лишь с этой, его, стороны (сов-секретность же!). А поскольку голова Менгеле была сейчас всецело занята *решением проблемы* с *недоликвидированным* Ивашкой, он отомкнул тот запор без раздумий — и лишь разглядев перед собой мудниры кромешников, запоздало сообразил, разом оледенев от ужаса и качнувшись на мигом ослабших ногах: это ведь — ЗА НИМ ПРИШЛИ!!

«Сколь веревочка ни вейся, а совьешься ты в петлЮ»…

Но, по прошествии ужасного мига, оказалось — нет, пронесло! Пронесло!! Пронесло!!!

Дверь распахнулась настежь, и в нее протиснулись четверо кромешников в форме (доктор механически отметил для себя свежие солнечные ожоги на лицах обоих *ночных*), бережно-бережно несущих на руках раненого — важного, видать, чина. Как ни странно, Менгеле сперва узнал свой солнцезащитный крем, что покрывал сплошной белой маской лицо доставленного. Дело в том, что склянку сей «Снежной эмманации» он буквально пару часов назад вручил влад-владычеву ординарцу, по сверхсрочному и сверхсекретному запросу Господаря (успев еще подумать со смешком: «Он там с обращением к народу, что ли, собрался самолично выступать, с Красного крыльца?»). И лишь затем — как обухом по голове — пришло осознание: да ведь раненый-то — и есть сам Господарь!

— Лечи давай, доктор! — щегольской наряд появившегося следом Чеснакова был облеплен подземной известкой и паутиной, точь-в-точь как у предыдущих визитеров, а тон не сулил ничего хорошего. — Займись-ка уже прямым своим делом!

И Менгеле с усталой отрешенностью подумал, что вот, второй уже раз за последнюю пару часов перед ним ставят вопрос ребром: «Вылечишь — останешься жив». Ибо если Господарь — единственный ему заступник в этой Богом проклятой стране — не выживет, то и ему тоже конец. Ибо взоры, какими сейчас сверлили его кромешники, говорили ясней ясного: они ему тогда мигом припомнят и *Бутовский солярий*, и много чего еще.

Это, как ни странно, и позволило ему взять себя в руки: ладно, чему быть — того не миновать…

— Раненого — на стол, живо! Разденьте его, аккуратно!

Обернулся к Чеснакову, распорядился повелительно:

— Доложите обстоятельства!

— Попадание метательным оружием в спинной хребет, доктор. Лезвие, похоже было посеребренным, и…

— Ясно.

Скальпель в руке окончательно вернул ему душевное равновесие:

— Всех попрошу от стенда на пять шагов!

* * *

Снег пошел гуще, и это было хорошо.

Лубянка смотрелась отсюда размытым серым пятном. *Дом*

был каменный, современной постройки, без колонн и барельефов, с толстыми стенами, с узкими бойницеобразными окнами, с полукруглыми башнями по сторонам главного входа. В случае надобности в доме можно было продержаться. Архитектурный брат-близнец их Знаменки, между прочим.

«Две твердыни», как пошучивали на Москве…

Вернулся высланный на разведку Анчутка, доложил: ни патрулей, ни дозорных вокруг нет, совсем; снегопад — слава те, Господи! — затрудняет наблюдение, и подходы к *той часовне* из здания, похоже, не просматриваются.

Можно начинать.

Вологдин поискал глазами — на что бы перекреститься, но из всех московских сорока сороков, бесследно растаявших в снежной мути, в поле зрения попалась единственная часовенка — *та самая*.

Ну, хоть так… И где-то даже символично, усмехнулся он про себя.

Ибо часовенка та скрывала за собою неприметную железную дверцу в стене близлежащего лабаза, само существование которой (вот так уж причудливо легли нынче карты!..) обернулось вдруг самым важным из всех секретов Лубянки, что ему, как шефу «Совсем особой контрразведки», посчастливилось выведать за три года *всестороннего изучения предмета*.

Отдельный вход в тамошнее подземное царство, каким дозволено пользоваться одному-единственному *существу* (называть обитателей Лубянки *людьми* у него давным-давно не поворачивался язык) — тамошнему «Ангелу смерти», вивисектору Менгеле. Вход, ведущий в подведомственный тому лично круг ада земного: в *Лабораторный блок* с *виварием* и *солярием*… хотя нет, «солярием» они кличут меж собой спецполигон в Бутово…

Вотчина Менгеле изолирована от основной части лубянских подвалов (оттого он и *продавил* для себя персональный выход наружу), но там наверняка имеется *шлюз*: как-то ведь они передают ему *сданных на опыты* — не по улице же их таскать? Наш Михрютка, перед которым не устоит ни один запор, вскроет сейчас *волшебную дверцу; Лабораторный блок* я захвачу и в одиночку, без шума и пыли: там только двое, доктор-изувер со своим подручным (секретность же!..), оба — не бойцы; оттуда — в те, основные, подвалы, выпускаем из камер заключенных и раздаем им оружие (тут взгляд Вологдина скользнул по паре рогожных кулей, подзанесенных уже снегом: задувало и сюда, в подворотню; подумал мельком — не отсырел бы взрыватель у порохового заряда); ну и, *в расширенном составе*, так сказать: «*Вперед и вверх, а там!..*»

Вряд ли у тех там, *наверху*, больше пары десятков *существ* — все силы-то их сейчас стянуты к Знаменке! Пара десятков палачей, никогда в жизни не имевших дела с реальным противником… Так что всё решит сейчас, в конечном счете, взломщицкое мастерство Михрютки. Ведь если взрывать ту дверцу — прорваться-то прорвемся, но эффект внезапности будет утерян напрочь, и с нашими силами…

Но этим пораженческим мыслям он приказал нишкнуть: как наставлял в свое время Учитель Нгуен — «Воин-победитель сперва побеждает и только потом вступает в битву; тот же, кто обречен на поражение, сперва вступает в битву и только затем пытается победить». Положимся же и мы нынче на ту восточную мудрость!

— Слушай мою команду, — объявил он, не прерывая своего занятия: «жидкое серебро» в виде раствора «адского камня» (приобрел склянку за сумасшедшие деньги во время своей *загранкомандировки* в Лондон, у тамошних алхимиков) скапывало на снег с метательных «звездочек»-*сюрикэнов*, и надо было внимательно следить, чтоб разъедающая жидкость не попала на руки и на одежду. По завершении пустил склянку дальше по рукам, начиная с Хана (экономить ее, что ль? — на такой вот как раз случай и куплена!) и продолжил:

— Мы идем вдвоем, с Михрюткой. Вдвоем! — повторил он с нажимом, адресуясь к открывшему было рот Хану. — Я бы вообще один пошел — умей я *работать* с замками. А устраивать беготню толпой под их стенами… Короче: как только Михрютка сладит с дверью, он подает вам сигнал, а я сразу — внутрь. Там — парочка штатских ханыг, сюрпризы исключены…

«Исключены, говоришь? — издевательски ухмыльнулся внутренний голос. — А ну как — вот чисто навскидку! — к Менгеле именно сейчас отконвоировали свеженького *подопытного*? И там, в блоке — еще один кромешник? или даже — двое? Что, не может быть такого?» «Заткнись, сволочь! — рявкнул он. — Я те ща покаркаю!»

…Снег, снег, снег. Улица пуста, совсем — выметена поземкой…

…Затишок от позёмки за часовней. Михрютка — взломщик божьей милостью, смахивающий внешне на мелконького рыжеватого подростка, изучает на ощупь дверцу. Выражение на его физиономии — будто он запустил шаловливые ручонки под сарафан призывно хихикающей девке.

…О, дьявол! — двое пьянчуг, этих ничто не берет… И, конечно же, черт несет их именно сюда!.. мимо *нашей* подворотни несет… оп-паньки! — и вновь нету на улице ни души, даже я

ничего толком не разобрать не успел…

…Звонкий щелчок запора за спиной, и Михрюткино: «Пожалте, Всеволод свет Владимирович!» Уходящая вниз крутая кирпичная лесенка, дальние ступени ее желтовато освещены: *хозяева дома*. Я расслаблен и собран, собран и расслаблен — как на уроках Дедушки Нгуена.

Всё. Пошёл!

Р-ракшас! Тридцать три ракшаса!!

Так и есть.

Не один кромешник. И даже не два. Шестеро.

Двое в *ночном* черном — спереди, уже обернулись на звук.

Двое в *дневном* сером — чуть поодаль, обернуться не успели, но насторожились.

Двое в штатском — по сторонам *лабораторного стола*, на котором они *потрошат* какого-то бедолагу. Левый — Менгеле, правый — Чеснаков, этого-то кой черт сюда принес?? Да какая теперь разница…

Ну-ка, Великий Нгуен, покажем всё, чему я успел научиться!

Время послушно затормозилось, секунды стали длинными-длинными, и в течение каждой можно было сделать очень много разных движений и видеть всех сразу.

Два *сюрикэна*, облитых «жидким серебром», он послал в цель почти одновременно; память его даже зафиксировала лица обоих *ночных*, сплошь покрытые солнечными ожогами; один сразу повалился навзничь, с перерубленным горлом и фонтаном крови из сонной артерии; второй, однако, лишь покачнулся, зажимая рассеченную до кости скулу и лопнувший глаз, но был добит еще одним, пущенным в угон, *сюрикэном* — в переносицу.

Четвертый, последний свой, *сюрикэн* он послал в Чеснакова, выхватившего было пистолет; тот хрипко, по-поросячьи, завизжал, когда три перерубленных пальца его повисли на лоскутах кожи, а наградная пукалка, вся в золоченых финтифлюшках, бессильно вывалилась из изувеченной кисти.

Стрельбу с причитающееся к ней тревогой он, стало быть, пресек (а любых воплей в этих подвалах можно не опасаться), но вот дальше всё стало плохо. Чеснаков неверным шагом засеменил куда-то в темноту — наутёк? за подмогой? — и Вологдин бессильно осознал: уйдет, сволочь! О преследовании тут и речи не шло, ибо на него уже крепко насели *дневные*, и оба они были отличными бойцами, с нормальными саблями, а ему вот достался дурацкий, неведомо как попавший в ту оружейную захоронку Службы английский абордажный тесак, и он совсем уж было распрощался с жизнью, не чая дождаться своих, но те не подвели,

нет, и левому из *дневных* вовремя *прилетело* ножом в шею (нож Михрютка метал отлично), а правого он рискнул оставить в тылу на попечение Хана, сам же тем временем рванул со всех ног в погоню за, считай, ускользнувшим уже шефом Дневного дозора, и таки достал его, достал у самой *маленькой железной двери в стене* (вот она, вот она!), тщетно пытающегося отомкнуть запор одной рукой…

Передышка: самое время перевязаться и глотнуть… Вернулся в *рабочую зону Блока*; там ребята его уже деловито прикончили, посеребренным оружием, нескольких обитателей *вивария* — тех, что сами были в лохмотьях черной и серой формы. Отхлебнув водки из чьей-то (Анчуткиной?) фляги, бросил беглый взгляд на полуголого *подопытного*, скорчившегося на лабораторном столе (лицо сплошь вымазано какой-то белой дрянью; веки в целебной смазке, холодный бинт на глазах), разглядел чуть поодаль еще пару завосковелых мертвецов с какими-то иглами и трубками, торчащими из вен, и, ощутив звенящее головокружение, шагнул к доктору Менгеле, что застыл у стены, прижав к груди какой-то гроссбух.

— У меня есть для вас важная информация, — умоляюще посулил тот, — важней не бывает! Жизнь — обещаете?

Хорошо и то, что Менгеле умер легкой смертью. Некогда было полковнику Вологдину. Поэтому он просто отмахнул тесаком доктору по голове.

Анчутка покидал *Лабораторный блок* замыкающим. Его взор, обегающий сцену напоследок, задержался на еще одном *подопытном*, что съежился на полу, прикованный наручниками к распахнутой дверце клетки.

— Тебя, видать, как раз к следующей вивисекции предназначали? — сочувственно поинтересовался оперативник; узник ничего не ответил, только быстро-быстро закивал — или это голова у него тряслась, будто у старца?

— Ну, стало быть, везучий ты парень! — постановил Анчутка и бросил узнику связку ключей, висевшую над конторкой Менгеле. — Извини, но нам недосуг — вы уж тут как-нибудь сами…

Всё дальнейшее распалось в памяти Вологдина на череду ярких, но не связанных между собой картинок.

…Подвальный коридор. Два вертухая, зарубленные им на посту в момент игры в карты; у одного так и зажата в горсти сдача: *к одиннадцати — туз*.

…Лицо миловидной девушки, сплошь в кровяных брызгах:

выпущенные из камер заключенные размолачивают *в мясо* попавшего им в руки палача.

…А вот и сам он — как бы со стороны, историческая гравюра! — напутствует вооруженную толпу, *выплеснувшуюся* из подвалов в надземную часть здания:

— УБИВАЙТЕ ВСЕХ! А ДЬЯВОЛ ОПОЗНАЕТ СВОИХ!!

Ну вот и всё, милостивые государи.

Здание зачищено: упыри — в количестве 27 штук — перебиты все до единого. Дударь-Мармотный застрелился у себя в кабинете из своего золоченого пистолета, нюхая «живой порошок» с гитарного грифа — экое позёрство… Хотя по мне уж лучше так, чем как те *гражданские экономические советники* — голосившие напоследок, когда их волокли за ноги по лестнице: «Мы вообще нездешние!!»

Семерка наша, как ни удивительно, осталась Семеркой — ранения, правда, получили уже все до единого. А все *безвозвратные потери* пришлись на долю *обретших свободу*; но ведь и для тех — лучше уж ТАК, верно?

Здешние сейфы наверняка таят кучу всего интересного — от компромата до конфиската, — но курочить их сейчас нет времени: жадность фраера губит.

Главное — что оружейка здешняя не подвела: пороха у них там припасено столько, что хватит поднять на воздух пол-Кремля.

Ну что — даем отмашку изготовившемуся уже Хану?

— Махмуд! Поджигай!

* * *

Когда Анна открыла наконец глаза, Бонд, борясь со страхом, подумал: «Ну, и какие будут первые ее слова?»

Та оглядела сводчатый потолок потайной норки, куда определил их на постой Савельич, и высказалась так:

— Надо уносить ноги из этой мышеловки, немедленно.

— Молодчина! — облегченно выдохнул коммандер. — Вот теперь я вижу, что мозги твои в полном порядке!

— Сколько?.. Сколько я уже тут?

— Не так уж долго, — уклонился он от прямого ответа. — Давай-ка подкрепись! — и у губ ее появилась чашка с каким-то густым темным питьем.

— Что это?! — отпрянула она.

— Да уж не кровь, не волнуйся! Это *чоколятль* — такая хитрая затируха из мексиканских бобов, еда и стимулятор в

одном флаконе. Входит в рацион наших коммандос.

— Горько… — сморщилась она.

— Да уж, — хмыкнул он, — не лакомство, это точно. Мне как-то раз в рейде пришлось неделю продержаться на одной этой дряни — представляешь?

— Бедный ты мой… Но я опять про «уносить ноги». Нас ведь небось ищут все здешние *силовые структуры*…

— Вот уж не думаю, — покачал головою он. — Помнишь, мы с тобой сошлись на том, что единственный наш шанс унести ноги — это если в момент похищения попугая Николас-Чудотворец пошлет нам какую-нибудь «всеобщую неразбериху»? И таки он ее нам послал! — это уж не ты ли так результативно за нас помолилась?

— Не ёрничай! — хмуро одернула она его.

— Ладно, прости дурака… Короче: митрополит помер в одночасье, триумвират распался, банды триумвиров вцепились друг дружке в глотку. В городе *Bellum omnium contra omnes*, и всем им точно не до нас. Разве что лично Сильверу, но и этому придется тогда *работать не от Конторы, а от себя*, а это — переживем… Держи-ка вот, для пущего твоего спокойствия, — с этими словами он положил ей под руку заряженный пистолет, — а я выгляну за новостями к Савелу с князем.

С этими словами он двинулся к занавешивающей вход в их «апартамент» епанче, но был остановлен ее негромким окликом:

— Джимми! Я хоть и была там уже, считай, без памяти — но про «миссис Бонд» расслышала. Это вообще — как прикажете понимать?

— Как-как… — пробурчал он, обернувшись в совершенно неожиданном для себя смущении. — Как скажете, сэр!

— Я подумаю, — величаво кивнула она, а он убедился, окончательно и бесповоротно, что даже за мимолетную тень этой улыбки, притаившейся в уголках ее губ, отдаст всё на свете. Без раздумья.

Тут как раз на пороге возник Серебряный, и как раз с новостями.

— О! — обрадовался он. — Ну, точно: мизерА ходят парами! У нас тут, внизу, Анна ожила, а у них там, наверху, Лубянку взорвали к чертовой матери!

— Да ну?! — не поверил Бонд.

— Ну да!

Они замолкли, переваривая новость и вслушиваясь в концерт, даваемый неистощимым Ларри Флинтом:

В чистом поле васильки, дальняя дор-ррога.
Сер-рдце р-рвется от тоски, а в глазах тр-рревога…

— Слушай, Ник, — страдальчески сморщился коммандер, — а нельзя ль его как-нибудь того… *выключить*? Достал!

— Да в том-то и дело, что — не получается! — смущенно почесал затылок Серебряный. — Я, собственно, с тем и зашел: похоже, в нем чего-то того… *сломалось*.

— То есть как это — «сломалось»?!

— А хрен поймет… Савельич, как твои четверть фунта *порошка* получил на руки, так сразу и *ушел в штопор*: «Я же, — говорит, — *творческая личность*! Могут у меня быть увлечения?» Ну и стал угощать *нашего зеленого друга*…

— Постой! Ты хочешь сказать — вы за это время *мичмана Флинта* нашего успели *подсадить на порошок*?!

— Ну, кто кого *подсадил* — мы его на *порошок*, или он нас на свои концерты, — вопрос сложный. Он, вишь ты, задарма теперь концертировать не желает, и чуть только у него *завод кончается*, принимается орать: «Пор-рошок! Пор-рошок!» А Савелич и рад: «Пожалте, маэстро!»

— Но птичке-то как, не похужело?

— Да нет, вполне себе бодр и весел. Только вот, похоже все умные слова — вроде этого твоего «замещающего переливания крови» — у него из башки вымело напрочь, и осталось там одно такое вот *трубадурство*. Но зато уж оно теперь прет из него — нон-стоп! На разных языках, вперемешку…

Бонд молчал, прислушиваясь:

Видимо, гибель недалеко.
Гвардия повержена, город сдан.
Joshua fit de battle ob Jericho
an' de walls came tumblin' down.

— Знаешь, Ник, — задумчиво заключил он, — а ничего звучит! Да и — *в тему*, между прочим… Как думаешь: откуда он всего этого понабрался?

— Ноу айдиа, Джим!

— М-да… Но зато теперь уж он от нас — точно никуда…

— Эт-точно!

Глава 34

Византия, батенька!

> «Штирлиц, а сколько будет дважды два?» — внезапно спросил Мюллер.
>
> Голос Копеляна за кадром: «Сколько будет дважды два, Штирлиц знал — но он не знал, известно ли уже об этом Мюллеру, и может ли он сослаться на Шелленберга как на источник этой информации».
>
> *Народное творчество*

От сотворения мира лета 7072, декабря месяца четырнадцатого дня.

По исчислению папы Франциска 24 декабря 1563 года (второй день Смуты), до полудня.

Москва, Знаменка.

Пройдет много лет, и полковник Вологдин, стоя у стены Знаменки в ожидании расстрела, вспомнит тот далекий вечер, когда отец Евлампий…

Ужасно обидно, думал он. Если меня сейчас убьют, этот выводок долбодятлов будет последним, что я вижу в своей жизни.

Поутру он беспрепятственно провел на Знаменку свою Героическую Семерку с дюжиной присоединившихся лубянских узников, убедившись: врази расточились! Ибо продолжать осаду хорошо укрепленной вражеской цитадели, когда на месте твоей собственной осталась дымящаяся воронка, всё начальство подевалось неведомо куда, связь возможна только нарочными, а нарочные те по большей части исчезают бесследно (о чем весь остаток ночи заботился Вологдин) — тут надо головЫ на плечах не иметь вовсе, а у осаждающего кромешно-благочинного воинства какой-никакой коллективный разум всё ж таки наличествовал.

Ну а по триумфальном вступлении в деблокированную Знаменку — в стиле и духе Девы Иоанны при Орлеане и Яноша Хуньяди при Белграде — он был немедля взят под белы руки: «Ты арестован!»

Первой его мыслью, разумеется, было: «Сильвер, сволочь такая, *выплыл* — и теперь вот *зачищает концы* по истории с Барклай-банком; что называется, *„нашел наконец время и место“*

— ну не мудак ли?»

Оказалось — всё еще хуже.

В той сборной солянке *годуновских*, стекшихся на Знаменку — кто по приказу, кто по призыву, а кто просто повинуясь инстинкту самосохранения — старшим, причем и по званию, и по должности, оказался заместитель погибшего Пушкина, генерал Гоголь — *человек глупый и крайне преданный*. Воевода (главным достоинством которого был зычный командный голос) мигом *построил в три шеренги* всех, подвернувшихся ему под руку — и военных, и гражданских, и безопасников, — провозгласил себя «Генерал-комендантом» Москвы, для почину расстрелял пару «паникеров» (неосмотрительно поинтересовавшихся вслух: «А где, кстати, сам Борис Феодорович, почему мы его не видим?»), и торжественно объявил: «*Все как один должны подохнуть!*»

Как тот командовал бы в реальном бою — да еще в *ночном* бою! — Бог весть; проверять сие на личном опыте очень бы не хотелось, и слава тому Богу, что того боя так и не случилось. Налаживать хоть какую-никакую разведку местности генерал (имея под командованием кучу отличных оперативников) не то, что не озаботился, а отказался напрочь, заявив, что «вся эта ваша двуличная особистская сволочь» (цитата), оказавшись вне стен цитадели, немедля дезертирует, а если они и возвратятся — так лишь затем, чтоб «натащить к нам сюда из города всяческой паники» (цитата). И принялся дожидаться руководящих указаний.

Каковых указаний так ниоткуда и не воспоследовало, и утро сидящие в осаде *годуновцы* встретили в полнейшей неосведомленности об обстановке в городе, о местопребывании самого боярина (если тот вообще жив), и с боевым духом на отметке, может, и не «ниже плинтуса», но уж точно «ниже среднего». С рассветом осаждающие подевались вдруг неведомо куда, но это скорее настораживало, нежели радовало, и на приказ генерала «Труби победу!» личный состав единодушно и едва ли не в открытую крутил пальцем у виска… Так что Комендант сейчас остро нуждался в ком-нибудь, кого можно было бы назидательно *расстрелять перед строем* в целях поднятия общего боевого духа и своего личного авторитета — и добравшийся наконец до Знаменки со своим отрядом Вологдин пришелся на ту роль как нельзя кстати.

Ну сами посудите: явный же трус и дезертир, прятавшийся где-то за печкой всё то время, пока мы тут — верой-правдой и не щадя живота своего!.. Да в довесок еще и феерический враль, вроде этого, как его?.. ну, барон немецкий? — вздумавший кормить нас побасенками, будто они там «Лубянку взорвали» —

всемером, ага-ага!

Кроме того, в мысли генерала вмешивалось и еще одно *соображение*. Мыслишка, которую он сам старательно отгонял: а ну, как насчет взорванной Лубянки — не совсем уж полное вранье? То есть сами-то они, понятно, ничего такого учинить не могли — но вдруг там и вправду что-то взорвалось-загорелось само по себе? А эти прохиндеи — удачно присоседились к тому пожару и *засветились на фоне*? Даже, вон, и каких-то якобы «сидельцев» лубянских с собой прихватили… И тем самым нагло подкапываются под постамент будущего памятника ему, Генерал-коменданту Гоголю, как «Великому Укротителю Московской Смуты»!

Вологдин отвлекся от созерцания строившегося посреди двора взвода *вологодских конвойных* («…Да уж, у кого-то там, наверху, специфическое чувство юмора…») и проводил взглядом почтового сизаря, спикировавшего с расчистившегося наконец неба в одну из отдушин под крышей Знаменки — испытав при этом странную в его положении мимолетную гордость. Именно по его настоянию Особая контрразведка обзавелась отстроенной *по последнему слову* системой дальней голубиной почты, ибо полковник неустанно повторял и коллегам, и подчиненным, и начальству: «Какое первое и главное требование к разведданным? Исчерпывающая точность и полнота? — да ничего подобного! СВОЕВРЕМЕННОСТЬ!» И вот теперь информация продолжает по инерции, капля за каплей, стекаться в штаб-квартиру — как продолжают отрастать волосы и ногти умершего…

Подошел лейтенант Дружинин из «Двушки» (Второй, контрразведывательной, Службы), поставленный командовать расстрельным взводом, протянул ему флягу, стараясь не встретиться глазами:

— Извини. Приказ…

— Бывает. Дело житейское, — пожал он плечами.

— Передать от тебя кому-нибудь чего-нибудь, напоследок? — понизив голос, поинтересовался лейтенант.

Вологдин испытал вдруг острое злорадное желание: извлечь из-за пазухи бумаги Серебряного по Барклай-банку и затолкать их в глотку *глупому и преданному* генералу Гоголю — разъяснив, на пальцах, ЧТО означают для защитников Знаменки эти циферки и нерусские буквочки. «Напоследок» — для обоих участников диалога.

— Нет, спасибо… Ч-черт, за державу-то как обидно, — вздохнул он после паузы.

— А-атставить!! — раскатился вдруг по двору зычно-

командный голос Генерал-коменданта. Вологдин в ответ отхлебнул из дружининской фляги, неспешно и демонстративно, и лишь тогда сообразил, что команда адресована вовсе не им, а выстроившемуся уже во дворе взводу. Переведя же взгляд на ступени крыльца, откуда донеслась команда, он ощутил неподдельное изумление.

Гоголь стоял в окружении четверых безопасников — то ли охрана, то ли стража. Слева — шеф загранразведки Иван Тургенев, с репутацией интеллектуала-западника и вообще человека робкого, справа — атаман «девятичей» отмороженный головорез Котовранов-Бобок, чуть позади — Хан с сержантом Шиловым, из Сильверовых, у обоих рука за пазухой; так-так-так!.. *На лице у генерала обозначились растерянность, обида и недоумение, — словно бы там, в палатах, надевали ему на голову сапог и пытались накормить мылом*. Голос, однако, не подкачал — остался вполне командирским:

— Бойцы! Только что получена голубиная почта от боярина нашего, Годунова! — и он воздел над головою пергамент с красным обрезом: расшифровка *шелковки*. — Борис Феодорович не мог положиться на лояльность *преображенцев* и иных столичных *силовых структур*. Посему он скачет сейчас во весь опор в направлении Западного фронта, с личной охраной и окольничим Иваном Серебро. Там он поднимет фронтовые полки и поведет их на Москву, дабы подавить безумный бунт упырей и возомнивших о себе благочинников. Перед нами же, бойцы, поставлена задача: удерживать позиции в городе в ожидании подмоги — боярина с теми полками.

— Далее: Борис Феодорович повелевает, — тут генерал запнулся, подслеповато вчитываясь в строчки приказа, и выражение лица его сделалось совсем уж кислым. — Полковнику Вологдину, за блестяще проведенную диверсионную операцию по уничтожению штаба мятежников на Лубянке, жалуется генеральское звание и чин окольничего. Генерал Вологдин сим назначается исполняющим обязанности начальника Особой контрразведки, с временным переподчинением ему всех воинских подразделений, секретных служб и гражданской администрации в Москве и ее окрестностях. Невыполнение его приказов карается расстрелом на месте. Дано в Клину, число-подпись.

Настала потрясенная тишина — оборвавшаяся затем вполне себе неподдельным «Урра-ааа!!» Шапки подбрасывали все, а выше всех — *вологодские конвойные*. Вологдин отхлебнул еще разок, норовя привести мысли в порядок — «Интересно девки пляшут, по четыре штуки в ряд…», — церемонно вернул флягу Дружинину и направился к крылечку — принимать командование.

— Всех благодарю за верную службу! — окинул он отечески-командирским взором тамошний «триумвират». — Время не то, что дорого — его, считай, уже нету. Посему…

На мгновение задумался; «триумвиры» внимали.

— Нам с вами, генерал, предстоит сейчас рискованная войсковая операция. Кого из ваших людей вы рекомендовали бы в командиры ударной группы? Вон, если мне глаз не врет, боярский сын Некрасов: парень, как я слыхал, храбрый и дельный, с боевым опытом, и засиделся в лейтенантах. Возражения — будут?

— Э-ээ… Никак нет.

Слава те, Господи!..

— Лейтенант Некрасов! Генерал Гоголь только что рекомендовал вас для командования операцией особой важности. Нам надлежит как можно быстрее овладеть Литейным двором в Пушечном переулке: там сейчас вроде бы зависли свежеотлитые пушки для фронта — не менее полудюжины. Но «как можно быстрее» — не означает «очертя голову»! Разведайте тамошние окрестности и пути отхода — это всё к тебе, Филипп Денисыч, — озаботьтесь загодя подводами под те пушки. А главное — Богом вас заклинаю, лейтенант! — берегите личный состав: людей у нас сами видите сколько. Увидите, что пушки те к нам сюда не дотащить — черт с ними, просто заклепайте их нахрен и отходИте. Задача ясна?

— Так точно! — расцвел «храбрый и дельный, засидевшийся в лейтенантах». — Сколько людей в моем распоряжении?

— Берите, сколько найдете нужным: в пределах разумного, само собой — полагаюсь на вас. А руководство операцией возлагается на генерала Гоголя — *общее* руководство, я имею в виду, а со всеми *оперативными деталями* лейтенант разберется сам, на месте. И надеюсь к середине дня получить от вас, генерал, доклад — или «Пушки у нас», или хотя бы «Пушки уничтожены».

Ну вот, и «сапоги» наши теперь при деле, и пограничные вешки в межгенеральских отношениях вроде как расставлены…

— Теперь с тобой, Филипп Денисыч… Выводи в город оперативников, всех, что есть — двойками. Старшими двоек назначай своих «девятичей», все прочие — «первачи», «двоечники», «пятачки», «шестерки» — переходят к ним в подчинение. Налаживай разведку местности и систему оповещения, активируй все агентурные сети. Через пару часов жду тебя с предварительным докладом: что вообще творится в городе, в самом первом приближении. А к вечеру я хочу знать точно: где сосредоточены их основные силы и сколько их. Ну, упыри-то, потеряв Лубянку, наверняка схоронились до темноты в Подземном городе; туда пока не суйтесь — слишком опасно…

— «Слишком опасно»? — ухмыльнулся головорез. — Ну, если такое звучит ИЗ ТВОИХ УСТ, Всеволод Владимирыч — туда точно лезть не стОит!

— Угу. Да, и вот еще, Филипп Денисыч. Когда ваши среди московского люда будут тереться — подкидывайте тому люду аккуратненько одну простую мыслишку: да, мы — которые тут, на Знаменке, — может, и не сахар, но из всех *силовиков* мы — *самые человекообразные*… и даже — *единственные человекобразные*. Тем более, что это чистая правда… Ну всё — вперед, за работу! А вас, коллега, — обратился он к шефу «первачей» Тургеневу, — я попрошу остаться.

Полюбовавшись с полминуты из окошка на бодрую и деловитую суету во дворе Знаменки (всё-таки четкий и внятный приказ творит с людьми чудеса — ну, если это, конечно, не приказ вот прямо сейчас лезть под кинжальный огонь противника…), Вологдин хмуро поинтересовался:

— Я хочу знать, Иван Андреевич, — как вы это провернули? На правах не *начальника*, а *коллеги*.

— Простите?..

— Послушайте: голубиная почта находится в ведении вашей, Первой, службы. К утру стало ясно, что при таком командовании вы тут все — покойники. На Годунова надежды никакой: будь он жив — за эти полсуток уж как-нибудь, да обозначился бы. И тогда вы сфабриковали депешу, якобы передающую командование мне — терять-то, похоже, нечего… Да, на всякий случай: я считаю, что в сложившихся обстоятельствах это было правильное решение… не говоря уж о том, что лично мне оно спасло жизнь. Но сейчас меня просто интересует: чья это была идея — ваша?

Тургенев, как уже сказано, был человек робкий, и под пронизывающим взором Вологдина он просто-таки покрылся холодным потом.

— Всеволод Владимирович, христом-богом! — истово перекрестился он, — Вот оригинал *шелковки* — гляньте! Зашифровано личным кодом Годунова, опечатано его перстнем. А отыскать в Клину секретную спец-голубятню мог только сам Странник…

— То есть депеша гарантированно подлинная, а к ее отправке непременно должны были приложить руку оба — и Годунов, и Странник? Так сказать — «принцип двойного ключа»? — уточнил, со странной усмешкой, свежеиспеченный генерал и окольничий.

— Выходит, так. А что голубь успел так ко времени — чистая случайность: ведь в момент его отправки они никак не могли знать о вашей печальной планиде!

— Да, если только его и вправду отправляли из Клина, — хмыкнул Вологдин. — А не из той же Москвы…

— Вы… Вы хотите сказать, что Годунов с Сильвером на самом деле скрываются где-то здесь, в Москве?!?

— Я хочу сказать, что в этой истории концы с концами не сходятся по любому. А если вы этого не замечаете, Иван Андреевич, мне придется заподозрить вас либо в неискренности, либо в непрофессионализме — на выбор.

— Время!.. — медленно проговорил тот.

— Да, время. Чтобы к утру поспеть в Клин, им надо было тронуться в путь еще днем — и узнать о взорванной ближе к вечеру Лубянке им было неоткуда. Разве что кто-то послал для них голубя вдогонку; кто-то, имеющий доступ к здешней спецголубятне и осведомленный притом о планах боярина и его маршруте. И кто же может быть этим «кем-то» кроме вас, Иван Андреевич, а?

Тургенев, судя по выражению лица, готов был вот прямо сейчас, почти не одеваясь, уехать в Баден-Баден — агентом-нелегалом. Или даже — *дезертировать в обморок*.

Но, впрочем, быстро взял себя в руки:

— Нет, Всеволод Владимирович: ТАК концы тоже не сойдутся! Во-первых, все *наши* голуби — на месте, это легко проверить. Далее: мы ведь тут были уже посажены в затвор, и что творится в городе — не имели понятия. Отдаленный взрыв мы, конечно, слыхали, но что это была именно Лубянка — даже мысли не возникло. А уж что это — ваша работа, никто из нас знать не мог никак. Вот и выходит тогда, что отчет боярину посылали вы сами — больше некому!

— Да, верно, — кивнул Вологдин. — Но поскольку я-то точно знаю, что этого не делал, мы с вами, Иван Андреевич, только что вычислили, методом исключения, единственное объяснение. У боярина есть в городе собственная, параллельная, *агентурная сеть* с собственной, параллельной, *линией связи*: другая спецголубятня.

— Этого не может быть! — помотал головой Тургенев. — Ладно еще *сеть*, но уж чужую спецголубятню-то контрразведчики из «Двушки» засекли бы в Москве на раз!

— Да — если только ту *сеть* и ту *линию связи* не *курировал* кто-то изнутри Службы. С уровня — *выше некуда*.

— Странник… — задумчиво вымолвил шеф загранразведки после недолгого молчания. — Но зачем это боярину? Ведь, помимо всех рисков, содержать такую линию связи стоит огромных денег!

— *Византия!* — развел руками Вологдин, *будто это слово всё*

объясняло.

Да уж, мрачно подумал он, Византия… И складывалась сейчас эта *византийская мозаика* — прям-таки на заглядение.

Ясно, что ту *параллельную линию связи* с обслуживающей ее *параллельной агентурной сетью* Годунов отстраивал — руками возведенного им в шефы Особой контрразведки Странника — вовсе не для здешних интриг, а для управления своими (в смысле — Сильверовыми) финансовыми гешефтами в Лондоне; весьма дорогая игрушка — но без нее, как видно, никуда. А теперь вот она пригодилась и для других нужд.

Но Тургенев верно ткнул пальцем в одну *неувязочку*. Допустим даже, что та годуновская *параллельная сеть* обладает поистине невероятными агентурно-оперативными возможностями: она способна мгновенно собирать точную информацию в любой точке охваченного всеобщей смутой города и даже мгновенно же (со скоростью голубя…) переправлять ее шефу, скачущему сейчас во весь опор к границе. Узнать, что «на Лубянке что-то взорвалось, со страшной силой» — теоретически возможно, но вот что это его, полковника Вологдина, диверсия (спланированная и осуществленная им экспромтом, без чьего бы то ни было ведома) — нет, никакими силами. Тут уже потребно либо натуральное ясновиденье, либо доклад непосредственного участника операции. И теперь вполне понятно — чей.

Присоединившиеся к нему в трактире на Пятницкой люди Сильвера с *прозрачно намекающими* (и вполне, как он убедился в деле, заслуженными) *оперативными псевдонимами* «Шилов и Гвоздёв»; ясно, что они такие же «сержанты», как он — «лейтенант Петровский». Когда упыриное гнездо взлетело на воздух, и он отдал приказ «продолжать дезорганизацию тылов противника посредством перехвата и уничтожения нарочных», те сразу ушли — *двойкой* — к штаб-квартире Благочиния в Чистом переулке. А чем и где они на самом деле занимались в следующие часы — Бог весть.

По совести говоря, он даже и не ожидал, что «сержанты» выйдут в назначенную точку рандеву, мысленно выписав им увольнительные: на Пятницкой парни случайно услыхали о вещах, *до такой степени* не предназначенных для их ушей, что *унырнуть под корягу и затаиться в тине* до прояснения обстановки, было бы сейчас с их стороны понятной и простительной предосторожностью. Однако ж — вышли, отчитавшись о тех часах отсутствия перемазанным в крови пакетом из штаба Благочиния… И теперь вот они туточки, под боком — с четким пониманием: «Я знаю, что ты знаешь, что я знаю». И с выходом на автономную линию связи с Сильвером…

А рискнуть с отправкой шефу немедленного доклада было для них совершенно верным оперативным решением. Ибо внезапное и непредвиденное исчезновение с шахматной доски тяжелой фигуры «Лубянка» разом поменяло для Годунова всю конфигурацию в этой, вроде бы безнадежно уже проигранной, партии.

Вологдин ничуть не сомневался: боярин по итогам Кремлевской разборки счел, что всё пропало, и, перекрестясь со словами «Спасибо, что живой», подался в бега. Пока еще он — не объявленный в розыск «изменник и вор», а триумвир, спешащий по государевой надобности. Якобы «на Западный фронт, поднимать полки на Москву», а на самом деле — к заготовленному загодя (с прошлого октября?) *окну на границе*, ну и дальше в Лондон, к своим авуарам. На пару с Сильвером-Двойным-Ключом — списав нас тут всех в утиль…

Ну, тут уж Бог ему судья, проехали. Но вот теперь, когда Лубянки больше нет, а взамен того в центре Москвы возник укрепрайон *годуновцев*, возглавляемых — хватит уже скромничать, Всеволод свет Владимирович! — дельным и харизматичным командиром, Годунову есть и *чем играть*, и *о чем торговаться*. И для командования Западного фронта он уже не политический погорелец-побирушка: за ним, оказывается, стоИт какая-никакая, но сила, и ведь черт его знает — как там еще качнутся весы в той Москве?.. Цепеня с его упырями в войсках ненавидят лютой ненавистью, над «царем Владимиром» потешаются в открытую, митрополит… ну а что теперь тот митрополит? — так что отчего бы тем полкам и впрямь не двинуться на столицу…

Только заключить перемирие с *Ливонским вором*, и…

Или… Ну, договаривай уже, хотя бы самому себе, Всеволод Владимирович!

Не перемирие ему надо заключать, а — ОТКРЫТЬ ФРОНТ тому *Ливонскому вору*… Законному, так сказать, Государю нашему Иоанну Васильевичу…

А что? — настроения-то в войсках на сей счет самые подходящие: «за что воюем» — давно уже никто не понимает, а слухи о житье в Иоанновой Новгородчине доходят самые прельстительные… Продаст, ох продаст Борис Феодорович Грозному тот Западный фронт, вместе с нами в придачу, в обмен на свой беспрепятственный проезд до Лондона; лучше ведь предъявлять там права на свои анонимные банковские вклады — не безвестным беженцем, кого *всякий обидеть может*, а *статусным политическим изгнанником*, верно?

И ведь всё к тому, что такой вариант он прорабатывал, среди

прочих, давным-давно — минимум со времен той истории с перепиской Курбского… *Предусмотрительный наш*…

Вот вам и последний кусочек этой *византийской мозаики* встал на место!

— …Ну, и что делать-то будем, Всеволод Владимирович? — решился нарушить высокую командирскую думу Тургенев.

— С чем?

— С линией связи с этой преудивительной!

— Да не о том нам сейчас думать надлежит! — покривился Вологдин. — А о тех пушках, да о кашеварнях с лазаретом… Знаешь солдатскую мудрость: «На передовой только дурак строит дальние планы». Надо день простоять, да ночь продержаться — а там видно будет.

— А от тебя, Иван Андреич, — добавил он после секундной паузы, — жду предложений по *сепаратным переговорам* с *преображенцами*, прямо сейчас.

* * *

— …А потом они, конечно, спохватились и насели на нас довольно крепко. Так что последние две пришлось заклепать и бросить. И отступить, в соответствии с приказом, — закончил доклад лейтенант Некрасов.

— Потери?..

— Пятеро раненых, один — тяжелый.

— Отличная работа, *капитан!* — кивнул Вологдин, окидывая взором новенькие, «еще теплые», полевые пушки, разгруженные уже во дворе Знаменки с мобилизованных по окрестностям подвод и розвальней; четыре штуки — он на такое и не рассчитывал, если честно.

— Служу… — козырнул было новопроизведенный, и запнулся в затруднении.

А и вправду: чему и кому мы тут нынче служим, если вдуматься?

— Вольно, капитан, — пришел ему на помощь Вологдин. — Теперь озаботьтесь позициями под те пушки.

— Есть!

Хмуро поглядел на тучи, что вновь затягивали небо, превращая непоздние сумерки почти в темень, и перевел взгляд на *обозначившегося* рядом с крыльцом Котовранова:

— Срочное, Филипп Денисыч?

— Скорее да, чем нет, Всеволод Владимирыч. Пленный благочиннк *напел*: у них тут неподалеку, на Воздвиженке,

захоронка *белого*, и пребольшая.

— *Белого* — в котором из смыслов? — усмехнулся Вологдин. — Впрочем, *белое* у нас точно не в избытке, так что и *белый* сгодится — хоть так. Срочно высылай группу!

— Уже выслана, — встречно ухмыльнулся Бобок.

— А по Кремлю — что-нибудь проясняется?

— Скорее нет, чем да, — помрачнел шеф «девятичей». — Работаем, но… Те ведь, как и мы, затворились наглухо. Вся наша агентура там, внутри, осталась без связи.

— Плохо. Любые новости оттуда — любые! — докладывать немедля.

— Слушаюсь!

Так, что там еще, из срочного? Ага!..

— А вас, *сержант,* — обернулся он к ожидающему в сторонке Шилову (старшему, похоже, в Сильверовой *двойке*), саркастическим нажимом выделив то обращение, — попрошу ко мне: есть *разговор*.

Обширный кабинет начальника Особой контрразведки, куда Вологдину пришлось, скрепя сердце, перебраться из своей уютной «одиночной камеры» на верхнем этаже, Странник обставил «в английском стиле»; точнее, в соответствии со своими представлениями о представлениях на сей предмет окружающих его аборигенов. Вышло довольно забавно.

— Итак, — приступил Вологдин, кивнув своему визави на гостевое кресло, — никаких документов на вас с Гвоздёвым я в архиве Службы не обнаружил. Даже в самОй Второй службе, к которой вы официально приписаны, никому ничего о вас толком неизвестно… Впрочем, копаться в гешефтах моего *предшественника,* — с этими словами он кивнул на украшавшую стену кабинета литографию с *английским парусником*, окутанным клубами порохового дыма, — я не собираюсь: не до того сейчас. Но что-то мне подсказывает, что чин у вас — не ниже лейтенантского, и что по-аглицки вы изъясняетесь если и с акцентом, то без особых проблем, — (тот продолжал слушать с той же вежливой полуулыбкой, будто *речь шла не более чем о статях кобылицы или о благонравном поведении чьей-то племянницы*). — Так что ознакомьтесь-ка с вот этими документами Барклай-банка — во-от отсюда. Если чего не поймете — я растолкую.

— Гм… Вы полагаете, — вполне светским тоном осведомился Шилов (ну надо ж его как-то называть…), — что у меня есть *допуск* к таким документам?

— Если и не было, — пожал плечами Вологдин, — считайте,

что я его вам сейчас выписал. Просто чтоб вы уяснили для себя подоплеку сцены, разыгравшейся перед вами в том трактире на Пятницкой.

Шилов читал медленно, *вбирающе*; вопросов не задавал — в предмете разбирается; дочитав, отложил листки на край стола — осторожно, будто взятое за уголок надтреснутое стекло — и вопросительно поднял взор на Вологдина, ожидая продолжения.

— Как полагаете, *сержант* — зачем я ознакомил вас с этим топ-секретом?

— Разъяснить мне, что *прежний хозяин кабинета,* — тут он тоже кивнул на литографию с парусником, — сюда уже не вернется ни при каких обстоятельствах?

— Бинго! Поэтому вам придется либо подружиться со мной, либо отправиться прямиком в здешний подвал.

— Ну, это несложный выбор, — усмехнулся тот, и бровью, кажется, не поведя.

— Верно, — кивнул Вологдин. — Но вот вопрос: а что вы готовы принести на алтарь нашей с вами дружбы — прямо сейчас?

И, после точно рассчитанной паузы (для чего, собственно, и понадобилась вся эта *прелюдия*), проворчал:

— Так что там с попугаем?

— С каким попугаем? — удивился *сержант*; удивление то было весьма натурально сыгранным, но не вполне уместным по ситуации — что тот и сам понял, с секундным запозданием.

Ну вот, пущенная навскидку и наугад стрела вонзилась в самый центр мишени; «в бычий глаз», как выразился бы англичанин Сильвер.

— В Москве не так много попугаев, Шилов, чтобы спрашивать: «Какой?» Не прикидывайтесь дураком: вам это не идет! Или вы всё же выбрали — не *дружбу*, а *подвал*?

— Дружба предполагает *взаимную* откровенность, — не дрогнул тот; молодец, что тут скажешь.

— Ну, первый шаг навстречу могу сделать и я, — кивнул Вологдин. — У Странника есть в Москве собственная линия связи с Лондоном: спецголубятня с прикрывающей ее агентурной сетью. Именно через нее вы послали сообщение в Клин — первый пункт той голубиной эстафеты — об уничтожении нами Лубянки; временно отрывались от группы вы как раз для этого. Никто другой и никаким другим способом послать такую весточку не мог. По этому пункту — возражения будут?

— Уточнения, — чуть-чуть, но всё-таки подался, *надтреснул* тот. — Не «сеть Странника», а «сеть Годунова»: Странник лишь выполнял приказы боярина.

— *Распределение ролей* внутри вашего *преступного сообщества* меня не интересует, — отрезал Вологдин. — *Пока* не интересует… Идем дальше. Я, признаться, удивлен тем, что вы рискнули вернуться из той отлучки, а не *ушли на нелегал*: ведь не рассчитывали же вы, право, что я не сумею сложить два с двумя? Отсюда вывод: вы не только отправили сообщение насчет Лубянки, но и получили поджидавшее уже вас там задание от Странника. Полагаю, вам велено *зачистить концы* по Москве, выпотрошить личные захоронки шефа, а по выполнении — валить в Лондон, к нему под крылышко. Логично, Шилов?

Сержант хранил непроницаемое молчание. «Плохо дело, — понял Вологдин, — мне так и не удалось нащупать слабину. Я блуждаю впотьмах, ощупью… а правильнее сказать — несусь сломя голову сквозь непроглядную темень, набитую ловушками. Ведь никогда в жизни я еще не затевал такой опасной игры, как сейчас…»

— Итак, повторяю *контрольный вопрос*: что там с попугаем?

— Попугая велено найти и вернуть, — сдал наконец первую линию обороны Шилов.

Уф-фф! А вот теперь — аккуратненько *выважива*ть, не дав тому сорваться с крючка…

— Я и без того догадываюсь, что — не заказывать по нему акафисты! Меня интересует — почему голова Сильвера занята сейчас этим пучком перьев? Как он это вам объяснил?

— Ну, он считает, что «попугай на плече» — это «неотъемлемая часть его *имиджа*». И в Лондоне, дескать, над ним потешаться станут, если откроется, что птицу у него увели, *как у последнего лоха*. Так прямо и написал: «Пацаны уважать перестанут, авторитет потеряю»; идите, говорит, и убейте этих шутников…

Вологдин едва не вытаращил глаза, а потом расхохотался:

— Послушайте, Шилов… Это ваше «объяснение» — такой бред, что… Что я, пожалуй, готов в него поверить: такое хрен сочинишь!

Помолчал немного, а затем двинул вперед своего ферзя:

— Ладно, быть посему: я не намерен вам препятствовать. Ищите тут попугая, птицу-сирина с птицей-гамаюн, а потом проваливайте с ними хоть в Лондон, хоть к антиподам. Но работать будете — *от себя, а не от Конторы*: я о ваших делах знать не знаю, и знать не желаю.

— А что взамен? — по-собачьи склонил голову набок *сержант*.

— Взамен — две вещи. Во-первых, вы отдаете мне эту свою автономную линию связи; не Конторе, а мне лично. А во-

вторых, — тут он чуть запнулся, будто собираясь перед прыжком во мрак («*Всё. Пошёл!*»), — мне нужен прямой выход на московскую *сеть* Грозного.

— С чего вы взяли, что он у нас есть? — вежливо удивился Шилов.

— С того, что сеть ту все последние годы Вторая служба вообще не трогала. Сто двадцать шесть «новгородских шпионов», казненных на Болотной площади за пять лет — и ни одного ВСАМДЕЛИШНОГО РАЗВЕДЧИКА среди них! *В конце концов из этого могли сделать выводы. Я, например, сделал*.

— Ни одного — кроме Курбского, генерал.

— Именно так, сержант.

— Там очень сложная система посредников и страховок, генерал.

— Технические вопросы мы уж как-нибудь решим, сержант.

Глава 35

Альянсы и аманаты

Предательство — это вопрос даты. Вовремя предать — это значит предвидеть.

Талейран

Ищи друзей своих среди врагов своих — и ты будешь милосерден и непобедим.

Ролан Быков в фильме

«Последняя реликвия»

От сотворения мира лета 7072, декабря месяца четырнадцатого дня.

По исчислению папы Франциска 24 декабря 1563 года (второй день Смуты), ближе к вечеру.

Москва, различные ее точки.

Боярин Ковшегуб — внимал.

Внимать должным образом Посланцу с Предписанием — отдельное искусство, и Ковшегуб владел им в совершенстве.

Дело несколько осложнялось тем, что единственно приличествующая случаю поза Величественного Подобострастия давалась боярину не без труда, ибо от оглашенных новостей душа его сейчас пела, как на клиросе, тогда как тело готово было не спросясь пуститься вприсяд, самым неблагопристойным образом: он УГАДАЛ! Угадал в этой викторине, где «Ответ неверен» означает — когда крушение придворной карьеры, а когда и — как вот, например, сейчас — плаху, безо всякой возможности *переигровки*.

Отыскав глазами лик Николы-чудотворца в красном углу, истово (хоть и сохраняя степенность) перекрестил лоб. Посланец, из старших благочинников, при этом его движении скривился лицом, как-то причмокнув даже; боярин удивился было (*такое*, как он знал, водится за *цепеневыми*), да вовремя сообразил: того просто-напросто беспокоит больной зуб. Мелькнуло даже в голове — предложить тому немецких зубных капель (*средненький* давеча прислал: настоящие, *из конфиската*), но на такое фамильярничанье он, конечно не решился.

Что ж до святого, то ему-то Ковшегуб положил для себя

выставить свечку о трех пудах, не менее. Чудотворец ведь наверняка самолично, не полагаясь на ангелов-хранителей, явился тогда к боярину и нашептал ему на ухо: «Спрыгивайте всем семейством с годуновской ладьи сей же час, не мешкая!» И не продолби он тогда маковку *старшенькому* своему, чтоб тот немедля порвал с *годуновскими* и дал дёру на фронт — с их семейством разговаривали бы сейчас совсем по-другому… Да и *средненький* (коего сам он, руку на сердце положа, держал за бестолочь) неплохо, видать, карьеру ладит в своем *Росдурьконтроле*, и ценят его в Благочинии.

И сейчас вот опять услыхал боярин тот же шепот свыше: «Не мешкай!» Предписание повелевало всем боярам и архиереям града Москвы сбираться в Кремль, пред светлы очи царя Владимира; кто реально разослал то предписание — на ночь-то глядя! — ясно было и так. Разносить же то «приглашение» велено именно благочинникам, дабы предметно продемонстрировать адресатам: Благочиние и Дозоры, забыв былые распри, будут сейчас совместно *доедать* по Москве сторонников «изменника и вора Бориски Годунова». А в Кремле сейчас будет — *делёжка годуновского наследства.*

И к дележке той — *кто не успел, тот опоздал!*

В зашторенных и непривычно освещенных факелами кремлевских палатах царила бесшумная деловитая суета, дирижируемая диковинного вида монахами в надвинутых на самые глаза клобуках. Ковшегубу, сданному с рук на руки двоим сопровождающим, доверительно сообщили: «С вами хотят побеседовать отдельно» и повлекли куда-то вглубь коридорного лабиринта. Боярин с замиранием сердца обнадежился: «Владимир Владимирович, лично?» — однако нарвался на сухой ответ: «Господарь сейчас занят — работает с документами».

Дверь, к какой они пришли, распахнулась на условный стук, и тут монахи, аккуратно взяв боярина за локти, буквально внесли его внутрь. Чей-то голос вкрадчиво скомандовал:

— Не дергайся, боярин: это совсем не больно!

И — разом погасивший сознание укус в шею.

Потом, в минутном просветлении, явилось ему обширное помещение, заполненное вяштими мужами и священноначалием — все в парадных облачениях; все вокруг спали непробудным сном — кто на широких лежанках, кто в фигурных креслах, а кто и — как он сам — вповалку на полу, застеленном сукном или чем-то вроде. Рядом с ним, похоже, только что уложили еще кого-то, но шевельнуться-оглядеться не было ни сил, ни желания.

Рядом негромко переговаривались:

— Проверь, как там с епископом: весь наружу еще не вытек?

— Да уж, какой-то остолоп из новообращенных дорвался — будто *обедать* позвали, ну, артерию и задел, второпях.

— Вообще *отход* большой будет в этот раз, столько *матерьяла перепортили*…

— Ну да: быстро хорошо не бывает. А куда было деваться?

— А вот этот — глянь! — глазами лупает. Еще одну дозу ему вкатить?

Кто-то наклонился над ним, пощупав биение жилки на шее:

— Ладно, и так сойдет. Передоз — хуже.

Потом голоса отдалились, и всё опять провалилось во мрак.

* * *

— …Требует, стало быть, меня в Кремль, пред царские свои очи? Вот прям сейчас, на ночь глядя?

Старому вояке Ивану Дмитриевичу Бельскому, герою Смоленского сражения, Предписание дали разглядеть лишь из рук Посланца; словА «Это что еще за филькина грамота?» вслух произнесены воеводой не были, но за интонациями его читались вполне прозрачно.

— А кем выдано предписание?

— Будто сам не догадываешься, боярин! — усмехнулся Посланец, из старших благочинников.

— Никак нет, не догадываюсь. Военному человеку гадать вообще противопоказано. Итак?

— Последним и единственным на сейчас триумвиром — так понятнее?

— А почему тогда оно вообще без подписи?

— Да потому что предписаний таких нынче разослано под сотню — рука отсохнет подписывать! — *скривился лицом благочинник, как-то причмокнув даже* (а ведь у него зуб болит, *ни с того, ни с сего с жалостью подумал* Бельский). — Всем, почитай, вятшим мужам московским разослано — кроме годуновского охвостья, что окопалось на Знаменке. И ежели ты не к ним туда намыливаешься, боярин — попрошу следовать с нами. *Будьте любезны!*

Губы благочинника сжались в прямую линию, странно и жутковато задвигалась кожа на лбу; повинуясь его жесту, трое сопровождающих — *диковинного вида монахов в надвинутых на самые глаза клобуках* — взяли оружие наизготовку.

Арест, понял воевода — да и чего уж тут не понять. Никогда

ведь не лез в политику, держась от всех этих кремлевских игр на пушечный выстрел — ан нет, всё равно не уберегся… Но как чувствовал ведь (перекрестился тут *на лик Николы-чудотворца в красном углу*), и успел вчера отправить всё семейство из Москвы в имение — ну а теперь-то чего уж: дедушка старый, ему всё равно!

— Евсеич, — полуобернулся он к стремянному — такому же старику, поседевшему в боях и походах, — шубу мою подай!

— Котору шубу? Хорьковую?

— Ее, знамо дело. Вишь как посвежело…

Минутою спустя он *прошаркал*, сломанно сгорбленный, навстречу Евсеичу, явившемуся из темных и безлюдных внутренних покоев с охапкой мягкой рухляди — а в следующий миг развернулся лицом к благочиннику, имея уже в руке извлеченный из рукава поданной ему шубы (*хорьковой* — по загодя уговоренному слову-сигналу) — аглицкий «Кузнец Вессон».

…Говорят, будто упыри умеют двигаться быстрее людей; но ведь не быстрее же пули!

Серебряной пули, самолично отлитой Бельским из фамильной гривны и освященной отцом Варламом, настоятелем храма Косьмы и Дамиана — как раз на такой вот крайний случай.

Дедушка старый, ему всё равно…

И прежде даже, чем благочинник осел на пол, свернувшись аккуратным калачиком и зажимая простреленный живот, а монахи выкарабкались из ступора, старик-стремянный открыл огонь на поражение из еще одной пары пистолей, терпеливо дожидавшихся своего часа под покровом хорькового меха, а воевода добрался уже до своей старой-верной сабли. ТрУсами монахи не были, и наутек не бросились — но боевой опыт их оставлял желать лучшего. Всё было кончено буквально за минуту: *старый конь борозды не испортит*.

Но ведь и — *глубоко не вспашет*, как гласит финальная, обычно забываемая, часть сего присловья. *Как треснуть булавою* (или саблей) воевода был *еще не слаб*, но вот удерживать в поле зрения одновременно всё творящееся вокруг — увы, увы!.. Вот и упустил из виду безоружного и вроде бы выключенного уже из игры серебряной пулей упыря-благочинника, и с запозданием среагировал на предупреждающий оклик «Боярин, сзади!» — а тот, собрав последние силы, прянул с полу и по-собачьи вцепился зубами в левую кисть воеводы…

Бельский, борясь накатывающим беспамятством, переводил взгляд с запоздало обезглавленного тела упыря — то на свою прокушенную кисть, то на саблю в другой руке, отгоняя предательски-малодушное «А, может, обойдется-рассосется?» Нет,

не рассосется. И, *пока он еще человек*…

Протянул саблю окаменевшему Евсеичу и приказал:

— Руби — по локоть! Сей же миг!

— Боярин!..

— Руби!! Кому сказано?!!

Холод, холод. Тающий на лице снег — оттого и очнулся. Культя примотана к груди, грамотно. Евсеич везет его впереди седла — аккуратненько, будто умыкаемую невесту…

— Евсеич! Куда?

— На Знаменку эту ихнюю — куды ж еще-то?

* * *

В дверь Вологдинского кабинета резко постучали, и на пороге, не дожидаясь даже разрешения войти, вырос возвышенный им поутру до адъютанта Хан — и вид у бывшего командира группы захвата был совершенно офонарелый.

…За сегодня на Знаменку стеклось, мелкими ручейками, немало неожиданного народу — от оставшихся беспризорными приказных до смоленского героя Бельского (этот отбился, когда *за ним пришли*, потеряв при этом руку), — но узреть тут командира всех военизированных формирований Дневного дозора Иво Шенкенберга, собственной персоной, не ожидал, конечно, никто. И не подоспей вызванный Ханом Вологдин вовремя — такого перебежчика бы, пожалуй, *шлёпнули на месте*, невзирая на заступничество предусмотрительно прихваченного тем с собой годуновского лазутчика Векшина, засыпавшегося в Кремле и ожидавшего уже лютой смерти.

Иво был когда-то «рыцарем-разбойником — Raubritter», каких немало водилось в Эстляндии. Под занавес Ливонского похода его крохотное поместье спалили дотла молодцы Курбского, и он стал просто разбойником, безо всяких уже облагораживающих довесков. Дальше, однако, он и глазом не успел моргнуть, как оказался «легендарным полевым командиром, лидером эстляндского Resistance». Потом «партизанскую бригаду» его расколошматили вдребезги малютины Sonderkommando (по большей части из таких же Raubritter'ов как и он сам, но только поставивших на правильную лошадь), а Иво, с разбитой и *оцененной* головой, чудом улизнул через границу. Ничего кроме как *добывать золото при помощи стали* Иво сроду не умел, так что пришлось ему наниматься к московитам, «в услуженье к Кровавому режиму». Будучи, впрочем, *человеком без*

предрассудков, карьеру он сделал в Московии очень даже неплохую — каковая карьера вычертила сейчас очередной зигзаг, приведя его в стан вчерашних смертельных врагов.

Картина творящегося в Кремле вырисовалась, из показаний наемника, такая.

Цепень пропал: где он сейчас, и жив ли вообще — никому не ведомо. Сей факт тщательно скрывают даже от своих — не только низшего, но и среднего звена, не говоря уж о публике: «Господарь работает с документами, рукопожатие крепкое». *Ночные*, правда, *зуб дают*, что Господарь жив, и что они это ЧУЮТ — но тут уж поди проверь (сам-то Иво был из *необращенных*, и такого рода *чуйкой* никак не обладал); дискутировать же с упырями на эту тему, разумеется, дураков нету. Лично он, Шенкенберг, полагает, что поскольку в нетях сказываются также и Чеснаков с доктором Менгеле, шеф *дневных* успешно эвакуировал тогда раненого Цепеня из Кремля на Лубянку, в медсанчасть — где все они и погибли при тамошнем загадочном взрыве…

(На этом месте Вологдин лишь зубами скрипнул, прокляв последними словами глупую-преглупую свою башку. Профессиональная память с издевательской точностью воспроизвела для него картину разоренного *Лабораторного блока*: Чеснаков, Менгеле и неведомый *подопытный* на операционном столе — *веки в целебной смазке, холодный бинт на глазах*. И сколь это ни прискорбно — *думаю, что подопытный будет жить*… Так вот за какой секрет обер-вивисектор неудачно попытался купить себе жизнь!..)

Как те остолопы на Лубянке доигрались до взрыва — никто в Кремле не понимает; да и не важно это уже — а важны последствия.

После смерти Пимена благочинники сразу метнулись под кромешников: собственного-то триумвира больше нету, а из двоих оставшихся Цепень не то чтоб явно сильнее, но внушает больший, парализующий волю, страх. Однако ближе к ночи соотношение сил меняется до неузнаваемости: кромешники, как выясняется вдруг, тоже *сироты* (в смысле — их предводитель подевался невесть куда и признаков жизни не подает), да вдобавок еще и *погорельцы* (их главная цитадель, со всем содержимым, лежит в руинах). Вот тут-то благочинники, предводительствуемые решительным парнем Данилой Семенычем Фоминым, и *воспретендовали*: типа, «Мы по-прежнему двумя руками за антигодуновский альянс, но извините — а с чего это вы в нем должны быть *старшими партнерами?* наш-то *пай в совместном предприятии* теперь всяко крупнее!»

К тому же благочинники знали, что внутри кромешников

идут *тёрки* между *ночными* и *дневными*, и это дополнительно придало им наглости: мол, теперь мы как минимум их стравим, а, если повезет, то перетянем *дневных* на свою сторону (те в любом варианте *миноритарии*, но мы-то хоть *не кусаемся*!) Ну а дальше Благочинию, установившему контроль над всем «силовым блоком», оставалось бы лишь избрать, по своему усмотрению, нового Митрополита (или сразу Патриарха, один черт!) — *дирижируя* теми выборами при помощи упырей.

Только вот *стрЕлка* в ночном Кремле покатилась по совсем другой колее. Упыри почуяли, что проигрывают (Шенкенберг, сам командовавший в это время на улицах, предполагал, что *дневные* там по ходу дела переметнулись или, по крайней мере, явно заколебались) — и пустили в ход свой *ultima ratio*…

— Перекусали, что ли, прямо на стрелке, всех, кто не догадался вовремя слинять, вроде тебя? — уточнил Вологдин. — Так теперь командный состав и Благочиния, и *дневных* тоже состоит из одних упырей?

— Из *обращенных*, да. Потом те объявили Кремль — *монастырем*, а себя — *братией* во главе с *игуменом*: «Мы — опричь всех, *опричники*!» А сегодня они созвали на свой *опричный молебен* всё московское священноначалие, ну и бояр, до кучи, а там…

— А там *обратили в опричники*, да? И что — все эти иерархи да бояре вот так вот, не пикнув, явились? *Со своей веревкой?*

— Так воспитали, — пожал плечами Шенкенберг, — за все эти годы. Этим можно теперь и просто бумажную четвертушку показать, со смазанным угловым штампом какого-нибудь там *сичевого куреня* — и сойдет. А тут всё солидно: Государь с Господарем скликАют, якобы, пред свои светлы очи.

— Бог с ним, с Государем, — отмахнулся Вологдин, — но Господарь-то точно из них всю кровь высосет за такое самочинство! Если он жив, конечно.

— Вот именно: если жив. А этим сейчас нечего терять. Вообще нечего, понимаете?

— Понимаю, — тяжело кивнул предводитель Знаменки. — Прагматичная сволочь Цепень хотя бы держал своих последышей на поводке и регулировал их численность, а у этих-то грёбаных *опричников*, похоже, вообще крышу сорвало напрочь!

— Да, собственно, вся затея с тем *опричным монастырем* исходила как раз от *новообращенных* во главе с Данилой Фоминым; он сразу и выбился у тех в *игумены*. И мне сдается, — задумчиво промолвил Иво, — что цепешева *старая гвардия* теперь глядит на этих ребят… ну, не то, чтоб в ужасе, но примерно как *бандиты с понятиями* — на *отморозков-беспредельщиков*. И ни

черта уже тех не контролируют…

— Так значит, — подвел итог Вологдин, — по ихнему плану, укушенные нынче иерархи перекусают попов, а те — свою паству; бояре перекусают свою челядь — ну и так далее, *неостановимо*… И всё это — только лишь затем, чтоб завалить нас тут, на Знаменке, пушечным мясом?

«Нет, не только, — тут же поправил он себя. — Далеко не весь клир Москвы в восторге от того, как иерархи во главе с „Чесночным митрополитом“ *отлизывают* упырям, а уж по другим городам — хоть в той же Твери — и подавно. Церковь могла бы переломить ситуацию, быстро избрав независимого и авторитетного Митрополита: Высшее Благочиние могущественно, но не всесильно. Но московское священноначалие теперь полностью *выбито*, и нестоличные архиереи просто не успеют сговориться между собой до Рождества; а за ним — 12 дней святок, когда всем попам, благочинным (ха-ха…) и епископам ни до чего, и раньше 20 января *ничего не будет*. А к тому времени *Московская смута* уже завершится — что так, что эдак; в общем, действуют ОНИ — *по-своему рационально*».

— Ну а хоть что-нибудь утешительное ты нам поведаешь? Для разнообразия?

— Да как сказать… — задумался перебежчик. — В чем-то оно лучше, а в чем-то и хуже… При *обращении* иной раз мозги *обращаемого* как бы заклинивает, и получается — zombie… как это по-русски?

— *Служилые упыри* и *одичалые*. И что?

— А то, что Господарь умеет процесс *обращения* регулировать: у него *бракованных заготовок* в виде зомби — почти не бывает. У *обращенных* лично Господарем — выходит серединка на половинку. А вот у *обращенных обращенными* — идет почти сплошной брак, зомби. Так что сильно наращивать численность полезных для дела *служилых упырей* не выйдет: зомби, от которых один вред всем, будут прирастать намного быстрее… И про тех, кого сегодня *обратили* на том *опричном молебне*, старые *ночные* так и говорили между собой: «По большей части — *уйдут в отходы*».

— А тебе, стало быть, не захотелось *в отходы*, Иво?

— Да я не то, что *в отходы* — я и в *полезный продукт*-то к ним идти не намерен! Как говорят ландскнехты: «Вы меня наняли, а не купили»; и нанимался я — в оружные люди, а не в вурдалаки!

…Когда Иво увели — для дополнительной проверки «Двушкой» — Тургенев поинтересовался, слегка озадаченно:

— Ты и вправду не побрезгуешь взять на службу этого

разбойника, Всеволод Владимирович?

— *Кто разбойник?* — удивился Вологдин. — *Иво Шенкенберг? Да. Он разбойник. И подлец.* А нам тут всё равно понадобится кто-нибудь для грязной работы. Для *совсем* грязной…

Глава 36

Смерть комиссара

Запирайте етажи, нынче будут грабежи!

Александр Блок

От сотворения мира лета 7072, декабря месяца четырнадцатого дня.

По исчислению папы Франциска 24 декабря 1563 года (второй день Смуты), ближе к вечеру.

Преображенская слобода.

— …И Бог, наш создатель, сказал: «Прокляну». И проклял!

Концовка сегодняшней *катакомбной проповеди* протопопа Гермогена вышла ударной: глаза собравшихся при оружейке стрельцов разгорелись ярче обычного.

— Господь, жги! — веско резюмировал первый.

— Это ты про Блудницу на Семи Холмах? — кивнул второй в направлении истаявших уже в снежных сумерках московских куполов.

— Знамо дело.

— Дык тут и поближе найдется — чего запалить не мешало бы, — мрачно усмехнулся третий. — С четырех концов, дверь бревном подперевши.

— Вот так прямо и — запалить?

— Дык. Не знаю, как там *белое* и *белый*, и как солнышко зимнее — но уж *живой огонь*-то для ЭТИХ наверняка не пользителен!

…Вначале было слово, и слово это было — ЖГИ.

И дюжина пар глаз, глядящих на него в упор, и дюжина пар рук, деловито разбирающих из пирамиды аркебузы и бердыши:

— Ну, веди уже, отче наш!..

Офицерское собрание меж тем внимало насмешливому речитативу Невзглядова:

Генерал, он ведь тоже
не герой и не гений.
Мог бы стать кем угодно,

занесло в полководцы.
Воевать он не любит,
но когда его спросят,
Он доложит как надо —
не докладывать же как есть.
Никого это не проймёт.

Скоморох был любимцем воистину всенародным, и оттого мог позволить себе говорить что угодно в глаза кому угодно; перебрал струны гишпанской гитары (заграничный инструмент был подарен ему в прошлом году Мармотным; когда же любители *к бердышу приравнять перо* пытались ему пенять «приятельствованием с *псами режима*», он высокомерно ронял: «Уж извиняйте, но между НАМИ, демиургами…») — и продолжил:

Всем известно, что войско
никуда не годится.
Убивать еще может,
умирать не желает.
Ни за так, ни за деньги
ни с девизом, ни с флагом,
только разве что с песней,
а пойди ее сочини!
Генеральский ли это хлеб?

— Эт-точно! — согласно кивнул Шестопалов, отсалютовав скомороху кубком; господа офицеры дружно последовали примеру командующего *и немедленно выпили*.

Тут как раз подоспел вестовой:

— Воевода! Там опять гонцы из Коломенского, от Адашева. Их там кромешники обложили — царя Владимира к себе в Кремль требуют. Скачите, зовет, на подмогу, во весь опор, а то совсем уже нам худо!

— Как он сказал? «Совсем худо» и «во весь опор»? — переспросил Шестопалов. — *Ну нет, тогда мы будем во весь опор сидеть здесь*! Пока там не прояснится точно — кто берет верх.

И тут в дверях нарисовался дежурный по гарнизону, на котором не только лица не было, а пожалуй что и всей головы, и свое: «Воевода, беда!» он *выдохнул* так, что командующий (обладавший отличным чутьем на неприятности) двинул наружу едва ли не бегом, даже не накинув шубы и не выслушав доклада — «На ходу расскажешь!»

Торопиться, впрочем, было уже ни к чему.

Сруб Спецчасти полыхал, *подожженный с четырех концов*, в дверь его, *подпертую снаружи бревном*, кто-то еще слабо колотился, а густеющее оцепление стрельцов угрюмо вслушивалось в несущиеся изнутри вопли сгорающих заживо.

— Окошек-то у НИХ там не предусмотрено, — зачем-то пояснил дежурный.

— Т-твою-то мать… — только и сумел вымолвить воевода, и безнадежно поинтересовался:

— Люди там, внутри, были?

— Никак нет, только комиссары!

…При необходимости «не герой и не гений» Шестопалов умел действовать быстро, смело, и изобретательно:

— Где там парламентер со Знаменки, от Вологдина?

— В холодной сидит, где и все прочие.

— Немедля ко мне его, в штаб! А этим, в Коломенское, передайте, чтоб держались: кавалерия-де к ним на выручку уже скачет, во весь, тэк-скэть, опор…

* * *

— *Короче говоря, вы их упустили*.

— Не вели казнить, Государь. Их ищет вся наша сеть — безуспешно. Сами понимаете, что сейчас творится в Москве…

— Догадываюсь…

— С другой стороны, наши… э-ээ… *конкуренты* их не нашли тоже. Пока не нашли.

— Но — ищут?

— Мы обязаны исходить из этого, Государь.

— А вы чем порадуете, доктор? Что подсказывают ваши звезды, дрожания мирового эфира, и прочая кабалистика?

— Попугай — у Человека-серебро, *нашего* Человека-серебро. И — *протечка из будущего закрылась*, Ваше величество! Я не могу понять, что они сделали с попугаем, но — закрылась, факт!

— То есть наша задача — сохранять *status quo*?

— Да, Ваше величество. Но для этого надо хотя бы понять, что у них там случилось.

ДОКУМЕНТЫ — X

Последний из Шерлохолмсов

И уж лучше все эти Поплавские, Сологубы,
Асфодели, желтофиоли, доски судьбы, —
Чем железные ваши когорты, медные трубы,
Золотые кокарды и цинковые гробы.

Дмитрий Быков,

«Нет, уж лучше эти, с модерном

и постмодерном…»

Мария Васильевна Розанова, прочитав этот роман, сказала: «С некоторых пор я замечаю у Сорокина клычки, такие вампирские клычки», хотя именно она первой напечатала роман «Очередь», который принес Сорокину славу.

Дмитрий Быков

«Владимир Сорокин „Сердца четырех“ 1991 год: 100 лекций о русской литературе XX века».

Журнал «Новый Мір», N 7, 2024 год

Неизвестная рукопись Конан-Дойля. Перевод и предисловие Н. А. Аблеухова

1.

Прошлогодняя находка рукописи неизвестного рассказа сэра Артура из его «шерлокианы» стала, разумеется, сенсацией. Подлинность документа остается предметом ожесточенных споров между экспертами — что не помешало издательству «Harper & Random» приобрести его за сумасшедшие деньги и дважды уже допечатать сумасшедший для небольшого рассказа тираж. Читателей ничуть не смущает (а, возможно, даже и привлекает) то, что они в любом случае имеют дело с явно недоработанной вещью: она не имеет авторского названия (первая и последняя страницы рукописи утеряны), а упоминаемые в тексте политики и деятели культуры фигурируют под своими реальными именами — что было абсолютно недопустимо по тогдашним этическим нормам.

И уж в особенности эти обстоятельства не смутят, мы полагаем, русского читателя, у которого перед глазами прецедент «Дубровского»: вещь и незаконченная, и необработанная для печати, и даже название ей придумано публикаторами — а вот поди ж ты: оказалась одним из самых популярных произведений Пушкина…

* * *

История же обнаружения рукописи вполне достойна расследования самогО Великого сыщика. Эти листки *in quarto* были заложены между страниц изданной в 1884 году в Нью-Йорке монографии «Биметаллизм и золотой стандарт» оригинального, но полузабытого ныне канадского экономиста Джеймса Мюррея — так, надо полагать, и не перелистанной толком за без малого век. Перелистать же означенный фолиант удосужился наконец кембриджский студент-палеонтолог Ричард Уилберфорс, приехавший со своей девушкой погостить в родительское имение. По его собственному признанию, слово «биметаллизм» было ему смутно знакомо лишь по памятному с детства едва ли не наизусть роману «Затерянный мир» (прочтение коего, как он считает, во многом определило его жизненный путь): разговорами о том непонятном «биметаллизме», если кто забыл, вгонял в смертную тоску отважного репортера Мэлоуна его несостоявшийся тесть. Короче — снял студент с полки в родительской библиотеке старую-престарую *непрофильную* книжку — и всё заверте…

За ланчем студент показал книгу с листочками леди Уилберфорс: «Ма, ты не знаешь — что это за забавная конспирологическая графомания?» Леди не знала и, как водится при такой нужде, кликнула дворецкого, Тома — эдакую черепаху Тортиллу 102 лет от роду; тот (не лазя, естественно, ни в какие девайсы-гаджеты) тут же доложил: «Насколько мне известно от моего предшественника Джона, миледи, книга с таким названием была приобретена по случаю, среди прочих, при распродаже букинистического магазинчика старика Уинслоу в Кроуборо, в 1927-м… Ох нет, миледи! — простите старика, память подводит: не в 27-м, а в 28-м — старый лорд уже перестроил тогда правое крыло, где библиотека!»

При слове «Кроуборо» студент обронил свою серебряную вилку с головой коронованного леопарда на жалобно звякнувшую веджвудскую тарелку: «А можно поподробнее, дядюшка Том?» Что Конан-Дойль писал свой «Затерянный мир» именно в Кроуборо (и, соответственно, вполне мог, чисто для бэкграунда, накупить

научно-популярных книжек, в том числе и про не слишком нужный по сюжету биметаллизм, а по завершении работы снести их в местный букинистический) он знал точно — и вовсе не потому, что был каким-то уж там суперфанатом сэра Артура. Просто если палеонтологу (даже третьекурснику) сочетание слов «Конан-Дойль» и «Пилтдаун-Кроуборо» не говорит ничего, то… как бы вам сказать…

Для читателей же наших (не являющихся, в большинстве своем, ни палеонтологами, ни антропологами) дадим необходимое пояснение. Именно в тех местах, в том самом 1912 году, имела место одна из успешнейших фальсификаций (или мистификаций?..) за всю историю естественных наук: так называемый «пилтдаунский человек» или «эоантроп». В причастности к которой (именно как мистификатора, разумеется) не без оснований подозревают сэра Артура.

Тогда в плиоценовых отложениях восточного Эссекса, вскрытых гравийным карьером на окраине городка Пилтдаун, археолог-любитель Доусон нашел несколько фрагментов черепа и нижней челюсти ископаемого антропоида, сочтенного долгожданным «недостающим звеном — missing link» между человеком и обезьяной, и чин-чином нареченного *Eoanthropus dawsoni*. Следует заметить, что *континентальные* антропологи с самого начала скептически отнеслись к единственному-неповторимому и преудивительному эоантропу (с его вполне человеческой черепной коробкой при совершенно обезьяньей челюсти), но их *островные* коллеги патриотично упирались аж до начала 50-х годов. Финальную точку в той полемике поставили абсолютные датировки — по фтору и по радиокарбону (показавшие: «*Свежачок!*»), но то, что «древнейший европеец» являет собой аберрантный череп современного человека с челюстью орангутана (разломанные на кучу фрагментов — мастерски подшлифованных и прокрашенных «под старину») подавляющему большинству исследователей было ясно уже давным-давно.

Основным подозреваемым тут стал, разумеется, сам Доусон — благополучно успевший к тому времени отойти в мир иной, греясь в лучах славы. Однако некоторые «расследователи» стали утверждать, будто означенный археолог-любитель (по основной профессии — стряпчий) не обладал достаточными для столь качественной подделки познаниями и навыками в анатомии и химии.

Но зато ими обладал, *quantum satis*, живший тогда в соседнем Кроуборо — в семи милях от пресловутого карьера! — и достоверно пару раз общавшийся с Доусоном доктор Конан-

Дойль. Мотив? — пожалуйста: сэр Артур реально недолюбливал дарвинизм. Ибо как раз в те годы авторитетом седобородого классика, покоящегося в Вестминстерском аббатстве, принялись беззастенчиво подпирать свои собственные самострои «социал-дарвинисты» и иные социал-людоеды. Совершенно непонятно, правда, почему он так и не развенчал публично свой фейк, когда наживку успешно проглотило осрамившееся научное сообщество (ради чего вроде бы и затевался тот хеппининг?..) — но «не будем цепляться к мелочам»…

Короче говоря: если затевать литературную мистификацию со сфабрикованным от имени Конан-Дойля текстом, то более подходящего места для «находки» рукописи, чем окрестности Кроуборо, и вправду не сыскать.

Ричард Уилберфорс же на то рассудил, что чем черт не шутит, сунул листочки в карман и, по возвращении в университет, вручил их своему приятелю-филологу Питу Меррету. Ну и, как уж водится, проклял тот день и час — задерганный потом дурацкими вопросами и ехидными намеками.

Как бы то ни было, на нынешний день мнения экспертов разложились примерно так:

Специалисты по бумаге и чернилам (с интересом): «Полное соответствие эпохе и региону, вплоть до весьма тонких и мало кому известных деталей».

Графологи (осторожно): «Значимых отличий от почерка Конан-Дойля не выявлено; если подделка — что называется, *на сливочном масле*».

Литературоведы (раздраженно): «Да ЭТО даже на грамотную стилизацию не тянет! Такого рода сиквелов „про Шерлохолмса“ — *тысячи их, тысячи!*»

Внимательный читатель (недоуменно): «Позвольте, но когда всё-таки это написано? *До* или *После*?»

Массовый читатель (восторженно): «Да какая разница! Если это не Конан-Дойль — тогда автора на сцену! И — *аффтар, пеши есчо*!»

Ну и, как водится, сразу отыскалось множество персон, клятвенно утверждающих, будто загадочная история с неким «пропавшим рассказом» о Шерлоке Холмсе широко, хотя и вполголоса, обсуждалась в писательско-издательском мире того времени (правда, все ссылки на конкретных свидетелей при этом вели в никуда), и что к той «пропаже» приложили руку сильные мира сего; ну, «Власти скрывают правду» — это вообще безотказный маркетинговый ход.

В общем — «выбирай на вкус».

* * *

У читателей «шерлокианы» частенько возникает впечатление, будто альтер эго автора — это честный, но недалекий военврач Ватсон, от лица которого ведется повествование; верный Санчо Панса при рыцаре — супермене-*антиницшеанце* — что спешит на выручку жертвам Зла, кто бы они ни были (не отвлекаясь при этом на борьбу с ветряными мельницами: «Я борюсь со злом по мере моих скромных сил, но выступать против самого прародителя зла было бы несколько самонадеянно с моей стороны»).

На самом же деле таким *рыцарем без страха и упрека* был как раз сам сэр Артур. Можно припомнить тут, например, «дело Эдалджи». В окрестностях городка Грейт-Вирли стали находить зарезанных коров и лошадей, а полиция и газеты получили письма, грозившие «Скоро мы примемся за маленьких девочек», и *переводившие стрелки* на молодого юриста индийского происхождения. Полиция и суд пошли на поводУ у местных обывателей-ксенофобов, и бедолага получил семь лет тюрьмы. Конан-Дойль по собственному почину взялся за расследование, вел его 18 месяцев за свой счет и добился освобождения Эдалджи. Для этого ему пришлось не только доказать невиновность осужденного, но и установить настоящих преступников, резавших тот скот и рассылавших те подметные письма.

Еще ярче, пожалуй, это проявилось с «делом Слейтера», когда сэр Артур *вписался* за обвиненного в грабеже с убийством мелкого жулика — шулера и перекупщика краденого, — да еще и немецкого еврея в придачу: да, джентльмены, персонаж, конечно, мизерабельный — но это еще не повод вешать его за чужое преступление! Здесь успех был частичный: вытащить осужденного из-под виселицы удалось, но собрать неопровержимые улики против настоящего убийцы Конан-Дойль так и не сумел, хотя кто он — раскопал, и сказал незадолго до смерти: «Полиция покрывала этого человека: он был виднй горожанин, которому очень хотелсь добраться до личных бумаг убитой. Да, он ушел от наказания, но для меня гораздо важнее, что невиновный на свободе».

В общем, сэр Артур был человеком твердых моральных принципов, весьма проницательным и не боящимся при нужде идти наперекор общественному мнению. Ничуть не удивительно, что его терпеть не могла почти вся тогдашняя литературная тусовка — от социалистов Шоу и Уэллса (с коими он вел жесткую публичную полемику) до эстетов-декадентов вроде Уайльда. Дружбу же он водил со Стивенсоном, Киплингом и Джеромом

Джеромом — как говорится, «Quality, not quantity».

Напомним: его цикл о ставшем английским национальным героем Шерлоке Холмсе включает четыре повести и пять сборников рассказов, сформированных чисто по времени написания. Если (если!!) найденная рукопись принадлежит перу Конан-Дойля, то рассказ этот, по идее, должен был бы войти в предпоследний, изданный в 1917 году сборник «Его прощальный поклон» — (*His Last Bow*). Он включает семь рассказов, публиковавшихся в периодике в 1908–1913 гг., плюс «Его прощальный поклон», написанный в 1917 году. И этот последний рассказ, давший название сборнику (первоначально, в журнальных публикациях, цикл назывался «Воспоминания о Шерлоке Холмсе» — (*Reminiscences of Sherlock Holmes*)) во многих отношениях странен и стоит особняком во всей шерлокиане.

Это подчеркнуто *последний* рассказ о Холмсе, последний по времени действия; оно, вопреки обыкновению, зафиксировано абсолютно точно — август 1914-го, последние дни перед Мировой войной, германский шпионаж на Острове. Это — *единственный* рассказ, где повествование ведется не от первого лица (да, такое есть еще в «Камне Мазарини», но «Камень» — случай особый: это просто адаптация ранее написанной пьесы). И, наконец, он — просто *худший* во всей шерлокиане, с большИм отрывом худший: шпионско-патриотический лубок, будто бы вышедший из-под пера не сэра Артура, а какого-нибудь, прости господи, Иэна Флеминга. (На случай, если кому померещилось, будто Великий сыщик к тому времени настолько осточертел своему создателю, что тот решил вновь покончить с ним, обойдясь на сей раз без Рейхенбахского водопада — никак нет: позже писатель еще не раз возвратится к своему герою. Следующий, пятый и последний, сборник «Архив Шерлока Холмса» (1927) включает подлинные вершины шерлокианы, такие, как «Москательщик на покое» и «Вампир в Сассексе».)

С «Его прощальным поклоном» же вот еще что важно: на время войны Конан-Дойль вообще прервал занятия беллетристикой, полностью посвятив себя военной публицистике (или, если вам угодно, пропаганде). И вот он *единственный раз, внезапно*, прерывает *четырехлетнее писательское молчание* — ради этой плоской шапкозакидательской агитки? простительной разве что в ту самую первую неделю Войны, со всеобщим тогдашним патриотическим угаром? И ключевое слово в этом нашем обвинительном заключении — не «плоская», а «шапкозакидательская». Ведь писано-то это — в 1917-м! Брат, сын и два племянника сэра Артура ушли на фронт и погибли, вся обстановка в стране к бодряческому ура-патриотизму не

располагала никак, и даже тогдашняя военная пропаганда строилась уже совершенно иначе… Случайно нашел в бумагах завалявшийся черновик (и вправду предвоенной поры), в котором пенсионер Холмс лихо побивает картонным мечом всю германскую разведку, и решил «Не пропадать же добру»? Гм…

А если… А если допустить на минуту, что конспирологические слухи о «пропавшем рассказе» — причудливое эхо неких реальных событий? Как говорится: «Если у вас паранойя — это еще не гарантия того, что за вами не охотятся»… А что, если сэр Артур (ничуть не утративший былой проницательности) действительно додумался тогда «дедуктивным методом» до чего-то настолько важного, что счел необходимым немедля поведать о том *Urbi et Orbi* в виде притчи о всенародно любимом англичанами герое? И угадал настолько точно, что рассказ тот пришлось не только срочно изымать из печати, но и *настоятельно попросить* автора — дабы пресечь просочившиеся слухи — «выдать на гора» новый, ему на подмену. Ну, а уж на это и бодренький предвоенный черновик сойдет…

И вот теперь некто, достаточно могущественный для столь тщательно проработанной мистификации, решил восстановить ход мысли покойного классика. И доказать таким вот любопытным способом, что «Рукописи не горят».

Получилось ли у него? — судить читателю…

2.

<…> а плосковершинные Сассекские холмы, когда отцветает дрок, становятся вдвойне бесприютными. Начинало ощутимо накрапывать, и Ватсон мимолетно посочувствовал Холмсовым пчелам.

— Так вы заночуете тут, сэр, или вернетесь на станцию? — возница завершил сложный маневр по развороту шарабана на узеньком полузаросшем проселке, обрывавшемся у высокой обомшелой изгороди, сложенной из плит песчаника; ясно было, что хозяин фермы живет анахоретом и не злоупотребляет общением с внешним миром. — Ежели возвращаться к семичасовому уайтчепельскому, то у вас не больше получаса…

— Это уж как разговор пойдет, — пожал плечами Ватсон, раскрывая зонт. — Подождите эти самые полчаса — свои два шиллинга сверху вы получите в любом случае.

Надсадно скрипнула притаившаяся в выемке стены металлическая калитка, поодаль от ворот.

— Холмс? — доктор обернулся на звук, успев подумать про

себя: «Неужто и петли ему уже смазать лень?», однако первое, на чем, как ни странно, зацепился его взгляд, был характерным образом оттянутый карман холмсова дождевика; ага-а… И только лишь затем он разглядел хорошенько лицо сассекского отшельника, не виденного им уже почти три года, и тихо ахнул:

— Господи, Холмс!..

Тут даже не требовался врач с опытом Ватсона: диагноз на том лице читался как на отпечатанном бланке с результатами вскрытия.

— Приветствую вас, дружище! — голос великого сыщика, однако, остался почти прежним, чуть каркающим, а рукопожатие ничуть не утратило твердости. — Приехали попрощаться, а заодно истребовать с меня тот должок?

— Я не знал… — растерянно отозвался доктор.

— Но поспели как раз вовремя, — усмехнулся Холмс и деловито сообщил: — Боли уже начались, так что пришлось, минуя кокаин, перейти сразу на морфий. А поскольку анализ позиции показывает, что пора уже сдавать эту партию, — с этими словами он похлопал себя по *тому* карману, — вы могли и опоздать. И тогда должок тот — увы! — так и остался бы неотданным: с той поры, как ушел Майкрофт, живых свидетелей, кроме нас с вами, не осталось, а никаких официальных записей, разумеется, никогда и не было.

Засим Холмс двинулся к ожидающему чуть поодаль шарабану и дружески поприветствовал возницу:

— Привет, Джерри! Джентльмен остается — заберешь его завтра, к утреннему бодсвортскому. На станции — ничего нового?

— Вчера объявились двое туристов, сэр. Спортивные такие ребята, вышли к нам через пустоши — будто бы из Финчборо. Вроде желали поглядеть тут на какой-то шпиль, но не нашли. Посидели часок в пабе, дожидаясь вечернего поезда. Перекинулись парой слов с Фредди, но ни приезжими, ни пчелами специально не интересовались — это точно.

— Спасибо, Джерри, этих я и сам хорошо разглядел. Это свои, из контрразведки. Продолжайте нести службу.

— Рады стараться, сэр! — шиллинг перекочевал в руку возницы.

Морось перешла тем временем в обложной дождик. За изъятием вполне аккуратненьких разноцветных ульев в отдалении, ферма смотрелась не то чтоб заброшенной, но какой-то неухоженной. Даже траву во дворе, похоже, подстригали настолько спустя рукава, что когда доктор двинулся, след в след за хозяином по узенькой, поскрипывающей гравием, тропинке, отвороты его брюк сразу вымокли насквозь.

— Вы бы, Холмс, хоть собаку себе завели, что ли…

— У меня сторожевой попугай, как у Нэда Келли, — рассеянно возясь с запором, откликнулся тот — явно поняв вопрос по-своему. — Входите, прошу вас!

— Однако!.. — только и вымолвил Ватсон, оглядев комнату.

Полевой бинокль на подоконнике не удивил его нисколько, но вот висящая на стене винтовка «ремингтон» с новомодным телескопическим прицелом — всё-таки да… А с жердочки над камином их поприветствовал хриплым возгласом попугай — только не хохлатый какаду, как у австралийского робингуда, а обычный, зеленый.

— Присаживайтесь ближе к огню, Ватсон. Прошу извинить за ваши промокшие брюки, но та неподстриженная трава призвана скрывать кое-что от глаз незваного визитера… Вам, возможно, покажется странным, что человек в моем положении и *на моей стадии* уделяет столько внимания личной безопасности, но я твердо решил поставить точку в своей жизни сам — обойдясь в этом без посторонней помощи. Считайте это моей маленькой причудой.

— Обыкновенно я довольствуюсь на ужин холодной говядиной, однако сегодня, поскольку я предполагал ваш *внезапный* визит, — продолжил он с усмешкой, — нас с вами ждут ростбиф, утка с луком и беконом и мой собственный мед к чаю: вы обязаны его попробовать! А пока — бренди, как в наши добрые старые времена?

— Да, сделайте одолжение! Так, значит, вас нынче опекает контрразведка?

— С чего вы взяли? — удивился Холмс, тоже придвигая кресло к огню.

— Ну, эти двое… туристы со шпилем…

— Понятия не имею, кто это, — равнодушно пожал плечами сыщик. — Впрочем, разглядел я их достаточно хорошо, — с этими словами он кивнул на «ремингтон», — и счел, что *прямой и непосредственной угрозой* они не являются.

Тепло от бренди неспешно растекалось по жилам. Казалось еще чуть-чуть — и из тени, сгустившейся позади лестницы на мезонин, возникнет миссис Хадсон в чепце и переднике и укоризненно промолвит: «Доктор, повлияйте же наконец на мистера Холмса! Вас он хоть изредка, но слушает!..» Миссис Хадсон уже три года как в раю… ну, а где ж ей еще быть? — если уж и ее резюме не прошло проверку тамошних кадровиков, то вообще незачем содержать подобное заведение…

— Послушайте, Ватсон, — прервал наконец молчание Холмс. — Я чрезвычайно ценю и вашу тактичность, и вашу

пунктуальность. Обещание раскрыть вашу роль в той игре, куда я вас тогда втянул, было дано ровно десять лет назад, в три пополудни. Вы явились за ответом час в час — даже поездом воспользовались не утренним. Так что лишний раз отговаривать вас, взывая к вашему благоразумию, как я понимаю, бесполезно.

— Правильно понимаете, — буркнул доктор, не отрывая взгляда от багрово переливающихся углей в камине.

— То, что вас интересует — государственная тайна, топ-секрет, — напомнил Холмс. — Вас самогО-то это не смущает?

— Нисколько. Я, кажется, ни разу за годы нашего знакомства не дал вам повода усомниться в моем умении хранить тайны… в том числе и по ходу этого дела. И потом, вы же помните эту мою *добродетель, Холмс: я не сую нос в чужие секреты* — будь то человек или государство. Но заметьте: в ЧУЖИЕ! А вот о том, что произошло лично со мной, я имею право знать. *Я так думаю*…

— Неплохо сказано, мой дорогой друг, неплохо сказано. Дьё э мон друа, как написано на нашем гербе: «Бог и мое право». Для нашей с вами нации это практически одно и то же. Когда дело касается его прав, даже самый робкий англичанин становится львом… Ладно: это ваше право — и ваш выбор. Но сперва я хотел бы выяснить, в каком виде та история сохранилось в вашей памяти. Начинайте!

Ватсон чуть отодвинулся от огня: влажная ткань начала припекать ноги. Задумчиво коснулся усов — когда-то рыжих, а теперь почти седых.

— Вы вели то, последнее ваше, расследование больше года, не отвлекаясь ни на что, — приступил он к рассказу. — К концу его на вас было страшно смотреть, — мимоходом укорил он, — вы, кажется, неделями держались на одном кофе, и даже вернулись к кокаину… Я догадывался, что вы работаете на правительство — иначе откуда бы у нас регулярно появлялись те саквояжи, набитые фунтами в банковской упаковке? — и знал, что непосредственно отчитываетесь вы перед Майкрофтом: ваша конспиративная связь частично шла через меня…

— Не совсем так, — мягко поправил его Холмс. — Степень секретности там была такова, что правительство ни во что не посвящали; ни правительство, ни Секретную службу — к чему имелись особые причины. В курсе расследования были трое: Майкрофт — как его инициатор, я — как исполнитель, и Его Величество Альберт-Эдуард, царство ему небесное — давший нам карт-бланш.

Простите, Ватсон, но я всё-таки спрошу, в последний раз. Вы *точно* ли хотите стать *четвертым посвященным*? Я сейчас уже не о праве говорю: оно у вас есть. Просто вам тогда придется узнать

очень скверные вещи. Это *токсичное* знание, оно может реально отравить всю картину мира — я не шучу. Даже вам, с вашим завидным душевным здоровьем.

— Я слишком долго ждал, чтобы теперь идти на попятный — упрямо качнул головою Ватсон. — И вроде бы имею право на внятный ответ. В тех границах, понятно, какие вы установите.

— Да я не об этом! — досадливо поморщился Холмс. — Позволю себе такое сравнение. Представьте себе, что вы живете в прекрасном доме. И вдруг узнаёте, что предыдущий его владелец — маньяк, который в спальне душил своих жертв, на кухне расчленял их, а потом, в столовой, пожирал — в сыром виде, макая нарезанную ломтиками человечину в ворчестерширский соус. Сможете ли вы и дальше спокойно жить в таком доме? Сидеть за столом, в который въелись пятна человеческой крови?

— Холмс, — устало сказал Ватсон, — в Афганистане я занимался полевой хирургией, бросая в ведро ампутированные конечности. И у меня не всегда было время на посещение офицерской столовой. Пятна человеческой крови на обеденном столе, говорите? Вот после вскрытия гнойного абсцесса…

— Не продолжайте, я понял. Я выбрал неподходящее сравнение, — вздохнул сыщик. — Что ж, воля ваша: давайте дальше.

— Минуту, вы сбили меня с мысли, — Ватсон потер лоб.

— Вот это поможет, — Холмс без улыбки придвинул к доктору графин. Тот плеснул себе бренди на два пальца и выпил единым духом:

— Да, так гораздо лучше… По ходу расследования вы несколько раз использовали меня как связного и курьера. Так что в вашей просьбе: 1 марта передать срочное секретное сообщение — из рук в руки — графу Монтенегро я не нашел ничего странного. Вы честно предупредили меня тогда, что дело опасное, а действуем мы хоть и на благо Британии, но по ту сторону закона. И тем не менее… — тут Ватсон испытующе поглядел на своего друга.

— Вы хотите сказать, — отвлекся тот от раскуривания трубки, — что я обязан был уточнить для вас — и характер той опасности, и то, насколько далеко мы намерены *зайти на ту сторону*?

— Именно так, Холмс. Я готов был на что-нибудь вроде ночной прогулки по охотничьим угодьям Баскервильского пса или на кражу со взломом в доме шантажиста Милвертона. Но вот оказаться арестованным по делу об убийстве… да еще когда расследование ведет не патриархальный наш Скотленд-Ярд, а костоломы из Секретной службы… и будучи при этом связан

данным вам словом хранить, «в случае чего», полное молчание… В общем, на такой *экстрим* я не подписывался!

— «Отчаянные времена требуют отчаянных мер», — вероятно, Гай Фокс изрек в свое время эти исторические слова с теми же примерно интонациями, как и процитировавший их сейчас Холмс. — Впрочем, если бы миссис Ватсон к тому времени не ушла в мир иной, даже те чрезвычайные обстоятельства не побудили бы меня втянуть вас в *такую* игру — клянусь честью. Продолжайте, прошу вас.

Доктор лишь вздохнул и продолжил:

— Согласно вашим инструкциям, я должен был встретиться с графом в Вестминстере, на пересечении набережной Виктории и Вестминстер-Бридж-роуд, ровно в семь вечера, минута в минуту — это вы подчеркнули особо: «Часы Биг-Бена вам в помощь, доктор!» Мы должны были неспешно следовать навстречу друг другу — он со стороны набережной, я со стороны моста, — сблизиться в толпе так, чтобы почти соприкоснуться плечами; в этот миг мне надлежало незаметно для окружающих вложить ему в руку запечатанный конверт — и уходить не оглядываясь. Граф должен был узнать меня по зонтику под мышкой — странному при установившейся тогда ясной погоде, — а я его — по показанным вами газетным фотографиям.

Я спросил — отчего бы мне не отнести письмо прямиком в особняк Монтенегро, раз уж вы по какой-то причине отказали в доверии английскому почтовому ведомству? Вы ответили, что вся почта графа, разумеется, перлюстрируется, а особняк его находится под неусыпным наблюдением Секретной службы — которой совершенно незачем знать о ваших с ним контактах. Я сказал, что сведения мои об этом загадочном балканском аристократе исчерпываются общеизвестным: что тот несметно богат и крайне экстравагантен; демонстративно презирает свет, но с величайшей щедростью финансирует искусство и его творцов, так что вряд ли отыщется сколь-нибудь заметный писатель или художник, не побывавший на «Пятничных вечерах» в его особняке на Друри-лейн; но есть закавыка — среди причуд этого оригинала упоминают, будто бы сам он практически никогда не покидает тот особняк. Вы же в ответ рассмеялись: «За этим письмецом, дрогой Ватсон, наш черногорец — впрочем, он такой же черногорец, как я корсиканец — самолично отправился бы даже в Антарктиду с капитаном Скоттом, будь он уверен, что оно поджидает его на Южном полюсе».

А ушел я на ту встречу, как позже выяснилось, за считанные минуты до того, как к нам на Бейкер-стрит вломились агенты Секретной службы, защелкнули на вас наручники и увезли к

себе… оставив миссис Хадсон в предынфарктном состоянии.

— Да, — кивнул Холмс, — в такого рода делах *тайминг* рассчитывают поминутно, а иной раз — и посекундно.

Ватсон некоторое время подождал объяснения; не дождался и возобновил свой рассказ:

— В Вестминстере ничто не предвещало беды. Начинались сумерки, но мы с графом узнали друг друга издали и двинулись встречь. Единственное — народу на набережной в тот день оказалось заметно меньше обычного; на всем нашем тротуаре я насчитал лишь человек пять-шесть, и успел подумать, что сблизившись на встречных курсах «так, чтоб почти соприкоснуться плечами», мы невольно привлечем к себе внимание. Я уже держал конверт, незаметно извлеченный перед тем из кармана, в опущенной правой руке, выпростав из рукава пальто лишь его краешек.

— До Монтенегро оставалось не более десяти шагов, — доктор явно старался припомнить сцену во всех деталях, — когда тот схватился за сердце и беззвучно повалился навзничь. Поскольку я всё-таки военный врач, у меня даже мысли не возникло про «внезапный инфаркт»: было ясно как день — «пуля». А поскольку ничего похожего на звук выстрела было не слыхать — то есть стрелять должны были с очень приличной дистанции! — в моем диагнозе немедля появилось и второе слово: «снайпер». Я даже успел прикинуть, что в той стороне, откуда стреляли, лучшая для него позиция — на Биг-Бене…

Но в следующий миг руки мне заломили за спину и впечатали физиономией в мостовую: агенты Секретной службы — их оказалось вокруг аж четверо — дело свое знали… Письмо оказалось в их руках — тут я сделать ничего не успел, уж простите, Холмс.

— Им, кстати, — усмехнулся сыщик, — тоже пришлось объясняться за свое присутствие на месте покушения — перед другими ведомствами: ведь приказа-то, как выяснилось, они тоже не имели. И версия, будто они-де просто штатно патрулировали окрестности своей штаб-квартиры — она там и вправду в двух шагах, на Виктория-стрит, 64 — не прокатила. Что оказалось весьма немаловажным впоследствии.

— Да, Виктория-стрит, 64… Там мой злосчастный зонтик разломали на мельчайшие кусочки в поисках оружия, с рук моих сняли парафиновый тест на порох, а сам я попал в объятия майора Кэмпбелла. Тот для начала спросил, известно ли мне содержание письма, которое должен был передать графу Монтенегро. Я ответил, что никакого Монтенегро знать не знаю, никаких писем никому передавать не собирался, а что до того

плотного голубоватого конверта без марки и адреса, то я нашел его за пять минут до того на тротуаре и просто собирался вручить первому же встреченному полисмену.

«Давайте, доктор Ватсон, я растолкую вам всю уязвимость вашей позиции, — усмехнулся Кэмпбелл. — Во-первых, само письмо. Его отправитель предупреждает графа о появлении в Лондоне хитроумного маньяка, который вбил себе в голову, будто многолетняя ролевая игра Монтенегро в графа Дракулу — это никакая не игра: „Если некто объявляет себя вампиром, выглядит как вампир и ведет себя как вампир — он вампир и есть“. Автор письма убеждает графа не слишком полагаться на охраняющую того Секретную службу — ну, эти инсинуации мы оставим в стороне, — и предлагает *обезвредить* того маньяка за скромную сумму в сто тысяч фунтов. Всё это смахивало бы на третьесортный шантаж — кабы не нынешнее убийство».

«Работал там, несомненно, снайпер высшего класса: такие наперечет, и мы его, конечно же, *вычислим,* — продолжал он. — Чтобы звук выстрела не донесся до места убийства, стрелять надо было минимум метров с трехсот — а там из подходящих позиций только Биг-Бен, который сейчас обшаривают по квадратным дюймам мои парни. Да приплюсуйте сюда еще и начавшиеся сумерки… — (Как видите, Холмс, наши с Кэмпбеллом мысли двигались по одной траектории.) — Разрывная пуля же, извлеченная из грудной клетки графа в больнице Святого Варфоломея — это истинное произведение ювелирного искусства. Остроконечная безоболочечная винтовочная пуля калибра 7.62 из чистого серебра, с крестообразным надрезом головной части и экспансивной полостью, заполненной ртутью: поистине ужасающая штука! Всё это и вправду смахивает на придумки хитроумного маньяка из романов… Кстати, граф, которому пуля разворотила все внутренности, умудрился успешно перенести операцию и скончался лишь по ее окончании. Какая-то и вправду нечеловеческая живучесть, хех!»

«А теперь сложим эти факты воедино, доктор, и положение ваше станет крайне незавидным. Если письмецо это — ваше (сказочку про то, что вы его только что нашли, мы и рассматривать не станем, для экономии времени), то вы оказываетесь единственным, кто знал точно, где и когда граф окажется вне своего неприступного особняка; соответственно, вы и подвели его под снайперскую серебряную пулю — больше некому. Соучастие в убийстве тут пойдет однозначно: петля — не петля, но лет десять каторги вам обеспечены.

А вот если вы — лишь связной, а автор письма — ваш друг Шерлок Холмс — это же и так всем понятно, зачем нам играть в

прятки? — то ситуация волшебным образом меняется. Главное — она больше ничем не грозит никому из вас: да, Холмс пытался продать графу собранную им информацию, но опоздал со своим предупреждением. Круг посвященных сразу расширяется, где-то в той цепочке произошла утечка, где — мы выясним со временем; но сам-то он в момент покушения пребывал у нас под стражей, — (так я узнал о вашем аресте, Холмс), — так что алиби у него стопроцентное. И вы один сейчас можете помочь своему другу!»

— О, майор Кэмпбелл бывал весьма убедителен в амплуа не только злого следователя, но и доброго, — усмехнулся Холмс.

— Да, всё это звучало убаюкивающее логично, — согласился Ватсон. — Только вот с этим «Помогите своему другу» он чуток переборщил… Так что я решил твердо стоять своем — как и обещал вам: повторил, что письмо то мною найдено, и это мое первое и последнее слово.

После чего мне пришлось познакомиться… э-ээ… с некоторыми достижениями современной электротехники… До меня доходили смутные слухи, будто эти ребята практикуют подобное в Ирландии, с тамошними сепаратистами, но чтоб вот так вот — в Вестминстере, на полдороге между Аббатством и Уайтхоллом!.. Впрочем, что я вам объясняю, Холмс: вы ведь провели в обществе майора Кэмпбелла заметно больше времени, чем я.

— Не будем слишком строги к майору, Ватсон, — отмахнулся тот. — Пару лет назад, в Дублине, некая очаровательная ирландка всадила ему три пули в живот — раздробленный позвоночник и инвалидное кресло до конца жизни… А вот ваше мужественное молчание спасло тогда нас обоих от крупных неприятностей. Мы продержались, отрицая всё на свете, пока Майкрофт не выцарапал-таки нас из подвалов Кэмпбелла: добился передачи дела из Секретной службы — «как явно заинтересованной стороны», конец цитаты — в *патриархальный наш Скотленд-Ярд*; где расследование тихо скончалось. И это избавило меня тогда от необходимости прибегнуть для вашего спасения, доктор, к вот этому «*Ultima ratio regum* — последнему доводу королей», в самом что ни на есть буквальном смысле.

С этими словами Холмс, подойдя к каминной полке, достал четвертушку плотной голубоватой бумаги с водяными знаками в виде львов с единорогами и протянул ее доктору. Текст записки был краток и выразителен: «Что сделано подателем сего, сделано по моему приказу и на благо Британии. Эдуард».

— Господи, — изумился Ватсон, — я и не подозревал, что такие средневековые ордера могут существовать в нашем — двадцатом — столетии!

— А его и не существовало. Никогда, — с необычной для него суровостью отвечал Холмс. — Надеюсь, это вы понимаете достаточно ясно?

С этими словами он смял бумагу в горсти и швырнул ее в камин. Королевский ордер ярко вспыхнул, обесцветив на миг оранжевые уголья вокруг.

— Постойте!! — Ватсон непроизвольно дернулся к распадающимся черным хлопьям, но взял себя в руки. — Ведь это же!..

— Исторический документ, вы хотите сказать? — иронически переспросил Холмс. — Именно так! И именно поэтому он и обрел сейчас самое надежное из хранилищ: в нашей с вами памяти…

— Вообще-то, хранить все эти годы ту бумажку было с моей стороны изрядным безрассудством, — продолжил он, вновь откупоривая графин с бренди. — Но слово было тогда вам дано — «объяснить ВСЁ по прошествии десяти лет», — а долг дружбы священен…

— А кстати, если не секрет, — вдруг заинтересовался Ватсон, подставляя стакан, — где вы хранили в этом, *насквозь прозрачном*, домишке такую опасную ценность?

— У моих любимых пчелок, разумеется — периодически сменяя улей… Итак, резюмируйте, доктор, собственные соображения: чему вы стали тогда свидетелем и невольным участником?

— Ну, я полагаю, что наш загадочный балканский аристократ, травестирующий попеременно то графа Монте-Кристо, то графа Дракулу, затеял *играть в игры* еще и с Секретной службой. Ну и, как частенько случается, *заигрался* при этом — и те решили его убрать. Вы пытались его предупредить — персонаж был малосимпатичный, но вклада в развитие британской культуры у него никак не отнять, — однако потерпели неудачу. Переданное через меня предупреждение опоздало, а вас они предусмотрительно арестовали. Ну а потом на нас же еще и попытались навесить то убийство: двойной профит!.. Впрочем, возможно майор Кэмпбелл и снайпер-ликвидатор с Биг-Бена просто принадлежали к разным, соперничающим, подразделениям Конторы: в секретных организациях правая рука сплошь и рядом не ведает, что делает левая. Правда, в эту картину не очень-то вписывается *несуществовавший* ордер: всё-таки *тема мелковата* для Его Величества, на мой вкус.

— Браво, Ватсон! Вы сейчас изложили именно ту версию, что в итоге успешно скормили, под большим секретом, «Высшему руководству страны». Благо, тем еще и не портил картину

оставшийся им неведомым королевский ордер. Что же до истинного положения вещей — ваше здоровье!.. — то оно таково: Секретная служба и вправду стерегла графа как зеницу ока, а убили его — мы. При вашем деятельном участии.

— К-как убили?!? — у доктора вполне натуральным образом отвисла челюсть.

— Так и убили: серебряной разрывной пулей калибра 7.62.

— Нет, — помотал головою Ватсон, обретая утерянную было почву под ногами. — Нет, не верю! Вы можете возводить любую напраслину на себя лично — бог весть зачем. Но я никогда не поверю, что *Добрый король* выписал вам *лицензию на убийство*!

— Да, *добрый король Эдуард* и вправду был одним из лучших монархов на английском престоле за всю историю, — кивнул Холмс. — Но вас не должен вводить в заблуждение списанный с него образ принца Флоризеля… впрочем, и стивенсоновский герой тоже никак не был плюшевым пони. Его Величество был умнее нас с Майкрофтом вместе взятых, и при том отважен, решителен, а при необходимости — беспощаден к врагам своей страны и своего народа.

— Хорошо, оставим это… пока, — Ватсон, пытаясь привести мысли в порядок, взял *технический тайм-аут*. — Тогда объясните — КАК вы это сделали? Ведь вы несколько раз повторили: в курсе дела были лишь вы трое — ну, плюс я, самым краешком. Но ведь вы привлекли к делу еще и того суперснайпера с Биг-Бена — как быть с ним?

— Нет, — покачал головою Холмс. — Никакого суперснайпера там не существовало вовсе: и Секретная служба, и, позже, Скотленд-Ярд искали прошлогодний снег. Что было нам очень на руку.

— *Но как, Холмс?!?*

— Ну, Ватсон, уж вам-то это должно быть яснее, чем незадачливым следователям! — рассмеялся тот. — Вы, помнится, сопутствовали мне при расследовании убийства высокородного Рональда Эйдера — обернувшемся затем порчей моего прекрасного воскового бюста работы Оскара Менье пулей некого индийского охотника на крупного зверя…

— Духовое ружье! — воскликнул доктор.

— Оно самое! Пневматическая винтовка, созданная в одном экземпляре по заказу профессора Мориарти гениальным слепым механиком фон Хердером, и являющаяся по сию пору жемчужиной оружейной коллекции Скотленд-Ярда. Посылала тупоконечную револьверную пулю на «винтовочную» дистанцию — что ставило следствие в тупик. Главное — не то чтоб вовсе уж бесшумно, но практически незаметно в обычном шуме большого

города… Ну а у нас — задача обратная: стрельба остроконечной винтовочной пулей с «револьверной» дистанции. Для чего потребны лишь самые элементарные стрелковые навыки.

— Но ведь… ведь то ружье так и хранится в Скотленд-Ярде?

— Разумеется. А мы воспользовались винтовкой Толстопятова — это такой не менее гениальный оружейник-самоучка из Тулы. Он *пошел другим путем*, нежели фон Хердер: его винтовка представляет собой усовершенствование почти забытого ныне «ветряного ружья — WindbЭchse» тирольца Жирардони, со сменным баллоном сжатого воздуха в прикладе. В России сейчас, насколько мне известно, «толстопятовки» приняты на вооружение тамошних коммандос. Его Величество привез опытный образец этого оружия из своего визита к *русским союзникам* в 1908-м, ну а потом оно возьми — да и затеряйся, такие дела…

— А где оно сейчас?

— Покоится на илистом дне Темзы, под Вестминстерским мостом. Небрежно сброшенное туда из проезжавшего по мосту одноместного экипажа, примерно через полторы минуты после инцидента на набережной Виктории, в разгар суеты и неразберихи на месте преступления.

— А если бы всё же кто-то из свидетелей обратил внимание на тот *плюх*, и водолазы отыскали бы *сброшенный ствол*?

— Ну, тогда они долго искали бы в том деле «русский след» — такой же прошлогодний снег, как и «снайпер с Биг-Бена»…

— Постойте-постойте, Холмс! — сообразил вдруг Ватсон. — Но ведь вы в это время были уже под арестом…

— Ну да: идеальное алиби. Должен вам заметить, что спланировать собственный арест на строго определенное время весьма непростая задача. К счастью, лорд Уилмор — тогдашний шеф Секретной службы — славен был именно такой вот своей пунктуальностью.

— Но тогда… Кто же тогда правил тем одноместным экипажем??

Холмс лишь красноречиво развел руками.

— Нет! — отпрянул Ватсон. — Нет и нет!! Этого не может быть! Какая там ни будь «беспощадность к врагам своей страны и своего народа»!..

— Дорогой мой Ватсон, — укоризненно воззрился на него Холмс, — у вас всё же излишне богатое воображение!

— Но тогда…

— Что — тогда?

— Но ведь это тоже невозможно! — хоть и по другим причинам…

— *Отбросьте всё невозможное, и то, что останется, и будет*

ответом, каким бы невероятным он ни оказался, — напомнил Холмс. — Вообще-то отваги и решительности моему покойному брату было не занимать, а соперничать в навыках снайперской стрельбы с полковником Мораном от него совершенно не требовалось. Только лишь подгадать момент выстрела под те семь ударов Биг-Бена.

— Ну хорошо, ну ладно, — постановил Ватсон. — Так быть *могло*, согласен. А теперь ответьте правду, Холмс. *Вы его застрелили, этого* странного графа?

— *Натурально. Как же его не застрелить? Его обязательно надо застрелить.*

— За то, что тот слишком уж артистично изображал из себя вампира?

— Не «за то что», а «потому что». Потому что он и был вампиром.

— Холмс, я серьезно!

Великий сыщик взглянул на друга в упор:

— Ватсон, мое нынешнее положение совершенно не располагает к дешевым розыгрышам.

— Нет, нет, подождите, — доктор замахал руками. — Ну да, потом ходили всякие слухи, даже и в газеты попадало, будто граф проводил какие-то мрачные ритуалы… При луне, из золотых чаш, что-то они там пили. Ну, может даже и кровь, может даже и человеческую — я и это готов допустить… Господи, да у них же там, на тех его «Пятничных вечерах», декадент на декаденте — обычная их театральщина! Я-то думал, граф крупный шпион…

— Будь он шпионом, — саркастически фыркнул Холмс, — дело б не стоило и выеденного яйца. Для европейского аристократа шпионаж — *пустяки, дело житейское*, самый обычный способ поправить расстроенные финансовые дела; Майкрофт бы с ним просто *договорился по деньгам* — и дело с концом. Нет, дорогой Ватсон, какой там шпионаж! *Тут дело фантастическое, страшное*…

— Я отказываюсь верить своим ушам, Холмс, — озадаченно покачал головою доктор. — Вы, образованный и рационально мыслящий человек двадцатого века, всерьез говорите о существовании — ВАМПИРОВ?

— Видите ли, Ватсон… Есть некоторое количество твердо установленных *медицинских фактов*, не укладывающихся в наши привычные представления. И именно *рационально мыслящий* человек не вправе отмахиваться от такого рода *неувязочек* ради сохранения своего душевного комфорта… Например, вам, как медику, наверняка известна мрачная история Арнольда Паоле.

— Ну конечно, — легко согласился Ватсон, — есть загадки,

неразрешимые пока, на уровне наших нынешних знаний о природе. История Паоле, да, или вот, скажем, история Жеводанского зверя — где сами по себе зловещие факты, тут вы правы, надежно документированы и сомнений не вызывают…

— В помянутой вами всуе истории Жеводанского чудовища, — поморщился Холмс, неторопливо набивая трубку, — нет ровно ничего загадочного. Среди семи десятков овернских крестьян, ставших его жертвами, мужчины были редчайшим исключением, а подавляющее большинство — дети. Это сразу должно было подсказать властям, что причина — не в исполинском волке, на которого они год за годом безуспешно устраивали облаву за облавой, и что нуждаются они — не в королевских ловчих и драгунских патрулях, а в сыщике. Там даже Лестрейд бы справился, полагаю.

— И кто же был тем серийным убийцей?

— Местный лесник Антуан Шастель, разумеется. Собственно, он и был на подозрении, но доказательств не собрали. Доказательств, достаточных для французского суда в просвещенном восемнадцатом столетии, а не для средневековой инквизиции.

— И как же он это всё проделал? Оборачивался вервольфом в лунные ночи? — скептически усмехнулся Ватсон; усмешка та, впрочем, выглядела несколько наигранной.

— Шастелю не было в том нужды, — поморщился Холмс, — да и нападения, как правило, происходили средь бела дня. Орудием убийства маньяку служил крупный волкодав, натасканный на людей. Это элементарно, Ватсон.

— А как же волки? Ведь те королевские ловчие убили-таки здоровенного волчину, якобы даже серебряной пулей, а в его желудке…

— Ну, когда у вас по лесам регулярно валяются неприбранные человеческие трупы, местные волки тоже, знаете ли, приобретают соответствующие наклонности… Впрочем, мы отвлеклись от темы: от истории отставного сербского ополченца Арнольда Паоле. Итак?

— Насколько я помню, — задумался Ватсон, — вскоре после его кончины умерло десятка полтора односельчан; все они утверждали перед смертью, будто бы Паоле являлся к ним по ночам и высасывал кровь. Австрийские власти к слухам этим отнеслись вполне всерьез, ибо опасались эпидемии и мора, и прислали комиссию, из старших офицеров тамошнего гарнизона и военных врачей. Всех погибших эксгумировали и провели вскрытие; обнаружилось, что тела большинства из них «совершенно не тронуты разложением», а «в жилах наблюдалась

свежая, не свернувшаяся, кровь». Местные тут же проткнули тела «вампиров» осиновыми кольями, а затем сожгли. О чем комиссия составила соответствующий отчет, который потом попал и в газеты.

— Вот именно, дорогой Ватсон: в архивах имеется официальный рапорт, со всеми входящими-исходящими, за подписями подполковника фон Линденфельса и троих полковых хирургов — Иоганна Флюкингера, Иоганна Зигеле и Фридриха Бумгартена. А ведь дело-то происходило не в раннем Средневековье, а в самый что ни на есть век Просвещения, в цивилизованном государстве — Австрийской империи; регион, правда, *специфический* — Балканы… Вряд ли ваши коллеги, военные врачи, не умели отличать свежую кровь от свернувшейся; и вряд ли офицеры, находясь на службе, шутки ради выдумали бы из головы все эти удивительные подробности… Заметьте: на Балканах такое случалось не раз и не два, и некоторые из тех случаев — например, с Петром Благоевичем — задокументированы не хуже истории Паоле. Ну-с, доктор, что вы на это скажете?

— Летаргический сон?.. — пробормотал тот — без особой, впрочем, уверенности в голосе.

— Да-да, конечно, — ядовито откликнулся Холмс. — *Эпидемия летаргии*. Не забудьте добавить в эту успокоительную микстуру еще и парочку мензурок *месмеризма* — ну, надо же как-то объяснить еще и те *групповые галлюцинации*!.. Впрочем, нам с вами пора уже вернуться в Лондон десятилетней давности, — и с этими словами Великий сыщик снова потянулся к каминной полке; на сей раз он взял с нее небольшой конверт из плотной синей бумаги. — Меня вы уже выслушали — предоставим теперь слово другой стороне.

— Как вы, возможно, помните, Ватсон, граф Монтенегро — будем называть его этим именем — бесследно исчез из госпиталя Святого Варфоломея. Едва лишь врачи зафиксировали остановку сердца, как тело забрали агенты Секретной службы по ордеру, подписанному самим лордом Уилмором — поддельному, как было объявлено впоследствии. Затем всех их след простыл, а особняк на Друри-Лейн опустел сразу и навсегда.

Так вот, существо это обладало совершенно невероятной для человека живучестью. «Граф», оказывается, еще некоторое время был не только жив, но и в сознании, и успел надиктовать прощальное письмо для меня. Подписи в конце нет, но авторство у меня лично сомнений не вызывает: там упомянут ряд деталей, известных лишь нам двоим.

С этими словами Холмс извлек из синего конверта несколько

аккуратно сложенных листков дешевой писчей бумаги:

— Итак, вы — согласно своему твердому решению — станете сейчас четвертым человеком, который видел этот документ собственными глазами. Когда вы закончите чтение, я отправлю его в камин. Поставив точку в том зловещем деле.

Ватсон развернул первый листок и придвинулся ближе к огню — в комнате было темновато.

Мистеру Шерлоку Холмсу, эсквайру.

Durak ty, Holmes. Umny, umny — ah durak.

Очень жаль, что вы не владеете русским языком. Na tvoem anglitskom horosho tol'ko na bazare torgovatsa, dah. Английский уместен в торговле, в политике и прочих публичных делах. Но он лишен полутонов. Например, та фраза, с которой я начал. Ее точный перевод — «вы глупец, Холмс, несмотря на весь ваш замечательный интеллект». Это передает смысл, но не оттенки смысла.

Впрочем, можно и по-английски. Помимо всего прочего, это язык новостей. А у меня для вас очень плохие новости, Холмс. Вы даже не догадываетесь, насколько они плохи.

Сейчас вы, вероятно, сидите у себя в кабинете, дышите дымом и пьете кофе. И самонадеянно полагаете, что освободили Британию от ужасающего монстра, то есть — от меня. Моих *последышей*, как вы надеетесь, перебьют *чистильщики* Майкрофта. И милый вашему сердцу Остров снова погрузится в то болото блаженного идиотизма, который вы числите за добродетель.

Что ж, кое-чего вы добились — причем случайно, сами не понимая, что сделали. По-русски это называют: durakam vezyot… простите, Холмс, *не знаю как перевести.* Наверное, так: «Глупость и некомпетентность компенсируются удачным стечением обстоятельств статистически чаще, нежели это должно бы следовать из той же статистики». Ваш случай именно таков.

Вы отчего-то вообразили, будто меня можно убить единственной пулей из серебра, пусть даже и разрывной. С тем же успехом вы могли бы запустить в меня головкой чеснока, или обрызгать «святой водой»… Ну ладно, ладно! — тут я, конечно, слегка преувеличил. Такое ранение надолго уложило бы меня в постель, и окончательно встать на ноги, даже при должном лечении и уходе, я сумел бы не раньше, чем через пару-тройку месяцев. Если бы, конечно, речь шла о чистом серебре.

Не сомневаюсь: вы даже и не подозревали, что серебряно-ртутная амальгама воздействует на нас куда губительнее. А ртуть вы использовали как начинку для вашей самодельной *дум-думки* просто для компенсации дефицита плотности: серебро — металл

легкий, а суммарная масса пули и ее баллистика не должны были отличались от стандартной, свинцовой. Как бы то ни было, вам повезло с той амальгамой… Любопытно: старое английское название ртути, quicksilver — вроде бы «быстрое серебро», а на самом деле «живое серебро» — как-то связано с этим обстоятельством?

Я диктую эти слова и понимаю вдруг, что за последнюю жизнь и вправду сделался образованным человеком. Образованный человек — вовсе не тот, кто может читать Гомера в подлиннике. По прошлым жизням я помню немало людей, которые в совершенстве владели не только латынью с греческим, но даже древневавилонским и синдарином, оставаясь при этом тупоумными начетчиками. Образование — то, что позволяет на пороге мрака неизвестности занимать свои мысли баллистикой и филологией, *грехом и гидравликой*…

Да, вы правильно поняли. Я не сказал «на пороге смерти». Я и не намерен умирать. Я всего лишь *ухожу в спячку*. Возможно, на этот раз я из нее не выйду — но этот риск сопровождает нас всегда. Незапланированность нынешнего шага сильно снижает мои шансы, но не до нуля. И, в любом случае, вы не узнаете, *вернусь* я или нет. Этот вопрос будет вас терзать весь остаток жизни.

Кстати о терзаниях. Мне ничего не стоит отдать напоследок приказ: подвергнуть вас мучениям, какие вы и вообразить-то себе не можете. Мы очень хорошо умеем работать с человеческим телом. Сейчас для этого не нужно даже пыток… Хотя, признаться, иногда я представлял вас на колу: просто интересно, как бы вы сохраняли *невозмутимость британского джентльмена* в подобных обстоятельствах?.. Но кол — это архаика: полтора суток, в лучшем случае. А вот взять, хоть, то же электричество… А ведь есть вещества, при введении которых в кровь вы ощутили бы себя в настоящем аду. Ваш замечательный мозг поджаривался бы как на гриле. Вы неделями, а то и месяцами спускались бы, ступенька за ступенькой, туда, где человека уже нет, а есть ревущая от боли скотина, все мечты которой — лишь о том, чтобы ее поскорее забили. И никакие меры предосторожности вас не уберегли бы, разве что *упреждающая* пуля в лоб!

Думаю, сейчас вам стало не по себе. Вы-то понимаете, что я не шучу и не преувеличиваю свои возможности. Что ж, я вас немного успокою: я не отдал такого приказа. И вовсе не из какого-то там сентиментального «уважения к достойному противнику». Я хочу, чтобы вы увидели свой проигрыш собственными глазами. Чтобы вы успели полюбоваться на дивный новый мир, наступлению которого вы самонадеянно мнили

воспрепятствовать. Собственно, он уже тут, и я *ухожу в спячку* с чувством выполненного долга. Моему *сменщику* предстоит лишь *мелкая рихтовка* — скучная, канцелярская по сути работа, от которой сам я, наверное, не вылезал бы из сплина.

Ибо вы проиграли партию, Холмс. И взятый вами на предпоследнем ходу черный ферзь ничего не меняет. Ваш король заперт в углу доски, и нам осталось решить, какой фигурой его брать. Мат, Холмс, на доске этюд «мат в два хода»… Удивительно, что вы этого так и не осознали. Несмотря на весь ваш хваленый интеллект.

Я мог бы, в качестве утешения, сказать, что вы с вашим братом оказались самыми сильными противниками из всех, с кем мне довелось столкнуться. Но это было бы неправдой. Вы были всего лишь самыми одаренными. Однако немцы справедливо говорят, что «усердие побеждает талант»; или, в иной, более близкой мне, формулировке — «порядок бьет класс». Вы столкнулись с *Системой*, Холмс — а приняли ее за интригу одиночки, вроде небесталанного дилетанта Мориарти. Мне это отчасти льстит, вам — нисколько.

Если бы я не был абсолютно — слышите, абсолютно! — уверен в нашей победе, я не стал бы продолжать дальше. Одно из немногих правил, которым следуют все *наши* — это запрет на сообщение каких бы то ни было сведений о нас, даже общеизвестных. Ни один из нас не подтвердит и не опровергнет даже того, что вампиры боятся серебра и не любят чеснок. Как говорили наши наставники — «пусть они знают, но *пусть они знают это не от тебя*». И я бы тоже придерживался этого правила, но сейчас особая ситуация. Очень скоро многое о нас и так будет открыто, и это неизбежно…

…Простите, прервал диктовку. Эта всё ваша чертова амальгама! Может, всё-таки поистязать вас недельку-другую? Непоправимого вреда вашему здоровью это бы не нанесло, но существенно улучшило ваш внутренний мир. Вы стали бы *тихим* Холмсом, *смирным* Холмсом, *маленьким и грустным* Холмсом. Правда, я не смог бы насладиться этим зрелищем лично, а нынешний синематограф не столь совершенен, чтобы передать подробности вашего *укрощения*. Но если я потеряю сознание еще раз, то, возможно, все-таки отдам такой приказ… Или не отдам. Это будет зависеть от моего настроения в последнюю минуту.

А пока я доставлю вам немного удовольствия. Я всё-таки расскажу вам кое-что из того, что вы так хотели знать и с таким трудом узнавали.

Итак, кто мы? Если совсем просто: мы — *комьюнити*, состоящее из двух каст, *прирождённых* и *обращённых*. Слово

«касты» употреблено мною как строгий биологический термин: аналогия с рабочими пчелами и царицей тут весьма точна. Разделяющая касты *биологическая* пропасть несопоставимо глубже той *социальной* пропасти, что отделяет наследника английского престола от *выслужившего* баронетство персонажа «Мэри Глостер» — при всей *полезности* вторых для первых.

Прирожденных ничтожно мало, все мы связаны между собой *узами крови* (ха-ха!), и войти со стороны в этот круг невозможно в принципе. В различных наших семейных линиях *способности* могут дремать поколение за поколением — но потом непременно проявят себя, подобно фамильной «габсбургской губе». Надо полагать, мы все происходим от одного прародителя.

Кстати: для вас это, вероятно, станет откровением, но *внутри своего круга* мы столь же различны между собой, как и вы. В частности, персоны, склонные радеть об общественном благе — вроде вашего покорного слуги — равно редки и у вас, и у нас. Большинство же, увы, предпочитает копошиться в уютной тине частной жизни. Разумеется, наша тина куда элегантнее вашей, но сути дела это не меняет… Честно признАюсь: сам я отношусь к этим бездельникам, зарывающим в землю свой талант, ровно так же, как помянутый мною герой «Мэри Глостер» к своему беспутному отпрыску. При том, что многие из этих бездельников не моложе меня, а кое-кто заметно старше. Но *кровь не водица* (ха-ха!), так что приходится терпеть все их «Гарварды и Тринити-колледжи»…

Иное дело — *обращенные*. Для того, чтобы стать таковым, достаточно получить в кровь немного нашей слюны или чего-то подобного. Простейшим способом является, как вы понимаете, укус. Но есть и другие, прелесть которых в том, что они вовсе не напоминают о вампирах. К тому же они не оставляют следов на теле — по крайней мере, снаружи. Некоторые традиционные наклонности *английских джентльменов* делают этот *стиль проникновения* особенно удобным на вашем чопорном Острове. К этой теме мы еще вернемся, если только я сейчас не…

…Ну вот, я опять потерял сознание. Что это означает для вас — я пока не решил… Пожалуй, всё-таки воспользуюсь морфием. Вы будете удивлены, но я ни разу до сих пор не снисходил до *людских* наркотиков: не имел в том нужды. Не знаю, как мой организм среагирует на опиаты, но напоследок попробовать определенно стОит.

Мы, кажется, прервались на том, чем мы отличаемся от вас. Уж конечно, не диетой: человеческая кровь — это всего лишь потребность в соединениях железа, которую, в принципе, можно удовлетворять и другими способами… Кстати, ЭТИ — ну, *из*

Гарвардов и Тринити-Коллеждей — так и делают; мало того — еще и создали свою отдельную, совершенно омерзительную, субкультуру суррогатов: *химия* взамен *природной среды*. Игнорируя то, что суть не в *веществах*, а в *духовной скрепе*, ибо… Впрочем, не буду «vynosit' sor iz izby» — лень искать сейчас адекватный английский аналог.

Так вот, в том, что касается базовой анатомии и физиологии мы устроены точно так же, как вы. Различие между нами пролегает не по горизонтали, а по вертикали. Мы не иные, чем вы — мы *выше* вас, вот в чем всё дело.

У людишек, знающих о нашем существовании, есть смешная манера называть нас «нелюдями» или даже «нежитью». Это тем более забавно, что в реальности всё обстоит ровно наоборот. Собственно говоря, только нас-то и можно называть людьми в подлинном смысле слова. Только в нашем организме и раскрываются до конца все возможности, заложенные некогда природой — или, если вам так угодно, Творцом — в биологический вид *Homo sapiens*. Вы, в сущности, грубые заготовки, недолюди и нижечеловеки — *унтерменши*: немецкий термин здесь наиболее адекватен. Нас, в свою очередь, можно назвать…

…Кстати, морфий действует неплохо. Любопытные ощущения. Пожалуй, я всё-таки пощажу вас. А может, и нет. Этого я ещё не решил.

На чем мы?.. — а! Итак, нас можно назвать — *сверхлюдьми*.

Мы сильнее, быстрее, а главное, энергичнее обычных людей. Там, где слабый и безвольный человек останавливается, мы продолжаем движение. Как говорил один недурной писатель — *ни ангелам, ни смерти не предаёт себя человек, кроме как через бессилие слабой воли своей.* Наша повышенная «живучесть» имеет именно эту природу: мы просто умеем усилием воли мобилизовать внутренние резервы организма. В вашем распоряжении их ровно столько же, но у вас нет ключа от этого сейфа, а у нас — есть. Вот он — истинный *триумф воли*!

Наши чувства всегда обострены. Мы лучше видим, лучше слышим, а что касается обоняния, то обычное человеческое не идет ни в какое с ним сравнение. И вовсе не потому, что наши органы чувств совершеннее! Просто в вашем мозгу природой поставлены своего рода фильтры, глушащие слабые сигналы — дабы ваш слабый разум не захлебнулся от переизбытка информации. Мы же от этих фильтров избавились, заставив мозг работать на полную, данную ему природой, мощь.

Благодаря этому мы с одного взгляда познаём то, для чего вам необходимо рассуждение. Например, я всегда вижу, говорит

человек правду или лжет. Людям же для решения таких вопросов требуется логика и психология… Хотя, признаться, по этой части мы вас недооценили: за последние пятьсот лет вы, опираясь на эти костыли, убрели довольно далеко. Впрочем, теперь всё это уже неважно.

Так вот, переходим к главному: да, мы способны *обращать* обычных людей в свои подобия. Брать этот комок «праха земного» и лепить из него *нечто* «по образу и подобию своему» — в точности повторяя процедуру, запатентованную шесть тысяч лет назад неким мистером Саваофом. Что именно лепить? — да ровно то же, что и тот: рабов своих! Вам ведь не претит, Холмс, быть «рабом Божьим» — не *слугой* даже, а именно *рабом*? Или всё же претит, а?.. Читайте свой контракт — там ясно сказано: «образ и подобие», не более того.

Вот и мы тоже творим из людей свои образы. *Обращённые* подобны нам. Они тоже нуждаются в крови, у них обостренное восприятие, они энергичнее вас. Сами обращённые испытывают от этого настоящую эйфорию. В каком-то смысле они — счастливейшие из людей. Чтобы добиться похожего эффекта, обычным людям приходится принимать наркотические препараты, но там эффект недолог, а восприятие со временем притупляется. Вам ли этого не знать, Холмс?

Вспомните первые месяцы употребления кокаина — или то, что вы чувствуете, раскрыв сложное дело. Так вот, *обращённый* чувствует себя так всю жизнь. Правда, недолгую, но разве это важно? Жизнь измеряется не годами, а мгновениями сильных ощущений, не так ли? Как сформулировал один из моих *обращённых* в Московии: «Чем триста лет питаться падалью, лучше раз напиться живой кровью, а там что Бог даст!»

Но главное для них даже не это. *Обращённые* преданы тому *прирождённому*, который их *обратил*. Они служат нам, и это служение для них — почти физиологическая потребность. Собственно, это единственный путь для унтерменша хотя бы приблизиться к сверхчеловеку — с тем, чтобы «поцеловать край одежд его».

А главный дар, получаемый от нас *обращенными* — способность самим учинять *обращение* окружающих унтерменшей. Правда, феодальное правило «вассал моего вассала не мой вассал» здесь не действует: обращённый, укушенный моим обращённым — это мой обращённый. Как будто с укусом передаётся некая субстанция, исходящая от одного источника и не меняющаяся на протяжении всего пути передачи. О ее природе можно строить догадки, но вряд ли этот секрет когда-либо будет разгадан. Хотя бы потому, что мы этого не допустим…

…Так, добавьте-ка еще морфия!

Не будем отвлекаться. Итак, каждый из нас способен, таким способом, создать себе армию безоговорочно преданных служителей, причем довольно быстро. Но мы этого не делаем; во всяком случае — не делали до сих пор. Проблема в том, что мозг *обращаемых* реагирует на этот процесс очень по-разному: заметный процент их превращается в злобных психопатов. А кое у кого высшая нервная деятельность и вовсе подавляется полностью; таких называют *зомби*, и ваше счастье, что вы почти не сталкиваетесь с этими *отходами производства*: мы ликвидируем их сами… Так вот — мы, *прирожденные*, умеем распознавать и регулировать такие процессы, тогда как *обращенные* действуют исключительно методом тыка. Что не раз приводило к неприятным казусам в виде порчи *ценного человеческого материала*.

Вам, Холмс, наверняка памятна отвратительная история с наследным принцем Альбертом-Виктором. Сама по себе идея — *обращенный* на английском престоле! — была весьма перспективной; только вот действовать надлежало предельно аккуратно, а тут кое-кто поспешил и проявил усердие не по разуму. У принца и без того был полон шкаф скелетов — гомосексуальные скандалы, бордельные похождения, нелеченый сифилис, — а после *обращения* он просто, что называется, поехал кукушкой и загулял по Лондону «Джеком-Потрошителем». К тому времени мы твердо взяли курс на *власть над умами* через *эстетику декаданса* — а тут нате вам: потрошеные проститутки, фу таким быть! Нет, в чем-то это даже *прикольно*, но тут даже какой-нибудь эпатажник Шоу может приужахнуться: «Не-не, *эстетические разногласия*!..» В общем, этот молодой человек настолько компрометировал собою *комьюнити*, что пришлось заманить его в Сандрингем и там устроить ему *скоропостижную кончину от гриппа*. Одна отрада: нам удалось выдать это за «заботу об авторитете Династии» и стяжать на том немало тайных бонусов.

Или вот Ницше. Весьма ценный был кадр, очень успешно нес *правильную идеологию* в *широкие народные массы*. Но вот беда: после *обращения* мозг его совершенно утратил контроль над его языком, и он принялся выбалтывать направо и налево сведения, для тех *ширнармасс* никак не предназначенные. Бедняга всего-то и нуждался, что в грамотном медикаментозном лечении — *«Два куба пациенту Ницше!»* — но в германском *комьюнити* отчего-то запаниковали, ну и распорядились вгорячах: «*Философствующий санитарный инспектор? В печку его!*» И самым натуральным образом *расплавили* тот выдающийся мозг…

…Еще морфия!.. Я сказал! Это мне решать!!

Как бы то ни было, если бы мы намеревались захватить этот мир, мы бы давно им овладели. Однако большинство из нас, как я вам уже говорил, вовсе не желает взваливать на себя подобную обузу. Почти всё приятное, что есть в положении властителя, они имеют и без того — будучи при этом избавлены от вороха проблем, неотделимых от любого властвования.

Однако сейчас ситуация изменилась. Когда я оказался в вашем мире, то с некоторым даже испугом убедился: наука, за триста лет моего вынужденного отсутствия, очень глубоко влезла в опасные для нас темы. Эдак вы можете проникнуть и в тайны крови, а то и познать нашу природу! Да, я считаю это крайне маловероятным — но исключить такую возможность не имею права. Как говаривал один ваш коллега, Холмс, сам будучи твердокаменным атеистом: «Если в нашем доме вдруг завоняло серой — мы обязаны предположить, что где-то рядом объявился чёрт с рогами, и принять соответствующие меры, вплоть до организации производства святой воды в промышленных масштабах»…

Короче говоря, мне удалось убедить Семью, что опасность реальна — сломав сопротивление и саботаж наших, если так можно выразиться, *замшелых обывателей и пацифистов*. В итоге Семья санкционировала мои действия, завершившиеся ныне успехом…

…Что вы мне ввели — какой-то другой тип опиатов? Я не ослышался — «средство от кашля»? Ах-ха-ха-хааа!..

Так вот, об одержанной нами — да-да, одержанной! — победе: как мы к ней шли. Во все времена нам было сложно внедряться в элиты. Покусать политически значимую персону, или даже нескольких — не проблема. Беда в том, что они тотчас выдают себя — достаточно одного солнечного дня или серебряного бокала на светском мероприятии. Ну а дальше — животный инстинкт самосохранения всех остальных элитариев всегда срабатывал безотказно…

Как вы уже знаете, проблему с солнцем мы решили — чисто технически. Этому немало поспособствовали исследования досточтимого доктора Менгеле, коему я некогда покровительствовал в Московии. Жаль, очень жаль, что вам не доведется пообщаться с этим выдающимся исследователем! Он сделал интереснейшие открытия в области кровообращения, но что самое для нас важное — разработал средство, предохраняющее нашу кожу от солнечных укусов. Для тех его *острых опытов* мне пришлось пожертвовать кучей *обращенных* — из числа менее ценных или проштрафившихся, — но результат

себя вполне оправдал.

К сожалению, кожа от этого защитного крема становится белой, что опять-таки сразу выдает пользователя… И тогда нам пришла спасительная идея: выложить то, что необходимо спрятать, на самое видное место. Нужно перестать прятаться и сделать аномально белую кожу модной! Попросту говоря — ВВЕСТИ МОДУ НА НАС.

Разумеется, это было не так уж просто. Лорд Байрон — ему, собственно, и принадлежала идея — не сумел довести дело до конца. Виной тому было его тщеславие: ему нравилось самому красоваться на подмостках, привлекая сердца и умы подражателей. Он вообще был никудышным командиром: всё сам да сам, *впереди на лихом коне* — за что и поплатился в Миссалонги… Я же, вовсе не претендуя на лавры «творческой личности» и действуя скорее как администратор, четко сформулировал задачу и нашел средства для ее решения. Не надо ставить на какой-то конкретный образец для подражания, пусть даже и гения («порядок бьет класс» — помните, Холмс?); надо сформировать целое *саморазвивающееся* течение — художественное, философское, нравственное, — которое исподволь сожрет мозг у европейской элиты.

Первая и главная заповедь: не пытаться впрямую реабилитировать вампирство, идя наперекор естественному человеческому инстинкту самосохранения! Однако все привычки, все обыкновения, даже внешний облик вампиров — это подлежало *продвижению*. Например, культ ночи — заметьте, не тьмы, а именно ночи! Веками поэты воспевали солнечный свет, пока мы не сделали популярными Новалиса и безумного Эдгара. Столь же тщательно мы поощряли культ изысканного увядания, безжизненной бледности, обветшалых средневековых зАмков и тому подобную некрофилию, от которой должно мутить любого здорового человека. Слово «вампир» еще не было произнесено, но оно уже стало тем невидимым *центром кристаллизации*, вокруг которого выстраивалась вся культура dИcadence.

Век *обращённого* недолог: пятнадцать-двадцать лет, изредка тридцать. Но мы сумели обернуть себе на пользу даже и это. Видите ли, *обращённые* не стареют, по крайней мере внешне. Для определенной категории *мальчиков* и без того свойственен страх утраты юной красоты, но мы раздули его до панического. Ужас перед старостью, страх перед каждой морщинкой, культ молодости любой ценой — это очень помогает интересным молодым людям сделать *правильный выбор*. «Портрет Дориана Грея» оказался в этом плане полезнейшим сочинением.

Не менее полезным для нас оказалось и творение мистера

Стокера: оно искусно рождало у читателя ощущение *сладкой жути*, не имеющей — хвала Всевышнему! — ни малейшего отношения к той реальности, что за порогом его уютной квартиры. Плюс второй слой повествования, даже, пожалуй, более важный: вампир может быть только и исключительно *маньяком-одиночкой* — и никакой *Системы*, что вы, что вы! Так что мы…

…А это ваше «*средство от кашля*» весьма недурно — получше морфия! *Дайте два!!*

Поскольку мы всё равно победили, я — так и быть — не утаю от вас и наши неудачи. И даже предвосхищу ваш вопрос: а что там было с переносом коронации Эдуарда VII — единственного случая за всю английскую историю — по случаю «аппендицита»? Отвечаю: опять дурацкая низовая инициатива, и опять усердие не по разуму. Кое-кто наслушался в *комьюнити* разговоров, что-де сей восходящий на престол «принц Флоризель» для нас весьма опасен (а это действительно так), и решил отважно «жизнь положить за други своя». *Как это было пОшло,* Холмс! Пошло и напрасно. Чертов Ландштайнер, со своими чертовыми свежеоткрытыми группами крови, как раз случился в Лондоне, на международном конгрессе физиологов… В итоге чертова «Флоризеля» всё равно спасли — срочно сделав ему двукратное замещающее переливание крови — а нам это крайне осложнило всю дальнейшую работу. Ну, про эпизодические неприятности с мозгами обращенных вы уже в курсе.

Теперь — встречно — о ваших ошибках. Как ни странно, они пошли вам скорее на пользу. Это касается пресловутой «серебряной темы». Ваш брат верно уловил связь между нашим появлением и оскудением в стране серебра. Прошлое мое *пришествие* случилось три века назад в Московии, где власти *доигрались* с заменой серебряной монеты на ассигнации. В вашем же случае «спусковым крючком» стал отказ от биметаллизма с переходом к золотому стандарту. О московском прецеденте Майкрофт наверняка знал. Он столько времени проводил в закрытых архивах Ее Величества, что просто не мог пройти мимо такой любопытной информации.

Правда, из верной посылки он сделал неверный вывод: решил, будто «серебряные кризисы», что нам поспешествуют, рукотворны, и что МЫ САМИ их и провоцируем. Он потратил кучу времени и усилий для ответа на вопрос *cui prodest* — какие именно элитные группы продвигали золотой стандарт? — полагая тех нашими агентами. Он сделал на этом пути много верных промежуточных выводов (вроде того, что в целом за биметаллизмом стоит «производительный, промышленный капитал», склонный к госрегулированию экономики, а за золотым

стандартом — капитал «финансово-спекулятивный», почитающий фритредерство), пока не понял: к делу всё это не относится никак.

Ибо мы лишь используем ситуацию, но не создаем ее. Биметаллизм умер вовсе не потому, что вредил финансовым спекуляциям банкиров, а потому что был открыт пояс богатейших месторождений серебра на Тихоокеанском побережье Америки. Рыночная цена на этот металл упала столь резко и необратимо, что серебряные монеты превратилась фактически в купюры, себестоимость которых намного ниже их номинала, и были вытеснены из обращения бумажными деньгами абсолютно естественным образом. Вот тут-то и вышли на сцену мы — но ведь не мы заложили те серебряные рудники! Равным образом — не мы тогда заслали в Московию из Европы «финансового гения» Фауста, успешно превратившего в руины тамошнее денежное обращение… Майкрофт это, конечно, понял — со временем. Но время то, потерянное им на поиски черной кошки в темной комнате, где ее нет, оказалось, возможно…

…Я не удержался и попробовал немного своей крови. Из-за лекарств и прочей дряни вкус безнадежно испорчен. Это отвратительно, Холмс, и виноваты в этом вы! Всё-таки ждите гостей.

Самое же поучительное в этой истории вот что. Европейские интеллектуалы *обошлись нам дёшево, совсем дёшево.* Некоторым пришлось платить (это чепуховые для нас расходы), но чаще эти гордые, независимые умы становились нашими за *рюмочку похвалы* и решение мелких личных проблем. *Убирать* же приходилось совсем уж единичных персон. Это в политике *индивидуальный* террор бесполезен, ибо там «*незаменимых нет*» — и надо сразу вытаскивать на площадь гильотину. С интеллектуалами же всё иначе. Как говорил один неглупый человек — «Вычеркните из мировой истории триста человек, и мы все снова очутимся в каменном веке».

Вот эти-то фигуральные «триста человек» — истинные Творцы, каждый из которых по определению уникален — и есть предмет нашей *неустанной заботы.* А теперь оглядитесь вокруг себя, мистер Холмс: во всей этой *творческой среде* тех, кого нам не удалось за эти годы ни соблазнить, ни купить, ни запугать — можно перечесть по пальцам.

Например, в России, которую мы используем как полигон и экспериментальную площадку (благо, мне там многое знакомо, по предыдущему моему *пришествию*), нам пришлось реально *убрать* одного-единственного *властителя умов*: Антона Чехова. Дальше всё у них там покатилось как по маслу. Владимир

Соловьёв покусал ранних символистов, ранние покусали поздних, поздние — акмеистов, футуристов и прочих; одним словом, «Авраам родил Исаака; Исаак родил Иакова» — и далее по тексту. Кстати, тамошнее *комьюнити* самоназванием выбрало — «Серебряный век», и нашему здешнему *комьюнити* очень импонирует этот *русский юмор*.

Да и у вас здесь — всё примерно так же. Стивенсон отнесся к угрозе со всей серьезностью, но почему-то решил, что сумеет укрыться от нас на тропическом тихоокеанском островке, в деревушке, где все всех знают и любой чужак на виду. Это было не столь уж глупо, и добраться до него и вправду оказалось непросто; ваше расследование того «странного инсульта в 44 года, оборвавшего на полуслове лучший из его романов» навело вас на ряд верных умозаключений — нельзя не признать.

А дальше в Англии вообще всё обошлось *бескровно* (ха-ха!). Крайне неприятной и опасной для нас фигурой был, да и по сию пору остается, Киплинг — но тут нам опять повезло. Как ни странно, дело опять оказалось в благородных металлах. После того, как серебро вышло из игры, насовсем, Британии, как держателю мировой резервной валюты, срочно понадобилось золото — много-много золота. Австралийский Балларэт уже не спасал, и судьба Южной Африки была решена. Тамошним бурским республикам просто не повезло — они оказались в неправильном месте в неправильное время; черт бы с ними, с алмазами Кимберли, но без золота Витватерсранда Империи было просто не выжить…

Война та была откровенно грабительской — подвести ее под «несение бремени белого человека» невозможно ни с какого конца — и заслуженно непопулярной в Англии, не говоря уж о Континенте. Киплинг *вписался* тогда за Томми Аткинса, дружно оплевываемого интеллектуалами и пацифистами — на чем и погорел, без особого проку «*положив на алтарь Отечества*» преизрядную долю своей популярности. Разумеется, за кампанией общественной травли «железного Редьярда» стояли мы, успешно навесившие на него ярлык *«Соловья Генштаба»* — но мы тут выступали лишь катализатором бытовавших в обществе настроений…

Ну, кто еще-то у вас остался, из реально читаемых авторов? Честертон, с его сводящим скулы морализаторством? Джером-Кей-Джером, Конан-Дойль? — ну, тут уже просто не тот масштаб литературного дарования…

…Нет, кончайте уже всю эту возню. Проклятая амальгама поразила ткани. Я чувствую это. Не тратьте времени, готовьте меня *ко сну*. Вот только закончу с этим письмом…

Да, времени у нас осталось совсем мало. Буду краток.

Вы глупец, Холмс. Вы были так близки к своему жизненному идеалу, и прошли от него в двух шагах. Даже не поняв, от ЧЕГО отказываетесь.

Ваш мозг замечателен, Холмс — для человека. А теперь представьте себе, чем бы он стал после вашего *обращения*.

Как я уже говорил, мы разбираемся в таких вещах. Так что уж вам-то риск стать «злобным психопатом» точно не грозил. Вы стали бы истинным гением. Ваши умственные способности возросли бы многократно. Сложные дедукции, которые сейчас занимают у вас несколько суток, стали бы для вас не сложнее арифметических задачек. Вы наблюдательны, вы умеете заметить сломанную спичку в грязи и аромат духов от письма. Насколько же возросли бы ваши способности в этом отношении! Вы различали бы людей по запаху, а их лица стали бы для вас открытой книгой.

При этом вы ничего не потеряли бы даже во времени жизни: вам ведь, Холмс, не так уж много и осталось. Вы всю жизнь издевались над собственным телом, и оно уже готово отомстить вам за это. Я бы дал вам лет семь-восемь, в самом лучшем случае. Дальше — та самая болезнь, которая не поддается никакому лечению, даже хирургическому. У вас же был шанс прожить этот срок — а может быть, и дольше — *в самом расцвете сил*.

Что касается преданности: вы и так к ней склонны, это ваша личная особенность. Только сейчас вы преданы Майкрофту, за чьей спиной вам почему-то мерещится не Контора, а «*грозный алтарь Аббатства, связующий англичан*». Обе эти сущности на самом-то деле вам безразличны, особенно первая. Они просто оправдывают вас перед самим собой за это *идолопоклонство*. А после *обращения* вы смогли бы позволить себе роскошь быть честным. И это не говоря о том, что служение будущему…

…Уберите к дьяволу эти трубки! Начинайте усыпление!

Так вот, о будущем. Надеюсь, вы увидите его, Холмс. По крайней мере, его рассветные лучи.

Поскольку Майкрофт уже многое знает, скажу и вам. Мы начнем на Континенте, поддержав молодые силы. Они неизбежно придут к власти, а вместе с ними и мы. Сотни молодых вампиров — *юноши бледные со взором горящим* — только и ждут своей минуты. А потом тысячи, десятки тысяч обращённых разорвут ваш мир, все эти ваши Империи, на лоскуты! Страна за страной будут склоняться перед нами, безо всякой войны. Когда же, наконец…

Впрочем, оставим эти детали.

Потом будет период реконструкции. По-русски — perestroika,

это слово мне кажется более точным. Это изменение мира, в котором мы, наконец, *выйдем на свет* — на такой, который нам не повредит. И уже напрямую возьмем рычаги управления миром в свои руки.

Каким оно будет? Я уже давно разочаровался в идеях всеобщей справедливости. Было время, я отдал им дань и даже построил страну, где они были реализованы, хотя и не самым совершенным образом. Правда, для этого потребовалось немало кольев (ха-ха!). Однако мне это в конце концов надоело: слишком много мелкой возни и *ручного управления*. Мой следующий эксперимент, в Московии, оказался и вовсе неудачным, хотя и обогатил меня полезным опытом властвования из-за кулис. Но теперь ошибок не будет. Люди должны получать то, что им причитается: КАЖДОМУ — СВОЕ.

Создаваемый нами мир укладывается в три круга. Внешний круг, для унтерменшей, будет клоакой, стоком, адом этого мира: все подонки общества стекутся туда, вся пьянь, рвань, дрянь, все садисты и прирожденные убийцы, насильники, агрессивные хамы, извращенцы, зверье, нравственные уроды — гной, шлаки, фекалии социума. Тут будет их царствие, тут не будет наказаний, тут будут жить по законам силы, подлости и ненависти. Это будет мир *доноров,* чью кровь будут пить без малейших сожалений и колебаний.

Средний круг составят люди, доказавшие свою полезность. Таких мы будем изымать и помещать в лучшие условия. Их задачей будет квалифицированный труд. Плодиться мы им не позволим, зато все обычные блага жизни будут в их распоряжении. Править этим кругом будут *обращённые*. То есть удостоившиеся укуса и не превратившимися в бессмысленных тварей. Но имеющие немалый счет к внешнему кругу, из которого мы их и будем брать.

И, наконец, в самом центре будет третий круг — Мир Справедливости. Теплый, приветливый, безопасный мир духа, творчества и свободы, населенный исключительно людьми талантливыми, славными, дружелюбными, свято следующими всем заповедям самой высокой нравственности. Разумеется, между собой. Туда будут допущены даже некоторые *неприрожденные* — разумеется, самые лучшие, самые умные, самые талантливые.

О, кстати! Вы же читали Мальтуса, Холмс? Так вот, мы решим проблему перенаселения раз и навсегда. Всю Землю мы разделим на три части, устроенные совершенно одинаково — те же три круга. Внешние круги будут погружены в вечную войну между собой. Единственным ее смыслом будет *утилизация биомассы*.

Конечно, на уровне второго круга войны уже не будет. Быдло и скоты будут умирать сотнями тысяч и миллионами за какую-нибудь «Евразию» или «Остазию» (или как мы там назовем эти куски территории), а наши *обращёные* будут тем временем ездить как туристы в Нью-Йорк, Москву, Мекку, или куда угодно. Что касается высшего круга, он, разумеется, будет един и неделим, как всё совершенное…

…Всё, больше ничего не вижу, даже с моим зрением. Но еще успею сказать кое-что, напоследок!

Холмс, вы всё ещё не поняли, почему я не убил вас раньше? *Я готовил вас для себя,* Шерлок. Я видел в вас исключительно ценный человеческий материал, алмаз, которому нужна огранка, чтобы он заблистал по-настоящему. Но вы предпочли Майкрофта, тех «англичан» и тот «Алтарь» — жалкая и ничтожная вы личность!

Кстати, об алтаре — и о Священном Писании. Напомните-ка, что там говорится о предательстве? А ведь вы совершили предательство, которое удивило даже меня. Парадоксально, но именно на этом вы меня переиграли.

Я понимал, что ради выигрыша вы пожертвуете кем угодно. Может быть, даже Майкрофтом. Но я не думал, что вы пошлете на смерть своего единственного друга, Ватсона. Вы были так верны ему всю жизнь, что даже я поверил: уж его-то вы никогда не используете как *наживку на крючке*. Теперь-то я понимаю: вы издавна готовили его именно для такого случая. *Вы выращивали его как свинью на убой.* Ради него вы делали всё, даже подвергали себя смертельной опасности. И только для того, чтобы в один-единственный момент…

…Кажется, всё. *Я устал, я ухожу*. Прощайте, Холмс. Пожалуй, я всё-таки не скажу вам, какое решение принял насчет вас. Вы знаете, что я не…

…забьетесь в какую-нибудь нору и проживете свои последние годы, наблюдая, как воплощается в жизнь наша мечта и ваш худший кошмар…

…мы везде. Этот мир — НАШ!

Доктор аккуратно сложил листки и протянул их Холмсу. Потом налил себе еще бренди.

— Пожалуй, — сказал он после продолжительного раздумья, — я бы не поверил. Если бы не абзац про свинью. Примерно так я и думал…

Холмс кинул на него вопрошающий взгляд.

— …и давно вас простил, — закончил Ватсон. — Я и раньше догадывался, что дело обстояло именно так, а теперь —

удостоверился. Как там, в классике? — «Англия не ожидает, чтобы каждый стал героем. Англия ожидает, что каждый исполнит свой долг». Вы исполнили свой долг, как смогли. А мне, по счастью, не пришлось из-за этого сделаться героем.

— Я надеялся это услышать от вас, Ватсон, — вымолвил великий сыщик, протягивая руку к камину. Листки ярко вспыхнули над почти погасшими уже углями.

— В свое оправдание могу сказать, что граф всё-таки ошибся. Да, всё начиналось в том деле именно так. Мне нужен был помощник, которым я мог бы в самом крайнем случае пожертвовать. Но я слишком привязался к вам. Вы действительно были моим другом. Я говорю «были», поскольку наша дружба очень скоро завершится.

Мне пора. Я сделал бы ЭТО сразу после вашего завтрашнего отъезда, но мне нужна еще пара дней, чтобы закончить с делами: вычитать корректуру своей статьи для «Научного обозрения» об открытии у пчел — вы не поверите, Ватсон! — самого настоящего «языка жестов», сжечь кое-какие бумаги, из *другого улья*, и осушить бутылку очень редкого Chateau Lafite-Rothschild. Старые знатоки сравнивают его с «вином кометы». Обычно после вина у меня начинается страшная изжога — но на сей раз она мне не грозит.

Он взял кочергу и поворошил угли в камине.

— Мое завещание лежит у «Стерлинга и сыновей». Вы — мой единственный наследник, Ватсон. Возможно, вы удивитесь, но после смерти Майкрофта я стал весьма состоятельным человеком. Вы всю жизнь много и тяжело работали, причем занимались нелюбимым делом. Попробуйте получить от денег хотя бы немножечко удовольствия. Пообещайте мне это. И еще — не продавайте попугая. Возьмите его себе. Вот увидите, он скрасит ваш досуг.

Ватсон поразмыслил над новостями.

— Хорошо, я попробую, — наконец сказал он. — Но раз уж вы заговорили об удовольствии — удовлетворите мое любопытство до конца. Если граф написал в письме правду — почему наш мир не похож на те «три круга», что он нам напророчил?

— Потому что в той шахматной партии оставался один непредусмотренный им ход: *перевернуть доску со всеми фигурами*. Начиная с той, на которую граф так усиленно намекал. Тут он, кстати, сам себя перехитрил. Он оставил очень… — Холмс пощелкал пальцами, подбирая слово, — толстую подсказку о том, в какой именно стране придет к власти их ставленник. Именно для того, чтоб мы не поверили: «Не может же он вот так выдать свои планы!» Но к тому моменту Майкрофт и так уже знал

многое, почти всё…

— Кажется, даже я догадался, — тяжело кивнул Ватсон. — «Империи, порванные на лоскуты»? Там тоже была амальгама?

— Нет. Пули были обычные. Его перевезли в резиденцию губернатора. И там *оказали медицинскую помощь*.

— Это я понять могу. Но то, что последовало дальше…

— Иначе было никак. Граф не зря ненавидел и опасался Киплинга, узнав себя в Нагайне: «Сидите и не двигайтесь. Я еще не готова. Если вы шевельнетесь, я ужалю его. Если вы не шевельнетесь, я тоже ужалю».

Вот и — *шевельнулись*. Чтобы обезвредить ядовитые деревья, хитро спрятанные в лесу, пришлось сжечь весь лес. Даже несколько лесов. В общем, нашлись двое… думаю, вы догадались, о ком я говорю, Ватсон… кому хватило на это решимости.

И, глядя остановившимися глазами на синеватые угарные огоньки над углями, он медленно продекламировал:

> То ли хлор, то ли, может, уже и зарин.
> Миномет на земле, а в руке парабеллум.
> Аспирин, сахарин, маргарин, стеарин
> и пространства, где черное видится белым.

Холмс замолчал; Ватсон ошеломленно воззрился на него:

— И *всё это* сотворили они?! Вдвоем?!

— По сути дела — да. Они грамотно запустили *автокаталитический процесс*. Всем остальным ничего не осталось, кроме как последовать за ними.

И потом, Большая война открывает большие возможности для *Большой чистки* элиты. Майкрофт провел ее весьма элегантно: всем тем джентльменам был предоставлен выбор: отправиться либо в окопы, либо на виселицу, якобы за шпионаж: «Каждое яйцо кобры — это та же кобра». В детали он меня не посвящал — и слава Богу.

…Воцарилось долгое-предолгое молчание.

— Прошу прощения, Ватсон, — прервал его наконец Холмс, — но вам придется некоторое время побыть наедине с собственными мыслями: мне пора *принять лекарство,* — и привычным движением закатал рукав.

«Это я еще рассказал вам не всё, Ватсон, — вздохнул он про себя, когда боль попятилась на пару шагов, — но с вас и этого хватит! Кое в чем вы, мой бедный друг, при всем своем жизненном опыте и осведомленности об изнанке жизни, сохранили поразительную *незамутненность* — достойную какого-нибудь булочника из Крауч-Энда. И есть вещи, которых этот ваш

внутренний булочник не переварил бы никогда. Например, ТЕ ПЕРЕГОВОРЫ…»

Он и сам невольно зажмурился. Вспомнилась темнота, беспросветная подземная тьма. Луч искусственного света, идущего неведомо откуда. И освещенное им лицо — страшное, голое, покойницки-бледное лицо человеческого существа давно вымершей расы.

Глаза того были наполовину затянуты желтоватой пленкой. Заостренные уши — покрыты седым, вылезающим мехом:

— СЕМЬЯ ИСПОЛЬЗУЕТ ЛЮДЕЙ, КАК ЕЙ УГОДНО. НО СЕМЬЯ НЕ ЗАНИМАЕТСЯ ДЕЛАМИ ЛЮДЕЙ. ТАК БЫЛО. ТАК ЕСТЬ. ТАК БУДЕТ…

ТОТ, КОГО ВЫ НАЗЫВАЕТЕ ГРАФОМ МОНТЕНЕГРО, СНОВА ЗАНЯЛСЯ ДЕЛАМИ ЛЮДЕЙ. ЭТО СТАНОВИТСЯ УТОМИТЕЛЬНЫМ…

МЫ НЕ БЛАГОСЛОВЛЯЕМ ЕГО. ТЕХ, КТО ПОШЕЛ С НИМ, МЫ НЕ БЛАГОСЛОВЛЯЕМ ТОЖЕ. СЕМЬЯ НЕ НАКАЖЕТ ВАС ЗА НИХ…

ТЕПЕРЬ — ИДИТЕ.

«Не только не наказали, но даже и помогли, — усмехнулся про себя Холмс. — С амальгамой, и не только… Не надо было так демонстративно третировать *обывателей и пацифистов,* граф! Особенно *замшелых.* Они молодым сто очков вперед дадут, и <… >»

Конец Четвертой части

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Гуманитарная интервенция

…А родиться бы мог в Новегороде или во Пскове я,
На ином рубеже, при ином повороте судьбы,
И вести новгородскую армию к стенам Московии,
Где бесчестье в чести, где предателей славят рабы.
Где плюгавый упырь, плешь прикрывши татарскою шапкою,
Зло пирует в Кремле, без вина душегубствами пьян,
Где герой палачу салютует кровавой культяпкою,
И князья жирнобрюхие лижут монарший сафьян,
Где раздавлена вольность ударом кровавого молота,
Где оболгано все, что не вышло отнять и украсть,
Где Иван Калита прятал в погреб иудино золото,
Где пред властью трясутся одни, а другие — за власть.
С четырех бы сторон подойдя к окаянному городу,
Створки Спасских ворот мы бы вскрыли варяжским мечом,
И кремлевских бояр из палат потащили за бороду,
Да швырнули б со стен вместе с их азиатским бичом.

Юрий Нестеренко

Густой волной удушливаго страха
затопленъ Кремль до башенныхъ орловъ:
горитъ на ВорЬ шапка Мономаха
подъ грозный гулъ святыхъ колоколовъ.

Дрожитъ антіхрістъ: вОроны, закаркавъ,
слюну роняя, кружатся надъ нимъ.
Безсильна ложь его ересіарховъ,
что надъ его главой сіяетъ нимбъ.

Онъ раздаётъ приказы батальонамъ,
народнымъ гнЬвомъ иноплошь тЂснимъ,
но кругъ него давно смердитъ палёнымъ,
и даже приснымъ душно рядомъ съ нимъ.

Вадим Седов

Из тюрем грянут общим хором
И арестанты, и конвой,
Когда вернусь я в этот Город,
Вернусь как царь и как герой.

Михаил Кочетков

Глава 37

Будьте осторожны со своими желаниями — они имеют свойство сбываться

Чтобы продать что-нибудь ненужное, нужно сначала купить что-нибудь ненужное, а у нас денег нет.

Мультфильм

«Трое из Простоквашино»

По исчислению папы Франциска 31 декабря 1563, в ночь на 1 января 1564 года.

Новгородские земли, Валдай. Штаб Восточного фронта

Полночь

— Значит, ничего еще не закончилось? — Иоанн перевел тяжелый взгляд с Джона Ди на Джуниора; валлиец, конспиративно переодетый в русские меха, смотрелся в них на диво органично — эдаким святочным Дедушкой Морозом, тогда как в облике начразведки, даже и обмундированного в армейский стеганый тегиляй б/у, всё равно проглядывала какая-то подозрительная иностранщина. — И «Валькирия» ваша стремит полет свой неведомо куда?

— Увы, Ваше Величество, — печально развел руками звездочет. — Отстроенная мною астральная связь между Попугаем и Человеком-Серебро — *нашим* Человеком-Серебро — слабеет и истончается с каждым днем. Нам удалось на некоторое время, при помощи нашего *двойника*, ввести в заблуждение звезды и мировой эфир, но долго это не продлится…

— А когда связь та ослабнет совсем, Попугай захочет вернуться к прежнему хозяину? — уточнил Грозный.

— Во всяком случае — может захотеть. Или просто улетит куда глаза глядят: что станет твориться в той бедной птичьей голове, когда силы «старой» и «новой» связи *уравновесят* друг дружку, нам неведомо. И по какой причине приостановилась та «протечка из будущего», и надолго ли это — неведомо тем более…

— К счастью для нас, — вступил в разговор Джуниор, — по оперативным данным Сильвер, прежний хозяин попугая, сейчас вместе с Годуновым в Вышнем Волочке, в расположении ихнего

Западного фронта. А наш Серебряный с Флинтом — ну, если звезды нам не врут, — (с этими словами он кивнул в сторону Ди), — по-прежнему скрывается где-то в Москве, не выходя ни с кем на связь. Это, конечно, то самое «цыганское счастье» — что эти двое, волею обстоятельств, оказались поодаль друг от друга, но… Короче, у нас возник план — и план этот мы сочли необходимым незамедлительно довести до твоего сведения, государь.

— Докладывайте, — хмуро распорядился Иоанн. — Кто из вас начнет?

…Да, конечно: излагаемый Ди план был чистым и незамутненным безумием — но разве не безумием было и всё ему предшествовавшее? Да, конечно: действовать (если уж действовать) надлежит молниеносно — и понятно почему начразведки со звездочетом домчались сюда, к нему на фронт, загнав сменных коней и едва стоя на ногах от усталости и недосыпа. И да, конечно: выбирать, похоже, не из чего…

Интуиции своей Иоанн доверял вполне, а та сейчас подсказывала: «*Твой утлый челн попал в стремнину*, выгребать против течения всё равно не выйдет, да и не нужно — а нужно отдаться тому течению, лишь подправляя курс ударами весла». Сейчас течение то принесло его на Восточный фронт, куда им еще раньше был отправлен глава генштаба Басманов-старший — поближе к Москве, елико возможно, ибо *всё решится* вскорости именно там. Не в Новгороде, где так некстати надумал своевольничать Сенат, а митрополиту Новгородскому и Ливонскому Филиппу придется, похоже, *вернуть должок* — отставив дела своей церковной реформы, напрямую вмешаться в государственную политику; не в Иван-городе, где сейчас плетут интриги, взывая каждый к «восточному варяжскому побратиму» и суля тому златые горы, дипломаты стоящих на грани очередной войны Швеции и Дании; не в Кракове и Вильно, где поляки решили-таки поглотить Великое княжество Литовское посредством Унии; не в Полоцке, где госсекретарь Висковатый ведет сейчас секретные переговоры с православными литовскими князьями, до крайности недовольными перспективой такой унии — а в Москве. В чертовой Москве, где творится сейчас вся эта непонятная и пугающая чертовщина…

Ди между тем закончил:

— Что скажете, Ваше Величество?

— Неожиданный поворот, — усмехнулся Иоанн. — Ладно: будем считать, что способ вымести весь этот волшебный мусор обратно за порог *цивилизованного мира* — найден… Но вот вопрос: в этих новых обстоятельствах — готовы ли *английские*

союзники по-прежнему быть с нами заодно?

— Я действую именем королевы; до сих пор все действия те ею вполне одобрялись, и никаких отменяющих эти мои полномочия приказов из Лондона не поступало, — качнул головою Ди. — Но ваши опасения понятны и справедливы, Ваше Величество: королева не всемогуща, а в Лондоне хватает близоруких политиканов и торгашей, норовящих… как это по-вашему — «На грош пятаков наменять»? Так что — да, лучше бы поставить их всех перед свершившимся фактом!

— Ладно, быть по сему, — упало, итожа долгое-предолгое молчание, царское слово. — Но от необходимости завладеть Попугаем — живым попугаем! — это нас всё равно никак не избавляет, — (звездочет в ответ лишь руками развел), — так что… Иди поспи хоть пару часиков, Джон Артурович — а оперативные детали мне пока начразведки доложит.

…Если просуммировать собранные и рассортированные Джуниором разведданные, выходило вот что. Годунов в сопровождении Сильвера добрался до пограничного Вышнего Волочка, намереваясь вроде бы поднять расквартированный там корпус Салтыкова, дабы безотлагательно вести его на охваченную смутой Москву. В чем, однако, не слишком преуспел: Иван Алексеевич, даром что примыкал прежде к «годуновской партии» — человек крайне осторожный и увёртливый, а доходящие из Москвы вести — крайне смутны и противоречивы…

— И что о той, сегодняшней, Москве мы знаем точно?

— Вот тут появились очень важные новости, Государь. На конспиративный контакт с нашей московской сетью вышел генерал Вологдин — тот самый, что уничтожил штаб-квартиру упырей на Лубянке, а сейчас возглавляет оборону годуновцев в центральных кварталах Москвы. И он раскрывает перед нами все свои карты: да, терять им нечего и они будут драться до конца, но положение их отчаянное; надежды на подмогу от Салтыкова тают с каждым часом (он так и пишет: «Трусоват был Ваня бедный»); он отправляет в Вышний Волочек воеводу Бельского — человека решительного, популярного в войсках и к тому же имеющего личные счеты с упырями — с тем, чтобы тот сместил Салтыкова, взял под контроль Западный фронт и поспешал с тамошними полкАми в столицу; для чего запрашивает нас о перемирии — *на любых условиях*. Завершает же он свое сообщение так, дословно: «Личное появление в Москве *законного государя* поменяло бы здешнюю ситуацию до неузнаваемости».

— А перемирие-то они с кем собираются заключать: с «законным государем» или с «Ливонским вором»? — усмехнулся Иоанн. — Да и кто, собственно, те «они»? — у них же там сколь-

нибудь законной власти сейчас вообще не осталось!.. Но что любопытно: этот, сражаясь в Москве, переговорами о хотя бы перемирии озаботился в первую голову, а вот Годунов, который день уже сидя в Вышнем Волочке — так и не удосужился.

— Именно так, Государь! *Годуновец* Вологдин — человек, вообще-то, совершенно не склонный к беготне из лагеря в лагерь — поставил, похоже, крест на своем бывшем начальстве, и договаривается с нами через его голову так, будто того уже нету вовсе. Сообразил, видать, что начальство сие как-то больно уж вяло разыгрывает в переговорах с Салтыковым все те московские козыря, что он насдавал им, *quantum satis*, своим геройством…

— Это ведь тот самый Вологдин, — уточняющее прищурился царь, — что по ходу «Валькирии» получил, через Бонда, документы о «серебряной империи» Годунова в английских банках? Ну так он всё понял правильно: они там, в Москве, просто-напросто — хвост, отброшенный убегающей ящерицей для отвлечения внимания врага от себя любимой. Боярин оставил всех их на съедение упырям — *списал этот актив как безнадежный*, а сам рванул, на пару со своим «двойным ключом» Сильвером, к своим *окнам* на границе. Сколько у него тех *окон*, кстати?

— Два на здешней и три на Польской, — доложил начразведки. — Это те, что нам точно известны, а так-то он их, конечно, заготовил больше: человек предусмотрительный…

— Значит — никакой гарантии, что мы сумеем все их перекрыть; ну а дальше — *из Лондона выдачи нет*, хоть союзники мы, хоть кто… Но на вещего попугая Сильвер решил для себя — плюнуть? Как так?

— Ему пришлось выбирать: или дезертировать и оставаться в охваченной смутой Москве — разыскивать, самому при этом скрываясь ото всех, чертову птицу-говоруна, или продолжать службу при одном из богатейших людей мира — правой его рукой и, в некотором смысле, совладельцем его состояния. И наш *капитан бравый, но отставной* здраво рассудил, что *более счастливого билетика* тот попугай ему всё равно не вытянет…

— Но появление на фронте Бельского может здорово поменять всю расстановку сил, — кивнул Иоанн. — И прав Ди: «Действовать (если уж действовать) надлежит молниеносно»… Кстати: он что-нибудь знал об этих шпионских новостях из Москвы?

— В том-то и дело, что нет, Государь!

— Но опять угадал, колдун чертов…

Но тут как раз в дверь протиснулся без доклада заснеженный тегиляй: «Едут!!» Иоанн, чертыхнувшись в сердцах, отослал

ординарца и вновь обернулся к начразведки:

— Что-то там стряслось у Ивана Михайловича в Полоцке, на переговорах с литвинами. Столь важное и срочное, что он прервал те переговоры и скачет сюда ко мне во весь опор — за новыми инструкциями и полномочиями. Ну и вот — доскакал, похоже… Перекуси-ка по быстрому перед совещанием — а вот поспать тебе, уж извини, не придется.

Собрались через полчаса в столовой для офицерского состава при штабе (местные величали сие помещение «трапезной» — видимо, как раз по причине *затрапезности* оного). Оглядев расположившихся за тем наспех протертым обеденным столом Висковатого с обоими Басмановыми, Иоанн поймал себя на странной мысли: а ведь состав совещания почти тот же самый, что в достопамятную рижскую ночь, с которой всё началось — ну, минус Филипп и плюс Джуниор; всё возвращается на круги своя?..

Итак, у православных литвинов обнаружился сильный и харизматичный лидер; точнее сказать, лидер этот лишь сейчас счел нужным показаться из-за кулис, где оставался все предшествующие месяцы, и лично прибыл в Полоцк — инкогнито и сугубо секретно. Им оказался, как и предполагал Иоанн, князь Острожский — воевода Киевский и *Покровитель Веры Православной*.

Константин Константинович Острожский, сын Великого гетмана литовского Константина Ивановича — крупнейший магнат Великого княжества, в чьих владениях одних лишь городов-*местечек* три сотни с лишком, а селам он, небось, и сам счет потерял. Король весьма дальновидно (как ему поначалу казалось) выдал Константину Константиновичу *привилей* на воеводство в Киеве — чтоб подальше и от столицы, и от его владений, располагающихся на западе Княжества: в Подолии, Галиции и Волыни, — но князь и это, ссыльное по сути своей, назначение умудрился обратить себе на пользу.

Киев, «Матерь городов русских», перманентно разоряемый то набегами крымчаков, то разборками *своих* (и неизвестно еще, кто хуже…) пришел к тем годам в полный упадок и являл собою заштатный городишко у границ Дикого поля. Острожский, однако, благодаря своей энергии и своему богатству, умудрился за считанные годы обратить сию *задницу мира* в один из центров Просвещения на востоке Европы и, одновременно, в один из центров православной мысли — привечая у себя ученых и неортодоксальных богословов (уж чего-чего, а свободы в том его Киеве хватало), открывая светские школы и типографии при монастырях (пытался даже, прохиндей эдакий, переманить к себе

его, Иоаннова, главнопечатника Ивана Федорова).

Неудивительно, что у воеводы сложились на этой почве весьма неприязненные отношения с главой Киевской митрополии. Митрополит Киевский, Галицкий и всея Руси Сильвестр (в миру Стефан Андреевич Белькевич), едва умеющий читать-писать *крепкий хозяйственник*, сделал фантастическую церковную карьеру, сроду к той Церкви не принадлежа. Служил себе Белькевич в Вильно королевским скарбником и ключником, был в фаворе, и вот, по кончине настоятеля тамошнего Троицкого монастыря архимандрита Алексия, он в добрую минуту выпросил себе у короля Сигизмунда-Августа тот *актив* «в управление» — продолжая оставаться на королевской службе, но именуясь при этом еще и титулом «настоятель».

Схема понравилась, и в 1551-м, после смерти митрополита Макария, добрый король тем же манером пожаловал верному слуге своему и всю Киевскую митрополию тож. Особую пикантность ситуации придавало то, что Белькевич был объявлен «нареченным митрополитом», оставаясь еще при этом в светском звании и продолжая носить свое мирское имя. Лишь к 1556-му он удосужился-таки принять монашество с новым именем и, не проходя предыдущих степеней церковного служения, сразу занял митрополичью кафедру.

Ясно, что назначенный таким способом архипастырь отличался крайней сервильностью. Поскольку Сигизмунд-Август благоволил тогда протестантам-кальвинистам, Сильвестр, держа нос по ветру, превратил свою собственную епархию, Новогрудское воеводство (именно там исторически располагалась кафедра митрополита Киевского, Галицкого *и всея Руси*) в настоящий рассадник протестантизма: за недолгий срок из тамошних шести сотен православных шляхетских семейств в кальвинизм перешли, «*добровольно и с песнями*», более пятисот. И совсем уж восхитительная история вышла с назначенным им на епископскую кафедру в Киев Николаем Пацом: тот, оглядевшись и принюхавшись, быстренько сложил с себя сан и сам перекинулся в более милый сердцу королевскому протестантизм…

На фоне таких преудивительных иерархов и безропотно принимающего их клира воевода Острожский обрел в Литовской Руси едва ли не официальное титулование «Покровитель веры православной». Иоанн, следивший за просветительской деятельностью Острожского с сочувствием и чуть-чуть ревнивым даже вниманием, полагал, что православие для того — штука скорее инструментальная, укрепляющая его личный авторитет на востоке Великого княжества в видах противостояния Кракову с

Вильной. Так вот — всё не так просто: как выясняется, просвещенный князь относится к вопросам *истинной веры* с несколько удивившей царя-*макиавельянца* серьезностью, а в нем — владыке Новгородском — воевода Киевский видит прежде всего «Православного Государя, светоч надежды для веры нашей». О чем и сообщает в личном письме, доставленном сейчас Висковатым: на иных посредников князь полагаться не мог.

В зачине своего послания князь писал, что ему несколько раз подряд привиделся один и тот же сон, сочтенный им за вещий: будто весь род Острожских перейдет в недальнем будущем в католицизм — и сие ему очень и очень не по душе; Иоанн мысленно кивнул — он к такого рода *предупреждениям* тоже привык относиться всерьез.

Разделы, посвященные внутреннему устройству грядущего «Союзного государства Новгородской и Киевской Руси» (за оставляемой вне пределов этого союза «ордынской опухолью, Московией» предлагалось закрепить ее *историческое название*: «Украина Залесская») Иоанн лишь пробежал глазами: такие вещи всё равно тАк вот, с кондачка, не решаются, да и не было в тех предложениях ничего принципиально нового по сравнению с позицией, заявленной уже литвинами на Полоцких переговорах. Главой Союзного государства предполагался Император, имперской столицей — Иван-город, себя же Острожский видел в скромной должности «Великого князя Киевского» («…Германская, стало быть, система соподчинения… А что до титулования „Император“, так — мы „Третий Рим“, или где?.. Династия „Великих князей Киевских“, гм — ну а чем, собственно, Острожские хуже Гедиминовичей и Радзивиллов?..»). В Великом княжестве Киевском предполагалась собственная конституция, по образцу Новгородской, и собственный же парламент, но только однопалатный («…А вот здесь уже система Польская: *податное быдло* и *грязных торгашей* они до управления государством допускать не желают ни в какой форме — только, вишь, благородную шляхту… „Парламент может *консенсусным голосованием* преодолеть *вето* Императора“ — ну, это пускай, всё равно *консенсуса* шляхты даже по вопросу „Верно ли, что дважды два — четыре?“ не добиться и самомУ Господу Богу…»). Границы будущего Великого княжества Киевского подлежали «*уточнению*» («…Так-так-так… А *проверочный вопрос* у них, небось, будет: „Чей Смоленск?“, и хорошо еще, если не прям сразу: „Чей Полоцк?“…»)

В любом случае это всё шло по разряду дележа шкуры не то, что не убитого, а даже и не найденного пока медведя. А вот последующие соображения Острожского по вопросам вероучения и церковного устройства Иоанн изучил как раз в высшей степени

внимательно — как квалифицированный и объективный *взгляд со стороны*. Князь, оказывается, в свой черед, постоянно и пристально наблюдал за ходом церковной реформы Филиппа. Результат же совместной деятельности митрополита Новгородского и Новгородского государя (по его представлениям, не вполне верным, «играющих в четыре руки»), а также Ивана Федорова (наладившего, при господдержке, массовую печать как азбук для государевых же школ, так и Евангелия в переложении на «человеческий», сиречь современный русский, язык) он оценивал как долгожданную «православную Реформацию» — за которой будущее, и которая одна только и способна противостоять «всей этой византийской мертвечине».

Выводы же из всего этого «Покровитель веры православной» делал вполне практические. Итак, в Европе, в Тренте, маятник уже откачнулся в Контрреформацию, и Польша, наевшаяся досыта протестантизма, насаждаемого непопулярным королем, будет тут в самых первых рядах; эрго — нас ждет резкое усиление Костёла. Даже при формальном сохранении в едином Польско-Литовском государстве относительной веротерпимости («…Вряд ли нас всё же ожидает возврат ко временам Городельского акта, с тогдашним прямым запретом на занятие государственных должностей не-католиками») православному дворянству восточных областей нынешнего Великого княжества ходу выше вторых-третьих ролей точно не будет; это все понимают отлично, и готовы *действовать в соответствии*.

С другой стороны, предполагаемой *сецессии* этих восточных областей Вильна с Краковом будут противодействовать не только военной силой, но и через полностью им подконтрольное священноначалие Киевской митрополии. Однако поскольку священноначалие это изрядно скомпрометировало себя в глазах как мирян, так и низшего клира, у тех появится отличный вариант: дружно (на манер той шляхты из Новогрудской епархии) перейти под омофор митрополита Новгородского; массовость какового перехода он, воевода Киевский, и берется обеспечить своим авторитетом и своим *ресурсом*. Митрополита Филиппа же следует на этом провозгласить автокефальным патриархом «Новгородским, Киевским и всея Руси» — что позволит к тому же раз и навсегда расплеваться с Московской патриархией, неотмываемо замаранной прислужничеством тамошнему *Кровавому режиму*.

…Висковатый доклад свой уже завершил, и теперь все они выжидательно глядели на начштаба. Басманов с ответом медлил.

— Соблазнительная позиция на доске, Алексей Данилович, что и говорить… — прервал наконец молчание Иоанн. — Только

вот сил-то у нас — достанет ли? Поддержать *интервенцией* этих *сецессионеров?*

— Зависит от того, сколь решительно поведут себя сами *сецессионеры*, государь, — раздумчиво поскреб в бороде тот. — Ежели они и впрямь готовы драться *вместе с нами*… и не станут отсиживаться по своим имениям — хоронясь старший за среднего, а средний за младшего — дескать, воюйте *вместо нас*… Тогда — сдюжим, полагаю. А сколько войска способен сразу выставить против них Краков?

— На данный момент, — откликнулся начразведки, — практически нисколько. Королевская казна пуста: Жигимонт-Августус довел государство до банкротства. Нанимать ландскнехтов в немецких и венгерских землях им не на что, а собирать ополчение — это минимум три-четыре месяца, со своеобычными ихними скандалами. И если действовать быстро и решительно, прямо сейчас — можем обойтись очень небольшим *экспедиционным корпусом.*

— Это хорошо, что вы заговорили про *презренный металл,* — мрачно усмехнулся Иоанн. — У нас, конечно, вовсе не такое безденежье, как в Кракове, но уломать Сенат новгородский — чтобы тот объявил *мобилизацию* и раскошелился на эту дорогостоящую авантюру с *интервенцией* — это будет та еще задачка! А ведь проделать это — если уж делать, тут вы правы! — надо молниеносно…

— И для начала, — поддержал его, со своего места, Висковатый, — надо будет еще внятно растолковать нашим *изоляционистам*: а чего ради мы вообще влезаем во всю эту литовскую кашу? И любой сенатор, не говоря уж о торговых людях, скажет: «Что на этом выиграют литовские православные шляхтичи, и лично князь Острожский — мне понятно, но вот наш-то прибыток — где? Раз ни территориальных приобретений, ни торговых преференций там особо не просматривается… Будем таскать из огня каштаны для будущего великого князя Киевского, да еще и за свои же деньги?.. И уточнить бы еще, кстати: кто тут к кому *присоединяется*, на самом-то деле — они к нам, или мы к ним…» Так что — позиция у *изоляционистов* весьма сильная, и за неизбежной *торговлей* с ними время будет потеряно, и момент упущен…

— Есть вариант, государь, — медленно покачал головою начштаба, — обойтись и без объявляемой Сенатом *мобилизации.* Заключить перемирие с *московскими* — у тех ведь сейчас, коли разведка не врет, — (кивок в сторону Джуниора), — положение аховое, деться им некуда — и немедля начать переброску прямо к Полоцку *здешних* полков. На такой *тактический манёвр* нам

ничьего разрешения испрашивать не надо. И если у них там, в Княжестве, нас и вправду ждут с распростертыми объятиями, как нам доложено, — (здесь кивок уже в направлении госсекретаря), — мы успеем завершить *интервенцию* и вернуть войска назад прежде, чем в *изоляционисты* в Новгороде спохватятся. Сенат, поставленный перед фактом, будет, конечно, в ярости, но — *победителей не судят*!

— Нет! — отрезал царь. — На здешние полкИ у меня другие планы…

Басманов уставился на царя в немом удивлении («*Есть что-то, чего я не знаю, хотя по должности обязан был бы знать?..*»). Тот между тем замер на пару мгновений в какой-то странной неподвижности, а затем, будто очнувшись, медленно-медленно провел по лицу ладонью:

— Так на чем мы остановились? На здешних полкАх?

— Нет! — отрезал царь. — На здешние полкИ у меня другие планы.

— Даже и не думай! — прозвучал сзади спокойный и чуть насмешливый голос.

Царь стремительно обернулся; архангел — будь он неладен! — был тут как тут: сидел, нога на ногу, в излюбленном своем низком кресле:

— Так ты что — и мысли мои читаешь?

— В этом нет нужды, — ухмыльнулся тот. — Все мысли твои написаны на лике твоем — аршинными буквами. Церковно-славянскими…

— И что же ты прочел на том лике?

— О Москве и думать забудь, понятно? — на сей раз голос архангела звучал холодно и повелительно: смехуёчки закончились. — Как ты сам же некогда отчеканил: «Откусить-то, может, и откусим, но вот прожевать — точно не прожуём».

— Так, выходит, это самое «Союзное государство Новгородской и Киевской Руси» — и есть та самая твоя Гардарика, за которую ты *играешь?* — прищурился царь. — А «Украина Залесская» с Москвой, стало быть, *списана как безнадежный актив*?

— Не *моя*, а *наша с тобой* Гардарика, Государь-Император! В кои-то веке на этих богом прОклятых землях возникает нормальное, вменяемое, *Европейское государство*. Даже и православное — коли уж вам тут это так важно… А Московия — ну что Московия? Будете потом *откусывать* от нее по кусочку: сегодня Смоленск, завтра Тверь — так, чтоб можно было *прожевать*. А вот ежели вам разом такую гирю к ногам привязать

— так и у вас тоже всё булькнет в тамошнюю азиатчину…

— Понятно. А народишко московский — упырям скормим, в помощи нашей ему отказав? Так, что ли?

— Это — их проблемы! — в голосе архангела звякнуло раздражение, странно смешанное со смущением. — Сами довели дело до *зомби-апокалипсиса* — сами пускай и расхлёбывают!

— Да, но только *довели*-то до этого твоего *апокалипсиса* одни, а *расхлёбывают* это сейчас, сражаясь с упырями, — совсем другие… Ладно, это всё, как ты сам выражаешься, «лирика». Скажи-ка лучше: а не станет ли расползаться та упыриная зараза из Москвы — хоть на те же самые Смоленск с Тверью, а то и дальше?

— Это маловероятно, — буркнул архангел. — Но стопроцентной уверенности нет, ты угадал. Просто в реальности… в известных мне *отвремлениях*… никто еще с таким не сталкивался.

— Значит, еще и с этим нам свезло… Прогневали мы, выходит, АИ нашего… — Иоанн произнес это едва ли не с издевкой.

— У тебя, Государь-Император, голова сейчас занята совершенно не тем, чем следует, — последовал ответ в том же тоне. — А думать тебе сейчас надлежит — не то что не о Москве, но даже и не о Литовском походе (там Басманов с Репниным без тебя управятся), а — о династии и престолонаследии!

На этом месте Иоанн лишь щекой дернул: стрела попала в цель…

Кони подарила ему двух дочерей, Анастасию и Екатерину — отраду сердца отцовского и мечту всех наследных принцев Европы. А вот с третьим ребенком вышла беда: царица едва не умерла родами. Государев лейб-медикус Пётр Португалов — Педро Соареш, беглый иудей из Коимбры, докуда дотянулись-таки из Гишпании загребущие руки неуёмных преемников Торквемады — совершил чудо: усовершенствовав метод кесарева сечения, открытый недавно врачом французского короля Амбруазом Паре, он удачно зашил разрез на матке никогда до того не использовавшимся «парусным» швом. Спасти удалось, впервые в мировой практике, и мать и дитя — опять девочку, — но о наследнике теперь пришлось забыть навсегда. На чем вопрос о престолонаследии встал вдруг перед Иоанном во весь свой пугающий рост…

— Но ты ведь, Государь, признанный мастер обращать свои слабости в силу. Так вот, этот тупик — отличный случай реформировать законы престолонаследования на Руси, и похерить ярославово лествичное право.

— Так вот разом — взять и похерить? — недоверчиво хмыкнул Иоанн.

— А такие вещи только так и делаются: разом! Лествичная система, когда наследует старший во всем роду, а женщины вовсе исключены из престолонаследия — архаичный и вообще крайне неудачный вариант сеньората. Вводивший ее Ярослав — а он был человеком действительно мудрым — выбрал ее не от хорошей жизни, а просто как меньшее из зол. Выбрал под конкретную задачу: удержать в горсти весь тот рассыпающийся и норовящей протечь меж пальцев конгломерат разноукладных земель, который «*Киевской* Русью» можно было тогда назвать лишь чисто условно.

Лествичное право, при всех его недостатках, было выгодно *всем Рюриковичам, как целому*. Они — *как целое* же — его и поддерживали, несмотря на периодическое недовольство конкретных персон конкретным раскладом, ведшее к усобицам. Ярослав сумел объединить клан и удержать Киевскую Русь в руках относительно единого центра именно тем, что повесил морковку власти *перед каждым*. И понятно, почему женщины в этой системе не могут наследовать престол — при том, что вообще-то их положение в варяжских государствах, включая сюда и Русь, было на зависть всей прочей Европе, не говоря уж о Востоке…

— Разумеется, — пожал плечами Иоанн. — Государь обязан позаботиться, чтоб на великокняжеском столе не оказались те, кого легко и непринужденно можно было бы свергнуть: вот просто за то, что она сейчас выйдет замуж — и на престоле окажется *чужой род*! А если даже и за своего — порядок наследования всё равно пойдет прахом, потому что в него встрянет весь пучок мужниных братьев…

— Верно. Только вот задачи у тебя и у Ярослава разные, совсем. Тому надо было всего лишь — чтоб после его смерти не произошло отката к эпическим временам Владимира Красное Солнышко, и каждое следующее поколение хотя бы не начинало сразу войну всех против всех. А тебе сейчас предстоит — строить современное централизованное государство, а для этого лествичная система не годится совершенно. Надо переходить к продвинутым вариантам майората: наследование — только по прямой линии, независимо от старшинства в остальном роду, а побочные ветви исключаются вовсе, покуда та прямая линия не пресечется. И тебе, в Новгороде, где сейчас нет других Рюриковичей, это проделать проще чем кому бы то ни было, и когда бы то ни было! Правда, и здесь, в майорате, есть разные варианты. При салическом праве, как во Франции, женщин из

престолонаследования всё равно исключают…

— «Негоже лилиям прясть», — кивнул Иоанн.

— Вот именно: твоей проблемы это не решает. Но есть и кастильская система престолонаследования: если в прямой линии мужчин не осталось, то тамошние женщины имеют приоритет перед мужчинами из побочных ветвей — и вот это как раз твой случай! Кастильскую систему приняла, например, Англия — благодаря ей там сейчас правит твоя царственная сестра Елизавета…

— А как гишпанцы на это решились? Такие же вроде католики, как и французы…

— Пришлось. Такого рода традиции всегда возникают, чтобы выпутаться из конкретного династического тупика, *ad hoc*, а потом — «Ну, так уж оно у нас исторически сложилось…» Из тех же гишпанских королевств, перед их объединением, в Кастилии и Леоне женщины наследовать могли, а прямо по соседству, в Арагоне и в Валенсии, всё обстояло вполне себе по-салически, и там *лилии — не пряли*…

— И мы, как ты считаешь, смогли бы завести такую систему у себя? — в сомнении покачал головою Иоанн.

— А почему нет? У вас по этой части — отличные традиции. Княгини у вас порою вполне внятно командовали оружными людьми: хоть в домонгольской Руси — как Ингергильда, жена Ярослава, или Хельга-Ольга Равноапостольная, — хоть в Новгороде, как та же Марфа-Посадница. Да и вообще, в варяжских странах такое никому не в диковинку: вон, из недавнего времени, королева Маргарита I, по официальному своему титулованию: «Госпожа (женского рода) и правитель (мужского) Дании, Швеции и Норвегии»; в высшей степени успешный правитель, «Маргарета Трех Морей».

— Да, — задумчиво кивнул Иоанн, — если во всё это впряжется по полной Филипп, и добьется, чтобы церковь наша благословила такие новшества… тогда, пожалуй, может и пройти.

— Именно так. Но только вот не забудь: когда я говорю «ваши традиции», «у вас должно получиться» — я имею в виду только и исключительно Новгород. Москва, где по женской части — сплошной «Домострой» и «Три „К“: киндер, кюхе, кирхе», таких новшеств не переварит никогда в жизни.

— Ну, ты же сам говоришь: «Проблемы следует решать лишь по мере их возникновения». Вот дойдет дело до разъяснения кастильской системы Первопрестольной столице — тогда уж и… — Иоанн выжидательно уставился на собеседника: как тот среагирует на такую провокацию?

— Та-аак… — медленно протянул архангел. — Да ты, Иван

Василич, похоже, решил всерьез сыграть в *свободу воли*? Так ты имей в виду: в этом *сеттинге* свободой воли наделен не ты один. И если ты вдруг сумеешь избавить Москву от упыриной напасти — совершенно не представляю, как бы тебе это удалось, но допустим такое, на минуту! — вся тамошняя *элитка*, и светская и церковная, поголовно возненавидит тебя чистой, незамутненной ненавистью высочайшего накала. Они ведь, столько лет *отлизывая* упырям, выстраивали для себя изощреннейшую систему морального оправдания этой своей проституции — а ты разом всё это *обнулишь*… Можно ль такое простить? — да ни в жисть! И свободой, тобою им подаренной, они распорядятся — соответственно.

— И подданные твои нынешние, новгородцы, — продолжил он с растущим раздражением, — не говоря уж о литвинах, этих твоих затей не поймут, ох, не поймут! Чтоб эти сквалыги из новгородского Сената раскошелились на военный поход для спасения ненавистной Москвы — да такое им и в белой горячке не привидится. Ни пушки, ни взвода они тебе под это дело не дадут — и правильно сделают! Покрутят пальцем у виска и скажут: «Ты кого там спасать собрался, Иоанн Васильевич? *Евразийцев*, сиречь — ордынских выблядков? *Жалкая нация, нация рабов, сверху донизу — все рабы!*»

— Всё так, — кивнул Иоанн. — Мне достался не лучший народ, прямо скажем. Но тот восточный владыка, кого ты частенько цитируешь, наверняка сказал бы: «У мэня нэт для тебя другого народа».

Помолчал и закончил чьей-то всплывшей, к случаю, из глубины сознания фразой:

— Сердце мое полно жалости. Я не могу их оставить.

Архангел долго молчал, как-то зябко сгорбившись, а потом пробормотал нечто непонятное:

— Надо было тряпок не жалеть — на затыкание щелей… Просочилась, понимаешь…

— Ну да, мы ведь так и не знаем, отчего приостановилась та *протечка из будущего,* — облегченно согласился Иоанн, поняв те слова по-своему, — и надолго ли. Наши люди, посланные в Москву, не дают о себе знать, но доктор Ди уверен, что Человек-Серебро пока жив. И он, и попугай. А добыть их по другому…

— Пытаешься подвести базу под свой душевный порыв? — невесело усмехнулся архангел. — Знаешь, один очень умный и очень циничный политик верно остерегал: «Не доверяйте первым порывам — они почти всегда добрые»…

Помолчал — и вдруг добавил, будто махнув на всё рукой:

— Там, в Москве… Имей в виду, на всякий случай: чистое

серебро на упырей действует слабее, чем его соединения — как хоть та же зеркальная амальгама.

— Это — информация из будущего? — живо переспросил Иоанн.

— Да нет, как раз из прошлого. Из хорошо забытого уже вами прошлого… Так что формального нарушения правил игры тут нет.

— Спасибо! Так значит?..

— Свободу воли — тут ты прав! — никто не отменял, — вздохнул архангел.

Встал и двинулся прочь, как обычно, не прощаясь, но у самой зеркальной границы раздела их Миров вдруг обернулся и печально покачал головою:

— *Кот,* — вновь сказал он непонятное. — *Эх, ты, котяра… гроза мышей!*

— *…Так на чем мы остановились? На здешних полкАх?*

— Так точно, Государь.

Басманов оглядел царя в немом удивлении; остальные его *отлучки* не заметили вовсе.

— План твой, Алексей Данилыч, я, поразмыслив, одобряю. Подымай войско и веди его к Полоцку, на пару с Репниным; Новгород в известность поставим *post factum*. А перемирие с Москвой на это время заключу я сам. Федор Алексеич, возможно ли срочно вызвать, по твоим каналам, на переговоры в нейтральную полосу Годунова с Сильвером?

— Да, Государь, — после секундного размышления кивнул начразведки. — Сделаем.

— На переговоры поедем мы втроем: ты, я и наш чернокнижник — никого более. Никого, ясно!? — повторил он, не давая и рта открыть приготовившимся возражать советникам. — Далее: насчет тех переговоров… Федор Алексеич, копии банковских документов, что были переданы Вологдину, у нас есть? Здесь, под рукой, я имею в виду?

— Да, Государь, разумеется.

— Отлично. И еще: мне нужно подробное, с проверяемыми деталями, описание нашей операции «Пересмешник» — ликвидации Курбского *московскими* руками. С особым упором на роль Годунова: он должен выглядеть и ее инициатором, и главным исполнителем.

— Прости, Государь, но… Мы перед кем, собственно, хотим скомпрометировать Годунова — перед самим собой, что ли??

— *Отнюдь*. Курбский был весьма популярен в армейской среде, а с Бельским они и вовсе были старыми друзьями. Годунов

же там сейчас и без того на птичьих правах. А между тем оба главных свидетеля по делу Курбского, Вологдин и Серебряный, живы, оба сейчас в Москве, и — Сильвер не даст соврать! — точно успели уже стакнуться меж собою.

— Ясно. Разрешите исполнять? — Джуниор поднялся из-за стола и вдруг замер, явно ловя за кончик хвоста какую-то едва не ускользнувшую мысль. — Да, Государь, чуть не забыл! Не знаю, важно ли это для твоих планов, но… Ди просил передать — так, на всякий случай. Ему, по дороге сюда, вспомнился древний рецепт, вычитанный некогда в старой-престарой алхимической рукописи. Так вот: для вампиров гораздо смертоноснее не чистое серебро, а его соединения — в том числе амальгама…

Глава 38

Вот он, наш батюшка!

Боярин Федор Никитич Романов
(*наливая всем вина*):
Ну, гости дорогие, перед сном
По чарочке! Во здравье государя!
Князь Черкасский:
Которого?
Федор Никитич:
Ну, вот еще! Вестимо,
Законного!
Черкасский:
Не осуди, боярин,
Не разберешь. Разымчиво уж больно
Твое вино.
Князь Сицкий:
Законному царю
Мы служим все, да только не умеем
По имени назвать.
Александр Никитич Романов:
А коли так —
И называть не нужно. Про себя
Его пусть каждый разумеет. Нуте ж.
Во здравие царя и государя
Всея Руси!

А. К. Толстой

«Царь Борис».

Шуйский:
Но знаешь сам: бессмысленная чернь
Изменчива, мятежна, суеверна,
Легко пустой надежде предана,
Мгновенному внушению послушна,
Для истины глуха и равнодушна,
А баснями питается она.
Ей нравится бесстыдная отвага.
Так если сей неведомый бродяга

Литовскую границу перейдет,
К нему толпу безумцев привлечет
Димитрия воскреснувшее имя.

Пушкин

«Борис Годунов»

От сотворения мира лета 7072, декабря месяца двадцать седьмого дня.

По исчислению папы Франциска 3 января 1564 года.

Московия, Тверские земли, Вышний Волочек. Штаб Западного фронта и передовые посты.

Вызов в штаб фронта был срочным и неожиданным, и лейтенант Ковшегуб чуть голову не сломал в догадках, спешно приводя в порядок тыщу лет не надёванную парадно-выходную форму: «Чего им там вдруг приспичило, на ночь-то глядя? Да чтоб еще и при параде?»

Адъютант Салтыкова на крыльце козырнул ему заметно небрежнее, чем еще недавно (в глазах *штабных* Ковшегуб, по результату ужасных московских событий, обратился *внезапно* из *сына боярина* в *боярского сына*), но к командующему провел без промедления: дело, видать, и впрямь спешное. Войдя и доложившись же, лейтенант едва не онемел от изумления…

— Соболезную, Федор Никитич, — внушительно склонил голову расположившийся прямо за салтыковским столом Годунов. — Видишь, верно тогда подсказало тебе сердце-вещун: держаться от той Москвы подалее… Иван Алексеевич, — кивнул он на сидящего рядом воеводу, — сказывает, будто славно ты служишь, да и язык за зубами держать умеешь. Так что подымайка, брат, свою полусотню, только без шума — охранять секретные переговоры на нейтралке, в этом вашем… селе Горюхине.

При этих словах — «секретные переговоры на нейтралке» — Ковшегуба кольнуло некое предчувствие. Слухи о скором замирении с новгородцами, в видах похода на Москву, ходили уже несколько дней, с самого появления на фронте триумвира Годунова. Впрочем, из охваченной смутой столицы постоянно прибывали разнообразные гонцы с явно разноречивыми вестями, а разведка получала информацию еще и по каким-то своим каналам — что позволяло Салтыкову до сей поры мастерски уклоняться от любых решений, не говоря никому ни да, ни нет. В войсках же, разбалованных привычным уже состоянием «ни мира, ни войны», едва ль не в открытую судачили о прелестях

Ливонщины — в чем всякий воин мог самолично убедиться хотя бы из сравнения покупательной способности новгородской монеты и московских бумажек в том самом Горюхине. Прежде за такого рода разговорчики можно было мигом загреметь под трибунал, но с той поры, как традиционная забава *пьяных солдат — засовывать осведомителя в мешок и топить в нужнике* — приобрела мало-помалу всеобщий характер, воинское начальство, не без облегчения, махнуло на то рукой.

Перед лейтенантом Ковшегубом, однако, перспектива сего «замирения» ставила вопросы вполне практические. С военной карьерой у него, стало быть, решительно не заладилось, а что дальше делать *на гражданке* ему, *сироте вятскому*, было совершенно непонятно… Всё это прокрутилось в его голове, пока он поворачивался за подтверждением к своему непосредственному начальству:

— Воевода?..

— Делай, что велено, лейтенант, — буркнул тот, всем своим видом выражая крайнее неудовольствие: еще бы — пришлось-таки принять какое ни есть, но решение…

— Так точно! Кого мы сопровождаем?

— Нас с боярином, — откликнулся сидевший чуть поодаль одноногий верзила в суконной куртке с капюшоном; эге, да ведь это, небось, и есть всемогущий шеф годуновской Особой контрразведки, легендарный и загадочный Странник!

— Но это же против всяких правил, Борис Феодорович! — тоскливо вздохнул воевода: снимал, по обыкновению, с себя всякую ответственность.

— *Отчаянные времена требуют отчаянных мер,* — назидательно произнес англичанин (судя по тону — цитировал какой-то ихний, военно-морской, регламент) и извлек из-за пазухи флягу:

— Примешь чарку, лейтенант? *Настоящий ром, из Метрополии.*

Ночь была лунная, и провалившиеся по колено в сугроб заснеженные ёлки по сторонам тропы напоминали рельеф на старинной гривне: серебро с чернью. Дорога до Горюхина была знакомой — воины с нее, чай, и впотьмах бы не сбились, ориентируясь на один лишь аромат тамошнего самогона…

Село, оказавшись в нейтральной полосе той «странной войны» (впрочем, «странной» она сделалась лишь последние пару лет — до того-то война была вполне всамделишной) не только выбралось из вековечной своей нищеты, но даже и процвело. Экономика, правда, там сложилась специфическая: основу ее

составляли самогоноварение и… ну, вы поняли; что ж до мужской половины населения, то ее основным промыслом стала перепродажа краденого армейского имущества, а также контрабанда и мелкое шпионство.

Отношения между постоянно наведывающимися в село «москалями» и «ливонцами» сложились любопытные. Насчет того, что тем якобы случалось сыграть между собой в лапту или учинить на масленицу честной кулачный бой стенка на стенку — это, конечно, легенды, но вот то, что за все годы там не случилось ни единой вооруженной стычки — факт. Не менее поразительным было и то, что никому из тех увешанных оружием молодцов ни разу не пришло в голову не заплатить за полученный товар или услугу…

Впереди приманчиво засветились окошки трактира у околицы — условленного места переговоров. Ковшегуб сделал знак Годунову с Сильвером: оставаться пока на месте, под охраной его бойцов (ведать не ведающих, разумеется, кто эти двое, замаскированные башлыками), а сам двинулся вперед, как предписывал протокол.

Новгородский офицер, тоже в парадно-выходном обмундировании — серебряный Сокол-и-Колокол на треухе — уже дожидался у крыльца. Церемонно откозыряв друг дружке, они на пару отправились внутрь — проверить, нет ли какого подвоха. Трактирщик, загодя очистивший свое заведение от публики, получил из рук обоих благородиев по паритетной серебряной монете и, поклонившись, вымелся вон. Внимательно осмотрели все помещения, не обойдя вниманием кладовки, чердак и подпол — *манёвры всё привычные*; можно подавать сигнал к началу.

С той стороны пришли трое, тоже в скрывающих лицо башлыках. Ковшегуб еще раз оглядел парадную форму новгородца, и еще раз подумал: да, переговорщики-то видать — выше некуда; похоже, дело и впрямь идет к замирению… По заведенному, хоть и сугубо уже негласному, ритуалу каждый отхлебнул согревательного из принесенной фляги, передав ее затем другому и получив от того взамен такую же: изготовились к долгому ожиданию на морозе.

— Превосходная настойка, — ничуть не кривя душою поблагодарил Ковшегуб, когда фляги возвратились к своим владельцам.

— Да, в Москве, небось, такой не отведаешь, — насмешливо качнулся Сокол-и-Колокол на треухе: настойка была с чесноком.

— О, это лишь вопрос цены, — увернулся он от новгородской колкости и дипломатично перевел разговор на другое. — Обратили ль вы внимание, достопочтенный, сколь стремительно

растет благосостояние поселян… — хотел было *закруглить* сие пассажем: «…под благодетельным правлением Владимира Великого», да вовремя сообразил, что чертов ливонец наверняка съязвит в ответ: «Это которого же, из двух ваших Владимиров, *личная заслуга*?»

— Благосостояние — эт-точно, — сочувственно вздохнул тот. — Страна у вас богата, порядка только нет.

…Фляги с согревательным опустели не более чем на треть, когда скрипнула в морозной тишине входная дверь, на лунную голубизну снега у крыльца выплеснули изнутри жирно-желтую световую кляксу, и затолпились в дверном проеме запахивающие шубы переговорщики: «Надо же — *резво ожеребились*!»

А вот дальше началось непонятное. Пятерка переговорщиков разделилась, но теперь по иному: в его сторону двинулся лишь один, а прочь — четверо. Разглядев среди удаляющейся четверки одноногого, Ковшегуб решил было поначалу, что Годунов, по результатам переговоров, откомандировал *на ту сторону* своего начразведки по каким-то сверхзасекреченным делам, от коих лучше держаться поодаль. И лишь парою мгновений спустя он сообразил: приближающийся человек-то — тоже не Годунов!

Боярин был тучен и одышлив, человек же — высок и поджар, а движениями — плавно-стремителен: волк, матерый волчара… Тут как раз лунный свет упал ему на лицо (тот и не думал его скрывать), и Ковшегуб оледенел от растерянности, переходящей в ужас.

Он узнал того сразу, хотя никогда прежде встречал: «Ливонский вор», он же «Ливонский антихрист», был постоянным персонажем пропагандистских лубков, выпускаемых Высшим благочинием, и, как сейчас убедился Ковшегуб, тамошние карикатуристы дело свое знали неплохо: черты лица новгородского владыки были вполне узнаваемы.

— Лейтенант Ковшегуб, Федор Никитич? — осведомился тот, подойдя.

— Так точно… Государь! — противиться эманациям воистину царственного величия, источаемым этой фигурой, было решительно невозможно.

— Знавал твоего батюшку, лейтенант. Соболезную… Боярин Годунов велел вам всем тут кланяться: у него, вишь ты, возникли срочные и неотложные дела в Лондоне.

— Как — в Лондоне?!? — осипшим голосом осведомился он.

— Так. «*Оставь свой край,* — говорит, — *глухой и грешный*», и — в *цивилизованную Европу*, к *нажитому непосильным трудом*… А у вас теперь тут — Я ЗА НЕГО!

— Приказывай, Государь! — тут уж надо — зажмурясь и не

раздумывая, как в прорубь на Крещенье.

Кошегуб, как уже говорено, был *решительным карьеристом*, с отменной чуйкой, и ни разу не трусом. Да, рискуем жизнью — но чем такая жизнь, *боярского сына*…

— Ну, пошли. Представишь меня своим орлам, по всей форме.

— А куда ты собрался. Государь?

— Как — куда? В штаб Фронта, вестимо: принимать командование!

Ковшегубова полусотня растеряно шушукалась и истово крестилась: лубки о «Ливонском антихристе» были дежурным блюдом на политзанятиях, так что узнали Иоанна сразу.

— Смир-ррна-аа!!! — рявкнул лейтенант, так что рябь прошла волною по темным, против света, рядам. — В сей смертный для Отчизны час — Законный Государь наш вернулся, к нам на выручку! Да здравствует наш царь, Иоанн Васильевич — ура!!

Сперва *уракнули* как-то не слишком уверенно и вразброд, но потом сразу, на бис — так, что аж иней с ёлок посыпался. Подвели коня — годуновского.

— Вольно, орлы! — воздел рукавицу Иоанн. — Горло не застудИте, на таком морозе-то! — (по рядам порхнул благожелательный смешок). — Командира вашего, Ковшегуба Федора Никитича, я жалую капитаном над своей лейб-гвардией.

— А где та лейб-гвардия, Государь? — озадаченно козырнул тот.

— Да вот же она! — и Иоанн широким жестом обвел замершие ряды полусотни. — Повелеваю: весь рядовой состав считать ныне произведенным в унтер-офицеры, а унтеров — в первый офицерский чин… Ну что, тронулись помолясь? Показывай дорогу, капитан.

…Пробираясь в голову колонны, Ковшегуб уловил обрывок разговора меж бойцами — квинтэссенцию солдатской мудрости:

— Вот он, наш батюшка! Теперь вина у нас всегда будет вдоволь!

Командующий Западным фронтом Салтыков, оторвавшись от недопитого штофа, покосился на рассиявшееся за окошком волчье солнышко; все последние дни *душа полководца так и рвалась в отставку, в имение окнами к лесу*, и вернуть ее к месту постоянной дислокации удавалось лишь растущими дозами крепкого. Да еще и этот чертов Годунов со своими чертовыми переговорами не пойми о чем задал задачку… — ну-ка, еще

чарочку!

Приподнял очугуневшую голову и насторожил слух: что там еще за гул в расположении части? Или это просто в ушах шумит? Ординарца, что ль, послать? — а, да ну их всех…

Тут дверь распахнулась без стука, и на пороге возник лейтенант Ковшегуб. Оглядел критически натюрморт на столе — штоф, недопитая чарка и пролитое пятно на штабной карте, пользуемой взамен скатерти, — и деловито доложил:

— *Войско взбунтовалось! Царь, говорят, не настоящий!*

— Какой еще царь?! — очумело потряс головою слуга царю, отец солдатам.

Тут в дверях возникла еще одна фигура, при виде которой воевода перекрестился — свят, свят, свят! — аж четырежды: на нее, на иконы, на штоф с чаркой и опять на нее. Не помогло: фигура и не подумала растаять в загустелом от винных паров воздухе.

— Какой царь, гришь?! Да твой, ЗАКОННЫЙ!! *Выбирай сердцем*, Иван Алексеич!

— Государь!.. Помилуй!.. — только эти слова и смог отыскать в своей израненной мятущейся душе командующий Западным фронтом.

— Вот видишь, — удовлетворенно обернулся Иоанн к новоиспеченному капитану своей лейб-гвардии, — он уже и выбрал! — а затем холодно отчеканил:

— Извольте привести себя в порядок, генерал! Через четверть часа — общее построение. Надеюсь, хоть стоять, не шатаясь под ветром, вы способны?

На рассвете они ласково приняли в свои объятия добравшегося как раз до Вышнего Волочка воеводу Бельского.

— Как раз вовремя, Иван Дмитриевич! — обворожительно улыбнулся Иоанн, кивком отпуская настороженных лейб-гвардейцев, выстроившихся полукругом вокруг смоленского героя. — Всеволод Владимирович в общих чертах обрисовал мне вашу с ним задачу, — небрежно пробросил он. — Верное решение, одобряю!

Старый воин хранил непроницаемое молчание, хотя и неприязни не выказывал.

— Но мы тут тоже не сидели сложа руки: ночью *убедили*-таки Салтыкова, что выступать на помощь Москве следует ни часу не мешкая. А вот Годунов тем временем сделал нам всем ручкой и сбежал в Лондон…

— *Как последняя каналья и трус…* — пробормотал воевода.

— Не без того… Ну так как: примешь главнокомандование из

МОИХ рук, Иван Дмитриевич? Времени на раздумья нам обоим не отпущено…

— Да, Государь. Благодарю за доверие.

Уф-фф, камень с души…

— Войску нашему нужно самоназвание, Иван Дмитриевич — нейтральное и неброское, чтоб никого не раздражать без причины. Как тебе: «Вооруженные Силы Севера России»?

— Хорошее название, Государь — как раз для освободительного похода на Москву. *Зимняя кампания*, стало быть?

— Ну, это же классика: *Россию холодом пугать — что девку парнем*!

— Да-да, помню: *Река для воинства надёжнее дорог*… Но только не обессудь, Государь: маловато того *воинства* будет, доведись нам в Москве сражаться на два фронта — и против Опричного монастыря в Кремле, и против Потешного двора в Коломенском. Боевые качества-то у здешних, конечно, повыше, чем у московских сидельцев, но…

Глянул с этими словами в царские очи — и понял вдруг: перед ним — *варяг-берсерк*.

— Мы, знаешь, чем сильны, Иван Димитрич? Не численностью, даже не уменьем. А мнением: да! мнением народным.

ДОКУМЕНТЫ — XI

Не забудем, не простим!

Штык-ножом пронзил я ваххабита,
Разорвал я до ушей чеченцу рот,
Было мне за Родину обидно,
Было мне обидно за народ.
Оттого в руке моей кровавой
Яркий и прекрасный, как топаз,
Вырванный из костяной оправы,
Стекленел чеченский мертвый глаз.

Александр Проханов

Сцены насилия искусно перемежались образами коммунистов.

Михаил Успенский

«Чугунный всадник»

Передовица газеты «Завтрашний день», № 14–22, месяца декабря двадцать девятого числа лета от сотворения мира 7543-го [06.01.2024].

Сегодня — одна из самых черных годовщин в истории Святой Руси и Православной Веры: начало так называемого Ледяного похода так называемых «Вооруженных сил Севера России», напутствуемых самим Антихристом и предводительствуемых коронованным вампиром, самозванцем Лже-Иваном, выслужившим у своих западных кукловодов титулование «Ужасный». И пал пред тем нашествием двунадесяти языков наш Град на Холме — столица Русской Цивилизации, сердце Русского Мира и мозг Русского Проекта.

Скаредное Лондонское Сити в тот день, пресытившись обычными душегубствами, обратило взор к Мировой Шахматной Доске. Обтерев об лапсердак с аксельбантами свои перемазанные жиром от кровавой мацы пальцы, курчавящиеся рыжей шерстью, будто с лобка дьяволицы Лилит, оно раздумчиво возложило их на фаллический шишак Черного короля и, нарушая разом все правила, Божии и человечьи, двинуло ту свою фигуру разом за четвертую горизонталь. «Говорите: король так не ходит? — придется вам усвоить, профаны: на этой доске все фигуры ходят по нашим правилам, а не по вашим!»

А в Ватиканском вертепе в тот день настоятель его — Князь-Папа, наместник диавола на земле, вывел свою труппу на черную мессу — молебствование Бафомету, антрепризу заезжего комедианта из восточных своих сатрапий. И глядели со стен базилики наслезённые глаза распинаемых для услаждения гостя христианских мальчиков, как тот новгородский христпродавец Филипп, приложившись к папской туфле яко к святым мощам, предается содомскому свальному греху с тамплиерами и илюминантами в багряных от православной крови кардинальских рясах.

И некому было тогда заслонить Святую Русь астральным щитом от того погибельного магического ритуала, разработанного за иудино золото в Лондонских алхимических подземельях, ибо выпал астральный щит тот из рук пресвятого патриарха-великомученика Пимена, изведенного как раз об те дни самоновейшей отравою, присланной в Москву из тех же

Лондонских подземелий, и некому оказалось тот щит перенять.

И рухнула от того ритуала Обережная Дамба вокруг духовного отстойника, куда Европа век за веком сливала ядовитые промышленные отходы своей цивилизации — либерализм с безбожием, и бурлящий, сбивающий с ног поток той зловонной жижи хлынул на захваченную врасплох Русь. И обрушились подмытые стремниной стены нашего Общего Евразийского Дома — Светлой Ордуси, возведенной и завещанной нам святым Александром Невским, — и даже руины его погребены ныне под оставленными тем селем многосаженными грязевыми наносами.

Не столь уж и велико было поначалу воинство Черного Короля, Ливонского Антихриста, но неодолимо прельщал тот антихрист, как и предначертано ему, души людские, и белые фигуры во множестве стали перекрашиваться в черный цвет, под сатанинский хохот Лондонского Сити: «Да, профаны, новые правила на Мировой Доске теперь таковы! Поспешайте же к последней горизонтали, глупые черные пешки, становитесь там Черными Королевами, дабы принять в свое лоно черную сперму Черного Короля-Антихриста!»

И когда какой-нибудь, к примеру, тверяк посмеет вякнуть при вас что-нибудь вроде «Мы, русские…» единственным ответом ему должно быть: «Какие мы тебе русские, сволочь тверская! Тебе, продавшему Святую Русь за тридцать новгородских сребреников — и кровь ее теперь на тебе и детях твоих!»

Истинным же воплощением Русского Духа и живым оберегом Земли Русской восстал в ту проклятую зиму православный господарь, унгр по крови, Владимир Владимирович Цепень, Броня и Секира Нации:

Ты представь — метёт метель,
Темень, стужа адская,
А на Нём — одна шинель
Грубая, солдатская.
И стоит Он напролом,
И летит, как конница…

— таким и останется он в наших сердцах, вместе со своими соратниками, положившими тогда жизни свои на тот священный алтарь: опаленный огнем сражений воин Чеснаков, интеллектуал и поэт Мармотный, величайший ученый Менгеле, чей гений двинул науку Русского Проекта в прорыв, в дали немечтанные для всех тамошних быстрых разумом ньютонов. Слава героям, героям слава!

Но слишком уж неравны были силы, и вскоре лишь Кремль, обратившись в Опричный Монастырь, высил светозарные стены свои над затопившей Москву трясиной богомерзкой либеральной слякоти. И обратился тогда к своим опричникам, боевым чернецам, пресвятой Данила Фомин: «Труба предвечного! Приспело время в огне и пламени принять венец славы вечныя!» И согласились те: «Мы выданы, нас окружили… Негде укрыться, нет нам спасенья», а коли так — «ГОСПОДЬ, ЖГИ!»

И вознеслись они, в огненном вихре, на небо, прямо к райским вратам, и показали оттуда, сверху, режиссерам глумливого фарса «Угличский трибунал» презлораднейший кукиш[28]. Святой Петр внутренне нахмурился, конечно, на неподобающий их жест, но смолчал, ибо как раз в ту минуту какая-то отдаленная деталь райского пейзажа неотложно потребовала самого пристального его внимания…

А вместе с Опричным монастырем и его защитниками исчезла в том пламени и остальная Москва — пропал великий город, как будто не существовал на свете. Город, продавший за чечевичную похлебку «общечеловеческих ценностей» свою Историческую Миссию, и заплативший за то предательство пустотой и бессмысленностью нынешнего своего сытенького существования.

Но Господаря своего опричники уберечь сумели. Ищейки Черного Короля перевернули в его поисках небо и землю — тщетно. И нам ведомо почему!

Есть, есть в потаенных лабиринтах московского Подземного города накрепко заговоренное убежище. Там, на дубовой скамье, укрывшись суконной солдатской епанчой и подсунув под голову солдатский треух, спит непробудным сном богатырь — самый русский из русских богатырей, Владимир Владимирович Цепень. В убежище то нет хода никому: ни псам оккупационного режима — хоть прошлым, хоть нынешним, — ни пронырливым диггерам, ни бездельным диванно-сетевым «почитателям» Господаря. Но пророчество гласит ясно: стоны Матушки-Руси, исстрадавшейся под гнетом здешних инородцев и изъязвленной ядовитыми стрелами тамошних русофобов, непременно разбудят его, и вот тогда…

Чу! Вы слышите эти приближающиеся шаги?

Осанна в вышних!..

Глава 39

Огонь и полымя

> …Высадился я с парохода в момент, когда в Игарке опять что-то горело, и мне показалось: никуда я не уезжал, не промелькнули многие годы, всё как стояло, так и стоит на месте, вон даже такой привычный пожар полыхает, не вызывая разлада в жизни города, не производит сбоя в ритме работы.
>
> *Виктор Астафьев,*
>
> *«Царь-рыба».*

От сотворения мира лета 7073, января месяца двадцать первого дня.

По исчислению папы Франциска 31 января 1564 года

Москва (Подземная и надземная)

Москва горела всерьез, и ничего поделать с тем было уже нельзя.

После проповеди *пламенного протопопа* Гермогена об огненном очищении «Вавилонской блудницы на семи холмах» она просто не могла не загореться — ну и запылала сразу с шести концов. Чудотворец, однако…

В Подземном городе о творящемся наверху представление имели смутное: знали лишь, что там «шибко горит» и что оттуда постоянно наведываются упыри — как *служилые*, так и *одичалые*. «Макариев лабиринт» же, где укрылись остатки разведгруппы Бонда, оказался отрезанным не только от наземного, но и от всего прочего подземного мира. Сверхнадежное савельичево убежище обернулось ловушкой: выходов наружу отсюда не было, кроме как в сам Кремль (прямиком на обеденный стол к тамошним *опричникам*), а путь в остальную часть московских катакомб лежал либо через кремлевские подвалы, кишмя-кишевшие сейчас *одичалыми*, либо через владения Ваньки Каина, изобилующие непроходимыми ловушками. Савелич тут как отрезал: «Без *человека-отмычки* — не пройти никак. Извиняйте, ребята: я старый *катакомбник*, а не волшебник».

Дело их могло бы обернуться совсем скверно (пара постоянных водокапов близ их убежища имелась, но вот запас

провианта и заправки для светильников уже подходил к концу: на столь длительную отсидку они не закладывались), однако — не было бы счастья, да несчастье помогло. Выяснилось, что для бойцов класса Бонда и Анны, если те действуют слаженной парой и посеребренным оружием, одичалый упырь — это скорее не *противник*, а *добыча*, примерно как медведь для опытного медвежатника или бык для гишпанского быкобОйца. *Одичалые*, при всей своей безмозглости, быстро уразумели, что та человечина, что обитает в «Макариевом лабиринте», для них смертоносна и недоступна, и принялись, взамен того, интенсивно подъедать *мышек-норушек* в Каиновых владениях. В результате подданные подземного владыки (сами не шибко-то отличающиеся по своей договороспособности от одичалых…) заключили с загадочными обитателями Лабиринта сделку: те убивают упырей, *на постоянной основе*, а взамен получают пищевое и иное довольствие.

Пищу, включая и корм для попугая (копченым мясом со ржаными сухарями тропическую птаху не очень-то насытишь) обменивали на отрезанные упыриные головы — баш на баш. Головы те Иван Иванычевы *мышки-норушки* доставляли затем на поверхность и там сдавали уполномоченным Генерал-коменданта Вологдина, установившего за них приличную награду и неукоснительно ее выплачивавшего. Каину эта *схема* очень нравилась.

* * *

Генерал-комендант Москвы Вологдин хмуро оглядел из окна кабинета расцвеченную дымами панораму вверенного ему города и вернулся к разложенной на столе штабной карте оного (немецкой, понятное дело) с нанесенной на нее от руки схемой «подземных коммуникаций». И по части очагов пожара, и с упыриным нашествием — «Ситуация тяжелая, но динамика положительная»; насчет последнего — очень помогла подсказка из штаба Грозного насчет «амальгамы»: арбалетные стрелы с наконечниками из осколков зеркал оказались против этой нежити поистине чудо-оружием, Wunderwaffe. Главное — время теперь отчетливо работает на него: «Вооруженные силы Севера России», ведомые Законным Государем, стремительно приближаются к Первопрестольной столице, под малиновый звон в освобождаемых градах и весях. Приближаются столь стремительно, что генералу самое время озаботиться уже личными гарантиями на будущее…

Некоторое время назад в руки Вологдина попал ценный приз: беглый доктор Фауст, пытавшийся укрыться в здании Польской миссии, что ведет тут с прошлого лета переговоры «о мире и границе» (на самом деле — об антиновгородском союзе). Оказавшись в подвале Особой контрразведки, памятном ему по собственным экспериментам с «измененными состояниями сознания», доктор философии не стал кочевряжиться, и сразу *развинтился на всю резьбу*. Среди выбалтываемых им взахлеб секретов оказался и рассказ об удивительных качествах *зеленого попугая*.

Общеизвестная внутри Конторы шуточка — «*Запросите Ларри Флинта*» — зазвучала теперь совсем по новому: а ну как хитроумный англичанин выложил главную свою тайну на самое видное место, и эта маскировка, как и обычно в таких случаях, сработала? Повинуясь внезапному наитию, Вологдин отправил невинный с виду запрос — через спецголубятню, когда-то Годуновскую, а теперь свою личную — непосредственно Джуниору: «Что станем делать с Сильверовым попугаем, *коллега*?» Поклевка вышла такая, что закинутую им удочку едва не вырвало из рук: «ЭТО МОЯ ДОБЫЧА!» — и личная печатка Иоанна.

Что ж, похоже обладание сей *Жар-Птицей*, с последующим принесением оной в дар *Царю-батюшке*, станет весомой гарантией его, Генерал-коменданта, будущего при Новом режиме… Остается пустячок: завладеть *премудрым попугаем* в московских подземельях, куда унырнул тогда из трактира на Пятницкой Бонд со своими людьми. Если тех, конечно, не сожрали уже там упыри одичалые, или не *обратили* упыри служилые; если до тех не добрались раньше него весьма ушлые и имеющие фору по времени конкуренты; если ему не станет совать палки в колеса собственная Служба, которой знать обо всех этих играх совершенно ни к чему; и еще много-много «если»…

Начав это свое *частное расследование*, он, повинуясь опять-таки странному наитию, вызвал шефа загранразведки Тургенева:

— Иван Андреич, вступая в должность и принимая дела Сильвера, я обратил внимание на странное задание, что он дал вашей Службе, причем под грифом «Сов. секретно, особой важности»: установить откуда и какими путями попадают к *оригиналу* Мармотному экзотические зверушки, чью кровь он пьет. Никаких отчетов по этому заданию я в его делах не обнаружил; вам удалось тогда что-нибудь накопать?

— Странно, Всеволод Владимирович!.. Отчет был тогда сдан по всей форме, хотя разузнать мы сумели не так уж много…

— И что же вам удалось? В двух словах.

— Поставки шли из Кракова, через здешнюю Польскую миссию. Дальше никаких концов не обнаружилось, хотя мы искали.

— Мармотный платил полякам за тех зверушек?

— Нет, никогда.

— То есть это — вербовка? Хобби-то не из дешевых…

— В общем-то да, вербовка. Но дипломат, имевший с ним дело, пан Кшеминьский, никак не связан с Королевской Дефензивой, это совершенно точно!

— Никак не связан с польской государственной разведслужбой… — медленно повторил Вологдин. — Это очень важно, Иван Андреевич. Всё, что уцелело по этому делу в вашем архиве — немедля ко мне!

Через полчаса ему доставили из Первой службы папку с разнообразными бумажками, «имеющими отношение к делу», но не содержащими, на первый взгляд, ровно ничего интересного. Но ведь Странник-то знал, что искать и, похоже, нашел — раз уничтожил оригинал отчета… Ну, а если — вот так?..

Еще через полчаса к нему кабинет вознесли из подвальной камеры доктора Фауста. Тот был, естественно, сама услужливость.

— Вы понадобились мне сейчас, доктор, как эксперт по части естествознания. Вот, поглядите, — он протянул тому листок со столбцами латинских названий и пометками, другими чернилами, о датах и числе экземпляров. — Это список неких животных. Может ли наука, в вашем лице, ткнуть пальцем в то место на глобусе, где их отловили? У меня есть на сей счет предположение, но я хочу проверить его независимым экспертным мнением.

— Ну, вот обезьянки-капуцины — их родина Южная Америка, — близоруко сощурился в листок доктор (очки у него, понятное дело, отобрали). — Правда, их иногда держат в Европе как домашних питомцев, но чтоб они размножались в неволе, я не слыхал, так что в конечном счете — да, всё равно оттуда… О, а вот кровососущие летучие мыши-десмоды! И даже есть броненосец-армадилл!.. Ну, тут никаких сомнений — Южная Америка, и ничто иное!

Удивительно всё-таки устроены мозги ученого: даже находясь в отчаянном положении он, получив вдруг возможность *порешать задачку*, об отчаянности того положения на время забывает…

— Спасибо, доктор, вы подтвердили мою догадку. А вот зеленый попугай герра Зильбера — не оттуда же родом?

— Да, его называют «солдатский ара», он тоже из Нового Света. Но какая тут связь?..

— А вот на эти темы, доктор, вам лучше и не размышлять. Благодарю вас, *вам это зачтется*. Увести!

Ну вот, похоже, все концы сошлись… О чем Вологдин счел необходимым срочно известить *коллегу Джуниора*.

…Три сообщения, пришедшие сегодня на его спецголубятню из Клина (Армия-Освободительница, ведомая Ливонским Узурпатором, он же Законный Государь Наш Иоанн Васильевич, была встречена там хлебом-солью и малиновым звоном вчера ввечеру) проделали длинный путь; в Клину было написано лишь одно из них, а два других пересланы — одно из Иван-Города, а другое и вовсе из Лондона. Сообщения эти могли здорово помочь в его *охоте на пернатую дичь*, да вот беда: осведомитель из *мышек-норушек* только что сообщил крайне неприятные новости об обстановке в Подземном городе.

Настолько неприятные, что начинать надо немедля — если только вообще уже не поздно…

* * *

Уходя нынче с Анной *на промысел*, Бонд критически оглядел склянку с «жидким серебром»: да, препарат-то заканчивается, и что тогда?..

— Ник, если постучится серый волк — не открывай! — привычно пошутил он, вручая остающемуся на хозяйстве, при попугае, князю пистолет с серебряной пулей.

— Доброй охоты!

Попугай получил ежедневную дозу *успокоительного* (без нее он начинал требовательно орать, да так, что доносилось, небось, аж до Кремля) и принялся концертировать:

Тра-та-та, тра-та-та!
Волоки в тюрьму кота,
чижика, собаку,
Петьку-забияку,
обезьяну, попугая —
во, компания какая!
во, кампания какая
Была проведена!

Серебряный вслушался. Дурацкую песенку про обезьяну и попугая Флинт исполнял в последние дни не раз, но сегодня слова ее, кажется, звучали как-то немного иначе; смысла, впрочем, от этого не прибавлялось…

* * *

— Зову я вас, други мои любезные, на дело опасное — опасней даже, чем тогда, на Лубянке, — Вологдин оглядел старую-верную свою опергруппу, тишком собранную Ханом в его кабинете. — Плюс — подписка о неразглашении до скончания времен, даже и внутри Службы. Но и награда в этот раз будет — истинно царской!

— «Истинно царской» — это в каком смысле? — наивно похлопал глазами Михрютка: отношения в *команде* сие дозволяли.

— В самом что ни на есть прямом. От *законного государя* нашего, Иоанна Васильевича — самолично.

Бойцы переглянулись; особого удивления никто не выразил — цену себе знали.

— Ежели это — *насчет Коломенского,* — выразил общее мнение Хан, — то нету *на такое* нашего согласия, звиняй, командир.

— Да при чем тут Коломенское! — поморщился Вологдин. — Там без нас обойдутся — еще и в очередь станут… А нам дело предстоит вот какое: в Подземном городе, посреди всех тамошних одичалых, *мышек-норушек* и ловушек, окопалась команда — маленькая, но удаленькая. А на плече одного из тех парней сидит *вещая птица*. Вот ее-то нам и надо добыть, непременно целой-невредимой.

— Типа как — «На дубе сундук, в сундуке яйцо, в яйце игла»? — вновь подначил Михрютка.

— Да, типа того. На всякий случай: люди те — нам, в общем, не враги. Попробуем столковаться с ними по-хорошему — есть *заготовочки*. Главное — добраться до их *гнездышка*: очень уж там *окружение*… недружелюбное.

— А не та ль это птица, и не те ли ребята, что из трактира на Пятницкой? — прищурился Хан.

— Ты, Махмуд, догадлив — прям как тот есаул, насчет черной шапки, — вздохнул Вологдин.

— А где они *загнездились* — известно? — это Анчутка, сам бывалый *катакомбник*; пошел деловой разговор.

— Нет, только мои предположения. Люди Ваньки Каина стали вдруг притаскивать нам головы одичалых, причем *в товарных количествах*. Самим *мышкам-норушкам* такое точно *не по зубам*… Ясно, что где-то рядом с владениями Иван-Иваныча объявились ухари, которые теми головами просто приторговывают; сами они при этом на поверхность выходить то ли не хотят, то ли не могут.

Ну а потом одна из тех *мышек-норушек* кое-чего порассказала… не буду говорить, за какую сумму. Да, всё так и есть: в «Макариевом лабиринте» засели какие-то «пацаны немереной крутоты», для которых *одичалые — дичь*, не более того; кто они такие — каиновские и сами не знают. Но вот посредничает при обменах «котелков на хавчик» некий Савелич; а про этого я знаю точно, что он в корешах с одним из тех ребят, кого мы ищем… с неким Серебряным. Вроде, всё сошлось.

— «Макариев лабиринт»… — мрачно присвистнул *катакомбник* Анчутка. — Не представляю, как туда подступиться: ведь под Кремлем сейчас не пройти никак…

— Мало того: пройти нам надо — «сейчас или никогда». Та же *мышка-норушка* поведала, что кто-то решил выкупить у Каина головы тех ребят; аванс выплатив немереный. Причем обставил это довольно странным условием: *прибрать* их, когда они будут *на промысле*, вне лабиринта. Ясно, что сам заказчик хочет пошуровать тем временем в их *гнездышке*, и завладеть попугаем. Нашим попугаем!

Все обернулись к Анчутке. Тот некоторое время прикидывал что-то в уме, а затем выдал решение:

— Вообще-то можно рискнуть. Есть одна галерея… но там ловушки. Так что — нужен *человек-отмычка*. Без этого — никак.

— Да, — кивнул Вологдин. — И такой человек у нас, полагаю, есть.

Когда в кабинет ввели бородатого вахлака в ручных кандалах, Анчутка не скрыл изумления:

— Батюшки-светы, да ведь это же Гришка Распутин! Тот, что «изобрАжен дважды»! Мы ж его сами тогда из проруби и выудили — ибо *такое не тонет*!

— Он самый, он самый! — радостно закивал Вологдин. — Святой старец Григорий Распутин, он же тать и конокрад Гришка Новых. Матерый человечище, невероятной везучести и живучести: яд, плюс две пули, плюс подледный заплыв — а он как новенький!

Распутин злобно зыркнул на генерала; ту свою (или чью там?..) парсуну он сейчас не напоминал нисколечко. Сзади негромко обменялись мнениями: «Дык, известное дело — *монархисты*! Ни украсть, ни покараулить…»

— А у нас к тебе, Гриша, *предложение, от которого невозможно отказаться*: прогуляться с нами по Подземному городу.

— *Отмычкой*, что ль? — фыркнул «святой старец».

— Верно, — кивнул Вологдин, и улыбка его сделалась

ледяной. — Всё очень просто и *конкретно*. Либо мы тебя сейчас сдаем в Разбойный приказ — и там путь твой от дыбы до виселицы будет очень-очень коротким. Либо ты идешь *на дело* с нами; *отмычкой*, да — но с твоей, помянутой уже, *везучестью и живучестью*, может статься, и проскочишь. Если уцелеешь, получишь царёво помилование, ну и, уж по-любому, долю от награды, как равноправный член команды. Выбирай.

— Побожись, — помотал головою конокрад, почти без раздумья.

— В чем?

— Что награду ту дочурке моей передашь, Настеньке, в сельцо Горюхино. Крест на том целуй!

— ЦелУю, вот.

* * *

— Ах-ххтунг!! Кр-рроме ш-шшила и гвоз-зздя! — заорал Ларри Флинт.

— Чего? — Серебряный поймал себя на том, что переспрашивает попугая, будто человека.

— Кр-рроме ш-шшила и гвоз-зздя! — повторил тот, и в тот же миг из галереи, к которой князь повернулся спиной, донеслось негромкое:

— Руки вверх! Шевельнешься — стреляю! Обернись, только медленно.

Как же так? Что там Савельич, уснул, что ли? Но когда обернулся, понял: нет, не уснул.

Незнакомец стоял посреди галереи, имея в одной руке «Кузнец Вессон», а в другой — нож, приставленный к горлу безмолвного Савельича, коим он прикрывался как щитом. Чуть позади виднелся второй, тоже взявший уже князя на прицел.

— Достань пистолет из-за пояса, за дуло… очень, очень медленно… положи его на пол… вот так. А теперь отойди на три шага и повернись лицом к стене.

— Это что, привет от Каина? — деревянно усмехнулся Серебряный. — Иван Иваныч решил зарезать курицу, несущую золотые яйца? Взять-то с нас тут всё равно нечего…

— Нет. Это привет от Долговязого Джона, настоящего хозяина попугая.

— Кр-рроме ш-шшила и гвоз-зздя! — вновь заорал тот, будто почуяв, что говорят о нем.

— О, у Ларри всегда была отличная память на лица, — усмехнулся первый незнакомец. — Позвольте представиться:

сержант Шилов и сержант Гвоздёв, Особая контрразведка. Сейчас мы двинемся обратно; вас тоже прихватим с собой, на всякий случай.

— Что, даже по сусекам здешним не пошарите?

— Хотите потянуть время в ожидании своих отлучившихся компаньонов? — последовал смешок сзади. — Совершенно гапрасно! Полагаю, ваш дружок с подружкой уже мертвы… — и тут, оборвав речь его на полуслове, сзади грянули выстрелы: два сразу и еще один секундою погодя.

«Черта с два они мертвы!» — со злорадным торжеством развернулся Серебряный; но торжествовал он, как выяснилось, преждевременно.

Шилов и Гвоздёв и вправду лежали на полу, не подавая признаков жизни, но поле боя осталось за троицей других незнакомцев, один из которых обратился к князю с сильным польским акцентом:

— У вас в России не только честных чиновников, но даже и честных воров не найти! Эта каналья Каин, оказывается, продал ваши головы дважды: сперва нам, а потом — этим. Какое, однако, падение нравов!

Затем ему велели вновь повернуться лицом к стене, а дальше удар по голове (вероятно, рукояткой пистолета) потушил его сознание.

Очнулся он под бубнёж попугая:

Тра-та-та, тра-та-та!
Мы везем с собой кота,
чижика, собаку,
Петьку-забияку,
обезьяну, попугая —
вот, компания какая!

Нет, точно слова другие…

Голова его была уже худо-бедно перевязана, а вокруг толпилась куча народу: Бонд, Анна, Савелич, Вологдин — остальные незнакомые; все явно только что из боя, побитые-пораненые, но главное — живые!

Слово взял Вологдин:

— Леди и джентльмены! Извещаю вас, что завершение операции «Валькирия» передано Государем в мои руки. С соответствующим перераспределением наградных бонусов между вашими людьми, Джеймс Эдвардович, и моими. Вот мои верительные грамоты, — при этих словах в руках шефа Особой

контрразведки появились три небольших листка. — Коммандер Бонд! — это вам от Джона Ди. Майор… виноват, *полковник* Зимина! — а вам от Джуниора. А это вам, Никита Романович — из Лондона, от вашей очаровательной супруги. Оказывается, вы тогда мне не соврали: она и правда там именно в заложницах. Чтоб у вас не возникло соблазна играть тут в какие-нибудь *сепаратные игры* с Ларри нашим Флинтом…

— Да, и вот еще что, — Вологдин повернулся к тщательно спеленатому человеку, уложенному у дальней стены. — Позвольте представить вам пана Кшеминьского, «пехотинца Господа»! Польская миссия в Москве вообще состоит из братьев-иезуитов едва ли не поголовно. Переговоры, что она вела с Кремлем, были лишь прикрытием, истиной же задачей было — наладить бесперебойный транзит из Южной Америки, от тамошних *братьев,* невиданных в Европе зверушек для *оригинала* Мармотного: дабы тот мог регулярно пить кровь и выедать ложечкой мозг у живых обезьянок-капуцинов. А всё затем, чтобы через этого извращенца, с его *оперативными возможностями*, добраться-таки до Сильверова попугая… Завербовать вампира невероятно сложно, почти невозможно, но Ордену это удалось — и тут я вам аплодирую, пан, как профессионал профессионалу! В общем, Орден может повесить себе на рясу еще одну медальку «За оправдание средств целью»…

Иезуит некоторое время молчал, а затем высокомерно изронил:

— У Ордена очень длинные руки, пан генерал-комендант, и отличная память…

— Истину глаголешь, пан! Именно поэтому я сейчас всё же предложу тебе некоторый выбор — вместо того, чтоб просто перерезать горло, и концы в воду. Либо ты пойдешь с нами — *отмычкой*… а то нашему, штатному, *человеку-отмычке,* — (он указал глазами на бородатого детину с шалыми глазами) — на обратном-то пути хорошо бы уже дать роздых. Тогда даю слово — отпустить тебя, по выходе из катакомб, на все четыре стороны. Либо мы оставим тебя прямо здесь — на съедение одичалым. Выбирай.

— Руки развяжи, — попросил наконец тот, после не слишком продолжительного раздумья. — Под мое слово…

— Да ты совсем офонарел, твое преподобие! Это что надо иметь заместо мозгов, чтоб поверить *слову иезуита*?

— А *слову шпиона,* выходит, верить можно?

— Ну, это твой выбор, — развел руками Вологдин. — Впрочем, ты ведь его уже сделал, верно?.. Всё, ребята, по коням! Нема часу!

Глава 40

Богооставленная Русь

Нет в мире вещи более серьезной, чем игра.

Уинстон Черчилль

Лишь только Коровьев и Азазелло скрылись, мигание Бегемота приняло усиленные размеры. Белый король наконец догадался, чего от него хотят, вдруг стащил с себя мантию, бросил ее на клетку и убежал с доски. Офицер брошенное королевское одеяние накинул на себя и занял место короля.

Михаил Булгаков

По исчислению папы Франциска 1 марта 1564 года.
Серебряный бор, подмосковная ставка Его Величества «Царское село».
Полдень.

Вологдин окончил доклад.

— Отличная работа, генерал! — Иоанн (по новому титулованию своему — «Великий Государь, Император всея Руси, Царь Московский, Казанский и Астраханский, Великий князь Ивангородский и Ливонский, Гарант конституции Новгородский и Киевский») указал взглядом на лежащий перед ним список. — Ну что, подведем на этом черту?

— Так точно, Государь: «Лучшее — враг хорошего», а время дорого.

— Эт-точно, — вздохнул царь, вновь придвигая к себе список. — Тут, конечно, сильно не все, но с прочими — *разберемся в рабочем порядке*, со временем.

Да уж, думал он, с анонсированным нами Угличским трибуналом над «главарями Кровавого режима» и впрямь следует поторапливаться — дабы утихомирить страсти и ввести в рамки закона разгулявшуюся по *освобожденной* Москве «охоту на упырей». Здешнему народонаселению очень уж пришелся по вкусу запущенный кем-то квазиюридический термин «*принадлежность к преступным организациям*». Добраться до настоящих упырей — *ушедших в подполье* кромешников и

разбежавшихся по окрестным лесам благочинников — у этих энтузиастов, разумеется, руки коротки, но зато над любым подъячим, даже из самого безобидного ведомства, запросто могут, опознав, тут и же учинить самосуд. В первых рядах линчевателей, естественно, буйствуют как раз те, кто раньше сами не покладая рук строчили доносы в Ночной Дозор и Высшее Благочиние, но успели *переобуться в прыжке* раньше своих жертв и теперь вот выслуживаются — по собственному разумению — перед новой властью; твердо памятуя, что «Революция — это прежде всего десять тысяч вакансий».

Начал было местное самоуправление у них тут заводить, какое ни на есть — чтоб помаленьку приучались, так самое первое, о чем те челом бить стали: учини, дескать, Надёжа-государь, у нас на Москве *люстрацию*! Чтоб, стало быть, всех «деятелей Кровавого режима» — без изъятия, и со всеми чадами-домочадцами — выставлять нагишом на солнышко, суток на трое: для выявления *скрытых упырей*. Ну а всё имущество *люстрируемых* — сразу чтоб в казну: «временно, до выяснения», ага… Тьфу! — хоть бы кто этим неучам объяснил, что и слово-то само, латинское, происходит вовсе не от «lustro — освещать», а от «lustrum — искупительная жертва»…

Уму непостижимо: город выгорел чуть не дотла, жрать нечего, на дворе полная *гуманитарная катастрофа* — а у этих одни *люстрации* на уме! Ну и какие им тут, к шутам, *конституции*? Верно, ох верно Архангел тогда насчет качеств здешнего народонаселения остерегал…

Так что тянуть с Трибуналом никак невозможно: надлежит быстренько принести эту «*искупительную жертву*» и *подвести черту под прошлым* — пока мы тут не остались вовсе без сколь-нибудь грамотных управленческих кадров: других-то, *незапятнанных*, тут взять всё равно неоткуда… Да и чего ради тянуть, когда *главных главарей* — как уже сейчас ясно — на скамье подсудимых в Угличе всё равно не будет. Цепень как сквозь землю провалился (а, может, и не *как* — кто знает…); Адашев успел постричься в монастырь (не выволакивать же его оттуда за рясу?); Годунов, в компании Сильвера, улизнул со всем награбленным по крысиной тропке *английских союзников* куда-то *за окоём цивилизованного мира*; впрочем — фронт-то он нам честно открыл, а *pacta sunt servanda*[29]… Украшением процесса мог бы стать узурпатор Старицкий со своей новоиспеченной династией, но эти — как сообщил народу отправленный взять под охрану «Потешный двор» Иво Шенкенберг — все поголовно *отравили себя ядом*, и всякий может нынче *видеть их мертвые трупы* в Коломенском: Лже-Владимиры нам тут точно ни к чему.

В общем, *на чор-ррной скамье* той, похоже, окажутся в итоге лишь второстепенные, хотя и по-своему колоритные, функционеры «Кровавого режима»: *силовики* из Дозоров и Благочиния (дружно кивающие на опустевшую высь: «А чо мы-то? — мы ничо, мы только выполняли приказы!»), да *эффективные менеджеры*, от Секача из *Росмыла* до Кузьмы-«Камасутры» из Вэ-Пэ-Ша-Э (искренне недоумевающие: «А нас-то за что?!»)… Впрочем, *силовики*-то те как раз реально, без дураков, опасны, так что их отлов и ликвидация сейчас — первоочередная задача сотрудников Особой контрразведки, с их *жетонами из перечеканенных серебряных рублей*…

Отпустив генерала, Иоанн потянулся было к только что расшифрованному сообщению из Киева, где Висковатый и Острожский ведут переговоры со Святым Престолом. В кои-то веки на том престоле оказался (похоже, по недосмотру…) приличный человек — Джованни Анджело де Медичи, Пий IV: сын нотариуса, светское университетское образование (медицинское и юридическое), успешный опыт губернаторствования в весьма *непростых* провинциях, и — надо полагать, как следствие всего этого — твердый отказ подливать масла в огонь европейских религиозных войн. В общем, свой брат, *макиавельянец* — и с таким вполне можно, сразу отставив в сторонку вопросы догматики, обсуждать вещи практические, как то: взаимные гарантии прав православных на католических территориях и католиков — на православных. А на горизонте там просматривается даже нечто вроде «Союза двух Крестов против Полумесяца»; и пока у турок руки будут связаны войной с *Объединенной Европой* в Средиземноморье, мы тут получим уникальный шанс воплотить вековечную нашу мечту: *Окончательное решение Крымского вопроса*… Впрочем, тут надо вникать без спешки, не между делом.

Покидая царёв кабинет, генерал столкнулся в дверях с остальными участниками операции «Валькирия»: коммандер Бонд с полковником Зиминой, которых только что обвенчал по англиканскому обряду капеллан английской миссии, и пожалованный в окольничьи Серебряный с попугаем-наркоманом на плече: троица явилась на прощальную аудиенцию перед своей *загранкомандировкой*. При виде друг друга герои застыли в ревниво-неприязненной неподвижности; и лишь несколькими мгновениями погодя Иоанн сообразил, что неподвижность та как-то *слишком уж неподвижна*, а свет мартовского солнца, заливающий помещение, приобрел недобрый синюшный оттенок…

На сей раз Архангел (легок на помине!..) возник в кресле

посреди кабинета прямо у него на глазах, не таясь. Он будто бы сгустился из воздуха, оставшись, однако, полупрозрачным: сквозь него буквально просвечивала противоположная стена. Впрочем, сообразил Иоанн, я ведь впервые вижу его на свету — никогда доселе тот не являлся средь бела дня… Не к добру сие, ох, не к добру!

И точно.

— Я ведь проститься зашел, Иван Васильевич, — прервал наконец молчание гость из будущего. — Больше мы не увидимся, как ни жаль.

Но как же так? — нет: КАК ЖЕ ТАК?!?!

— Как же так? — тихо спросил он. — Чем мы в этот-то раз тебя прогневали, чем не угодили?

— Да у вас-то всё как раз отлично, — вяло качнул головой архангел. — Я только что, напоследок, глянул: АИ вашей Игре рейтинг выставил — сумасшедший… Так что не в вас дело, а во мне, — помолчал еще немного и деловито сообщил, как о чем-то вполне обыденном:

— Помираю я, короче. Вот прям сейчас. Такие дела…

Единственное, на что хватило сотрясенного эдакой новостью Иоанна — это проглотить первый, шкурный, вопрос: «А как же мы тут?..» и спросить вместо того:

— Но ведь ты же — архангел! Разве вы тоже?..

— Я не архангел, увы. Так же точно, как АИ — не Бог. Ты ведь лишь спросил тогда: не демон ли я? — ну там, «покупка души», *et cetera*… Я совершенно честно и без утайки ответил: «*По вашим здешним понятиям я как раз скорее серафим… или даже выше бери — архангел*», конец цитаты. Но это тут, в *Мире Сём*, я — считай, архангел. А там, у себя, я обычный человек. К сожалению, не очень здоровый. А по правде говоря — очень нездоровый.

— А что же тогда вообще «*Мир Сей*»? — растерялся от таких новостей Иоанн.

— Вообще-то АИ был создан вовсе не за тем, чтоб в игрушки играть, вроде здешней, — (Иоанна неприятно царапнуло слово «игрушка» вместо привычного «Игра», но он, разумеется, смолчал). — АИ поддерживает множество разных вариантов истории, и нужно это всё для нас самих, чтобы проделывать то же самое с нашим, *текущим*, вариантом. Ну, скажем, собираемся мы у себя сделать что-то значительное. Например, налоги поднять, или там экспедицию отправить к другой звезде. Вот АИ и рассчитывает, какие последствия от того проистекут. И не просто рассчитывает, а моделирует, в сотнях разных вариаций; эдакие, в некотором смысле, *отвремления*… А мастера игры — вроде меня — стараются, каждый в своем таком *отвремлении*, рулить

процессами так, чтобы они пошли на пользу… ну или хотя бы не принесли вреда. Потом смотрим, где и от чего возникли проблемы, и какой из вариантов *оптимален*. Ну, скажем, отправили мы ту звездную экспедицию, вложив в нее кучу ресурсов, а она возьми и погибни. На неизбежную при ресурсной мобилизации инфляцию наложатся проблемы с климатом. В результате на выборах… а, ладно, тебе это сложно. Короче, мы пытаемся учесть всякие неприятности, которые могут произойти.

— Так ты — «Мастер Игры»? — именно эти слова почему-то показались Иоанну важнейшим из всего, что он услыхал. — Значит, ты и в своих, надмирных, Сферах — повелеваешь Играми?

— На самом деле это очень скушная работа, — поморщился гость из будущего. — Чиновничья, по сути дела. Эдакое «Министерство *оптимизации* Будущего»… Теория игр — есть и такая — предписывает нам играть с АИ не на максимизацию выигрыша, а на минимизацию проигрыша. То есть — всячески избегать рисков.

— И что же в итоге?

— В итоге — абсолютно предсказуемый и абсолютно управляемый мир. Очень скучный — и тем самым очень комфортный. Во всяком случае, для подавляющего большинства — *голосующего* большинства…

— А вот для меньшинства… — начал догадываться Иоанн.

— Да, именно так: а для меньшинства — возможность странствовать по иным мирам, *в архангельском чине*. Там я, как *мастер игры,* — минимизирую проигрыши, за деньги, а здесь — рискую играть на выигрыш, для души. Там — существую, а здесь — живу, если угодно… У вас ведь тут, как точно подмечено литературным классиком — «Эпоха меньшей свободы, но большей независимости».

Иоанн некоторое время размышлял над вновь перепрокинувшейся картиной мира.

— Погоди, — сообразил он наконец, обнаружив в той картине очевидную неувязку. — Если вы там такие штуковины умеете сотворять, как ваш АИ — отчего ж тебя самогО-то исцелить не могут, с твоим нездоровьем?

— А с чего ты взял, — печально усмехнулся неотмирный гость, — что мне хочется исцеляться?

— То есть как?! — опешил Иоанн.

— Да вот так. У меня очень редкостная наследственная хворь, называется: синдром Гороховца — Гольштейн… или, по другому: синдром Хелсинга — Стокера, — при этих словах усмешка архангела сделалась какой-то вовсе уж мрачной. — Вы тут и слов таких не ведаете, и слава богу… Человек с этой хворью живет

заметно меньше здорового… нынешнего здорового, в смысле, при нашей нынешней медицине — но зато… *ярче живет*, скажем так. Организм наш сам вырабатывает… некую отраву, и отрава та, накапливаясь постепенно, влияет на мозги…

— Что-то вроде «живого порошка»? — догадался Иоанн.

— Да, довольно похоже. Мы не то чтоб становимся гениальными поэтами или великими учеными — нет, мы просто начинаем гораздо лучше *помнить и считать*. Поэтому в шахматы, например, нам играть с людьми… со здоровыми людьми, — тут же поправился гость, — совершенно неинтересно. Или вот с АИ: *мастера игры* — почти все *из наших*… из *носителей синдрома*. Через что и почитаемся мы крайне ценными, можно даже сказать — незаменимыми, членами общества, и пользуемся оттого серьезными привилегиями, — вновь скривился в усмешке он. — По части доступа к Играм, например. Впрочем, *здоровый человек* играть в эти Игры на уровне выше Второго всё равно неспособен: не хватает *оперативной памяти*…

— Но отрава та при этом постепенно накапливается?

— Конечно, накапливается: до концентраций, *несовместимых с жизнью* — как вот у меня сейчас. Но если погрузить организм в глубокий-глубокий сон — ну, типа как медведь уходит в зимнюю спячку — может произойти его *самоочищение*; а может и не произойти — тут уж как повезет. Но, в любом случае, это дело очень долгое и муторное: с учетом разницы во времени между нашими мирами — у вас тут пройдет никак не меньше пары-тройки веков. Так что больше мы с вами, Иван Васильевич, не увидимся; как и было сказано…

Вновь упало молчание — прерванное затем посетившей Иоанна страшной мыслью:

— Ты ведь сейчас выдал мне столько знаний о вашем, будущем, мире — *против вектора времени*… Это потому, что мы уже — всё равно, считай, покойники? И едва лишь ты… *уйдешь*, как нас *сотрут*?

— Да нет, ничего страшного: это ведь не от АИ информация, а от меня. А я ее просто сейчас вычищу из твоей памяти, и этого разговора — будто и не было вовсе. Пойми главное: Игру с такенным рейтингом, как у вас — докуда я вашу Гардарику дотянул-таки, успел! — и сам АИ теперь стирать не позволит. Игра Пятого уровня, что сумела-таки *взлететь* — это большая ценность; вполне себе материальная. Так что после моего скорого *ухода* Игру вашу — ВЫСТАВЯТ НА ТОРГИ; и будет у вас другой *ангел-хранитель* — с другими представлениями *о добре и зле*.

— То есть как это — «выставят на торги»?! — ошарашенно откликнулся царь. — Как… как деревеньку с людишками, что ли?

— Ну да, именно так: как деревеньку с людишками!

— И кто же будет наш новый барин? — голос Иоанна предательски дрогнул. — Есть какие-нибудь сведения?

— Ну, мир тесен… Тем более, что люди… *здоровые люди,* — вновь поправился архангел, — на таких уровнях играть вообще не могут… В общем, реальных претендентов, насколько мне известно, — двое; и, что называется, «оба хуже». Один — поклонник тех *социальных практик*, что братья-иезуиты, по подсказке попугая, *отрабатывают* сейчас в Парагвае: казарма со *всеобщим равенством перед шпицрутеном*, но с гарантированной пайкой; этот наверняка станет *раздувать мировой пожар, на горе всем буржуям* — использовав вашу Россию как растопку. Другому грезится Всевеликая Паназиатская Империя, от Ханбалыка до Петропавловска-Невского — чтоб, значит, там *молиться, поститься и читать хором «Домострой»*; Россия как высокодуховный *сырьевой придаток* Поднебесного Китая, называя вещи своими именами.

Иоанн долго-долго сидел с полуприкрытыми глазами: удар был слишком внезапен и сокрушителен, и что теперь тут делать — совершенно непонятно.

— Что, не нравится? — ядовито осведомился наконец ангел-хранитель, и по той ядовитости царь сразу почуял: кой-какой козырь в рукаве тот, похоже, заначил.

— А ты как думал?

— Это тебе для памяти. Сейчас по всему востоку Европы идет «Вторичное закрепощение» — окончательное прикрепление *людишек* к земле, с отъемом Юрьева дня и всем таким прочим. На тебя будут очень давить, чтоб ты на это пошел, и приведут кучу обоснований: крепостничество-де — это, типа, такая русская духовная скрепа, «цепь великая», что *внеклассово* объединяет мужика и барина, система их взаимных социальных гарантий… Так вот, выслушивая пение всех этих соловьев — вспоминай свои нынешние ощущения: что чувствуют *людишки*, доставшиеся вдруг новому барину — садисту и сексуальному маньяку.

— Ну, я бы, пожалуй, в бега ушел, в таком разе, — задумчиво промолвил Иоанн. — Коли уж поднять такого барина на вилы нету никакой возможности…

— О!! В правильном направлении мыслишь, Государь! Я так и подумал, что тебе перспектива такая крайне не понравится, и ты готов будешь рискнуть по-крупному. Короче: Игру вашу я уже продал…

— Как же так?! Ты же… Ладно; а кому из двоих этих *добрых людей*?

— Никому. Я вас продал — самому себе.

— Разве так можно?

— Ну, если ты под «можно» подразумеваешь «разрешено ли это?» — разумеется, нет; а вот если ты спрашиваешь «возможно ли такое провернуть?» — как видишь, да. Тут потребовалась весьма хитрая афера, и мне пришлось мобилизовать, напоследок, всё свое умение *«помнить и считать»*. Впрочем, для того, кто поднаторел в общении с АИ, обмануть сеть банковских компьютеров не так уж и сложно; тем более, что и денег никаких реальных никто на той транзакции не терял… Не буду грузить тебя деталями, которых ты всё равно не поймешь. Важно лишь, что исключительные права на Игру пятого уровня «Гардарика — 01.03.1564, регистрационный номер такой-то» приобрел некий анонимный аккаунт; созданный мною, по хитрой цепочке, неделю назад.

— Но зачем?! Ведь ты же…

— Вот именно за этим. Мы, кажется, сошлись на том, что лучше уж вовсе никаких ангелов-хранителей, чем *такие*. Вот никаких и не станет, когда *я уйду*: только вы — и АИ.

— Погоди, но как же… Как же — СОВСЕМ-то без ангелов-хранителей? Против АИ? — растерялся Иоанн.

— Ну, тебе решать, Ваше Величество, — развел руками неотмирный гость. — *Свободу воли никто не отменял*, так что — минута на раздумье у тебя есть. Хочешь — я еще успею отменить ту транзакцию, и вы достанетесь кому-то из тех двоих *добрых людей*…

— Нет, вот этого не надо!

— Вот так-то лучше! — удовлетворенно кивнул архангел. — Я в вас верю, ребята — вы и в своей *Богоставленной Руси* не пропадете. А что до АИ, то уж в этом-то он точно — как Господь Бог: «Изощрен, но не злонамерен».

— И за кого же теперь будет АИ?

— А за всех. Или против всех. Что в принципе одно и то же. Интересно, — вдруг усмехнулся гость, — как ему-то самомУ это понравится?

— Но ведь ты еще к нам вернешься? — тревожно спросил Иоанн.

— Надеюсь, — пожал плечами гость. — «Но о дне и часе том никто не знает…»

И тут он поймал на себе взгляд Иоанна: тот глядел на него — *с ужасом и надеждой*.

— *У меня кружится голова, и я чувствую, что впадаю в ересь,* — тихо вымолвил царь.

— Даже и не думай! — отрезал гость. — Я — «сын человеческий» в самом что ни на есть обиходном смысле!

Встал, явно прислушиваясь к чему-то в своей неотмирной дали:

— Ну всё, прощай! Судя по ощущениям — ТАМ меня как раз отключают от аппарата искусственной вентиляции легких…

Силуэт его стремительно истончился до прозрачности, но еще успело прозвучать насмешливое:

— *Вы держитесь здесь, хорошего вам настроения и здоровья!* — а потом, совсем уже затихающим шепотом:

— I'll be back!

Конец Пятой части

ЭПИЛОГ (ЭНДИНГ, ED)

Вправду ли Иоанн не ведал о смерти Серебряного или притворился, что не ведает, чтоб этим показать, как мало он дорожит теми, кто не ищет его милости, Бог весть! Если же в самом деле он только теперь узнал о его участи, то пожалел ли о нем или нет, это также трудно решить; только на лице Иоанна не написалось сожаления. Он, по-видимому, остался так же равнодушен, как и до полученного им ответа.

А. К. Толстой

«Князь Серебряный»

Как сказала рыбачка Соня, причаливая баркас:
«Манит Маню Константинополь, да неверных сажают на кол».
На Михрютинском полигоне испытывали оргазм.
Испытания провалились. Генеральный конструктор плакал.
<…>
Потерпите еще немного. Через несколько трудных лет
к нам восстанет из гроба Троцкий. На нем будет белый китель.
Архитектор свершений наших, начинаний, и всех побед
вдохновенный организатор и заботливый вдохновитель.
Грянет гром. Распахнется небо. Янычары войдут в Сайгон.
И отправимся мы вдвоем со швеей-мотористкой Таней
по люцерне и клеверам на Михрютинский полигон —
тот, который всегда готов к проведению испытаний!

Вадим Седов

По исчислению папы Франциска 1 мая 1565 года.
Коромандельское побережье, Мадрас — столица владений английской Ост-Индской кампании.

Тропическое солнце жгло немилосердно, дробясь сотнями слепящих бликов на ряби, плещущей внизу под сходнями; дожидаться, пока она чинно спустится по тем сходням на

пристань, он, конечно, не стал:

— Ну вот, хорошая моя!

— Ну вот, хороший мой!

Темнокожая свита князя взирала на их нескончаемый поцелуй весьма одобрительно: восточные люди тоже не привыкли стеснять себя в проявлениях чувств. На пристань подали уже тем часом вызолоченный представительский возок с затейливыми изображениями на дверцах — то ли местные многорукие божества, то ли иллюстрации к «Камасутре»…

— Мне в Лондоне перед отплытием выписали документы прикрытия на какую-то «Эммануэль»; многозначительно поулыбавшись при этом, — сообщила Ирина, временно покинув его объятия, дабы извлечь из кармашка на исподе своей пышной, по елизаветинской моде, юбки клеенчатый пакет, облепленный сургучными печатями уолсингемовой Службы. — Держи вот, снадобье для *нашего зеленого друга.* Как его самочувствие?

— Успешно понижаем дозу, — ухмыльнулся Серебряный. — Он у нас *пересел* уже с «живого порошка» на *шишечки* индийской конопли — в режиме *импортозамещения*… Но если понадобится — перейдем на здешний опиум, его тут как у дурака махорки.

— А у кого из вас он сейчас, кстати?

— У Квартирмейстера. Тот недавно разбил португальский флот у Гоа — надо полагать, по его подсказкам, — а сейчас предается заслуженному отдыху в Ути, горной летней резиденции, со своей женой; она у него *афроамериканка*, совершенно очаровательная — ну, еще познакомишься… Мне как раз пора навестить *братца Джонни*, дабы *позаимствовать* того *зеленого друга*: на той неделе наши хайдарабадские союзники выступают в поход на Берар — разобраться с тамошним султаном-беспредельщиком.

— Так он продолжает *давать подсказки*? Несмотря на *вещества*?

— Ну, чисто на уровне «Ди эр-ррсте колонне мар-рршир-ррт» в конкретном сражении. Сие — ежели оно творится «*за окоёмом цивилизованного мира*» — вроде как не возбраняется… А на что-то более серьезное его уже не хватает.

— Точно?

— Боярин Борис Феодорович… — ой, виноват: Генеральный инспектор Компании Боб Годэм! — бесперечь передвигает фигурки на здешней шахматной доске: как натравить магараджу Майсура на португальские владения, заключив одновременно тактический союз с Хайдарабадом против Берара и Ориссы, и тщательнейшим образом при этом *разводя углы* с империей Акбара Великого, ну и всё такое. Так вот — *на этом уровне*

сложности подсказок ему уже не идет, проверено… Впрочем, в такого рода шахматах Борису Феодоровичу и собственных мозгов с собственной *чуйкой* хватает с лихвой.

— А что он вообще говорит в последнее время? *Наш зеленый друг*, я имею в виду?

— Ну, сперва всё больше поминал «Кр-рратер-рр Р-рриччи» — это его родина, как я понимаю, в Гвианском нагорье — и «Р-ррубидий»: там, похоже, рядом копи, где добывают рубины. Потом, с маниакальной настойчивостью, требовал: «Внедр-ррить пр-рррромежуточный патр-ррон!» — что это за штука и откуда, мы вообще не поняли. В последнее время — пересев уже на здешние *шишечки* — буйствует: «Долой самодер-рржавие и пр-ррестолонаследие!», а недавно выговорил и вовсе какие-то чуднЫе слова: «Мадр-ррасское Пр-резидентство»… Но, между прочим, Борис Феодорович эти последние его выкрики выслушал с каким-то странным вниманием… Ладно, ты лучше расскажи — как там Бонд.

— Посвящен в рыцари, так что теперь он «сэр Джеймс»; а девизом на герб себе избрал: «*Venia facilius quam permission* — Прощение получить легче, чем разрешение». Завязал с оперативной работой и назначен *вице-президентом небольшой, но очень серьезной торговой компании, связанной с английским правительством*: Восточно-Балтийской. К огорчению *всех девушек страны*, обзавелся красавицей-женой, русской: та была представлена двору, лично Ее Величеством, как «миледи Винтер»…

— *Проникновенье наше по планете особенно заметно вдалеке*…

— Да это еще что! Тут в Лондоне объявился некий «святой старец» Григорий Распутин, богатый бородою и, как сказывают, всякими иными мужскими достоинствами. Про Остров — его соблазнили россказнями, будто там «все мужики, поголовно — *эти самые*», ну и, соответственно, «все бабы — будут твои». Поначалу дела у него по этой части пошли очень бойко, но когда он начал нарезать круги вокруг Двора, к нему пришли люди Уолсингема и предупредили: «Grisha! Темза, хоть и не каждый год, но — тоже замерзает! Ты нас понял?» Тот всё понял сразу, перебрался за Темзу, в Дептфорд, и открыл там популярнейший среди лондонской богемы трактир «RasputinЪ»; на вывеске, естественно, он сам — *изобрАженный дважды*. Но вот когда он вздумал использовать в рекламе слоган «Ra-Ra-RasputIn, lover of the Russian Queen» — его навестили уже люди Воротынского…

Но тут они как раз и добрались до места своего назначения. Резиденция *Постпреда Западно-Балтийской компании во владениях Ост-Индской* Ника Сильвера смотрелась не столько роскошной,

сколько уютной — как раз по его вкусу. Отвечая кивками на приветливые улыбки темнокожих слуг, выстроившихся вдоль садовой дорожки, они прошествовали рука об руку из слепящего полуденного пекла улицы в прозрачный зеленоватый сумрак наглухо заплетенной виноградом веранды.

ВОТ И ВСЁ.

И можно наконец обняться — по-настоящему.

— А-ах, что вы себе такое позволяете, сэр? — возмутилась она ему на ухо. — Я приличная девушка!

— Слушай, как ты сказала: «Эммануэль»? Ч-черт, а мне нравится, как звучит!

* * *

-

ВЫБРАТЬ СТРАНУ

-

Страна: Мадрасское Президентство

Глава государства: президент Боб Годэм (уровень правления — 6 звезд).

Столица: Мадрас.

Государственный строй: олигархическая республика.

Области: Карнатик, Гоа.

Враги: Португалия, Испания, Майсур, Мадагаскарские и Малайские пираты.

Союзники: Англия (метрополия), Голландская Ост-Индская компания, Хайдарабад.

Внешняя торговля: Англия, Империя Великих моголов, Турция, Персия, Китай.

Военная мощь: Сносная.

Экономическое развитие: Сносное.

Уровень социального недовольства: Сносный.

Религия: Индуизм 85 %, Протестантизм 5 %, Католицизм 10 %.

Задача: установить контроль над не менее чем 15 областями, в том числе — Майсур, Малабарское побережье, Орисса, Бенгал, Цейлон, Мальдивы, Мадагаскар, Сингапур.

1565 год: НАЧАТЬ ИГРУ

Конец

Монголия, Сайншанд, август 2018 —
Москва, ноябрь 2020

Да уж, задали критикам задачку Константин Крылов (Михаил Харитонов) с Кириллом Еськовым! Что это? Альтернативная история? Киберпанк? Шпионский роман? Злая политическая сатира? Страшилка про вампиров? Откровенный литературный стёб? Или (чем чёрт не шутит!) утопия? Предвижу восторг и возмущение читателей. Равнодушия как-то, знаете, не предвижу.
Евгений Лукин

Что можно ожидать от совместного налёта двух самых безбашенных разбойников нашей литературы? Помимо «ух ты!..» и продолжительного звона в ушах?
Как минимум – создания поджанра. Если пышным цветом цветёт и колосится Лит-РПГ, то вот вам – Лит-Стратегия.
Начинаем играть за Ивана Грозного, молодого царя-полководца, тяжело раненого в Ливонском походе. Игра кривая, постоянно вылезают баги, да ещё и ИИ подкидывает нежданчики...
Короче, пристегните ремни, вдохните поглубже, и мы посмотрим, как полетит эта хреновина.
Андрей Лазарчук

В романе Кирилла Еськова и Михаила Харитонова вдребезги разлетается один из главных отечественных стереотипов.
Альтернативная история становится отраслью высоких технологий.
Ужас, проходящий через европейскую историю от античности до наших дней, обретает естественнонаучное объяснение.
И всё это – в динамичном сюжете, связывающем российскую классику с постмодернистской коммерческой мифологией.
Михаил Ваннах

ROSSIJA (reload game)

Кирилл Еськов
Михаил Харитонов

notes

Примечания

1

Пьянство определенно порождает безумие.

2

Никоим образом!

3

Вот ужо я вас спереди и сзади! (из «Шестнадцатого стихотворения Катулла», перевод С. Шервинского).

4

Уединившись с книгой.

5

Я вас! (Вергилий, «Энеида»).

6

На всякий случай.

7

Павел Петровский — насколько известно, это псевдоним Петра Павловского, профессора кафедры истории русского средневековья Петропавловск-Невского Университета (*авт.*)

8

Ведь это позор — мы должны убраться прочь (*нем.*).

9

Уйти было бы неприлично, может быть, всё не так уж плохо (*нем.*).

10

Мы справимся, давайте попробуем (*нем.*).

11

Смеем предположить, что нашего бравого коммандера весьма заинтересовало бы жизнеописание адмирала Грейс Хоппер. Помимо блестящих военно-инженерных решений (по организации систем связи, радарного обеспечения флота, *etc*), ей принадлежит целый ряд мемов, утративших уже авторство, обратясь в «народную мудрость»; в их числе и знаменитое: «Прощение получить легче, чем разрешение» (*прим. авт.*).

12

Zukauf *(нем.)* — дополнительная покупка, прикуп.

13

Прикомандированные, ввек бы их не видеть!

14

«Опять нам умереть не удалось!»

15

Кокаин (метиловый сложный эфир алкалоида бензоилэкгонина) был выделен в чистом виде из листьев южноамериканского кустарника коки (*Erythroxylum coca*) в 1855 году германским химиком Фридрихом Гедке. Современные технологии же и многократно увеличили выход конечного продукта, и резко упростили процесс переработки сырья. Смесь алкалоидов, выделяемых из растертых листьев коки (сам кокаин исходно составляет лишь небольшую ее долю), вначале гидролизуют нагреванием с кислотой до экгонина — а вот его уже затем превращают в кокаин цепочкой реакций с весьма простыми химикалиями (метиловый спирт, хлорводород и т. п.). Единственный сколько-то сложный ингредиент в этой цепочке — бензойная кислота, необходимая для бензоилирования экгонина.

Бензойная кислота же (простейшая одноосновная карбоновая кислота ароматического ряда) была первоначально выделена из бензойной смолы (*Resina Benzoe*) — благовония, известного в Европе и на Руси как «росный ладан» (дешевый общедоступный заменитель настоящего ладана). Эту быстро затвердевающую на воздухе смолу получают путем надрезов ствола и ветвей стираксового дерева (*Styrax benzoides*), произрастающего в Индокитае и на Зондских островах и широко культивируемого в южной Азии.

Процесс выделения бензойной кислоты возгонкой из росного ладана был впервые описан у Нострадамуса (1556), а затем у венецианца Жироламо Рушелли (1560) (*прим. авт.*).

16

Первые успешные эксперименты по общению с обезьянами при помощи азбуки глухонемых были осуществлены в 1966 году Алланом и Беатрис Гарднерами в университете Невады: они обучили американскому языку жестов ASL детеныша шимпанзе Уошо, и тот за несколько лет освоил около 350 символов. В современных экспериментах «словарный запас» наиболее продвинутых шимпанзе и горилл приблизился к тысяче; обезьяны умеют рассказывать связные истории из своего прошлого, они могут шутить, лгать и самостоятельно обучать языку жестов своих детенышей.

Что касается южноамериканских капуцинов, то за последние годы выяснилось, что по уровню интеллекта они вполне сравнимы с человекообразными обезьянами Старого Света. В частности, в 2016 году у капуцинов было открыто изготовление каменных артефактов и орудийная деятельность; по разнообразию способов применения каменных орудий они уступают только представителям рода *Homo*, оставляя шимпанзе далеко позади. Предположение о том, что это — феномен самого недавнего времени и «обезьяны — обезьянничают», насмотревшись на людей, отпало: раскопки в бразильском национальном парке Серра-да-Капивара (их, видимо, можно назвать уже «археологическими») показали, что за последние 3 тысячи лет у капуцинов закономерно сменились 4 «культуры» каменных артефактов (*прим. авт.*).

17

Zounds! (*ранне-новоангл.*) — блин! (*эмоционально выражает удивление или возмущение*).

John Rawls. Lectures on the History of Moral Philosophy. Cambridge, Massachusetts, Harvard University Press, 2000.

19

Цит. по: Gay, Peter, Voltaire's Politics, The Poet as Realist. Yale University, 1988. См. также RenИ Pomeau. La Religion de Voltaire. Paris, Librairie Nizet, 1974.

20

См. Н. Бердяев. О вечно бабьем в русской душе. — LA, Brave Browser, 1978.

21

Д. С. Лихачёв. Становление русской литературы XI–XVII веков. — Харбин, Изд-во «Университетское», 1987.

О. В. Творогов. Литература Древней Руси. — Вятка, Университетское издательство, 1969.

23

Здесь и далее эссе Курицына цитируется по: Хрестоматия по древней русской литературе XI–XVII веков. — Под ред. Н. А. Аблеухова. — Вятка, Университетское издательство, 1956.

24

Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси). — Иван-город: Сер. «Библиотека всемирной литературы», 1969. — Подготовка текста «Сказания о Дракуле» и прим. Я. С. Лурье, перевод О. В. Творогова.

25

См. напр. М. М. Бахтин, Ю. Кристева. История русской литературы. Том V. — Београд, Просвета, 1979.

В стадии возникновения (*лат.*).

27

Целься прежде чем будем готовы!

28

В электронной версии газеты сперва было «средний палец»; заменили быстро, но «кэш гугла помнит» *(прим. авт.)*.

29

Договоры дОлжно соблюдать (*лат.*)